

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855408 0

54'

*QCA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

СЕНТЯБРЬ.

№ 9.

1847.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Проза: 1) Двѣ Дианы. Романъ **АЛЕКСАНДРА ДЮМА**. Часть шестая. Стр. 1. — 2) Дѣмби и Сынъ. Романъ **ЧАРЛЗА ДИККЕНСА** Переводъ съ англійскаго **А. И. БУТАКОВА**. Части первая и вторая. Стр. 61. — 3) Кредиторы, Любовь и Заглавіе. Очерки петербургской жизни **Я. П. БУТКОВА**. Стр. 209.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА. 1) Сонъ и магнитизмъ. Статья первая. Стр. 1. — 2) Антонио Пересъ и Филиппъ II. Соч. Миньѣ. Статья первая. (Дворъ Филиппа II. — Рюи Гомесъ, принцъ д'Эболи, герцога Альба и Антонио Пересъ. — Смуты въ Нидерландахъ съ начала царствования Филиппа II; правленіе герцогаи пармской, герцога Альбы и великаго командора Рекесенса. — Довъ-Хуанъ Австрійскій правителемъ Нидерландовъ; его выдъ на Англію; переговоры съ Фландріей; его переписка съ Филиппомъ II и Антонио Пересомъ. — Эсковедо въ Мадридѣ. — Показаніе Переса на дона-Хуана Австрійскаго и на секретаря его, Эсковедо. — Изслѣдованіе этихъ показавій. — Истинныя причины смерти Эсковедо. — Участіе короля въ этомъ убіеніи. — Безпокойство Переса. — Удаленіе убійцъ отъ преслѣдованія полиціи). Стр. 41.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ. 1) Обзорніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за июль 1847 года. Стр. 1. — 2) Событія въ отечествѣ за тотъ же мѣсяцъ. Стр. 6.

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗІЙСТВО и ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ. Взглядъ на современное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. Статьи пятая и шестая. (Сѣверо-восточная полоса Россіи: губерніи Архангельская и Вологодская; части губерній Пермской, Вятской, Костромской и Ярославской. — Сѣвооборотъ и луговодство для сѣверо-восточной полосы Россіи). **ВАРОНА О. УНГЕРНЪ-ШТЕРНВЕРГА**. Стр. 1.

V. КРИТИКА. 1) Римскіе Папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе **Леополда Ранке**. Стр. 1. — 2) Сочиненіе Фонъ-Визина. (Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторвъ). Изданіе Александра Смирдина. Статья вторая и послѣдняя. Стр. 23.

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. Русскія книги, вышедшія въ августъ 1847 года: **Октавы, Е. Вердеревскаго**. — Москва, П. В. Ш. — Исторія Бѣдныхъ Родственниковъ: Кузина-Лиза, соч. **Бальзака**. — Гекторъ Фіерамоска, **Массимо д'Азелио**. — Полина, **Жоржа Занда**. — Повѣсти Англійскихъ Писателей, пер. **Горкавенко**. — Королевскіе Фарфароны, **Поля Февалля**. — Расинъ, драма-біографія. — Шансальбургъ, **А. Т.** — Бесѣда на пути моремъ изъ С. Петербурга въ Штетинъ, **А. Б.** — Римскіе Папы, **Л. Ранке**. — Исковская Сузлая Грамата. — Творенія Святыхъ Отцовъ, годъ пятый, кн. 2-я. — Слова на разные дни и случаи, арх. **Феофиста**. — Опытъ о народномъ богатствѣ или о началлахъ политической экономіи, **А. Бутовскаго**. — Изслѣдованіе о греческомъ огнѣ, **Л. Лаланна**, перев. г. **Силыча**. — Британская Имперія въ Индіи, гр. **Бюрништерны**. — Лѣзвѣя Промышленности. — Изслѣдованіе о состояніи льняной промышленности въ Россіи. — Руководство къ устройству турбины Фурнейрона, **Доброуравова**. — Объ учрежденіи Комитета Шелководства. — Частная Фармакологія, **Зобернѣйма**, ч. 1. — Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, **М. Максимовича**, изд. 4-е. — Православное Волжское Кладбище. — Латинскій Самоучитель, **Н. Греча**. — Латинская Грамматика, **Бредера**, изд. 2-е. — Сводъ Россійско-Латинско-Французскаго Словаря, **П. Федорова**, ч. II. — Басни, переложенныя въ прозу, **М. Гутта**. — Присовокупленіе къ Руководству для синтаксич. упражненій, **М. Гутта**. — Краткая Исторія Среднихъ Вѣковъ, **А. Анкиева**. — Теоретическая и Практическая Грамматика Нѣмецкаго Языка, **Ф. Эльснера**. — Новый Карманный Словарь Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго Языковъ, **К. Рейфа**, ч. III. — Новѣйшая Нѣмецкая Азбука, сост. **В. Г...** — Новый Русскій Букварь для Дѣтей. — Самоучительная Россійская Азбука, 4-е изд. — Панъ Бердыховскій, **П. Татарникова**. — Таинственный Незнакомецъ. Разсказъ **П. Татарникова**. — Живнъ Чужой Невѣсты, шутка-водевиль, **П. Татарникова**. — Нѣтъ болѣе несчастія отъ любви. Стр. 1.

VII. СМѢСЬ. 1) Страствованія Португальца **Фернанда Мендеса Пинто**, описанныя имъ-самимъ и изданныя въ 1614-мъ году. Переводъ съ стариннаго португальскаго языка **А. И. БУТАКОВА**. (Окончаніе). Стр. 1.

2) Разсказы о сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Статья четвертая. (Городъ Томскъ.

— Мѣха. — Чай. — Палы. — Ачинскъ. — Миусинскъ. — Каратугъ. — Инородцы. — Народы татарскіе. — Преданіе о Якутахъ. — Самоѣды. — Остяки. — Калмыки и ихъ бытъ. — Дзюногорскіе дводеацны. — Монголы. — Буряты и ихъ бытъ. — Тувгусы. — Князь Гантимуръ. — Бытъ бродячихъ Тунгусовъ. — Алтайскіе каменьщики. — Шаманъ. — Покореніе инородцевъ, ихъ раздѣленіе и нравъ. — Распространеніе христіанства. — Чудскіе города. — Развалины. — Надписи. — Копи. — Курганы. — Пещеры. — Минеральныя воды). П. Н. Стр. 24.

iii) Парачельскъ. *Статья вторая и послѣдняя*. Стр. 41.

iv) Внутреннія Извѣстія. Отчетъ Почтоваго Управленія. — Еще образчикъ *собственныхъ идей* (воззваніе г. Павлова къ почтеннымъ мануфактуристамъ). — Отчетъ Челоубколюбиваго Общества. — Полугодовой отчетъ Общества Посвященія Бѣдныхъ. — Дѣтскій Пчелегъ. — Дѣтскій Приютъ въ Костромѣ. — «Смертность отъ неосторожности» въ 1846 году. — Продолженіе Парасковельской желѣзной дороги. — Новый корабль. — Гонка судовъ Яхт-Клуба. — Астрономическое открытіе въ Москвѣ. — Новый журналъ: «Чтеніе для Солдатъ». — Г-жа Плесси въ Петербургѣ. Стр. 53.

v) Заграничныя Новости. Задачи и награды: Парижской Академіи Надписей и Словесности, Академіи Французской, Общества Поощренія Французской Национальной Промышленности, Мюльгаузенскаго Общества Промышленности (по части механики и торговли, естественной исторіи и земледѣлія). — Система сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Открытіе центральной желѣзной дороги во Франціи. — Доходы всѣхъ английскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Статистика американскихъ электрическихъ телеграфовъ. — Подводная желѣзная дорога между Англійей и Франціей. — Паровой молотъ. — Экспедицiонная мельница. — Стѣлографія. — Новости парижскихъ театровъ: «Шарлота Кордэ», «Кавалеръ де-Мезонъ-Ружъ», «Послѣдняя Любовь», «Кто спитъ, тотъ ѣбдаетъ», «Обѣтъ Дѣвухи», «Чтобъ выйти въ люди...», и пр. — Литературныя Новости: французскія и англійскія сочиненія по предметамъ исторіи, философіи, политики, полит. экономіи, естествознанія и искусства; новые французскіе романы. — Процессы парижской исправительной полиціи: *chapeau-duchesse*; поѣздка въ Гавръ. — Марсельскій водопроездъ. — Машина, дѣйствующая силою взрыва хлопчатобумажнаго пороха. — Ударные приборы для экипажей желѣзныхъ дорогъ. — Препращеніе морской воды въ прѣсную посредствомъ электричества. — Открытіе мавны въ Сахарской Пустынѣ. — Неизвѣстное сочиненіе Тита-Ливія. — Новое питье Шо-ко. — Желѣзная дорога вокругъ Парижа. — Переписка графа Кѣнигсмарка съ принцессою Цельскою. — Сынъ Абеларда и Элоизы. — Приказъ Наполеона о любви. — Хитрость Франклина. — Изреченіе папы Пія IX. — Новый Кюбьеръ. — Несчастіе на пароходѣ *Le Comte d'Eu*. — Дѣвушка-мужчина. — Продажа шекспировъ дома. — Гибель нѣмецкаго музыканта. — Некрологическія извѣстія: Карлъ Эдуардъ Руанѣ, адмиралъ сэръ Робертъ Стопфордъ, директоръ газеты *The Times* сэръ Джоржъ Уальтеръ. Стр. 74.

vi) Моды (съ *парижскою картинкою моды*).

Вся желающіе помѣщать статьи свои въ «Отечественныхъ Запискахъ» благоволятъ доставлять ихъ въ Контору этого журнала, адресуя на имя редактора, *Андрея Александровича Краевскаго*. Статьи, принятія редакторомъ, напечатаны при первой возможности; тѣ же, которыя сочтены будутъ все-неудобными къ напечатанію, возвратятся отъ него, безъ всякихъ объясненій, въ Контору, гдѣ доставившіе могутъ обратно получить ихъ; но ни въ какомъ случаѣ, ни самыя статьи, ни объясненія о причинѣ ненапечатанія ихъ не будутъ пересылаемы по почтѣ изъ Редакціи. *Стихотворенія, признанныя неудобными къ напечатанію, возвращаемы не будутъ.*

Каждая книжка «Отечественныхъ Записокъ» 1847 года доставляется изъ Конторы Редакціи въ Газетную Экспедицію *въ конвертѣ, заклеенномъ на-глухо* со всѣхъ сторонъ и обклеенномъ бандеродемъ, къ которому прикадывается печать Санктпетербургскаго Почтамта; сверхъ-того, на всякомъ пакетѣ Контора Редакціи выставляетъ печатнымъ штемпелемъ то число *мѣсяца*, когда книжка слана отъ нея въ Газетную Экспедицію. Въ этомъ видѣ всѣ гг. подписанные подписчики должны получать адресованныя на имя ихъ книжки «Отеч. Записокъ» изъ почтовыхъ конторъ, которыя, съ своей стороны, для удостовѣренія, возвращаютъ въ Газетную Экспедицію посланныя имъ при тѣхъ карты, съ росписками получателей каждой книжки журнала.

Все это Редакція считаетъ нужнымъ сообщить публикѣ для того, чтобъ, въ случаѣ неисправнаго полученія «Отеч. Записокъ», — т. е. если на полученномъ пакетѣ не будетъ печати Газетной Экспедиціи и штемпеля Конторы журнала, равномерно если бандероли или пакеты будутъ изорваны; если, наконецъ, самая книжка будетъ разрѣзана, изорвана, продержана лишнее время, или и совсѣмъ не доставлена, — о всѣхъ такихъ неисправностяхъ гг. подписавшіеся благоволятъ немедленно увѣдомлять редакцію. Справедливыя жалобы ихъ будутъ тотчасъ же доводимы до свѣдѣнія почтоваго начальства, и неисправность возвратится въ искорѣпленномъ времени.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

*QCA

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ПОДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.*

Gersonius.

ТОМЪ LIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—
1847.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

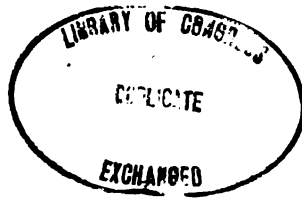
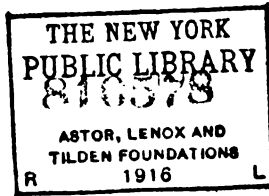
ТОМЪ LIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—
1847.

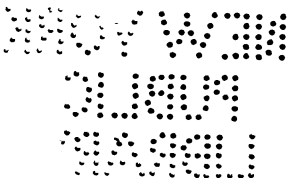

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
уваженное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. 31-го августа 1847 года.

Цензоры: А. Крыловъ и А. Мехлинъ.

Домби и сынъ
подъ редакциею

ДОМБИ И СЫНЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЗА ДИККЕНСА.

Переводъ съ англійскаго (*).

=

ГЛАВА I.

ДОМБИ И СЫНЪ.

Домби сидѣлъ въ углу завѣшенной спальни, въ большихъ креслахъ вѣдѣ кровати, а сынъ лежалъ на крошечной постелькѣ, устроенной на низкой кушеткѣ, прямо противъ огня камина и близехонько къ нему. Домби было сорокъ-восемь лѣтъ, а сыну около сорока-восьми минутъ. Домби былъ нѣсколько-лысъ, красноватъ, и хотя хорошо сложенъ, но обладалъ такою холодною, серьезною и важно наружною, что не могъ нравиться. Сынъ былъ совершенно-лысъ, совершенно-красенъ и хотя безспорно всякій могъ назвать его прекраснымъ младенцемъ, но онъ казался вообще слабымъ и ненадежнымъ. На лицѣ Домби время и заботы оставили замѣтные слѣды; лицо сына было исчерчено тысячею маленькихъ морщинокъ, которыя то же обманчивое время должно было разгладить

(*) Три мѣсяца назадъ, при обзорѣиш новостей англійской литературы, мы объявили (О. З. 1847, томъ LII, июнь, Отд. VII, стр. 18), что новый романъ Чарлза Диккенса «Домби и Сынъ» переводится нами и скоро появится въ «Отечественныхъ Запискахъ». Приступая теперь къ печатанію новаго произведенія знаменитаго романиста, не лишимъ считаемъ прибавить, что Диккенсъ надаетъ этотъ романъ тетрадами, выходящими въ свѣтъ съ конца прошлаго года въ неопредѣленное время. Общано 20 тетрадей; теперь вышло и переведено у насъ 10. Мы приняли мѣры, чтобы каждая тетрадь доставлена была намъ тотчасъ по выходѣ ея въ Лондонѣ, и каждая изъ нихъ, немедленно по полученіи ея въ Петербургѣ, будетъ являться и въ нашемъ журналѣ.

Ред.

плоскою стороною своей косы, какъ-будто подготавливая поверхность къ новымъ и болѣе-глубокимъ бороздамъ.

Дѣмби, восхищенный исполненіемъ своего давнишняго желанія, игралъ тяжелою часовою цепочкой, висѣвшею изъ-подъ его синяго фрака, котораго металлическія пуговицы блестяли отраженіемъ отдаленнаго огня камня. Сынъ, скорчивъ мнѣнтяюрные кулачки, какъ-будто грозилъ ими существованію за то, что оно такъ неожиданно его постигло.

— Домъ нашъ будетъ снова не только на словахъ, но и на дѣлѣ домоу Дѣмби и Сына, сказалъ мистеръ Дѣмби. — Дѣм...би и Сынъ!

Мысль эта была такъ утѣшительна, что онъ даже прибавилъ, хотя не безъ нѣкотораго промедленія, какъ человѣкъ не очень-привычный выражаться съ нѣжностью: — Дѣ, мистриссъ Дѣмби, моя... моя милая.

Легкій румянецъ удивленія промелькнулъ на лицѣ больной жены, которой взоры обратились на него.

— Мы окрестимъ его Полеуъ, моя... мистриссъ Дѣмби, разумѣется.

— Разумѣется, отозвалась она и снова закрыла глаза.

— Это имя его отца и дѣда, мистриссъ Дѣмби. Я бы желалъ, чтобъ дѣдъ его былъ теперь живъ! — И потомъ онъ присовокупилъ точь-въ-точь такимъ же голосомъ, какъ и прежде:—Дѣм...би и Сынъ!

Эти три слова могутъ дать понятіе о жизни мистера Дѣмби. Земля была создана только для того, чтобъ было гдѣ торговать фирму Дѣмби и Сына; солнце и луна — чтобъ свѣтить имъ; рѣки и моря — чтобъ по нимъ плавали ихъ корабли; радуги обещали имъ хорошую погоду; вѣтры дули исключительно или въ пользу ихъ предпріятій, или противъ нихъ; звѣзды и планеты вращались въ своихъ орбитахъ не иначе, какъ для сохраненія системы міра, которой центромъ были Дѣмби и Сынъ.

Мистеръ Дѣмби выросъ на жизненномъ пути такъ же, какъ отецъ его, изъ сына въ Дѣмби, и въ-продолженіе почти двадцати лѣтъ былъ единственнымъ представителемъ фирмы этого стариннаго торговаго дома. Онъ былъ женатъ десять лѣтъ на дѣвушкѣ, которой счастье заключалось въ прошедшемъ, которой сердце было уже разбито и растерзано, которой было все равно; за кого бы ее ни выдали. Дѣмби и Сынъ часто торговали кожами, но о сердцахъ не заботились нисколько, предоставляя этотъ фантастическій товаръ мальчикамъ и дѣвочкамъ, пансіонамъ и романамъ.

Мистеръ Дѣмби рассуждалъ, что супружескій союзъ съ мильдо-долженъ, по порядку вещей, быть почетнымъ и счастливымъ для всякой женщины, снабженной хоть тѣнью здраваго разсудка; что надежда прозвести на свѣтъ новаго партнера такому торговому дому должна удовлетворить честолюбіе наименѣе-честолюбивой изъ всего женскаго пола; что мистриссъ Дѣмби вступила въ бракъ,

доставившей ей богатство и завидное положеніе въ свѣтъ; что она ежедневно убѣждалась болѣе-и-болѣе въ важности этихъ преимуществъ; что мистриссъ Домби сидѣла въ головѣ его стола и принимала гостей со всею должнымъ приличіемъ; что, наконецъ, мистриссъ Домби должна была быть счастливою, волею или неволею.

Онъ допускалъ только одно препятствіе къ ея полному благополучію: они были женаты цѣлыхъ десять лѣтъ, и до сего дня, когда онъ поигрывалъ тяжеломъ золотою цѣпочкой своихъ часовъ, сидя въ большихъ креслахъ подлѣ ея кровати, у нихъ не было шума...

То-есть, такого потомства, о которомъ бы стоило говорить. Правда, лѣтъ шесть тому назадъ родилась у нихъ дочь, которая теперь робко и украдкою сидѣла въ углу, чтобъ взглянуть на бодьную мать; но что значить дочь для Домби и Сына! Въ капиталъ достоянства фирмы Домби и Сына, дочь могла быть только медкою монетой, негодною для торговыхъ оборотовъ, — ничѣмъ больше.

Чаша благополучія мистера Домби была теперь такъ полна, что онъ рѣшился даже пожертвовать каплями двумя въ пользу дочери.

— Флоренса, сказалъ онъ ей: — ты можешь подойти и взглянуть на своего маленькаго братца, если хочешь. Только не дотрагивайся до него!

Дѣвочка пристально посмотрѣла на синій фракъ и туго-накраш-маленный бѣлый галстухъ, которые, вмѣстѣ съ скрипучими сапогами и громко-чикавшими часами, олицетворяли у нея всю идѣю объ отцѣ; но взоры ея тотчасъ же обратились къ больной матери; и она не шевельнулась, не отвѣчала ни слова.

Черезъ нѣсколько секундъ мистриссъ Домби открыла глаза и увидѣла дочь, которая бросилась къ ней въ то же мгновеніе и, обдѣившись на цѣпочки, чтобъ лучше скрыть лицо свое въ ея объятіяхъ, прильнула къ ней съ отчаянною нѣжностью, несомнѣнною лѣтамъ ея.

— О, Воже мой! воскликнулъ мистеръ Домби, поднимаясь съ недовольнымъ видомъ. — Какое неблагоприятное и лихорадочное движеніе! Я пойду попрошу сюда доктора Пепса. Пойду внизъ. Считаю лишнимъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на кушетку передъ каминомъ: — напомнить вамъ, чтобъ вы особенно берегли этого молодого джентльмена, мистриссъ...

— Блокиттъ, сэръ? робко подсказала нянька, которая не осмѣливалась высказать свое имя какъ фактъ, но обнаружила его только въ видѣ скромнаго предположенія.

— Этого молодого джентльмена, мистриссъ Блокиттъ.

— Конечно, сударь, нѣтъ. Я помню, когда родилась миссъ Флоренса...

— Да, да, да, прервалъ мистеръ Домби, наклонясь надъ своимъ наследникомъ и слегка сдвинувъ брови. — Миссъ Флоренса была совершенно-здоровая, но тутъ другое дѣло: этому молодому

джентльмену предстоит исполнить особенное предназначение судьбы, совершенно особенное! — При этих словах, онъ взялъ рученку младенца и приложилъ ее къ своимъ губамъ; но потомъ, какъ-будто боясь, что этимъ дѣйствиємъ нѣсколько унижилъ свое величiе, онъ выпрямился и вышелъ довольно-неловко изъ комнаты.

Докторъ Паркеръ Пенсъ, одинъ изъ придворныхъ медиковъ, пользовавшійся величайшею знаменитостью за искусное содѣйствiе размноженiю знатныхъ семействъ, прохаживался вздъ и впередъ по гостиной, закинувъ руки за спину. Домашнiй докторъ смотрѣлъ на него съ благоговѣнiемъ.

— Что, сударь? спросилъ докторъ Паркеръ Пенсъ голосомъ, котораго природная звонкость, подобно дверной скобѣ, была какъ-будто обвернута чѣмъ-то по случаю слабости родильницы:—какова наша больная? Встревожилъ ее вашъ приходъ?

— То-есть, взволновалъ ее? отозвался домашнiй медикъ робко, кланяясь въ то же время своему величавому собрату, какъ-будто желая выразить: «извините, что я при васъ осмѣливаюсь говорить; но это такiе пациенты, какихъ немного».

Мистеръ Дѳмби совершенно сконфузился отъ этого вопроса. Онъ такъ мало думалъ о больной, что былъ рѣшительно не въ состоянiи отвѣчать, и сказалъ, что сочтетъ себя весьма-довольнымъ, если докторъ Паркеръ Пенсъ потрудится подняться опять на верхъ.

— Хорошо! Мы не должны скрывать отъ васъ, сударь, отвѣчалъ докторъ Паркеръ Пенсъ: — что у ея милости герцогини... извините, я смѣшиваю имена, я хотѣлъ сказать: у вашей любезной супруги—большой недостатокъ въ физическихъ силахъ. У нея нѣкоторый родъ томленiя, общее отсутствiе эластичности... чего бы мы... не желали...

— Видѣть, дополнилъ домашнiй врачъ съ новымъ благоговѣннымъ наклоненiемъ головы.

— Совершенно такъ; чего бы мы не желали видѣть. Кажется, комплекция лэди Канкѣби... извините, я хотѣлъ сказать: мистриссъ Дѳмби—я все перемѣшиваю имена моихъ пациентокъ...

— Не мудрено, ихъ такъ много! пробормоталъ домашнiй врачъ: — практика знаменитаго доктора Паркера Пенса въ арестованныхъ домахъ...

— Благодарствуйте: совершенно такъ. Кажется, сколько я могъ замѣтить, вся система нашей больной получила толчокъ, отъ котораго она можетъ поправиться только большимъ и напряженнымъ усилiемъ. Докторъ Пилькинсъ, прекрасно знающiй свое дѣло (домашнiй врачъ поклонился съ восторгомъ), полагаетъ, такъ же, какъ и я, что въ теперешнемъ случаѣ надобно заставить природу сдѣлать напряженное усилiе... и если наша интересная графиня Дѳмби—извините! то-есть, мистриссъ Дѳмби... не будетъ...

— Въ состоянiи... подсказалъ домашнiй врачъ.

— Перенести это усліе, продолжалъ докторъ Паркеръ Пенсъ: — то можетъ произойти кризисъ, который будетъ намъ обомнѣ весьма-горестенъ.

Оба медика посмотрѣли при этихъ словахъ въ землю и потомъ, черезъ нѣсколько секундъ, пошли наверхъ. Домашній врачъ открывалъ двери аристократическому акушеру и провожалъ его съ самою благоговѣйною почтительностью.

Несправедливо было бы сказать, чтобъ мистеръ Домби оставался совершенно равнодушнѣмъ при этомъ извѣстїи. Онъ, конечно, былъ не такой человекъ, котораго бы что-нибудь могло поразить или огорчить до крайности; но онъ чувствовалъ, что ему было бы очень жаль, еслибъ жена его умерла: онъ ощущалъ бы эту потерю, какъ потерю какой-нибудь части мебели или столоваго серебра, или вообще вещи, которую стоить имѣть и которой нельзя лишиться безъ искренняго сожалѣнія. Разумѣется, сожалѣніе это было бы холодное, дѣловое, безъ порывовъ, — словомъ, джентльменское.

Размышленія его объ этомъ предметъ были вскорѣ прерваны сначала шорохомъ платья на лѣстницѣ, а потомъ появленїемъ съ разлета дамы уже больше, чѣмъ среднихъ лѣтъ, но разодѣтой въ самый юношескій туалетъ и претуго зашнурованной. Она бросилась ему на шею, обвила обѣими руками и воскликнула съ выраженїемъ глубокаго, но съ трудомъ подавляемаго чувства:

— Милый Поль! Онъ совершенный Домби!

— Хорошо, хорошо! возразилъ братъ (мистеръ Домби былъ ей братъ): — *мнѣ* кажется, что въ немъ есть что-то фамиліальное. Успокойся, Луиза.

— О, я теперь сама совершенный ребенокъ! сказала Луиза, усаживаясь и вынимая носовой платокъ: — но онъ... онъ такой совершенный Домби! Я въ жизнь свою не видала ничего подобнаго!

— Но какова Фанни? Что дѣлаетъ Фанни?

— Милый Поль! О, это ничего, совершенно ничего, даю тебѣ слово. У нея, конечно, большая слабость, истощенїе, но это ничего въ сравненїи съ тѣмъ, что было со мною, когда родился мой Джорджъ или мой Фредрикъ. Нужно усліе — вотъ и все. О, еслибъ шилая Фанни была Домби! Но я увѣрена, что она сдѣлаетъ это усліе. Она *обязана* сдѣлать его. Милый Поль, тебѣ, конечно, смѣшно смотреть, какъ я дрожу съ головы до ногъ, но я такъ взволнована, что должна попросить рюмку вина и сухарикъ.

Раздался легкій стукъ въ двери.

— Мистриссъ Чиккъ, произнесъ за дверьми самый сладкій женскій голосъ: — какъ вы себя теперь чувствуете, мой милый другъ?

— Поль, сказала Луиза шопотомъ, вставая: — это миссъ Токсъ. Самое добрѣйшее созданїе! Безъ нея я ни за что не пошла бы сюда! Миссъ Токсъ, мой братъ, мистеръ Домби. Поль, мой другъ, моя искреннѣйшая прїятельница, миссъ Токсъ.

Представленная такимъ образомъ дама была длинная, тощая, вылинявшая, но до безконечности вѣжливая фигура. Отъ долгой привычки съ восторгомъ внимать всему говоримому въ ея присутствіи и глядеть на говорящихъ такъ, какъ-будто-бы она гравировала на душѣ своей ихъ образы, чтобъ не разставаться съ ними во всю жизнь, голова ея установилась въ наклонномъ на одну сторону положеніи. Руки ея приобрѣли спазмодическую привычку подниматься сами-собою отъ невольнаго удивленія, и глаза страдали тѣмъ же недугомъ. Голосъ былъ сладокъ и умиленъ до невѣроятности; а на носу, поразительно орлиномъ, была шишечка въ самомъ центрѣ переносья, отъ котораго носъ загибался внизъ, какъ-будто въ непреклонной рѣшимости не вздергиваться никогда ни на кого и ни отъ чего.

Нарядъ миссъ Токсъ, хотя хорошій и совершенно-приличный, носилъ на себѣ какой-то отпечатокъ угловатости и скудости. Она обыкновенно носила какіе-то странные, крошечные, плевелыстые цветочки на шляпкахъ и чепчикахъ; въ волосахъ ея появлялись иногда самыя удивительныя травы, а воротнички, манжеты, косыночки и кушаки — словомъ, всѣ части туалета, имѣвшія два кѣнца, которымъ предназначалось соединяться, — никогда не соединялись безъ особеннаго усилія, какъ-будто эти концы жили между собою не въ ладахъ. Зимнія принадлежности ея наряда, дя-примѣръ, муфты, боа, пелеринки, торчали всегда какъ-то странно и не имѣли никакой гибкости. У нея была страсть къ мелочкамъ, а въ полномъ парадномъ костюмѣ она носила на шеѣ самыя тощія бусы съ замочкомъ, изображавшимъ старый безжизненный, совершенно рыбій глазъ. Все это вмѣстѣ внушало мысль, что миссъ Токсъ, какъ говорится, дама ограниченной независимости.

— Позвольте увѣрить васъ, сказала она съ глубочайшимъ реверансомъ: — что честь быть представленною мистеру Дѳмби была отличіемъ, котораго я долго искала, но весьма-мало надѣялась въ теперешнюю минуту. Моя милая, мистриссъ Чиккъ, могу ли сказать: моя милая Луиза?

Мистриссъ Чиккъ взяла ее за руку, удержала слезу и сказала тихимъ голосомъ: «Богъ съ тобой!»

— Такъ, милая Луиза, сердечный другъ мой, какъ вы себя теперь чувствуете?

— Лучше. Выпейте рюмку вина. Вы были почти столько же расстроганы, какъ и я; вамъ это будетъ полезно.

Разумвется, мистеръ Дѳмби поспѣшилъ предложить ей рюмку вина.

— Миссъ Токсъ, Поль, продолжала мистриссъ Чиккъ, не выпуская руки своей подруги:—зная съ какимъ тревожнымъ волненіемъ я ожидала сегодняшняго событія, приготовила для Фанни маленькій подарокъ своей работы, который я обѣщала передать ей. Это не больше, какъ булавочная полуспичка для туалетнаго столика; но самое лучшее въ ней девизъ. Считаю обязанностью сказать, что во моему «привѣтъ маленькому Дѳмби», истинная поэзія.

— Это надпись подушечки? спросилъ братъ.

— Да.

Мистеръ Домби милостиво улыбнулся миссъ Токсъ но въ это время его зачѣмъ-то поспѣшно вызвали изъ комнаты, и дамы остались наединѣ. Миссъ Токсъ пришла немедленно въ судорожный восторгъ.

— Я знала, что вы будете въ восхищеніи отъ моего брата, милая миссъ Токсъ.

Руки и глаза миссъ Токсъ выразили вполне степень этого восхищенія.

— А богатство его, моя милая!..

— О!

— Не...объ...ятно!..

— Но манеры его, моя милая Луиза! Какое достоинство, какая важность! Настоящій герцогъ Йоркскій!

— Что съ тобою, милый Поль? Ты такъ блѣденъ! не-уже-ли положеніе ея такъ дурно? воскликнула мистриссъ Чиккъ вошедшему въ это время брату.

— Мнѣ прискорбно говорить объ этомъ, Луиза, но они увѣряютъ, что Фанни...

— О, не вѣрь имъ! Положись на мою опытность: нужно только усиліе со стороны Фанни. И къ этому усилію, продолжала она, снимая шляпку и поправляя чепчикъ и перчатки: — ее надобно ободрить, подстрекнуть, даже принудить. Пойдемъ къ ней, Поль.

Мистеръ Домби послѣдовалъ за нею въ комнату больной, которая лежала въ постели и прижимала къ себѣ дочь. Дѣвочка прильнула къ ней съ прежнею лихорадочною горячностью, не поднимая головы; не отнимая своей нѣжной щечки отъ лица ея, не обращая вниманія ни на что, не произнося ни слова, не проливъ ни одной слезы.

— Она не можетъ успокоиться безъ этой дѣвочки, шепнулъ докторъ Пепсъ мистеру Домби:—а потому мы сочли за лучшее допустить ее снова къ ней.

Мертвое, торжественное молчаніе царствовало вокругъ постели умирающей. Оба медика смотрѣли на нее съ такимъ состраданіемъ, съ такою безнадежностью, что мистриссъ Чиккъ была сама тронута. Вскорѣ, однако, собравшись съ духомъ, она съѣла подлѣ кровати, в тихимъ, но яснымъ голосомъ, какъ говорятъ тѣ, которые хотятъ разбудить человека соннаго, проговорила:

— Фанни! Фанни!

Словамъ ея отвѣчало только чиканье часовъ мистера Домби и доктора Паркера Пепса.

— Фанни, моя милая! Вотъ пришелъ къ вамъ мистеръ Домби. Скажите ему хоть слово. Они хотятъ положить къ вамъ малютку, знаете, вашего новорожденного, но для этого вамъ надобно приподняться. Вы можете приподняться? Какъ вы думаете?

Она приклонила ухо къ постели и слушала, оглядываясь на присутствующих и приподнявъ палецъ.

— Что, милая Фанни? Что вы сказали? Я не разслушала.

Ни слова, ни звука въ отвѣтъ.

— Послушайте, милая Фанни, продолжала мистриссъ Чиккъ, говоря не столь вѣжнымъ голосомъ: — я разсержусь на васъ, если вы не приподниметесь. Вамъ необходимо сдѣлать надъ собою усиліе, попробуйте!

Одно только чиканье часовъ отвѣчало на эти убѣжденія.

— Фанни! воскликнула Луиза встревоженнымъ голосомъ. — Взгляните только на меня! Откройте глаза! Боже мой! Госнода, что тутъ дѣлать?

Оба медика обмѣнялись взглядомъ черезъ кровать, и домашній докторъ, наклонившись, прошепталъ что-то на ухо дѣвчкѣ. Не понявъ его шопота, малютка обратила къ нему свое блѣдное лицо и черные глаза, не выпуская матери изъ объятій.

Онъ снова прошепталъ ей на ухо то же самое.

— Мама! воскликнула она.

Милый голосъ этотъ какъ-будто возбудилъ признакъ жизни на лицѣ умирающей. Закрытыя вѣки ея слегка задрожали, и на губахъ мелькнула слабая тѣнь улыбки.

— Мама! воскликнула дѣвочка, громко рыдая: — о, милая, милая мама!..

Докторъ Пепсъ тихо отвелъ разсыпавшіяся кудри ея отъ лица и губъ матери. Онъ лежали на лицѣ ея неподвижно — малютка лежала единственнымъ, вѣжно-любившаго ее друга!

ГЛАВА II,

въ которой заранее приняты предосторожности противъ случаевъ, бывающихъ иногда въ наилучшемъ образѣ устроенныхъ семействахъ.

— Я никогда не перестану поздравлять себя съ тѣмъ, что все простила бѣдной, милой Фанни, сказала мистриссъ Чиккъ въ гостиной, куда спустилась послѣ осмотра работъ трудившихся наверху похоронныхъ подрядчиковъ. — Замѣчаніе это адресовалось къ мистеру Чикку, толстому, лысому джентльмену съ преширокиимъ лицомъ, который вѣчно держалъ руки въ карманахъ и имѣлъ непреодолимую склонность насмѣивать и мурлыкать разные наивы. Въ теперешнемъ случаѣ, чувствуя, какъ это неприлично въ домъ плача, онъ съ трудомъ перевозмогалъ себя.

— Ты не слишкомъ напрягайся, Лу (Луиза), сказалъ онъ своей супругѣ: — иначе съ тобою опять сдѣлаются спазмы. Трай-тал-де-

рожь! Ахъ, Боже мой, я забылся! Видишь, мы сегодня здѣсь, а завтра на томъ свѣтѣ!

Мистриссъ Чиккъ отвѣтила ему недовольнымъ взглядомъ, а онъ, замечтавшись снова, забормоталъ арію: «Жилъ нѣкогда сапожникъ», но вдругъ замолчалъ и сконфузившись замѣтилъ, что во всякомъ горестномъ обстоятельстве заключается особеннаго рода мораль.

— Я полагаю, что лучше думать о ней, чѣмъ надоѣдать безпрестанными глупыми жужжаньями, напѣвами или подражаніемъ школьному рожку, сказала мистриссъ Чиккъ съ гнѣвнымъ пренебреженіемъ.

— Это только привычка, моя милая.

— Привычка? Вадоръ! Если въ тебѣ есть разумокъ, то не приводи такихъ нелѣпыхъ извиненій!

— Ну, а каковъ младенецъ, Лу? спросилъ мистеръ Чиккъ, желая переменить предметъ разговора.

— Какой младенецъ? Я сегодня видѣла тьму-тьмушую младенцевъ.

— Какъ такъ?

— Не мудрено понять, что такъ-какъ бѣдной Фанни уже нѣтъ на свѣтѣ, то надобно нанять хорошую кормилицу.

— О! А! Тур-рол-долъ... то-есть я хотѣлъ сказать, вотъ какова наша жизнь.

Потомъ, желая блестящею мыслью поправить свои промахи, о которыхъ напомнила ему гнѣвная физиономія жены, онъ прибавилъ:

— Нельзя ли покуда, на время, употребить чайникъ?

Мистриссъ Чиккъ посмотрѣла на него съ безмолвнымъ отчаяніемъ, величественно подошла къ окну и выглянула на улицу, гдѣ послышался въ то время стукъ колесъ. Мистеръ Чиккъ, чувствуя, что онъ побѣжденъ, отошелъ въ сторону. Однако, онъ не всегда некорялся такъ кротко своей участи: часто случалось и ему удерживать верхъ и тогда онъ вымещалъ на своей супругѣ весь ея прежнія торжества. Случалось, что когда онъ казался уже совершенно разбитымъ, онъ вдругъ дѣлалъ отчаянное усиліе и одолевалъ свою непокорную половину; но за то и у нея бывали нечаянные порывы, противъ которыхъ онъ самъ не въ силахъ былъ устоять. Однимъ словомъ, семейныя сцены ихъ имѣли совершенно-особенный, весьма-интересный характеръ.

Гремѣвшія на улицѣ колеса привезли миссъ Токсъ, которая влетѣла запыхавшись въ комнату.

— Милая Луиза, воскликнула она, переводя духъ: — не-уже-ли еще не нашли никого?

— Никого, представьте себя!

— О! въ такомъ случаѣ я надѣюсь и увѣрена... Но, постойте, я сейчасъ приведу ихъ.

Спустившись бѣгомъ по лѣстницѣ, она вызвала и привела наверхъ сидѣвшихъ въ наемномъ экипажѣ: то была здоровая, кра-

снощекая, полная молодая женщина, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ; другая молодая женщина, такая же краснощекая, которая вела двухъ жирныхъ дѣтей; жирный мальчикъ, шедшій самъ-собою, и наконецъ дюжій, круглолицый, краснощекій мужчина, который несъ на рукахъ еще жирнаго мальчика и поставилъ его въ комнату на полъ съ хриплымъ увѣщаніемъ:

— Смотри, держись за Джонни.

— Милая Луиза, сказала миссъ Токсъ: — зная ваше безпокойство, я отправилась искать кормилицу въ «Контору замужнихъ женщинъ королевы Шарлотты», но тамъ мнѣ сказали, что нѣтъ ни одной, которая была бы годна для васъ. Я пришла въ совершенное отчаяніе, но меня утѣшили извѣстіемъ, что одна женщина, самыхъ прекрасныхъ качествъ и безукоризненнаго поведенія, недавно возвратилась домой. Я взяла ея адресъ и поскакала къ ней.

— О, милая, добрая миссъ Токсъ!

— Вовсе нѣтъ, не говорите этого. Приѣхавъ къ дому чистому и опрятному, такъ-что можно хоть обѣдать на полу, я застала все семейство за столомъ и, полагая, что лучше показать ихъ всѣхъ вамъ и мистеру Дѳомби, взяла ихъ съ собою. Вотъ этотъ джентльменъ отецъ. Не угодно ли вамъ выйти немножко впередъ, сударь?

Круглолицый мужчина недовко выдвинулся впередъ съ самою бараньєю физиономіей и остановился, оскала зубы.

— Вотъ его жена, продолжала миссъ Токсъ, указывая на краснощекую женщину съ груднымъ младенцемъ. — Здоровы ли вы, Полли?

— Покорно васъ благодарю, мамъ (*).

— Очень-рада. Вотъ эта молодая женщина, ея незамужняя сестра, живетъ у нихъ въ домъ и смотритъ за дѣтьми. Пятеро дѣтей. Младшему шесть недѣль. Вотъ этотъ здоровый мальчикъ съ обжогою на носу, старшій. Я надѣюсь, что это случилось нечаянно?

Круглолицый мужчина проворчалъ:

— Полосовое желѣзо.

— Извините, сударь, вы сказали?

— Полосовое желѣзо.

— О, да, понимаю! Этотъ мальчикъ, въ-отсутствие матери, понюхалъ горячаго полосоваго желѣза. Вы, кажется, сказали мнѣ, что вы ремесломъ...

— Кочегаръ (**).

— Чтѣ такое?

(*) Ma'am, сокращенное madam.

(**) Кочегары—тѣ, которые мѣшаютъ и подкладываютъ уголь въ печкахъ паровыхъ машинъ.

— Кочегаръ. Паровая машина.

— О-о-о! Да! возразила миссъ Токсъ, глядя на него съ задумчивостью и, по-видимому, понявъ его весьма-несовершенно.—А какъ замъ это нравится?

— Чтѣ, мэмъ?

— Ваше ремесло.

— О, ничего, мэмъ! Иногда зола попадаетъ сюда (указывая себѣ на грудь), и тогда человекъ хрипнетъ, какъ я теперь; но это зола, а не нагаръ.

Миссъ Токсъ казалась еще менѣ посвященной этимъ объясненіемъ. Мистриссъ Чиккъ принялась разсматривать въ подробности Полли и ея дѣтей, актъ о ея свадьбѣ, аттестаты и тому подобное, и осталась совершенно-довольна; потомъ отправилась со всѣми этими свѣдѣніями къ мистеру Дѣмби и въ подкрѣпленіе взяла съ собою двухъ самыхъ розовыхъ и жирныхъ маленькихъ Гудлей (фамильное прозваніе этого круглолицаго семейства было—Гудль).

Мистеръ Дѣмби остался въ своей комнатѣ послѣ смерти жены, погруженный въ видѣнія юности, воспитанія и будущей участи своего новорожденного сына. На днѣ его прохладнаго сердца было время холоднѣе и тяжелѣе обыкновенныхъ; но оно представлялось ему больше въ видѣ лишенія для сына, чѣмъ потерю для него самого, и возбуждало въ немъ нѣчто въ родѣ сердитаго огорченія. Онъ оскорблялся мыслью, что будущность фирмы Дѣмби и Сына зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ наемной кормилицы, которая на время будетъ для его сына тѣмъ же, чѣмъ было бы существо, соединенное брачными узами съ нимъ.

— Дѣти кажутся здоровыми, сказалъ мистеръ Дѣмби:—но подумай, Луиза, они будутъ со-временемъ имѣть притязаніе на нѣкоторый родъ родства съ моимъ Полемъ! Уведи ихъ и покажи мнѣ эту женщину и ея мужа.

Мистриссъ Чиккъ исчезла съ парюю маленькихъ Тудлей и вскоре возвратилась съ болѣе-дуюжею четою.

— Послушай, добрая женщина, сказалъ онъ обернувшись къ ней вмѣстѣ съ кресломъ, съ которымъ составлялъ какъ-будто одинъ кусокъ:—я слышалъ, что ты бѣдна и хочешь пріобрѣсти деньги, взявшись кормить моего сына, который такъ безвременно лишился того, чегѣ нельзя ничѣмъ замѣнить. Я не имѣю сказать ничего противъ этого средства пріобрѣтенія комфорта твоему семейству. Но долженъ объявить тебѣ нѣкоторыя условія прежде, чѣмъ ты будешь жить въ моемъ домѣ. Во-первыхъ, пока ты здѣсь, я хочу, чтобъ ты была извѣстна не иначе, какъ подъ именемъ... хотъ Ричардсъ: имя обыкновенное и приличное. Согласна ли ты называться Ричардсъ?.. Не лучше ли тебѣ посоветоваться съ мужемъ?

Такъ-какъ мужъ ея только скалилъ зубы и по-временамъ помусливалъ ладонь своей правой руки, то мистриссъ Тудль, послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ знаковъ и подмигиваній, присѣла и отвѣ-

чала, что если ее хотять звать чужимъ именемъ, то это надобно принять въ расчетъ при опредѣленіи жалованья.

— О, разумеется, отвѣчалъ мистеръ Дѣмби.—Я желаю, чтобы весь этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ жалованьемъ. Теперь, Ричардсъ, если ты будешь кормить моего сына, я требую, чтобы ты всегда помнила слѣдующее: ты будешь щедро вознаграждена за исполненіе извѣстныхъ обязанностей, въ продолженіе которыхъ я хочу, чтобы ты видѣлась какъ-можно-рѣже съ своимъ семействомъ. Съ окончаніемъ этихъ обязанностей и выдачею награжденія, кончатся все сношенія между нами. Поняла ты меня?

Мистриссъ Тудль была какъ-будто въ некоторомъ сомнѣніи, а мужъ ея и не старался разгадать, въ чемъ состояло дѣло.

— У тебя есть свои дѣти, продолжалъ мистеръ Дѣмби:—а потому я нисколько не требую, чтобы ты сохранила какую-нибудь привязанность къ моему сыну, или чтобы онъ питалъ какую-нибудь привязанность къ тебѣ. Этого вовсе не нужно. Когда ты отойдешь отсюда, то можешь совершенно забыть о ребенкѣ, а онъ забудетъ о тебѣ.

Мистриссъ Тудль, покраснѣвъ, сказала, что она надѣется, что знаетъ свое мѣсто.

— Надѣюсь, что такъ, Ричардсъ: это такъ ясно, что тутъ нечего и распространяться. Луиза, другъ мой, уговорись съ Ричардсомъ относительно денегъ, и пусть она получить ихъ когда захочетъ. Мистеръ... какъ тебя зовутъ? на одно слово!

Остановленный такимъ образомъ Тудль, который послѣдовалъ было за женою, остался наединѣ съ мистеромъ Дѣмби. То былъ малый дюжій, размашистый, небрежно одѣтый, переваливающийся, обросшій волосами, съ лицомъ, почернѣлымъ отъ угольного дыма и пыла, съ жесткими руками и четверугольнымъ лбомъ, шероховатымъ какъ дубовая кора. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ самую рѣзкую противоположность съ мистеромъ Дѣмби, гладковыбритымъ, коротко-остриженнымъ, натянутымъ и педантски-опрятнымъ денежнымъ джентльменомъ, — а такіе джентльмены, извѣстно, лоснятся и хрустятъ какъ новая банковая ассигнація и, по-видимому, кажутся зашнурованными въ корсеты и укрѣпленными дѣйствіемъ золотыхъ дождевыхъ ваннъ.

— У тебя, кажется, есть сынъ? спросилъ мистеръ Дѣмби.

— Четверо, сэръ. Четыре самца и одна самка. Все живы!

— Тебѣ, я думаю, тяжело содержать ихъ?

— Да, мнѣ бы только одна вещь показалась еще тяжелѣе.

— Что?

— Потерять ихъ.

— Умѣешь ты читать?

— Да, не очень-хорошо.

— А писать?

— Мѣломъ, сэръ?

— Чѣмъ бы то ни было!

— Я думаю, что могъ бы написать кое-что мѣломъ, еслибъ позадобилось.

— А между-тѣмъ, тебѣ ужь тридцать-два или тридцать-три года?

— Я думаю, около того, сэръ.

— Почему же ты не выучился грамотѣ?

— Я хочу учиться, сэръ. Когда одинъ изъ моихъ мальчишекъ подростетъ и выучится въ школѣ, онъ будетъ учить меня.

— Прекрасно! сказалъ мистеръ Домби, глядя на него внимательно и не очень-милостиво, а Тудль между-тѣмъ глядѣлъ на потюкъ и безпрестанно муслилъ свою руку. — Ты слышалъ, что я сейчасъ говорилъ твоей женѣ?

— Полли слышала. Все хорошо.

— Такъ-какъ ты, по-видимому, все предоставляешь ей, то мнѣ нечего и говорить съ тобой, сказалъ разочарованный мистеръ Домби, который задержалъ его нарочно съ тѣмъ, чтобъ глубже напечатлѣть свои виды въ умъ мужа, какъ главы семейства.

— Нисколько, сэръ. Полли слышала. Она не спитъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану тебя задерживать. Гдѣ ты работалъ всю свою жизнь?

— Больше подъ землею, сэръ, пока не женился. А какъ женился, вылезъ на свѣтъ. Я буду на одной изъ этихъ желѣзныхъ дорогъ, когда она совсѣмъ разыграется.

Это подземное извѣстiе доконало мистера Домби. Выпроводивъ изъ дверей будущаго молочнаго отца своего сына, онъ повернулъ ключъ и сталъ ходить взадъ и впередъ въ одинокомъ отчаянiи. Не смотря на всю свою туго-вакрахмаленную, непроницаемую важность, онъ отиралъ слезы и повторялъ часто, съ чувствомъ, которому бы ни за что на свѣтѣ не ждалъ имѣть посторонняго свидѣтеля: «бѣдный малютка!»

Гордость мистера Домби была замѣчательна тѣмъ, что онъ жаловалъ о себѣ черезъ сына. Онъ не говорилъ: бѣдный я, бѣдный вдовецъ, довѣряющiй противъ воли сына своего женѣ невѣжественнаго работника, трудившагося больше подъ землею, — но «бѣдный малютка!»

Когда онъ произносилъ эти слова, ему вдругъ мелькнула мысль, что женщина эта должна ощущать большое искушенiе: ея собственный владенецъ былъ также мальчикъ: что, если она вздумаетъ обмануть ихъ? Но онъ скоро успокоился и разсудилъ, что такая романтическая идея несбыточна, хотя и возможна; однако твердо рѣшился наблюдать за Ричардсъ какъ-можно-пристальнѣе.

Между-тѣмъ, мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ договаривались съ мистриссъ Ричардсъ, и, когда всѣ условiя были кончены, ей поднесли весьма-церемонно маленькаго Домби, какъ-будто высочайшiй государственный орденъ, а она со слезами вручила своего малютку сестрѣ своей Джэмимъ. Потомъ принесли вина и рюмокъ, чтобъ поддержать унывающее семейство.

— Не угодно ли и вамъ взять рюмку? сказала миссъ Токсъ входящему Тудлю.

— Благодарю васъ, мамъ.

— Не-правда-ли, вы очень-рады, что оставляете свою жену въ такомъ comfortъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, мамъ. Я бы хотѣлъ взять ее назадъ.

Полли расплакалась отъ этого до-нельзя. Мистриссъ Чиккъ, опасаясь, чтобъ такая непомѣрная горестъ не испортила молока у кормилицы маленькаго Дѳмби, поспѣшила на помощь.

— Вашему ребенку будетъ очень-хорошо у милой Джемимы, мистриссъ Ричардсъ. Вамъ надобно только одолѣть себя, и вы будете счастливы. Съ васъ уже сняли мѣрку для траурнаго платья, Ричардсъ?

— Да-а, мамъ, всклипывала Полли.

— Оно будетъ вамъ очень къ-лицу и сошьется изъ лучшей матеріи.

— Вы будете такой шеголихой, сказала миссъ Токсъ: — что мужъ и не узнаетъ васъ. Такъ ли, сударь?

— Я узнаю ее вездѣ и во всемъ, грубо прохрипѣлъ Тудль.

— А что до стола, продолжала мистриссъ Чиккъ: — вамъ будутъ подавать все, что есть лучшаго, все, чего вы захотите; вы будете жить какъ настоящая лэди.

— О, конечно! подхватила миссъ Токсъ. — А касательно портѣра — въ волю! Не-правда-ли, Луиза?

— Разумѣется. Только зеленъ надобно ей будетъ употреблять въ умѣренномъ количествѣ. Впрочемъ, она можетъ наслаждаться всѣмъ, чѣмъ хочетъ. Вотъ, моя милая, вы видите, она чувствуетъ себя уже какъ-нельзя-лучше и готовится проститься съ сестрою, малютками и своимъ добрымъ, честнымъ мужемъ.

Бѣдная Полли обнимала всѣхъ своихъ съ горькими слезами и наконецъ убѣждала, чтобъ хоть этимъ облегчить тяжкую минуту разлуки. Но послѣднее намѣреніе не совсѣмъ удалось ей: второй сынъ, угадавъ ея мысль, поспѣшилъ вслѣдъ за нею на рукахъ и на ногахъ по лѣстницѣ, а старшій, известный въ семействѣ подъ именемъ Байлера (*) и окрещенный такимъ-образомъ въ честь паровой машины, принялся выражать свою горестъ воемъ и страшною дробью каблуками; къ нему немедленно присоединились всѣ остальные члены семейства Тудлей.

Множество апельсиновъ и полупенсовъ, розданныхъ безъ разбора маленькимъ Тудлямъ, приостановило первый порывъ ихъ скорби, и семейство поспѣшно отвезено было домой въ томъ же наемномъ экипажѣ, въ которомъ привезли его. Дѣти, подъ надзоромъ Джемимы, высовывались въ окошки дверецъ, а мистеръ Тудль предпочелъ сѣсть сзади, между колесами, какъ на мѣстѣ, къ которому онъ больше привыкъ.

(*) Bilig — искаженіе слова Boiler — паровой котель машины.

ГЛАВА III,

ВЪ КОТОРОЙ МИСТЕРЪ ДОМБИ, КАКЪ МУЖЧИНА И ОТЕЦЪ,
ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВОЮ СЕМЕЙСТВА.

Похороны покойной мистриссъ Домби кончались къ полному удовольствію подрядчика и всего сосѣдства, и всѣ домашніе мистера Домби вступили снова въ свой старинный кругъ дѣйствія. Этотъ маленькій свѣтъ, такъ же какъ и болѣе-обширный за дверями, имѣлъ способность очень-легко забывать объ умершихъ. Когда поваръ сказалъ, что она была добрая и тихая барыня, ключница, что это общая наша участь, буфетчикъ, что этого нельзя было ожидать, горничная, что она едва вѣрить этому событію, а слуга, что оно кажется ему совершеннымъ сномъ — то предметъ разговора истощился, и всѣмъ имъ показалось, что траурные костюмы ихъ уже стары.

Мистриссъ Ричардсъ, помѣщенная наверху въ почетномъ заточеніи, нашла разсвѣтъ новой своей жизни холоднымъ и стрымъ. Домъ мистера Домби, обширный и скучный, находился на тѣнистой сторонѣ длинной, мрачной, страшно-чинной улицы, между Портландъ-Пласомъ и Брайнстонъ-Скверомъ. Это былъ угловой домъ, унылой наружности, съ полукруглымъ заднимъ фасомъ, который заключалъ въ себя цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ, выглядывавшихъ на дворъ, гдѣ чахли два топія дерева съ почернѣлыми отъ дыма стеблями, сучьями и листьями. Лѣтнее солнце показывалось на улицѣ только во время завтрака и вскорѣ пряталось до другаго утра. Вслѣдъ за нимъ появлялись бродячіе оркестры странствующихъ музыкантовъ, маріонетки, плачевныя шарманки, бѣлые мыши, да изрѣдка, для разнообразія, какой-нибудь дикобразъ. Это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока не выходили на улицу въ сумерки буфетчики, которыхъ геспода обѣдали въ гостяхъ, и дамповщикъ, тщетно пытавшійся освѣтить улицу газомъ.

Домъ былъ равно безжизненъ внутри и снаружи. После похоронъ, мистеръ Домби велѣлъ накрыть всю мѣбель и все убранство чехлами — можетъ-быть, чтобъ сберечь все это для сына, предмета всѣхъ его помышленій; самъ же помѣстился въ нижнемъ этажѣ. Въ-слѣдствіе этого, изъ столовъ и стульевъ составились танц-ственные фигуры, сгроможденныя посреди комнатъ и накрытыя большими саванами; ручки звонковъ, багетки оконъ и зеркала обернуты старыми газетами и журналами, на которыхъ можно было прочесть отрывки извѣстій о кончинахъ и страшныхъ убійствахъ; каждая люстра, въ полотняномъ чехлѣ, казалась чудовищною слезою, капающею съ потолка; изъ каминовъ сталъ выходить запахъ заустынія и плесени, какой бываетъ подъ сводами и въ сырыхъ мѣстахъ. Портретъ покойницы, въ укутанныхъ разными

бандажими рамахъ, смотрѣлъ замогильнымъ призракомъ. Каждый порывъ вѣтра приносилъ вмѣстѣ съ пылью ломанья соломенки, части той, которая была разложена на улицѣ во время болѣзни хозяйки, и оставлялъ ихъ на крыльцѣ противоположнаго, отдававшегося въ наймы, ветхаго дома.

Помѣщеніе самого мистера Дѳмби состояло изъ гостиной, кабинета, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и гардеробною, гдѣ сырой запахъ вновь-отпечатанной бумаги смѣшивался съ запахомъ нѣсколькихъ паръ сапоговъ; наконецъ, изъ маленькой комнаты съ стеклянными дверьми, которой окна выходили на дворъ. Всѣ эти покои отворялись одинъ въ другой. Утромъ, когда мистеръ Дѳмби завтракалъ, и вечеромъ, когда приходилъ къ обѣду, Ричардсъ призывалась звонкомъ въ стеклянную комнату и должна была ходить по ней взадъ и впередъ съ своимъ питомцемъ. Взглядывая въ это время мелькомъ на мистера Дѳмби, и видя издали, какъ онъ смотрѣлъ на сына изъ тяжелыхъ массивныхъ креселъ, въ величавомъ и холодномъ одиночествѣ, она невольно воображала его пльвинникомъ или страннымъ видѣніемъ, неприступнымъ и непостижимымъ.

Кормилица маленькаго Дѳмби прожила такимъ образомъ нѣсколько недѣль. Однажды, возвратившись наверхъ изъ печальной прогулки по опустелымъ параднымъ комнатамъ (на улицу она выходила не иначе, какъ вмѣстѣ съ мистриссъ Чиккъ или миссъ Токсъ, навѣщавшихъ младенца по яснымъ утрамъ), она сидѣла въ своей комнатѣ и вдругъ увидѣла, что дверь тихо отворяется, и въ ней показывается личико черноглазой дѣвочки.

— Это вѣрно миссъ Флоренса возвратилась домой отъ своей тѣтки, подумала Ричардсъ, которая увидѣла ее въ первый разъ.— Надѣюсь, что вы здоровы, миссъ?

— Это братъ мой?

— Да, моя миленькая, подойдите и поцалуйте его.

Но дитя, вмѣсто того, чтобъ подойти, посмотрѣло ей пристально въ лицо и сказала:

— Что вы сдѣлали съ моею мамѣ?

— Ахъ, Боже мой! Какой печальный вопросъ! Что я сдѣлала? Ничего, миссъ.

— Что они съ нею сдѣлали?

— Что ей отвѣчать! подумала добрая Ричардсъ, которой сейчасъ пришло въ голову, что и о ней въ подобныхъ обстоятельствахъ могли бы спрашивать то же самое ея дѣти.— Подойдите ко мнѣ поближе, миленькая миссъ! Не бойтесь меня.

— Я васъ не боюсь, отвѣчало дитя, приближаясь медленно.— Но я хочу знать, что они сдѣлали съ моею мамѣ.

— Душа моя, вы носите это хорошенькое черное платье въ память вашей доброй мамѣ.

— Я могу помнить о ней во всякомъ платьѣ, возразила дѣвочка сквозь слезы.

— Но люди надвѣяютъ черное въ память людей, которыхъ уже нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Куда же они ушли?

— Сядьте подлѣ меня, и я разскажу вамъ сказку.

Понявъ тотчасъ же, что ей вѣроятно хотѣтъ объяснить то, о чемъ она спрашивала, маленькая Флоренса положила шляпку, которую до-тѣхъ-поръ держала въ рукѣ, и сѣла на скамейку у ногъ кормилицы, глядя ей прямо въ глаза.

— Жила-была когда-то госпожа, сказала Ричардсъ:—предобрая госпожа, которую очень любила ея маленькая дочка.

— Предобрая госпожа, которую очень любила ея маленькая дочка? повторила дѣвочка.

— И госпожа эта, когда угодно стало Богу, захворала и умерла. Дѣвочка вздрогнула.

— Умерла, чтобъ никто больше не видѣлъ ея, и ее похоронили въ землѣ, гдѣ растутъ деревья.

— Въ холодной землѣ! сказало дитя, снова вздохнувъ.

— Нѣтъ, въ теплой! тамъ изъ некрасивыхъ сѣменъ растутъ прекрасные цвѣты, тамъ добрые люди дѣлаются ангелами и улетаютъ небо.

Дитя, сидѣвшее съ поникшею головою, взглянуло пристально на Полли, которая продолжала:

— Вотъ видите, миссъ, когда эта добрая госпожа умерла, она отиравилась къ Богу и все смотритъ на свою маленькую дочку, и любить ея, и надѣется, что съ нею когда-нибудь снова увидится...

— Это была моя мамá! воскликнула малютка, бросившись на шею разскащицы, которая сама заливалась слезами, цаловала и гладила бѣдную сироту.

— Прекрасно, миссъ Флой! А развѣ вашъ па (*) не разсердится? закричала рѣзкимъ голосомъ въ дверяхъ малорослая, смуглая, старобразная четырнадцатилѣтняя дѣвушка со вздернутымъ носикомъ и черными огневыми глазами. — Вѣдь онъ особенно приказывалъ, чтобъ никто не тревожилъ кормилицы.

— Она меня нисколько не тревожитъ, возразила съ удивленіемъ Полли.—Я очень люблю дѣтей.

— Мало ли что мы любимъ! Не угодно ли вамъ вспомнить, мистриссъ Ричардсъ, что миссъ Флой поручена мнѣ, а мистеръ Поль вамъ.

— Изъ чего же вамъ ссориться?

— Я вовсе не хочу ссориться...

— Миссъ Флоренса сейчасъ только пришла домой, не правда ли?

— Дá, мистриссъ Ричардсъ, сейчасъ. Какъ вамъ не стыдно, миссъ Флой: вы пришли сюда съ четверть часа и уже пачкаете своимъ мокрымъ лицомъ дорогое траурное платье, которое мистриссъ Ри-

(*) Па, сокращеніе papa.
Т. LIV. — Отд. I.

чардсъ носить въ память вашей мамá! Съ этими словами Сузанна Нипперъ,—такъ ее звали,—отдернула малютку отъ ея новаго друга, и сдѣлала это не отъ злости, а такъ, желая въ точности исполнить повелѣніе мистера Дѳмби.

— Теперь она будетъ очень-счастлива; она дома, сказала Полли, ласково улыбаясь малюткѣ: — она вѣрно будетъ очень-рада увидѣться съ своимъ папá.

— Ого! увидѣться съ своимъ папá? воскликнула миссъ Нипперъ: — мнѣ бы любопытно было посмотреть на это!

— Не-уже-ли же нѣтъ? спросила Полли.

— Знаете что, мистриссъ Ричардсъ? ея пá слишкомъ занятъ кое-кѣмъ другимъ; а прежде, нежели этотъ кое-кто появился на свѣтъ, она все-таки не была въ большой милости, потому-что въ здѣшнемъ домѣ на дочерей и глядѣть не хотать. Дá, мистриссъ Ричардсъ!

— Вы меня удивляете! Не-уже-ли же мистеръ Дѳмби не видалъ ея съ-тѣхъ-поръ...

— Нѣтъ, ни разу. А передъ тѣмъ онъ не видалъ ея по цѣлымъ мѣсяцамъ и не узналъ бы, еслибъ встрѣтилъ на улицѣ; да и теперь онъ готовъ хоть завтра же не узнать ея. А что до меня, я увѣрена, что онъ даже не думаетъ о моемъ существованіи.

— Бѣдняжка! сказала Полли, подразумѣвая маленькую Флоренсу, а не миссъ Нипперъ.

— Пойдемте, миссъ Флой! Добраго утра, мистриссъ Ричардсъ.— Съ этими словами она дернула дѣвочку за руку, такъ-что чуть не вывихнула ей праваго плеча; Флоренса успѣла однако вырваться и поцаловать еще разъ добрую Полли.

— Прощайте, прощайте! сказала она со слезами кормилицъ. — Я скоро опять прійду къ вамъ, или вы приходите ко мнѣ; Сузанна вѣрно позволитъ. Не правда ли, Сузанна?

Сузанна была въ сущности добрая дѣвушка, не смотря на свои вспышки и порывистые приемы. Она смягчилась отъ этого вопроса, сказаннаго кроткимъ и умоляющимъ голосомъ, покачала головой и отвѣчала:

— Не хорошо, что вы просите объ этомъ, миссъ Флой: вы знаете, что я не могу вамъ ни въ чемъ отказать. Ну, да мы посмотримъ съ мистриссъ Ричардсъ и сдѣлаемъ, что будетъ можно. Мы когда-нибудь пойдемъ гулять вмѣстѣ съ вами, мистриссъ Ричардсъ... здѣсь въ домѣ такая тоска! Прощайте, пойдемте же, миссъ Флой! Тутъ она снова дернула за руку свою питомицу и встезла вмѣстѣ съ нею изъ комнаты.

Бѣдная малютка была такъ кротка, такъ покорна, такъ покинута, что материнское сердце Полли не могло оставаться равнодушнымъ, и она почувствовала къ ней невольное влеченіе. Оставшись одна, она принялась размышлять, какимъ бы образомъ, пользуясь дружескими сношеніями съ Сузанною Нипперъ, ей видѣться чаще съ маленькою Флоренсой, не прибѣгая къ возмущенію про-

тивъ власти грознаго мистера Дѣмби. Въ тотъ самый вечеръ представился къ этому благопріятный случай.

Ее позвонили по обыкновенію въ стеклянную комнату, гдѣ она долго прохаживалась взадъ и впередъ съ младенцемъ на рукахъ, какъ вдругъ, къ величайшему ея страху и удивленію, мистеръ Дѣмби неожиданно вышелъ къ ней и остановился прямо противъ нея.

— Добраго вечера, Ричардсъ.

Это былъ тотъ же холодный, важный, натянутый джентльменъ, какимъ она видѣла его въ первый день, и она невольно опустила глаза, присѣдая въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Каковъ маленькій Поль, Ричардсъ?

— Какъ-нельзя-лучше, сэръ, совершенно-здоровъ.

— Онъ смотритъ хорошо, сказалъ мистеръ Дѣмби, глядя съ большимъ участіемъ на личико, которое она открыла для этого осмотра, хотя и притворялась полуравнодушнымъ: — надѣюсь, тебѣ дадутъ все, чего ты желаешь?

— О, да! Благодарю васъ, сударь.

Она произнесла это съ такимъ недоумѣніемъ, что мистеръ Дѣмби, уже отворотившійся, приостановился, обернулся и взглянул на нее вопросительно.

— Я думаю, сударь, что дѣти всегда дѣлаются гораздо-веселѣе, когда видятъ, какъ другія дѣти играютъ около нихъ, замѣтила Поля, собравшись съ духомъ.

— А я думаю, Ричардсъ, что сказалъ тебѣ когда ты пришла сюда въ первый разъ, возразилъ мистеръ Дѣмби нахмурившись: — что желаю, чтобъ ты видѣлась какъ-можно-рѣже съ своимъ семействомъ.

Сказавъ это, онъ скрылся во внутреннѣхъ комнатахъ, а бѣдная Поля почувствовала, что онъ вовсе не понялъ ея намѣренія, и что она попала въ немилость, нисколько не подвинувшись ближе къ своей цѣли.

Въ слѣдующій вечеръ, она нашла его прохаживающимся по стеклянной комнатѣ. Она остановилась въ дверяхъ, пораженная такою неожиданною встрѣчей; но онъ позвалъ ее.

— Если ты дѣйствительно думаешь, что такое общество будетъ полезно дитяти, сказалъ онъ рѣзко, какъ-будто не прошло нисколько времени съ-тѣхъ-поръ когда она рискнула выговорить свое предложеніе: — гдѣ миссъ Флоренса?

— Никто не можетъ быть лучше миссъ Флоренсы, сударь, отвѣчала она съ жадностью: — но я слышала отъ ея няньки, что имъ нельзя....

Мистеръ Дѣмби позвонилъ и прохаживался по комнатѣ, пока не вошелъ слуга.

— Скажи, чтобъ миссъ Флоренсу всегда пускали къ Ричардсъ, когда она захочетъ ее видѣть; она можетъ выходить вмѣстѣ съ

Ричардсъ в тому подобное. Скажи, что дѣти могутъ быть вмѣстѣ, когда Ричардсъ пожелаетъ.

Желъзо было горячо, и Ричардсъ, рѣшившись ковать его прежде, чѣмъ оно остынетъ, не смотря на внушаемый ей мистеромъ Дѳомби инстинктивный страхъ, потребовала сейчасъ жѣ привести миссъ Флоренсію, чтобъ она подружилась съ своимъ маленькимъ братомъ.

Когда слуга удалился, она принялась качать малютку на рукахъ, притворяясь, что ни на кого не обращаетъ вниманія; ей однако показалось, какъ-будто мистеръ Дѳомби измѣнился въ лицѣ, повернулся къ слугѣ, чтобъ отмѣнить свое приказаніе, и только удержался изъ опасенія показаться малодушнымъ и отъ укора совѣсти.

Ричардсъ была права. Онъ видѣлъ въ послѣдній разъ свою забытую дочь въ печальныхъ объятіяхъ ея умирающей матери — и это было ему откровеніемъ и упрекомъ. Какъ ни былъ онъ погруженъ въ мечты о будущности сына, то-есть фирмы Дѳомби и Сына, но сцена копчины жены не выходила изъ его памяти. Онъ не могъ забыть, что не принималъ въ ней никакого участія, что смотрѣлъ на нее глазами холоднаго, совершенно-посторонняго зрителя. Сцена эта, прибывавшаяся до его души сквозь всю кору облекавшей его гордости, превратила прежнее равнодушіе его къ дочери въ какое-то неловкое, непріятное чувство. Онъ почти думалъ, что она за нимъ наблюдаетъ и не доверяетъ ему; ему казалось, будто въ рукахъ ея ключъ къ скрытой въ груди его тайнѣ, о которой самъ онъ не имѣлъ еще полнаго понятія.

Чувства его къ дочери были отрицательныя съ самаго ея рожденія. Онъ никогда не имѣлъ къ ней отвращенія: это не стоило его труда и не было въ его характерѣ. Она никогда не была предметомъ положительно для него непріятнымъ, но ему было отъ нея какъ-то неловко. Она нарушала его спокойствіе, и онъ бы очень-охотно отложилъ всякую идею о ней совершенно къ сторону, еслибъ зналъ, какъ это сдѣлать. Можетъ-быть, даже — кто возьмется рѣшить подобныя тайны! — онъ боялся, что со-временемъ будетъ ее ненавидѣть.

Когда дѣвочка робко вошла въ-комнату, мистеръ Дѳомби остановился въ своей прогулкѣ по комнатѣ и взглянулъ на нее. Еслибъ взглядъ этотъ былъ отцовскій, то прочиталъ бы въ ея внимательномъ взорѣ всѣ опасенія и побужденія, ее волновавшія: пламенное желаніе броситься со слезами къ нему на шею и скрыть на груди его лицо свое съ восклицаніемъ: «о, любите меня! больше нѣкому меня любить!», страхъ быть оттолкнутою, опасеніе возбудить его неудовольствіе, нужду въ ободреніи, и потребность ея дѣтскаго сердца найдти себѣ опору и участіе.

Но онъ не видалъ ничего этого. Онъ видѣлъ только, что она остановилась въ нерѣшимости у дверей и смотритъ на него: больше ничего.

— Войди, войди, сказалъ онъ. — Чего ребенокъ боится?

Она вошла въ комнату, но снова остановилась у самыхъ дверей, боязливо оглядываясь вокругъ и крѣпко сжимая одну руку въ другой.

— Поди сюда, Флоренса, сказалъ холодно отецъ. — Знаешь ли ты, кто я?

— Знаю, паня.

— Тебѣ нечего сказать мнѣ?

Слезы, стоявшія въ глазахъ ея, замерли отъ ледянаго выраженія отцовскаго лица, когда она на него взглянула. Дѣвочка снова потупила взоры и протянула дрожащую руку.

Мистеръ Домби взялъ ея руку и простоялъ нѣсколько секундъ, наклонясь къ дочери и по-видимому не зная, что дѣлать, что говорить.

— Будь умной дѣвочкой, сказалъ онъ наконецъ, глядя ее по головъ и глядя на нее, какъ-будто украдкою, нѣхотя и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. — Поди къ Ричардсъ! ступай!

Флоренса все еще стояла въ нерѣшимости, какъ-будто не хотѣла отойти отъ него или питала слабую надежду, что онъ подниметъ ее на руки и поцалуетъ. Она взглянула ему въ глаза еще разъ, и выраженіе лица дѣвочки показалось ему совершенно тѣмъ же, какое было тогда, когда она оглянулась на домашняго доктора, шептавшаго ей на ухо. Мистеръ Домби безсознательно выпустилъ ея руку изъ своей руки и отвернулся.

Нетрудно понять, что наружность и приемы бѣдной Флоренсы были вовсе не въ ея пользу въ глазахъ отца; но Полли, все-еще не хотѣвшая вѣрить совершенной его безчувственности, старалась держать ее какъ-можно-дольше на виду у него и дѣйствовала съ маленькимъ Полемъ такъ искусно, что онъ очевидно казался гораздо-веселѣе въ обществѣ сестры. Когда настало время удалиться наверхъ, она хотѣла послать Флоренсу во внутреннюю комнату, чтобъ пожелать отцу доброй ночи, но дѣвочка робѣла и не хотѣла идти; на повторенное увѣщаніе Полли она закрыла себя личико обѣими руками и воскликнула: — О, нѣтъ, нѣтъ! Ему меня не нужно!

Этотъ маленькій споръ обратилъ на себя вниманіе мистера Домби, сидѣвшаго за столомъ за рюмкою вина. Онъ спросилъ: въ чемъ дѣло?

— Миссъ Флоренса бонится помѣшать вамъ; она хотѣла пожелать вамъ доброй ночи, отвѣчала Ричардсъ.

— Ничего. Пускай она приходитъ сюда и уходитъ, не обращая на меня вниманія.

Сердце бѣдной дѣвочки сжалось отъ этихъ словъ, и она вышла.

Какъ бы то ни было, Полли все-таки торжествовала отъ успѣха своего добродушнаго замысла и рассказала все Сузаннѣ Инперъ, когда увидѣлась съ нею наверху; но та приняла довольно-холодно это доказательство ея довѣренности и не обнаружила ни малѣйшаго энтузіазма.

- Я думала, что это васъ обрадуетъ, сказала Поппи.
 — О, какъ же, мистрисъ Ричардсъ! Я очень-рада.
 — Однако вы этого не показываете.
 — О! я здѣсь въ домѣ *постоянная* и не могу обнаруживать ничего такъ откровенно, какъ вы *временныя*! Въ здѣшнемъ домѣ временныя дѣлаютъ, что хотять, ихъ всѣ слушаютъ, а на постоянныхъ никто не смотритъ!

ГЛАВА IV.

въ которой является на сцену нѣсколько новыхъ лицъ.

Хотя копторы Дѳмби и Сына находились въ предѣлахъ правъ и привилегій Сити, однако по сосѣдству ихъ было много довольно-романтическаго: Гогъ и Магогъ (*) величались на разстояніи какихъ-нибудь двадцати минутъ ходьбы; Банкъ Англіи, съ своими подземными сводами, наполненными слитками золота и серебра, былъ близехонько, подъ рукою; за угломъ находился домъ остиндской компаніи, напоминавшій о драгоценныхъ камняхъ и тканяхъ, о тиграхъ, слонахъ, гукахъ (**), зонтикахъ, пальмахъ, паланкинахъ и коричневыхъ принцахъ, сидящихъ на великолѣпныхъ коврахъ. На всякомъ шагу попадались тутъ вывѣски съ изображеніями кораблей, несшихся подъ всѣми парусами во всѣ концы свѣта. Вездѣ были магазины и лавки, гдѣ въ какіе-нибудь полчаса снабжали всякаго всѣмъ, въ какое бы то ни было путешествіе. Надъ дверьми лавокъ морскихъ инструментовъ красовались маленькіе деревянные мичманки, въ флотскомъ мундирѣ, дѣлавшіе астрономическія наблюденія надъ провзжавшими телегами и наемными экипажами.

Единственнымъ хозяиномъ и обладателемъ одной изъ этихъ статуекъ — самой деревяннѣйшей, если можно такъ выразиться, которая, выставя одну ногу впередъ, смотрѣла съ отчаяннымъ вниманіемъ въ несоразмѣрной величины старинный октантъ — единственнымъ обладателемъ этого мичмана былъ старикъ въ валлійскомъ парикѣ, который платилъ за свою лавку всѣ возможныя пошлины въ-продолженіе большаго числа лѣтъ, чѣмъ могли бы насчитать многіе совершенно-взрослые мичманы въ плоти и крови: а въ то время мичманы часто достигали въ британскомъ флотѣ до значительно-почтенныхъ лѣтъ.

Въ лавкѣ этой продавались хронометры, барометры, телескопы, зрительныя трубы, компасы, морскія карты, секстанты, квадран-

(*) Статуи Гога и Магога находятся въ Гильд-Галлѣ или ратушѣ Сити.

(**) Гука — индійскій калянъ.

ты и всѣ инструменты, служащіе для счисленія пути корабля или для описи его открытій, еслибъ ему удалось ихъ сдѣлать. Всѣ эти вещи были плотнѣйшимъ образомъ уложены въ ящики разныхъ формъ изъ краснаго дерева, гдѣ разныя подушечки, подкладочки и защелочки не давали имъ шевелиться въ какую угодно качку. Словомъ, войдя въ лавку, можно было подумать, что въ случаѣ неожиданнаго спуска на воду ей нужно только чистое открытое море, чтобъ съ увѣренностью направиться къ любому обитаемому острову земнаго шара.

Многія подробности частной жизни судоваго инструментальнаго мастера подкрѣпляли такое фантастическое предположеніе. На столѣ его являлись постоянные морскіе сухари, разные сушеные и соленые мяса и языки, сильно отзывавшіеся каболками; пикльсы подавались въ большихъ банкахъ съ надписями: «продажа всѣхъ родовъ морской провизіи»; крѣпкіе напитки, въ флагахъ безъ горлышекъ. Старинныя гравюры съ изображеніями кораблей во всѣхъ возможныхъ видахъ, съ алфавитными указаніями на объясненія различныхъ таинствъ ихъ парусности и оснастки, висѣли въ рамкахъ на стѣнахъ. На подносахъ красовался фрегатъ «Тартаръ» подъ всеми парусами. Заморскія раковины, мхи и морскія травы украшали каминъ, а маленькій панельный кабинетикъ освѣщался люкомъ сверху, какъ каюта.

Онъ жилъ тутъ совершеннымъ шкиперомъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Валтеромъ, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, совершенно похожимъ на мичмана. Но за то самъ Соломонъ Джилльсъ, или, какъ его вообще называли, старый Солль, вовсе не отличался морскою наружностью. Не говоря уже о валлійскомъ парикѣ, въ которомъ онъ нисколько не походилъ на корсара, онъ былъ тихій, спокойный, задумчивый старичокъ съ красными глазами, похожими на мильяторныя солнца, видимыя сквозь густой туманъ. Единственная перемѣна, которую когда-нибудь замѣчали въ его вѣнности, состояла въ томъ, что онъ лѣтомъ носилъ нанковые панталоны блѣднаго цвѣта при коричневомъ фракѣ съ металлическими пуговицами, а въ болѣе-прохладное время, съ тѣмъ же фраккомъ коричневые панталоны. Накрахмаленные воротники рубашки выходили у него чиппо изъ-за шейнаго платка; на лбу онъ носилъ большіе очки, а въ карманѣ жилета хронометръ, въ непогрѣшимость котораго такъ вѣровалъ, что скорѣе готовъ былъ усомниться въ правильности движенія солнца. Таковъ, какимъ онъ былъ теперь, просидѣлъ онъ многіе годы подъ вѣтскою деревяннаго мичмана, отправляясь вочевать на чердакъ, гдѣ часто были бурные вѣтры, тогда-какъ джентльмены, жившіе внизу, въ комфортахъ, не имѣли понятія о настоящемъ состояніи погоды.

Читатель знакомится съ Соломономъ Джилльсомъ въ осенній вечеръ, въ половинѣ шестаго. Старикъ смотритъ на свой несомнѣнный хронометръ. Погода будетъ по-видимому сырая: всѣ барометры въ лавкѣ упали духомъ и ртутью, а лакированная шляпа ле-

ревяннаго мичмана, которымъ гордится его обладатель, уже сіметъ дождемъ.

— Гдѣ Валтеръ? куда онъ дѣвался? сказала Соломонъ Джилльсъ, тщательно спрятавъ свой хронометръ. — Обѣдъ уже съ полчаса готовъ, Валтера все нѣтъ!

Обернувшись на стулъ за ковторкою, онъ выглянулъ сквозь пустые промежутки между своими инструментами въ окно, надѣясь увидѣть племянника. Однако, нѣтъ. Его нѣтъ между двигающимися взадъ и впередъ зонтиками.

— Еслибъ я не зналъ, что онъ столько любитъ меня, что не убѣжить, не запишется противъ моего желанія на какой-нибудь корабль, я бы началъ тревожиться, продолжалъ онъ, поглядывая на свои барометры. — Право, такъ. Э-ге-ге! всѣ упали, бездна сырости! Ну, такі! Этого только не достаетъ.

— Ало, дядя Солль!

— Ало, мой любезный; наконецъ-то я тебя дождался! отвѣчалъ инструментальный мастеръ на возгласъ бодро и весело смотрѣвшаго мальчика, бѣлокурога, кудряваго, съ большими свѣтлыми глазами.

— Ну, что, дядюшка, какъ вы безъ меня провели день? Обѣдъ готовъ? Я голодень.

— Какъ провелъ день? возразилъ ласково и добродушно старикъ. — Плохо было бы, еслибъ я не могъ провести день безъ такого сорванца, какъ ты; я провелъ его гораздо-лучше, чѣмъ съ тобою. Обѣдъ жлетъ тебя уже съ полчаса, а что до голода, такъ я, можетъ-быть, еще голоднѣе тебя.

— Ну, такъ пойдемъ обѣдать, дядюшка. Ура! да здравствуетъ адмиралъ! Впередъ!

Съ этимъ восклицаніемъ онъ увлекъ за собою дядю въ комнату, какъ-будто предводительствуя абордажною партіей. Дядя и племянникъ немедленно занялись жареною рыбой, имѣя въ перспективѣ добрый бифтексъ.

— Да здравствуетъ лордъ-мэръ Лондона! полно тебѣ толковать объ адмиралахъ. Теперь *твой* адмиралъ лордъ-мэръ.

— О, не-уже-ли? возразилъ мальчикъ, покачивая головою. — Правду сказать, его меченосецъ мнѣ больше нравится.

— Выслушай меня, Валли, выслушай меня. Взгляни-ка туда на полку.

— Кто повѣсилъ на гвоздь мою серебряную чарку?

— Я. Оставь чарки. Сегодня, Валтеръ, мы будемъ пить изъ рюмокъ. Мы люди дѣловые, принадлежимъ къ числу гражданъ Сити и выступили на новую дорогу въ это утро.

— Пожалуй, дядюшка. Я готовъ пить изъ чего угодно, пока могу пить за ваше здорье. Ваше здорье, дядя Солль, и да здравствуетъ...

— Лордъ-мэръ, прервалъ старикъ.

— Пожалуй, хоть лордъ-меръ, шерифы, весь совѣтъ и вся ливрея!

Дядя кивнулъ головою съ большимъ удовольствіемъ.

— А теперь, расскажи-ка намъ что-нибудь о фирмѣ.

— О! о фирмѣ нечего много рассказывать, дядюшка. Темный рядъ конторъ; а въ комнатѣ, гдѣ я сижу, высокая каменная рѣшотка, желѣзный денежный сундукъ, объявленіе объ отходящихъ судахъ, календарь, письменные столы, чернильцы, нѣсколько книгъ, нѣсколько шкатулокъ, бездна паутины, вотъ и все!

— И ничего больше?

— Ничего, кромѣ старой канареечной клетки — не постигаю, какъ она туда попала! да еще угольного ящика.

— Ни банковскихъ книгъ, ни счетныхъ книгъ, ни счетовъ, никакихъ признаковъ богатства, которое прибываетъ туда съ каждымъ днемъ?

— О, этого добра довольно. Впрочемъ, большая часть этихъ вещей въ комнатѣ мистера Каркера, или мистера Морфина, или мистера Дѳмби.

— А мистеръ Дѳмби былъ сегодня тамъ?

— О, да!

— Онъ, я думаю, не обратилъ на тебя вниманія?

— Напротавъ.

— Что же онъ сказалъ?

— Онъ подошелъ къ моему столу — я бы желалъ, дядюшка, чтобъ онъ не былъ такъ надутъ и важенъ, и сказалъ: «О! вы сынъ инструментальнаго мастера, мистера Джилльса». Племянникъ, сударь, отвѣчалъ я.—Я сказалъ «племянникъ», говоритъ онъ. А я готовъ присягнуть, что онъ сказалъ «сынъ».

— Ты вѣрно ошибся; ну, да это все равно.

— Конечно, все равно, а все-таки ему не съ чего было говорить такъ рязко. Потомъ онъ сказалъ, что вы говорили ему обо мнѣ, что онъ нашелъ мнѣ занятіе и ожидаетъ отъ меня прилежанія и пунктуальности. Потомъ онъ ушелъ. Мнѣ показалось, что я ему не очень понравился.

— То-есть, я полагаю, онъ тебѣ не очень понравился.

— А можетъ-быть и то, дядюшка.

Старикъ сдѣлался серьезнѣе къ концу обѣда и по-временамъ взглядывалъ на открытое лицо племянника. Когда обѣдъ, взятый изъ ближайшей рестораціи, былъ съѣденъ и скатерть убрана, дядя зажегъ свѣчку и спустился въ маленькій погребокъ, между-тѣмъ, какъ Валтеръ свѣтилъ ему, стоя на сырой лѣстницѣ. Пошаривъ тамъ нѣсколько минутъ, онъ вышелъ, держа въ рукѣ бутылку весьма-старой наружности, покрытую пылью и грязью.

— Это что, дядя Солль? Что вы дѣлаете? вѣдь это та чудная мадера! тамъ остается только одна бутылка!

Дядя Солль кивнулъ головою, давая знать, что онъ очень-хорошо понимаетъ, что дѣлаетъ; откуворивъ бутылку въ торжествен-

номъ молчаніи, онъ налилъ двѣ рюмки, а бутылку и третью чистую рюмку поставилъ на столъ.

— Ты разопьешь другую бутылку, Валли, когда доживешь до хорошаго состоянія, когда будешь человѣкомъ уважаемымъ, счастливымъ, когда сегодняшняя съемка твоя съ якоря на новомъ пути приведетъ тебя благополучно въ хорошій портъ. Будь счастливъ, дитя мое!

Часть тумана, окружавшаго дядю Солля, попала ему очевидно въ горло, потому-что онъ говорилъ хриплымъ голосомъ; рука его дрожала, когда онъ чокался рюмкою съ племянникомъ; но поднося вино къ губамъ, онъ поправился и выпилъ его залпомъ.

— Теперь, дядюшка, сказалъ мальчикъ, стараясь казаться веселымъ и безпечнымъ, хотя слезы готовы были брызнуть у него изъ глазъ:—за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, и проч., и проч., прошу позволенія предложить мистеру Соломону Джильсу трижды-три ура и еще разъ ура! А вы ответите на это, когда мы разопьемъ вмѣстѣ съ вами послѣднюю бутылку. Согласны?

Они снова чокнулись, и Валтеръ приподнялъ свою рюмку, понюхалъ вино, отпилъ немного, посмотрѣлъ на него передъ огнемъ, однимъ словомъ исполнилъ всѣ церемоніи самаго записнаго знатока въ винахъ.

Дядя глядѣлъ на него молча. Когда глаза ихъ снова встрѣтились, старикъ заговорилъ:

— Видишь ли, Валтеръ, моя торговля превратилась для меня въ привычку, отъ которой отстать я уже не въ-силахъ, но она теперь вовсе, вовсе невыгодна. Когда еще носили этотъ старинный мундиръ (показывая на деревяннаго мичмана), тогда, дѣйствительно, мое ремесло могло составить состояніе, и тогда отъ него можно было разбогатѣть. Но теперь соперничество, да новыя изобретенія, да разныя перемѣны — словомъ, свѣтъ проходитъ мимо меня. Я едва знаю, гдѣ я самъ, а еще меньше, куда дѣвались покупщики мои.

— Чтѣ о нихъ думать, дядюшка!

— На-примѣръ, съ-тѣхъ-поръ, какъ ты воротился ко мнѣ изъ школы, изъ Пекгэма,—а этому больше десяти дней,—ко мнѣ въ лавку зашелъ одинъ только человѣкъ.

— Двое, дядюшка, помните? Одинъ приходилъ, чтобъ размянать у васъ гинею.

— Ну, это одинъ.

— А чтѣ же, вы уже не считаете за человѣка женщину, которая спрашивала у васъ дорогу въ Майль-Эндъ?

— О, конечно! я и забылъ о ней.

— Правда, они не купили ничего...

— Ничего, возразилъ спокойно дядя.

— Да они и не нуждались ни въ какихъ инструментахъ.

— Нѣтъ. А еслибъ нуждались, то пошли бы въ другую лавку.

— Но все-таки это были два человеческія существа, дядюшка! воскликнулъ мальчикъ.

— Прекрасно, Валли. Однако согласись, что мы не дикари и не можемъ жить отъ людей, которые просятъ мелочи на гинею или спрашиваютъ, какъ попасть въ Майль-Эндъ. Словомъ, свѣтъ прошелъ мимо меня; я его не браню, но и не понимаю. Торговцы стали не то, что были прежде; прикащики также, торговля также, товары также. Семь-восьмыхъ изъ моего запаса уже вышли изъ моды, и я сталъ старомоднымъ человѣкомъ въ старомодной лавкѣ, въ улицѣ, которая также стала не та, какую я ее помню. Я отсталъ отъ времени и такъ старъ, что ужь не могу догнать его. Меня даже сбиваетъ съ толку шумъ, который оно дѣлаетъ далеко впереди меня.

Валтеръ хотѣлъ говорить, но старикъ остановилъ его.

— Вотъ почему, Валли, вотъ почему я хочу, чтобъ ты началъ трудиться въ свѣтъ заблаговременно. Моя торговля упала и не можетъ быть для тебя наслѣдствомъ — это ясно. Въ такомъ домѣ, какъ у Домби, ты будешь лучше чѣмъ гдѣ-нибудь на дорогѣ къ прочной независимости. Трудись и будь счастливъ!

— Я слышу все, что могу, дядюшка, чтобъ заслужить ваше одобрение.

— Знаю, знаю. А что до моря — оно хорошо въ сказкахъ, но на дѣлѣ тутъ мало толку. Очень-натурально, что море тебя занимаетъ, потому-что ты былъ безпрестанно окруженъ предметами, которые напоминаютъ о немъ; но, право, въ немъ мало толку, повѣрь мнѣ. Подумай, на-примѣръ, объ этомъ винъ: оно было нѣсколько разъ въ Остиндіи и ходило разъ вокругъ свѣта. Подумай о темныхъ ночахъ, страшныхъ вѣтрахъ, волненіи...

— Громъ, молніи, дождь, градъ, штормахъ, ураганахъ...

— Да, да; вино это прошло черезъ всѣ морскіе ужасы. Подумай, какой тутъ былъ трескъ и скрипъ мачтъ и членовъ, какъ штормъ вылъ и ревелъ въ снастяхъ и рангоутъ...

— Какъ лѣзли матросы, какъ они работали, лежа на реяхъ и крѣпя окоченѣлые паруса, тогда-какъ судно валяло и обдавало волненіемъ безъ милосердія!

— Такъ, такъ. Во всѣхъ этихъ передѣлкахъ была старая бочка, въ которой путешествовало наше вино. Знаешь, когда «Салли» пошла...

— Въ Балтику, въ темнѣйшую ночь! Тогда, въ двадцать-пять минутъ послѣ полуночи, часы капитана остановились въ его карманѣ, а онъ лежалъ мертвый у грот-мачты, — четырнадцатаго февраля въ тысяча-семьсотъ-сорокъ-девятомъ году! воскликнулъ Валтеръ съ большимъ одушевленіемъ.

— Да, да, совершенно такъ! Тогда на «Салли» было пятьсотъ бочекъ такого вина, и всѣ люди (кромѣ старшаго штурмана, старшаго лейтенанта, двухъ матросовъ и женщины, спасшихся на дрянной шлюпкѣ), всѣ остальные люди расшибли бочки, напились мед-

твѣчки и умерли пьяные, горлая «Rule Britannia», «Салли» пошла ко дну...

— А помните, дядюшка, когда «Джорджа-Второго» бросило на корнваллсскій берегъ въ страшный штормъ, за два часа до разсвѣта, четвертаго марта семьдесятъ-перваго года! На немъ было четыреста лошадей, которыя сорвались, метались какъ угорьляя, стаптывали другъ друга до смерти, еще въ началѣ шторма подняли такой шумъ и ревѣли такими человѣческими голосами, что люди вообразили все судно наполненнымъ чертями и побросались за бортъ. Наконецъ, осталось только двое, чтобъ рассказать объ этомъ бѣдствіи!

— А когда «Полюемъ»...

— Вествидское судно въ триста-пятьдесятъ тонновъ, капитанъ Джонъ Броунъ, хозяева Виггсъ и Компанія! прервалъ съ жаромъ мальчикъ.

— Да, да! Когда оно загорѣлось на четвертыя сутки пути съ благополучнымъ вѣтромъ, ночью, вышедъ изъ Ямайки...

— Тамъ было два брата, продолжалъ воспламенѣвшійся племянникъ: — обомъ не было мѣста на единственной уплывшей шляпкѣ, и ни одинъ не хотѣлъ согласиться съѣсть въ нее; старшій братъ бросилъ въ нее младшаго насильно, а младшій, поднявшись въ шляпкѣ на ноги, кричалъ ему: «Идвардъ! помни, что у тебя невеста! Я не больше, какъ мальчикъ; меня никто не ждетъ!» И съ этимъ онъ бросился въ море!

Разгоряченное лицо и пылавшіе глаза Валтера напомнили старику, что онъ взялся за дѣло неловко, а потому, вмѣсто продолженія своихъ анекдотовъ, онъ сказалъ: — Положимъ, что мы станемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Дѣло въ томъ, что простодушный дядя, въ тайной привязанности своей къ чудесному и отважному морской жизни, съ которою, по роду торговли своей, онъ имѣлъ отдаленныя сношенія, незамѣтно развилъ и въ племянникъ пристрастіе къ тому же: все, что онъ рассказывалъ племяннику для того, чтобъ отвлечь его отъ этихъ опасныхъ приключеній, производило совершенно-противоположныя дѣйствія и только сильнѣе разжигало его огненное воображеніе. Такіе примѣры очень-обыкновенны: не было еще книги или разсказа, писанныхъ для удержанія безпокойныхъ мальчиковъ на берегу, которые бы, напротивъ того, не влекли ихъ неодолимою силою къ волнамъ океана.

Но теперь явилось къ дядѣ Соллю и племяннику его третье лицо, джентльменъ въ широкомъ синемъ костюмѣ, съ крючкомъ вмѣсто кисти правой руки, съ весьма-густыми бровями и толстою, суковатою дубиной. Шея его была слегка обернута чернымъ шелковымъ платкомъ, изъ котораго торчалъ огромный, толстый рубашечный воротникъ. Порожня рюмка очевидно предназначалась для него, что ему было, по-видимому, извѣстно, ибо онъ, снявъ косматый непромокаемый верхній сюртукъ, который повѣсилъ на

гвоздь за дверьми, и лакированную шляпу, до того жесткую, что она оставила красный рубецъ даже на его лбу, придвинулъ стулъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла порожняя рюмка, и усѣлся. Его обыкновенно величали капитаномъ, и онъ былъ или шкиперомъ, или лопманомъ, или контрабандистомъ, или корсаромъ, или попережѣнно въсѣмъ этимъ. Вообще, онъ смотрѣлъ человѣкомъ, сильно пропитаннымъ соленою водою.

Коричневое и шершавое лицо его прояснилось, когда онъ протягивалъ руку дядѣ и племяннику; но онъ былъ, по-видимому, склоненъ къ лаконизму и только сказалъ обимъ разомъ:

— Каково живете?

— Хорошо, отвѣчалъ мистеръ Джильсъ, подвигая къ нему бутылку.

Капитанъ взялъ ее, осмотрѣлъ, понюхалъ и сказалъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Это?

— Да! возразилъ инструментальный мастеръ.

Капитанъ налилъ себѣ рюмку посвистывая.

— Валъръ, началъ онъ, поправля свои жидкіе волосы крючкомъ и потомъ указавъ имъ на дядю Солля: — смотри на него! люби, почитай и повинуйся! Успѣха, пріятель!

Послѣ этого воззванія, онъ замолчалъ и не проговорилъ ни слова, пока дядя Солль не вышелъ въ лавку, чтобъ освѣтить ее. Тогда онъ обратился къ Валтеру:

— Я полагаю, онъ счумѣлъ бы сдѣлать часы, еслибъ вздумалъ?

— Можетъ-быть, капитанъ Коттъ.

— И они бы пошли! Вѣдь онъ чуть не давится отъ учености, заштылъ капитанъ, указывая своимъ крючкомъ на инструменты. — Смотри сюда! Вотъ ихъ цѣлая коллекція для земли, для воздуха, для воды. Ему-все равно! сдѣлать любой!

Изъ этихъ словъ можно понять, что капитанъ Коттъ чувствовалъ глубокое почтеніе къ запасу инструментовъ дяди Солля, и что философія его находила мало разницы между торговлею инструментами и изобрѣтеніемъ ихъ.

— Охъ! продолжалъ онъ со вздохомъ: — славная вещь понимать ихъ, а между-тѣмъ также хорошо и не понимать ихъ. Я право, не знаю, которое изъ двухъ лучше. Вѣдь, право, превесело сидѣть здѣсь и думать, что тебя свѣсятъ, смѣрять, увеличатъ, наэлектризуютъ, намагнитятъ и чортъ-знаетъ что еще; а ты и не будешь подоврѣвать, какъ это все сдѣлается!

Одна только дивная мадера могла извлечь изъ капитана такой потокъ краснорѣчія, которому онъ самъ удивился. Въ это время возвратился въ комнату предметъ его удивленія и засталъ его въ глубокомъ, задумчивомъ молчаніи.

— Что же, Коттъ? Прежде чѣмъ ты получишь свой стаканъ гроку, надобно кончить бутылку.

— Стоять на ней! (*) Да подлей еще Ваа'ру.

— Нѣтъ, дядюшка, довольно!

— Ничего, ничего, возразилъ дядя Солль. — Мы кончимъ бутылку за здравіе торговаго дома, Недъ,—того дома, гдѣ Валтеръ. Кто знаетъ, можетъ-быть, домъ этотъ будетъ со-временемъ считать его въ числѣ своихъ партнеровъ? Сэръ Ричардъ Виттингтонъ женился же на дочери своего хозяина.

— Да, да! Сэръ Ричардъ Виттингтонъ, лордъ-мэръ Лондона! Не зѣвай на книгахъ, Валъръ!

— И хотя у мистера Дѳмби нѣтъ дочери...

— Есть, есть, дядюшка! возразилъ мальчикъ, слегка покраснѣвъ и смѣясь.

— Есть? Дѣ, правда, можетъ быть.

— Я знаю, что есть, дядюшка! Сегодня говорили объ этомъ въ конторѣ. Говорятъ, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: — будто-бы онъ не любитъ ея и она брошена, совершенно забыта имъ, живетъ вмѣстѣ съ служанками, а самъ мистеръ Дѳмби думаетъ только о сынѣ, и потому сдѣлался строже прежняго, ходитъ по докумъ, любясь на свои корабль и какъ-будто радуется богатству, которымъ будетъ владѣть вмѣстѣ съ сыномъ. Вотъ что тамъ говорили; не знаю, правда ли все это.

— Онъ уже развѣдалъ о ней все. Каково! сказалъ дядя.

— О, вздоръ, дядюшка! Нельзя же не слышать того, что мы говорять!

— Сынъ, я думаю, помѣшаетъ намъ, а? Недъ?

— Премного, отвѣчалъ капитанъ.

— Ничего, продолжалъ старикъ: — выпьемъ и за его здоровье! Да здравствуютъ Дѳмби и Сынъ!

— Прекрасно, дядюшка! весело вскричалъ мальчикъ.—Но такъ-какъ вы присоединяете меня къ фирмѣ и говорили о дочери, и какъ знаю о ней все, то я долженъ дополнить вашъ тостъ. Предлагаю выпить за здоровье Дѳмби и Сына и Дочери! Гипъ, гипъ, гипъ, урра-а!!

ГЛАВА V.

Крестины маленькаго Поля.

Младенецъ Дѳмби укрѣплялся и здоровѣлъ съ каждымъ днемъ. Пламенная любовь къ нему миссъ Токсъ возрастала въ той же прогрессіи, такъ-что самъ мистеръ Дѳмби наконецъ оцѣнилъ ея трогательное участіе и началъ смотреть на нее, какъ на особу

(*) *Стоить* на какой-нибудь свати значитъ на языкѣ моряковъ пригото- виться таяуть ее или отдать, т. е. выпустить. *Прим. перек.*

съ большимъ природнымъ разсудкомъ. Снисходительность его простерлась до того, что онъ даже кланялся ей иногда съ особенною любезностью и удостоивалъ выражаться, говоря съ сестрою: «Скажи, прошу тебя, Луиза, своей пріятельницѣ, что она очень-добра»; или: «замѣть миссъ Токсъ, Луиза, что я ей признателенъ» — милости, которыя производили глубокое впечатлѣніе на отличенную такимъ-образомъ миссъ Токсъ.

Миссъ Токсъ часто увѣряла мистриссъ Чиккъ, что ничто въ свѣтѣ не интересуетъ ея столько, какъ развитіе этого очаровательнаго дитяти. Она съ наслажденіемъ присутствовала при невинныхъ трапезахъ юнаго наследника фирмы, и съ энтузіазмомъ при его туалетахъ и омовеніяхъ. Однажды, когда мистеръ Домби былъ введенъ сестрою въ дѣтскую, она скрылась изъ скромности за шкапъ, видя, что онъ одѣтъ весьма-легко, въ бѣлой лѣтней курткѣ; но, не могши удержать овладѣвшаго ею восторга, она закричала изъ своей засады: «О, мистеръ Домби, не правда ли, какъ онъ милъ! Совершенный купидонъ! Не правда ли, сэръ?» Послѣ такого взрыва она чуть не упала въ обморокъ отъ смущенія.

— Луиза, сказалъ разъ мистеръ Домби сестрѣ своей: — я право думаю, что надобно сдѣлать твоей пріятельницѣ какой-нибудь подарокъ въ знакъ памяти, по случаю будущахъ крестинъ Поля. Она съ самаго рожденія его обнаруживаетъ къ нему такое теплое участіе и такъ хорошо понимаетъ свое собственное положеніе — вещь довольно рѣдкая въ наше время — что мнѣ будетъ пріятно замѣтить ей это чѣмъ-нибудь.

Въ глазахъ мистера Домби было важнымъ достоинствомъ въ людяхъ: знать свое мѣсто и понимать его величіе.

— Милый Поль, отвѣчала сестра: — ты отдаешь миссъ Токсъ полную справедливость, чего и слѣдовало ожидать отъ твоей проницательности. Я увѣрена, что если есть на англійскомъ языкѣ три слова, къ которымъ уваженіе доходитъ у нея до благоговѣнія, то слова эти: Домби и Сынъ.

— Прекрасно. Это дѣлаетъ ей честь.

— А что до подарка, Поль, я могу сказать только одно: все, что бы ты ни вздумалъ дать ей, будетъ ею получено и сбережено съ самымъ религіознымъ почтеніемъ. Но теперь представляется тебѣ случай осчастливить ее несравненно-больше и лестнѣе...

— Какимъ-образомъ?

— Крестные родители, милый Поль, вообще люди, которыхъ вліяніе признано важнымъ...

— Не вижу, почему оно можетъ быть важнымъ для моего сына, прервалъ мистеръ Домби холодно.

— Конечно, милый Поль! возразила Луиза съ большимъ одушевленіемъ: — ты сказалъ, какъ истинный Домби. Я знала, что таково будетъ твое мнѣніе. Можетъ-быть, собственно по этому ты можешь избрать миссъ Токсъ крестною матерью милому малюткѣ, хоть въ видѣ представительницы кого-нибудь другаго. Считаю лишнимъ

привавлять, что она прійметъ это какъ величайшее и почетнѣйшее отличіе.

— Луиза, сказалъ мистеръ Дѳмби послѣ краткаго молчанія: — не должно полагать...

— О, конечно, нѣтъ! вскричала мистриссъ Чикксъ, торопясь предупредить отказъ.—Я никогда этого не думала!

Мистеръ Дѳмби взглянулъ на нее съ нетерпѣніемъ.

— Не сердись на меня, милый Поль, я далеко не тверда. Я едва себя чувствую послѣ смерти нашей бѣдной, милой Фанни!

Мистеръ Дѳмби взглянулъ на носовой платокъ, который она подняла къ глазамъ, и снова началъ:

— Не должно полагать, говорю я...

— И я говорю, что я никогда этого не думала.

— Ахъ, Боже мой, Луиза!

— Нѣтъ, милый Поль, позволь мнѣ высказать! Хотя бы это были мои послѣднія слова, я все-таки скажу, что конечно нѣтъ, и что я этого никогда не думала! проговорила она слезливымъ голосомъ, съ плачемъ.

Мистеръ Дѳмби прошелся разъ по комнатѣ.

— Не должно полагать, Луиза... (мистриссъ Чикксъ приближа къ мачтѣ гвоздями свои сигнальные флаги и опять повторила: «конечно нѣтъ», и пр.; но онъ не обратилъ на это вниманія), не должно полагать, что найдется много людей, которые шли бы въ моихъ глазахъ больше правъ на отличіе, чѣмъ миссъ Токсъ и которые бы въ послѣдствіи думали имѣть вліяніе на своего крестника. Мы съ Полемъ не нуждаемся и не будемъ нуждаться ни въ комъ. Я въ состояніи пренебрегать помощью и связями, за которыми многіе люди гонятся для дѣтей своихъ: Желаю одного: чтобъ Поль благополучно достигъ возраста, когда будетъ въ-состояніи поддержать честь фирмы и увеличить ея достоинство, если это возможно. Для него до того времени довольно одного меня. Пусть миссъ Токсъ будетъ крестною матерью ребенка—я ею вообще очень-доволенъ; а твой мужъ и я, мы будемъ остальными свидѣтелями.

Мистеръ Дѳмби высказалъ себя въ этой рѣчи, произнесенной съ большимъ величіемъ: онъ имѣлъ неописанную недовѣрчивость ко всякому, кто могъ бы стать между его сыномъ и нѣтъ,—это было надменное опасеніе найти себѣ соперника въ почтеніи сына. Во всю жизнь свою онъ не сдружился ни съ кѣмъ: его холодная и отталкивающая душа не искала и не находила дружбы.

Такимъ-образомъ миссъ Токсъ, въ силу своей незначительности, была возведена въ высокое званіе крестной матери маленькаго Поля; мистеръ Дѳмби объявилъ, что желаетъ немедленно совершить эту церемонію, и безъ того долго откладываемую; сестра его, вовсе не ожидавшая такого блестящаго успѣха, удалась какъ-можно-скорѣе, чтобъ сообщить радостную вѣсть лучшему своему другу, и мистеръ Дѳмби снова остался одинъ въ кабинетъ.

Въ дѣтской, въ тотъ вечеръ, мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ наслаждались пріятностью дружеской бесѣды, которая до того не нравилась огнедышущей Сузаннѣ Нипперъ, что она безпрестанно дѣлала имъ гримасы изъ-за дверей и другихъ засадъ. Пріятельницы, нисколько неподозрѣвавшія этого, благополучно присутствовали при разоблаченіи маленькаго Поля и уукладываніи его въ постель; потомъ онѣ принялись пить чай передъ огнемъ камина. Стараніями доброй Полли дѣти спали въ одной комнатѣ, и обѣ подруги замѣтили о существованіи маленькой Флоренсы не прежде, какъ усѣвшись за чайный столикъ и бросивъ нечаянный взглядъ на обѣ кровати.

— Какъ она крѣпко спитъ! замѣтила миссъ Токсъ.

— Вы знаете, моя милая, возразила мистриссъ Чиккъ:— что она дѣлаетъ большой моціонъ играя около маленькаго Поля.

— Она престрашный ребенокъ.

— Знаете, моя милая, совершенная мать!

— Не-уже-ли?

— Флоренса никогда, никогда въ жизни не будетъ настоящею Домби, хотя бы прожила тысячу лѣтъ!

Брови миссъ Токсъ поднялись въ знакъ сочувствія.

— Не знаю, что мнѣ съ нею дѣлать; я выбиваюсь изъ силъ! произнесла мистриссъ Чиккъ со вздохомъ скромнаго достоинства.

— Право, не понимаю, какое положеніе она займетъ со-временемъ въ свѣтъ, когда выростетъ. Она нисколько не старается понравиться отцу, да и чего ждать, когда она такъ далеко не Домби?

Выраженіе лица миссъ Токсъ показало, что она совершенно раздѣляетъ недоумѣніе своей подруги.

— Видите, моя милая, у дѣвочки всѣ недостатки покойной Фанни: она никогда не обовѣется вокругъ сердца своего отца, какъ...

— Какъ плющъ?

— Какъ плющъ. Никогда! Бѣдная Фанни! А между-тѣмъ, какъ я ее любила!

— О, не приходите въ отчаяніе, мой ангелъ, вы слишкомъ-чувствительны!

— Всѣ мы имѣемъ свои недостатки, возразила мистриссъ Чиккъ, качая головою и проливая слезы.— Могу сказать, что всѣ: Я никогда не была слѣпа къ ея недостаткамъ, хоть и не говорила этого. А между-тѣмъ, какъ я ее любила!

Мистриссъ Чиккъ все еще отирала глаза носовымъ платкомъ и все качала головою, когда Ричардсъ скромно подошла къ собесѣдницамъ и осмѣлилась предостеречь ихъ, что миссъ Флоренса проснулась и сидитъ въ постели. Корнелица сказала, что глаза дѣвочки, когда она проснулась, были въ слезахъ; но ихъ никто не замѣчалъ, исключая доброй Полли; никто кромѣ ея не наклонился надъ малюткой съ ласковыми словами; никто, кромѣ ея, не слышалъ, какъ билось ея сердце.

— О, милая мистриссъ Ричардсъ, положите меня подлѣ брата! сказала дѣвочка, обратя къ ней заплаканные, умоляющіе взоры.

— Зачѣмъ, мой ангельчикъ?

— Я думаю, что онъ меня любитъ! Положите меня къ нему, прошу васъ!

Мистриссъ Чиккъ вмѣшалась съ материнскимъ участіемъ, увѣщая Флоренсу уснуть, какъ слѣдуетъ умному дитяти; но Флоренса повторила свою мольбу съ испуганнымъ лицомъ и голосомъ, прерываемымъ слезами и рыданіемъ...

— Я не разбужу его, я дотронуся до него только рукою и потомъ лягу спать. О, прошу васъ, положите меня на эту ночь подлѣ брата! мнѣ кажется, что онъ меня любитъ!

Ричардсъ взяла ее на руки, перенесла на кроватку младенца и положила подлѣ него. Малютка придвинулась къ нему сколько могла ближе, стараясь не нарушать его сна; протянувъ руку и нѣжно касаясь его головы, она закрыла лицо свое другою рукою и осталась неподвигною.

— Бѣдная крошка! сказала миссъ Токсъ.—Ей вѣрно что-нибудь приснилось.

Это маловажное обстоятельство прервало нить разговора, такъ-что его уже нельзя было возобновить, въ-слѣдствіе чего обѣ подруги допили молча свой чай и послали слугу за наемнымъ кабриолетомъ для миссъ Токсъ. Надобно сказать, что миссъ Токсъ имѣла большую опытность въ извозничьихъ кабриолетахъ, а потому каждая поѣздка ея требовала предварительныхъ и систематическихъ распоряженій.

— Прощу васъ, Тоулинсонъ, сказала она позванному слугѣ: — взять съ собою перо и чернила, и записать четко номеръ кабриолета.

— Да, миссъ.

— Прощу васъ, Тоулинсонъ, также, переверните подушку. У нихъ всегда подушки сыры, прибавила она на ухо мистриссъ Чиккъ.

— Да, миссъ.

— Я также утружу васъ, Тоулинсонъ, этою карточкой и этикетъ шиллингомъ. Онъ довезетъ меня по адресу карточки и долженъ понять, что получить никакъ не больше шиллинга.

— Нѣтъ, миссъ.

— И... мнѣ жаль, что я васъ столько беспокою, Тоулинсонъ.

— Все нѣтъ, миссъ.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ сказать кучеру, что дядя дамы, которую онъ повезетъ, членъ магистрата, и что за малѣйшую дерзость ей онъ будетъ ужасно наказанъ. Вы можете сообщить ему это такъ, по-дружески, Тоулинсонъ, и потому-что вы знаете, какъ такое обстоятельство случилось съ другимъ извозчикомъ, который умеръ.

— Непременно, миссъ, сказалъ лакей, уходя.

— Теперь доброй ночи моему милому, милому, милому крестнику! А вы, другъ мой, Луиза, общайте выпить на ночь чего-нибудь горячаго и не тревожьтесь!

Огнедышущая Сузанна, присутствовавшая при сценѣ трогательнаго прощанія подругъ, едва могла удержать порывъ чувствъ своихъ; но за то, по уходѣ мистриссъ Чиккъ, она дала имъ полную волю.

— Слыхалъ ли кто въ жизнь свою двухъ другихъ подобныхъ этимъ уродамъ! воскликнула она.

— И еще онѣ увѣряютъ, что бѣдной дѣвочкѣ снилось! возразила Ричардсъ.

— Ахъ, вы, красавицы! Она никогда не будетъ настоящею Домби, не такъ ли? Должно надѣяться, что не будетъ; намъ не надобно такихъ: и одного такого сокровища довольно!

— Не разбудите дѣтей, милая Сузанна.

— Очень вамъ благодарна, мистриссъ Ричардсъ! Считаю за особенную честь принимать отъ васъ приказанія: вѣдь я ваша черная невольница! Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь приказаній?

— Какой вздоръ! приказанія...

— О, какое, мистриссъ Ричардсъ! Временныя здѣсь всегда командуютъ постоянными, въ этомъ домѣ ужь такъ заведено!

— Перестаньте, перестаньте, возразила Полли кротко.—Вы сердитесь, потому-что вы добрая дѣвушка и любите миссъ Флоренсу; а теперь вы бросились на меня, потому-что больше нѣ на кого.

— Очень-легко удерживаться, мистриссъ Ричардсъ, и говорить спокойно, когда за вашимъ ухаживаютъ какъ за принцемъ крови, и гладятъ и лизутъ его до того, что онъ желалъ бы поменьше вѣжности; другое дѣло, когда бѣдную малютку, добрую, тихую, кроткую, которая никогда бы не должна была слышать сердитаго слова, просто топчутъ въ грязь! Ахъ, Боже мой, миссъ Флой! да если вы не закроете глаза сейчасъ же, я позову всѣхъ домовыхъ, которые живутъ на колокольнѣ, и они съѣдятъ васъ живую!

Тутъ миссъ Нипперъ завывала дикимъ голосомъ, въ подражаніе домовымъ, и накрыла голову дѣвочки одеяломъ, послѣ чего просидѣла остатокъ вечера въ самомъ недовольномъ расположеніи духа.

Хотя маленькій Поль, какъ обыкновенно увѣряютъ кормилицы, и былъ уменъ не по росту, однакожь онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на всю эту сцену, такъ же, какъ и на приготовленія къ его крестинамъ, долженствовавшимъ торжествоваться черезъ день. Когда настало назначенное для этого утро, онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго сознанія его важности, чувствуя большую склонность ко сну и большое неудовольствіе на прислужницъ, наряжавшихъ его для поѣздки въ церковь.

То былъ желѣзно-сѣрый осенній день съ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ. Мистеръ Домби олицетворялъ своею особой и вѣтеръ, и пасмурность, и осень. Онъ принималъ общество въ кабинетъ и

былъ холоденъ, тяжелъ, какъ погода; когда онъ взглядывалъ сквозь стеклянную дверь на чахлыя деревья садика, съ нихъ сыпались дождемъ желтые и коричневые листья, какъ-будто паденіе ихъ ускорялось отъ тлетворнаго вліянія его морозныхъ взоровъ.

Комнаты были холодныя, пасмурныя и казались въ трауръ, подобно всѣмъ обитателямъ дома. Книжки, подобранныя подъ ранжиръ, какъ солдаты, стояли чинно и угрюмо въ замкнутомъ шкафу и повидному забыли въ своемъ заточеніи. Бронзовый бюстъ Пятта, вѣнчавшій это хранилище, казался заколдованнымъ мавромъ, стерегущимъ недосыгаемый кладъ. Двѣ пыльные урны, стоявшія на высокихъ пьедесталахъ по угламъ и открытыя изъ какой-нибудь древней могилы, какъ-будто проповѣдывали печаль и безнадежность. Зеркало каминна, отражавшее самого мистера Дѳмби и портретъ его, повѣшенный на противоположной стѣнѣ, казалось погруженнымъ въ грустныя размышленія. Желѣзные приборы каминна, по своей жесткости и холодности, казались предметами, имѣвшими самыя справедливыя притязанія на родственное сходство съ хозяиномъ.

Вскорѣ явились мистеръ и мистриссъ Чиккъ.

— Милый Поль, пробормотала мистриссъ Чиккъ, обнимая брата:—надѣюсь, сегодняшній день будетъ началомъ многихъ счастливыхъ годовъ!

— Благодарю, Луиза, отвѣчалъ мистеръ Дѳмби угрюмо.— Какъ вы поживаете, мистеръ Джонъ?

— Какъ вы, сударь, поживаете? сказалъ Чиккъ.

Онъ протянулъ мистеру Дѳмби руку съ такою осторожностью, какъ-будто боялся, что она наэлектризована. Мистеръ Дѳмби взялъ ее, какъ бы взялъ рыбу или морскую траву, или вообще какое-нибудь слизистое вещество, и немедленно возвратилъ зятю съ самою смертоносною вѣжливостью.

— Можетъ-быть, Луиза, сказалъ мистеръ Дѳмби, слегка повернувъ къ ней голову въ своемъ накрахмаленномъ галстухѣ:—ты бы предпочла затопить каминъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! для меня не безпокойся! возразила нѣжная сестра, которая между-тѣмъ дѣлала невѣроятныя усилія, чтобъ предупредить стукъ своихъ зубовъ, порывавшихся тряситься отъ холода.

— А вы, мистеръ Джонъ, не забнете?

Мистеръ Джонъ, заступившій уже обѣ руки въ карманы, объявилъ, что чувствуетъ себя какъ нельзя комфортабельнѣе и чуть не началъ своего любимаго: «тур-рол-дероллъ, долл!» но былъ, къ-счастію, прерванъ входомъ слуги, возвѣстившаго:

— Миссъ Токсъ!

Она влетѣла съ посинѣлымъ носомъ, одѣтая въ воздушный костюмъ, составленный изъ разныхъ газовыхъ обрѣзковъ и лентъ.

— Какъ вы поживаете, миссъ Токсъ?

Она отвѣсила глубочайшій реверансъ и сказала нѣжнѣйшимъ голосомъ:

— Никогда, никогда не забуду я сегодняшняго дня, сэръ! Это невозможно! Милая Луиза, я едва вѣрю, что это не сонъ!

Потомъ она принялась отогрѣвать замерзшій носъ свой треніемъ объ него носоваго платка, чтобъ младенецъ не удивился неприятнымъ образомъ его низкой температуръ, когда она его поцалуетъ.

Младенецъ вскорѣ явился, внесенный торжественно кормилицею, въ сопровожденіи маленькой Флоренсы и Сузанны Нипперъ. Хотя юнедшая изъ дѣтской публика была не въ такомъ глубокомъ траурѣ, какъ прежде, однако видъ осиротѣлыхъ дѣтей нисколько не развеселялъ сцены. Младенецъ, можетъ-быть, отъ прикосновенія къ ливу его холоднаго носа миссъ Токсъ, заплакалъ. Обстоятельство это помѣшало мистеру Чикку исполнить весьма-доброе намѣреніе: онъ хотѣлъ приласкать маленькую Флоренсу. Вообще, этотъ джентльменъ, безчувственный къ притязаніямъ истинныхъ Домби, дѣйствительно любилъ дѣвочку, что показывалъ ей при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ хотѣлъ сдѣлать это и теперь, но былъ прерванъ супругою, воскликнувшюю рѣзкимъ голосомъ:

— А ты что задумалась, Флоренса? Покажись ему, милая, развесели его!

Атмосфера дѣлалась все холоднѣе и холоднѣе отъ замороженнаго взгляда, съ которымъ мистеръ Домби смотрѣлъ на хлопоты своей маленькой дочери, хлопавшей въ ладоши и старавшейся обратить на себя вниманіе его сына и наследника. Добрая Полинъ, вѣроятно, помогла ей какимъ-нибудь манеромъ, потому-что питомецъ ея взглянулъ на сестру и пересталъ кричать. Онъ сдвинулъ за нею, когда она бѣгала вокругъ няньки, искалъ глазами, когда она скрывалась, и радостно шевелилъ ручонками и смѣялся, когда она съ веселымъ крикомъ снова являлась передъ нимъ и покрывала его личико поцалуями.

Радовало ли это зрѣлище мистера Домби? Ни одинъ мускулъ не шевельнулся на лицѣ его. Онъ смотрѣлъ такъ холодно и пристально, что когда взоры маленькой Флоренсы встрѣтились съ его взглядомъ, то всякое одушевленіе исчезло изъ веселыхъ глазъ развѣгравшейся дѣвочки.

— Мистеръ Джонъ, сказалъ онъ, взглянувъ на часы и взявшись за шляпу и перчатки. — Не угодно ли вамъ подать руку сестрѣ моей? моя рука принадлежитъ сегодня исключительно миссъ Токсъ. Ты бы лучше пошла впередъ съ маленькимъ Полемъ, Ричардсъ. Будь осторожна.

Въ каретѣ мистера Домби позвали: Домби и Сынъ, миссъ Токсъ, мистриссъ Чиккъ, Ричардсъ и Флоренса. За ними послѣдовала маленькая карета Чикка, въ которую помѣстился онъ самъ и Сузанна Нипперъ.

По дорогѣ къ церкви, мистеръ Домби разъ только похлопалъ въ ладоши для развлеченія своего наследника, чѣмъ возбудилъ неопытанный энтузіазмъ миссъ Токсъ. Вообще, этотъ крестивный повозъ разнствовалъ отъ похороннаго только уборами кареты и лошадей.

Подъѣхавъ къ церкви, общество было встрѣчено торжественными сторожами. Мистеръ Дѳмби, вышедъ изъ кареты прежде всѣхъ; чтобъ помочь ламамъ, остановился у дверецъ и казался точь-въ-точь другимъ экземпляромъ церковнаго сторожа.

Рука миссъ Токсъ дрожала, когда ее взялъ мистеръ Дѳмби. Они поднялись по крыльцу и вошли въ церковь, предшествуемые треугольною шляпой и какимъ-то вавилонскимъ воротникомъ.

— Внесите сюда скорѣе ребенка съ холоднаго воздуха, шепнулъ сторожъ, отворяя внутреннюю дверь церкви.

Маленькій Поль могъ бы спросить, какъ Гамлетъ: «въ мою могилу?» Такъ холодна и земляниста была внутренность храма. Сырость, пустота, холодъ, странный могильный запахъ, мертвенный свѣтъ, разныя погребальныя принадлежности въ одномъ углу—все живеть придавало необычайную унылость сценѣ, и безъ того облачной морозомъ.

— Тамъ теперь свадьба, сударь, сказалъ сторожъ съ поклономъ мистеру Дѳмби.—Но она сейчасъ кончится, а покуда не угодно ли вамъ будетъ войти въ ризницу?

Свадьба, которую наше общество увидѣло, проходя мимо алтаря, смотрѣла вовсе-нерадостно. Невѣста была слишкомъ-стара, женихъ слишкомъ-молодъ; устарѣлый щеголь, съ лорнетомъ, вставленнымъ въ одинъ огорченный бѣлымъ глазъ, передавалъ ее жениху, а присутствующіе друзья и свидѣтели дрогли отъ холода. Въ ризницѣ горѣлъ огонь камина, и старый, тощій писецъ отъ некивалъ что-то въ большомъ томѣ, одномъ изъ многихъ, составлявшихъ церковныя реестры, котораго длинныя пергаментныя страницы были испещрены похоронными записями.

Черезъ краткій холодный промежутокъ времени, вошла маленькая, сопящая, страждущая кашлемъ и насморкомъ отворяльщица загороженныхъ скамеекъ, и пригласила общество въ крестильницу. Тутъ они подождали еще нѣсколько минутъ, пока не отправилась свадебная публика, вокругъ которой отворяльщица вертѣлась съ удвоеннымъ кашлемъ, стараясь напомнить о своей особѣ.

Наконецъ, вошелъ клеркъ (единственное весело-смотрящее существо, да и онъ былъ похороннымъ подрядчикомъ) съ кувшиномъ горячей воды; выливая ее въ купель, онъ сказалъ что-то о необходимости согрѣть воду, чего бы не могли сдѣлать цѣлыя мильйоны галлоновъ кипятку въ теперешнемъ случаѣ. Пасторъ, добродушный и кроткій молодой человекъ, но очевидно испугавшійся младенца, явился, какъ главное лицо въ сказкѣ о привидѣніяхъ: это была высокая фигура вся въ бѣломъ. При видѣ его маленькій Поль поднималъ сверхъестественный вопль, который не прекратился до-тѣхъ-поръ, пока ребенка не вынесли совершенно-почернѣлаго.

Въ-продолженіе всей церемоніи, мистеръ Дѳмби смотрѣлъ безчувственнѣе и джентльменнѣе чѣмъ когда-нибудь; одинъ видъ его усиливалъ холодъ до того, что у пастора, когда онъ говорилъ, изъ рта выходилъ весьма-замѣтный паръ. Одинъ только разъ лицо

его нѣсколько ослабилось: это случилось, когда пасторъ, въ простой и безпритязательной рѣчи, произносилъ окончательное увѣщаніе, чтобъ крестные родители наблюдали за дѣтями въ будущія времена, и взоръ его случайно остановился на мистера Чиккѣ. Величественный взглядъ мистера Домби выразилъ тогда, что онъ очень бы хотѣлъ посмотреть, какъ мистеръ Джонъ за это прійдется.

Когда все кончилось, мистеръ Домби взялъ миссъ Токсъ подъ руку и отвелъ ее въ ризницу, гдѣ извинился передъ пасторомъ въ невозможности воспользоваться честью видѣть его за своимъ обѣдомъ, по причинѣ поразившаго его семейнаго несчастія. Когда реестръ былъ подписанъ, все должное заплачено, сторожъ и отворающіе наградены, и даже не забыть вошедшій въ это время могильщикъ,—все общество возвратилось прежнимъ мрачнымъ порядкомъ въ домъ мистера Домби.

Тамъ былъ приготовленъ холодный завтракъ, на холодномъ хрусталѣ и серебрѣ, скорѣе похожій на мертвый обѣдъ, чѣмъ на крѣпительную трапезу для живыхъ людей. Пріѣхавъ, миссъ Токсъ вынула серебряную кружку для своего крестника, а мистеръ Чиккѣ для него же ящичекъ съ такимъ же ножикомъ, вилкою и ложкой. Мистеръ Домби вручилъ миссъ Токсъ браслетъ, при полученіи котораго восторгъ и благодарность ея не знали границъ.

— Мистеръ Джонъ, сказалъ мистеръ Домби:—не угодно ли вамъ будетъ сѣсть на томъ концѣ стола? Миссъ Токсъ, не сдѣлаете ли вы мнѣ честь выпить со мною рюмку вина? Подать шампанскаго, миссъ Токсъ!

Все, казалось, было заражено простудою и зубною болѣю. Одинъ мистеръ Домби не чувствовалъ ничего особеннаго и могъ бы весьма-блестательно представить собою образецъ замороженнаго джентльмена на русскомъ зимнемъ рынкѣ. Господствующее за столомъ вліяніе было даже не подѣ силу мистриссъ Чиккѣ, которая отказалась отъ привычки своей говорить лесть и рабскія вѣсти брату.

— Ну, сударь, выговорилъ мистеръ Чиккѣ послѣ отчаяннаго усилія и долгаго молчанія, наливъ рюмку хереса:—если вы позволите, я выпью за здоровье маленькаго Поля!

— О, ангельчикъ! воскликнула миссъ Токсъ, отпивъ изъ своей рюмки.

— Милый маленькій Домби! отозвалась въ-полголоса мистриссъ Чиккѣ.

— Мистеръ Джонъ, отвѣчалъ мистеръ Домби строго-серьезнымъ голосомъ:—еслибъ сынъ мой могъ оцѣнить честь, которую вы ему дѣлаете, то былъ бы вамъ очень-благодаренъ. Я увѣренъ, что онъ со-временемъ будетъ въ состояніи нести всякую отвѣтственность, которою могутъ обременить его друзья и родственники въ частной жизни, или отрадное положеніе наше въ жизни публичной.

Слова эти были сказаны тономъ, недопуславшимъ отвѣта, почему мистеръ Чиккъ снова замолчалъ и упалъ духомъ. Миссъ Токсъ, слушавшая мистера Дѳмби съ большимъ даже противъ обыкновенія восторгомъ, выразила его подругъ своей восклицаніемъ въ-полголоса: «Какое краснорѣчіе!»

Мистеръ Дѳмби, между-тѣмъ, вѣлѣлъ позвать къ себѣ Ричардсъ, которая вошла съ низкими присѣданьями, но безъ своего питомца: маленькій Поль крѣпко спалъ послѣ утренней утомительной для него поѣздки. Мистеръ Дѳмби, предложивъ рюмку вина вассалкъ, обратился къ ней съ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ уже шесть мѣсяцевъ или около того, Ричардсъ, ты живешь въ моемъ домѣ и всегда исполняла свои обязанности какъ должно. Желая по случаю сегодняшняго дня сдѣлать и для тебя что-нибудь особенное, я думалъ объ этомъ и посоветовался съ моею сестрою, мистриссъ...

— Чиккъ! подсказалъ ей супругъ.

— О, замолчите, *прошу* васъ! воскликнула миссъ Токсъ, которой голова была уже значительно наклонена на бокъ и которая приготовилась напечатлѣть въ душѣ своей каждое слово мистера Дѳмби.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, Ричардсъ, началъ снова мистеръ Дѳмби, бросивъ на мистера Джона уничтожающій взглядъ: — что я былъ подкрѣпленъ въ моей рѣшимости разговоромъ съ твоимъ мужемъ, въ тотъ день, когда тебя наняли, и узналъ, что все твоѣ семейство, начиная съ головы его, погрязло въ самомъ грубомъ невѣжествѣ.

Ричардсъ смиренно потупила глаза.

— Я далеко не одобряю того, что люди называютъ «общимъ воспитаніемъ», но нахожу полезнымъ, чтобъ нисшіе классы не вѣдали свое положеніе и вели себя прилично; вотъ въ какомъ отношеніи я считаю школы полезными. Имѣя право опредѣлѣть одного воспитанника въ древнее заведеніе, основанное богоугоднымъ обществомъ «Милосердыхъ Точильщиковъ»,— гдѣ дѣти получаютъ не только воспитаніе, но даже и отличительную одежду,— я, снесши напередъ съ твоимъ семействомъ черезъ мистриссъ Чиккъ, назначилъ твоего старшаго сына на очистившуюся вакансію. Меня увѣдомили, что онъ сегодня уже ходитъ въ костюмъ этого заведенія. Номеръ ея сына, кажется, прибавилъ мистеръ Дѳмби, обратиться къ сестрѣ и говоря о мальчикѣ, какъ объ извоищьемъ кабриолетѣ:—сто-сорокъ-девятый. Луиза, ты можешь рассказать ей.

— Сто-сорокъ-седьмой, сказала мистриссъ Чиккъ.—Одежда, Ричардсъ, теплая и приличная: синій фризовой кафтанъ съ фалдами и шапка, отороченные оранжевымъ; красные шерстяные чулки и прекрѣпкое кожаное исподнее платье. Лучше этого и желать нечего!

— Вотъ, Ричардсъ, замѣтила восторженная миссъ Токсъ: — теперь вы *можете* гордиться! Милосердые Точильщики!

— Я вамъ очень-благодарна, сударь, проговорила Полин слабымъ голосомъ:—и считаю большою милостью, что вы вспомнили о моихъ малюткахъ. Тутъ представился воображенію ея Байлеръ въ видъ Милосердаго Точильщика, съ коротенькими ножками, облеченный въ описанные мистриссъ Чиккъ кожаные футляры, и глаза ея наполнились слезами.

— Я очень-рада видѣть, что у васъ такъ много чувствительности, Ричардсъ, замѣтила миссъ Токсъ.

— Это почти подаетъ надежду, что на свѣтъ еще не совершенно вывелись благородныя сердца, сказала мистриссъ Чиккъ.

Полин присѣдала на эти комплименты и благодарила едва-внятнымъ шопотомъ; чувствуя себя не въ силахъ поправиться отъ волненія, произведеннаго видѣніемъ Байлера въ кожаныхъ панталонахъ, она мало-по-малу приближалась къ дверямъ и была очень-рада, когда ей удалось исчезнуть.

Краткая надежда на временную оттепель, прибывшая вмѣстѣ съ нею, погасла съ ея уходомъ, и морозъ воцарился между присутствующими по-прежнему. Мистеръ Чиккъ два раза мурлыкалъ на своемъ концѣ стола какой-то напѣвъ, но это былъ похоронный маршъ изъ «Саула». Все общество казалось застывающимъ болѣе и болѣе и переходящимъ въ совершенно-окоченъное, замороженное состояніе. Наконецъ, мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ, обмѣнявшись выразительнымъ взглядомъ, встали и сказали, что рѣшительно пора отправиться. Мистеръ Домби принялъ это извѣстіе съ совершеннѣйшимъ равнодушіемъ, и дамы, простившись съ нимъ, вышли въ сопровожденіи мистера Чикка, который, усвѣившись въ карету вмѣстѣ съ женою, запустилъ преглубоко обѣ руки въ карманы и засвисталъ мотивъ охотничьей пѣсни съ такимъ непреклонно-грознымъ выраженіемъ лица, что мистриссъ Чиккъ и не подумало рискнуть помѣшать ему.

Полин, державшая на рукахъ маленькаго Поля, никакъ не могла забыть о своемъ первенцѣ. Она чувствовала, что это неблаго-дарно, но не могла удержаться отъ горестныхъ размышленій и нѣсколько разъ повторила въ дѣтской: «бѣдныя его ноги!»

— Не знаю, чего бы я не дала, сказала она Сузаннѣ Нипперъ:—чтобъ мнѣ можно было видѣть бѣдняжку прежде, чѣмъ онъ привыкнетъ къ этому проклятому мундиру!

— Знаете что, мистриссъ Ричардсъ, отвѣчала Сузанна:—сходите и посмотрите на него!

— Мистеръ Домби разсердится!

— О, не-уже-ли? А я думаю, что онъ будетъ очень-доволенъ, если вы у него попроситесь.

— Вы бы вѣрно не стали у него спрашивать?

— Разумѣется, нѣтъ, мистриссъ Ричардсъ. Я сегодня слышала, какъ наши красивыя инспекторши говорили, что онъ завтра сюда не прійдутъ; поэтому я пойду гулять съ миссъ Флой завтра же утромъ, а вы ступайте съ нами, возьмите съ собою маленькаго

Поля, и мы васъ посвятимъ, мистриссъ Ричардсъ. Въдъ все же рѣшю, гдѣ ни гулять!

Поли сначала упорно отвергала эту мысль, но мало-по-малу, приводя себя передъ глаза запрещенную ей картину ея семейства, она склонялась, и наконецъ рѣшилась принять предложеніе Сузанны Нипперъ.

Когда дѣло было такимъ образомъ рѣшено, маленькій Поля привился плакать самымъ жалобнымъ голосомъ, какъ-будто желалъ выразить, что онъ не предвидитъ тутъ ничего хорошаго.

— Что съ ребенкомъ? спросила Сузанна.

— Я думаю, ему холодно, отвѣчала Поли, начавъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ и убаюкивать его.

Вечеръ былъ холодный, пасмурный, вѣтренный, сырой, и осенніе листья дождемъ сыпались съ деревь.

ГЛАВА VI.

Вторая потеря Поля.

На слѣдующее утро, бѣдною Поли овладѣли такіе страхи и опасенія, что еслибъ ее не подстрекала безпрестанно огневая миссъ Нипперъ, то она отказалась бы отъ предположенной экспедиціи или рѣшилась просить у самого мистера Дѳмби позволенія увидѣться, подъ кровомъ его дома, съ номеромъ сто-сорокъ-сѣдмьмьшъ. Но Сузанна опровергла вторую мысль такими доводами, что дашь-только мистеръ Дѳмби повернулъ къ нимъ свою величавую спину, направясь въ Сити, сынъ его былъ уже на дорогѣ къ Стэггсовымъ-Садамъ.

Первый ударъ великаго землетрясенія только-что тряхнулъ тогда до основанія все сосѣдство тѣхъ мѣстъ: многіе дома были разрушены; улицы проломаны и завалены; глубокія ямы и рвы вырыты въ землѣ; страшныя кучи земли и глины нагромождены на всякомъ шагу; подрытыя и колеблющіяся строенія поддерживались подпорами. Въ одномъ мѣстѣ видѣлась цѣлая бездна опрокинутыхъ телегъ; въ другомъ кучи сваленнаго въ безпорядкѣ желѣза. Вездѣ были мосты, неведшіе никуда, перекрѣстки совершенно непроходимые, вавилонскія башни трубъ, вполонину недостроенныхъ, временные сараи, ограды и заборы тамъ, гдѣ бы ихъ никакъ не слѣдовало ожидать; отрывки неконченныхъ каменныхъ стѣнъ и сводовъ; страшнѣйшіе лѣса и подмости, кѳзлы, бревна, горы мусора и кирпичей...

Короче сказать, тутъ строили въ полномъ разгарѣ желѣзную дорогу.

Недалеко оттуда были и Стэггсовы-Сады—рядъ маленькихъ домиковъ съ крошечными клочками земли, отгороженными старыми

дверьми, бочешными днами, растянутыми между колышками обрывками смоленой парусины и высохшими кустиками. Въ этихъ «садахъ», владѣльцы ихъ разводили бобы, держали куръ и кроликовъ, воздвигали себѣ павильоны—одинъ состоялъ изъ опрокинутой вверхъ дномъ гнилой лодки—сушили свое платье и бѣлье, и курили трубки.

Къ этому-то злополучному мѣсту, котораго имя мистриссъ Чиккъ не осмѣливалась даже выговорить своему брату, несли маленькаго Поля судьба и Ричардсъ.

— Вотъ мой домъ, Сузанна, сказала Полли, указывая на него.

— А, право? возразила та снисходительно.

— А вотъ у дверей сестра Джэмима, съ своимъ роднымъ малюткой на рукахъ!

Видъ этотъ окрылилъ Полли, которая мигомъ пронеслась черезъ изъ Стэггсовы-Сады, бросилась на Джэмиму и въ одно мгновеніе обнялась съ нею младенцами, къ неопisanному изумленію той, къ которой наследникъ фирмы Домби и Сына прилетѣлъ какъ-будто съ небесъ.

— Полли! кричала сестра ея. — Да какъ ты здѣсь очутилась? Дѣти съ ума сойдутъ, когда тебя увидятъ!

Судя по шуму, который они подняли, дѣйствительно можно было подумать, что Джэмима сказала правду. Они бросились къ матери какъ бѣшеные, втащили ее въ домъ, усадили на низкія кресла, и доброе круглое лицо ея сдѣлалось центромъ, къ которому прижимались красныя щеки всѣхъ ея круглолицыхъ дѣтей. Сама Полли шумѣла, вскрикивала и сѣялась не меньше ихъ, пока совершенно не выбилась изъ силъ. Тогда только она вспомнила, что пришла не одна.

— Вотъ, смотрите, какая хорошенькая дамочка пришла къ вамъ, сказала Полли своимъ, указывая на Флоренсу. — Видите, какая она тихая, скромная!.. О, войдите сюда хоть на минуту, Сузанна! Вотъ моя сестра Джэмима! Знаешь ли, Джэмима, что безъ Сузанны Нипперъ я бы не знала, что съ собою дѣлать; безъ нея я бы теперь ни за что не попала сюда!

— О, садитесь, миссъ Нипперъ, прошу васъ! сказала Джэмима. — Я никогда въ жизни не была такъ счастлива, какъ сегодня! Снимите шляпку и будьте какъ дома, миссъ Нипперъ! Я боюсь, что вы не привыкли быть въ такихъ бѣдныхъ мѣстахъ, но надеюсь, что будете снисходительны.

Такое почтительное обращеніе обезоружило миссъ Нипперъ, которая сначала надулась, воображая, что ей не оказываютъ достаточнаго уваженія; она простерла даже любезность свою до того, что поймала одного изъ маленькихъ Тудлей и принялась играть съ нимъ.

— А гдѣ мой бѣдняжка Байлеръ? спросила Полли.

— Ахъ, какъ жаль! отвѣчала Джэмима.—Онъ въ своей школѣ, Полли!

— Ужь тамъ?

— Да, онъ пошелъ туда въ первый разъ вчера; но сегодня полупраздникъ, и еслибъ ты подождала... и еслибъ вы согласились, миссъ Нипперъ... онъ скоро прійдетъ.

— Ну, а каково онъ смотритъ, Джэмима?

— Да, право, не такъ худо, какъ ты думаешь.

— А ноги его?

— Ноги-то коротки, конечно, но вѣдь онъ съ каждымъ днемъ дѣлаются длиннѣе.

— А гдѣ отецъ, Джэмима?—Все семейство мистера Тудля называло его этимъ патриархальнымъ именемъ.

— Ну, вотъ! Вообрази: отецъ взялъ обѣдъ съ собою и сказалъ, что не будетъ дома до вечера. Какъ это жаль!

Не смотря на такую двойную неудачу, Полли была все-таки очень-рада, что увидѣла хотя часть своего семейства. Обѣ сестры толковали о семейныхъ дѣлахъ, миссъ Нипперъ продолжала играть съ жирненькими Тудлями, наконецъ разговоръ сдѣлался общій, и Сузанна, рассказавъ Джэмимѣ саркастическимъ слогомъ разныя подробности о мистерѣ Домби и его частной жизни, вкуса угощенія, состоявшаго изъ портера и шримпсовъ, и почувствовала къ своей собесѣдницѣ сильное дружеское расположеніе.

Маленькая Флоренса также не оставалась праздною: молодые Тудли повели ее въ садъ, показали ей несколько мухоморовъ и другія мѣстные достопримѣчательности, и она занялась съ ними отъ души сооруженіемъ маленькой плотины поперегъ накопившейся въ одномъ углу лужицы. Она преусердно трудилась и пачкалась, когда была застигнута въ этомъ занятіи Сузанною Нипперъ; та, сдѣлавъ ей выговоръ, вымыла ей лицо и руки, и потомъ, послѣ довольно-долгого разговора между Полли и Джэмимой о семейныхъ дѣлахъ, сестры снова обмѣнялись малютками и приготовились разстаться.

Чтобъ избѣжать трогательнаго прощанія, маленькихъ Тудлей отвели въ сосѣднюю лавочку, давъ имъ пенни на покупку пряника, а Полли, съ наследникомъ фирмы Домби и Сына, и Сузанна съ маленькою Флоренсой, тронулись въ обратный путь. Джэмима закричала сестрѣ, что если онъ сдѣлаютъ небольшой обходъ къ Сити-Роду, то неминуемо встрѣтятъ Байлера, который теперь навѣрно возвращается изъ школы, на что Сузанна охотно согласилась.

Случилось такъ, что жизнь бѣднаго Байлера сдѣлалась со вчерашняго дня непрерывною цѣпью огорченій, по причинѣ костюма Милосердыхъ Точильщиковъ, котораго не могли видѣть равнодушнымъ окомъ уличные мальчишки. Не было встрѣчнаго сорванца, который бы не затронулъ, не подразнилъ или не обидѣлъ Байлера такъ или иначе. Общественное существованіе его походило больше на мученическую жизнь, чѣмъ на жизнь невиннаго ребенка; его бомбардировали камешками, сталкивали въ канавки, закидывали грязью,

приплюскивали къ стѣнамъ. Люди, которыхъ онъ никогда въ глаза не видалъ, находили особенное наслажденіе срывать съ его головы желтую шапку и бросать ее на произволъ вѣтровъ. Коротенькія ноги его подвергались не одной только словесной критикѣ, но и препорядочнымъ щипкамъ. Въ это самое утро онъ явился въ школу съ вовсе — нежеланнымъ свнякомъ подъ глазомъ и былъ за то наказанъ учителемъ, старымъ и ужь совсѣмъ не-Милосерднымъ Точильщикомъ весьма-суроваго нрава, передъ которымъ трепетали всѣ ученики. Вотъ почему Байлеръ, возвращаясь домой, шелъ по глухимъ улицамъ и темнымъ закоулкамъ, чтобъ избѣжать встрѣчь съ своими мучителями.

Наконецъ, вынужденный показаться снова на открытой дорогѣ, онъ наткнулся на кучку мальчишекъ, которые, подъ предводительствомъ молодаго мясника, ожидали только удобнаго случая позабавиться надъ чѣмъ-нибудь или надъ чѣмъ-нибудь. Увидя Милосердаго Точильщика, они обрадовались до изступленія, испустили вопль восторга и бросились на него. Но въ это самое время Полли, глядя съ безнадежностью впередъ и рѣшившись уже послѣ часа ходьбы воротиться, говоря, что не стоить идти дальше, увидѣла это зрѣлище. Вскрикнувъ, она передала Сузаннѣ маленькаго Домби и бросилась на выручку своего первенца.

Сюрпризы и бѣды рѣдко приходятъ одни: удивленная Сузанна Нипперъ съ дѣтьми была только-что спасена прохожими чуть не въ-подъ колесъ провзажавшей мимо кареты, какъ вдругъ улица огласилась громкимъ крикомъ: «Бѣшеный быкъ!»

Флоренса, испуганная поднявшеюся суматохой, видя, что люди мечутся какъ угорьляе, кричатъ, бѣгаютъ, сталкиваются другъ друга, совершенно растерялась, закричала и бросилась бѣжать, сама не зная куда. Она бѣжала, пока не выбилась изъ силъ, крича Сузаннѣ, чтобъ та не отставала; тогда, остановившись, она оглянулась и увидѣла съ неописаннымъ ужасомъ, что осталась совершенно одна.

— Сузанна! Сузанна! кричала она, всплеснувъ руками.— О, гдѣ онъ? гдѣ онъ?

— Гдѣ онъ? сказала какая-то грязная старуха, ковылявшая къ ней изъ всѣхъ силъ съ противоположной стороны улицы. — А зачѣмъ ты отъ нихъ убѣжала?

— Я испугалась! Я не знала, что дѣлаю. Я думала, что онъ съ мною. Гдѣ онъ?

Старуха взяла ее за руку и сказала: «А вотъ, я покажу тебѣ, гдѣ онъ».

То была безобразная старуха, съ красными кругами около глазъ и рта, трясающимся даже когда она молчала, одѣтая въ лохмотья и съ нѣсколькими шкурками подъ мышкою. Ясно было, что она нѣсколько времени слѣдовала за Флоренсой, потому-что едва переводила духъ, отъ-чего казалась еще страшнѣе.

Флоренса испугалась ея и оглядывалась въ неръшимости вокруг себя. Она стояла въ концѣ глухаго переулка, гдѣ не было живої души, кромѣ ея и старухи.

— Не бойся, не бойся, сказала старуха, не выпускай ея:— подемъ со мною.

— Я... я васъ не знаю. Какъ васъ зовутъ?

— Мистриссъ Броунъ... добрая мистриссъ Броунъ.

— А онѣ близко отсюда?

— Сузанна близехонько, а остальные также недалеко.

— Съ ними ничего не случилось?

— Ничего.

При этомъ извѣстіи дѣвочка заплакала отъ радости и охотѣ поспѣдовала за «доброю» мистриссъ Броунъ, хотя по-временашъ и не могла удержаться, чтобъ не бросить на нее недобѣрчиваго взгляда.

Онѣ прошли такимъ образомъ небольшое разстояніе по грудамъ мусора, черезъ дворы съ кирпичомъ и черепицами, и наконецъ старуха заворотила въ вонючій закоулокъ, гдѣ грязь лежала черными кучками посреди дороги. Тамъ она остановилась передъ полуразвалившимся домишкой самой подозрительной наружности, отворила дверь и втокнула бѣдную малютку въ темную канурку, гдѣ была свалена на полу цѣлая груда тряпокъ и лохмотьевъ всѣхъ цвѣтовъ, груда костей и кучка просѣянаго сора и пыли. Мебели никакой. Стѣны и потолокъ совершенно-черные.

Бѣдняжка отъ ужаса; у ней закружилась голова, и она едва устояла на ногахъ.

— Нечего трусить! сказала «добрая» мистриссъ Броунъ, осматривая ея телюкомъ. — Я тебя зла не сделаю. Сядь съ сюда, на лохмотья!

Флоренса повинувалась, протягивая руки съ измѣною мольбою.

— Я не задержу тебя больше часа. Понимаешь, что я тебя говорю?

— Понимаю, проговорило дитя.

— Ну, такъ не сердь же меня, сказала старуха, усаживаясь на кости.—Будешь смирна, такъ я тебя не трону, а не то—убью. Ты знай, что я могу убить тебя когда захочу, вездѣ, коть бы ты спала дома въ своей постели. Теперь говори, кто ты?

Угрозы старухи, страхъ обидѣть ея и привычка подавлять въ себѣ свои чувства, огорченія и надежды—все это было причиной, что Флоренса была въ силахъ исполнить приказаніе мистриссъ Броунъ и рассказала ей все, что о себѣ знала. Старуха выслушала ея со вниманіемъ до конца.

— Такъ тебя зовутъ Дѣмби?

— Дѣ, сударыня.

— Мнѣ нужно это хорошенькое платьице, миссъ Дѣмби, и эта шляпка, и ваши юпки, и все, что на васъ есть. Ну, снимай съ себя все!

Бѣдная малютка повиновалась со всею поспѣшностью, къ какой только были способны ея дрожавшія руки, не свода испуганнаго взора съ «доброй» мистриссъ Броунъ, которая принимала прочее-реди каждую часть ея костюма, разсматривала все со вниманіемъ и по-видимому осталась довольна цѣнностью этихъ вещей.

— Гм! Больше не осталось ничего, кромѣ башмаковъ. Мнѣ нужны ваши башмаки, миссъ Дѣвчѣ!

Флоренса сняла ихъ также проворно. Тогда старуха, взрывъ грудь лохмотьевъ, отыскивала грязную замѣну отобранному отъ дѣвочки туалету, вмѣстѣ съ дѣтскимъ плащомъ, изношеннымъ и оборваннѣмъ, и раздавленными остатками шляпки, вытащенной вѣроятно изъ какой-нибудь канавки или помойной ямы. Она велѣла малюткѣ одѣться во все это, и та, предчувствуя, что одно только послушаніе можетъ ускорить ея освобожденіе, повиновалась съ удвоеннымъ усердіемъ.

Надѣвая шляпку, она запутала ее въ торопяхъ между волосами, которые упали ей на плечики роскошными шелковистыми локонами, и не вдругъ могла поправиться. Добрая мистриссъ Броунъ вытащила преогромныя ножницы и пришла въ какое-то странное волненіе.

— Ахъ ты дурочка! Ты не хотѣла, чтобъ я осталась довольна!

— Извините, я не знаю отъ-чего сдѣлалась...

— Не знаешь? А я развѣ знаю? Ахъ, Боже мой! Да вслая на моемъ мѣстѣ обкаринала бы ихъ прежде всего! воскликнула старуха, перебирая костлявою рукою волосы дѣвочки съ какии-то свѣтлымъ наслажденіемъ.

Флоренса такъ обрадовалась, видя, что хотѣтъ отрѣзать ея волосы, а не голову, что не противилась и не просила, а только устремила крѣпкій взглядъ прямо въ лицо мистриссъ Броунъ.

— Еслибъ у меня самой не было дочери,—она теперь далеко за моремъ, а у нея были чудные волосы и она гордилась ими,—я бы не оставила на твоей головѣ ни волоска! Она далеко, далеко за моремъ! О-о-хр-хо!

У мистриссъ Броунъ голосъ былъ вообще дадеко не молодическій; но теперь вопль ея, сопровождаемый размахиваніемъ скелетистыхъ рукъ, былъ проникнуть такою дикою горестью, что Флоренса испугалась больше, чѣмъ прежде. Это, однако, спасло ея локоны, потому-что мистриссъ Броунъ, поносившии нѣсколько секундъ вокругъ бѣдной дѣвочки, хлопающа ножницами, какъ бабочка новаго рода, велѣла ей спрятать волосы подъ шляпку, чтобъ ихъ вовсе не было видно, и не вводить ее во искушеніе. Послѣ такой победы надъ собою, мистриссъ Броунъ снова усмалась на грудь костей и закурила коротенькую черную трубочку, ворча и шевеля челюстями.

Выкуривъ трубочку, старуха дала нести дѣвочкѣ кроликовую шкурку, чтобъ она казалась ея настоящею спутницей, и объявила, что поведетъ ее на большую улицу, откуда она можетъ

разспросить у прохожихъ дорогу домой. Мистриссъ Броунъ предостерегла однако Флоренсу, съ самыми страшными угрозами, чтобы она не смѣла говорить ни съ кѣмъ изъ прохожихъ и шла не въ домъ отца, а въ конторы его, въ Сити. Подкрѣпивъ своимъ наставленіемъ новыми угрозами, она повела малютку, одѣтую въ грязныя лохмотья, по безконечному лабиринту узкихъ улицъ, закоулковъ и переходовъ, изъ которыхъ онѣ вышли на конюшенный дворъ съ крытымъ проходомъ на улицу.

Старуха показала ей на выходъ, за которымъ слышался шумъ дѣятельной жизни густо-населеннаго города, велѣла дожидаться, пока пробѣтъ три часа, и, напоминивъ, что она ее всюду отыщетъ и смертельно отомститъ за неповиновеніе, сказала, что съ послѣднимъ ударомъ часовъ она можетъ идти, заворотить налѣво.

Флоренса остановилась на углу съ облегченнымъ сердцемъ, но все еще сильно напуганная, и ждала вожделеннаго боя часовъ; по-временамъ она оглядывалась назадъ, но всякій разъ, въ концѣ низкаго прохода, показывалось ей трясущееся лицо мистриссъ Броунъ и костлявый кулакъ, какъ-будто напоминавшій о прощальныхъ увещаніяхъ старухи. Наконецъ на ближайшей колокольнѣ ударило три; малютка оглянулась еще разъ и бросилась бѣжать, вышедъ изъ воротъ налѣво, по приказанію мистриссъ Броунъ.

Вся свѣдѣнія дѣвочки о конторахъ отца ея ограничивались знаніемъ, что онѣ принадлежатъ Дѣдкѣ и Сыну и находятся въ Сити, гдѣ играютъ важную роль. Въ-свѣдѣствіе этого она приняла спрашивать дорогу къ Дѣдкѣ и Сыну въ Сити; но такъ-какъ боялась большихъ, и все больше адресовалась къ попадавшимся вѣстрячу къ дѣтямъ, то получала весьма-неудовлетворительныя указанія. Потомъ, однако, она догадалась спрашивать только о томъ какъ попасть въ Сити, и такимъ-образомъ мало-по-малу приближалась къ сердцу великой пучины, управляемой грознымъ лодомъ-маромъ.

Усталая, напуганная, оглушенная малютка, которую несколько разъ сбивали съ ногъ, продолжала идти со слезами на глазахъ и раза два останавливалась, чтобы облегчить измученное сердце горькимъ плачемъ. Немногіе изъ прохожихъ замѣчали ее; а тѣ, которые и замѣчали, видя грязныя лохмотья бѣдняжки, воображали что ее вѣроятно кто-нибудь научилъ этому способу возбужденія состраданія.

Прошло два часа съ-тѣхъ-поръ, какъ она тронулась въ путь. Выбравшись изъ одной улицы, биткомъ-набитой телегами и озамы съ гремѣвшимъ полосовымъ желѣзомъ, она очутилась на пристани, на набережной рѣки, среди бездны разсыпанныхъ вѣстюковъ, бочекъ и ящиковъ. Подлѣ большихъ деревянныхъ вѣстей и маленькаго деревяннаго домика на колесахъ стоялъ, глядя въ-свѣдѣнія мачты и шляпки, какой-то дюжій господинъ съ перомъ за ухомъ и запунченными въ карманы руками. Онъ посвященъ

съ такимъ видомъ, какъ-будто чувствовалъ, что дневная работа его должна скоро кончиться.

— Ты что? сказалъ онъ дѣвочкѣ, оглянувшись. — У насъ для тебя ничего нѣтъ; пошла прочь!

— Здѣсь Сити, сударь? спросила трепетнымъ голосомъ дочь Дѣмб-бювъ.

— А! ты знаешь, что здѣсь Сити? Ступай, ступай! У насъ для тебя ничего нѣтъ!

— Мнѣ ничего не нужно, сударь. Я только хотѣла спросить дорогу къ Дѣмби и Сыну.

Человѣкъ съ руками въ карманахъ взглянулъ на нее пристально и какъ-будто удивился такому вопросу.

— А чего тебѣ можетъ быть нужно отъ Дѣмби и Сына?

— Узнать дорогу къ нимъ, сударь.

Онъ посмотрѣлъ на нее еще пристальнѣе и потеръ себѣ затылокъ съ такимъ удивленіемъ, что сбилъ шляпу съ своей головы.

— Дѣде! закричалъ онъ проходившему мимо работнику, снова надѣвая шляпу.

— Что угодно?

— Гдѣ тотъ сорванецъ отъ Дѣмби, который смотрѣлъ здѣсь за погрузкою товаровъ?

— Сейчасъ ушелъ въ тѣ ворота.

— Позови-ка его сюда.

Дѣде побѣжалъ и черезъ минуту воротился вмѣстѣ съ весело-смотрящимъ мальчикомъ.

— Ты жокей Дѣмби?

— Я въ домъ Дѣмби и Сына, мистеръ Кларкъ.

— Взгляни-ка сюда.

Мальчикъ подошелъ къ Флоренсъ, не понимая чего отъ него хотѣть и что можетъ быть общаго между ею и Дѣмби и Сыномъ. Но она, обрадовавшись, что нашла человѣка изъ дома ея отца, и ободренная лицомъ мальчика, бросилась къ нему съ жаромъ и схватила его за руку обѣими руками.

— Я заблудилась!

— Заблудилась! отозвался мальчикъ.

— Да, я заблудилась сегодня утромъ, далеко отсюда — у меня отняли тогда мое платье — я теперь одѣта не въ свое платье... мое имя Флоренса Дѣмби, я сестра моего маленькаго брата... О, прошу васъ, прошу васъ, не оставьте меня! — Бѣдняжка заплакала навзрыдъ; грязная шляпка свалилась у нея въ это время съ головы и волосы разсыпались по лицу, къ неоправданному изумленію и состраданію молодого Валтера, племянника инструментальнаго мастера Соломона Джиллса.

Мистеръ Кларкъ ошарашанъ при такой неожиданной развязкѣ. Валтеръ поднялъ башмакъ, свалившійся у дѣвочки, когда она по-обѣжала къ нему, и надѣлъ его ей такъ же восторженно, какъ сказочный принцъ надѣвалъ туфлю Сандрильоны на ея маленькую

ножку. Перекинувъ кроликовую шкурку черезъ свою лѣвую руку, онъ подалъ правую Флоренсъ и чувствовалъ себя наравнѣ — съ Ричардомъ Виттингтономъ, лордомъ-маркомъ Дондона — это было бы слишкомъ-мало, а развѣ наравнѣ со св. Георгіемъ англійскимъ, когда передъ нимъ лежалъ побѣжденный имъ мертвый драконъ.

— Не плачьте, миссъ Дѣмби! сказалъ Валтеръ въ порывѣ восторга.—Какъ чудно, что я очутился здѣсь! Вы теперь такъ же безопасны, какъ есдѣль васъ охранялъ полный комплектъ гребной съ капитанскаго катера стопушечнаго корабля. О, не плачьте!

— Я не буду больше плакать. Я теперь плачу только отъ радости.

— Отъ радости! и я причину этого! Пойдемте, миссъ Дѣмби. Вотъ у васъ свалился другой башмакъ! Наденьте мой башмаки, миссъ Дѣмби.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Флоренса, останавливая своего покровителя, который уже пріостановился и началъ съ завальчивостью снимать свои башмаки.

— И то правда, сказалъ онъ, взглянувъ на ея маленькую ножку.—Что я говорю! Вамъ бы и двухъ шаговъ не сдѣлать въ моихъ башмакахъ. Пойдемте, миссъ Дѣмби. Желалъ бы я посмотреть, кто осмѣлится обидѣть васъ теперь!

Такимъ-образомъ воспламененный Валтеръ повелъ ее подъ руку и они шли по улицамъ, не обращая никакого вниманія на удивленіе, съ которыми на нихъ смотрѣли прохожіе.

Уже начинало темнѣть, сдѣлался туманъ и пошелъ мелкій дождь, но они нисколько не думали объ этомъ. Флоренса рассказывала свои послѣднія приключенія со всѣмъ чистосердечіемъ невнимательныхъ дѣтскихъ лѣтъ, а Валтеръ слушалъ, какъ-будто они были ради отъ грязи и тумановъ Лондона и гуляли наединѣ подъ тѣнью широколиственныхъ деревьевъ какого-нибудь необитаемаго тропическаго острова.

— Далекое ли намъ еще идти? спросила Флоренса.

— О, нѣтъ! Дайте посмотреть, гдѣ мы? Да! знаю. Но конторы теперь закрыты, миссъ Дѣмби. Тамъ никого нѣтъ. Мистеръ Дѣмби ушелъ давно оттуда. Я думаю, что намъ лучше идти къ вашъ домъ, не такъ ли? Или постоитъ! Еще лучше, если мы войдемъ къ моему дядѣ, гдѣ я живу—это очень-близко отсюда,—а потому я поведу въ извозничьемъ кабріолетѣ къ вамъ и скажу, что вы въ безопасности и привезу ваше платье. Какъ вы думаете?

— Мнѣ кажется, что это будетъ хорошо.

Пока они разсуждали такимъ-образомъ на улицѣ, мимо нихъ прошелъ человекъ, который взглянулъ на Валтера и какъ-будто узналъ его; но потомъ, оправаясь по-видимому отъ этого перваго впечатлѣнія, пошелъ не останавливаясь далѣе.

— Это, кажется, мистеръ Каркеръ, сказала Валтеръ. — Каркеръ изъ нашей фирмы. Не Каркеръ-управляющій, миссъ Домби; а другой Каркеръ, младшій. Ахъ! мистеръ Каркеръ!

— Не-уже-ли Валтеръ Гэй? возразилъ тотъ, остановившись. — Я бы не ожидалъ видѣть его съ такою спутницей.

Каркеръ выслушалъ съ изумленіемъ торопливый разговоръ Валтера. Онъ представлялъ собою странную противоположность со стоявшими передъ нимъ рука-объ-руку юными фигурами. Каркеръ былъ не старъ, но совершенно сѣдъ; тѣло его было согнуто или какъ-будто наклонилось подъ бременемъ тяжкаго безпокойства; лицо, печальное и истощенное, было исчерчено глубокими морщинами. Огонь глазъ, выраженіе лица, голосъ — все это было подавлено и какъ-будто погашено болѣзненнымъ состояніемъ духа. Онъ былъ одѣтъ весь въ черное, прилично, но очень-просто. Даже платье, казалось, съѣживалось на его тѣлѣ, какъ-будто и оно, вывѣтъ со всею наружностью этого человѣка, упрашивало не обращать на него вниманія и оставить его въ полномъ забвеніи.

Не смотря на это, сочувствіе къ исполненной надеждамъ юности не погасло на пепелищѣ души Каркера: онъ смотрѣлъ на восторженнаго Валтера съ необыкновеннымъ участіемъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ неизъяснимое состраданіе и смущеніе. Когда мальчикъ, въ заключеніе, предложилъ ему вопросъ, съ которымъ онъ передъ тѣмъ обращался къ Флоренсъ, Каркеръ продолжалъ смотрѣть на него съ тѣмъ же выраженіемъ въ глазахъ, и какъ-будто читая на этомъ юношескомъ лицѣ будущность, грустно-противоположную съ его теперешнею веселостью и привлекательностью.

— Что вы мнѣ присовѣтуете, мистеръ Каркеръ? сказала Валтеръ съ улыбкой. — Вы всегда давали мнѣ добрые совѣты, когда говорили со мною, хоть это и нечасто случалось.

— По-моему, твоя мысль самая лучшая, отвѣчалъ Каркеръ, глядя попеременно на Валтера и Флоренсу.

— А знаете ли что, мистеръ Каркеръ! воскликнулъ мальчикъ съ лицомъ, просвѣтлѣвшимъ отъ великодушной мысли. — Вотъ вамъ случай! Ступайте къ мистеру Домби и будьте ему вѣстанкомъ радости, а я останусь дома. Можетъ-быть, это вамъ на что-нибудь пригодится; ступайте!

— Я!!... возразилъ тотъ съ ужасомъ.

— Ну, да! Почему же нѣтъ, мистеръ Каркеръ?

Преждевременный старикъ только пожалъ ему руку въ отвѣтъ. Казалось, онъ боялся и стыдился даже это сдѣлать; пожелавъ Валтеру добраго вечера и посоветовавъ ему поторопиться, онъ отвернулся и ушелъ.

— Пойдемте, миссъ Домби. Надобно идти къ моему дядѣ какъ можно скорѣе. Не случалось ли вамъ слышать, миссъ Флоренса, говорить ли иногда мистеру Домби о Каркерѣ-младшемъ?

— Нѣтъ, возразило кротко дитя: — я рѣдко слышу, чтобъ мамѣ говорили.

— А, да! Тѣмъ стыднѣе для него! подумалъ Валтеръ.

Они пошли дальше. Въ это время снова свалился одинъ изъ башмаковъ Флоренсы, и Валтеръ предложилъ дѣвочки со своимъ свѣжимъ пылкимъ энтузіазмомъ, что онъ снесетъ ее къ дому дяди Солля на рукахъ. Она отказалась, не смотря на свою усталость и, смѣясь, замѣтила ему, что онъ ее уронитъ; онъ старался доказать противное, приводя разные примѣры изъ кораблекрушеній, и такимъ образомъ,—такъ какъ разстоянія оставалось немного, — они очутились незамѣтно подъ вывѣскою деревяннаго мичмана.

— Ало, дядя Солль! закричалъ мальчикъ, ворвавшись въ лавку. — Вотъ чудное приключеніе. Вотъ дочь мистера Дѳмби, которая заблудилась на улицахъ и у которой все платье обобрала какая-то старая вѣдьма. Я ее нашелъ и привелъ сюда... смотрите!

— Милосердыя небеса! отозвался изумленный старикъ. — Да знаешь ли, я...

— Ни вы, никто и не вообразилъ бы, чтобъ подобное дѣло могло случиться! Помогите-ка мнѣ придвинуть къ огню эту маленькую софу, дядя Солль... поберегите тарелки... да отряхните ей чего-нибудь, дядюшка, она проголодалась... бросьте ваши гадкіе башмаки, миссъ Флоренса... просушите ножки на огнѣ... какъ онъ сыръ!... вотъ приключеніе-то! Каково, дядюшка? Ахъ какъ я разгорячился!...

Соломонъ Джилльсъ также разгорячился отъ сочувствія съ племянникомъ и не зналъ что дѣлать. Онъ гладилъ Флоренсу по головѣ, упрощивалъ, чтобъ она ѣла и пила, теръ ей подошвы нагрѣтымъ передъ огнемъ носовымъ платкомъ и слѣдилъ взоромъ и слухомъ за племянникомъ, который метался во все стороны, чтобъ сдѣлать двадцать дѣлъ разомъ, и не дѣлалъ ровно ничего.

— Постоите съ минутку, дядюшка, продолжалъ мальчикъ, схвативъ свѣчку: — я вѣзбгу на верхъ и только надѣну другую куртку, а потомъ я уйду сейчасъ же. Каково приключеніе, дядюшка, ге?

— Любезный мой, отвѣчалъ инструментальный мастеръ, продолжая колебаться между лежавшею на софѣ Флоренсой и племянникомъ, бросившимся во все углы кабинета:—да это самое необыкновенное...

— Да нѣтъ, дядюшка... кушайте, миссъ Флоренса... дядюшка, вы знаете, обѣдать...

— Да, да, да, кричалъ старикъ, вѣззываясь въ баранью ногу и какъ-будто собираясь насытить исполина. — Я ужъ позабочусь о ней, Валли! Понимаю, понимаю! Бѣдненькая! Проголодалась, разумается. Ступай, ступай. Ахъ, Боже мой! Сэръ Ричардъ Виттингтонъ, трижды лордъ-мэръ Лондона!

Валтеръ оставался наверху очень-недолго; но въ этотъ промежутокъ Флоренса, взнеможенная отъ усталости, уснула передъ

определеннаго камня. Кратковременное отсутствіе пламени дадо дядю Соллю случай прійдти въ себя, сдѣлать кой-какія приспособленія для спокойствія маляутки и отгородить ее отъ яркаго пламени и свѣта. Когда мальчикъ возвратился внизъ, она спала самымъ тихимъ, спокойнымъ сномъ.

— Вотъ чудесно! шепнулъ Валтеръ, сдвинувъ въ своихъ объятіяхъ старика, такъ-что у него на лицѣ явилось новое выраженіе. — Ну, теперь я иду! Я только возьму съ собою кѣрку хлѣба, потому-что голодець какъ собака... и.... да не разбудите ее, дядюшка!

— Нѣтъ, нѣтъ. Что за миленькое дитя!

— Ахъ, какое миленькое! Я въ жизнь свою не видывалъ такого личика. Ну, теперь иду!

— Прекрасно, ступай.

— Однако, слушайте, дядя Салль...

— Ну, ты ужь и воротился.

— Каково она теперь смотритъ?

— Преполоучно.

— Чудесно! Ну, теперь я иду...

— Надѣюсь, что пора.

— Да слушайте, дядюшка, кричалъ Валтеръ, снова показавшись у дверей.

— Ты опять здѣсь?

— Мы встрѣтили на улицѣ мистера Каркера-младшаго. Чудакъ болше чѣмъ когда-нибудь! Онъ пожелалъ мнѣ добраго вечера, а самъ доехалъ до дверей вслѣдъ за нами — вѣдь это престранно! Когда мы входили, я оглянулся и видѣлъ, какъ онъ преспокойно пошелъ домой: точно какъ-будто слуга, который проводилъ меня. Ну, а каково она теперь смотритъ, дядюшка?

— Такъ же, какъ и прежде, Валли.

— Прекрасно. Ну, теперь я ушелъ!

Онъ ушелъ дѣйствительно, а старикъ, потерявшій всякое желаніе обидать, усвѣлся противъ камня и не сводилъ глазъ съ крѣпко-спавшей Флоренсы, занимаясь въ то же время строеніемъ воздушныхъ замковъ самой фантастической архитектуры.

Валтеръ свѣшилъ между-тѣмъ въ наемной экипажъ къ дому мистера Домби. Подѣхавъ туда, онъ выскочилъ и разсказалъ на-скоро слугѣ цѣль своего посѣщенія; тотъ немедленно повелъ его въ кабинетъ, гдѣ находился въ то время мистеръ Домби, мистриссъ Чиккъ, миссъ Токсъ, Ричардсъ и Сузанна Нипперъ.

— О, извините меня, сударь! вскричалъ Валтеръ, бросившись къ мистеру Домби: — я такъ счастливъ, что пришелъ къ вамъ съ добрыми вѣстями. Все благополучно: миссъ Домби найдена!

Открытое лицо мальчика и сіяющіе глаза, дышавшіе радостью и внутреннимъ волненіемъ, представляли чудную противоположность со всею наружностью мистера Домби, глядѣвшаго на него изъ своихъ креселъ.

— Я говорилъ тебѣ, Луиза, что ее навѣрно отыщутъ; сказалъ мистеръ Дѣмби, взглянувъ слегка черезъ плечо на сестру, плакавшую вмѣстѣ съ миссъ Токсъ. — Сказать слугамъ, что дальнѣйшія розыски ненужны; мальчикъ этотъ молодой Гэй изъ конторы. Какимъ образомъ нашлась моя дочь, сударь? Я знаю, какъ она пропала. — Тутъ онъ величественно взглянулъ на Ричардсъ. — Но какъ она нашлась? кто ее нашелъ?

— Я полагаю, что я нашелъ миссъ Дѣмби, сударь; еслибъ я даже не имѣлъ полнаго права на такое притязаніе, то былъ бы счастливымъ орудіемъ...

— Что вы, сударь, подразумеваете; говоря, что вы не имѣете полнаго права на какое-то притязаніе, и что вы были счастливымъ орудіемъ? прервалъ мистеръ Дѣмби, видѣвшій съ инстинктивнымъ неудовольствіемъ гордость и радость мальчика. — Прощу выразаться понятнѣе.

Валтеръ разсказалъ какъ могъ все, что ему было извѣстно и почему онъ теперь явился сюда одинъ.

— Слышишь? сказалъ мистеръ Дѣмби строгимъ голосомъ Сузаннѣ Нипперъ. — Возьми съ собою все, что нужно, и отправляйся сейчасъ же съ этимъ молодымъ человѣкомъ за миссъ Флоренсой. Гэй, ты будешь завтра награжденъ.

— О, благодарю васъ, сударь! Вы очень-добры. Могу васъ уверить, что я вовсе не думалъ о наградѣ.

— Ты еще мальчикъ, возразилъ мистеръ Дѣмби резко и почти гнѣвно: — мало нужды до того, о чемъ ты думаешь или о чемъ не думаешь. Ты поступилъ хорошо, сударь. Не норти своего поступка. Луиза, дай ему, пожалуйста, рюмку вина.

Взгляды мистера Дѣмби провожалъ съ явною немилостью Валтера Гэя, выходявшаго изъ комнаты вслѣдъ за мистриссъ Чиккъ; очень-вѣроятно, что и мысленные взоры его были нисколько не благосклонны, слѣдуя за мальчикомъ по дорогѣ къ дядѣ Соллю, куда онъ вхалъ вмѣстѣ съ Сузанныю Нипперъ.

Тамъ они нашли Флоренсу, освѣженную и подкрѣпившуюся сномъ; она уже пообедала и сошла съ инструментальнымъ мистеромъ на самую дружескую ногу. Сузанна, которой глаза покраснѣли отъ слезъ, обняла ее, не проговоривъ ни одного слова въ упрекъ, и цаловала съ истерическою горячностью. Потомъ, прервавши на время кабинетъ дяди Солля въ уборную, она одѣла Флоренсу во все чистое и повела къ каретѣ.

— Прощайте! кричала малютка, бросившись къ старику. — Вы были со мною очень-добры!

Старый Солль былъ въ восторгѣ и цаловалъ ее съ живностью дѣда.

— Прощайте, Валтеръ, прощайте!

— Прощайте! отвѣчалъ тотъ, протянувъ ей обѣ руки.

— Я васъ никогда, никогда не забуду! Прощайте, Валтеръ!

Въ невнимности благороднаго сердца, она протянула ему свое личико, и Валтеръ, поцаловавъ ее, покраснѣвъ и сконфузился до нельзя.

— Гдѣ Валтеръ? Прощайте, Валтеръ! прощайте! кричала Флоренса изъ кареты. Потомъ, когда экипажъ тронулся, она махала изъ окошка дверецъ носовымъ платкомъ. Валтеръ весело отвѣчалъ ей на этотъ сигналъ, стоя у дверей, между-тѣмъ, какъ деревянный мичманъ, какъ-будто изъ подражанія ему, обратилъ свое исключительное вниманіе на одинъ этотъ экипажъ, не удостоивая своими астрономическими обсерваціями ни одного изъ остальныхъ экипажей, проѣзжавшихъ тогда мимо.

Карета подъѣхала къ дому мистера Домби, и ей велѣно было подождать. «Это для мистриссъ Ричардсъ», шепнула Сузаннъ мишходомъ одна изъ служанокъ.

Прибытіе пропавшаго дитяти произвело въ домѣ довольно-легкое впечатлѣніе. Мистеръ Домби, вообще думавшій о ней очень мало, поцаловавъ ее разъ въ лобъ, посоветовавъ не пронадать въ другой разъ и не гулять впередъ съ невѣрными няньками. Мистриссъ Чиккъ перестала плакать и привѣтствовала племянницу, какъ несовершенноую Домби. Миссъ Токсъ установила выраженіе лица своего по имѣвшимся у нея передъ глазами образцамъ: одна только Ричардсъ, преступная Ричардсъ, обнаружила непритворную радость и выразила чувства сердца своего въ полусловахъ, прерываемыхъ радостными слезами, наклоняясь надъ головкой дѣвочки съ искреннею любовью.

— О, Ричардсъ! сказала мистриссъ Чиккъ со вздохомъ: — какъ желательно было бы тѣмъ, которые хотятъ сохранить о ближнихъ доброе мнѣніе, еслибъ ты повела себя лучше относительно младѣнца, который теперь долженъ преждевременно лишиться пищи своего нѣжнаго возраста.

— Горестно, горестно! шептала миссъ Токсъ.

— Еслибъ я была въ твоемъ положеніи, продолжала торжественно мистриссъ Чиккъ: — я чувствовала бы, что за мою неблагодарность одежда Милосердыхъ-Точильщиковъ должна жечь тѣло моего сына и благодѣтельное воспитаніе этого заведенія дуршать его!

Мистриссъ Чиккъ не знала, какъ костюмъ Милосердыхъ-Точильщиковъ жегъ тѣло бѣднаго Байлера и какую бурю ударовъ, тычкоть и всхлипываній производило это благодѣтельное воспитаніе.

— Луиза, сказалъ мистеръ Домби: — нѣтъ нужды продолжать подобныя замѣчанія. Женщина эта отслана и ей заплачено что слѣдуетъ. Ты оставляешь мой домъ, Ричардсъ, за то, что взяла моего сына — моего сына! — въ такія мѣста и въ такое общество, о которыхъ нельзя даже подумать безъ содраганія. Я считаю случившееся сегодня утромъ съ миссъ Флоренсой — въ одномъ важномъ значеніи — счастливымъ обстоятельствомъ, безъ котораго я, имѣть-быть, не узналъ бы о твоемъ проступкѣ. Я полагаю, Луиза, что другую няньку, которая гораздо-моложе (въ это время

миссъ Сузанна Нипперъ громко зарыдала), можно оставить, тѣмъ болѣе, что она была подъ вліяніемъ кормилицы маленькаго Поля. Прощу тебя, Луиза, приказать, чтобъ за экипажъ этой женщины заплатили до... до Стэтсовыхъ-Садовъ. — Последняго названія мистеръ Дѣмби не могъ произнести безъ невольной гримасы.

Поля направилась къ дверямъ, сопровождаемая Флоренсой, которая держала ее за платье и умоляла съ горькими слезами и въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, чтобъ она не уходила. Это было ударомъ кинжала въ надменное сердце ея отца, который не могъ видѣть безъ внутренней боли, что родное дитя его показываетъ при немъ столько привязанности къ чужой простонародной женщинѣ. Онъ невольно подумалъ, что можетъ ожидать того же самого и отъ сына.

Маленькій Польш кричалъ всю эту ночь на-пропалую. Онъ лишился второй своей матери, тогда-какъ сестра его, плакавшая горько пока не заснула отъ изнеможенія, лишилась единственнаго вѣрнаго друга.

ГЛАВА VII.

Взглядъ съ высоты птичьяго полета на жилище миссъ Токсъ; а также нѣчто о состояніи ея сердечныхъ чувствъ.

Миссъ Токсъ обитала въ маленькомъ темномъ домикѣ, втѣснившемся, во время какого-нибудь отдаленнаго періода англійской исторіи, въ модное сосѣдство аристократическаго Вест-Энда; онъ стоялъ тамъ въ тѣни за угломъ, какъ бѣдный родственникъ величественной улицы, которой дома смотрѣли на него холодно и свысока. Названіе этого уединенія, гдѣ клочки травы показывались между камнями мостовой, было Принцессъ-Плэсъ; тамъ была также Принцессина-Часовня съ дребезжающимъ колоколомъ, въ которой къ воскресному богослуженію собиралось иногда человекъ до двадцати-вяти. Тутъ же былъ и трактиръ, подъ вывѣскою «Принцессинныхъ-Гербовъ», который часто посѣщался важными лакеями знати.

Кромѣ жилища миссъ Токсъ, на Принцессъ-Плэсъ былъ еще одинъ частный домъ, не говоря уже объ огромнѣйшихъ воротахъ, украшенныхъ львиными головами и никогда ни по какому случаю неотворавшихся, потому ихъ предполагали вышедшимъ изъ употребленія входомъ въ чьи-нибудь конюшни. Вообще, воздухъ Принцессъ-Плэса сильно отзывался конюшнями; спальня миссъ Токсъ, находившаяся на заднемъ фасѣ зданія, властвовала надъ множествомъ конюшенъ и сараевъ, гдѣ конюхи и дворники, чѣмъ бы ни занимались, аккомпанировали себя безпрестанно страшнѣйшимъ шумомъ; а по наружнымъ стѣнамъ этихъ строеній была

постоянно развѣшиваемы, подобно знаменамъ Макбета, разныя домашнія принадлежности костюма и бѣлья кучеровъ, ихъ женъ и семействъ.

Другой частный домъ, о которомъ мы сейчасъ упоминали, былъ занятъ отставнымъ буфетчикомъ, женатымъ на ключницѣ; тамъ часть комнатъ отдавалась въ наймы съ мѣбелю, для помѣщенія холостого джентльмена. Въ эпоху нашего разсказа, ихъ нанималъ одинъ синелицый майоръ съ деревянными чертами и съ глазами навывкатъ. Миссъ Токсъ находила въ немъ, какъ она сама выражалась, «что-то *такое* воинственное», и между имъ и ею происходилъ иногда размѣръ нумеровъ газетъ, памфлетовъ и тому подобныхъ пластическихъ любезностей, чрезъ посредство чернаго слуги майора, котораго (т. е. слугу) миссъ Токсъ называла обыкновенно «туземцемъ», не соединяя, впрочемъ, этого наименованія ни съ какою географическою идеей.

Можетъ-быть, трудно было бы отыскать сѣни и лестницу тѣсныя тѣхъ, которыя служили преддверіемъ къ жилищу миссъ Токсъ; можетъ-быть, взятый весь вмѣстѣ, отъ верха до низа, это былъ самый неудобный и излучистый домикъ въ цѣлой Англій; но за то миссъ Токсъ говорила съ восхищеніемъ: «А въ какомъ онъ мѣстѣ!» Зимой въ него проникало очень-мало дневнаго свѣта; солнце вовсе не заглядывало ни въ какое время года; о воздухъ не было помина; купить по сосѣдству невозможно ничего—и все-таки миссъ Токсъ говорила съ восторгомъ: «А каково мѣстополюженіе!» То же самое говорилъ синелицый майоръ съ глазами навывкатъ, который тщеславился тѣмъ, что живетъ на Принцессъ-Пласъ: онъ находилъ особенное наслажденіе наводить въ своемъ клубъ разговоръ на что-нибудь, имѣвшее сношеніе съ важными лицами аристократической улицы за угломъ, и всегда присовокуплялъ, что они его сосѣди.

Темный домъ, въ которомъ жила миссъ Токсъ, принадлежалъ ей и достался ей по наслѣдству отъ покойнаго обладателя рыбаго глаза, вправленнаго въ замѣкъ ея бусъ. Миниатюрный портретъ его, въ напудренномъ парикѣ и съ косою, висѣлъ подлѣ камина, по другую сторону котораго красовался разрисованный старинный подносъ. Большая часть мѣбели и заброшенная арфа почтенной дѣвicy принадлежали очевидно также къ эпохѣ напудренныхъ париковъ.

Хотя майоръ Бэгстокъ достигъ уже тѣхъ лѣтъ, которыя въ уточненной литературѣ извѣстны подъ названіемъ «великаго меридіана жизни», и уже спускался замѣтно подъ гору, однако онъ сильно гордился тѣмъ, что заинтересовалъ свою костлявою особой и выкатившимися глазами целомудренную миссъ Токсъ. Въ тщеславіи своемъ, онъ называлъ ее «великолюбною женщиной», которая имѣетъ на него кой-какіе виды. Онъ даже намекалъ объ этомъ довольно-часто въ своемъ клубѣ.

— Джоей Б., говаривалъ онъ, размахивая тросточкой:—стоитъ

иногда Джозефа вашей братья. Если бы между вами, сударь, было побольше боготочковой крови, вы бы верно чувствовали себя не хуже. Старый Джозе, сударь, не нуждается въ дальнихъ странствіяхъ, чтобъ найти себя жену даже теперь; ему стоить только захотѣть жениться, но онъ малый жестокосердый. Да, сударь, Дж. Б. не изъ мягкихъ! Онъ чертовски тугъ, сударь, и чертовски хитеръ! Вообще, разныя шутивыя сокращенія своего имени были одною изъ любимѣйшихъ привычекъ майора.

Не смотря, однако, на такія похвалы, майоръ оказался червь-чуръ самолюбивымъ. Ему никогда и въ голову не приходило, чтобъ нашлось женское существо, которое бы могло оставить его безъ вниманія; еще менѣе былъ онъ въ состояніи подозрѣвать, чтобъ миссъ Токсъ могла забыть его или пренебречь имъ.

А между-тѣмъ, миссъ Токсъ, по-видимому, забывала его — постепенно забывала, и это началось съ-тѣхъ-поръ, какъ она открыла семейство Тудлей. Она продолжала забывать его до самыхъ крестинъ маленькаго Пола Дѳмби, и забвеніе это усиливалось съ большими процентами послѣ этой эпохи. Очевидно, виновственный майоръ былъ замѣненъ въ ея сердцахъ кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь.

— Добраго утра, мамъ, сказалъ майоръ, встрѣтившись однажды съ миссъ Токсъ на Принцессъ-Плэсъ, нѣсколько недѣль спустя послѣ описанныхъ нами въ предыдущей главѣ перемѣнъ.

— Добраго утра, сударь, отвѣчала она прехолодно.

— Джозе Богстонъ, сударыня, замѣтилъ майоръ съ своею обыкновенною любезностью: — не имѣлъ давно уже счастья кланяться вамъ въ ваше окно. Дж. Б. страдалъ отъ этого, мамъ. Солнце его было за облакомъ.

Миссъ Токсъ слегка, но очень-холодно наклонила голову.

— Слытле Джозе Богстока было, можетъ-быть, гдѣ-нибудь въ Лондонѣ?

— Я въ Лондонѣ? О, нѣтъ, сударь! Я никуда не выѣзжала. Все мое время было посвящено нѣкоторымъ искреннимъ друзьямъ. Я боюсь, что ваше теперь не совершенно-свободно: Добраго утра, сударь!

Пока миссъ Токсъ исчезала съ Принцессъ-Плэса съ самою обоимительною походкой, изумленный майоръ слѣдилъ за нею съ лицемъ, которое было снѣга чѣмъ когда-нибудь, и ворчалъ про себя нѣкоторыя весьма-неприятныя для нея замѣчанія.

— Годаемъ, сэръ! воскликнулъ онъ, вращая свои выкатившіеся глаза съ большимъ негодованіемъ. — Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, женщина эта была влюблена даже въ мостовую, по которой ходитъ Джозуа Богстокъ. Что бы это значило?

Послѣ нѣ котораго размышленія, онъ рѣшилъ, что миссъ Токсъ, по всей вѣроятности, разставляетъ западни, чтобъ поймать себя законнаго супруга. — Меня, однако, вы не поймаете, сударыня! го-

верилъ онъ. — Джекъ тутъ, да, сударина, Дж. В. чертовски тутъ и чертовски лукавъ!

Не смотря, однако, на эту утѣшительную мысль, прошло много дней, и миссъ Токсъ неизменно въ все не думала о майорѣ. Случалось, правда, что по-временамъ она отвѣчала краснѣя на его прѣдствіе, когда онъ кланялся ей въ окно; но она уже не искала такихъ случаевъ и вообще заботилась очень-мало о томъ, смѣетъ ли онъ на нее, или нѣтъ.

Майоръ, стоя въ тѣни своихъ комнатъ, замѣтилъ, что въ домѣ миссъ Токсъ произошли некоторыя перемены и что даже ея сдѣлался какъ-будто веселѣе и щеголеватѣе: новая кнѣпка изъ нововведенной проволоки замѣнила старую, въ которой сидѣла измученная канарейка миссъ Токсъ; некоторыя картинныя и фальшивыя украшенія появились на ея каминѣ и столикѣ; на окнѣ выросло необыкновенное для того времени растеніе; даже арфа была настроена, и миссъ Токсъ иногда брѣдала на ней разныя вальсы.

Больше всего поражаало майора обстоятельство, что миссъ Токсъ была теперь одѣта съ большою изысканностью въ легкой трауръ. Не стоило даже ему нѣтъ выбраться изъ лабиринта своихъ догадокъ: онъ заключалъ, что она по всей вѣроятности получила какое-нибудь небольшое несчастіе и загордилась.

На другой день послѣ того, какъ онъ успокоилъ свой духъ какими-нибудь разсужденіями, сѣлъ за завтракомъ; майоръ Богстокъ увидѣлъ въ комнатѣ миссъ Токсъ такой чудной и страшный феноменъ, что остался на несколько минутъ пригвожденнымъ къ своему стулу. Провѣсившись потомъ въ другую комнату, онъ взялъ двойную театральную трубочку и привѣлся глядѣть съ напряженнымъ вниманіемъ въ покои своей сосѣдки.

— Это ребенокъ, сударь! воскликнулъ онъ наконецъ. — Держу пятьсотъ тысячъ франковъ пари, что ребенокъ!

Этого майоръ не могъ забыть. Онъ только посвистывалъ и выпучивалъ глаза свои такъ страшно, что можно было ожидать опасныхъ для нихъ послѣдствій. День-за-днемъ, по два, по три, по четыре раза въ недѣлю, таинственный младенецъ появлялся снова въ комнатахъ миссъ Токсъ. Майоръ продолжалъ выпучивать глаза и посвистывать, а миссъ Токсъ совершенно перестала думать о немъ: ей стало все равно, смѣетъ ли онъ или чернѣетъ.

Постоянныя путешествія ея за младенцемъ и его нянькою, и возвращеніе съ ними домой; нѣжная заботливость о немъ; игра на арфѣ, которою она замораживала его невинную кровь; поцалун, которыми она его осыпала; старанія развеселить малютку, съ которыми она безпрестанно нянчилась—все это выходило какъ-нибудь больше изъ ряда обыкновеннаго. Около того же времени ею овладѣла страсть глядѣть на какой-то браслетъ, вмѣстѣ съ страстью глядѣть на луну, съ которой она по долгимъ промежуткамъ не сводила глазъ изъ своего окна. Но на что бы она ни глядѣла—на солнце, луну или браслетъ,—она не глядѣла больше на майора, ко-

терпѣ вымаранивалъ глаза, пошептывалъ, тоналъ ногами въ свою поминку и не зналъ что думать.

— Вы, право, скоро завоюете сердце моего брата Поля, моя индѣя, сказала ей однажды мистрисъ Чикль.

Миссъ Токсъ поблѣдилла.

— Ребенокъ дѣлается съ каждымъ днемъ похожее на отца.

Миссъ Токсъ вѣяла вѣсто, отвѣта, малютку и принялась цѣловать его такъ нѣжно, что пригладила и принудила ему все волосы на головѣ.

— Скажите, мой другъ, сказала миссъ Токсъ: походить онъ на свою покойную мать?

— Нисколько!

— Она была... она была очень-хороша собою?

— Да, бѣдная Фанни была интересна. Конечно, интересна. У нея, конечно, не было того наружнаго величя, какого бы следовало ожидать отъ жены моего брата; но было также силы характера и твердости, какія нужны жене такого мужа...

Миссъ Токсъ глубоко вздохнула.

— Но Фанни была очень-прятнаго нрава и чрезвычайно-добра. О, да! чрезвычайно добра!

— О, ангелъ! воскликнула миссъ Токсъ маленькому Полю.—О, ты истинный портретъ отца!

Еслибъ майоръ подозревалъ, какіе надежды, расчеты и мечты основывались на этомъ поминкѣ младенца, ему было бы отъ чего вымаранивать глаза. Тогда бы онъ достигъ, какого рода честолюбію гнѣздится въ миссъ Токсъ и почему она льнетъ съ такимъ жаромъ и такъ безотвязно къ еяриъ Дѣмби и Сына.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Поля подрастаетъ; характеръ его.

Мало-по-малу, подъ бдительнымъ руководствомъ времени, маленькій Поля перешелъ отъ младенчества къ дѣтству и сдѣлался ходящимъ, болтающимъ и удивляющимся Дюбни. Послѣ грѣхонаденія и изгнанія Ричардсъ, нѣсто ея осталось вакантнымъ, и кормилицу замѣнили нянька, мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія предались своей новой обязанности съ необычайнымъ увлеченіемъ. Дѣло дошло до того, что майоръ Бэгстокъ убѣдился въ своей отставкѣ изъ сердца миссъ Токсъ; а мистеръ Чиккъ, освобожденный отъ домашняго надзора, принялся наслаждаться бурными удовольствіями свѣтской жизни, обѣдалъ въ клубахъ и кофейныхъ домахъ, игралъ въ разныя игры, трижды явился къ своей супругѣ закуренный табачнымъ дымомъ, — словомъ, по выраженію мистриссъ Чиккъ, распустилъ узы всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ обязанностей человѣка.

Не смотря, однако, на всѣ попеченія, которыми окружали маленькаго Поля, его нельзя было назвать здоровымъ ребенкомъ. Будучи отъ природы нѣжнаго сложенія, онъ долго томился, лишавшись кормилицы; каждый зубокъ прорѣзывался у него съ мученіями; онъ страдалъ всѣми дѣтскими болѣзнями и очень-часто бывалъ въ самомъ опасномъ положеніи. Можетъ-быть, холодъ,

обдавѣи его при крестинахъ, поразилъ бѣдняжку въ одно изъ самыхъ чувствительныхъ началъ жизни: какъ бы то ни было, онъ сталъ съ того самаго дня несчастнымъ ребенкомъ и не могъ поправиться въ силахъ и въ здоровьѣ. Мистриссъ Виккемъ соболѣзновала о немъ изъ глубины души.

Мистриссъ Виккемъ была жена трактирнаго лакея — почти то же самое, что вдова всякаго другаго человѣка; ее взяли въ няньки Полю дна черезъ два послѣ внезапнаго отнятія его отъ груди кормилицы. Она была женщина добрая, бѣлокурая, съ вѣчно-поднятыми бровями и понуренною головою; во всякое время готова была соболѣзновать о себѣ или о комъ бы то ни было, и имѣла необыкновенный даръ смотрѣть на всѣ предметы съ самой печальной и безнадежной точки зрѣнія.

Нечего и говорить, что до величественнаго слуха мистера Дѳомби не долетало ни малѣйшаго отголоска объ этомъ качествѣ новой няньки. Вообще, ни мистриссъ Чиккъ, ни миссъ Токсъ не смѣли и думать сообщить ему что-нибудь, что могло бы намекнуть о малѣйшемъ поводѣ къ опасеніямъ на-счетъ жизни или здоровья его сына. Мистеръ Дѳомби рѣшилъ, что ребенокъ долженъ пройти черезъ извѣстныя болѣзни, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Еслибъ онъ могъ откупить его отъ этихъ правъ природы или нанять другаго, который бы перенесъ на себя недуги, предназначенные его сыну, онъ готовъ бы былъ заплатить щедрое вознагражденіе. Но какъ это было невозможно, то онъ ограничивался только удивленіемъ неразборчивости природы, неотличающей его сына отъ сына любого угольника. Главнымъ чувствомъ мистера Дѳомби было нетерпѣніе, усиливавшееся въ постоянной прогрессіи по мѣрѣ того, какъ сынъ его подрасталъ; — нетерпѣніе увидѣть какъ-можно-скорѣе сына своего дѣйствительнымъ членомъ богатаго и могущественнаго торговаго дома Дѳомби и Сына.

Нѣкоторые философы утверждаютъ, будто эгоизмъ гнѣздится въ корнѣ всякой человѣческой привязанности. Конечно, мистеръ Дѳомби видѣлъ въ сынѣ нераздѣльную часть и наследника своего собственнаго величія, или величія фирмы Дѳомби и Сына; но онъ любилъ его всюю любовью, къ какой былъ способенъ. Если въ холодномъ сердцѣ его былъ теплый уголокъ, то этотъ уголокъ былъ занятъ его сыномъ; если жесткая оболочка этого куска льда могла запечатлѣться чѣмъ-нибудь образомъ, то это былъ опять-таки образъ сына... правда, не столько сына-младенца, или сына-мальчика, сколько «Сына» фирмы. Вотъ причина желанія его дожидаться какъ-можно-скорѣе конца всѣхъ промежуточныхъ періодовъ жизни Поля; вотъ почему онъ не безпокоился о немъ, какъ-будто жизнь его была застрахована и заколдована; вотъ почему онъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что сынъ его *долженъ* сдѣлаться «Сыномъ» фирмы, съ которымъ онъ имѣлъ ежедневно мысленныя сношенія.

Такимъ образомъ, Полю дожило до пятилѣтняго возраста. Онъ былъ хорошацкій ребенокъ, хотя дичко его и казалось нѣсколь-

ко-болѣзненнымъ; а пристальные взгляды его не разъ заставляли мистриссъ Виккемъ печально качать головою и тяжело вздыхать. Правъ его обещалъ сдѣлаться со-временемъ достаточно властолюбивымъ, хотя нерѣдко въ немъ обнаруживалось много дѣтской игривости, и онъ вообще не былъ капризенъ. Одно было въ немъ странно: часто впадалъ въ какую-то непостижимую въ его лѣта задумчивость, и тогда, сидя въ своихъ миньютюрныхъ креслахъ, онъ смотрѣлъ и говорилъ въ родѣ тѣхъ таинственныхъ и страшныхъ маленькихъ существъ, о которыхъ рассказываютъ въ волшебныхъ сказкахъ, и которыя, имѣя отъ роду по полуторасти или по двѣсти лѣтъ, фантастически представляютъ собою дѣтей, зашнурованныхъ ими для какихъ-нибудь потребностей колдовства.

Иногда это расположеніе духа находило на него въ дѣтской; иногда онъ впадалъ въ него внезапно, играя съ Флоренсой или запрягнувъ миссъ Токсъ въ видѣ лошади; тогда онъ вдругъ прерывалъ игру, говоря, что усталъ. Но чаще и вѣрнѣе всего это случалось съ нимъ, когда его кресла приносили въ комнату отца и онъ сидѣлъ въ нихъ подлѣ камина, послѣ обѣда мистера Домби. Въ это время оба они представляли самую странную картину, на которую когда-либо упали красные отблески пылающаго камина. Мистеръ Домби, важный и натянутый, глядѣлъ на огонь; маленькое подобіе его, съ старымъ-престарымъ выраженіемъ лица, устремляло взоры свои туда же, съ внимательностью и глубокомысліемъ мудреца. Мистеръ Домби былъ погруженъ въ запутанныя денежныя соображенія и расчеты; маленькое подобіе его занято было Богъ-знаетъ какими фантазіями, полу-образовавшимися мыслями, блуждающими мечтами. Мистеръ Домби, неподвижный и какъ будто накрахмаленный надменностью; маленькое подобіе его, также неподвижное по наслѣдству и бессознательному подражанію — оба схожи были между собою и между-тѣмъ оба чудовищно противоположны другъ другу.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда отецъ и сынъ пресидѣли молча долгое время и мистеръ Домби зналъ, что ребенокъ не спитъ потому только, что, взглядывая на него изрѣдка, видѣлъ, какъ яркое пламя отражалось въ его глазахъ будто въ свѣтломъ алмазѣ — маленькій Поль вдругъ прервалъ молчаніе вопросомъ:

— Папа! что такое деньги?

Мистеръ Домби только-что о нихъ думалъ, а потому, прерванный такимъ неожиданнымъ образомъ, не нашелся что отвѣчать.

— Что такое деньги, Поль? Деньги?

— Да, что такое деньги? повторило дитя, обративъ къ отцу старое лицо свое.

Мистеръ Домби былъ въ затрудненіи. Подумавъ нѣсколько, онъ отвѣчалъ:

— Золото, серебро и мѣдь; гиней, шиллинги, полуценсы. Ты знаешь, что это такое?

— О, это я знаю! Но я спрашиваю не о томъ, папа: я хочу знать, что такое деньги?

Небо и земля! какимъ старымъ казалось его личико, когда онъ снова обратилъ его къ отцу.

— Что такое деньги! сказалъ мистеръ Дѣмби, отодвинувъ нѣсколько свои кресла и глядя съ величайшимъ изумленіемъ на дерзновенную былінку, предложившую такой вопросъ.

— Я разумѣю, папа, что онѣ могутъ сдѣлать? возразилъ Поль, скрестивъ ручки и поглядывая попеременно то на огонь, то на отца.

Мистеръ Дѣмби подошелъ къ нему и погладилъ его по головѣ: «Ты со временемъ узнаешь это какъ-нельзя-лучше, мой милый. Деньги, Поль, могутъ сдѣлать все». Онъ взялъ его ручонку и потрепалъ ее, давая этотъ отвѣтъ.

Но Поль высвободилъ свою руку и, потирая ладонью ручку кресель, посмотрѣлъ пристально на огонь, какъ-будто ожидая отъ него рѣшенія своей задачи, и повторилъ, помолчавъ немного:

— Все, папа?

— Да. Все... почти.

— Все значитъ все, не такъ ли, папа?

— Да... конечно, все.

— Отъ-чего же деньги не спасли мою маму? Вѣдь это было жестоко, не такъ ли?

— Жестоко! возразилъ мистеръ Дѣмби, поправляя галстухъ и какъ-будто сердясь на эту идею. — Нѣтъ. Хорошая вещь не можетъ быть жестока.

— Если это хорошая вещь и можетъ сдѣлать все, сказалъ ребенокъ задумчиво, глядя снова пристально на огонь: — я удивляюсь, почему же деньги не спасли мою маму!

Онъ сказалъ это уже не въ видѣ вопроса, понявъ, можетъ-быть, съ дѣтскою проникательностью, что поставилъ отца въ неловкое положеніе, но повторилъ мысль свою вслухъ, какъ-будто она давно уже гнѣздилась въ его головѣ и не давала ему покоя. Потомъ, надперши рукою подбородокъ, онъ продолжалъ задумчиво глядѣть на огонь, какъ-будто ища отъ него объясненія.

Мистеръ Дѣмби не вдругъ оправился отъ своего удивленія — чтобъ не сказать страха, потому-что ребенокъ въ первый разъ заговорилъ съ нимъ о матери, хотя они и часто просиживали нѣтъ-стѣ по нѣскольку часовъ. Онъ принялся растолковывать сыну, какимъ образомъ деньги, не смотря на все свое могущество, которыми ни подъ какимъ видомъ не должно пренебрегать, не могутъ сохранить жизнь людямъ, которымъ пришло время умереть, и объявлялъ, что всѣ, къ-несчастью, должны непременно умереть, даже въ Сити, какъ бы они богаты ни были. Но за то деньги доставляютъ почетъ, уваженіе и дѣлаютъ насъ сильными, могущественными и славными въ глазахъ всѣхъ людей, боящихся насъ и ищущихъ нашего расположенія; деньги могутъ очень-часто отдавать даже

смерть на долгое время. Деньги, на-примѣръ, доставили его мамѣ услуги доктора Пилькинса, которыми и онъ, Поль, часто пользовался; также посѣщенія знаменитаго доктора Паркера Пепса, котораго онъ никогда не зналъ. Словомъ, деньги могутъ сдѣлать все, что только возможно сдѣлать. Все это и многое въ томъ же родѣ мистеръ Дѣмби старался напечатлѣть въ умѣ своего маленькаго сына, который слушалъ съ большимъ вниманіемъ и, по-видимому, понялъ почти все, что ему растолковывалъ отецъ.

— Однако, деньги не могутъ сдѣлать *меня* крѣпкимъ и совершенно-здоровымъ, папá? спросилъ Поль, помолчавъ нѣсколько минутъ и потирая свои худенькія ручки.

— Что жь? ты крѣпокъ и совершенно-здоровъ, Поль. Развѣ это не правда?

О, съ какимъ старымъ выраженіемъ обратилось опять къ отцу это дѣтское личико, полузадумчивое, полухитрое!

— Ты вѣдь здоровъ и крѣпокъ, какъ всѣ маленькіе человѣчки твоихъ лѣтъ? ге?

— Флоренса старше меня, а я знаю, что я не такъ здоровъ и не такъ крѣпокъ, какъ Флоренса. Я думаю, что Флоренса могла играть дольше меня, когда была такая же маленькая какъ я. Я иногда очень устаю! и у меня кости такъ болятъ... Виккемъ говорить, что это кости... что я не знаю что дѣлать!

— Ну, да. Это бываетъ вечеромъ. Маленькіе должны уставать къ ночи, и тогда они спятъ хорошо.

— О, нѣтъ! это бываетъ не къ ночи, папá, а днемъ; я ложусь и кладу голову на колѣни Флоренсы, а она поетъ мнѣ. Ночью мнѣ снятся такія странныя вещи!

И онъ снова сталъ смотрѣть на огонь и потирать себѣ руки, какъ старикъ или какъ молодой домовою.

Мистеръ Дѣмби былъ такъ изумленъ, чувствовалъ себя такъ неловко и до того растерялся, что былъ не въ состояніи продолжать этотъ разговоръ, а могъ только смотрѣть на сына, который все глядѣлъ на огонь, пока не пришла нянька, чтобъ увести его въ дѣтскую спать.

— Я хочу, чтобъ за мною пришла Флоренса, сказалъ Поль.

— А что же вы, сударикъ Поль, развѣ не пойдете со своею нянькой?

— Нѣтъ, не пойду, отвѣчалъ ребенокъ, разсѣвшись въ креслахъ съ всею важностью истиннаго хозяина дома.

Нянька вышла, призывая благословеніе небесъ на его невинность, и вскорѣ явилась, вмѣсто ея, Флоренса. Ребенокъ поднялся съ внезапною живостью и обратился къ отцу, прощаясь съ нимъ, такое веселое, истинно-дѣтское лицо, что мистеръ Дѣмби, хотя и обрадовался этой скорой перемѣнѣ, но былъ все-таки въ крайнемъ изумленіи.

Когда дѣти вышли изъ комнаты, мистеру Дѣмби показалось, что будто онъ слышитъ пѣніе пріятнаго голоса. Вспомнивъ, что,

по словамъ Поля, сестра часто поетъ ему, онъ имѣлъ любопытство встать, отворить двери, прислушаться и посмотреть имъ вслѣдъ. Дѣвочка съ трудомъ поднималась по широкой и пустой лѣстницѣ, неся брата на рукахъ; голова его покоилась на ея плечѣ и одна рука обхватывала небрежно ея шею. Такимъ образомъ они поднимались, она пѣла не умолкая, а онъ по-временамъ вторилъ ей слабымъ голосомъ.

Мистеръ Дѳмби глядѣлъ на нихъ, пока они не добрались до верха лѣстницы; Флоренса приостанавливалась нѣсколько разъ для отдыха; наконецъ, они скрылись, а онъ все-еще стоялъ на мѣстѣ, смотря вверхъ, пока холодные лучи луны, проглядывая сквозь освѣщавшее лѣстницу сверху отверстіе, не напомнили ему, что пора возвратиться въ свою комнату.

На другой день мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ были созваны къ обѣду на домашній совѣтъ. Когда убрали скатерть, мистеръ Дѳмби открылъ засѣданіе требованіемъ, чтобъ ему сказали тотчасъ же, прямо и безъ прикрасъ, не случилось ли чего-нибудь съ маленькимъ Полемъ и какого объ этомъ мнѣнія докторъ Пилькинсъ.

— Я замѣтилъ, прибавилъ мистеръ Дѳмби: — что мальчикъ не такъ здорово смотреть, какъ бы я желалъ.

— Ты, милый Польш, отвѣчала мистриссъ Чиккъ:— постигъ все съ разу съ твоею всегдашнею проникательностью. Дѣйствительно, милое дитя смотреть не такъ здорово, какъ мы могли этого желать. Умъ и душа его какъ-будто слишкомъ-велики для такого маленькаго тѣла. Онъ говоритъ такія вещи, какихъ бы никакъ нельзя было ожидать отъ его лѣтъ! Напримѣръ, вчера, выраженія его о похоронахъ!

— Я боюсь, сказалъ мистеръ Дѳмби недовольнымъ тономъ: — что окружающіе Поля говорятъ ему о совершенно-неприличныхъ предметахъ. Вчера вечеромъ еще онъ говорилъ мнѣ о своихъ... о своихъ *костяхъ*!.. съ сердитымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ. — Кому какое дѣло до... до костей моего сына? Я полагаю, что онъ не живой скелетъ.

— О, далеко отъ этого! воскликнула мистриссъ Чиккъ съ невыразимымъ негодованіемъ.

— Надѣюсь! И опять похороны! Кто говоритъ ему о похоронахъ? Мы не гробовщики, не «нѣмые» (*), не могильщики, я полагаю.

— О, какъ далеко отъ этого!

— Такъ кто же внушаетъ ему подобныя мысли? Я вчера вечеромъ былъ пораженъ самымъ неприятнымъ образомъ. Кто толкуетъ ему о такихъ вещахъ, Луиза?

(*) Нѣмые люди, которыхъ нанимаютъ для богатыхъ похоронныхъ процессій.

— Милый Поль, отвѣчала сестра послѣ краткаго размышленія: — объ этомъ нѣчего спрашивать. Признаюсь откровенно, я не думаю, чтобы Виккемъ была женщина веселаго характера, которую бы можно было назвать...

— Дочерью Момуса? подсказала нѣжно миссъ Токсъ.

— Совершенно такъ, но она чрезвычайно-старательна, полезна и нисколько не прихотлива; право, я не видала женщины болѣе почтительной. Если милое дитя нѣсколько ослабѣло отъ послѣдней болѣзни и не вполне такъ здорово, какъ бы мы желали, и чувствуетъ несовершенную крѣпость въ своихъ...

Мистриссъ Чиккъ не вдругъ рѣшилась выговорить «ногахъ» и ждала намека отъ миссъ Токсъ, которая не замедлила подсказать:

— Членахъ?

— Членахъ! повторилъ мистеръ Домби.

— Кажется, что докторъ Пилькинсъ говорилъ о ногахъ, Луиза, не правда ли? замѣтила миссъ Токсъ.

— Конечно такъ, мой другъ, возразила мистриссъ Чиккъ тономъ проткаго упрека. — Но это совершенно все равно. Я говорю, что если нашъ милый ребенокъ лишится на время употребленія своихъ ножекъ, то это, по словамъ медика, болѣзнь весьма-обыкновенная у дѣтей его возраста. Чѣмъ скорѣе ты это поймешь, Поль, и допустишь, тѣмъ лучше.

— Ты должна знать, Луиза, замѣтилъ ей братъ: — что я нисколько не сомнѣваюсь въ твоей естественной преданности и должномъ уваженіи къ будущему главѣ моего дома. Мистеръ Пилькинсъ видѣлъ Поля сегодня утромъ, я полагаю?

— О, да! мы съ миссъ Токсъ были при этомъ. Мы съ миссъ Токсъ считаемъ священнымъ долгомъ присутствовать при всѣхъ визитахъ доктора Пилькинса. Онъ человекъ очень знающій и увѣрилъ, что тутъ нѣтъ ничего опаснаго; но сегодня онъ совѣтовалъ для нашего милаго малютки морской воздухъ, и я убѣждена въ его благоразуміи.

— Морской воздухъ? повторилъ мистеръ Домби.

— Да. Мои Джорджъ и Фредерикъ пользовались также морскимъ воздухомъ, который очень помогъ и мнѣ самой. Я полагаю, вмѣстѣ съ миссъ Токсъ, что непродолжительное отсутствіе изъ здѣшняго дома и воздухъ Брайтона, на-примѣръ, при физическомъ и умственномъ воспитаніи такой разсудительной женщины, какъ мистриссъ Пипчинъ.

— Что это за мистриссъ Пипчинъ, Луиза?

— Мистриссъ Пипчинъ, милый Поль, пожилая дама, — миссъ Токсъ знаетъ всю ея исторію, — которая съ нѣкотораго времени посвятила себя совершенно изученію дѣтства и его болѣзней и пользуется превосходнѣйшею репутацией. Мужъ ея надорвалъ себя сердце... какъ это случилось, моя милая миссъ Токсъ? Я забыла подробности.

— Выкачивая воду изъ перуанскихъ рудниковъ.

— Не будучи работникомъ, разумѣется, сказала мистриссъ Чиккъ, взглянувъ на брата... (такое поясненіе было необходимо, такъ-какъ миссъ Токсъ выразилась будто-бы онъ умеръ, выкачивая воду собственноручно), но у него былъ на это употребленъ капиталъ, и предпріятіе его не удалось. Я слышала, что дѣти необыкновенно поправляются подѣ надзоромъ мистриссъ Пипчинъ. Вообще, ее рекомендуютъ очень-очень многіе!

— Я считаю долгомъ сказать о мистриссъ Пипчинъ, почтенный сэръ, что она вполнѣ заслуживаетъ похвалы вашей милой сестрицы, замѣтила миссъ Токсъ, невинно покраснѣвъ.—Многія дамы и джентльмены, которымъ никакъ не было суждено сдѣлаться интересными членами общества, обязаны этимъ ея попеченіямъ. Я даже слышала, что въ заведеніи ея случалось бывать юнымъ нитомкамъ нашей аристократіи.

— То-есть, эта почтенная женщина содержитъ родъ заведенія, миссъ Токсъ? спросилъ снисходительно мистеръ Дѣмби.

— Я право не знаю, могу ли назвать ея домъ этимъ именемъ, сэръ. Вообще же, это никакъ не приготовительная школа. Можетъ-быть, я выражусь яснѣе, прибавила она самымъ сладостнымъ голосомъ: — назвавъ его дѣтскимъ пансіономъ самаго разборчиваго разряда.

— На чрезвычайно-исключительной и разборчивой ногѣ, под-сказала мистриссъ Чиккъ, взглянувъ на брата.

— О! эксклюзивность въ высшей степени!

Во всемъ этомъ было многое по мыслямъ мистеру Дѣмби. Мужъ мистриссъ Пипчинъ надорвалъ себѣ сердце въ перуанскихъ рудникахъ, что отзывалось богатствомъ; такой способъ надорвать себѣ сердце показался мистеру Дѣмби приличнымъ. Кромѣ того, онъ былъ бы въ отчаяніи при одной мысли оставить сына въ домѣ хоть на одинъ часъ долѣе, когда противное было присоветовано врачомъ: это было бы остановкою на пути, по которому дитя должно достигнуть, хотя и медленно, до предназначенной ему великой цѣли. Онъ разсудилъ, что можетъ положиться на рекомендаціи сестры и миссъ Токсъ, зная, какъ неохотно обѣ онѣ допустили бы вмѣшательство третьяго лица во что-нибудь, касающееся его сына, и никакъ не подозрѣвая въ нихъ склонности свалить съ себя на кого-нибудь часть отвѣтственности, которую онѣ на себя взяли. Мистеръ Пипчинъ надорвалъ себѣ сердце въ перуанскихъ рудникахъ—прекрасно!

— Предположивъ послѣ завтрашнихъ справокъ, что мы отправимъ Поля въ Брайтонъ, къ этой дамѣ—кто съ нимъ поѣдетъ? спросилъ мистеръ Дѣмби послѣ краткаго размышленія.

— Я полагаю, что теперь тебѣ нельзя будетъ послать дитя куда безъ Флоренсы, милый Поль, возразила мистриссъ Чиккъ съ нерѣшимостью.—Онъ къ ней такъ привыкъ! Ты знаешь, онъ еще такъ молодъ и имѣетъ свои фантазіи.

Мистеръ Домби отвернулся, подошелъ медленно къ шкафу съ книгами, отперъ его и принесъ одну книгу, которую принялся перелистывать.

— Никого, кромѣ ея, Луиза? сказалъ онъ, не поднимая головы и продолжая перевертывать листы.

— Разумѣется, еще Виккемъ. Больше никого не нужно, какъ мнѣ кажется. Ты будешь, безъ сомнѣнія, навѣщать его разъ въ недѣлю...

— Конечно, возразилъ мистеръ Домби, послѣ чего просидѣлъ съ часъ, глядя пристально на одну страницу, но не читая на ней ни слова.

Знаменитая мистриссъ Пипчинъ была дивно-угрюмая, некрасивая дама, съ неблагоприятнымъ лицомъ, испещреннымъ, какъ дурной мраморъ, крючковатымъ носомъ и жесткими сѣрыми глазами, которые повидимому можно было совершенно безвредно ковать на наковальи. Прошло по-крайней-мѣрѣ сорокъ лѣтъ со времени кончины мистера Пипчина въ перуанскихъ рудникахъ; но вдова его все еще носила черное бомбазиновое платье; такое безлоскное, мрачное и мертвенное, что самый газъ не могъ бы его освѣтить, и одного присутствія ея было достаточно для потемнѣнія огня какого угодно множества свѣчь. О ней вообще говорили, какъ о величайшей мастерицѣ «справляться» съ дѣтьми; весь секретъ этого достоинства состоялъ въ томъ, что она давала дѣтямъ то, чего они не любили, и не давала ничего, чѣмъ бы имъ можно было доставить хоть малѣйшее удовольствіе; такого рода система, — дознано было на опытѣ — способствовала какъ-нельзя-лучше укрощенію дѣтскихъ правовъ. Вообще, она была дама самая горькая, и многіе полагали, не произошла ли какая-нибудь ошибка въ приложеніи механизма перуанскихъ помпъ, которыя выкачали изъ нея насухо всю влагу человѣческой ласковости и кротости, вмѣсто того, чтобъ выкачивать воду изъ рудниковъ.

Замокъ этой колдуньи-укротительницы дѣтей находился въ одномъ крутомъ переулкѣ Брайтона, гдѣ почва была больше обыкновеннаго кремниста, мѣловата и бездонна, а дома больше обыкновеннаго хрупки и жидки, гдѣ всѣ палпссадники были одарены непостижимымъ качествомъ, что бы въ нихъ ни посѣяли, производить только бархатцы. Въ зимнее время ничѣмъ нельзя было выжить свѣжій воздухъ изъ покоевъ «замка», а въ лѣтнее ничѣмъ нельзя было заманить его туда. Вѣтеръ прохаживался по всему дому съ разными отраженіями, такъ-что въ домѣ постоянно раздавались звуки, похожіе на тѣ, которые производитъ приложенная къ уху раковина. Запахъ въ домѣ самъ-по-себѣ былъ не изъ свѣжихъ, а разставленные хозяйкою въ никогда-неотворявшемся окнѣ кабинета цвѣты и растенія, распространяли по атмосферѣ всего заведенія какой-то землянистый вкусъ. Выборъ этихъ растеній, безъ сомнѣнія замѣчательныхъ, какъ экземпляры ботаники, также отзывался характеромъ мистриссъ Пипчинъ: тутъ было съ полдю-

жины образцовъ кактуса, котораго длинныя листья обвивались во-кругъ шпалеръ, подобно волосатымъ змѣямъ; одна порода его же, выдвѣгавшая широкіе когти и походившая на клешни позеленѣлыхъ морскихъ раковъ; нѣсколько ползучихъ растеній, снабженныхъ колючими и прилипчивыми листьями; наконецъ, къ потолку былъ подвѣшенъ цвѣточный горшокъ, изъ котораго зелень казалась выкипавшею и задѣвала своими длинными концами за лица проходившихъ, напоминая имъ о паукахъ, которые, сказать мимоходомъ, въ домѣ мистриссъ Пипчинъ водились въ большомъ изобиліи.

Такъ-какъ мистриссъ Пипчинъ брала значительныя деньги съ тѣхъ, кто могъ ей платить, а кислая ея натура не смягчалась ни для кого, то ее вообще считали женщиною, одаренною чрезвычайно твердымъ характеромъ. Основываясь на такой репутаціи и на кончинѣ супруга своего въ перуанскихъ рудникахъ, она накопила себѣ препорядочныя деньги. Черезъ три дня послѣ разговора о ней у мистера Дѣмби, почтенная старушка имѣла уже въ виду значительное усугубленіе своихъ доходовъ изъ кошелька этого джентльмена и принимала Флоренсу и маленькаго Поля какъ будущихъ обитателей своего дома.

Привезшія дѣтей мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ только-что отѣхали отъ дверей, возвращаясь домой. Мистриссъ Пипчинъ, обратясь спиною къ каминѣ, уставилась передъ маленькими прищельцами и дѣлала имъ смотръ. Племянница ея, дѣвушка среднихъ лѣтъ, добродушная и преданная раба мистриссъ Пипчинъ, обладавшая однако тощею и переплетенною въ желѣзо наружностью, съ обожженнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ носомъ, снимала съ молодаго Битерстона чистую манишку, надѣтую на него по случаю парада. Миссъ Пэнки, единственная кромѣ него маленькая пансіонерка, была сейчасъ только отведена въ темницу замка — пустую и холодную комнату, выходившую на дворъ и предназначенную для исправительныхъ цѣлей — за то, что имѣла невѣжливость фыркнуть три раза въ присутствіи посѣтительницъ.

— Ну, сударь, сказала мистриссъ Пипчинъ Полю: — каково ты меня полюбишь?

— Я васъ вовсе не полюблю. Я хочу домой. Это не мой домъ.

— Нѣтъ. Это мой.

— Очень горькій.

— Однако въ немъ есть мѣстечко еще хуже, куда мы запираемъ негодныхъ мальчиковъ.

— Онъ былъ тамъ? спросилъ Поля, указывая на юнаго Битерстона.

Мистриссъ Пипчинъ кивнула въ знакъ согласія, и Полю было довольно занятія на весь остатокъ дня, чтобъ оглядывать съ головы до ногъ и разсматривать всѣ измѣненія фізіономіи мальчика, подвергшагося такимъ таинственнымъ и страшнымъ испытаніямъ.

Въ часъ былъ обѣдъ, состоявшій преимущественно изъ мучнистыхъ и растительныхъ веществъ; тогда миссъ Пэнки, маленькая

дѣвочка съ кроткими голубыми глазами, которую для здоровья мыли каждое утро, была приведена въ столовую самую колдуньей и выслушала поученіе, что фыркающіе при чужихъ никогда никому не будутъ нравиться. Когда эта истина была ей должнымъ образомъ внушена, малютку накормили рисомъ; послѣ обѣда, она произнесла благодарственную молитву, въ которой было также ввернуто благодареніе мистриссъ Пипчинъ за хорошіи обѣды. За столомъ, племянница хозяйки, миссъ Беринтія, ѣла холодную свинину, а сама мистриссъ Пипчинъ, нуждавшаяся для здоровья въ горячей пищѣ, питалась горячими бараньими котлетами, которыя приносили между двумя тарелками и пахли очень-хорошо.

Послѣ обѣда шелъ дождь, а потому прогулка по взморью была невозможна. Пищевареніе мистриссъ Пипчинъ требовало отдыха послѣ котлетъ, а потому дѣти отправились вмѣстѣ съ Берри (т. е. Беринтіей) въ темницу замка—пустую комнату, выглядывавщую на бѣлую стѣну и колодезь, и казавшуюся еще пустѣе отъ камина безъ принадлежностей, въ которомъ никогда не зажигался огонь. Мѣсто это показалось, однако, дѣтямъ оживленнѣе всѣхъ прочихъ, потому-что Берри играла и рѣзвилась съ ними до-тѣхъ-поръ, пока мистриссъ Пипчинъ не постучалась сердито въ стѣну. По этому сигналу забавы прекратились, и Берри начала рассказывать вполголоса разныя сказки, въ чемъ время и протянулось до сумерекъ.

Вмѣсто чая, дѣтямъ дали въ изобиліи теплой воды съ молокомъ и хлѣба съ масломъ; для мистриссъ Пипчинъ съ Берри былъ поставленъ черный чайникъ, а для одной мистриссъ Пипчинъ принесли безпрестанно жирно-намащенные горячіе тосты. Она смотрѣла, однако, такъ же угрюмо, какъ и прежде, и жесткіе сѣрые глаза ея нисколько не казались мягче.

Послѣ чая, Берри принесла рабочую шкатулку и принялась шить съ величайшимъ усердіемъ; мистриссъ Пипчинъ надѣла очки, развернула преогромную книгу въ зеленомъ переплетѣ и начала кивать надъ нею. Каждый разъ, когда она просыпалась, нагнувшись слишкомъ-близко къ огню, молодой Битерстонъ получалъ по щелчку въ носъ за то, что онъ дремлетъ.

Наконецъ, для дѣтей пришло время ложиться спать, что они и сдѣлали послѣ вечерней молитвы. Такъ-какъ маленькая миссъ Пэнки боялась спать одна въ потьмахъ, то мистриссъ Пипчинъ считала священнымъ долгомъ загонять ее каждый разъ лично наверхъ, какъ овцу; ничего не могло быть назидательнѣе плача бѣдной малютки, который раздавался долго послѣ того, въ самой страшной и неудобной комнаткѣ, и былъ прерываемъ по-временамъ приходомъ самой наставницы, которая потряхивала дѣвочку для того, чтобъ уговорить ее. Въ половинѣ десятаго разносился по всему дому ароматъ горячаго сладкаго мяса, безъ котораго мистриссъ Пипчинъ никакъ не могла уснуть, а вскорѣ потомъ весь замокъ погружался въ тишину и спокойствіе.

Завтракъ слѣдующаго утра походилъ на чай прошлаго вечера, съ тою разницей, что мистриссъ Пипчинъ замѣнила тостъ булкою и казалась еще сердитѣе, когда ее скушала. Потомъ юный Битерстонъ прочиталъ во всеуслышаніе родословную изъ «Книги Бытія», спотыкаясь на каждомъ имени; послѣ чего миссъ Пэнки увели для размятія членовъ, а его-самого для холодной морской ванны, изъ которой онъ всегда выходилъ совершенно-синимъ и несчастнымъ. Во то же время Поль и Флоренса пошли гулять по взморью съ мистриссъ Виккемъ, которая не переставала прѣдвѣвать слезы, и около полудня сама мистриссъ Пипчинъ присутствовала при дѣтскихъ чтеніяхъ. Такъ-какъ система ея воспитанія состояла не въ томъ, чтобъ дать дѣтскому уму развернуться и распусться, подобно нѣжному цвѣтку, но открывать его силою какъ устрицу, то мораль этихъ повѣстей имѣла всегда самый ужасающій характеръ: герой повѣсти, шалунъ, рѣдко оканчивалъ свое поприще иначе, какъ на зубахъ какого-нибудь льва или медвѣдя.

Вотъ какую жизнь дѣти вели у мистриссъ Пипчинъ! По субботамъ прѣзжалъ въ Брейтонъ самъ мистеръ Дэмби, и Поль съ Флоренсою отпраплялись пить чай въ гостинницу, гдѣ онъ останавливался. Все воскресенье проводили они вмѣстѣ съ нимъ и обыкновенно выѣзжали кататься передъ обѣдомъ. Самымъ печальнымъ вечеромъ изъ цѣлой недѣли былъ вечеръ воскресенья, потому-что мистриссъ Пипчинъ положила себѣ за правило быть въ это время сердитѣе и жестче чѣмъ во всю недѣлю. Тогда привозили обыкновенно отъ тѣтки ея, изъ Роттендина, маленькую миссъ Пэнки, плакавшую самыми неутѣшными слезами; а юный Битерстонъ, — котораго всѣ родные были въ Индіи и котораго заставляли сидѣть во время службы въ церкви прямо, не шевелясь ничѣмъ и прислонясь головою къ стѣнѣ кабинета, — страдалъ такъ невыносимо, что разъ спросилъ у Флоренсы совѣта, какъ бы ему добратся до Бенгала.

Но всѣ вообще говорили, что мистриссъ Пипчинъ обращается съ дѣтьми систематически, въ чемъ, конечно, не было ни малѣйшаго сомнѣнія: самыя рѣзвыя, проживъ подъ ея гостепримнымъ кровомъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвращались домой весьма-присмирѣлыми.

Съ этой достойной уваженія дамы, Поль, сидя въ своихъ маленькихъ креслахъ у каміна, часто не сводилъ глазъ по цѣлымъ часамъ. Поль никогда не зналъ усталости, глядя пристально и внимательно на мистриссъ Пипчинъ. Онъ не чувствовалъ къ ней ни привязанности, ни страха; но она казалась для него чѣмъ-то уродливо-занимательнымъ, когда онъ былъ въ своемъ стариковскомъ расположеніи духа. Онъ сидѣлъ, потирая себѣ руки передъ огнемъ, и все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее, отъ-чего она иногда даже конфузилась, не взирая на то, что была людоѣдкой и укротительницей дѣтей. Разъ, когда онъ оставался съ нею наединѣ, мистриссъ Пипчинъ спросила, о чемъ онъ думаетъ.

— О васъ.

— А что же ты думаешь обо мнѣ?

— Я думаю о томъ, какъ вы должны быть стары.

— Такихъ вещей не должно говорить, молодой джентльменъ.

Это нехорошо..

— Отъ-чего?

— Отъ-того, что неучтиво, отвѣчала она рѣзко. — Да! Неучтиво!

— Неучтиво съѣдать всѣ бараньи котлеты и тосты, говорить Виккемъ, сказалъ Поль самымъ невиннымъ тономъ.

— Твоя Виккемъ, возразила мистриссъ Пипчинъ вспыхнувъ: — негодная, дерзкая, безстыдная нахапка!

— Что это такое?

— Ничего, сударь. Вспомни повѣсть о маленькомъ мальчикѣ, котораго забодалъ до смерти бѣшеный быкъ за то, что онъ много спрашивалъ.

— Если быкъ былъ бѣшенный, какъ же онъ могъ знать, что мальчикъ много спрашиваетъ? Никто не пойдетъ рассказывать разными вещами бѣшенному быку. Я не вѣрю этой повѣсти.

— Ты не вѣришь этой повѣсти? спросила мистриссъ Пипчинъ почти съ испугомъ.

— Нѣтъ.

— Даже еслибъ это случилось съ не бѣшеннымъ быкомъ, маленький дурачокъ?

Такъ-какъ Поль не обсудилъ вопроса съ такой точкой зрѣнія и вывелъ свои заключенія основываясь на бѣшенномъ состоянн быка, то онъ призналъ себя побѣжденнымъ и замолчалъ; но долго думалъ объ этомъ съ такимъ очевиднымъ намѣреніемъ озадачить мистриссъ Пипчинъ снова, что та сочла благоразумнымъ удалиться и дать ему забыть о такомъ щекотливомъ предметѣ.

Съ этого времени мистриссъ Пипчинъ почувствовала къ Полю такое же странное влеченіе, какое онъ чувствовалъ къ ней-самой. Она придвигала маленькія кресла его къ себѣ, и ребенокъ просиживалъ предолго, разглядывая съ неутимымъ вниманіемъ каждую морщину ея черстваго лица и ея жесткіе сѣрые глаза, такъ-что она иногда даже закрывала ихъ, притворяясь, будто дремлетъ, и чувствовала себя какъ-то неловко. У мистриссъ Пипчинъ была старая черная кошка, которая обыкновенно свертывалась въ клубокъ передъ самымъ каминомъ, эгоистически мурныкала и мигала на огонь. Почтенная старушка могла бы какъ-нельзя-лучше представлять собою вѣдму, а Поль и кошка—ея духомъ-сподвижниковъ, когда всѣ они втроемъ грѣлись у камина. Видя ихъ, никто бы не удивился, еслибъ они вдругъ вздумали подняться въ трубу и улетѣть съ первымъ сильнымъ вѣтромъ, въ темную ночь, на какое-нибудь таинственное сборище нечистой силы.

Этого однако не случилось. Кошка, Поль и мистриссъ Пипчинъ занимали послѣ каждыхъ сумерекъ свои обычныя мѣста, и ма-

ленькій Домби, избѣгая общества юнаго Битѣрстона, продолжалъ изучать желѣзныя черты мистриссъ Пипчинъ, кошку и огонь вечеръ за вечеромъ, какъ-будто они были сочиненіемъ чернокнижническимъ, въ трехъ томахъ.

Мистриссъ Виккемъ растолковывала себѣ по-своему несообразныя оригинальности маленькаго Поля и выводила изъ нихъ самыя злобщія заключенія. Политика мистриссъ Пипчинъ состояла отчасти и въ томъ, чтобъ не позволять своей служанкѣ входить въ дружескія сношенія съ мистриссъ Виккемъ; для этого она пряталась за дверьми и наскакивала каждый разъ на свою жертву, когда видѣла ее направляющеюся къ дверямъ комнаты мистриссъ Виккемъ. Но Берри не запрещалось этого въ свободное отъ ея многочисленныхъ занятій время, и ей мистриссъ Виккемъ открыла свою душу.

— Какой онъ миленькій, когда спитъ! сказала Берри, оставившись разъ вечеромъ противъ кровати Поля.

— Охъ! вздохнула Виккемъ. — Это ему нужно.

— Да развѣ онъ дурень, когда не спитъ?

— Нѣтъ; о, нѣтъ! Такъ же точно, какъ Бетси Дженни моего дяди.

Берри смотрѣла, какъ-будто разгадывая, какія отношенія могутъ быть между Полемъ Домби и Бетси Дженни дядюшки мистриссъ Виккемъ.

— Жена моего дяди, продолжала мистриссъ Виккемъ: — умерла совершенно какъ его мамѣ. Дитя моего дяди родило точно такъ же, какъ господинъ Поль. Отъ дитяти моего дяди у людей кровь не развѣ застывала въ жилахъ, да!

— Какъ-такъ?

— Я бы ни за что не желала просидѣть ночь наединѣ съ Бетси Дженни. Никакъ!

— Да отъ-чего же?

— Бетси Дженни было премиленькое дитя, такое миленькое, какихъ я видала очень-немного, и она вытерпѣла всѣ возможныя болѣзни. Но знаете, миссъ Берри, отъ ся люльки не отходила ея покойная мать. Не знаю, какъ это было и когда, или знала ли объ этомъ сама дѣвочка, но мать сидѣла надъ нею, миссъ Берри! Вы скажете: вздоръ! Не обижаюсь, миссъ. Вы можете даже позабавиться надо мною: это развлечетъ васъ въ здѣшней тюрьмѣ — извините — въ здѣшней могилѣ, которая меня убиваетъ. Онъ однако спитъ немножко-безпокойно. Погладьте ему спину, миссъ Берри, сдѣлайте одолженіе.

Берри охотно исполнила ея просьбу.

— За Бетси Дженни, сказала мистриссъ Виккемъ самымъ торжественнымъ тономъ: — ухаживали какъ за этимъ ребенкомъ, и она переменялась такъ же, какъ онъ. Я часто видала, какъ она сидитъ и думаетъ, думаетъ, думаетъ, какъ онъ; я часто и очень-часто видала, какъ у нея было старое, старое, старое лицо, какъ

у него; я много разъ слышала отъ нея такія же рѣчи, какъ отъ него. Дѣти эти очень походили другъ на друга, миссъ Берри.

— Жива дочь вашего дяди?

— Да, миссъ, она жива!

Такъ-какъ изъ ударенія мистриссъ Виккемъ слѣдовало заключить, что кто-нибудь умеръ, то Берри спросила объ этомъ.

— Я не хочу васъ тревожить. Не спрашивайте меня.

Ничѣмъ нельзя было возбудить сильнѣйшаго любопытства, а потому Берри повторила свой вопросъ. Послѣ нѣкоторой нерѣшимости и какъ-будто неохотно, мистриссъ Виккемъ положила свой ножикъ, — она тогда ужинала, — оглянулась вокругъ себя, посмотрѣла на спящаго Поля и сказала:

— Она полюбила многихъ: однихъ по прихоти, другихъ такъ... всѣ они умерли!

Такой отвѣтъ до того поразилъ бѣдную племянницу мистриссъ Пипчинъ, что она привскочила на мѣстѣ; а мистриссъ Виккемъ указала украдкою на кровать, гдѣ спала Флоренса, потомъ сдѣлала пальцемъ нѣсколько таинственныхъ знаковъ и продолжала:

— Вспомните мое слово, миссъ Берри, и благодарите Бога, что маленькій Поль не очень къ вамъ привязанъ. Увѣряю васъ, и ко мнѣ также!

Можетъ-быть, миссъ Берри, отъ сильнаго внутренняго волненія, погладила его слишкомъ-крѣпко, только ребенокъ проснулся, сѣлъ въ постели, съ жаркими и влажными отъ какого-нибудь дѣтскаго сновидѣнія волосами, и спросилъ, гдѣ Флоренса.

Дѣвочка вскочила съ постели при первыхъ звукахъ братниа голоса, наклонилась надъ его подушкой и убаюкала его тотчасъ же тихою пѣсенкой. Мистриссъ Виккемъ покачала головою, уронила нѣсколько слезъ, показала Берри эту маленькую группу и устремила взоры въ потолокъ.

— Покойной ночи, миссъ Берри, сказала она кротко: — покойной ночи! Ваша тѣтушка пожилая дама, миссъ Берри; вы вѣрно не разъ объ этомъ думали.

Хотя племянница мистриссъ Пипчинъ, спустившись внизъ, и не думала найти распростертую безъ движенія тѣтку, однакожь она очень обрадовалась, когда увидѣла ее больше обыкновеннаго сердитою и строгою и съ явными признаками намѣренія жить долго и «быть отрадою всѣхъ». Въ-продолженіе всей слѣдующей недѣли, тосты и котлеты исчезали по-прежнему, и она нисколько не слабѣла, хотя маленькій Поль проводилъ вечера передъ каминомъ подлѣ нея и наблюдалъ ея черты съ усипеннымъ вниманіемъ.

Но такъ-какъ Поль не сдѣлался сильнѣе со времени переселенія своего сюда, хотя въ лицѣ опъ и казался здоровѣе, то ему достали маленькую удобную колясочку, въ которой привозили его ко взморью, давая ему для развлеченія разрисованную азбуку и разныя книжки, назначенныя для первоначальнаго обученія. Вѣрный своимъ страннымъ прихотямъ, маленький Дѣмби отвергъ краснорожаго

дюжого малаго, котораго ему предложили, чтобъ возить колясочку, и выбралъ его дѣда — заплеснѣлаго, стараго отставнаго матроса, одѣтаго въ крашеный парусный костюмъ, пропитаннаго соленою водою и пахнуваго какъ усыпанное морскими травами побережье во время отлива.

Возимый этимъ замѣчательнымъ земповоднымъ, съ идущею подлѣ Флоренсой и слѣдуемый вѣчно-плачевною Виккемъ, Поль отправлялся каждый день на взморье. Тамъ онъ готовъ былъ сидѣть или лежать въ своей колясочкѣ по цѣлымъ часамъ, не безпокоймый ничѣмъ столько, какъ обществомъ дѣтей, разумѣется, за исключеніемъ Флоренсы.

— Подите прочь, говорилъ онъ каждому ребенку, который къ нему присоединялся. — Благодарю; но вы мнѣ не нужны.

Иногда тоненькій голосокъ спрашивалъ его на ухо, здоровъ ли онъ.

— Я совершенно здоровъ, благодарю васъ; но лучше ступайте играть.

Потомъ онъ поворачивалъ голову, слѣдилъ за уходившимъ ребенкомъ и говорилъ Флоренсѣ: — Вѣдь намъ никого не нужно, такъ ли? Поцалуй меня, Флой!

Въ такихъ случаяхъ онъ чувствовалъ отвращеніе даже къ обществу Виккемъ и всегда радовался, когда она уходила въ сторону набирать раковинъ и знакомыхъ, чѣмъ она каждый разъ занималась. Любимое мѣсто его было совершенно-уединенное, въ сторонѣ отъ всѣхъ гуляющихъ; тамъ, съ Флоренсою, сидѣвшею подлѣ него съ работою, или читавшею ему книгу, или говорившею съ нимъ, и съ вѣтромъ, дувшимъ ему прямо въ лицо, ему не нужно было ничего.

Разъ онъ ей сказалъ: — Послушай, Флой, гдѣ Индія, въ которой живутъ родные этого мальчика?

— О, она очень, очень-далеко отсюда!

— На цѣлыя недѣли дороги?

— Да, на много недѣль пути днемъ и ночью.

— Еслибъ ты была въ Индіи, Флой, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — я бы... что сдѣлала мамѣ? я забылъ.

— Любила меня! отвѣчала дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ. Развѣ я не люблю тебя, Флой? Что она сдѣлала? Умерла, да. Еслибъ ты была въ Индіи, Флой, я бы умеръ.

Она бросила работу и положила голову на его подушку, лаская его.

— И я бы умерла, еслибъ ты былъ тамъ, Поль! Но тебѣ скоро будетъ лучше.

— О, мнѣ теперь гораздо-лучше! Я не то хочу сказать. Я хочу сказать, что я бы умеръ оставшись безъ тебя, Флой!

Въ другой разъ, и на томъ же мѣстѣ, онъ заснулъ и спалъ долго. Пробудившись вдругъ, онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Флоренса спросила, что ему слышится?

— Я хочу знать, что оно говорить, отвѣчалъ онъ, глядя ей пристально въ глаза:— море, Флой, что оно безпрестанно говорить?

Она отвѣчала, что это только шумъ волнъ, которыя разбиваются о берегъ.

— Да, да! Но я знаю, что онъ всегда что-то говорить, и всегда говорить то же самое. Какое тамъ мѣсто за моремъ? — Онъ поднялся и смотрѣлъ жадно на горизонтъ.

Она сказала, что тамъ другая земля; но онъ отвѣчалъ:— Нѣтъ, нѣтъ! не эта! Но туда дальше, гораздо-дальше!

Часто потомъ, среди разговора съ сестрою, онъ вдругъ останавливался, стараясь понять, что такое безпрестанно говорить волны; и часто онъ поднимался въ своей колясочкѣ, чтобъ смотрѣть далеко-далеко въ невидимую страну.

ГЛАВА II,

ВЪ КОТОРОЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МИЧМАНЪ ПОПАДАЕТЪ ВЪ ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Страсть ко всему романическому и чудесному, которою былъ такъ щедро надѣленъ Валтеръ Гэй, была причиною, что его до крайности заинтересовало приключеніе маленькой Флоренсы съ «доброю» мистриссъ Броунъ. Онъ дорожилъ этимъ воспоминаніемъ и въ особенности участіемъ своимъ въ немъ: словомъ, оно сдѣлалось избалованнымъ дитятей его воображенія.

Мечты эти были подкрѣпляемы каждое воскресеніе разговорами дяди Солля съ капитаномъ Коттлемъ. Не проходило ни одного воскреснаго вечера безъ намековъ обоихъ старыхъ друзей на Ричарда Виттингтона, лорда-мэра Лондона, и его женитьбу; въ добавокъ къ этому, капитанъ добылъ себѣ и распѣвалъ за бутылкой какую-то старинную морскую балладу, повѣствовавшую о бракѣ молодого матроса съ «очаровательною Пегъ», дочерью шкипера и партнѣра въ обладаніи ньюкестльскаго угольника-брика. При этихъ случаяхъ, намекая на отношенія Валтера къ дочери мистера Домби, онъ прогорланивалъ всегда съ особеннымъ выраженіемъ имя «Пе-е-егъ», оканчивавшее каждый куплетъ.

Открытый и безпечный племянникъ инструментальнаго мастера не анализировалъ своихъ ощущеній. Онъ почувствовалъ сильную привязанность къ пристани, гдѣ встрѣтился съ Флоренсою, и ко всемъ улицамъ—хотя онъ были вовсе не привлекательны—по которымъ привелъ ее къ своему дядѣ. Башмаки, сваливавшіеся такъ часто съ ея ножекъ, онъ хранилъ въ своей комнаткѣ какъ драгоценность; а разъ, сидя вечеромъ въ маленькой комнаткѣ за инструментальною лавкою, онъ нарисовалъ цѣлую галерею фантастическихъ портретовъ мистриссъ Броунъ. Можетъ-быть, онъ

сдѣлался нѣсколько щеголеватѣе въ своемъ костюмѣ послѣ этого достопамятнаго событія и навѣрное полюбилъ прогуливаться въ свободное время по той части города, гдѣ находился домъ мистера Дѳмби, увлекаясь неясною надеждой встрѣтить какъ-нибудь на улицѣ Флоренсу. Но всѣ чувства его были дѣтскія и невинныя въ высшей степени. Флоренса была очень-мила, и онъ находилъ удовольствіе любоваться ея хорошенькимъ личикомъ; Флоренса была беззащитною дѣвочкой, когда ему удалось оказать ей помощь и покровительство; Флоренса была благодарнѣйшимъ маленькимъ существомъ въ свѣтѣ, и его очаровывало выраженіе благодарности, сіявшей въ глазахъ ея; Флоренса была забыта и пренебрежена отцомъ, и грудь Валтера горѣла участіемъ къ ея тягостному положенію.

Такимъ-образомъ случилось, что разъ шесть въ-теченіе года Валтеру удалось встрѣтить Флоренсу на улицѣ и снять передъ ней шляпу, а она останавливалась, протягивая ему дружески руку. Мистриссъ Виккемъ, знавшая исторію ихъ знакомства, не обращала на это никакого вниманія; а миссъ Нипперъ, напротивъ, даже искала подобныхъ встрѣчъ, потому-что сердце ея было втайнѣ тронуто молодымъ Гэйемъ, и она надѣялась встрѣтить въ его сердцѣ нѣжное сочувствіе.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Валтеръ не могъ потерять изъ вида знакомства своего съ Флоренсой, и оно болѣе и болѣе вѣзилось въ его памяти. Всѣ обстоятельства этого приключенія представляли передъ его фантазіей Флоренсу, но не его-самого. Иногда—и въ такихъ случаяхъ онъ всегда ходилъ очень-скоро—ему представлялось, какъ бы хорошо было, еслибъ онъ на другой же день послѣ этой встрѣчи ушелъ въ море, надѣлалъ чудесь, воротился адмираломъ или по меньшей мѣрѣ капитаномъ лихаго фрегата, съ ослѣпительными эполетами, и воротился, чтобъ жениться на Флоренсѣ, наперекоръ зубамъ, накрахмаленному галстуху и часовой цѣпочкѣ мистера Дѳмби, а потомъ увезъ бы ее къ какимъ-нибудь далекимъ очаровательнымъ берегамъ тропическихъ странъ. Но эти порывы воображенія не превращались у него никогда въ положительную надежду: когда дядя Солль толковалъ съ капитаномъ Коттлемъ о Ричардѣ Виттингтонѣ и дочеряхъ хозяевъ, Валтеръ чувствовалъ, что онъ понимаетъ свое истинное положеніе гораздо-вѣрнѣе ихъ обоихъ.

Онъ продолжалъ свои ежедневныя занятія и труды съ бодрымъ и веселымъ духомъ, понималъ вполне несообразность пылкихъ плановъ дяди и капитана Коттля, а между-тѣмъ увлекался тысячью самыхъ несбыточныхъ фантазій, въ сравненіи съ которыми мечты ихъ обоихъ были не болѣе, какъ ежедневная сущность.

Вотъ въ какомъ положеніи засталъ его пипчинскій періодъ. Онъ смотрѣлъ нѣсколько-старѣе, но не очень, и былъ тѣмъ же бойкимъ, открытымъ, бездѣчнымъ мальчуганомъ, какъ и въ то время, ко-

гда бросился на абордажъ въ кабинетъ дяди, предводительствуя имъ и партіею воображаемыхъ удалцовъ; или когда свѣтилъ старуку, спускавшемуся въ погребъ за дивною мадерой.

— Дядя Солль, сказалъ однажды Валтеръ за завтракомъ:—мнѣ кажется, будто вы нездоровы. Вы не завтракали. Я приведу къ вамъ доктора, если это продлится.

— Милый мой, онъ не пропишетъ мнѣ того, что мнѣ нужно.

— Чего же это, дядюшка? покупишьковъ?

— Да, отвѣчалъ старикъ со вздохомъ.—Отъ нихъ мнѣ бы стало легче.

— Чортъ съ ними, дядюшка! воскликнулъ Валтеръ, стукнувъ кулакомъ по столу, такъ—что зазвенѣли всѣ чашки:—когда я вижу, какъ всякій день толпы за толпами проходятъ мимо, мнѣ хочется выбѣжать, схватить за воротъ черваго встрѣчнаго и заставить его купить инструментовъ на пятьдесятъ фунтовъ чистыми деньгами. Вы что глазѣте? продолжалъ онъ, обратясь къ остановившемуся у окна пожилому джентльмену съ напудренною головою, разумѣется, не вслухъ.—Нечего глазѣть на телескопъ. И я сумѣю это сдѣлать. Отъ—чего бы не купить его?

Старый джентльменъ, насытивъ свое любопытство, преспокойно пошелъ дальше.

— Вотъ, ушелъ! И таковы всѣ они. Но слушайте, дядюшка Солль, ободритесь, перестаньте унывать. Когда придутъ заказы, ихъ наберется столько, что вамъ даже не удовлетворить всѣхъ.

— Не дожидаться мнѣ этихъ заказовъ, Валтеръ. Они не придутъ, пока я здѣсь хозяинъ.

— Да полноте, дядюшка! Перестаньте!

Старый Солль попытался смотрѣть веселѣе и улыбнулся племяннику какъ могъ.

— Вѣдь дѣла идутъ какъ всегда, дядюшка? Развѣ есть что-нибудь особенное? Если есть, скажите мнѣ откровенно все.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Особенное? Нѣтъ, нѣтъ. Чему быть особенному?

Валтеръ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Я хочу знать въ чемъ дѣло, а вы спрашиваете меня! Послушайте, дядюшка Солль, когда я вижу васъ въ такомъ расположеніи и угадываю у васъ горе на душѣ, мнѣ, право, дѣлается жаль, что я живу съ вами.

Дядя Солль невольно открылъ глаза.

— Да.

— Я немножко скученъ въ такихъ случаяхъ, Валтеръ.

— Не то, дядюшка, возразилъ Валтеръ, съ нѣжностью трепля старика по плечу.—Хоть я васъ и очень люблю... кому жъ и любить васъ больше меня? но я только вашъ племянникъ; а вамъ бы лучше было имѣть подлѣ себя добрую, хлопотливую, бодрую старушку—жену, которая бы знала, какъ отгонять отъ васъ скуку и горе. Вотъ почему я и жалью, что подлѣ васъ не такая старушка,

а шальной и полусумасшедшей малой, который не может вам быть товарищем, хотя у него и много доброй воли, но нет умья, нет умья, дядюшка Солль!

— Валли, мой милый, еслибъ эта бодрая и веселая старушка и жила здѣсь лѣтъ сорокъ пять, повѣрь, я любилъ бы ее не больше, чѣмъ люблю тебя.

— Знаю, дядюшка Солль, награди васъ Богъ! Но тогда вамъ было бы съ кѣмъ подѣлиться этими тяжелыми секретами, и она бы васъ угѣшала, а я не умѣю.

— О, да, да! Ты меня очень угѣшаешь!

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло? Говорите, дядюшка! сказалъ Валтеръ, ласкаясь къ старику.

Соломонъ Джилльсъ продолжалъ увѣрять, что ничего нѣтъ, но Валтеръ не отставалъ.

— Все, что я знаю, дядюшка, это...

— Да говорятъ тебѣ, что ничего нѣтъ!

— Хорошо. Значитъ, нѣчего и толковать, а мнѣ пора идти. Но помните, дядюшка! Если я узнаю, что вы со мною скрываете, я не повѣрю вамъ ни въ чемъ и не расскажу вамъ ничего о Каркерѣ-младшемъ!

— Узнавай, узнавай! возразилъ дядя смѣясь.

Валтеръ пошелъ въ конторы Дѣмби и Сына, перевертывая въ головѣ тысячу неудобноисполнимыхъ проектовъ, какъ бы поправить дѣла подъ вывѣскою деревяннаго мичмана, и явился къ должности не съ такимъ веселымъ лицомъ, какъ обыкновенно.

Въ тѣ дни жилъ за угломъ Бишопстегъ-Стрита нѣкто мистеръ Брогли, присяжный браковщикъ и ростовщикъ, который держалъ лавку второстепенной мебели всякаго рода и самой некомфортабельной наружности. Тамъ видѣлись стулья и умывальные приборы; столовый хрусталь и фаянсовые сервизы были разставлены на двухъэтажныхъ кроватяхъ; занавѣсы разныхъ матерій развѣшены передъ коммодами и шкапами; вездѣ красовались часы столовые и стѣнные, которыя никогда не заводились, и зеркала, отражавшія разные вещи, скупленныя на аукціонахъ и напоминавшія о банкротствахъ и разореніи ихъ прежнихъ обладателей.

Самъ мистеръ Брогли былъ человекъ съ масляными глазами, румяный, полный и непричудливый — одинъ изъ класса Кайевъ-Маріевъ, которые сидятъ съ большимъ удобствомъ на развалинахъ чужихъ Кароагеновъ и всегда бываютъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ заглядывалъ иногда въ лавку инструментальнаго мастера и спрашивалъ о предметахъ его торговли; Валтеръ зналъ его на столько, что здоровался съ нимъ при встрѣчахъ на улицѣ. Но какъ знакомство его съ дядею Соллемъ было въ томъ же родѣ, то Валтеръ значительно удивился, возвратясь довольно-рано изъ конторъ, когда увидѣлъ мистера Брогли, разсѣвагося въ кабинетѣ, съ запущенными въ карманы руками, тогда-какъ шляпа его висѣла на гвоздикѣ за дверьми.

— Ну, что, дядя Солль! какво вамъ теперь?

Соломонъ Джилльсъ, сидѣвшій въ уныніи противъ своего гостя, покачалъ головою.

— Въ чемъ тутъ дѣло? спросилъ Валтеръ, и дыханіе его слегка захватило.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, еказалъ мистеръ Брогли.—Мы вамъ не мѣшаемъ.

Валтеръ смотрѣлъ съ нѣмыми безпокойствомъ то на дядю, то на ростовщика.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ мистеръ Брогли: — что у меня есть маленькій просроченный векселѣкъ, фунтовъ на триста семьдесятъ съ чѣмъ-то...

— Просроченный вексель! воскликнулъ съ испугомъ Валтеръ.

— Дѣ, и онъ протестованъ. Я пришелъ самъ, чтобъ уладить это мягче и дружелюбно, чѣмъ бы сдѣлали полицейскіе. Вы вѣдь меня знаете, я человекъ добрый.

— Дядюшка Солль!

— Валли, мой милый, это случилось со мною въ первый разъ. Такого несчастья со мною никогда еще не было! Я очень-старъ, чтобъ начинать...

Старикъ закрылъ лицо рукою и громко зарыдалъ.

— Дядя Солль! Перестаньте! О, перестаньте! успокойтесь, ради Бога! кричалъ Валтеръ, убитый горестью старика.—Мистеръ Брогли, что мнѣ дѣлать?

— Я бы рекомендовалъ вамъ поискать какого-нибудь пріятеля, переговорить съ нимъ и упросить его устроить дѣло вашего дядюшки.

— Разумѣется! Благодарю васъ. Я побѣгу къ капитану Коттлю, дядюшка! Онъ намъ поможетъ. Успокойтесь, дядя Солль, не отчаивайтесь!

Сказавъ это, Валтеръ бросился изъ дверей, не слушая убѣжденій старика, забѣжалъ въ конторы, чтобъ извиниться подъ предлогомъ внезапной болѣзни дяди, и направился во всю прыть къ жилищу капитана Коттля.

Капитанъ Коттъль жилъ на небольшомъ каналѣ, по сосѣдству съ ост-индскими доками, противъ раздвижнаго мостика, который отворялся по-временамъ для пропуска какого-нибудь купеческаго корабля, который двигался какъ морское чудовище вдоль уацды. Вообще, любопытно было смотрѣть на постепенный переходъ отъ земнаго къ водяному, приближаясь къ квартирѣ капитана Коттля. Переходъ этотъ начинался мачтами съ флажтоками, водруженными передъ трактирами; потомъ тянулись лавки съ гернзейскими рубашками, шляпами-зюйдвестками, парусинными шароварами, широчайшими и непромокаемыми, развѣшенными по стѣнамъ и дверямъ; за ними слѣдовали кузницы, гдѣ работали якоря и канатныя цѣпи, и гдѣ тяжелые молоты стучали съ утра до вечера по желѣзу. Потомъ ряды домовъ, надъ которыми развѣва-

лись флаги. Потомъ канавы. Потомъ подстриженные ивы. Потомъ опять канавы. Потомъ непостижимые бассейны съ грязною водою, которую едва можно было видѣть за бездною скрывающихъ ее судовъ. Далѣе, воздухъ благоухалъ щепками, и всѣ другія ремесла поглощались мачтовымъ, весельнымъ, блоковымъ, шлюпочнымъ и паруснымъ. Потомъ невозможно было обонять ничего, кромѣ запаха рома и сахара. Наконецъ, на Бриг-Плэсъ, въ первомъ и последнемъ этажѣ небольшого домика,—жилище самого капитана Коттля.

Капитанъ былъ однимъ изъ тѣхъ чудаковъ, которыхъ самое живое воображеніе не можетъ представить себѣ безъ какой-нибудь, даже самой незначительной части ихъ костюма. Въ-слѣдствіе чего, когда Валтеръ постучался въ двери и капитанъ высунулъ изъ окна голову, накрытую лакированной шляпой, и показался одѣтый въ синее платье съ рубашечными воротниками величиною съ парусъ,—молодой человекъ былъ вполне убѣжденъ, что капитанъ не можетъ явиться въ другомъ видѣ, какъ-будто самъ онъ былъ птицей, и все это его перьями.

— А, Вал'ръ! Постучи-ка еще. Сильнѣе! Сегодня здѣсь мытье.

Валтеръ въ нетерпѣніи стукнулъ скобою изо всей силы.

— Хорошо, сказалъ капитанъ Коттль и немедленно спряталъ голову, какъ-будто ожидая шквала.

Онъ не ошибся. Вдова, съ голыми до плечъ руками, дымившимися паромъ горячей воды и покрытыми мыльною пѣной, бросилась съ неимоверною быстротою отворять двери. Прежде, чѣмъ взглянула на Валтера, она взглянула на дверную скобу, измѣрила посетителя съ ногъ до головы сердитымъ взоромъ и изъявила удивленіе, что скоба не отлетѣла.

— Капитанъ Коттль дома, я его видѣлъ, сказалъ Валтеръ съ вѣжливой улыбкой.

— Право? О-о!

— Онъ сейчасъ говорилъ со мною.

— Говорилъ? О-о! Такъ вы передайте ему мнѣніе мистриссъ Мэя-Станджеръ, которая полагаетъ, что если онъ можетъ утрудить себя разговорами изъ окна, то можетъ также спускаться и отворять двери гостямъ своимъ.

— Непремѣнно, сударыня, если вы позволите мнѣ войти.

Валтеръ поднялся по маленькой лѣстницѣ, черезъ искусственный туманъ, поднимавшійся изъ кадокъ съ горячею водою и отъ свѣжо-вымытаго пола, и вошелъ въ комнату капитана Коттля, котораго засталъ въ засадѣ за дверьми.

— Никогда не былъ долженъ ей даже пенни, Вал'ръ, сказалъ капитанъ вполголоса и съ нѣкоторою робостью. — Услуживалъ ей сто разъ и ребятишкамъ ея также, а все-таки она по-временамъ вѣдьма!

— Мнѣ бы слѣдовало уйдти, капитанъ.

— Видоръ, Вал'ръ! Она бы меня вездѣ съискала. Садись. Ну, каковъ Джилльсъ?

Капитанъ обѣдалъ въ это время (въ шляпѣ). Передъ нимъ стояла холодная баранина, портеръ и дымившійся въ маленькой кастрюлѣ картофель. Онъ отвинтилъ крючокъ, замѣнявшій ему кисть правой руки и всвернулъ въ рукоятку ножъ, которымъ тотчасъ же началъ очищать преогромную картофелину для Валтера. Комнаты были очень-малы, крѣпко напитаны табачнымъ дымомъ, но довольно-уютны. Все въ нихъ было установлено самымъ надежнымъ противъ морской качки образомъ, такъ-что казалось, будто капитанъ ждетъ съ-минуты-на-минуту землетресенія.

— Ну, а каковъ Джилльсъ?

Валтеръ, успѣвшій между-тѣмъ перевести духъ, но потерявшій всякую бодрость, посмотрѣлъ на своего собесѣдника, воскликнулъ: «о, капитанъ Коттль!» и залился горькими слезами.

Невозможно описать, въ какое отчаяніе это повергло капитана. Онъ выронилъ вилку съ картофелиной — выронилъ бы и ножъ, еслибы могъ — и вытаращилъ на мальчика глаза, какъ-будто ожидая услышать, что земля разверзлась подъ лавкою инструментальнаго мастера и поглотила его стараго друга съ коричневымъ костюмомъ, хронометромъ, очками и со всемъ товаромъ.

Но когда Валтеръ объяснилъ ему въ чемъ дѣло, капитанъ, послѣ минутнаго размысленія, вдругъ предался всей своей дѣятельности. Онъ поспѣшно всталъ, вывалилъ изъ жестянаго ящичка, стоявшаго на верхней полкѣ шкапа съ посудой, весь имѣвшійся у него наличный капиталъ, состоявшій изъ тринадцати фунтовъ и полукроны, и погрузилъ его въ одинъ изъ кармановъ своего необъятнаго синяго скортюка; потомъ всунулъ въ то же хранилище все свое серебро, состоявшее изъ двухъ обтертыхъ чайныхъ ложекъ и изогнутыхъ сахарныхъ щипчиковъ; вытащилъ огромные серебряныя часы и осмотрѣлъ ихъ, чтобъ удостовѣриться въ ихъ цѣлости и невредимости; снова привинтилъ на мѣсто крючокъ, и, схвативъ узловатую палку, велѣлъ Валтеру идти за собою.

Помня, однако, что мистриссъ Мэк-Стинджеръ можетъ караулить его внизу, капитанъ Коттль нѣсколько задумался, какъ бы провести этого грознаго врага; наконецъ онъ рѣшился употребить военную хитрость:

— Вал'ръ, ступай впередъ. Скажи: «прощайте, капитанъ Коттль», когда будешь въ сѣняхъ, и запри двери; а потомъ подожди за угломъ улицы, пока меня не увидишь.

Стратегія эта, однако, не совершенно обманула бдительность мистриссъ Мэк-Стинджеръ: она выскользнула изъ кухни и явилась въ сѣняхъ какъ духъ-мститель. Но увидя Валтера, вмѣсто ожидаемаго капитана, она проворчала что-то на-счетъ дверной скобы и снова исчезла.

Прѣшло минутъ пять прежде, чѣмъ капитанъ рѣшился поку- саться на бѣгство; наконецъ онъ вырвался изъ дверей какъ бом-

ба и побѣжалъ къ Валтеру безъ оглядки. Тогда, отдалившись отъ своего жилища, онъ принялся что-то насвистывать.

— Дядя Солль шибко упалъ подь вѣтръ, Вал'ръ?

— Боюсь, что да. Еслибъ вы видѣли его сегодня утромъ, вы никогда бы этого не забыли.

— Иди скорѣе, Вал'ръ. Надобно всегда ходить подь форсированными парусами—вотъ тебѣ правило на будущія времена!

Послѣ этого, ни капитанъ, ни Валтеръ не обмѣнялись ни однимъ словомъ, пока не дошли до дверей дяди Солля, надъ которыми бѣдный деревянный мичманъ, съ инструментомъ у принужденнаго глаза, дѣлалъ астрономическія наблюденія надъ цѣлымъ горизонтомъ, какъ-будто отыскивая какого-нибудь друга, который выручилъ бы его изъ бѣды.

— Джилльсъ! сказалъ капитанъ Коттль, торопливо вбѣжавъ въ кабинетъ и съ нѣжностью схвативъ старика за руку. — Приведи хорошенько къ вѣтру, и мы вылавируемъ изъ опасности. Все, что ты долженъ сдѣлать, произнесъ онъ торжественнымъ тономъ, какъ-будто излагая одно изъ самыхъ драгоценныхъ и никому неизвѣстныхъ правилъ житейской мудрости:—это привести круче къ вѣтру!

Дядя Солль пожалъ ему руку и поблагодарилъ за дружбу.

Тогда капитанъ Коттль важно выложилъ на столъ свои чайныя ложки и сахарныя щипчики, серебряныя часы и наличныя деньги, и спросилъ у мистера Брогли, велика ли сумма.

— Ну, говорите, много ли вамъ нужно?

— Помогите вамъ Богъ! возразилъ ветошникъ:—вы вѣрно не предполагаете, чтобъ все это на что-нибудь годилось?

— А почему же нѣтъ?

— Почему? А потому, что нужно триста-семьдесятъ фунтовъ слишкомъ.

— Ничего! возразилъ капитанъ, очевидно озадаченный такими цифрами: — однако, по-моему, все то рыба, что ни попадетъ въ ваши сѣти?

— Конечно. Но знаете, вѣдь селедки не киты.

Философія этого замѣчанія поразила капитана Коттля. Онъ подумалъ съ минуту, глядя на ростовщика, какъ на великаго генія, и потомъ отозвалъ въ сторону инструментальнаго мастера.

— Джилльсъ! Какимъ курсомъ идетъ это дѣло? Кто кредиторъ?

— Тс! возразилъ старикъ. — Пойдемъ, не говори при Валли: это поручительство за его отца — старинное обязательство. Я уже заплатилъ изъ него много; но теперь времена со мной такъ дурны, что я не въ состояніи платить. Я это предвидѣлъ, но не могъ помочь горю. Ради Бога, ни слова при Валли!

— Да есть ли у тебя хоть сколько-нибудь денегъ?

— О, да! Какъ же!.. есть... то-есть, въ товарахъ, а я вышелъ изъ моды и ихъ никто не покупаетъ. Онъ и здѣсь и тамъ, а лучше сказать нигдѣ!

Говоря это, онъ оглядывался во всѣ стороны, выворачивая свои пустые карманы и какъ-будто старался припомнить, въ какомъ изъ ящичковъ съ инструментами положены наличныя деньги.

— Что мнѣ дѣлать, другъ Недъ? Лучше было бы давно продать весь этотъ хламъ—онъ стоить больше моего долга—и уѣхать доживать свой вѣкъ на балахъ. У меня не осталось никакой энергій. Пусть они продадутъ все и снимутъ его долгой (указывая на деревяннаго мичмана).

— А что ты думаешь дѣлать съ Валтеромъ? Постой-ка, сядь лучше, дай подумать. Еслибъ я самъ не жилъ дрянною пенсией, которой одному мнѣ до-сихт-поръ кое-какъ доставало, такъ нечего было бы и толковать. А главное: приведи хорошенько къ вѣтру, и все будетъ хорошо!

Дядя Солль снова поблагодарилъ его и занялъ свое прежнее мѣсто у камня.

Капитанъ Коттль прохаживался вѣскольکو времени взадъ-и-впередъ по лавкѣ, въ глубокомъ размышленіи и сдвинувъ свои щетинистыя черныя брови такъ пасмурно, что Валтеръ побоялся прервать нить его идей. Мистеръ Брогли, не желая стѣснять никого своимъ присутствіемъ, пошелъ бродить по лавкѣ, разсматривая, щупая и перевертывая инструменты.

— Вал'ръ! воскликнулъ наконецъ капитанъ.—Я придумалъ!

— Что придумали, капитанъ? возразилъ мальчикъ, вдругъ оживясь надеждою.

— Поди-ка сюда, молодець. Товары одинъ залогъ, я другой: твой губернаторъ долженъ выдать намъ деньги.

— Мистеръ Дѳмби?!... проговорилъ Валтеръ съ отчаяніемъ.

— Да. Взгляни на него. Взгляни на Джилльса. Если они теперь вздумаютъ продавать все это, онъ умретъ, ты самъ знаешь. Мы не должны оставить ни одного камня неперевернутымъ—вотъ тебѣ первый камень!

— Камень!.. Мистеръ Дѳмби!..

— Прежде всего бѣги въ контору и узнай тамъ ли онъ. Живо! Валтеръ чувствовалъ, что спорить нечего, и мигомъ исчезъ. Вскорѣ онъ возвратился, запыхавшись, съ извѣстіемъ, что Дѳмби тамъ нѣтъ: это случилось въ субботу—онъ уѣхалъ въ Брайтонъ.

— Знаешь что, Вал'ръ! Поѣдемъ и мы въ Брайтонъ. Я тебя не выдамъ, мой любезный. Я тебя поддержу, Вал'ръ! Мы ѣдемъ въ Брайтонъ съ вечернимъ дилижансомъ.

Если нельзя было обойтись безъ мистера Дѳмби, о которомъ Валтеръ думалъ съ ужасомъ, то онъ полагалъ, что все-таки лучше ѣхать ему одному, чѣмъ съ подкрѣпленіемъ личнаго вліянія капитана Коттля, которое врядъ ли будетъ имѣть вѣсъ въ глазахъ мистера Дѳмби. Но такъ-какъ капитанъ былъ совершенно-противнаго мнѣнія и не сталъ бы слушать возраженій молокососа, то Валтеръ воздержался отъ малѣйшаго намека, который могъ бы ему не понравиться. А потому капитанъ, простившись наскоро съ дядей

Содомъ и сваливъ въ карманъ свой наличный капиталъ, чайныя ложки, щипчики и серебряныя часы, имѣя въ виду, какъ думалъ съ ужасомъ Валтеръ, произвести всѣмъ этимъ великолѣпное впечатлѣніе на мистера Дѳмби, увелъ его въ контору diligens, увѣряя по дорогѣ, что онъ его не покинетъ и будетъ держаться подле него до послѣдней минуты.

ГЛАВА III.

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ ПОСЛѢДСТВІЯ БѢДСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНІЯ ДЕРЕВЯННАГО МИЧМАНА.

Майоръ Бэгстокъ, послѣ частыхъ и долговременныхъ наблюденій въ театральную трубочку, черезъ Принцессъ-Плэсъ, надъ маленькимъ Полею Дѳмби, и собравъ о немъ самыя подробныя свѣдѣнія черезъ своего «товарища», вошедшаго въ постоянныя сношенія съ горничною миссъ Токсъ, дошелъ до заключенія: «Дѳмби, сэръ, человекъ, съ которымъ стѳитъ познакомиться; а Дж. Б. малый, какъ нарочно созданный для такого знакомства».

Миссъ Токсъ, однако, продолжала держать майора на благородной отъ себя дистанціи, и онъ, видя, что черезъ нее ему врядъ ли сойдтисъ съ мистеромъ Дѳмби, рѣшилсѳ положитьсѳ на случай, который, какъ онъ замѣчалъ въ своемъ клубѣ, «былъ пятьдесятъ разъ противъ одного въ пользу Джое Б., сэръ, съ-тѳхъ-норъ, какъ старшій братъ его умеръ отъ «Желтаго Джека» (*) въ Вестиндіи».

Случай заставилъ себя прождать нѣсколько времени, но наконецъ пришелъ на помощь майору Бэгстоку. Когда цвѣтной слуга донесъ ему со всѣми подробностями объ отсутствіи миссъ Токсъ на брайтонской службѣ, майоръ вдругъ почувствовалъ себя нѣжно-тронутымъ воспоминаніями о дружбѣ своей съ Биллемъ Битерстономъ, который писалъ ему изъ Бенгала, чтобъ онъ, если ему какъ-нибудь прійдетсѳ быть въ Брайтонѣ, навѣстилъ тамъ его единственнаго сына. Но когда «туземецъ» донесъ о пребываніи Поля у мистриссъ Пипчинъ, и майоръ увѣрялъ, что счастье самѳ идетъ къ нему, такъ-какъ ему писали о жительствѣ тамъ же маленькаго Битерстона,—онъ внезапно слегъ отъ страшнаго припадка подагры и въ порывѣ досады пустилъ въ «туземца» стуломъ, въ знакъ благодарности за его вѣсти.

Наконецъ, поправившись, майоръ поѣхалъ въ одну субботу въ Брайтонъ, посадивъ за собою туземца. Во всю дорогу онъ мыслен-

(*) Yellow Jack—такъ называютъ желтую горячку расположенныя въ Вестиндіи англійскія войска и флотъ. *Прим. перевод.*

но обращалъ разныя свирѣпыя фразы къ миссъ Токсъ и радовался тому, что завоюетъ приступомъ мистера Домби, о которомъ она такъ секретничала, и для котораго покинула его-самого.

— О-го, сударыня! говорилъ онъ, и каждая жилка на лицѣ его раздувалась въ веревку:— вы намѣрены дать отставку Джое Бэгстоку? Рано еще, сударыня, рано! Годдемъ, сэръ, рано еще! Джое живъ, сэръ. Дж. Б. тугъ, сударыня. Тугъ и чер-тов-ски лукавъ!

И дѣйствительно, маленькій Битерстонъ нашелъ его очень-тугивъ, когда отправился съ нимъ прогуляться по взморью: майоръ, съ цвѣтомъ лица, похожимъ на стильтонскій сыръ, и глазами, выпучеными какъ у морскаго рака, шагаль-себѣ, нисколько не помышляя объ увеселеніи юнаго Битерстона, котораго влекъ за руку, озираясь на всѣ стороны и ища всюду мистера Домби и его дѣтей.

Майоръ, отобравшій нужныя свѣдѣнія отъ мистриссъ Пипчинъ, высмотрѣлъ, наконецъ, Поля и Флоренсу, направлявшихся къ нему, въ сопровожденіи какого-то величаваго джентльмена. Онъ спустился прямо на нихъ, и, по весьма-естественнымъ причинамъ, при встрѣчѣ, маленькій Битерстонъ заговорилъ съ своими товарищами-страдальцами. Майоръ остановился, чтобъ полюбоваться на нихъ, вспомнилъ, что видѣлся и говорилъ съ ними у пріятельницы своей, миссъ Токсъ, въ Принцессъ-Плэсъ, объявилъ, что Поль молодецъ, какихъ мало, и что онъ его маленькій пріятель; спросилъ его, помнитъ ли онъ Джое Б., майора; и наконецъ, какъ будто спохватившись, что упустилъ изъ вида свѣтскія приличія, началъ извиняться передъ мистеромъ Домби.

— Но, сударь, вотъ этотъ маленькій пріятель снова дѣлаетъ меня самого мальчикомъ. Старый солдатъ, сэръ, майоръ Бэгстокъ, къ вашимъ услугамъ, не стыдится сознаться въ этомъ. — Майоръ приподнялъ шляпу. — Годдемъ, завидую вамъ, сэръ! воскликнулъ онъ съ внезапною горячностью, но потомъ, какъ-будто опомнясь, прибавилъ:—извините мою вольность.

Мистеръ Домби просилъ не упоминать объ этомъ.

— Старый служака, сэръ. Прокопченный, высушенный солнцемъ, изношенный старый пѣсь-майоръ, сэръ, не боится быть осужденъ за свои причуды такимъ человѣкомъ, какъ мистеръ Домби. Я имѣю, безъ сомнѣнія, честь говорить съ мистеромъ Домби?

— Я теперешній недостойный представитель этого имени, майоръ, возразилъ мистеръ Домби.

— Годдемъ, сэръ! это знаменитое имя. Такое имя, сударь, которое всѣ знаютъ и произносятъ съ уваженіемъ въ британскихъ колоніяхъ. (Онъ сказалъ это съ твердостью, какъ-будто вызывая самого мистера Домби осмѣлиться противорѣчить ему.) Это такое имя, сударь, которое человѣкъ признаетъ съ гордостью. Въ Джое Бэгстокъ, сэръ, нѣтъ ни капли лести,—это часто замѣчалъ его высочество герцогъ Йоркскій. Джое простой старый воинъ. Но это

имя великое. Клянусь Богомъ, имя знаменитое! прибавилъ онъ торжественно.

— Вы такъ любезны, что, можетъ-быть, цѣните его выше, чѣмъ оно заслуживаетъ, майоръ.

— Нѣтъ, сударь! Вотъ мой маленькій пріятель скажетъ вамъ, что Джое Бэгстонъ прямой, не льстивый, открытый старый козырь. Этотъ мальчикъ, сударь, продолжалъ майоръ вполголоса: — займетъ мѣсто въ исторіи. Этотъ мальчикъ, сэръ, не какое-нибудь обыкновенное произведеніе природы. Берегите его, мистеръ Дѳмби.

Мистеръ Дѳмби выразилъ знакомъ, что постарается послѣдовать совѣту майора.

— Вотъ этотъ мальчикъ, сэръ, указавъ на него тростью:—сынъ Битерстона, который въ Бенгалѣ. Отецъ его Билль Битерстонъ, былъ прежде изъ нашихъ. Мы съ нимъ были старинные друзья. Куда бы вы ни сунулись, вамъ вѣрно пришлось бы слышать-только о Биллѣ Битерстонѣ и Джое Бэгстонѣ. А вы думаете, я слышу къ недостаткамъ этого мальчика? Нисколько. Онъ дуракъ, сударь.

Мистеръ Дѳмби взглянулъ на оскорбленнаго такимъ титуломъ мальчика, о которомъ зналъ по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ самъ майоръ, и сказалъ снисходительно:

— Не-уже-ли?

— Да, сударь, онъ дуракъ. Джое Бэгстонъ никогда не увѣтребляетъ прикрасъ. Сынъ его задушевнаго друга, Билля Битерстона, дуракъ отъ природы.

Майоръ засмѣялся, и смѣялся, пока не почернѣлъ.

— Моему маленькому пріятелю предназначено учиться въ публичной школѣ, сэръ? спросилъ онъ, когда поправился.

— Я еще не совершенно рѣшился. Думаю, что нѣтъ. Онъ слабаго сложенія.

— Если слабаго сложенія, сударь, вы правы. Въ Сэндгорстѣ могли выжить только дюжіе ребята. Мы тамъ подвергали другъ друга пыткамъ, сэръ. Мы жарили новичковъ на маломъ огнѣ, сэръ, и вѣшали ихъ за ноги изъ окна. Я самъ, Джое Бэгстонъ, висѣлъ такимъ образомъ цѣлыя тринадцать минутъ!

Синее лицо майора вполнѣ подтверждало истину этихъ словъ.

— Но за то мы вышли такими, какими были, сэръ, продолжалъ майоръ, поправляя съ гордостью галстухъ.—Мы были кованымъ желѣзомъ, сэръ. Вы остаетесь здѣсь, мистеръ Дѳмби?

— Я обыкновенно пріѣзжаю сюда разъ въ недѣлю, майоръ, и всегда останавливаюсь въ Бедфордской-Гостинницѣ.

— Буду имѣть честь явиться къ вамъ въ Бедфордскую-Гостинницу, сэръ, если позволите. Джое Бэгстонъ вообще не любитъ дѣлать визитовъ, но мистеръ Дѳмби не изъ обыкновенныхъ людей. Я премного обязанъ моему маленькому пріятелю за честь знакомства съ вами.

Мистеръ Дѳмби отвѣтилъ ему очень-благосклонно, и майоръ, поглаживъ по головѣ Поля и сказавъ о Флоренсѣ, что ея хорошенъ-

кѣ глазки скоро начнутъ сводить съ ума молодѣжь, и даже стариковъ, если они доживутъ до этого, шевельнулъ юнаго Битерстона тростью, раскланялся и пошелъ дальше полурьисью, покашливая очень-величаво.

Въ слѣдствіе своего обѣщанія, майоръ сдѣлалъ визитъ мистеру Домби; а мистеръ Домби, справившись напередъ со спискомъ арміи, посѣтилъ майора. Послѣ того майоръ посѣтилъ мистера Домби въ городѣ и въ слѣдующую субботу пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Брайтонъ. Короче сказать, мистеръ Домби и майоръ сошлись между собою необычайно-скоро и необычайно-хорошо. Мистеръ Домби, говоря однажды съ сестрою о майорѣ, замѣтилъ, что онъ былъ нѣсколько-выше обыкновенныхъ военныхъ людей и понималъ съ удивительною вѣрностью важность вещей, даже вовсе-не-сопряженныхъ съ военнымъ ремесломъ.

Наконецъ мистеръ Домби, привезя разъ къ дѣтямъ мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ, и встрѣтя майора въ Брайтонѣ, пригласилъ его обѣдать въ Бедфордскую-Гостинницу, наговоривъ напередъ миссъ Токсъ нѣсколько комплиментовъ на-счетъ ея знакома и сосѣда. Отъ этого миссъ Токсъ была чрезвычайно-интересна за обѣдомъ, конфузилась и краснѣла, а майоръ усиливалъ ея душевное волненіе жалобами на свое одиночество и на то, что она его забыла и покинула въ Принсесъ-Плэсъ.

Присутствовавшіе были очень-довольны другъ другомъ, тѣмъ болѣе, что майоръ овладѣлъ всѣмъ разговоромъ и обнаружилъ въ этомъ случаѣ такой же аппетитъ, съ какимъ поглощалъ всѣ лакомства изъисканнаго стола Бедфордской-Гостинницы. Мистеръ Домби, всегда молчаливый и серьезный, нисколько не мѣшалъ майору блистать, а майоръ, чувствуя свои преимущества и будучи въ превосходномъ расположеніи духа, изобрѣталъ такое безчисленное множество измѣненій своему имени, что самъ себѣ удивлялся. Словомъ, обѣдъ показался всѣмъ очень-пріятнымъ. Майора сочли за человѣка, обладающаго необычайнымъ даромъ слова и неистощимою любезностью, а когда онъ простился послѣ долгаго роббера виста, мистеръ Домби привѣтствовалъ снова краснѣвшую миссъ Токсъ на счетъ ея знакома и сосѣда.

Возвращаясь въ гостинницу, гдѣ онъ самъ остановился, майоръ повторялъ про себя безпрестанно съ весьма-самодовольнымъ видомъ:

— Хитѣръ, сударь, хитѣръ, чертовски-хитѣръ! Да, миссъ! Вамъ хочется сдѣлаться мистриссъ Домби, ге? Но Джое Бэгстонъ еще живъ! Онъ не спитъ, сэръ; глаза его широко открыты! Подождите, миссъ! Глубокомысленна, ге? Но Джое Бэгстонъ чер-тов-ски хитѣръ!

На другой день послѣ этого обѣда, въ воскресенье, когда мистеръ Домби, мистриссъ Чиккъ и миссъ Токсъ сидѣли за завтракомъ и похваливали майора, вдругъ вбѣжала въ комнату Флоренса съ раскраснѣвшимися щеками и радостью въ глазахъ.

— Папа, папа! Здѣсь Валтеръ! но онъ не хочетъ войти!

— Кто? возразилъ мистеръ Дѳмби.—О комъ она говоритъ? Что тамъ такое?

— Валтеръ, папа, отвѣчала дѣвочка съ робостью, почувствовавъ, что обратилась къ отцу очень-фамиллярно. — Тотъ, кто нашелъ меня когда я заблудилась.

— Она говоритъ о молодомъ Гѳйѣ, Луиза? сказалъ мистеръ Дѳмби, нахмуривъ брови.—Право, у нея сдѣлались какія-то странныя манеры. Не можетъ быть, чтобъ она говорила о молодомъ Гѳйѣ. Посмотри, Луиза, кто тамъ.

Мистриссъ Чиккъ поспѣшно вышла въ сѣни и воротилась съ вѣстиемъ, что тамъ молодой Гѳй вмѣстѣ съ какимъ-то необычайно-страннымъ человекомъ, но что молодой Гѳй не осмѣливается помѣшать завтраку мистера Дѳмби и ждетъ, когда ему будетъ угодно позволить войти.

— Пусть мальчикъ войдетъ, сказалъ мистеръ Дѳмби.—Въ чемъ дѣло, Гѳй? Кто тебя прислалъ? Развѣ некому было прѣхать ко мнѣ?

— Извините, сударь. Я не былъ посланъ. Я осмѣлился обезпечить васъ самъ и надѣюсь, что вы меня извините, если удостоите выслушать.

Но мистеръ Дѳмби, не слушая его, съ нетерпѣніемъ разсматривалъ стоявшій за нимъ предметъ.

— Это что? сказалъ онъ.—Кто тамъ? Я полагаю, что вы ошиблись и вошли не въ тѣ двери, сударь.

— О, мнѣ очень жаль, что я беспокою васъ не одинъ, сударь, вскричалъ торопливо Валтеръ:—но это... это капитанъ Коттль, сударь.

— Вал'ръ, не зѣвай на брасахъ! замѣтилъ капитанъ густымъ басомъ.

Тутъ капитанъ, вышедъ нѣсколько впередъ, вполне обнаружилъ замѣчательный синій костюмъ свой, огромные рубашечные воротники и узловатый носъ, и принялся раскланиваться съ мистеромъ Дѳмби и вѣжливо прѣтствовать дамъ крючкомъ правой руки, держа въ лѣвой свою жесткую лакированную шляпу, наръзавшую ему красный экваторъ на головѣ.

Мистеръ Дѳмби смотрѣлъ на этотъ феноменъ съ изумленіемъ и негодованіемъ. Маленькій Поль, вошедшій вслѣдъ за Флоренсою, отступилъ къ миссъ Токсъ, когда капитанъ началъ размахивать крючкомъ и установился въ оборонительномъ положеніи.

— Ну, Гѳй, сказалъ мистеръ Дѳмби:—что привело тебя ко мнѣ?

Капитанъ снова замѣтилъ ободрительно:—Вал'ръ, не зѣвай на брасахъ!

— Я боюсь, сударь, началъ съ трепетомъ Валтеръ: — что изводитъ себя большую смѣлость. Я увѣренъ въ этомъ. Я бы врядъ ли рѣшился, даже прѣхавъ сюда, просить позволенія говорить съ вами, еслибъ не встрѣтилъ миссъ Дѳмби и....

— Прекрасно! прервалъ мистеръ Домби, слѣдя за его взорами, когда онъ взглянулъ на внимательную Флоренсу и нахмурился невольно, видя какъ она ободряетъ его улыбкою. — Продолжай.

— Да, да, вмѣшадся капитанъ. — Хорошо сказано! Продолжай, Вал'ръ.

Капитанъ Коттль долженъ бы былъ разсыпаться въ прахъ отъ брошеннаго на него мистеромъ Домби уничтожающаго взгляда. Но онъ, не понимая своего преступленія, прищурилъ въ невинности сердечной одинъ глазъ, давая знать мистеру Домби, что Валтеръ сначала нѣсколько сконфузился, но скоро оправится.

— Меня привело къ вамъ совершенно-частное и лично до меня касающееся дѣло, сударь, продолжалъ Валтеръ прерывающимся голосомъ: — и капитанъ Коттль....

— Здѣсь! отозвался капитанъ, въ удостовѣреніе того, что онъ тутъ и что на его содѣйствіе можно вполнѣ положиться.

— Который очень-старинный другъ моего бѣднаго дяди и прекрасный человекъ... онъ былъ такъ добръ, что вызвался бхать сюда вмѣстѣ со мною, въ чемъ я не могъ ему отказать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, замѣтилъ капитанъ съ самодовольствіемъ. — Разумѣется, нѣтъ. Какой отказъ. Продолжай, Вал'ръ!

— А потому сударь, сказалъ Валтеръ, осмѣливаясь встрѣтить взглядъ мистера Домби и сдѣлавшись храбрѣе отъ отчаянія:— потому я пришелъ съ нимъ, сударь, сказать, что бѣдный мой дядя въ самомъ горестномъ положеніи. Теряя постепенно покупателей, онъ сдѣлался не въ состояніи произвести уплату по одному обязательству, что мучило его многіе мѣсяцы сряду — я это знаю — и теперь въ домъ его кредиторъ съ протестомъ. Онъ въ опасности лишиться всего и умереть съ огорченія. Еслибъ вы сдѣлали ему благодареніе, по добротѣ своей, и, зная его давно, какъ человека достойнаго уваженія, спасли его изъ теперешней бѣды, мы бы не знали какъ благодарить васъ!

Глаза Валтера наполнились слезами; глаза Флоренсы также. Мистеръ Домби это замѣтилъ, хотя по-видимому смотрѣлъ на одного только Валтера.

— Сумма очень-большая, сударь, продолжалъ Валтеръ. — Больше трехсотъ фунтовъ. Дядя мой совершенно убитъ этимъ несчастіемъ и совершенно не въ состояніи сдѣлать что-нибудь для своего облегченія. Онъ даже не знаетъ, что я здѣсь... Вамъ угодно знать точную сумму, сударь? Право, я самъ не знаю. Вотъ товары моего дяди, на которые уже нѣтъ требованій; вотъ капитанъ Коттль, который также желаетъ быть поручителемъ въ уплатѣ. Я... я едва смѣю упоминать о своемъ собственномъ жалованьи; но еслибъ вы позволили ему скопиться... для уплаты... вперед... честный... добрый старикъ... несчастный... Валтеръ, послѣ этихъ безсвязныхъ восклицаній, замолчалъ и опустилъ голову.

Подлагая этотъ моментъ благоприятнымъ для обнаруженія своихъ драгоценностей, капитанъ Коттль приблизился къ столу, и,

очистивъ на немъ мѣсто между чашками и тарелками, выложилъ свои серебряныя часы, наличныя деньги, серебряныя ложки и сахарныя щипчики. Собравъ всѣ эти вещи въ груду, чтобъ онѣ смотрѣли какъ-можно-драгоцѣннѣе, онъ произнесъ слѣдующее:

— Полхлѣба лучше, чѣмъ безъ хлѣба: такое замѣчаніе хорошо и для крошекъ. Вотъ ихъ нѣсколько. Готовъ также передать свою пенсію — сто фунтовъ въ годъ. Если на свѣтѣ есть человѣкъ, биткомъ начпщенный ученостью — это старшій Солль Джилльсъ. Если есть малый, который общается сдѣлаться козыремъ — вотъ онъ! Это Вал'ръ!

Капитанъ возвратился на прежнее мѣсто съ видомъ человѣка, преодолевшаго послѣднее затрудненіе.

Когда Валтеръ замолчалъ, мистеръ Дѳмби взглянулъ на своего сына, который, видя, какъ Флоренса молча плакала повѣсивъ голову, старался утѣшить ее и посматривалъ то на Валтера, то на отца съ особенно-выразительнымъ лицомъ. Послѣ рѣчи капитана Коттля, на которую мистеръ Дѳмби отвѣчалъ взглядомъ надменнаго равнодушія, онъ снова обратилъ взоры на сына и смотрѣлъ на него нѣсколько времени въ молчаніи.

— Откуда произошелъ этотъ долгъ? спросилъ наконецъ мистеръ Дѳмби. — Кто кредиторъ?

— Онъ не знаетъ, отвѣчалъ капитанъ, положивъ руку на плечо Валтера. — Я знаю. Солль Джилльсъ помогъ одному человѣку, который давно уже умеръ и за котораго переплатилъ много денегъ. Если угодно знать подробнѣе, скажу наединѣ.

— Люди, у которыхъ достаточно своихъ собственныхъ заботъ, сказалъ мистеръ Дѳмби, не замѣчая таинственныхъ знаковъ, дѣлаемыхъ ему капитаномъ Коттлемъ за спиною Валтера: — не должны увеличивать своихъ затрудненій, обзаваясь за другихъ людей: это непростительно, самопадѣнно и даже въ нѣкоторомъ родѣ безчестно, прибавилъ онъ сурово. — Да, это большая самопадѣнность, которую могутъ позволить себѣ только люди богатые. Поль, поди сюда!

Дитя повиновалось, и мистеръ Дѳмби посадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Еслибъ у тебя теперь были деньги... Смотри на меня!

Поль, глядѣвшій попеременно то на Валтера, то на Флоренсу, вперилъ взоры прямо въ глаза отцу.

— Еслибъ у тебя были деньги... столько, какъ говоритъ молодой Гэй, что бы ты сдѣлалъ?

— Отдалъ бы ихъ старому дядѣ.

— Отдалъ бы займы его старому дядѣ, ге? Прекрасно! Когда вырастешь, мы будемъ вмѣстѣ употреблять мои деньги.

— Дѳмби и Сынъ, замѣтилъ Поль, издавна наученный этой фразѣ.

— Дѳмби и Сынъ, да. Хочешь ли ты теперь начать быть Дѳмби и Сыномъ, и ссудить этими деньгами дядю молодаго Гэя?

— О, да, папа! прошу васъ! Флоренса хочетъ этого также.

— Дѣвочкамъ нѣчего дѣлать съ Домби и Сыномъ. Хочешь ли этого ты?

— Да, папа, да!

— Будь по-твоему. Видишь ли ты, Поль, прибавилъ онъ вполголоса:—какъ сильны деньги и какъ люди стараются добыть ихъ. Молодой Гэй пришелъ сюда издалека, чтобъ достать денегъ, а ты, человѣкъ богатый и сильный, снабжаешь его ими и дѣлаешь ему этимъ большое одолженіе.

Поль обратилъ къ мистеру Домби свое стариковское лицо, выражавшее, что онъ ясно понялъ смыслъ этого правоученія; но лицо это немедленно сдѣлалось снова дѣтскимъ, когда онъ соскочилъ съ колѣна отца, подбѣжалъ къ Флоренсъ и упрасивалъ ее перестать плакать, потому-что онъ далъ денегъ молодому Гэю.

Мистеръ Домби сѣлъ за письменный столикъ, написалъ записку и запечаталъ ее. Въ-продолженіе этого промежутка, Поль и Флоренса шептались съ Валтеромъ, а капитанъ Коттль смотрѣлъ лучезарно на всѣхъ троихъ съ такими дерзновенными идеями, какихъ бы мистеръ Домби никакъ не рѣшился подозрѣвать въ немъ. Когда записка была кончена, мистеръ Домби возвратился на свое прежнее мѣсто и протянулъ ее Валтеру:

— Отдай это завтра утромъ мистеру Каркеру. Онъ распорядится, чтобъ одинъ изъ моихъ тотчасъ же освободилъ твоего дядю отъ протеста, выплативъ нужную сумму, и устроится съ нимъ на счетъ этого долга, какъ будетъ удобнѣе по обстоятельствамъ твоего дяди. Можешь считать, что это сдѣлано для тебя моимъ сыномъ.

Валтеръ, обрадованный и растроганный, хотѣлъ выразить хоть часть своей благодарности, но мистеръ Домби остановилъ его:

— Это сдѣлано моимъ сыномъ. Я объяснилъ ему, что нужно, и онъ понялъ. Я не желаю слышать ничего больше.

Такъ-какъ руки мистера Домби указывали на двери, то Валтеру осталось только поклониться и уйти. Миссъ Токсъ, видя, что и капитанъ намѣренъ сдѣлать то же самое, обратилась къ мистеру Домби:

— Почтенный сэръ (щедрость мистера Домби извлекла обильныя слезы изъ глазъ миссъ Токсъ и мистриссъ Чиккъ) я полагаю, что вы пропустили безъ вниманія одно обстоятельство. Извините меня, сэръ, но въ возвышенномъ благородствѣ своемъ вы забыли объ одной подробности...

— Право, миссъ Токсъ?

— Тотъ джентльменъ... съ инструментомъ, продолжала миссъ Токсъ, взглянувъ на капитана Коттля:—оставилъ на столѣ, у вашего локтя...

— Боже милосердый! воскликнулъ мистеръ Домби, отменяя отъ себя богатство капитана какъ соръ. — Уберите эти вещи. Миссъ Токсъ, я вамъ благодаренъ; вы поступили съ всегдашнимъ своимъ благоразуміемъ. Прошу васъ, сударь, уберите все это!

Капитанъ Коттль понялъ, что ему не остается ничего болѣе, какъ повиноваться. Но его до крайности поразило великодушіе мистера Дѳмби, отказавшагося отъ нагроможденныхъ полъ его рукою сокровищъ: уложивъ все въ карманы, капитанъ не могъ удержаться, чтобъ не схватить единственною оставшеюся у него лѣвою рукою щедрую руку его, къ ладони которой приложилъ свой крючокъ, въ знакъ восторженнаго удивленія. Отъ такого прикосновенія теплыхъ чувствъ и холоднаго желѣза, у мистера Дѳмби дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Тогда капитанъ, расшаркиваясь съ дамами, поцаловалъ ихъ нѣсколько разъ свой крючокъ съ необычайною ловкостью и любовью, и простившись особенно съ Полемъ и Флоренсой, послѣдовалъ за Валтеромъ изъ комнаты. Флоренса побѣжала за ними, чтобъ послать ласковое привѣтствіе старому Соллю, но мистеръ Дѳмби позвалъ ее назадъ и велѣлъ оставаться на мѣстѣ.

— Не-уже-ли ты никогда не будешь настоящею Дѳмби? сказала ей мистриссъ Чиккъ съ трогательнымъ упрекомъ.

— Ахъ, не сердитесь на меня, милая тѣтушка! Я такъ благодарна папѣ!

Она бы бросилась обнимать отца, еслибъ осмѣлилась; но не рѣшаясь на это, она только смотрѣла на него съ выраженіемъ сажой глубокой благодарности. А онъ сидѣлъ въ задумчивости; взглядывая на нее по временамъ съ безпокойствомъ, но болѣе слѣдуя за движеніями Поля, который гордо расхаживалъ по комнатѣ, радуясь своему новому величію, снабдившему деньгами молодого Гѣя.

А что Гѣй — что Валтеръ?

Валтеръ былъ до крайности радъ, что ему удалось выручить своего бѣднаго дядю изъ когтей полицейскихъ и ростовщиковъ; онъ былъ до крайности радъ, сообщивъ дядѣ добрыя вѣсти и устроивъ всѣ дѣла на слѣдующее же утро; онъ съ наслажденіемъ сидѣлъ вечеромъ въ маленькомъ кабинетѣ, вмѣстѣ съ капитаномъ Коттлемъ и старымъ Соллемъ; восхищался, видя, какъ ожилъ инструментальный мастеръ и какъ радовался, что деревянный мичманъ снова принадлежитъ ему. Но, нисколько не упрекая Валтера въ неблагодарности къ мистеру Дѳмби, должно сказать, что онъ былъ угнетенъ и униженъ: онъ чувствовалъ, какъ разсыпались его пламенные надежды, и какая неизмѣримая бездна отдѣляетъ его отъ Флоренсы.

Капитанъ Коттль смотрѣлъ на это совершенно-иначе. Но его соображеніямъ, свиданіе, при которомъ ему случилось присутствовать, было такъ удовлетворительно для его виттингтонскихъ замысловъ, что Валтеру оставалось не больше, какъ шагъ или два до формальнаго обрученія съ Флоренсой. Въ полномъ удовольствіи отъ этого убѣжденія и радуясь счастью вырученнаго изъ бѣды друга, капитанъ раза три проревѣлъ за бутылкою свою балладу объ «очаровательной Пезе-е-гъ», стараясь вклинить въ нее имя Флоренсы.

ренсы и не находя къ этому другой возможности, какъ передѣлавъ его на «Фле-е-е-тъ!»

ГЛАВА IV.

Появленіе Поля на новой сценѣ.

Мистриссъ Пипчинъ, не смотря на свою потребность въ пище-варительномъ отдыхѣ послѣ бараньихъ котлетъ, была состроена изъ такихъ крѣпкихъ матеріаловъ, что ни одно изъ предвѣщаній мистриссъ Виккемъ не сбылось, и она рѣшительно не обнаруживала никакихъ признаковъ физическаго расслабленія.

Бѣдная Берри работала по-прежнему какъ невольница, въ полномъ убѣжденіи, что мистриссъ Пипчинъ совершеннѣйшее существо на земномъ шарѣ, и каждый день приносила себя по нѣскольку разъ въ жертву этой богинѣ: но все это самоотверженіе друзья и поклонники мистриссъ Пипчинъ обращали къ ея же кредиту.

Бытъ, на-примѣръ, въ Брайтонѣ честный продавецъ чая, сахара, кофе и разныхъ пряностей, у котораго мистриссъ Пипчинъ забирала всякой всячины на книжку; онъ былъ человекъ холостой и не очень-разборчивый на счетъ наружной красоты, а потому сдѣлалъ однажды весьма-благонамѣренное предложеніе Берри. Но мистриссъ Пипчинъ отвергла за свою племянницу руку его съ гордымъ негодованіемъ. Послѣ этого отказа, всѣ удивлялись твердости и независимости характера мистриссъ Пипчинъ, но никто не подумалъ о Берри, проплакавшей цѣлыя шесть недѣль и обреченной вѣчному дѣвичествоу.

— Берри васъ очень любитъ? спросилъ однажды Поля, сидя у каминна вѣствѣ съ мистриссъ Пипчинъ и ея кошкой.

— Да.

— За что?

— За что! Какъ можно спрашивать о такихъ вещахъ, молодой джентльменъ? За что ты такъ любишь Флоренсу?

— За то, что она очень-добра. Нѣтъ никого добрѣе Флоренсы...

— Хорошо! Ну такъ нѣтъ никого такого, какъ я.

— Не-уже-ли нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Очень-радъ. Это очень-хорошо, замѣтилъ Поля, потирая руки и глядя очень-пристально на мистриссъ Пипчинъ.

Она не рискнула спросить почему, ожидая вѣроятно самаго уничтожающаго отвѣта; но принялась, въ утѣшеніе себѣ, мучить маленькаго Битерстона такъ безжалостно, что онъ въ тотъ же вечеръ занялся приготовленіями къ путешествію сухимъ путемъ въ Индію,

утаивъ отъ ужина кусокъ хлѣба и обломокъ сыра, которые предназначалъ для дорожнаго запаса провизіи.

Мистриссъ Пипчинъ имѣла почти цѣлый годъ на попеченіи своемъ Поля и Флоренсу. Они были въ этотъ промежутокъ два раза дома, но не болѣе, какъ на нѣсколько дней, и еженедѣльно посѣщали мистера Дѳмби въ Бедфордской-Гостинницѣ, гдѣ онъ регулярно останавливался, пріѣзжая изъ Лондона по субботамъ. Мало-по-малу Полю укрѣпился и могъ уже обходиться безъ колясочки; но онъ все-таки имѣлъ видъ нѣжный и болѣзненный, и былъ по-прежнему старымъ, тихимъ, разумнымъ ребенкомъ.

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, всѣ въ замкѣ мистриссъ Пипчинъ встревожились не на шутку отъ неожиданнаго извѣстія, что мистеръ Дѳмби намѣренъ посѣтить ее. Все населеніе дома забѣгало и засуетилось: вездѣ подтирали и подметали, на кроватяхъ дѣтей перемѣнили бѣлье, миссъ Пэнки и юпаго Битерстона поприодѣли въ чистое, при чемъ послѣдній пріобрѣлъ нѣсколько сверхкомплектныхъ щелчковъ, и наконецъ темная бомбазиновая одежда достойной воспитательницы омрачила гостиную, гдѣ сидѣлъ, мистеръ Дѳмби, глядя въ задумчивости на порожнія кресла своего сына и наслѣдника.

— Какъ вы поживаете, мистриссъ Пипчинъ? сказалъ мистеръ Дѳмби.

— Благодарю васъ, сударь. Я довольно здорова, принимая къ соображеніе...

Мистриссъ Пипчинъ всегда выражалась такимъ образомъ. Тутъ подразумевалось: принимая въ соображеніе ея добродѣтели, потери, пожертвованія и тому подобное.

— Я не могу быть очень-крѣпкаго здоровья, сударь, сказала она, усаживаясь и переводя духъ:—но благодарю Бога и за то здоровье, которымъ онъ меня надѣляетъ.

Мистеръ Дѳмби кивнулъ ей съ видомъ покровителя, чувствующаго, что именно за это онъ платитъ ей по стольку-то въ мѣсяцъ. Послѣ краткаго молчанія онъ началъ:

— Мистриссъ Пипчинъ, я рѣшился посѣтить васъ для совѣщанія касательно моего сына. Я хотѣлъ сдѣлать это давно, но отлагалъ нарочно, чтобъ дать ему время поправиться въ здоровьи. Вы не имѣете на этотъ счетъ никакихъ свѣдѣній, мистриссъ Пипчинъ?

— Брайтонъ очень-здоровое мѣсто, сударь. Право, очень-здоровое для дѣтей.

— Я намѣренъ оставить его въ Брайтонѣ.

Мистриссъ Пипчинъ потеряла руки и устала свои сѣрые глаза на огонь.

— Но, продолжалъ мистеръ Дѳмби, поднявъ указательный палецъ:—теперь съ нимъ будетъ по всей вѣроятности перемѣна, и онъ начнетъ другой образъ жизни. Короче, мистриссъ Пипчинъ, я объ этомъ именно хотѣлъ поговорить съ вами. Сынъ мой растетъ, мистриссъ Пипчинъ; дѣйствительно, онъ подростаетъ.

Было что-то грустное даже въ торжествѣ, съ которыми мистръ Домби это сказалъ. Дѣтство Поля, по-видимому, протекало для него слишкомъ-медленно, а всѣ надежды и планы его направлялись къ болѣе-зрѣлому возрасту ребенка.

— Ему шесть лѣтъ! сказалъ онъ, поправляя галстухъ. — Гм! изъ шести сдѣлается шестнадцать прежде, чѣмъ мы успѣемъ оглянуться.

— Черезъ десять лѣтъ, прокаркала нечувствительная мистриссъ Пипчинъ съ морознымъ отблескомъ въ своихъ желѣзныхъ сѣрыхъ глазахъ.—Это долгое время.

— Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Какъ бы то ни было, мистриссъ Пипчинъ, сыну моему шесть лѣтъ, и я боюсь, что въ познаніяхъ онъ далеко отсталъ отъ другихъ дѣтей его возраста; а сынъ мой *долженъ* быть далеко впереди своихъ товарищей во *всѣхъ* отношеніяхъ. Для него уже приготовлено высокое мѣсто въ свѣтѣ, и дорога его очищена и проведена, даже прежде, чѣмъ онъ родился. Воспитаніе такого молодаго джентльмена не должно терпѣть промедленій или быть несовершеннымъ. За него должно приняться серьезно, мистриссъ Пипчинъ.

— Прекрасно, сэръ. Я не нахожу этому никакого опроверженія.

— Я всегда былъ въ этомъ убѣжденъ, мистриссъ Пипчинъ. При вашемъ умѣ нельзя было думать иначе.

— Толкуютъ много вздора о томъ, что не должно дѣтей при-невольвать къ учению и тому подобное, сэръ, сказала мистриссъ Пипчинъ, нетерпѣливо потирая свой крючковатый носъ.—Въ мое время думали не такъ. Мое мнѣніе: заставлять ихъ учиться.

— Почтенная мистриссъ Пипчинъ, я вижу, что ваша репутация приобретена не даромъ. Будьте вполне увѣрены въ моемъ одобреніи вашей прекрасной системы; я сочту себѣ за особенное удовольствіе рекомендовать ее вездѣ, гдѣ только мои скромныя услуги могутъ вамъ быть полезны.

Валчивыи тонъ мистера; Домби рѣзко противорѣчилъ смиренію словъ его.

— Я думалъ о докторѣ Блимберѣ, мистриссъ Пипчинъ.

— О моемъ сосѣдѣ, сударь? Я увѣрена, что заведеніе доктора превосходно. Тамъ строго ведутъ молодыхъ людей и занимаются науками съ утра до ночи.

— И ему платять очень-дорого.

— И ему платять очень-дорого, подхватила мистриссъ Пипчинъ, какъ-будто упустивъ изъ вида главное достоинство заведенія ученаго доктора.

— Я имѣлъ случай говорить съ докторомъ Блимберомъ, мистриссъ Пипчинъ, и онъ находитъ Поля вовсе не слишкомъ-юнымъ для своей методы. Онъ говорилъ о многихъ мальчишкахъ, которые въ эти лѣта знали уже по-гречески. Но я беспокоюсь не объ этомъ. Такъ-какъ сынъ мой вовсе не зналъ матерн, то онъ сосредоточилъ

одна-много... и даже слишком-много, своей дѣтскою привязанности къ сестрѣ. Не будетъ ли разлука съ нею...

Мистеръ Дѳмби остановился и замолчалъ.

— Эге-ге! воскликнула мистрисъ Пипчинъ, воспламененная всеми своими людѳдскими качествами.—Если ей это и не понравится, можно заставить!

Мистеръ Дѳмби выждалъ, пока она трясла головою и хмурилась самымъ зловѣщимъ образомъ, и поправилъ:

— *Кю*, почтенная мистрисъ Пипчинъ, *кю!*

Система мистрисъ Пипчинъ казалась ей также удобнѣею и для Поля; но сѣрые глаза ея были такъ проникательны, что могли понять, какое различіе существуетъ въ понятіяхъ мистера Дѳмби между дочерью и сыномъ; и потому она ограничилась замѣчаніемъ, что перемена мѣста, новое общество и занятія подъ руководствомъ доктора Блимбера очень-скоро отучатъ маленькаго Поля отъ его неумѣстной, чрезмѣрной привязанности къ сестрѣ. Такъ-какъ мистеръ Дѳмби думалъ то же самое, то она стала еще выше въ его мнѣніи; а такъ-какъ мистрисъ Пипчинъ принялась въ то же время горевать о собственной своей разлукѣ съ ея милымъ дружкой, то онъ получилъ очень-выгодное понятіе о ея безкорыстїи. Онъ сообщилъ людѳдкѣ планъ свой, заранѣе обдуманнѣй: поручить Поля доктору Блимберу съ тѣмъ, чтобъ Флоренса осталась у нея и принимала брата по субботамъ, а въ воскресные вечера онъ будетъ снова возвращаться къ доктору. «Такимъ-образомъ», говорилъ мистеръ Дѳмби: «Поль отвыкнетъ отъ нея постепенно.»

Мистеръ Дѳмби заключалъ свиданіе изъясненіемъ надежды, что мистрисъ Пипчинъ останется главною инспектрисею Поля и будетъ наблюдать за его ученіемъ въ Брайтонѣ. Потомъ, поцѣловавъ сына, пожавъ руку дочери, взглянувъ на юнаго Батерстона, отъ таго въ парадную манишку, и погляда по головѣ миссъ Пенки, онъ отправился обѣдать въ свою гостиницу.

Всякій молодой джентльменъ, появившій въ руки доктора Блимбера, могъ быть увѣренъ, что его стиснуть препорядочно. Докторъ бралъ на себя воспитаніе только десятерыхъ молодыхъ людей; но запаса его учености достало бы по-крайней-мѣрѣ на сто: главною работою и величайшимъ наслажденіемъ его было набивать его безпошадно этихъ злополучныхъ десятерыхъ.

Заведеніе доктора Блимбера можно было назвать великою теплицей, гдѣ безпрестанно работалъ форсированный нагрѣвательный аппаратъ. Всѣ мальчики поднимались при этомъ искусственномъ жарѣ прежде срока. Умственная зеленая горохъ вырастаетъ къ Рождеству, а умственная спаржа производится круглый годъ; математическій крыжовникъ (очень-кислый) былъ обыкновененъ въ самыя несвойственные времена года, и все вообще, подъ насильственнымъ вліяніемъ ученаго доктора, росло неестественнымъ образомъ и давало скороспѣлые плоды. Всякаго рода греческія и

капские овощи добывались изъ самыхъ сухихъ отпрысковъ-пальчиковъ, при самыхъ морозныхъ вѣшнихъ обстоятельствахъ. Природа не пользовалась никакими правами — докторъ Блимберъ переделывалъ ее по-своему.

Все это было очень-замысловато; но насильственная система опровергалась обычными своими неудобствами: скороспѣлые плоды были непрочны. Одинъ изъ его молодыхъ воспитанниковъ, па-примѣръ, съ распухшимъ носомъ и необычайно-огромною головою, — старшій изъ десяти, прошедшій черезъ все — вдругъ потерялъ растительную силу и остался въ заведеніи не болѣе, какъ сухимъ стеблемъ. Все говорили, что докторъ переварилъ молодого Тутса, который лишился мозга съ-тѣхъ-дуръ, какъ у него стала пробиваться борода.

Какъ бы то ни было, молодой Тутсъ обладалъ весьма-суровымъ одесомъ и весьма-пискливымъ умомъ; онъ втыкалъ въ рубашечную манжетку затѣйливыя булавки, влюблялся во всѣхъ встрѣчныхъ ланекъ, которыя не имѣли понятія о его существованіи, и смотрѣлъ на освѣщенный газомъ мѣръ сквозь рѣшетку своего выюкаго окошка.

Самъ докторъ былъ величавый джентльменъ, всегда одѣтый въ черное, съ пряжками у колѣнъ и черными шелковыми чулками ниже колѣнъ. Онъ отличался лысою, весьма-доснящею головою; густымъ гребнемъ и до такой степени двойнымъ подбородкомъ, что невозможно было постичь, какъ онъ могъ бриться. Маленькіе глаза его были всегда полузакрты, а ротъ вѣчно расширенъ зловѣчною усмѣшкой. Когда онъ обращался съ самымъ обыкновеннымъ амѣрицемъ къ какому-нибудь слабонервному незнакомцу, запустивъ правую руку за пазуху и закинувъ лѣвую за спину, рѣчь его походила на приговоръ сѣнкса и рѣшала дѣло, не допуская никакой апелляции.

Докторъ жилъ въ важномъ домѣ, окнами къ морю. Внутренній характеръ этой хранины учености вовсе не отличался веселостію — напротивъ. Темноцвѣтные занавѣсы прятались за окнами. Столы и стулья были всегда разставлены рядами, какъ числа въ сложении; огонь такъ рѣдко зажигался въ парадныхъ комнатахъ, что эти комнаты походили на колодцы, а посѣтитель представлялъ собою ядро; столовая казалась комнатою, наименѣе-приспособленною для жизни и вѣтъ; во всемъ домѣ не слышалось другаго звука, кромѣ шипанья болышихъ стѣнныхъ часовъ, домосившагося до чердака, да иногда рѣдкѣ однообразнаго гула, издаваемого молодыми джентльменами, твердившими наизусть свои урокъ.

Миссъ Блимберъ, дѣвушка стройная и недурная, нисколько не имѣла вѣщности. Въ ней не обнаруживалось никакихъ признаковъ дѣвической игривости или кокетливости: она сидѣла всегда въ очкахъ, носила коротко-стриженные волосы и имѣла сѣдую и песчанистую, безпрестанно роясь въ морщинкахъ лица, дѣлающуюся дѣвкою. Дѣвья дѣвца не имѣли для миссъ

Блимберъ нисколько не занимательности: ей непремѣнно нужны были покойники, давно истлѣвшіе, и она выкапывала ихъ съ наслажденіемъ.

Мистриссъ Блимберъ, ея мамѣ, не была ученою женщиной, но за то имѣла притязанія на ученость—а это почти все равно. Она говорила своимъ пріятельницамъ, что умерла бы спокойно, еслибы могла познакомиться съ Цицерономъ. Главною радостью ея жизни было смотрѣть на гуляющихъ молодыхъ джентльменовъ, воспитанниковъ доктора, которые не походили ни на какихъ другихъ молодыхъ джентльменовъ и выдвигали огромнѣйшіе рубашечные воротники изъ-за самыхъ туго-накрахмаленныхъ галстуковъ. Она говорила, что это «такъ, классически».

Мистеръ Фидеръ, помощникъ доктора и «бакалавръ искусства», былъ нѣчто въ родѣ человѣческой шарманки, снабженной весьма-малымъ количествомъ мотивовъ, которые онъ безпрестанно наигрывалъ безъ всякихъ перемѣнъ. Въ-особенности у него былъ одинъ мотивъ, необычайно-монотонный, служившій для сбиванія идей воспитанниковъ доктора, которые не знали ни покоя, ни отдыха отъ жестокосердыхъ глаголовъ, свирѣпыхъ существительныхъ именъ, непреклонныхъ синтаксическихъ пассажей и разныхъ примѣровъ, тревожившихъ ихъ даже во снѣ.

Подъ гнетомъ этой форсированной системы обученія, каждый молодой джентльменъ упадалъ духомъ черезъ три недѣли. Въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ, на голову его рушились всѣ заботы жизни; черезъ четыре, въ немъ зараждались горькія чувства противъ родителей или опекуновъ; черезъ пять, онъ дѣлался закоснѣлымъ человѣконенавистникомъ; черезъ шесть, онъ завидовалъ Квинту Курцію, нашедшему себѣ благословенное отдохновеніе въ землѣ; а къ концу года достигалъ до убѣжденія, отъ котораго въ-послѣдствіи никогда не отрекался, что всѣ фантазіи поэтовъ и мудрецовъ не болѣе, какъ коллекція грамматическихъ правилъ и примѣровъ, неимѣющая въ жизни рѣшительно никакого другаго значенія. Но все-таки онъ продолжалъ распускаться въ-теченіе доктора Блимбера, пользовавшагося великою славой.

На порогѣ дома доктора стоялъ однажды Поль съ третьющимъ сердцемъ. Одну изъ его маленькихъ рукъ держалъ холодно-отчужденно, а другую сжимала съ нѣжностью Флоренса.

Мистриссъ Пипчинъ носилась за обреченною жертвою какъ злобѣющая птица. Она запыхалась, потому-что мистеръ Дѣмби, хозяинъ высокихъ замысловъ, шелъ скоро, и хрипло каркала, дожидаясь скоро ли отворять двери.

— Ну, Поль, сказалъ мистеръ Дѣмби торжественно:— вотъ настоящая дорога, чтобъ сдѣлаться Дѣмби и Сыномъ и имѣть много денегъ. Ты уже почти взрослый человѣкъ.

— Почти! возразилъ ребенокъ, бросивъ на отца третьютальникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ странный и лукавый взглядъ, котораго не могло одолѣть даже его дѣтское волненіе, и отъ котораго мистеръ

Дѣмби почувствовалъ себя немножко неловко. Но въ это время отперли дверь, и мгновенное неудовольствіе его разлетѣлось.

— Докторъ Блимберъ дома? спросилъ мистеръ Дѣмби.

— Дома.

Выпустившій ихъ былъ молодой человѣкъ съ слабыми глазами, а на лицѣ его выражалось полоуміе, обнаруживавшееся въ безмысленной полуулыбкѣ. Онъ взглянулъ на маленькаго Поля, какъ на мышенка, который входитъ въ огромную мышеловку. Мистриссъ Пипчинъ забрала себя въ голову, что онъ смѣется надъ посѣтителями, и накинулась на него.

— Какъ ты смѣешь скалить зубы за спиною этого джентльмена? За кого ты меня принимаешь?

— Я не смѣюся ни надъ кѣмъ и не принимаю васъ ни за кого, отвѣчалъ тотъ въ отчаяніи.

— Стая лѣзвивыхъ собакъ! сказала мистриссъ Пипчинъ.— Вамъ только вертѣть вертелы. Поди и скажи своему господину, что мистеръ Дѣмби здѣсь; не то тебѣ худо будетъ!

Молодой человѣкъ пошелъ исполнить эту обязанность и скоро возвратился съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ доктора Блимбера.

— Ты опять смѣешься, сэръ?

— Да, право, нѣтъ! возразилъ сильно-огорченный молодой человекъ.

— Что у васъ тамъ, мистриссъ Пипчинъ? сказалъ мистеръ Дѣмби, оглянувшись назадъ.— Прошу васъ, потише!

Мистриссъ Пипчинъ грозно взглянула на жертву своего гнѣва и шепотомъ сказала ему что-то. Бѣднякъ, чрезвычайно-кроткій и вовсе не насмѣшливый отъ природы, заплакалъ съ горя.

Докторъ сидѣлъ въ кабинетѣ, съ двумя глобусами по бокамъ, окруженный горами книгъ. Гомеръ красовался надъ дверью, а Минерва стояла на полкѣ.

— А! какъ вы въ своемъ здоровьѣ, сударь? сказалъ онъ мистеру Дѣмби.— Каково поживаетъ мой маленькій пріятель?

Голосъ доктора походилъ на басистый гулъ органа. Полю показалось, будто-бы маятникъ часовъ подхватилъ рѣчь педагога и принялся повторять: «Ка-ко-во по-жи-ва-етъ мой ма-лень-кій прі-я-тель?»

Ростъ маленькаго пріятеля не позволялъ доктору разсматривать его изъ-за своихъ окоповъ, а потому мистеръ Дѣмби взялъ сына на руки и посадилъ на столикъ посреди комнаты.

— Э-ге! сказалъ докторъ, откинувшись въ своихъ креслахъ и запустивъ руку за пазуху.— Теперь я его вижу. Ну, каково ты проживаешь, мой маленькій пріятель?

Маятникъ часовъ безостановочно повторялъ прежнюю фразу.

— Очень-хорошо, благодарю васъ.

— Э-ге! Намъ приходится сдѣлать изъ него человѣка?

— Сдѣлаешь, Поль? сказалъ отецъ.

— Я бы лучше хотѣлъ остаться дитятей.

— Право! возразилъ докторъ.—А почему?

Ребенокъ смотрѣлъ на него, превозмогая свое волненіе; одна рука его искала чего-то въ пустомъ пространствѣ вокругъ столика, на которомъ онъ сидѣлъ, нока не дотронулась до шеи Флоренсы. Тогда слезы, долго удерживаемыя, вдругъ хлынули изъ его глазъ и по-видимому отвѣчали: «Вотъ почему!»

— Мистриссъ Пипчинъ, замѣтилъ отецъ недовольнымъ тономъ: — мнѣ, право, очень-непріятно видѣть такія вещи.

— Отойдите отъ него, миссъ Дѳмби! сказала старуха.

— Ничего, ни-че-го! произнесъ докторъ Блимберъ, снисходительно кивая головою.—Мы замѣнимъ это скоро новыми впечатлѣніями и заботами, мистеръ Дѳмби. Вы желали, чтобъ мой маленькій пріятель ознакомился...

— Со всѣмъ, докторъ, прервалъ съ твердостью мистеръ Дѳмби.

— Да, сказалъ докторъ, разглядывая Поля своими полузакрытыми глазами, какъ маленькое животное, изъ котораго онъ намеренъ набить тучелу для музея натуральной исторіи. — Да, совершенно такъ. Э-ге! Мы передадимъ нашему маленькому пріятелю множество разнородныхъ познаній; мы быстро подвинемъ его впередъ, смѣю сказать. Быстро, смѣю сказать! Вы, кажется, говорили, мистеръ Дѳмби, что почва еще совершенно дѣвственна?

— Исключая кой-какого приготовленія дома и у мистриссъ Пипчинъ.

Докторъ Блимберъ снисходительно наклонилъ голову и замѣтилъ, потирая руки, что очень-пріятно начинать съ самаго начала. Потомъ онъ снова прищурился на Поля, какъ-будто располагая сейчасъ же, на мѣстѣ, окрутить его греческой азбукой.

— Дальнѣйшія объясненія, докторъ, будутъ, кажется, лишними, сказалъ мистеръ Дѳмби. —Я не желаю отнимать драгоценное у васъ время и...

— Ну, миссъ Дѳмби! сказала кислая мистриссъ Пипчинъ.

— Позвольте на минуту! возразилъ докторъ.—Позвольте представить вамъ мистриссъ Блимберъ и мою дочь, съ которыми будетъ раздѣлять домашнюю жизнь нашъ юный путникъ на Парнассъ. (Въ это время вошли обѣ дамы.) Мистриссъ Блимберъ—мистеръ Дѳмби. Мистеръ Дѳмби—моя дочь Корнелія. Мистеръ Дѳмби, моя милая, удостоиваетъ насъ довѣренности... видишь ты нашего маленькаго пріятеля?

Мистриссъ Блимберъ сначала его не замѣтила, но, оглянувшись, принялась восхищаться классическими очерками его лица и сказала мистеру Дѳмби со вздохомъ:

— Завидую ему! Онъ готовится подобно пчелѣ влетѣть въ садъ, усаженный самыми изящными цвѣтами, и будетъ всасывать въ первый разъ ихъ сладость. Виргилій, Гораций, Овидій, Теренцій, Плавтъ, Цицеронъ—сколько тутъ меда! Станнымъ покажется, что жена такого мужа и мать такой дочери (она взглянула на прелестную

могильщицу въ очкахъ) можетъ говорить подобныя вещи; но, право, я умерла бы счастливою, еслибъ могла быть другомъ Цицерона и бесѣдовать съ нимъ въ его уединеніи въ Тускулумѣ. Прекрасный Тускулумъ! О!..

Ученый энтузіазмъ такъ заразителенъ, что мистеръ Домби почти поверилъ ей, а мистриссъ Пипчинъ отозвалась звукомъ, среднимъ между вздохомъ и стономъ, какъ-будто одинъ только Цицеронъ могъ утѣшить ее въ горести, которой источникомъ были перуанскіе рудники.

Корнелия взглянула сквозь очки на мистера Домби и почувствовала желаніе привести ему нѣсколько цитатъ безсмертнаго оратора, но ей помѣшалъ осторожный стукъ въ двери.

— Кто тамъ? сказалъ докторъ.—О, это Тутсъ! Войдите, Тутсъ. Вотъ это мистеръ Домби, сударь. Тутсъ поклонился. — Странное сдѣлание! Мы видимъ передъ собою начало ученія и конецъ: альфу и омегу! Это глава моихъ учениковъ, мистеръ Домби.

Докторъ могъ бы назвать его не только главою, но и плечами своихъ учениковъ. Тутсъ сконфузился и сильно покраснѣлъ, увидѣвъ себя въ обществѣ чужихъ.

— Прибавленіе къ нашему маленькому портюку, Тутсъ — сынъ мистера Домби, сказалъ докторъ.

Молодой Тутсъ снова покраснѣлъ. Чувствуя, по воцарившемуся величественному молчанію, что отъ него ждутъ какого-нибудь изреченія, онъ оборотился къ Полю, сказавъ: «здоровы ли вы?» такимъ баскетымъ голосомъ и съ такими овечьими манерами, что всякій удивился бы меньше, еслибъ услышалъ ягнѣнка, ревушаго по-львиному.

— Попросите мистера Фидера, Тутсъ, сказалъ докторъ:—чтобъ онъ принасъ нѣсколько пригготовительныхъ волюмовъ для сына мистера Домби и отвелъ удобное мѣсто для его будущихъ ваннъ. Милая моя, кажется, мистеръ Домби не видалъ еще спаленъ нашихъ молодыхъ джентльменовъ?

— Если мистеру Домби будетъ угодно подняться по лѣстницѣ, отвѣчала мистриссъ Блимберъ:—я больше чѣмъ съ гордостью покажу ему владѣнія соннаго бога.

Съ этими словами, мистриссъ Блимберъ, дама весьма-любезная съ проволочнымъ лицомъ и въ чепчикѣ, составленномъ изъ небесно-голубыхъ матеріаловъ, пошла наверхъ съ мистеромъ Домби и Корнелией; мистриссъ Пипчинъ послѣдовала за ними, поглядывая на всѣ стороны, не увидитъ ли своего врага—слугу.

Пока они тамъ ходили, Тутсъ исчезъ, а Поль сидѣлъ на столѣ, держа Флоренсу за руку, и оглядывался вокругъ себя, робко поглядывая по-временамъ на доктора, который, откинувшись въ своихъ креслахъ, началъ читать книгу. Самая манера его чтенія шѣла въ себѣ что-то грозное: въ ней обнаруживалась рѣшительная, безстрастная, непреклонная, хладнокровная система ваннъ. Поль видѣлъ вполнѣ лицо доктора и невольно трепеталъ каждый

разъ, когда тотъ благосклонно улыбался своему автору, или хмурился на него, или покачивалъ головою съ недовольною гримасой, какъ-будто говоря: «Вздоръ! Мнѣ это лучше извѣстно!»

Мистеръ Дѣмби вскорѣ спустился по лѣстницѣ вмѣстѣ съ своею путеводительницею, съ которою разговаривалъ во все время.

— Надѣюсь, мистеръ Дѣмби, сказала докторъ, положившій книгу, когда они вошли:—что вы довольны моимъ внутреннимъ устройствомъ?

— Оно превосходно, докторъ.

— Очень-хорошо, замѣтила скупая на похвалы мистриссъ Пипчинъ.

— Съ вашего позволенія, докторъ и мистриссъ Блимберъ, сказалъ Дѣмби:—мистриссъ Пипчинъ будетъ отъ времени до времени навѣщать Поля.

— Когда угодно!

— Я полагаю, что кончилъ все, и могу распрощаться съ вами. Поля, дитя мое, прощай.

— Прощайте, папá.

Небрежная ручонка, которую держалъ мистеръ Дѣмби, странно противорѣчила выраженію лица малютки; но горестъ его относилась не къ отцу: онъ въ ней нисколько не участвовалъ,—нѣтъ, всѣ чувства нѣжности и сожалѣнія ребенка относились къ одной Флоренсѣ.

Злѣйшій и непримиримѣйшій врагъ, котораго мистеръ Дѣмби когда-нибудь могъ бы себѣ нажить, почувствовалъ бы себя удовлетвореннымъ болью, которая уязвила въ это время гордое его сердце. Онъ наклонился надъ сыномъ и поцаловалъ его. На личикѣ ребенка отразилось странное, мучительное для отца выраженіе.

— Я скоро съ тобою увижусь, Поля. Ты будешь свободенъ по субботамъ и по воскресеньямъ, знаешь?

— Знаю, папá, возразилъ Поля, глядя на сестру.—По субботамъ и по воскресеньямъ.

— И ты стараешься учиться, чтобъ сдѣлаться ученымъ человекомъ; будешь стараться?

— Постараюсь, папá, отвѣчалъ ребенокъ разсѣянно.

— И ты скоро будешь большой!

— О, очень-скоро!

Опять появилось на лицѣ Поля стариковское выраженіе, мелькнувшее какъ отблескъ страннаго свѣта. Старческой-старческой взглядъ его упалъ на мистриссъ Пипчинъ и погасъ на ея мертвомъ бомбазиновомъ платьѣ. Почтенная людоедка выступила уже впередъ, чтобъ проститься и увести Флоренсу, чего она давно алкала. Движеніе ея привело въ себя мистера Дѣмби, безотчетно смотрѣвшаго на сына. Погладивъ сына по головѣ и пожавъ еще разъ его ручонку, мистеръ Дѣмби поклонился доктору, мистриссъ Блимберъ и миссъ Блимберъ съ своею обычною морозною вѣжливостью, и вышелъ изъ кабинета.

Не смотра на просьбы мистера Домби не беспокоиться, докторъ и все семейство его пошли провожать посѣтителя. Такимъ образомъ мистриссъ Пицчинъ увидѣла себя на минуту отрѣзанною отъ Флоренсы докторомъ и миссъ Блимберъ; этому счастливому случаю Поля былъ обязанъ тѣмъ, что Флоренса подбѣжала къ нему, обхватила его шею обѣими руками и поцаловала его нѣсколько разъ съ горячностью; лицо ея онъ увидѣлъ въ дверяхъ послѣднимъ: оно обращалось къ нему съ нѣжною, ободряющею улыбкой и казалось еще свѣтлѣе сквозь слезы, блестящія въ выразительныхъ глазахъ дѣвочки.

Дѣтская грудь Поля высоко поднималась, когда исчезло это лицо: глобусы, книги, Гомеръ и Минерва закружились въ его помутившихся глазахъ; но они вдругъ остановились, и онъ услышалъ снова громкое чиканье маятника: «ка-ко-во по-жи-ва-етъ мой ма-лень-кий при-я-тель?» какъ и прежде.

Онъ сидѣлъ скрестя руки на своемъ пьедесталѣ и вслушивался молча. Онъ могъ бы отвѣчать: «тяжело, очень-тяжело!» Бѣдный малютка просидѣлъ нѣсколько минутъ въ томъ же положеніи, съ безысчисленною пустотою въ юномъ сердцѣ, окруженный холодомъ, безчувственностью и совершенно-чуждыми ему предметами.

ГЛАВА V.

Воспитаніе Поля.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя показались сидѣвшему на столѣ Полю бесконечно-долгими, докторъ Блимберъ возвратился. Пешодка доктора была величественна и располагала умы его воспитанниковъ къ торжественнымъ размышленіямъ. Мистриссъ и миссъ Блимберъ слѣдовали за нимъ. Докторъ снялъ со стола своего новаго ученика и передалъ его дочери.

— Корнелія, сказалъ онъ. — Молодой Домби поручается впередъ тебѣ.

Миссъ Блимберъ приняла ребенка изъ рукъ своего отца; Поля, чувствуя, что она его разсматриваетъ въ очки, потупилъ глаза.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Домби? спросила она.

— Шесть, отвѣчалъ Поля, взглянувъ на нее украдкою и удивляясь; отъ-чего у нея волосы не такіе длинные, какъ у Флоренсы, и отъ-чего она сама такъ походить на мальчика.

— Много ли ты знаешь изъ латинской грамматки?

— Нисколько.

Почувствовавъ, что отвѣтъ его поразилъ миссъ Блимберъ горестью, онъ посмотрѣлъ на окружавшія его физиономіи и сказалъ:

— Я былъ нездоровъ. Я былъ слабымъ мальчикомъ и не могъ выучиться латинской грамматикѣ, когда старшій Глоббъ ходилъ съ

ирую на вечерю. Скажите Глоббу, прошу васъ, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ.

— Какое неблагоустроенное имѣ! замѣтила мистрисъ Блэмберъ. — Такое не классическое! Кто это чудовище, дитя?

— Какое чудовище?

— Глоббъ.

— Онъ столько же чудовище, какъ вы сами.

— Что такое? воскликнулъ докторъ грознымъ голосомъ. — Ай, ай, ай! Эге! Это что?

Поль ужасно испугался, однако рѣшился стоять за отсутствующаго Глобба, хотя и задрожалъ:

— Онъ очень-добрый старикъ, сударыня, и возилъ меня въ келесочки. Онъ знаетъ все о глубокомъ морѣ, и какія тамъ рыбы, и какія чудовища грѣются на солнцѣ, на скалахъ. Онъ говоритъ, что они снова ныряютъ въ воду, когда ихъ испугаютъ, и плещутъ очень-сильно хвостами. Тамъ есть животныя, говорилъ онъ мнѣ, не помню какъ ихъ называютъ и какой они длины, — Флоренса знаетъ, — которыя притворяются будто плачутъ; а когда человѣкъ подойдетъ къ нимъ и въ сожалѣнія, онѣ схватятъ его своими огромными зубами и съѣдятъ его. А человѣку тогда остается только бѣжать и бросаться изъ стороны въ сторону, и тогда человѣкъ уйдетъ, потому-что животныя эти худо ворочаются, и спины у нихъ не гнутся. Глоббъ знаетъ очень-много о морѣ, хотя и не могъ сказать мнѣ отъ-чего оно всегда заставляетъ меня думать о моей мамѣ, которая умерла, — или о томъ, что оно говоритъ, безпрестанно говорить! «Я бы хотѣлъ», заключилъ онъ, потерявъ вдругъ все одушевленіе, съ которымъ сообщалъ эти свѣдѣнія, и глядясь съ отчаяніемъ на безчувственные незнакомыя лица: «Я бы хотѣлъ, чтобъ старый Глоббъ пришелъ ко мнѣ сюда. Старый Глоббъ добрый человѣкъ и знаетъ меня, а я знаю его очень-хорошо и люблю его...»

— Эге! воскликнулъ докторъ, началъ головою: — худо! Не знаю поправлять все.

Мистрисъ Блэмберъ замѣтила, вздрогнувъ, что Поль непонятный ребенокъ, и смотрѣла на него почти тѣми же глазами, какъ мистрисъ Пинчигъ.

— Обведи его по комнатамъ; Корнелія, сказалъ докторъ, — и ознакомь его съ новою сферой. Дамби, ступай съ этою молодою дамой.

Дамби повиновался и подалъ руку отвѣченной Корнеліи, всматривая на нее испоса съ недовѣрчивостью. Очки съ блестящими стеклами дѣлали ее такою таинственною, что онъ никакъ не могъ понять, куда она смотритъ, и даже есть ли за этими стеклами настоящіе глаза.

Корнелія повела его сначала въ учебную, отдѣлявшуюся отъ залы двойными обитыми войлокомъ дверьми, заглушавшими голоса молодежи джентльменовъ. Въ учебной засѣдало семеро молодыхъ

людей; въ разныхъ степеняхъ умственного ослабленія: всѣ они трудились ревностно и казались весьма-серьезными. Тутъ, какъ старшій, имѣлъ особый письменный столикъ и показался молодымъ глазамъ Поля человѣкомъ необъятнаго роста и безчисленныхъ лѣтъ.

Мистеръ Фидеръ, бакалавръ, сидѣлъ за другою конторкой и вдалбливалъ *Virgilia* четыремъ воспитанникамъ доктора. Изъ остальныхъ четырехъ, двое, схватившись обѣими руками за головы, были погружены въ рѣшеніе мудрыхъ математическихъ задачъ; третій, съ лицомъ, походившимъ отъ слезъ на грязное окно, пытался пробиться къ обѣду черезъ безнадежное число строчекъ; а четвертый сидѣлъ въ окаменѣломъ состояніи отчаянія за своимъ урокомъ.

Появленіе новичка не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія. Мистеръ Фидеръ (брившій себѣ по-временамъ голову для охлажденія и неимѣвшій на ней ничего, кромѣ жесткой щетины) протянулъ Полю костлявую руку и сказалъ, что очень-радъ его видѣть. Слѣдуя наставленіямъ Корнеліи, Поль поздоровался съ каждымъ изъ своихъ будущихъ товарищей. Съ Тутсомъ онъ былъ уже знакомъ, и потому глава учениковъ доктора Блимбера взглянулъ на него, пыхнулъ раза два сильнѣе обыкновеннаго и продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Оно было не изъ головоломныхъ: Тутъ, «прошедшій черезъ все», имѣлъ позволеніе заниматься по произволу, а главнымъ занятіемъ его было — писать къ самому-себѣ письма отъ имени значительныхъ особъ, адресованныя «П. Тутсу, конюшему, въ Брайтонъ», и сберегаемыя имъ весьма-тщательно въ конторкѣ.

По окончаніи этихъ церемоній, Корнелія повела Поля наверхъ, Тамъ, въ комнатѣ, выходившей окнами на синее море, Корнелія показала ему опрятную кроватку съ бѣлыми занавѣсками, подлѣ самаго окна, надъ которою красовалась дощечка, съ надписаннымъ отличными почеркомъ именемъ «Домби»; въ той же комнатѣ были двѣ другія кровати съ именами Бриггса и Тозера.

Только-что они снова спустились съ лѣстницы, Поль увидѣлъ слабоглазого моледаго человѣка, навлекшаго на себя негодованіе мистриссъ Пипчинъ, который схватилъ огромную барабанную палку и принялся съ разлету стучать въ подвѣшенный къ потолку гонкъ, какъ-будто онъ или сошелъ съ ума, или горѣлъ жаждою мести. Корнелія объявила Полю, что этотъ громъ означаетъ скорое приближеніе обѣда, а потому совѣтовала ему подождать въ учебной комнатѣ, вмѣстѣ съ его новыми «друзьями».

Милонскій Домби, пройдя боязливо мимо громко-чикавшего въ залѣ малютка часовъ, отворилъ съ трудомъ двери учебной комнаты и вошелъ въ нее. Онъ нашелъ «друзей» своихъ разсыпавшихся по комнатѣ, исключая окаменѣлаго, который продолжалъ сидѣть въ прежнемъ безмолвномъ отчаяніи. Мистеръ Фидеръ звалъ такъ гром-

но и потягивался съ такия судорожными кривляньями, что Поля, глядя на него, невольно струсилъ.

Всѣ воспитанники суетились, занимаясь своимъ обѣденнымъ туалетомъ: одни мыли руки, другіе повывывали крутые галстуки, третьи причесывались или чистились въ прилежавшей къ учебной прихожей. Тутсъ, готовый прежде прочихъ, рѣшился приласкать Поля и сказалъ ему съ тяжелымъ добродушіемъ:

— Садись, Дѣмби.

— Благодарю васъ, сударь.

Видя, какъ бесплодно ребенокъ трудился, старался подняться на высокій подоконникъ, Тутсъ сдѣлалъ важное открытіе и сообщилъ ему свою мысль:

— Ты очень-малъ, Дѣмби.

— Да, сударь, я маленькій. Тутсъ поднялъ его ласково и посадилъ на окно.—Благодарю васъ.

— А кто твой портной, Дѣмби?

— Мнѣ женщина шила платье; швея моей сестры, сударь.

— Мой портной Бергессъ и комп. Модный. Только очень-дорого.

У Поля достало сметливости, чтобъ покачать головою, какъ-будто выражая: *это и видно*.

— Отецъ твой регулярно богатъ, ге?

— Да, сударь. Онъ Дѣмби и Сынъ.

— И что?

— И Сынъ.

Тутсъ попробовалъ заучить эту фирму наизусть, повторялъ ее раза два или три про-себя; но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, сказалъ Полю, чтобъ тотъ напомнилъ ему названіе фирмы завтра утромъ, такъ-какъ это очень-важно. Мистеръ Тутсъ предположилъ себѣ написать на свое имя партикулярное и дружеское письмо отъ Дѣмби и Сына.

Въ это время остальные воспитанники, за исключеніемъ единственнаго, были готовы. Всѣ они были очень-чинны, но блѣдны, говорили вполголоса и казались такими унылыми, что юный Битерстонъ, въ сравненіи съ ними, былъ олицетвореннымъ весельемъ; а Битерстонъ не даромъ собирался нѣсколько разъ отправиться въ отчаянія въ Бенгалъ!

— Вы спите въ моей комнатѣ? спросилъ одинъ чопорный молодой джентльменъ, котораго накрахмаленные брюжки поднимались выше ушей.

— Вы мистеръ Бриггсъ?

— Нѣтъ, Тозерь.

Поля отвѣчалъ утвердительно; а Тозерь, указавъ на окаменѣлаго юношу, сказалъ, что это Бриггсъ. Поля догадывался, самъ не зная почему, что окаменѣлый непременно долженъ быть или Бриггсъ, или Тозерь.

— Вы крѣпкаго сложенія? спросилъ Тозерь.

— Я думаю, что нѣтъ.

— Это бы не мѣшало. Вы начинаете учиться у Корпелін?

— Да.

Всѣ молодые джентльмены, за исключеніемъ Бриггса, испустили тихій стоиъ, который былъ заглушенъ новыми бѣшенными ударами въ гонгъ. Тогда всѣ, кромѣ Бриггса, направились въ столовую, откуда вынесли къ Бриггсу хлѣбецъ на тарелкѣ, покрытой чистою салфеткой.

Докторъ Блимбергъ сидѣлъ уже въ головѣ стола, съ женою и дочерью по бокамъ. Мистеръ Фидеръ, въ черномъ фракѣ, усѣлся на другомъ концѣ. Стулъ Поля былъ поставленъ подлѣ миссъ Блимбергъ; но какъ въ этомъ положеніи брови ребенка были только-только на высотѣ стола, то на стулъ подложили нѣсколько книгъ. Съ-этихъ-поръ, Поль всегда сидѣлъ на такомъ возвышеніи, которое въ-послѣдствіи долженъ былъ регулярно приносить для себя самъ и потомъ, по минованіи потребности, относить назадъ въ кабинетъ.

Докторъ произнесъ молитву, и обѣдъ начался. Все было чинно и пристойно; кушанья хорошія, столовое бѣлье, сервизъ и прислуга опрятны; у каждаго воспитанника по массивной серебряной вилокѣ. Никто не говорилъ, если съ нимъ не говорили, исключая доктора Блимбера, мистриссъ Блимбергъ и миссъ Блимбергъ. Когда молодые джентльмены не дѣйствовали ножомъ, вилокю или ложкой, взоры ихъ притягивались неодолимою силою къ глазамъ доктора, его супруги или дочери, и скромно на нихъ устанавливались. Тутъ казался единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила: онъ сидѣлъ подлѣ мистера Фидера, на той же сторонѣ, гдѣ былъ Поль, и часто смотрѣлъ черезъ головы другихъ мальчишекъ, чтобъ взглянуть на Поля.

Разъ только въ-теченіе всего обѣда завязался разговоръ, касавшійся молодыхъ джентльменовъ. Это случилось въ эпоху подавленія сыра, когда докторъ, вынимъ рюмку портвейна и крикнувъ раза три, сказалъ:

— Достоинно замѣчанія, мистеръ Фидеръ, что Римляне...

При названіи этого страшнаго народа, непримиримо-враждебнаго всѣмъ воспитанникамъ, каждый изъ нихъ устремилъ взоръ на доктора съ выраженіемъ глубочайшаго вниманія. Одинъ изъ нихъ въ это время шелъ, и, поймавъ сквозь стекло стакана направленный на него взглядъ доктора, въ торопяхъ поперхнулся, чѣмъ въ-послѣдствіи помѣшалъ рѣчи своего наставника.

— Достоинно замѣчанія, мистеръ Фидеръ, началъ снова съ разстановкою докторъ:— что Римляне на своихъ великолѣпныхъ пиршествахъ, о которыхъ мы читаемъ въ періодѣ царствованія императоровъ, когда роскошь достигла высоты, неизвѣстной ни прежде, ни послѣ, и когда грабили нѣдрами области для доставленія люцитовъ на императорскіе банкеты...

Тутъ поперхнувшійся мальчишка, который натуживался и дѣлалъ

надъ собою сверхъестественныя усилія, чтобы не прорваться, вдругъ разразился неудержимымъ откашливаніемъ.

— Джонсонъ, сказалъ мистеръ Фидеръ тихимъ голосомъ съ выраженіемъ укора:—выпейте воды.

Докторъ, смотрѣвшій очень-сурово, приостановился пока не принесли воды, и вотомъ продолжалъ:

— И когда, мистеръ Фидеръ...

Но мистеръ Фидеръ, чувствуя, что Джонсонъ непременно снова прорвется, и понимая, что доктору никакъ не кончить периода пока это не случится, не могъ свести глазъ съ Джонсона, и такимъ образомъ не глядѣлъ на доктора, который въ-слѣдствіе того остановился.

— Извините, сударь, сказалъ мистеръ Фидеръ покраснѣвъ. — Извините, господинъ докторъ.

— И когда, продолжалъ докторъ, возвысивъ голосъ: — когда, сударь, какъ мы читаемъ,—хотя это и кажется немовѣрныиъ повѣждамъ нашего времени, братъ Вителлиа приготовилъ для васъ циръ, на которомъ подавали тысячи однихъ рыбныхъ блюдъ...

— Выпейте еще воды, Джонсонъ... блюдо, сударь, сказалъ мистеръ Фидеръ.

— Пять тысячъ блюдъ изъ живности.

— Или попробуйте взять хлѣбную корку, Джонсонъ.

— И одно блюдо, продолжалъ докторъ Блимбаръ, возвысивъ голосъ еще сильнѣе и грозно оглядывая присутствующихъ:—блюдо, названное по своимъ огромнымъ размѣрамъ «Щитомъ Минервы», и составленное, въ числѣ прочихъ дорогихъ припасовъ, изъ мяса гаязеновъ.

Джонсонъ закашлялся.

— И куликовъ.

Джонсонъ разразился еще сильнѣе.

— Печеной маленькой рыбы, именуемой смари...

— Джонсонъ! у васъ лопнетъ въ головѣ одна изъ кровеносныхъ сосудовъ; лучше не удерживайтесь, сказалъ Фидеръ.

— И икры въюна, привозимой изъ Карпатскаго-Моря, продолжалъ докторъ громовымъ голосомъ:—когда мы читаемъ объ этихъ пириествахъ и припоминаемъ, что у насъ есть прамѣры Тита...

— Джонсонъ, что почувствуетъ ваша матушка, если вы упрете отъ удара! сказалъ мистеръ Фидеръ.

— Домициана...

— Да вы поспинѣди; послушайте...

— Мерона, Тиверія, Калигулы, Гелиогабала и многихъ другихъ: достойно замѣчанія, мистеръ Фидеръ—если вы едѣваете или чѣмъ выслушать, достойно особеннаго замѣчанія, сударь...

Но Джонсонъ, будучи же въ силахъ правосмочь себя долше, прервался такимъ страшнымъ кашлемъ, что прошли долныя пять минутъ прежде, чѣмъ онъ поправился, хотя до все это время онъ съ обѣихъ сторонъ колотился на спинахъ, а мистеръ Фидеръ держалъ

у рта несчастнаго стаканъ съ водою. Наконецъ настало глубокое безмолвіе.

— Джентльмены, не угодно ли встать для молитвы? сказалъ докторъ Блимберъ. — Корнелія, сними со стула Домби. Джонсонъ повторить мнѣ завтра утромъ, передъ завтракомъ, безъ книги, изъ греческаго текста, первое посланіе апостола Павла къ Ессепамъ. Мистеръ Фидеръ, мы черезъ полчаса займемся снова нашими уроками.

Молодые джентльмены раскланялись и вышли. Мистеръ Фидеръ также. Въ продолженіе получаса свободнаго времени, воспитанники прогуливались по-парно, рука-объ-руку, взадъ и впередъ по небольшой лужайкѣ за домомъ. Но никто и не думалъ о такой неприличной вещи, какъ юношескія игры. Въ назначенное время снова раздались удары въ гонгъ, и лекціи начались подъ руководствомъ доктора Блимбера и его помощника, мистера Фидера.

Тамъ-какъ свободнаго времени, по милости непохвальноюго профессора Джонсона, было дамо меньше обыкновеннаго, те молодые джентльмены пошли гулять перады чаемъ. Даже Бриггсъ принялъ участіе въ прогулкѣ, наслаждаясь которою онъ раза два мрачно всматривалъ внизъ съ утеса. Докторъ Блимберъ пошелъ виѣсть съ ними и оказалъ маленькому Полю честь—велъ его за руку.

Чай прошелъ такъ же чинно, какъ обѣдъ; послѣ чая, раскланявшись, молодые джентльмены пошли заниматься уроками, недоконченными въ теченіе дня. Мистеръ Фидеръ удалился въ свою комнату, а Поль сидѣлъ въ углу, размышляя, думать ли о немъ теперь Флоренса, и что дѣлается у мистриссъ Пипчинъ.

Тутсъ, задержанный важнымъ письмомъ отъ герцога Валлингтона, отыскалъ Поля черезъ нѣсколько времени; посмотрѣвъ на него довольно-долго, онъ спросилъ, любитъ ли Поль жинетку?

— Да, сударь.

— И я также.

Въ этотъ вечеръ Тутсъ не сказалъ ему ни слова большаго, но все сматривалъ на Поля и какъ-будто подлюбилъ его.

Въ восемь часовъ гонгъ прогремѣлъ призывъ къ молитвѣ, въ столовую. На боковомъ столѣ были хлѣбъ и сыръ для желающихъ. Церемонія кончилась нареченіемъ доктора:

— Джентльмены, завтра мы начнемъ ланчъ съ семи часовъ утра.

Ученики поклонились и пошли по спальнямъ.

Тамъ, Бриггсъ сообщилъ Полю не довѣренности, что у него нестерпимо болитъ голова и готова треснуть, и онъ бы даже желалъ умереть, еслибъ у него дома не было матери и сиротна, одиночно-выученнаго. Тотерь говорилъ мало, но безпрестанно вздыхалъ и посоветовалъ Полю вооружиться твердостью, такъ-какъ съ завтрашняго утра начнутся и его испытанія. Послѣ этого злобнѣшаго пророчества все трое улеглись спать. Поль долго не могъ заснуть; обоихъ товарищей его преслѣдовали уроки и во снѣ, по-

тому-что Поль слышалъ, какъ они произносили рѣчи на неизвѣстныхъ языкахъ, или бредили отрывками изъ латинской и греческой грамматики.

Поль погрузился наконецъ въ тихій сонъ; ему видѣлось, что онъ гуляетъ рука-объ-руку съ Фиоренсой по прекраснымъ садамъ, но вдругъ, когда оба они остановились передъ большимъ подсолнечникомъ, онъ внезапно превратился въ гонгъ и поднялъ оглушительный шумъ. Открывъ глаза, Поль узналъ, что настало дождливое, пасмурное утро, и что настоящій гонгъ звонитъ нѣе всей ночи.

Онъ всталъ и увидѣлъ, что товарищи его одѣваются въ самомъ нисломъ расположеніи духа. Бѣдный ребенокъ, непривыкшій одѣваться самъ, попросилъ ихъ помочь ему, но тѣ сказали: «О, какъ же! какъ-бы не такъ!» и Поль, надѣвъ на себя какъ могъ свое платье, спустился въ другой этажъ, гдѣ увидѣлъ молоденькую и хорошенькую женщину, которая въ кожаныхъ перчаткахъ чистила каминъ. Она удивилась его появленію и спросила, гдѣ его мамѣ. Когда Поль сказалъ, что она давно уже умерла, она сняла перчатки, завязала ему кой-какія тесемки, потерла руки ребенка, чтобъ согрѣть ихъ, и поцаловала его. Потомъ она сказала, чтобъ онъ спросилъ Мелію, если ему что-нибудь понадобится относительно одѣванья, и Поль обѣщалъ это, усердно благодаря ее. Потомъ онъ продолжалъ спускаться по лѣстницѣ въ учебную комнату; проходя мимо одной отворенной двери, онъ услышалъ изъ нея голосъ: «Это Дѣмби?»

— Да, сударыня. Онъ узналъ голосъ миссъ Блимберъ.

— Поди сюда, Дѣмби.

Онъ вошелъ.

Миссъ Блимберъ предстала ему точь-въ-точь въ томъ же видѣ, какъ вчера, въ очкахъ, но въ накиннутой на плечи шали. Поль подумалъ, не спитъ ли она въ очкахъ?.. Она сидѣла въ своей комнаткѣ, окруженная книгами, но огонь никогда не зажигался въ каминѣ, потому-что миссъ Блимберъ никогда не зябла и никогда не была сонлива.

— Теперь, Дѣмби, возьми эти книги: это для тебя.

Поль посмотрѣлъ на маленькую грудку новыхъ книгъ, которыя миссъ Блимберъ очевидно сейчасъ пересматривала.

— Это для тебя, Дѣмби, повторила она.

— Все, сударыня?

— Да. Мистеръ Фидеръ принцетъ тебѣ еще, если ты будешь прилеженъ.

— Благодарю васъ, сударыня.

— Я теперь выйду, а ты къ завтраку прочти мѣста, которыя я отмѣтила въ книгахъ: я послѣ спрошу, понялъ ли ты чему тебѣ надобно будетъ учиться. Не теряй времени, Дѣмби, и принимайся сейчасъ же.

— Да, сударыня.

Книгъ было такъ много, что Поль никакъ не могъ ухитриться забрать ихъ всѣ разомъ. Какъ онъ ни трудился, онъ безпрестанно вываливались у него изъ рукъ. Наконецъ, онъ выбрался съ ними изъ комнаты Корнелии, и, разсыпавъ нѣкоторыя изъ нихъ по лѣстницѣ, внесъ главную массу въ учебную комнату, а потомъ пошелъ за остальными и подобралъ ихъ. Окруженный своею ново-приобрѣтенною библіотекою и поощренный замѣчаніемъ Тозера: «ну, теперь и твоя очередь!» Поль усердно принялся за дѣло и трудился до завтрака, послѣ котораго былъ уведенъ Корнелией.

— Ну, Дѣмби, каково идутъ твои занятія?

Книги заключали въ себѣ немного англійскаго, бездну латини, имена существительныя и прилагательныя, взглядъ на древнюю исторію, намекъ или два на новѣйшую, нѣсколько первоначальныхъ грамматическихъ правилъ и примѣровъ, двѣ-три таблицы и нѣсколько неименованныхъ чиселъ. Все это было до крайности непонятно бѣдному Полю, который сбивался на каждомъ шагѣ и все перепутывалъ.

— О, Дѣмби, Дѣмби! Это ужасно!

— Еслибъ вы позволили мнѣ поговорить со старымъ Глоббомъ, сударыня, я бы, можетъ-быть, понялъ лучше.

— Вздоръ, Дѣмби! Здѣсь мѣсто не для какихъ-нибудь Глоббовъ. Тебѣ, я думаю, надо приниматься за книги поочередно и усовершенствоваться въ предметъ А прежде, чѣмъ возьмешься за предметъ В. Теперь, Дѣмби, возьми верхнюю книгу и прійди ко мнѣ, когда выучишь урокъ.

Поль удалился съ верхнею книгой и принялся работать въ учебной комнатѣ безъ устали. Иногда онъ помнилъ урокъ отъ слова до слова, иногда забывалъ рѣшительно весь и все постороннее; наконецъ, думая, что добился премудрости, онъ рѣшился подняться къ миссъ Блимберъ, которая совершенно сбила его съ толку, закрывъ книгу и сказаъ:

— Ну, начинай, Дѣмби!

Онъ, однако, отдѣлался довольно-благополучно. Миссъ Блимберъ, въ ознаменованіе своего удовольствія, немедленно снабдила его предметомъ В, а потомъ предметомъ С и наконецъ, передъ обѣдомъ, даже предметомъ Д. Бѣдному ребенку показалось очень-трудно возобновить свои занятія послѣ обѣда: онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, отуманеннымъ, сбитымъ съ толку. Но всѣ остальные воспитанники доктора подвергались тѣмъ же ощущеніямъ, и занятія шли обычной чередою, какъ заведенныя часы.

Послѣ чая опять работа, повтореніе стараго и приготовленіе къ завтрашнему дню. Сонъ бѣднаго Поля также начиналъ тревожиться по ночамъ грамматическими примѣрами и всякою тарбарщиной.

О, субботы! О, блаженныя субботы, когда Флоренса приходила

за нимъ въ полдень и не хотѣла переждать ни минуты, какова бы ни была погода, хотя ей за это каждый разъ доставалось отъ мистриссъ Пипчинъ! Субботы эти были истинными субботами для двухъ малютокъ, которыхъ соединяла самая нѣжная взаимная привязанность.

Даже вечера воскресеній, тяжкіе, омрачаршіе первое пробужденіе свѣта по воскреснымъ утрамъ, не могли испортить радостей субботнихъ. На берегу ли широкаго моря, гдѣ они сидѣли или прогуливались, или въ скучной задней комнатѣ у мистриссъ Пипчинъ, гдѣ Флоренса сладко напѣвала Полю, когда усталая голова его покоилась на ея рукѣ, — Поля былъ одинаково счастливъ: подлѣ него была сестра! Больше онъ не думалъ ни о комъ и ни о чемъ. По воскреснымъ вечерамъ, когда растворялась дверь доктора, чтобъ проглотить Поля еще на недѣлю, онъ разлучался съ одною Флоренсой, ни съ кѣмъ больше.

Мистриссъ Виккемъ вытребовали въ городъ, и ее замѣнила бойкая Сузанна Нипперъ, которая съ перваго же дня пребыванія своего въ залѣ людоедки извлекла мечъ битвы и отбросила далеко отъ себя ножны. Она неутомимо воевала съ мистриссъ Пипчинъ, не просила и не давала пощады, и не уступала ей ни на волосъ.

Миссъ Нипперъ возвратилась въ одинъ воскресный вечеръ вмѣстѣ съ Флоренсой, отведя Поля къ доктору Блимберу, и дѣвочка, показавъ ей лоскутокъ бумаги, исписанный карандашомъ, сказала:

— Посмотри сюда, Сузанна. Это названіе книжекъ, которыя Поля приносить домой для приготовленія уроковъ; онъ всегда такъ устаеетъ послѣ приготовленія...

— Не показывайте этого мнѣ, миссъ Флой, прошу васъ. Это для меня то же, что видѣть мистриссъ Пипчинъ.

— Я хочу просить тебя, чтобъ ты ихъ купила завтра утромъ, Сузанна. У меня довольно денегъ.

— Ахъ, Боже мой, миссъ Флой! Да развѣ у васъ мало книгъ, и учителей, и учительницъ?

— Но мнѣ нужны эти книги, Сузанна.

— А на что? Еслибъ на то, чтобъ пустить ихъ въ голову мистриссъ Пипчинъ, прибавила она вполголоса: — готова закупить хоть полную телегу.

— Я думаю, Сузанна, что могла бы помочь Полю, еслибъ у меня были эти книги. Можетъ-быть, это облегчитъ ему немножко слѣдующую недѣлю. Прошу тебя, милая Сузанна, купи ихъ; я тебѣ буду очень-благодарна!

Взглядъ, сопровождавшій эти слова, тронулъ бы сердце гораздо жестче сердца Сузанны. Она молча взяла протянутый ей кошелекъ и пошла покупать книги.

Ихъ не легко было добыть: въ книжныхъ лавкахъ Сузанинъ отвѣчали, или что книги эти уже всѣ раскуплены, или что ихъ тамъ никогда не держатъ, или что ждуть новаго подвоза. Но ее этимъ нельзя было успоить. Она поймала какого-то бѣловолосаго юношу у книгопродавца, гдѣ ее знали, и замучила его до того переходами изъ одного мѣста въ другое, что тотъ приложилъ всѣ усилія отдѣлаться отъ нея, и наконецъ отыскалъ—таки все нужное.

Запасшись этими сокровищами, Флоренса, по окончаніи своихъ ежедневныхъ уроковъ, садилась по вечерамъ за работу и старалась выслѣдить шаги Поля на тернистомъ пути ученія. Одаренная понятливымъ умомъ, хорошими способностями, и подкрѣпляемая любовью къ брату, она скоро попала на слѣдъ и обогнала Поля.

Ни слова объ этомъ не было сообщено мистриссъ Пипчинъ. Дѣвочка трудилась неутомимо, когда всѣ въ домѣ давно уже спали. Ничто не могло сравниться съ ея радостью и гордостью, когда въ одинъ субботній вечеръ она съѣла подлѣ Поля, расположившагося по обыкновенію протверживать уроки, и принялась показывать ему всѣ трудности, объяснять все темное, мудреное и непонятное. На исхудаломъ лицѣ Поля обнаружилось сначала удивленіе, потомъ оно вдругъ зардѣлось; онъ улыбнулся и бросился обнимать сестру.

— О, Флой! Какъ я люблю тебя, Флой! какъ я тебя люблю!

— А я тебя, мой милый!

— О, я въ этомъ увѣренъ, Флой!

Онъ не сказалъ ни слова больше, но весь вечеръ просидѣлъ молча близехонько подлѣ Флоренсы; а ночью, легши въ постель въ маленькой комнаткѣ, смежной съ комнаткою сестры, кричалъ ей нѣсколько разъ:

— О, Флой, какъ я люблю тебя!

Послѣ этого, въ слѣдующія субботы, Флоренса регулярно садилась подлѣ брата и терпѣливо помогала ему просматривать и постигать, сколько они вмѣстѣ предугадывали, уроки слѣдующей недѣли. Ободрительная мысль, что онъ трудится надъ тѣмъ же, надъ чѣмъ Флоренса трудилась прежде его, облегчала Полю безпрестанныя занятія: это спасло его отъ сокрушенія, которое иначе непременно бы его подавило страшнымъ бременемъ мудрости, неутомимо — нагромождаемой на его плечи прелестною Корнелией.

Не то, чтобъ миссъ Корнелія находила удовольствіе мучить своего маленькаго ученика, или чтобъ докторъ Блимберъ имѣлъ какую-нибудь злобу на молодыхъ джентльменовъ вообще—нѣтъ! Корнелія держалась вѣры, въ которой была воспитана; а докторъ

смотрѣлъ на всѣхъ молодыхъ джентльменовъ, какъ на докторовъ наукъ и какъ-будто они родились взрослыми. Поощряемый ближайшими родственниками своихъ воспитанниковъ и подстрекаемый ихъ слѣпымъ тщеславіемъ и необдуманною торопливостью, докторъ даже не могъ замѣтить недостатки своей методы, а еще меньше отступить отъ нея.

То же самое было касательно маленькаго Поля. Когда докторъ Блимберъ объявилъ мистеру Дѳмби, что сынъ его дѣлаетъ успѣхи и надѣленъ отъ природы хорошими способностями, отецъ почувствовалъ больше, чѣмъ когда-нибудь, склонность стиснуть его сильнѣе и приневолить еще круче. Когда докторъ сообщилъ отцу Бриггса, что сынъ его нѣсколько-тупъ, отецъ былъ также неумолимъ, основываясь на той же идеѣ. Короче, какъ ни была неестественна форсированная температура теплицы доктора, владѣльцы посаженныхъ въ нее юныхъ растеній всегда были готовы поддать въ нее жару и приложить руку къ раздувальнымъ мѣхамъ.

Вся бодрость, какую Поль былъ надѣленъ до вступленія въ домъ доктора Блимбера, исчезла очень-скоро; но за то въ немъ уцѣлѣло все странное, стариковское, задумчивое и причудливое, чѣмъ прежде отличался его характеръ. Можно даже сказать, что онъ сдѣлался еще страннѣе, задумчивѣе, старѣе и причудливѣе.

Но теперь онъ меньше обнаруживалъ себя. Онъ съ каждымъ днемъ, при содѣйствіи методы доктора Блимбера, дѣлался задумчивѣе и скрытнѣе, и никто въ цѣломъ домѣ не возбуждалъ его любопытства столько, какъ нѣкогда мистриссъ Пипчинъ. Онъ любилъ уединеніе, и въ краткіе промежутки свободнаго отъ книгъ времени бродилъ одинъ по комнатамъ, или сидѣлъ на лѣстницѣ, прислушиваясь къ стуку часоваго маятника въ залѣ. Бумажные обои комнатъ были ему коротко-знакомы, и онъ видѣлъ въ узорахъ ихъ фигуры, никому другому неизвѣстныя: миньютюрные тигры и львы карабкались въ воображеніи его по стѣнамъ, а изъ квадратиковъ и фигуръ разрисованнаго пола на него косились странныя лица.

Одинокое дитя продолжало жить, окруженное прихотливыми арабесками своей фантазіи, и никто не понималъ его. Мистриссъ Блимберъ считала его чудакомъ, а домашняя прислуга замѣчала иногда, что маленькій Дѳмби дремлетъ: вотъ и все.

Одинъ только молодой Тутсъ, ненадѣленный отъ природы проныцательнымъ умомъ, находилъ въ Полѣ нѣчто особенное и невольно интересовался имъ.

— Здоровъ ли ты, Дѳмби? спрашивалъ онъ иногда разъ по пятидесяти въ день.

— Здоровъ, благодарю васъ.

— Дай руку.

Поля протягивалъ ему ручонку, и Тутсъ, разглядывая его долго, опять повторялъ свой вопросъ о здоровьѣ и получалъ тотъ же отвѣтъ.

Разъ, вечеромъ, мистеръ Тутсъ сидѣлъ за конторкою, погруженный въ свою корреспонденцію, какъ вдругъ въ умъ его блеснула новая мысль. Онъ положилъ перо и пошелъ искать Поля, котораго наконецъ, не безъ труда сидящимъ у окна спальни и выглядывающимъ въ пустое пространство.

— Послушай! О чемъ ты думаешь?

— О! Я думаю о многихъ вещахъ.

— Будто-бы?

— Еслибъ вамъ пришлось умереть... сказалъ Поля, пристально посмотрѣвъ ему въ лицо.

Тутсъ отшатнулся съ очевиднымъ безпокойствомъ.

— Не лучше ли было бы умереть при лунномъ свѣтѣ, когда небо чисто и вѣтеръ дуетъ, какъ въ прошедшую ночь?

Мистеръ Тутсъ, глядя недовѣрчиво на Поля, покачалъ головою и сказалъ, что не знаетъ.

— Или не то, что дуетъ, а только слышенъ въ воздухѣ, какъ шумъ моря между раковинами. Вчера была прекрасная ночь. Я долго слушалъ, какъ шумѣла вода, а потомъ всталъ и выглянулъ: тамъ, далеко на водѣ, была лодка съ парусомъ.

Ребенокъ смотрѣлъ такъ упорно и говорилъ такъ серьезно, что мистеръ Тутсъ, чувствуя надобность отвѣтить ему что-нибудь на счетъ лодки, сказалъ: «Смоглеры, или таможенные».

— Лодка съ парусомъ, повторилъ Поля:—при полномъ свѣтѣ луны. Парусъ походилъ на серебряную руку. Онъ все удалялся, и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ, когда уходилъ вмѣстѣ съ волнами?

— Раздувался.

— Онъ какъ-будто манилъ меня! какъ-будто звалъ меня къ себѣ! Вотъ она, вотъ она!

— Кто? вскричалъ Тутсъ въ себя.

— Моя сестра Флоренса! Она смотритъ сюда и машетъ рукою. Она меня видитъ, видитъ! Добрая дочь, милая, милая! Добрая дочь!

Быстрый переходъ Поля къ безграничной радости, когда онъ, стоя у окна, хлопалъ въ ладоши и посылалъ обѣими руками поцалуи милой сестрѣ; потомъ терпѣливая грусть, замѣнившая на его личикѣ сіяніе, когда она удалилась—все это поразило даже мистера Тутса. Въ это время свиданіе ихъ прервалъ приходъ мистрисъ Пипчинъ, которая имѣла обыкновеніе навѣщать Поля раза по два въ недѣлю, по вечерамъ.

Вечера сдѣлались теперь длиннѣе, и Поля удалялся каждый разъ къ окну, чтобъ взглянуть на Флоренсу, которая ходила взадъ-и-

впередъ передъ дошомъ, пока не увидитъ брата; встрѣча ихъ взглядовъ была проблескомъ свѣта въ ежедневной жизни Поля. Часто бродила и другая одинокая фигура передъ домомъ доктора: то былъ отецъ Поля, навѣщавшій дѣтей своихъ все рѣже и рѣже по субботамъ. Онъ не могъ перенести ихъ вида и предпочиталъ бродить одинъ, неузнанный, и смотрѣть въ тѣ окна, гдѣ сынъ его готовился быть мужемъ совершеннымъ. Онъ ждалъ, думалъ, строилъ планы и надѣялся...

О! еслибъ онъ могъ видѣть, или, подобно другимъ, видѣлъ худенькаго мальчика, прижавшагося къ окну, который слѣдилъ въ сумерки за волнами и облаками съ серьезнымъ лицомъ и внимательнымъ взоромъ, когда птицы проносились мимо его одинокой кѣтки, изъ которой душа его стремилась вылетѣть!

ГЛАВА VI.

Извѣстiя о судоходствѣ и конторскiя дѣла.

Конторы Дѣмби и Сына находились во дворѣ одного зданiя, гдѣ на углу былъ рядъ переносныхъ лавочекъ съ фруктами, и гдѣ скитающiеся торгаши обоего пола предлагали прохожимъ туфли, бумажники, губки, собачьи ошейники, виндзорское мыло, а иногда охотничью собаку или написанную масляными красками картину.

Ни одинъ изъ этихъ продавцовъ не осмѣливался, однако, предлагать что-нибудь самому мистеру Дѣмби. Всѣ они почтительно разступались передъ нимъ, когда онъ входилъ величаво, предшествуемый сторожемъ, который бросался опрометью отворять обѣ половины дверей какъ-можно-шире и останавливался подлѣ нихъ со шляпою въ рукѣ и склоненною головой.

Прикашики и конторщики мистера Дѣмби обнаруживали къ нему священное благоговѣнiе. Воцарялось торжественное молчанiе, когда онъ являлся въ передней. Остроумiе кассы нѣмѣло; дневной свѣтъ, пробивавшiйся въ окна и отверстiя сверху, озарялъ бездны торговыхъ книгъ и дѣловыхъ бумагъ, надъ которыми сидѣли наклонившiеся человѣческiя фигуры, очевидно отдѣлившiеся духомъ и мыслию отъ всей остальной вселенной.

Когда Перчъ, состоявшiй при конторѣ на посылкахъ и сидѣвшiй обыкновенно въ передней, на скамейкѣ, видѣлъ или угадывалъ приближенiе мистера Дѣмби, что онъ всегда предчувствовалъ какъ-будто по инстинкту, то вбѣгалъ въ его отдѣльный кабинетъ, расшевеливалъ огонь въ каминѣ, подготавливалъ свѣжихъ угольевъ, ставилъ на мѣсто ширмы и стулъ своего повелителя.

просушивалъ передъ огнемъ газету, сырую изъ типографскаго станка, и поджидалъ входа мистера Домби, съ котораго снималъ теплый сюртукъ или плащъ, принималъ шляпу и вѣшалъ все куда слѣдуетъ. Потомъ онъ подвигалъ ему стулъ и почтительно клалъ у его локтя газету. Перчъ глядѣлъ на мистера Домби съ такимъ подобострастіемъ, что готовъ бы былъ растянуться у ногъ его или величать его однимъ изъ тѣхъ пышныхъ титуловъ, которыми правобѣрные чествовали великаго калифа Гаруна-аль-Рашида. Выраженіе лица Перча говорило тогда ясно: «Ты свѣтъ моихъ глазъ. Ты дыханіе моей души. Ты повелитель вѣрнаго Перча, который пылинка праха ногъ твоихъ!»

Мистеръ Домби былъ доступенъ остальному человѣчеству черезъ двѣ ступени: мистера Каркера, великаго визиря, помѣщавшагося въ своей конторкѣ, въ комнатѣ, ближайшей къ султану, и мистера Морфина, сановника меньшей важности, который занималъ свою конторку, находившуюся ближе къ прикащикамъ и конторщикамъ.

Мистеръ Морфинъ былъ пожилой холостякъ веселой наружности, одѣтый въ черный фракъ и сѣрые панталоны. Просѣды пробилась на его темныхъ волосахъ, а бакенбарды были почти сѣдыя. Онъ чувствовалъ величайшее уваженіе къ мистеру Домби и воздавалъ ему должный почетъ; но, будучи самъ человѣкомъ открытаго нрава, никогда не ощущалъ себя въ своей тарелкѣ въ величественномъ присутствіи этого джентльмена и нисколько не завидовалъ мистеру Каркеру, наслаждавшемуся частыми бесѣдами наединѣ съ повелителемъ. Онъ даже былъ доволенъ, что родъ его обязанности рѣдко доставлялъ ему самому такое отличіе. Мистеръ Морфинъ, въ свободное время, былъ любителемъ музыки и чувствовалъ родительскую привязанность къ своему виолончелю, который каждую среду переносился изъ Ислингтона, гдѣ онъ жилъ, въ одинъ клубъ подлѣ банка. Въ этомъ клубѣ разыгрывались по середамъ самые смертоносные квартеты обществомъ аматоровъ.

Мистеръ Каркеръ былъ джентльменъ лѣтъ около сорока, съ цвѣтущимъ лицомъ и двумя рядами бѣлыхъ, крѣпкихъ, правильныхъ зубовъ, которые онъ обнаруживалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ лица его не сходила улыбка, которая, впрочемъ, очень-рѣдко простиралась далѣе губъ и отражалась на остальной части физиономіи. Онъ носилъ туго-накрахмаленный бѣлый галстухъ, изъ подражанія мистеру Домби, ходилъ всегда плотно-застегнутый и одѣвался въ-обтяжку. Обращеніе его съ мистеромъ Домби было глубоко обдуманно и выражалось въ совершенствѣ: онъ былъ съ нимъ фамиллярнѣе, показывая, что это отъ крайности чувства разстоянія, раздѣляющаго ихъ другъ съ другомъ: «Мистеръ Домби, для человѣка съ вашимъ значеніемъ въ свѣтѣ, человѣку въ моемъ положеніи нельзя найти достаточныхъ наружныхъ знаковъ почтитель-

«ности, а потому, говорю вамъ откровенно, я отъ нихъ отказываюсь. Мнѣ бы никакъ не удовлетворить требованія своихъ понятий объ этомъ неизмѣримомъ разстояніи, и я рѣшительно набавляю васъ отъ зрѣлища неудачныхъ попытокъ».

Таковъ былъ Каркеръ—Управляющій. Мистеръ Каркеръ—Младшій, пріятель Валтера, былъ его родной братъ, двумя или тремя годами старше его, но далеко-ниже по значенію въ конторахъ Дѳмби и Сына. Младшій братъ находился на верху лѣстницы, а старшій на самомъ низу: онъ не поднимался ни на одну ступень выше и не шевелилъ даже ногою, чтобъ возвыситься. Молодые люди садились ему на голову, но онъ все оставался внизу и какъ-будто сроднился съ своимъ положеніемъ, на которое никогда не жаловался и изъ котораго никогда не надѣялся выйти.

— Какъ ваше здоровье сегодня утромъ? сказалъ Каркеръ—Управляющій, входя однажды въ кабинетъ мистера Дѳмби, вскорѣ послѣ прибытія его въ конторы, и держа въ рукахъ кипу бумагъ.

— Здравствуйте, Каркеръ, отвѣчалъ мистеръ Дѳмби, поднявшись со стула и ставъ спиною къ огню камина.—Есть тутъ что-нибудь для меня?

— Кажется, васъ сегодня нѣ зачѣмъ тревожить. Вы вѣдь знаете, у васъ сегодня комитетъ въ три часа?

— И другой въ три четверти четвертаго.

— Поймай васъ въ забывчивости! воскликнулъ Каркеръ, перебирая бумаги. — Если мистеръ Поль наследуетъ вашу память, съ нимъ не легко будетъ сладить. Такого и одного довольно.

— Однако и у васъ память не дурна, Каркеръ.

— О! У меня! Это единственный капиталъ такого человѣка, какъ я.

Мистеръ Дѳмби не обнаружилъ ни малѣйшаго неудовольствія и величественно оглядывалъ своего управляющаго съ головы до ногъ. Разумѣется, тотъ прикинулся вовсе-незамѣчающимъ этого обзора. Чопорный костюмъ Каркера и нѣкоторая заносчивость въ манерахъ, истинная или притворная, придавали много эффекта его смиренію. Онъ казался чедовѣкомъ, который бы желалъ бороться съ одолавающей его силой, еслибъ могъ, но былъ совершенно уничтоженъ величіемъ и превосходствомъ своего патрона.

— Морфинъ здѣсь, Каркеръ?

— Морфинъ здѣсь, отвѣчалъ тотъ, поднявъ голову съ внезапною широкою улыбкой: — онъ воркуетъ музыкальныя воспоминанія вчерашняго квартета и сводитъ меня съ ума, хоть мы и раздѣлены капитальными стѣнами. Я бы желалъ, чтобъ онъ сдѣлалъ праздничный костеръ изъ своего віолончели, съ смычкомъ и всѣми нотными книгами!

— Вы, кажется, никого не шадите, Каркеръ.

— Нѣтъ? Гмъ! По-крайней-мѣрѣ немногихъ. Я бы, можетъ-быть, отвѣчалъ не больше, какъ за одного, прибавилъ онъ вполголоса, какъ-будто только думая это. — А между-прочимъ, кстати о Морфинѣ, продолжалъ мистеръ Каркеръ, выбравъ одну бумагу изъ числа прочихъ:—онъ доносить о смерти одного изъ младшихъ помощниковъ въ барбадосской конторѣ и предлагаетъ послать кого-нибудь вмѣсто его на «Сынъ и Наслѣдникъ», который отплываетъ черезъ мѣсяць. Я думаю вамъ все равно, кто бы туда ни отправился? У насъ нѣтъ въ виду никого особеннаго.

Мистеръ Домби сдѣлалъ отрицательный знакъ головою съ самымъ выпрененнымъ равнодушіемъ.

— Назначеніе не изъ завидныхъ, замѣтилъ Каркеръ, взявъ перо, чтобъ написать на бумагѣ резолюцію. — Надѣюсь, что Морфинъ осчастливитъ имъ какого-нибудь осиротѣвшаго племянника или музыкальнаго друга. Тамъ бы прекратилась ея страсть къ музыкѣ, если онъ ею надѣленъ. Это кто? Войдите!

— Извините, мистеръ Каркеръ. Я не зналъ, что вы здѣсь, сударь, отвѣчалъ Валтеръ, явившійся съ нѣсколькими вновь-прибывшими запечатанными письмами. — Мистеръ Каркеръ-Младшій, сударь...

При этомъ имени мистеръ Каркеръ-Управляющій былъ какъ-будто уязвленъ стыдомъ и униженіемъ. Онъ устремилъ на мистера Домби взглядъ, просившій извиненія, и потомъ потупилъ глаза.

— Я думаю, сударь, сказалъ онъ вдругъ Валтеру сердитымъ тономъ:—что вамъ было запрещено влетать имя мистера Каркера-Младшаго въ ваши рѣчи.

— Извините, возразилъ Валтеръ.—Я хотѣлъ только сказать, что, по словамъ мистера Каркера-Младшаго, я не долженъ былъ ожидать найдти васъ- здѣсь, иначе я бы не постучался въ двери, еслибъ зналъ, что вы заняты разговоромъ съ мистеромъ Домби. Письмо это для мистера Домби.

— Хорошо, сударь. Каркеръ почти вырвалъ у него письма изъ рукъ.—Ступайте къ своему дѣлу.

Взявъ письма такъ безцеремонно, онъ уронилъ одно изъ нихъ на полъ и не замѣтилъ этого; мистеръ Домби также не замѣтилъ, что письмо лежитъ у его ногъ. Валтеръ пошелъ-было, но пріостановился на минуту, поднялъ письмо и положилъ его на письменный столъ мистера Домби. Письмо было съ почты, и случилось такъ, что въ немъ заключалось одно изъ донесеній мистриссъ Пипчинъ, съ адресомъ, написаннымъ Флоренсою. Мистеръ Домби, котораго вниманіе было такимъ образомъ обращено на Валтера, вздрогнулъ и взглянулъ на него гнѣвно, какъ-будто воображая, что онъ нарочно отобралъ это письмо изъ всѣхъ остальныхъ.

— Можете идти, сударь! сказалъ мистеръ Домби надменно.

Онъ стиснулъ письмо въ рукѣ, и, проводивъ Валтера глазами за двери, положилъ нераспечатаннымъ въ карманъ.

— Вы говорили, что нужно послать кого-нибудь въ Вест-Индію? замѣтилъ онъ торопливо.

— Да, сударь.

— Послать молодого Гэя.

— Хорошо. Очень-хорошо. Ничего не можетъ быть удобнѣе.

— Воротите его сюда, Каркеръ.

Мистеръ Каркеръ поспѣшилъ повиноваться, и Валтеръ тотчасъ же явился.

— Гэй, сказалъ мистеръ Дѳмби, удостоивая его полувзглядомъ черезъ плечо.—Есть...

— Вакансія, подсказалъ мистеръ Каркеръ.

— Въ Вест-Индію, въ Барбадось. Я посылаю тебя замѣстить одного умершаго младшаго помощника въ тамошней кассѣ. Объяви своему дядѣ отъ меня, что я избралъ тебя для отправленія въ Вест-Индію.

Валтеръ обомлѣлъ; у него едва достало духа повторить: «Въ Вест-Индію!»

— Кому-нибудь надобно же ѣхать, сказалъ мистеръ Дѳмби.—Ты молодъ и здоровъ, а дядя твой не въ блестящихъ обстоятельствахъ. Скажи ему, что ты туда назначенъ. Ты, впрочемъ, отправляешься не сейчасъ. Можетъ-быть, черезъ мѣсяць или два.

— Я останусь тамъ, сударь?

— Останешься ли ты тамъ, сударь! Чтѳ ты подъ этимъ разумѣешь? Чтѳ онъ хочетъ сказать, Каркеръ?

— Жить тамъ, сударь, проговорилъ Валтеръ съ трудомъ.

— Конечно, возразилъ мистеръ Дѳмби.

Валтеръ поклонился.

— Только. Каркеръ, вы объясните ему въ свое время все обь обыкновенномъ снаряженіи въ тѣ страны и прочемъ, разумѣется. Ему здѣсь нѣчего дожидаться, Каркеръ.

— Вамъ здѣсь нѣчего дожидаться, Гэй. Ступайте.

— Кромѣ, развѣ, если онъ имѣетъ что-нибудь сказать.

— Нѣтъ, сударь, возразилъ Валтеръ, котораго воображенію представился старикъ-дядя, оплакивающий въ кабинетѣ разлуку съ нимъ. — Я... я не знаю... я... я... вамъ очень благодаренъ, сударь...

— Можешь идти.

Валтеръ, сконфуженный и оглушенный, поклонился и вышелъ. Въ корридорѣ его догналъ Каркеръ-Управляющій и позвалъ къ себѣ.

— Приведите, сударь, въ мою комнату друга вашего, Каркера-Младшаго.

Валтеръ пошелъ исполнить это порученіе и вскорѣ возвратился

въ кабинетъ управляющаго съ Каркеромъ-Младшимъ. Управляющій стоялъ спиною къ камину, запустивъ обѣ руки подъ фалды фрака, и смотрѣлъ такъ же холодно и жестко, какъ самъ мистеръ Домби. Лицо его нисколько не смягчилось приходомъ брата, и онъ только велѣлъ Валтеру запереть двери.

— Джонъ Каркеръ, сказалъ управляющій, оскалая оба ряда зубовъ, какъ-будто хотѣлъ укусить его: — какого рода союзъ существуетъ между вами и этимъ молодымъ человѣкомъ? Почему меня преслѣдуютъ произнесеніемъ вашего имени? Развѣ вамъ не довольно, Джонъ Каркеръ, что я вашъ ближайшій родственникъ и не могу избавиться отъ этого...

— Скажи безчестья, Джемсъ. Ты это думалъ и правъ.

— Отъ этого безчестья. Но развѣ еще нужно, чтобъ ваше имя трубилося вездѣ и провозглашалось въ добавокъ въ присутствіи самого мистера Домби? И еще въ минуту довѣренности! Или вы считаете ваше имя талисманомъ, которое здѣсь, подъ этою фирмой, не преминетъ усилить довѣріе, Джонъ Каркеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Джемсъ. Богъ свидѣтель, я этого никогда не думалъ.

— Что же вы думали? Зачѣмъ вы становитесь поперегъ моей дороги? Развѣ вы еще мало мнѣ повредили?

— Я никогда не вредилъ тебѣ умышленно, Джемсъ.

— Вы мой братъ — довольно и этого вреда.

— Я бы желалъ, чтобъ могъ уничтожить наше родство.

— А я бы желалъ, чтобъ вы могли уничтожить его и желали этого.

Въ-продолженіе разговора, Валтеръ смотрѣлъ съ изумленіемъ и грустью то на одного брата, то на другаго. Старшій годами, но «младшій» въ торговомъ домѣ Домби и Сына, стоялъ потупя взоры и смиренно слушалъ упреки брата. Какъ горьки они ни были сами-по-себѣ, какъ язвительность ихъ ни усиливалась тономъ и взглядомъ Каркера-Управляющаго и присутствіемъ посторонняго, Валтера, котораго они такъ поразили, Джонъ Каркеръ выслушивалъ ихъ съ покорностью и только изрѣдка приподнималъ правую руку, какъ-будто желая сказать: «Пощали!»

Пылкій и великодушный Валтеръ, чувствуя себя невиннымъ поведомъ къ этимъ укорамъ, не могъ удержаться и обратился къ управляющему:

— Мистеръ Каркеръ, право, тутъ виноватъ я одинъ. Отъ необходимости, за которую я никогда не перестану осуждать себя, произносилъ я имя мистера Каркера-Младшаго, противъ вашего объявленнаго желанія. Въ этомъ виноватъ я одинъ. Мы съ нимъ никогда не обмѣнялись ни однимъ словомъ объ этомъ предметѣ... мы вообще говоримъ между собою очень-мало. Помолчавъ немного, Валтеръ прибавилъ: — Мистеръ Каркеръ, тутъ была даже не

одна необходимость! Со времени вступленія моего сюда, я почувствовалъ невольное участіе къ мистеру Каркеру-Младшему и во всегда могъ удержаться, чтобъ не говорить о немъ, когда такъ часто о немъ думалъ!

Валтеръ говорилъ съ жаромъ и отъ души; слезы выступили на его глазахъ отъ полноты чувствъ.

— Вы всегда избѣгали меня, мистеръ Каркеръ, продолжалъ онъ, обратясь къ несчастному: — и я всегда сожалѣлъ объ этомъ. Я старался снискать вашу дружбу, сколько могъ ея надѣяться для своихъ лѣтъ, но всегда безуспѣшно.

— И замѣйте, Гэй, подхватилъ торопливо управляющій: — что старанія ваши будутъ еще безуспѣшнѣе, если вы станете упорствовать въ усиліяхъ обращать вниманіе постороннихъ людей на имя мистера Джона Каркера: этимъ вы не докажете ему своей дружбы. Спросите его самого!

— Это для меня хуже, отвѣчалъ его братъ:—и подастъ только поводъ къ разговорамъ, подобнымъ тенерешнему. Лучшимъ другомъ мнѣ будетъ тотъ,—онъ говорилъ съ разстановкою, какъ будто желая напечатлѣть каждое слово въ памяти Валтера:—кто забудетъ о моемъ существованіи и оставитъ меня идти моею дорогою, незамѣченнаго, не спрашивая ни о чемъ.

— Такъ-какъ ваша память, Гэй, не всегда сохраняетъ то, что вамъ говорятъ другіе, сказалъ Каркеръ-Управляющій, рагораясь отъ самодовольствія:—я счелъ полезнымъ доставить вамъ возможность услышать это изъ устъ лучшаго авторитета (указывая на брата).—Теперь, надѣюсь, вы не забудете моего желанія. Вотъ въ чемъ все дѣло, Гэй. Можете идти.

Валтеръ вышелъ и хотѣлъ запереть за собою двери; но, услышавъ снова голоса братьевъ и свое имя, остановился въ нерѣшимости, держа руку на замкѣ, тогда-какъ дверь осталась пріотворенною, и поневолѣ выслушалъ ихъ бесѣду.

— Джемсъ, если можешь, думай обо мнѣ снисходительнѣе, сказалъ Джонъ Каркеръ.—Вся душа моя слѣдила за этимъ мальчикомъ, Валтеромъ Гэйемъ. Я увидѣлъ въ немъ, когда онъ вступилъ сюда въ первый разъ, почти другаго себя.

— Другаго себя? повторилъ презрительно управляющій.

— Не такого, каковъ я теперь, но какимъ былъ, постуная въ этотъ домъ: такимъ же, какъ онъ, пылкимъ, безпечнымъ, юнымъ, неопытнымъ, съ тѣмъ же безпокойнымъ и романтическимъ воображеніемъ, съ тою же способностью быть направленнымъ къ добру или злу.

— Надѣюсь, что не совершенно, замѣтилъ язвительно Джемсъ Каркеръ.

— Ты поражаешь меня метко и глубоко. Рука твоя вѣрно направляетъ удары. Все, что я говорю, воображилъ я себѣ, когда

онъ былъ еще мальчикомъ. Я этому вѣрилъ, былъ въ этомъ убѣжденъ. Я видѣлъ, какъ легко онъ ходилъ по закраинѣ невидимой пропасти, гдѣ столько другихъ людей ходитъ также беззаботно, и съ которой...

— Старое извиненіе, прервалъ братъ, шевеля уголья въ каминѣ. — Продолжай: съ которой столько другихъ обрушилось. Такъ?

— Съ которой одинъ обрушился. Онъ началъ путь свой мальчикомъ, какъ и Гэй, оступался болѣе-и-болѣе, скользилъ ниже-и-ниже, и наконецъ рухнулся въ глубину, гдѣ очутился разбитымъ. Подумай, Джемсъ, какъ я страдалъ, когда смотрѣлъ на этого мальчика.

— Въ этомъ, кажется, нѣ кого обвинять!

— Я не обвиняю никого, кромѣ себя. Я не ищу случая свалить на кого-нибудь свой позоръ.

— Но онъ палъ на другихъ, проговорилъ Джемсъ Каркеръ сквозь зубы.

— Джемсъ, Джемсъ! возразилъ его братъ тономъ упрека. — Развѣ я съ-тѣхъ-поръ не былъ тебѣ полезенъ? Развѣ, поднимаясь вверхъ, ты не попиралъ меня на свободѣ? Не добивай же меня своимъ каблукомъ!

Настало молчаніе. Черезъ нѣсколько времени мистеръ Каркеръ-Управляющій зашевелилъ бумагами, какъ-будто рѣшившись кончить свиданіе. Каркеръ-Младшій придвинулся ближе къ дверямъ.

— Вотъ все, Джемсъ, сказалъ онъ. — Я слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ и трепетомъ, пока онъ не прѣшелъ мѣста, съ котораго я оступился въ первый разъ: тогда родной отецъ его не могъ бы благодарить Бога пламеннѣе меня. Я не смѣлъ предостерегать его, ни совѣтовать ему; но еслибъ случилась необходимая надобность, я бы только представилъ ему въ примѣръ самого себя. Я боялся быть замѣченнымъ въ разговорѣ съ нимъ: могли бы сказать, что я его развращаю, или искушаю на зло, или желаю ему зла. Не знаю, можетъ-быть, во мнѣ кроется тайная зараза. Разбери часть моей исторіи, которая въ соприкосновеніи съ Валтеромъ Гэйемъ, пойми, что онъ заставилъ меня перечувствовать, и думай обо мнѣ снисходительнѣе, Джемсъ, если можешь!

Съ этими словами онъ вышелъ, но поблѣднѣлъ, увидя Валтера; онъ поблѣднѣлъ сильнѣе, когда Валтеръ схватилъ его за руку и проговорилъ шопотомъ:

— Мистеръ Каркеръ, позвольте поблагодарить васъ! Не могу выразить, сколько я вамъ сочувствую и какъ жалѣю, что былъ несчастною причиною всего этого! Я смотрю на васъ какъ на хранителя и защитника! Я вамъ очень, очень благодаренъ и отъ души жалѣю васъ!

Комната мистера Морфина была подъ рукою и пуста; они во-

шли въ нее, потому-что въ корридорѣ вѣчно ходили взадъ и впередъ, и не дали бы имъ говорить.

— Валтеръ, сказалъ тогда Каркеръ-Младшій, положивъ ему руку на плечо.—Знаете ли вы, что я такое?

— Что вы такое! чуть не сорвалось съ губъ Валтера.

— Это началось передъ моимъ двадцать-первымъ днемъ рожденія, но подготавливалось издавна. Я обокралъ ихъ, когда достигъ этого возраста! Я обкрадывалъ ихъ и послѣ. Все открылось прежде, чѣмъ мнѣ минуло двадцать-два года. Съ-тѣхъ-поръ, Валтеръ, я умеръ для общества, для всѣхъ людей! Старикъ мистеръ Домби былъ со мною очень-хорошъ. Награди его Богъ за доброту! Теперешній представитель фирмы, сынъ его, также. Онъ тогда только-что принялъ въ ней дѣйствительное участіе. Ко мнѣ имѣли большую довѣренность! Меня разъ позвали въ ту комнату, которая теперь его кабинетъ—я никогда не входилъ въ нее послѣ—и я вышелъ тѣмъ, чѣмъ вы меня знаете. Много лѣтъ просидѣлъ я въ своемъ теперешнемъ уголку, одинокій, но живой примѣръ для всѣхъ: всѣ были со мною милосерды, и я жилъ. Время измѣнило эту часть моего покаянія, и въ конторахъ врядъ ли кому извѣстна моя исторія, исключая трехъ первыхъ лицъ. Прежде, чѣмъ выростетъ маленькій Домби, уголь мой, вѣроятно, упразднится. Дай Богъ, чтобъ было такъ! Благослови васъ Богъ, Валтеръ! Будьте честны и счастливы!

Съ этими словами они разстались, и Валтеръ, идучи домой, едва вѣрилъ, что онъ дѣйствительно отправляется въ Вест-Индію, что ему предстоитъ разлука съ дядею Соллемъ, капитаномъ Коттлемъ и всѣми, кого любилъ онъ. Разумѣется, Флоренса мечталась ему не разъ при этихъ мысляхъ и заняла не послѣднее мѣсто въ его сожалѣніи, котораго часть онъ удѣлилъ и маленькому Полю.

ГЛАВА VII.

Полю дѣлается все болѣе-и-болѣе чужакомъ и отправляется домой на каникулы.

Когда настало приближеніе каникулъ, воспитанники доктора Блимбера приготовились разъѣзжаться по своимъ роднымъ безъ всякихъ наружныхъ признаковъ радости.

Тозеръ, котораго постоянно душилъ туго-накрахмаленный бѣлый галстухъ, носимый имъ по положительному желанію мистриссъ Тозеръ, предназначавшей сына въ пасторы, говорилъ, что если вы-

брать изъ двухъ золъ меньшее, то онъ бы предпочелъ остаться въ теплицѣ доктора Блимбера. Какъ ни странно должно было показаться такое мнѣніе, но Тозеръ не лгалъ. Надобно сказать, что у него былъ одинъ грозный дядя, который находилъ особенное наслажденіе проэкзаменовывать его во время каникулъ изъ самыхъ мудреныхъ и отвлеченныхъ предметовъ. Мало того: онъ употреблялъ во зло вещи, которыя въ существѣ своемъ были совершенно-невинны, и обращалъ ихъ въ смертоносныя орудія противъ злополучнаго племянника. На-примѣръ, если дядя Тозера бралъ его съ собою въ театръ, или возилъ показывать какого - нибудь великана, карлика или фокусника, племянникъ зналъ напередъ, что онъ подготовилъ какую-нибудь классическую цитату, соприкосновенную съ предметомъ своего коварнаго добродушія: онъ мучился смертельнымъ страхомъ, не предвидя, чѣмъ именно дядя разразится или какой авторитетъ употребитъ противъ него.

Что до Бриггса, то отецъ его съ нимъ не церемонился и не давалъ ему ни минуты покоя. Умственные испытанія этого несчастнаго юноши были такъ многочисленны и тяжки, что друзья его семейства, жившаго около Бэйсватера въ Лондонѣ, рѣдко приближались къ прудамъ Кенсингтонскихъ-Садовъ безъ смутнаго ожиданія увидѣть на поверхности воды шляпу юнаго Бриггса, а на берегу какое - нибудь неоконченное синтаксическое упражненіе на греческомъ языкѣ. Въ-слѣдствіе этого, Бриггсъ не чувствовалъ ни малѣйшаго нетерпѣнія очутиться скорѣе подъ родительскимъ кровомъ. Вообще, всѣ юные джентльмены ожидали каникулъ съ кроткимъ самоотверженіемъ.

Всѣ—кромѣ маленькаго Поля! По рѣшенію мистера Дѳмби, онъ долженъ былъ послѣ каникулъ разстаться съ Флоренсою; но кто думаетъ объ окончаніи праздниковъ, когда они еще не начинались? Конечно, не Поль. Когда приблизилось желанное время, львы и тигры его фантазіи, поднимавшіеся по стѣнамъ спальни, стали ручными и игривыми. Угрюмыя лица, косившіяся на него изъ квадратиковъ росписнаго пола, выглядывали съ болѣе-добродушнымъ выраженіемъ. Стукъ маятника былъ какъ-будто проникнуть тонкомъ участія, а волны неутомимаго моря, напѣвая по ночамъ свои однообразныя, грустныя мелодіи, убаюкивали задумчиваго ребенка.

Мистеръ Фидеръ, «баккалавръ искусствъ», собирался насладиться праздниками; а мистеръ Тутсъ располагалъ вести жизнь, которая будетъ состоять изъ однихъ только праздниковъ, потому - что каникулы были окончаніемъ пребыванія его у доктора Блимбера, и послѣ нихъ онъ вступалъ во владѣніе своимъ имуществомъ.

Ясно было, что Поль и Тутсъ сдѣлались искренними друзьями, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Когда приближались каникулы, Тутсъ чаще выпучивалъ глаза и пыхтѣлъ въ обществѣ маленька-

го Поля, изъ чего послѣдній заключилъ, что ему жаль разстаться съ нимъ, и былъ ему очень-благодаренъ за его покровительство и ласки. Обстоятельство это не скрылось даже отъ доктора Блимбера, мистриссъ Блимберъ и миссъ Блимберъ, ни даже отъ мистриссъ Пипчинъ, которая за это почувствовала рѣшительную ненависть къ Тутсу, хоть онъ и спрашивалъ ее при каждой встрѣчѣ о здоровьѣ съ величайшею вѣжливостью.

Недѣли за двѣ или за три до праздниковъ, Корнелія позвала Поля въ свою комнату и сказала:

— Дѣмби, я приготовила твой анализъ и хочу послать его къ твоему отцу.

— Благодарю васъ, сударыня.

— Ты понимаешь, о чемъ я говорю?

— Нѣтъ, сударыня.

— Дѣмби, Дѣмби! Ты приводишь меня въ отчаянiе. Если ты не понимаешь какого-нибудь выраженiя, почему не стараться постичь его?

— Мистриссъ Пипчинъ запрещала мнѣ дѣлать вопросы.

— Прошу не говорить мнѣ ни по какому случаю о мистриссъ Пипчинъ, Дѣмби. Я этого не могу позволить. Курсъ здѣшнихъ наукъ очень-далекъ отъ понятiй мистриссъ Пипчинъ. Если подобныя вещи повторятся, я увижу себя вынужденною проэкзаменовать тебя завтра утромъ, передъ завтракомъ, отъ *Verbum personale* включительно до *Simillima cygno*.

— Я не думалъ, сударыня...

— Прошу васъ, Дѣмби, не рассказывать мнѣ о чемъ вы думали или о чемъ не думали. Подобной аргументацiи я не должна допускать.

Поля разсчелъ, что благоразумнѣе всего молчать, и потому только смотрѣлъ на очки миссъ Блимберъ. Она, покачавъ нѣсколько разъ головою съ весьма-серьезнымъ выраженiемъ, начала читать лежавшую передъ нею бумагу.

— «Анализъ характера П. Дѣмби»... Если память меня не обманываетъ, сказала она, прервавъ чтенiе:—слово анализъ, какъ противоположное слову синтезисъ, опредѣлено Уокеромъ слѣдующимъ образомъ: «Разложенiе предмета, подлежащаго чувствамъ или разуму, на его первоначальные элементы». Замѣть, Дѣмби, анализъ противоположенъ синтезису. Ну, теперь ты понялъ, что такое анализъ?

Поля не былъ по-видимому ослѣпленъ свѣтомъ, озарившимъ его разумъ посредствомъ этого объясненiя, но сдѣлалъ миссъ Блимберъ маленькой поклонъ.

— «Анализъ характера Поля Дѣмби. Я нахожу природныя способности его очень-хорошими; то же самое можно сказать и о его наклонности къ ученiю. Такимъ-образомъ, такъ-какъ число восемь

принято у насъ для обозначенія совершенства, я нахожу, что у Домби каждое изъ упомянутыхъ качествъ можетъ быть опредѣлено шестью и тремя четвертями!»

Миссъ Блимберъ приостановилась, чтобъ посмотрѣть, каково это извѣстie подѣйствуетъ на Поля. Тотъ никакъ не могъ постичь, что именно она разумѣетъ подѣ шестью и тремя четвертями: шесть ли фунтовъ стерлинговъ и пятнадцать шиллинговъ; шесть ли футъ и девять дюймовъ; или три четверти седьмага часа, или шесть чего-то неизвѣстнаго, о чемъ онъ не слыхалъ, съ тремя четвертями того же? Онъ вперилъ глаза на ея очки и началъ потирать себѣ руки. Корнелія перевела этотъ безмолвный отвѣтъ по-своему и продолжала читать:

— «Буйство, два. Упрямство, два. Наклонность къ низкому обществу, обнаружившаяся касательно нѣкоего Глобба, первоначально семь, но въ-послѣдствіи меньше. Джентльменскія манеры, четыре, но увеличенныя со-временемъ.» Теперь, Домби, я требую особеннаго вниманія на общія замѣчанія при заключеніи анализа.

Поль напрягъ все свое вниманіе.

— «Вообще можно замѣтить о Домби», читала миссъ Блимберъ громкимъ голосомъ и направляя послѣ каждого другаго слова очки свои на стоявшую передъ нею маленькую фигуру: — «что наклонности и способности его хороши, и что онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, какихъ можно было ожидать при существующихъ обстоятельствахъ. Но должно сожалѣть объ этомъ молодомъ джентльменѣ, что онъ страненъ въ своемъ характерѣ и поведеніи, такъ-сказать, старомоденъ, и, не давая повода къ прямому осужденію своихъ поступковъ, очень-часто вовсе не походитъ на молодыхъ джентльменовъ его лѣтъ и положенія въ обществѣ.» Теперь, Домби, сказала миссъ Блимберъ, кладя бумагу: — понялъ ли ты это?

— Я думаю, что понялъ, сударыня.

— Анализъ этотъ, Домби, будетъ отосланъ къ твоему уважаемому родителю. Его, конечно, огорчитъ извѣстie о странностяхъ твоего характера и поведенія: это огорчаетъ насъ самихъ, и мы не можемъ любить тебя какъ бы желали.

Она коснулась нѣжной струны ребенка: Поль съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближенія отъѣзда, старался болѣе-и-болѣе снискать благорасположеніе всѣхъ живущихъ въ домѣ доктора Блимбера. По какому-то скрытному побужденію, въ которомъ онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, онъ желалъ, чтобъ о немъ вспоминали не съ равнодушіемъ. Онъ подружился съ цѣпною собакой, которая сначала пугала его до смерти. Въсвое не думая, что онъ именно этимъ отличается отъ прочихъ молодыхъ джентльменовъ, Поль принялся просить миссъ Корнелію, чтобъ она была добра и попробовала полюбить его. Онъ обратился съ тою же просьбой къ мистриссъ Блимберъ, которая въ это время вошла къ дочери, и просилъ ее забыть о томъ, что онъ такой старинный, увѣряя, что онъ любитъ ихъ всѣхъ, и не знаетъ, отъ-чего онъ такимъ сдѣлался.

— Конечно, сударыня, я не могу васъ любить столько, сколько люблю Флоренсу, прибавляя оны съ робостью и полнымъ ти-стосердечіемъ: — это было бы невозможно, разумеется. Вы бы сами не могли этого требовать, сударыня, не правда ли?

— О, какой оригинальный ребенокъ! воскликнула мистриссъ Блимберъ вполголоса.

— Но я, право, очень люблю всѣхъ здѣшнихъ, и мнѣ было бы больно уѣхать отсюда и думать, что другіе нисколько не пожелаютъ обо мнѣ, или обрадуются моему отъезду.

Мистриссъ Блимберъ увѣрилась теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, что Поль оригинальнѣйшій ребенокъ въ свѣтѣ; сообщивъ доктору о происшедшемъ, она не встрѣтила никакого противорѣчія своему мнѣнію. Докторъ сказалъ только, что науки помогутъ всему, и поощрялъ Корнелию трудиться надъ нимъ безъ усталы.

Корнелия дѣйствительно трудилась безъ усталы, такъ-что бѣдному мальчику приходилось тяжело; но оны, не смотря на свои многочисленныя и сбивчивыя уроки, все держался задуманной идеі—пріобрѣстц любовь всѣхъ. Поль по-прежнему просиживалъ долго на ступенькахъ лѣстницы и не переставалъ внимательно слѣдить за облаками и волнами изъ своего высокаго окна, однако теперь его видали чаще вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, которыми оны скромно любилъ оказывать маленькія услуги. Такимъ образомъ юныя анахореты, умерщвлявшіе свою плоть подъ кровомъ доктора Блимбера, мало-по-малу полюбили его: оны казался имъ хрупкою маленькою игрушкой, которая нравится всѣмъ и съ которою никто бы и не подумалъ обращаться сурово. Но Поль не могъ передѣлать своей природы или написаннаго о немъ анализа, потому всѣ считали его по-прежнему маленькимъ чудачкомъ.

Это, впрочемъ, доставляло ему привилегіи, которыми не пользовался никто въ домѣ. Остальные воспитанники, уходя спать, только раскланивались съ докторомъ Блимберомъ и его семействомъ, а Поль важно протягивалъ ручонку и смѣло встряхивалъ свѣтлую руку доктора, потомъ мистриссъ Блимберъ и наконецъ Корнелия. Если кто-нибудь хотѣлъ спастись отъ угрожающаго наказанія, Поль отряжался къ доктору въ качествѣ посла и часто выпрашивалъ виновному помилованіе. Слабоглазый слуга совѣтовался съ нимъ однажды по случаю разбитія нѣкоторой части хрусталя и фарфора. Носились даже слухи, будто самъ буфетчикъ подливалъ ему иногда портера въ его полпиво, чтобъ оны укрѣпился въ глѣзахъ.

Кромѣ этихъ важныхъ преимуществъ, Поль имѣлъ свободный входъ въ комнату мистера Фидера, изъ которой раза два вывелъ на свѣжій воздухъ мистера Тутса, чуть неупавшаго въ обморокъ отъ неудачной попытки выкурить претолстую сигару — одну изъ пачки, купленной имъ втихомолку на взморьѣ у одного отчаянна-

го смотрѣла, который сознался ему по довѣренности, что таже-ли назначила двѣсти фунтовъ награды тому, кто его представитъ живаго или мертваго. Мистеръ Фидеръ занималъ уютную комнату съ отгороженною внутри ея спальней. Надъ каминомъ висѣла флейта, на которой онъ собирался учиться играть; въ углу стоялъ шкапикъ съ нѣсколькими книгами; сверхъ того, онъ завелъ себѣ удочку, охотничій рожокъ, испанскую грамматику, шахматную доску, рисовальный приборъ и пару боксерскихъ перчатокъ—намѣревался сдѣлать изъ всего этого должное употребленіе, когда придетъ удобное время. Но главнымъ сокровищемъ его была зеленая банка съ нюхальнымъ табакомъ, подаренная ему однажды мистеромъ Тутсомъ и купленная за дорогую цѣну, какъ вещь, принадлежавшая первоначально принцу-регенту. Мистеръ Тутсъ и мистеръ Фидеръ нюхали изъ нея по-временамъ табакъ и чихали послѣ каждого раза до упаду, а въ промежуткахъ наслаждались столовымъ пивомъ и разговорами.

Маленькій Поль, сидя молча въ ихъ обществѣ, подлѣ главнаго нирона своего, Тутса, слушалъ съ нѣкоторымъ страхомъ рассказы мистера Фидера о бурной лондонской жизни и смотрѣлъ на него, какъ на героя какой-нибудь повѣсти или романическаго приключенія.

Входя въ эту комнату однажды вечеромъ, когда каникулы были уже очень-близки, Поль засталъ мистера Фидера вписывающихъ имена въ оставленные пробѣлы напечатанныхъ писемъ, тогда-какъ другія, съ именами, складывались и запечатывались мистеромъ Тутсомъ.

— А, Домби, ты здѣсь! сказалъ ласково Фидеръ. — Вотъ это для тебя, подавая ему одно изъ готовыхъ писемъ.

— Для меня, сударь?

— Твое приглашеніе.

Поль прочиталъ: «Докторъ и мистриссъ Блимберъ покорнѣйше спроситъ мистера П. Домби доставить имъ удовольствіе своимъ присутствіемъ на танцевальномъ вечерѣ, въ пятницу, семнадцатаго числа, въ половинѣ восьмага часа.» Тутсъ показалъ ему еще нѣсколько другихъ, подобныхъ этому приглашеній, адресованныхъ ему самому, Бриггсу, Тозеру и многимъ другимъ молодымъ джентльменамъ.

Мистеръ Фидеръ сообщил Полю, къ большой его радости, что сестра его также приглашена на этотъ вечеръ, послѣ котораго начинаются каникулы, и онъ можетъ вмѣстѣ съ нею уѣхать домой, если ему будетъ угодно. Поль прервалъ его отвѣтомъ, что ему это очень будетъ угодно. Тогда Фидеръ далъ ему понять, что онъ долженъ написать доктору и мистриссъ Блимберъ, самымъ отличнымъ почеркомъ, слѣдующій отвѣтъ: «Мистеръ П. Домби сочтетъ за особенную честь воспользоваться благосклоннымъ приглаше-

«имѣть доктора и мистриссъ Блимберъ». Наконецъ онъ посоветовалъ ему не говорить объ этомъ ни слова въ присутствіи доктора и его супруги, такъ-какъ всѣ предварительныя статьи и приготовления ведены на основныхъ началахъ классицизма и высокаго тона, и полагается, что ни хозяева дома, ни молодые джентльмены не имѣютъ понятія объ ожидающемъ ихъ пиршествѣ.

Полю поблагодарилъ мистера Фидера за его дружескіе совѣты, положилъ въ карманъ приглашеніе и ушелъ по обыкновенію подлѣ Тутса. Но голова его, которою онъ часто страдалъ болѣе или менѣе, болѣла въ этотъ вечеръ такъ сильно и была такъ тяжела, что онъ нашелся вынужденнымъ подпереть ее рукою; потомъ она мало-по-малу поникла и успокоилась на колѣнѣ Тутса, какъ-будто не имѣя намѣренія подняться.

Полю слышала, какъ Фидеръ звалъ его на ухо и тихонько шептала, стараясь разбудить. Потомъ, когда онъ испугавшись всталъ и оглядывался вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что тутъ докторъ Блимберъ, что окно отворено, и лицо его мокро отъ воды, которою на него брызгали: ребенку казалось до крайности непонятнымъ, какимъ образомъ все это произошло безъ его вѣдома.

— А! Прекрасно! Очень-радъ. Каково теперь моему маленькому другу? сказалъ ласково докторъ Блимберъ.

— О, благодарю васъ! Я здоровъ.

Ему, однако, показалось, какъ-будто что-нибудь случилось съ поломъ, на которомъ онъ не могъ хорошенько стоять; со стѣнами также—онъ кружился вокругъ него и останавливался тогда только, когда онъ смотрѣлъ на нихъ очень-пристально. Мистеръ Тутсъ поднялъ его на руки, чтобъ отнести наверхъ, и Полю показалось, что дверь не на своемъ мѣстѣ, и ему сначала было очень-удивительно, отъ-чего его несутъ въ каминъ?

Мистеръ Тутсъ былъ очень-добръ, что снесъ Полю въ спальню, и Полю поблагодарилъ его; но мистеръ Тутсъ не ограничился этимъ: онъ раздѣлъ его, уложилъ въ постель съ величайшимъ добродушіемъ и потомъ сѣлъ подлѣ кровати. Мистеръ Фидеръ расположился по другую сторону, взъерошивалъ свои щетинистые волосы и принялся пояснять Полю въ самыхъ ученыхъ медицинскихъ терминахъ, съ дополненіемъ всякаго вздора и съ комическою миной, что все благополучно. Это разсмѣшило ребенка до слезъ.

Какъ потомъ мистеръ Тутсъ исчезъ, а мистеръ Фидеръ превратился въ мистриссъ Пипчинъ—объ этомъ Полю не спрашивала, да и не любопытствовала знать. Увидѣвъ мистриссъ Пипчинъ, онъ закричалъ ей:

— Мистриссъ Пипчинъ, не говорите Флоренсѣ!

— Не говорить чего, мой дружокъ? спросила она.

— Обо мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— А какъ вы думаете, мистриссъ Пипчинъ, что я сдѣлаю, когда вырасту?

— Не догадываюсь.

— Я хочу положить всѣ свои деньги въ какой-нибудь банкъ и никогда не стану хлопотать, чтобъ имѣть ихъ больше; буду жить съ Флоренсой гдѣ-нибудь въ деревнѣ, съ прекраснымъ садомъ, полями и лѣсомъ, и останусь тамъ навсегда!

— Не-уже-ли?

— Да. Я это сдѣлаю, когда... онъ приостановился и задумался съ минуту.

Сѣрые глаза мистриссъ Пипчинъ смотрѣли вопросительно на его болѣзненное личико.

— Если я вырасту, высказалъ онъ.

Потомъ онъ принялся рассказывать мистриссъ Пипчинъ о предстоящемъ танцевальномъ вечерѣ, на который приглашена и Флоренса; о томъ, какъ всѣ мальчики будутъ ею восхищаться, и какъ они его любятъ, а онъ любитъ ихъ. Онъ рассказалъ ей также объ анализѣ, составленномъ миссъ Блимберъ, которая называетъ его и страннымъ и старомоднымъ, и спросилъ мистриссъ Пипчинъ, какъ она объ этомъ думаетъ? Мистриссъ Пипчинъ объявила наотрѣзъ, что это вздоръ; но Поль не удовольствовался ея отвѣтомъ и смотрѣлъ на нее такимъ испытующимъ взоромъ, что она обернулась къ окну, желая избѣгнуть его взгляда.

Былъ въ Брайтонѣ очень-скромный лекарь, пользовавшій молодыхъ воспитанниковъ доктора наукъ Блимбера, когда кому-нибудь изъ нихъ случалось захворать. Поль не могъ понять, какимъ образомъ онъ очутился у его кровати вмѣстѣ съ мистриссъ Блимберъ, и когда они оба явились. Но, увидѣвъ ихъ, онъ сѣлъ въ постели и отвѣчалъ подробно на всѣ вопросы лекаря, которому шепнулъ подѣ-конецъ, что Флоренса не должна знать ни слова о его болѣзни и непременно должна явиться на званомъ вечерѣ Блимберовъ. Онъ былъ съ нимъ очень-разговорчивъ, и они разстались большими друзьями. Когда онъ снова легъ и закрылъ глаза, ему слышалось, какъ врачъ говорилъ въ отдаленной отъ него комнатѣ, — можетъ-быть, это ему и приснилось, — что у мальчика большой недостатокъ въ физическихъ силахъ и организація въ замѣтномъ расслабленіи: что бы это значило? Лекарь говорилъ еще, что такъ-какъ больной забралъ себѣ въ голову разстаться съ товарищами семнадцатаго числа, то можно дозволить эту маленькую фантазію, если ему не сдѣлается хуже; что онъ слышалъ отъ мистриссъ Пипчинъ объ отправленіи Поля къ отцу восемнадцатаго числа и очень этому радъ; что онъ самъ напишетъ къ мистеру Домби, когда ознакомится подробнѣе съ болѣзнью малютки, и, наконецъ, что нѣтъ немедленной причины для... чего? Поль не пой-

маль этого слова. Лекарь прибавилъ, что больной очень-маленькій и умненькій мальчикъ, но удивительный оригиналь.

Пока Поль размышлялъ о томъ, что именно въ немъ такого страннаго и бросающагося въ глаза всѣмъ, явилась снова мистрисъ Пипчинъ, — онъ не помнилъ, когда она исчезла и дѣйствительно ли уходила, — и дала ему проглотить чего-то изъ стклянки. Потомъ ему дали очень-вкуснаго желѣ, принесеннаго самою мистрисъ Блимберъ, и онъ почувствовалъ себя такъ хорошо, что упрости мистрисъ Пипчинъ не беспокоиться, уйдти домой, и пригласилъ къ своей кровати Бриггса и Тозера.

Вѣднѣй Бриггсъ ужасно ворчалъ на свой анализъ, гдѣ его разложили на «первоначальные элементы» съ большою подробностью, чѣмъ въ самомъ тщательномъ химическомъ процессѣ. Не смотря на это, онъ былъ съ Полемъ очень-ласковъ, такъ же какъ и Тозерь. Всѣ остальные воспитанники, отправляясь спать, навѣстили Поля и съ участіемъ говорили ему: «Ну, каково тебѣ теперь, Дѣмби? Не робѣй, маленький Дѣмби!» и тому подобное. Бриггсъ долго не могъ заснуть и все негодовалъ на доктора Блимбера, по милости котораго ему дома не дадутъ ни одной пени карманныхъ денегъ.

Прежде чѣмъ на слѣдующее утро застучали въ гонгъ, слабоглазѣй слуга пришелъ утромъ къ Полю и предостерегъ его, чтобъ онъ не пугался. Мистрисъ Пипчинъ явилась нѣсколько раньше лекаря, а послѣ него пришла съ завтракомъ Поля та самая хорошенькая молодая женщина, которая въ первое утро чистила въ кожаныхъ перчаткахъ каминъ и поцаловала его. Потомъ было долгое совѣщаніе въ другихъ комнатахъ, и наконецъ, когда лекарь воротился вмѣстѣ съ докторомъ Блимберомъ и его супругой, онъ сказалъ имъ:

— Да, докторъ, я полагаю, что вы теперь можете освободить отъ занятій этого молодаго джентльмена; да вѣдь и каникулы очень-недалеки.

— Непремѣнно! Моя милая, скажи объ этомъ Корнелии.

— Конечно, мой другъ.

Лекарь наклонился, пристально посмотрѣлъ въ глаза Полю, подуналъ его голову, пульсъ и сердце съ такимъ участіемъ, что Поль сказалъ:

— Благодарю васъ, сударь.

— Нашъ маленькій приятель никогда не жаловался, зачѣмъ докторъ Блимберъ.

— О, нѣтъ! возразилъ лекарь. — Онъ, вѣроятно, и не будетъ жаловаться.

— Вы находите, что ему гораздо-лучше?

— О! гораздо-лучше, сударь.

Поль снова принялся размышлять, съ своимъ стариковскимъ

раженіемъ, о чемъ именно думалъ лекарь въ это время. Ему показалось, будто-бы онъ отвѣчалъ на оба вопроса доктора Блимбера задумавшись о чемъ-то. Но лекарь встрѣтилъ вопросительный взглядъ своего маленькаго паціента и весело ему улыбнулся, а что и Поль отвѣчалъ улыбкою и пересталъ допытываться.

Поль пролежалъ въ постели весь этотъ день, дремля, засыпая или глядя на Тутса; но на слѣдующій онъ всталъ и сошелъ съ лѣстницы. Въ залѣ происходило съ большими часами что-то необыкновенное: циферблатъ былъ снятъ и подмастерье часового мастера, стоя на передвижной лѣстницѣ, запускалъ разные инструменты въ механизмъ, освѣщая свою работу свѣчкою. Это было для Поля важнымъ событіемъ; онъ сѣлъ на нижней ступенкѣ и внимательно слѣдилъ за всѣми операціями, по-временамъ взглядывая на приставленный къ стѣнѣ циферблатъ, и ему казалось, будто циферблатъ на него косится.

Поль поздоровался съ подмастерьемъ, который отвѣчалъ ему очень кратко и тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ сдѣлалъ множество вопросовъ о часахъ и колокольномъ звонѣ: кто бьетъ въ церквяхъ часы по ночамъ, какъ звонятъ колокола во время похоронъ, и дѣйствительно ли звонятъ они иначе, чѣмъ на свадьбахъ, или это только кажется роднымъ умершихъ. Потомъ онъ сообщилъ подмастерью, что слышалъ, какъ король Альфредъ предполагалъ измѣрять время, сожигая свѣчки: на что подмастерье отвѣчалъ, что это было бы разореніемъ для часовыхъ мастеровъ. После долгой и занимательной для ребенка бесѣды, часы приняли снова свой прежній видъ, маятникъ заикалъ по обыкновенію, и подмастерье, уложивъ свои инструменты въ ящикъ, простился съ Полемъ и ушелъ. Поль, однако, разслушалъ, какъ онъ въ дверяхъ пещуль слугѣ: «чудакакъ этотъ малютка!»

Что всѣ они находятъ въ немъ чуднаго?

Не имѣя теперь уроковъ, Поль часто думалъ объ этомъ вопросѣ; но у него было и кромѣ того много предметовъ для размышленія, и потому онъ продолжалъ думать цѣлый день на свободѣ.

Во-первыхъ, Флоренса будетъ на танцевальномъ вечерѣ. Флоренса увидитъ, какъ его всѣ любятъ, и это сдѣлаетъ ее счастливою: вотъ главная тема его размышленій! Пусть Флоренса знаетъ, что всѣ они съ нимъ добры и ласковы, и она не станетъ огорчаться о времени, которое онъ прожилъ у Блимберовъ; это даже утѣшитъ ее, когда онъ сюда воротится послѣ каникулъ.

Когда воротится! Разъ по пятидесяти въ день маленькія ноги его поднимались по лѣстницѣ: онъ собиралъ каждую книгу, каждый лоскутокъ бумаги, каждую бездѣлицу, и складывалъ все въ одно мѣсто, чтобъ увезти домой! Онъ, по-видимому, не имѣлъ даже тѣни идеи о своемъ возвращеніи сюда; нисколько не готовился къ этому и только подумалъ объ этомъ разъ, размышляя о

Флоренсъ. Напротивъ, разглядывая въ раздумьи всё окружающее его предметы, онъ смотрѣлъ на нихъ, бродя по дому, какъ на вещи, съ которыми совсѣмъ разстается.

Ему приходила мысль, когда онъ заглядывалъ въ комнаты наверху, какъ онъ опустѣютъ безъ него, и сколько пройдетъ полчлнвыхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ и лѣтъ въ этомъ чинномъ и серьезномъ спокойствіи! Найдется ли со-временемъ другой ребенокъ—такой же маленькій чудакъ, какъ онъ — который увидитъ въ узорахъ обоевъ и квадратикахъ пола тѣ же фантастическія фигуры, выглядывавшія изъ нихъ на него? Скажетъ ли кто-нибудь этому мальчику о маленькомъ Домби, который нѣкогда жилъ здѣсь?

Полю думалъ о висѣвшемъ на лѣстницѣ портретѣ, который всегда смотрѣлъ ему вслѣдъ, когда онъ оглядывался черезъ плечо, уходя отъ него; если Полю даже случалось проходить мимо портрета съ кѣмъ-нибудь другимъ, то все-таки глаза портрета смотрѣли на него и оставляли его товарища безъ всякаго вниманія. Онъ думалъ также объ одной гравюрѣ, повѣщенной въ другомъ мѣстѣ, гдѣ въ центрѣ удивленной группы видѣлась кроткая, милосердая, утѣшительная фигура съ сіяніемъ вокругъ головы: она стояла, указывая пальцемъ вверхъ!

У окна спальни, Полю всегда приходили въ голову мысли и мыслями, какъ катящіяся одна за другою волны. Гдѣ жили тѣ дикія птицы, которыя всегда носились надъ моремъ въ бурную погоду? Откуда начинались облака и куда они шли? Откуда брала шумный вѣтеръ и гдѣ онъ останавливался, носясь по своему пути? Будетъ ли то мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ на взморьѣ виѣствъ съ Флоренсою и разговаривалъ объ этихъ вещахъ, тѣмъ же самымъ безъ нихъ? Будетъ ли оно тѣмъ же самымъ для Флоренсы, еслибы онъ переселился куда-нибудь далеко, а она оставалась тутъ одна?

Онъ думалъ также о Тутсѣ, Фидерѣ, докторѣ Блимберѣ, мистриссъ Блимберъ и Корнелин, обо всѣхъ мальчикахъ, объ отцовскомъ домѣ, о тѣткѣ своей и миссъ Токсъ, объ отцѣ своемъ Домби и Сынѣ, о Валтерѣ, котораго старый дядя получилъ отъ него деньги, и о смѣломъ капитанѣ съ желѣзною рукою. Въ-тетени дня онъ шатался по цѣлому дому, по которому имѣлъ полную свободу бродить; былъ въ учебной комнатѣ, въ спальнѣ мистриссъ Блимберъ, въ комнатѣ Корнелин, посѣтилъ даже собаку. Желая дружески разстаться со всѣми, онъ хотѣлъ сдѣлать что-нибудь пріятное каждому: то отыскивалъ онъ Бригтсу въ книгахъ мѣста, которыя тотъ всегда забывалъ; то рылся въ лексиконахъ для другихъ; то держалъ шелкъ, который разматывала мистриссъ Блимберъ, или приводилъ въ порядокъ письменный столъ Корнелин; иногда даже онъ рисковалъ забираться въ кабинетъ самого

доктора и тамъ, усѣвшись на коврѣ у его ученыхъ ногъ, потихоньку вертѣлъ глобусы и мысленно ходилъ вокругъ свѣта.

Короче, въ тѣ дни передъ каникулами, когда всѣ остальные молодые джентльмены были погружены въ убійственные труды генеральнаго повторенія всѣхъ уроковъ за цѣлые полгода, Поль былъ привилегированнымъ ученикомъ, какого въ этомъ домѣ никто еще не видывалъ. Онъ и самъ едва вѣрилъ своей свободѣ; но свобода продолжалась часъ за часомъ, день за днемъ, и всѣ ласкали маленькаго Домби. Докторъ Блимберъ простеръ деликатность свою до того, что однажды выслалъ Джонсона изъ-за обѣда за необдуманное выраженіе: «бѣдный маленькій Домби»; Поль счелъ это наказаніе слишкомъ-строгимъ, хотя и вспыхнулъ отъ словъ Джонсона, и не понималъ, почему онъ о немъ жалѣеть.

Наконецъ, насталъ день танцевальнаго вечера; докторъ Блимберъ, сидя за завтракомъ, провозгласилъ:

— Джентльмены! Мы снова займемся нашими лекціями съ двадцать-пятого числа будущаго мѣсяца.

Мистеръ Тутсъ немедленно сбросилъ съ себя вѣрноодданство гроному наставнику, надѣлъ колечко, и вскорѣ, говоря о докторѣ, назвалъ его очень-безцеремонно «Блимберомъ!» Такая либеральная выходка возбудила въ старшихъ воспитанникахъ зависть и удивленіе, но младшіе поникли духомъ и не могли понять, какъ Тутсъ не былъ на мѣстѣ сраженъ громомъ небеснымъ за такую неслышанную дерзость.

Ни за завтракомъ, ни за обѣдомъ не было и намека о предстоящемъ веселіи. Къ наступленію вечера, въ спальняхъ молодыхъ джентльменовъ была настоящая выставка разложенныхъ всюду бѣлыхъ галстуковъ и жилетовъ; тогда же понесло такимъ сильнымъ запахомъ опаленныхъ волосъ, что докторъ Блимберъ послалъ наверхъ слугу, которому велѣлъ кланяться молодымъ джентльменамъ и спросить у нихъ, нѣтъ ли въ ихъ комнатахъ пожара: поводомъ къ этому былъ парикмахеръ, пришедшій завивать ихъ головы и перегрѣвшій свои щипцы.

Одѣванье Поля заняло немного времени, ибо онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и соннымъ. Одѣвшись, онъ сошелъ въ гостиную, гдѣ прохаживался докторъ Блимберъ въ полномъ бальномъ нарядѣ, съ величественнымъ спокойствіемъ на лицѣ и въ осанкѣ. Вскорѣ потомъ явилась мистриссъ Блимберъ, разодѣтая чудесно и въ такомъ множествѣ юбокъ, что прогулка вокругъ ея особы могла бы назваться маленькимъ путешествіемъ. Миссъ Блимберъ пришла послѣ своей мамѣ, по-видимому нѣсколько-затянутая, но обворожительная.

Потомъ явились мистеръ Тутсъ и мистеръ Фидеръ. Каждый держалъ въ рукѣ шляпу, какъ-будто пріѣхалъ издали. Когда ладней провозгласилъ имена обоихъ, докторъ Блимберъ принялъ ихъ

весьма-радушно и, казалось, былъ очень-обрадованъ удовольствіемъ видѣться съ ними. Мистеръ Тутсъ былъ украшенъ множествомъ блестящихъ пуговокъ и дорогихъ каменьевъ; поклонившись доктору, его супругѣ и дочери, онъ подошелъ къ Полю, отвелъ его въ сторону и сказалъ: «Что ты объ этомъ думаешь?»

Вскорѣ собрались всѣ молодые джентльмены въ туго-затянутыхъ и накрахмаленныхъ галстукахъ, завитые, въ башмакахъ и съ лучшими своими шляпами въ рукахъ. Имя каждаго провозглашалось лакеемъ. Потомъ вошелъ мистеръ Бэпсъ, танцмейстеръ, въ сопровожденіи мистриссъ Бэпсъ, которую мистриссъ Блимберъ приняла чрезвычайно-любезно и снисходительно.

Мистеръ Бэпсъ былъ джентльменъ весьма-серьезный, говорившій всегда медленно и съ разстановкою; простоявъ минутъ пять подъ лампою, онъ обратился къ мистеру Тутсу (который молча сравнивалъ его башмаки съ своими) и спросилъ его:

— Что бы вы стали дѣлать съ вашими сырыми матеріалами, которые придутъ въ ваши порты взамѣнъ вашего золота?

Мистеръ Тутсъ, совершенно-задаченный этимъ вопросомъ, отфутлялъ наудачу: «Сварилъ бы ихъ».

Но мистеръ Бэпсъ былъ, по-видимому, не одного съ нимъ мнѣнія.

Поль всекольконулъ съ своего нунита наблюдений изъ мягкихъ подушекъ угла софы и спустился по лѣстницѣ въ чайную комнату для встрѣчи Флоренсы, которую не видалъ около двухъ недѣль: докторъ Блимберъ не рѣшился отпустить его къ мистриссъ Пиццини въ прошлую субботу, боясь, чтобъ онъ не простудился. Флоренса вскорѣ явилась и была такъ мила въ простомъ балльномъ нарядѣ, съ свѣжими цвѣтами въ рукѣ, что Поль, когда она къ нему наклонилась и цаловала его, не могъ рѣшиться выпустить ее изъ своихъ объятій или свести глазъ съ ея личика. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ ихъ, пріятельницы Поля, Медіи, и другой молодой женщины, разливавшей чай.

— Но что съ тобою, Флой? спросилъ Поль, почти увѣренный, что видѣлъ слезу на щекѣ сестры.

— Ничего, дружокъ мой, ничего.

Поль нѣжно дотронулся до ея лица и оцупалъ слезу.

— Флой! что это?

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ домой, милый, и тамъ я буду няньчиться съ тобою.

— Няньчиться со мною!

Поль не могъ понять, почему съ нимъ нужно будетъ няньчиться, ни почему объ молодой женщины взглянули на него такъ серьезно, ни почему Флоренса отвернулась на мгновеніе и потомъ показала ему улыбающееся лицо.

— Флой, сказалъ Поль, взявъ одинъ изъ ея темныхъ локоновъ: — скажи мнѣ: правда, что я чудакъ?

Она засмѣялась и отвѣчала, лаская его: — Нѣтъ!

— Всѣ они говорятъ это, Флой. Я хочу знать, что они хотятъ сказать.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ громкимъ двойнымъ стукомъ дверной скобы, и Флоренса бросилась къ чайному столу. Поль снова удивился, видя, что его пріятельница шепчетъ Флоренсъ, какъ будто утѣшая ее; но его развлекло появленіе новыхъ лицъ.

То были сэръ Барнетъ Скеттльсъ, леди Скеттльсъ и молодой Скеттльсъ. Послѣдній долженъ былъ опредѣлиться въ теплицу доктора Блимбера послѣ каникулъ.

— А что, на-примѣръ, это за комната? спросила леди Скеттльсъ у пріятельницы Поля, Мелин.

— Кабинетъ доктора Блимбера, мамъ, былъ отвѣтъ.

Леди Скеттльсъ окинула комнату взоромъ въ лорнетъ и сказала мужу одобрительнымъ тономъ: «Очень-хорошо». Сэръ Барнетъ кивнулъ въ знакъ согласія, но сынъ его смотрѣлъ недовѣрчиво и подозрительно.

— А это маленькое твореніе? сказала леди Скеттльсъ, взглянувъ на Поля. — Онъ одинъ...

— Изъ молодыхъ джентльменовъ, мамъ.

— А какъ васъ зовутъ, мое блѣдное дитя?

— Домби.

Сэръ Барнетъ немедленно вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что имѣлъ честь встрѣтить отца Поля на одномъ официальномъ обѣдѣ и надѣется, что онъ здоровъ. Поль слышалъ, какъ онъ шепнулъ леди Скеттльсъ: «Изъ Сити... очень-богатъ... человекъ извѣстный... докторъ говорилъ...» Потомъ онъ обратился къ Полю:

— Скажете ли вы своему почтенному папѣ, что сэръ Барнетъ Скеттльсъ слышалъ съ удовольствіемъ о его совершенномъ здоровьи и посылаетъ ему свой усердный поклонъ?

— Да, сударь.

— Вотъ молодецъ! Барнетъ, — обратясь къ сыну: — съ этимъ молодымъ джентльменомъ ты долженъ быть знакомъ. Съ этимъ молодымъ джентльменомъ ты можешь познакомиться.

— Какіе глазки! какіе волосы! какое милое личико! воскликнула съ нѣжностью леди Скеттльсъ, взглянувъ на Флоренсу въ лорнетъ.

— Моя сестра, сказалъ Поль, представляя ее.

Скеттльсы были вполне довольны. Такъ-какъ леди Скеттльсъ полюбила, по-видимому, Поля съ перваго взгляда, то всѣ пошли вмѣстѣ наверхъ; сэръ Барнетъ повелъ Флоренсу, а сынъ его послѣдовалъ за ними.

Молодой Барнетъ, войдя въ гостиную, недолго оставался въ забвеніи: его тотчасъ же извлекъ докторъ Блимберъ и заставилъ танцевать съ Флоренсою. Юный кандидатъ въ мудрецы не пока-

зался Полю особенно счастливымъ—онъ скорѣе показался ему сердитымъ: его, по-видимому, очень-мало интересовало все, вокругъ него происходившее, хотя лэди Скеттльсъ и замѣтила мистриссъ Блимберъ, что сынъ ея очевидно въ восторгѣ отъ этого очаровательнаго ангела, миссъ Дѳмби.

Полю показалось страннымъ, отъ-чего никто не занимаетъ его прежняго мѣста въ подушкахъ софы, и отъ-чего всѣ, когда онъ снова показался въ гостиной, говорили ему, чтобъ онъ туда сѣлъ, такъ-какъ это его мѣсто. Никто не заслонялъ ему Флоренсы, когда она танцевала, и замѣтили, что онъ съ удовольствіемъ слѣдитъ за нею глазами. Всѣ были такъ любезны, даже чужіе, которыхъ вскорѣ набралось много, что часто подходили къ нему, спрашивали ласково, какъ онъ себя чувствуетъ, не болитъ ли у него голова, не усталъ ли онъ. Онъ благодарилъ ихъ всѣхъ за вниманіе и забрался въ свой уголокъ софы, на которой усѣлись лэди Скеттльсъ и мистриссъ Блимберъ; Флоренса также подошла къ нему, когда кончила танцевать, и сѣла подлѣ него. Онъ смотрѣлъ на все это и былъ очень-доволенъ.

Флоренса просидѣла бы тутъ охотно весь вечеръ и готова была бы вовсе не танцевать, но Поль упрасивалъ ее объ этомъ, говоря, что ему весело смотрѣть, какъ она танцуетъ. Онъ говорилъ правду: сердце его радовалось и личико разгоралось живыми румянцемъ, когда онъ видѣлъ, какъ всѣ ею восхищались и что не было никого прекраснѣе ея.

Изъ гнѣзда своего между подушками, Поль могъ видѣть и слышать все, какъ-будто танцевальный вечеръ былъ устроенъ единственно для его удовольствія. Между-прочимъ, онъ замѣтилъ, какъ танцевальный учитель, мистеръ Бэпсъ, вступилъ въ разговоръ съ сэромъ Барнетомъ Скеттльсомъ и предложилъ ему тотъ же самый вопросъ о сырыхъ матеріалахъ, которыми незадолго такъ сильно озадачилъ Тутса. Сэръ Барнетъ наговорилъ ему много объ этомъ таинственномъ для Поля предметѣ, но по-видимому не рѣшилъ вопроса, потому-что мистеръ Бэпсъ отвѣчалъ: «Да! Но предположимъ, что Россія вмѣшается съ своимъ саломъ?» Чѣмъ сэръ Барнетъ былъ пораженъ до онемѣнія и только качалъ головою. Наконецъ онъ нашелъ только одно возраженіе: «въ такомъ случаѣ остаются намъ бумажныя издѣлія».

Сэръ Барнетъ смотрѣлъ на мистера Бэпса, отправившагося развлекать скучавшую въ одиночествѣ супругу, какъ на человѣка замѣчательнаго, и наконецъ рѣшилъ спросить у доктора Блимбера, кто этотъ джентльментъ?

— Это нашъ профессоръ.

— Чего-нибудь тѣсно-связаннаго со статистикой? Держу пари, что такъ!

— Нѣтъ, сэръ Барнетъ, возразилъ докторъ Блимберъ, потирая себѣ подбородокъ. — Не совершенно.

— Политической экономіи, математики, или чего-нибудь подобнаго?

— Нѣтъ, сэръ Барнетъ. Мистеръ Бэпсъ человекъ, конечно, весьма достойный... въ сущности, онъ нашъ профессоръ танцевальнаго искусства.

Поль испугался, видя какой гнѣвъ овладѣлъ сэромъ Барнетомъ Скеттльсомъ при этомъ извѣстіи и какими бѣшенными глазами онъ сталъ смотрѣть на мистера Бэпса; разъяренный баронетъ подошелъ къ своей супругѣ и замѣтилъ ей, указывая на танцмейстера, что это «самый без...со...вѣст...ный и без...стыд...ный нахалъ въ свѣтѣ!»

Поль замѣтилъ еще одно обстоятельство. Мистеръ Фидеръ, вкусивъ нѣсколько чашекъ *вингуса*, принялся наслаждаться. Танцы были вообще церемонны и музыка нѣсколько походила на духовную, но мистеръ Фидеръ послѣ чашекъ *вингуса* сказалъ Тутсу, что онъ расположенъ развеселить балъ. Послѣ этого онъ началъ танцевать съ величайшимъ усердіемъ, а самъ между-тѣмъ потихоньку подучалъ музыкантовъ, чтобъ они заиграли какой-нибудь удалой танецъ. Потомъ онъ сдѣлался необычайно-любезенъ съ дамами, и, танцуя съ миссъ Блимберъ, рискнулъ продекламировать ей вполголоса очень-нѣжные стишки, которые потомъ повторялъ четыремъ другимъ дамамъ, одной послѣ другой. Поль слышалъ это своими ушами.

Мистриссъ Блимберъ испугалась такой неприличной веселости, и въ-особенности переменны музыки, которая вдругъ заиграла протонародные мотивы, какіе слышатся на улицахъ: она боялась, что это оскорбитъ аристократическій слухъ лэди Скеттльсъ. Но та приняла ея извиненіе разврата мистера Фидера очень-благоклонно и просила не говорить объ этомъ.

Разъ, въ промежуткѣ между танцами, лэди Скеттльсъ сказала Полю, что онъ по-видимому большой любитель музыки. Поль отвѣчалъ утвердительно и сообщалъ ей, что если и она любитъ музыку, то должна слышать, какъ поетъ Флоренса. Лэди Скеттльсъ тотчасъ же объявила, что она умираетъ отъ желанія услышать пѣніе Флоренсы; но та отговаривалась очень-серьезно, стыдлась вѣтъ при такомъ множествѣ чужихъ, пока Поль не подозвалъ ея къ себѣ и не сказалъ: «Флой, прошу тебя, милая, для меня!» И она тотчасъ же сѣла за фортепьяно и начала пѣть. Всѣ посторонились передъ Полемъ, не желая заслонять отъ него сестру, а онъ былъ въ восторгѣ и заплакалъ отъ радости и удовольствія.

Всѣ полюбили Флоренсу. Да и могло ли быть иначе? Поль былъ убѣжденъ, что этому должно быть! Сидя въ своемъ уголкѣ между подушками, скрестя спокойно руки и протянувъ небрежно одну ногу, онъ съ торжествомъ слушалъ, какъ со всѣхъ сторонъ съ восхищеніемъ хвалили сестру и маленькаго Домби, какъ всѣмъ

правилаься ея скромность, какъ всѣ говорили о ея красотѣ, граціозности и умѣ.

Все, что ребенокъ наблюдалъ, чувствовалъ и думалъ въ тотъ вечеръ, перемѣшалось въ глазахъ его какъ цвѣта радуги. Предметы, еще недавно наводившіе на него раздумье, пронеслись мимо подъ звуки музыки. Все, что онъ видѣлъ изъ окна своей спальни, въ которое глядѣлъ каждый вечеръ на далеко-разстланное море, съ его волнами и фантастическими картинами, успокоилось и улеглось, какъ зыбь послѣ вѣтра. Таштвенный ропотъ, къ которому онъ такъ часто прислушивался, лежа въ своей колясочкѣ на взморьѣ, отдавался одинъ въ ухахъ его сквозь мелодическое шѣптѣ сестры, сквозь говоръ голосовъ и шарканье ногъ. О немъ напечатали нѣкоторыя изъ мелькавшихъ мимо его лицъ, напоминала даже тяжелая любезность Тутса, подходившаго къ нему часто и бравшаго его дружески за руку. Ему казалось, будто онъ слышитъ отголоски того таинственнаго ропота въ ласкахъ, которыми всѣ его осыпали, даже въ самой репутаціи его причудливости, хотя онъ не понималъ, какъ это дѣлается. Такъ маленькій Поль сидѣлъ въ задумчивости, слушалъ, смотрѣлъ, мечталъ и былъ очень-счастливъ, пока не пришло время разставаться...

Тогда, дѣйствительно, никто изъ всего общества не остался равнодушнымъ. Сэръ Барнетъ Скеттльсъ подвелъ къ нему сына и поставилъ ихъ пожать другъ другу руки, изъявивъ надежду, что оба молодые джентльмена непременно сойдутся между собою на самую короткую ногу; потомъ онъ просилъ Поля передать мистеру Домби его лучшіе комплименты. Лэди Скеттльсъ поцаловала Поля, разгладивъ волосы на его головѣ и поднявъ его на руки; даже самъ мистеръ Бэцъ подошелъ къ нему и простился чрезвычайно радушно.

— Прощайте, докторъ Блимберъ! сказалъ Поль, протягивая ему рученку.

— Прощай, мой миленькій дружокъ.

— Я вамъ очень-благодаренъ, сэръ. Велите, чтобъ они берегли Діогена.

Діогеномъ называлась собака, которая до той поры не входила въ дружескія сношенія ни съ кѣмъ, кромѣ Поля. Докторъ Блимберъ обѣщалъ заботиться о Діогенѣ, и Поль поблагодарилъ его и подаль ему руку. Потомъ онъ простился съ мистриссъ Блимберъ и Корнеліей съ такимъ чувствомъ, что супруга доктора забыла о принятомъ ею намѣреніи говорить лэди Скеттльсъ о Цицеронѣ. Корнелія взяла Поля за обѣ ручки и сказала: «Домби, Домби, ты былъ всегда моимъ любимымъ ученикомъ. Благослови тебя Богъ!»

Между молодыми джентльменами пронеслось жужжаніе: «Домби увѣжастъ! Маленькій Домби увѣжастъ!» и всѣ двинулись за По-

лѣтъ и Флоренсою внизъ по лѣстницѣ въ залу, не исключая даже семейства Блимберовъ. Мистеръ Фидеръ замѣтилъ вслухъ, что подобныхъ проводовъ не удостоивался еще ни одинъ молодой джентльменъ. Слуги и буфетчикъ хотѣли также взглянуть на маленькаго Домби еще разъ. Самъ слабоглазый, который погрузилъ его книги и вещи въ карету, долженствовавшую отвезти Поля и Флоренсу къ мистриссъ Пипчинъ на ночлегъ, видимо растаялъ.

Даже вліяніе нѣжной страсти на сердца молодыхъ джентльменовъ — всѣ они до одного влюбилась въ Флоренсу — не могло удержать ихъ отъ шумнаго прощанья съ маленькимъ Домби: они толпились на лѣстницѣ, чтобъ пожать ему руку, махали ему платками, и каждый кричалъ: «Домби, не забывай меня!» — Такіе взрывы чувства были вовсе не въ обычаѣ этихъ юныхъ Честерфильдовъ. Поль шепталъ Флоренсѣ, когда она его укутывала прежде, чѣмъ отворилась наружная дверь: «Слышишь, Флой? забудешь ли ты это? Рада ли ты?» И въ глазахъ его выражался живой восторгъ.

Онъ оглянулся еще разъ на всѣхъ, посмотрѣлъ сквозь слезы на окружавшія его лица, исполненныя дружескаго участія, и погрузился въ темную карету, гдѣ прижался къ Флоренсѣ. Съ этой поры, всякій разъ, когда онъ вспоминалъ о докторѣ Блимберѣ, лицо его представлялось ему такимъ, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣднюю минуту разставанья; самое мѣсто казалось ему въ родѣ сновидѣнія, наполненнаго ласково-сіявшими глазами.

Когда братъ и сестра усѣлись, Тутсъ неожиданно опустилъ каретную рамку съ одной стороны, всунулъ туда голову и сказалъ съ дружескимъ хихиканьемъ: «а Домби здѣсь?» и потомъ тотчасъ же поднялъ раму, не дожидаясь отвѣта. Прежде, чѣмъ кучеръ успѣлъ тронуть съ мѣста лошадей, мистеръ Тутсъ повторилъ свой маневръ съ другой стороны и сказалъ тѣмъ же голосомъ, въ другую раму: «а Домби здѣсь?» и исчезъ такъ же, какъ и прежде.

Какъ Флоренса смѣялась! Поль часто вспоминалъ эту продѣлку и всякій разъ смѣялся отъ души.

Но послѣ — на другой день и въ слѣдующіе дни — произошло многое, о чемъ Поль вспоминалъ, какъ о смутномъ снѣ. На-примѣръ, почему онъ прожилъ нѣсколько дней у мистриссъ Пипчинъ, вмѣсто того, чтобъ ѣхать домой? Зачѣмъ онъ лежалъ въ постели, а Флоренса сидѣла всегда подлѣ него? Бывалъ ли въ комнатахъ его отецъ, или онъ только видѣлъ высокую тѣнь на стѣнѣ? Дѣйствительно ли онъ слышалъ слова своего медика, который говорилъ, что еслибъ кого-то взяли домой прежде того времени, на которомъ строились его планы и фантазіи, то онъ бы не увядалъ?

Поль не помнилъ навѣрное, говаривалъ ли онъ Флоренсѣ: «О, Флой! возьми меня къ папѣ и не оставляй меня!» Но ему казалось будто-бы онъ слышалъ, какъ самъ повторялъ: «Возьми меня домой, Флой, возьми меня домой!»

Однако онъ припомнилъ, когда былъ уже дома и его внесли наверхъ по лѣстницѣ, что передъ этимъ ему слышался нѣсколько часовъ стукъ колесъ, тогда-какъ онъ лежалъ на каретной подушкѣ, Флоренса сидѣла возлѣ него, а старая мистриссъ Пипчинъ наспротивъ. Онъ узналъ также свою кровать, когда его положили въ нее, тѣтку свою, миссъ Токсъ и Сузанну. Но было еще чтѣ-то, нѣсколько сбивавшее его съ толку.

— Я хочу говорить съ Флоренсою, сказалъ онъ. — Миѣ нужно поговорить съ нею одною!

Флоренса наклонилась къ нему, и всѣ посторонились.

— Флой, мой ангелъ, не былъ ли это папа въ залѣ, когда меня вынесли изъ кареты?

— Да, дружокъ.

— Онъ не плакалъ, Флой, и не ушелъ къ себѣ, когда меня увидѣлъ?

Она прижала свои губы къ его щекамъ и покачала головою.

— Я радъ, что онъ не плакалъ. Миѣ казалось будто онъ плакалъ. Не говори никому, что я объ этомъ спрашивалъ.

КРЕДИТОРЫ, ЛЮБОВЬ И ЗАГЛАВІЯ.

=

I.

Страданія, сонъ и пріятныя воспоминанія господина НА-
РЕВСКАГО.

Въ Петербургѣ жилъ (и нигдѣ не служилъ) человекъ и госпо-
динъ, котораго звали по имени и отчеству Григоріемъ Васильеви-
чемъ.

Въ жаркій июльскій полдень торопливо шелъ онъ съ Сынной-
Площади въ Спасскій-Переулокъ. Тамъ, убавивъ шагъ, чтобъ
нѣсколько успокоиться отъ сильнаго душевнаго волненія по одной
хорошо ему извѣстной причинѣ, онъ поднялся—было на парадную
лѣстницу знакомаго ему дома; но, дойдя до номера, обитаемаго
Минюю, или Вильгельминою Ивановною Шустеръ и ея жильцами,
онъ благовременно вспомнилъ, что пора уже ему перестать ре-
бачиться, пора не верить въ добродѣтель, тѣмъ болѣе, что все то,
изъ-за чего онъ просто съ ума, сходится, продается и въ наймы от-
дается. Вспомнивъ это, Григорій Васильевичъ сошелъ съ лѣстницы
и, остановившись у воротъ того же самаго дома, судорожно сква-
тилъ ручку звонка и принялся звонить съ энергіею пожарнаго, ког-
да онъ, въ глубокую ночь, прискачетъ къ запертому кругомъ и
пламенемъ объятому дому.

На этотъ властный звонокъ не замедлилъ явиться къ Григорію
Васильевичу извѣстный ему съ весьма-хорошей стороны дворникъ
Трофимъ, испугавшійся, какъ только могъ и какъ долженъ былъ
испугаться — до крайности, до совершеннаго помертвѣнія своего
здороваго, румянаго лица. Властный звонокъ былъ знакомъ ему:
онъ такъ и ожидалъ найти у воротъ пожарнаго на конѣ, или го-
редоваго изыкомъ, но по чрезвычайно-важному случаю, касающе-
муся чести улицы, а можетъ-быть и его-самого, всегда бдительна-
го, никогда неубющаго, но все же, конечно, грѣшнаго человека
Трофима. Не видя передъ собою ни того, ни другаго злобшаго

лица, и видя знакомаго ему хорошаго барина, вовсе невозбуждающаго ужаса, даже напротивъ возбуждающаго къ себѣ живое сочувствіе, онъ сталъ понемногу «отходить», какъ-будто уже удостоверился, что все пустяки — только изъ трубы выкинуло, или, хоть у одного жильца паспорта дѣйствительно и нѣтъ, однакожъ имѣется законная отсрочка.

— Что... здравствуй, Трофимъ, здравствуй! что — здѣсь живетъ господинъ Наревскій? спросилъ Григорій Васильевичъ съ ложнымъ и очевидно коварнымъ, свою тайную цѣль имѣющимъ равнодушіемъ, которое, однакожъ, въ проникательныхъ глазахъ Трофима изобличалось неровностію голоса Григорія Васильевича и страдальческимъ выраженіемъ его лица.

Трофимъ могъ бы отвѣчать Григорію Васильевичу безъ завивки, по сущей правдѣ; но Трофимъ былъ съ одной стороны грамотѣй и книжникъ, а съ другой — опытившій дворникъ во всемъ окологдкѣ Свнной-Площади. Кланяться онъ кланялся и угождать угождалъ всякому хорошему челоѣвуку, отъ котораго періодически получалъ четвертаки; но если съ нимъ думали хитрить, если хотѣли сбить его съ толку какою-нибудь съ виду маловажною шуточкою, то онъ памятовалъ, что, слава-Богу, не даромъ происходитъ изъ Ярославской-Губерніи, и дворницкій чинъ пятнадцать лѣтъ носить также не даромъ, что всякія исторіи случаются въ петербургскихъ домахъ ежедневно, и если дѣло до чего дойдетъ — съ жильца возьмутъ штрафъ рублями, а дворника попросятъ въ одно извѣстное ему мѣсто и тамъ по головкѣ поглядать...

Памятуя все это, проникательный дворникъ затруднился отвѣчать на вопросъ Григорія Васильевича и стоялъ передъ нимъ молча, мигая глазами и вертя въ рукахъ шапку, сорванную съ головы еще въ то мгновеніе, когда слуха его коснулся роковой звонъ колокольчика у воротъ.

— Что же... продолжалъ Григорій Васильевичъ болѣе-свойственнымъ душевному его состоянію голосомъ: — что же? Наревскій здѣсь живетъ? Да я и безъ тебя, впрочемъ... я знаю вашего брата!.. Не безпокойся, Трофимъ, ничего не нужно!

Григорій Васильевичъ съ прежнею торопливостію кинулся на черную лѣстницу.

— Да про что жь, ефто... отвѣчалъ дворникъ самому-себѣ, съ разстановкою, подъ вліяніемъ мучительнаго подозрѣнія и недоразумѣнія. — Объ чемъ? какой еще такой господинъ Наревскій? Каждый день десять челоѣвкъ спрашиваютъ Наревскаго — ну, что жь? есть! А это уже бѣсъ знаетъ, что за штука такая! и что бы — ефто... не заявить ли въ контору, чтобы бѣды не накликалъ?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ и не разрѣшивъ его окончательно, сильно озадаченный, но все еще не сбитый съ толку и не одураченный, Трофимъ сѣлъ тутъ же у воротъ и погружался въ глубокія, прискорбныя размышленія о трудностяхъ и опасностяхъ дворнической жизни, о томъ, что, еслибъ зналъ одинъ челоѣвкъ,

Дорогеемъ называемый, каково-то ему здѣсь «на всемъ готовомъ», на всемъ чужомъ — то не завидовалъ бы, и ямы не копалъ бы ему, а жилъ бы себѣ припѣваючи на своемъ мѣстѣ, не такъ видномъ и почетномъ, за то совершенно спокойномъ, — и еслибъ зналъ другой человекъ, называемый роднымъ батькою, то не писалъ бы ему каждую весну, съ каждымъ караваномъ, идущимъ въ Петербургъ Волгою и Невою, что мы дескать трудимся въ деревнѣ, землю пашемъ и сѣно косимъ, и хлѣбъ свой въ потѣ лица добываемъ, а ты живешь-себя въ Питерь, пьешь чай въ харчевнѣ каждый день, можетъ-быть и дважды въ одинъ день, и табакъ настоящій жуковскій куришь, а въ деревню отцу и матери шлешь денегъ мало и рѣдко, а за все такія твои вины и супротивности, я тебя въ другой разъ плаката не вышлю, такъ и не будешь ты барствовать въ столицѣ, да чай пить, да сапоги выростковые носить, а будешь, сударь ты мой, Трофимъ Ивановъ, сѣно косить!.. Еслибъ зналъ человекъ, батькою называемый, каково-то здѣсь въ Питерь чай пить и въ сапогахъ ходить, то и онъ не позавидовалъ бы, и не погрѣшилъ бы. Да и отъ-чего же это, Создатель, такъ неразумно свѣтъ идетъ, что всякій всякому завидуетъ и всякій всякаго ѣсть и заѣдаетъ-таки изъ-за сапоговъ выростковыхъ, изъ-за настоящаго жуковского табака, изъ-за мѣста на готовыхъ щелчкахъ и мало ли еще изъ-за чего? А походи онъ самъ, завистникъ неразумный, походи онъ въ новыхъ сапогахъ, покури твоего «настоящаго» табаку, поживи на твоемъ мѣстѣ—на всемъ готовомъ, попей онъ, пожалуй, и чайку въ харчевнѣ два раза въ день—что бы вышло тогда? Такъ нѣтъ же, не случается всякому своею, просто сказать, спиною узнать, каково-то вся эта роскошь отзывается тому, кому завидуютъ и яму роютъ. Эхъ-ма!

Между-тѣмъ, Григорій Васильевичъ пробѣжалъ ступеней сорокъ по черной лѣстницѣ, скользнулъ въ одну дверь, которая привела его въ кухню, изъ кухни прошелъ въ корридоръ, изъ корридора въ комнату. Здѣсь онъ остановился: все было ему знакомо, до крайности знакомо, даже все это знакомое до крайности падало ему, повергало его въ уныніе, въ тоску, въ малодушіе... все—и чохоточный цвѣтъ стѣнъ, и окно, тускло глядѣвшее во дворъ, и коммодъ, выкрашенный подъ орѣховое дерево, и гераній, заглохшій и увядшій въ благотворномъ климатѣ этой комнаты, и огромная печь, лишняя лѣтомъ и неисполняющая своихъ обязанностей зимою, наконецъ письменный столъ съ кучею бумагъ и книгъ, самыя эти бумаги, все, что въ нихъ написано, что думалось, когда было писано, и ландакты, съ достаточнымъ успѣхомъ замѣняющія занавѣсь передъ стеклянною дверью въ корридоръ... Еще больше—вотъ только-что вслѣдъ за нимъ появился въ этой комнатѣ самый знакомый, самый страшный предметъ — сама мадамъ Шустеръ и хозяйка, Мина Ивановна.

— Господинъ Наревскій!.. я опять къ вамъ, господинъ Наревскій! я опять...

Григорій Васильевичъ посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ совершеннаго недоумѣнія, какъ-будто и не ему говорила она; потомъ оглядѣлся въ знакомой комнатѣ, потомъ сталъ думать кой-о-чемъ, и тутъ уже, подумавъ недолго, но сильно, даже, можетъ-быть, и не думавъ вовсе, а только таково было могущество голоса госпожи Шустеръ, или такъ во всякомъ случаѣ должно было неизбежно случиться по естественному порядку—онъ вдругъ созналъ себя, созналъ и еще кое-что, близко къ дѣлу относящееся, немножко поблѣднѣвъ отъ внезапнаго сознанія и почувствовалъ маленькое сотрясеніе во всемъ организмѣ, когда входилъ снова въ свою законную, неотъемлемую личность, принимался за свою давно и жалко-играемую роль.

— Да что жъ это со мною, Боже мой! воскликнулъ онъ горестно:—сдѣлайте милость, Мина Ивановна... Я, просто... Ну, будьте же велукодушны, пощадите меня!

— Я ничего, совершенно ничего, господинъ Наревскій, отвѣчала мадамъ и хозяйка, тронутая видимо - бѣдственнымъ состояніемъ жильца:—вы сами знаете... ничего; все случается... я понимаю, понимаю...

Чего-то еще наговорила она прежде, чѣмъ ушла изъ комнаты чахоточнаго цвѣта и кое-что подумала на счетъ бѣднаго человѣка и господина Григорія Васильевича, оказавшагося также и господиномъ Наревскимъ, тѣмъ самымъ господномъ, котораго онъ, за нѣсколько минутъ, искалъ съ такою настойчивостью и предусмотрительностью. Но онъ не слышалъ сказаннаго, не тревожился о подуманномъ, онъ сосредоточился въ самомъ себѣ и предался всей одной мысли, ясной, но безотрадной, отдающей душу во власть глубокаго отчаянія.

Въ этомъ состояніи Григорій Васильевичъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, вздремнулъ.

Вздრемнувъ, Григорій Васильевичъ почувствовалъ облегченіе; почувствовалъ облегченіе, онъ уснулъ, и во снѣ прочиталъ рѣшеніе Французской Академіи объ увольненіи луны отъ должности земнаго спутника безъ пенсін и съ дурнымъ аттестатомъ, и о продажѣ этого хорошаго мѣста желающимъ малыми участками на площадяхъ Свяной и Конной.

Прочитавъ этотъ проектъ, господинъ Наревскій проснулся съ нормальною мѣрою своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ и въ то же время всѣ эти силы посвятилъ дѣльному получасовому занятію очинкою пера, а для размеченія отъ непереносимой положительности такого дѣла приводилъ въ порядокъ и ясность свои воспоминанія обо всемъ, что случилось и что еще никакъ не успѣло случиться съ нимъ въ-теченіе этого дня.

Случилось... еще утромъ, въ десять часовъ, случилось одно обстоятельство, по тогдашнему соображенію весьма-зловѣщее и только послѣ, спустя уже пол-минуты оказавшееся тѣмъ, чѣмъ все на свѣтѣ оказывается по своему прехожденію—ничѣмъ: кто-то сильно

и выразительно позвонилъ въ десять часовъ у дверей обитаемаго Григорьемъ Васильевичемъ номера. Ему не оставалось почти никакой надежды на благополучное начало этого дня, кромѣ слабой, въ торопяхъ изъ разныхъ иперболъ и софизмовъ построенной надежды, что, можетъ-быть, это къ кому-нибудь другому изъ жильцовъ пожаловали, къ студенту, на-примѣръ... даже дѣйствительно къ студенту, и не къ кому иному, кромѣ студента, потому-что... Оказалось, однакожь, что вовсе не къ студенту, а къ нему, и вотъ единственная надежда, на-скоро построенная, разрушилась и Григорій Васильевичъ, уже смущенный и разстроенный, внимаетъ чуткимъ слухомъ всему происходящему послѣ звонка въ передней. Произошло немногое: кто-то, дозволившійся, наконецъ, до того, что Марса, кухарка Минны Ивановны, выпустила его въ переднюю, спросилъ лаконически: «дома?» «Дома», отвѣчала Марса. Вотъ и все происшедшее; но уже по одному голосу вопрошавшаго Григорій Васильевичъ успокоился совершенно, чувствуя, что пришелъ другой, а не тотъ, отъ кого трепеталъ онъ при постройкѣ своей непрочной надежды, — пришелъ Василій Кузьмичъ Ватрушкинъ, — и точно пришелъ, да и не одинъ, а трое пришли: онъ, Ватрушкинъ, наследникъ, а если Богъ дастъ тятенька скончается, то и владѣлецъ многихъ дворянскихъ дворовъ; Вассерманъ, Иванъ Карловичъ, бывшій подрядчикъ, а вынѣ въ счастливой несостоятельности мужъ Аделаиды Прокофьевны; да еще Передковичъ, Оома Петровичъ, кандидатъ всевѣдѣнія и молчанія, должникъ всѣхъ портныхъ, сапожниковъ и хозяекъ въ Петербургѣ. Эти три лица были вовсе нестрашны Григорью Васильевичу, даже расположены къ нему до такой степени, что рѣшились бы дать ему денегъ въ займы, еслибы у нихъ когда-нибудь могли быть деньги; но Ватрушкинъ только приготовлялся къ тятенькиному богатству и между-тѣмъ самъ занималъ на векселѣкъ у добраго человека, да у пріятеля на слово до котораго-нибудь числа; Вассерманъ прежде, когда не былъ женатъ, когда былъ подрядчикомъ, имѣлъ деньгу, правда: за то и пожилъ же онъ на свѣтъ, пожилъ, а теперь у него — жена, Аделаида Прокофьевна. Передковичъ покаместъ учился только, да занимался долгое время отъискиваніемъ хозяекъ, портныхъ и сапожниковъ доброй нравственности, находилъ, задалживалъ имъ по возможности и вовсе не жилъ; правда, и онъ затѣвалъ какое-то изданіе въ пользу юношества, человечества и своихъ заемщиковъ, но денегъ у него все-таки не было, а будутъ ли — сомнительно, потому-что для чего намъ въ-самомъ-дѣлѣ его изданіе?

Какъ-только господинъ Наревскій удостоверился, что «все ничего», онъ поспѣшилъ въ объятія Ватрушкина не потому, чтобъ Ватрушкинъ былъ ему милѣе Вассермана-супруга, или Передковича, а потому-что Ватрушкинъ случайно зналъ за нимъ, за Григорьемъ Васильевичемъ, не грѣхъ какой, не подлость вопіющую, а просто горестное, жалость къ нему возбуждающее обстоятельство. Слѣдовательно, Ватрушкинъ, по дружбѣ къ нему, могъ

его выдать, могъ возбудить къ нему жалость въ комъ-нибудь... вотъ что смущало Григорья Васильевича! Жалости, участія боялся онъ — боялся осведомленія о здоровьѣ, джваго, коварнаго сочувствія, сомнительнаго покачиванья головой, всѣхъ тысячеобразныхъ механическихъ проявленій братской любви и въ-особенности заключительной, будто холодною водою окачивающей фразы: «согласись, однако, что ты самъ, братецъ, всему тому причиною; самъ ты довелъ себя до этого!» Не будь этой задушевной, заключительной фразы — механическія проявленія участія могли бы еще быть сносны Григорью Васильевичу.

Ему даже показалось, что пугавшее его предательство уже совершилось во всей полнотѣ и прелести, свойственной братскому предательству: счастливый въ своей несостоятельности, Вассерманъ прежде всегда начиналъ разговоръ съ себя — увѣдомленіемъ, на что и подъ чьимъ именемъ «торговался» онъ накануне и какая счастливая и весьма вечерняя встрѣча на Невскомъ заставила его издержать тамъ же и тогда же порядочное «отступное». Теперь, напротивъ, онъ «отступилъ» отъ своей манеры и началъ съ восклицаній, прямо относившихся къ Григорью Васильевичу и имѣвшихъ особое для него значеніе: «Что это съ тобой, Гриша? Ну, братъ! Ну, ну, нууууу!» Гриша терпѣлъ страшную пытку. Вассерманъ своимъ «ну-у-у...» тянулъ изъ него душу. Къ счастью его, Вассерманъ вдругъ и неожиданно прекратилъ эту пытку, вспомнивъ, что видѣлъ онъ вчера въ Малой-Морской и что вышло бы изъ этого, еслибъ онъ въ прошедшій понедѣльникъ поторговался хорошенько на Оемиду и Венеру, продававшихся съ аукціона по весьма-умѣренной цѣнѣ.

Передковичъ только спросилъ, что Мина Ивановна? скоро ли хозяйка затѣетъ балъ, и будетъ ли на немъ Мина Ивановна, да нельзя ли «согласить» хозяйку, чтобъ она щедрѣ кредитовала ему въ слѣдующій балъ свои скверные пунши и туземныя виноградныя вина, потому-что онъ привыкъ кредитоваться всюду — до нѣкотораго времени. Потомъ, когда Григорій Васильевичъ занялся своимъ туалетомъ, Передковичъ обратилъ вниманіе на одну вещь, пустую для профана, но имѣющую свою долю сущности и значенія для мужа ученаго, для котораго все сущее — отъ солнца до пылинки, есть субъектъ, заслуживающій и требующій внимательнаго изученія: онъ обратилъ вниманіе на фракъ, и послѣ подробнаго, хотя и нагляднаго обзоренія его, спросилъ у Григорья Васильевича, какой это фракъ, потомъ — тотъ ли этотъ фракъ, или другой, наконецъ — хорошо ли онъ сидитъ, кѣмъ сдѣланъ, и порядочный ли человекъ портной. Григорій Васильевичъ спокойно и удовлетворительно отвѣчалъ на эти вопросы любознательнаго Передковича; но когда Григорій Васильевичъ, въ довершеніе своего престоинаго наряда, надѣлъ этотъ самый фракъ, любознательный Передковичъ задалъ ему вопросъ, совершенно неразрѣшимый: «ты... куда же это ты собираешься во фракъ?» — Я... и лихорадка забила Гри-

горя Васильевича. Вопросъ пустой и глупый; но къ чему онъ ведетъ или можетъ повести?—къ объясненію, обнаруженію во всей сущности отъ одного до десяти-тысячь-одного обстоятельства, открытаго глубокою тайною, погребеннаго во глубинѣ двухъ душъ—его, господина Наревского, да еще одного небритаго и весьма-оборваннаго чловѣка и мѣшанина Куличова. Развѣ Куличовъ измѣнилъ и предалъ?.. Куличовъ?.. Не можетъ быть, чтобъ Куличовъ! Скорѣе изящный господинъ Пжеходзѣцкій, Адамъ Богуславичъ — третья душа, обращенная имъ въ «безмолвную могилу» для своей роковой тайны. Изящный господинъ въ палевыхъ перчаткахъ скорѣе посягнетъ на все, что только рукъ не мараютъ; а если дѣло дойдетъ до схватки на улицѣ—на это способнѣе изящный господинъ Куличовъ, обладающій, кромѣ полныхъ правъ своего состоянія, еще желѣзными мускулами.. Оно такъ! штука Пжеходзѣцкаго! А можетъ быть и вовсе не Пжеходзѣцкаго, а Бородачова, или Щеткина, или самого даже Шелыганова: Шелыгановъ еще недавно сказалъ: «все это хорошо, прекрасно»—а между-тѣмъ, все это было въ сущности отвратительно, нестерпимо-гадко, — «все это хорошо» сказалъ онъ: «всему этому я вѣрю, вѣрю; но до всего этого мнѣ нѣтъ надобности, и я, я, сударь, прійму свои рѣшительныя мѣры». Щеткинъ сказалъ прежде, но короче и лучше: «хорошо; только ты не учи меня—я свое дѣло знаю»; а Бородачовъ, встрѣтившись съ намъ вчера на улицѣ, и того не сказалъ, только посмотрѣлъ на него съ глубочайшимъ изумленіемъ—и Григорій Васильевичъ понялъ, чему такъ изумился Бородачовъ, понялъ и поклонился, да еще улыбнулся Бородачову, а поклонившись и улыбнувшись почувствовалъ страшную тоску въ душѣ и чуть не заплакалъ съ тоски тутъ же на улицѣ.

Но и то еще можетъ быть, и также точно и дѣйствительно быть можетъ, что его, Григорья Васильевича, никто, покажѣтъ, не предалъ—ни Куличовъ, ни Пжеходзѣцкій, ни Щеткинъ, ни Бородачовъ, ни даже самъ Шелыгановъ? Можетъ-быть, этотъ Передковичъ предложилъ ему свой вопросъ, заключающій въ себѣ столь страшную для него сущность—просто, для удовлетворенія своей природной любознательности, или потому-что чловѣку, въ своемъ мѣстѣ весьма-порядочному и по этой причинѣ сдѣлавшему несчастными многихъ портныхъ, бросилась въ глаза дисгармонія его костюма съ временемъ и обстоятельствами, а нѣкоторой глубокой и весьма-прискорбной для Григорья Васильевича тайны онъ вовсе не знаетъ?

Григорій Васильевичъ, помучившись такими многосторонними размышленіями, рѣшился вовсе не отвѣчать Передковичу на его вопросъ, чего, впрочемъ, Передковичъ и не замѣтилъ, отвлеченный интереснымъ извѣстіемъ Ватрушкина, что тятенька сегодня опять приказала грибковъ сварить и сжарить, да пирожковъ съ грибками сдѣлать, да кудебяку настоящую московскую, а о докторъ, о лекарствѣ и о припадкахъ сказали, что—што! а дальше,

меду—пречимъ, сказали, что на все, на жизнь и на смерть воля Божія и на то, чтобъ живой человекъ кушалъ себя во здравіи грибки и кулебяку, а не ремень—и на то также воля Божія.

Это благомыслие Ватрушкина тятеньки было причиною тому, что Ватрушкинъ-сынокъ зашелъ «по дорогѣ» къ Вассерману, оба они зашли нѣсколько въ сторону къ Передковичу, и всѣ трое — совершенно мимоходомъ и безъ всякаго злаго умысла, къ господину Наревскому.

Успокоенный относительно сбереженія въ тайнѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя могли бы неизбежно выйдти наружу при дальнѣйшемъ направленіи любовнательности Передковича въ одну опасную сторону, Григорій Васильевичъ почувствовалъ себя въ хорошемъ расположеніи и отправился съ своими пріятелями по особому приглашенію наследника дровяныхъ дворовъ — на Невскій-Проспектъ. На Невскомъ, съ Григорьемъ Васильевичемъ ничего замѣчательно-непріятнаго не случилось: обстоятельство весьма для него важное, даже и тогда, когда они, по приглашенію часто-упоминаемаго наследника, уклонились къ Излеру — и тогда ничего не случилось, а могло бы случиться, и случилось бы непременно, еслибъ они не зашли къ Излеру: только-что Григорій Васильевичъ расположился, изъ всегдашней своей предосторожности, у окна, чтобъ наблюдать за проходящими, какъ передъ нимъ тихо и величественно прошелъ изящный человекъ, въ синемъ пальто и палевыхъ перчаткахъ, не безъизвѣстный ему подъ именемъ господина Пжеходзьцкаго. Изящный человекъ шелъ въ направленіи, противоположномъ тому, по которому только-что прошелъ Наревскій съ своими пріятелями, и очевидно былъ посланъ на встрѣчу господину Наревскому неизвѣстно за что преслѣдующемъ его судьбою.

Послѣ завтрака, даннаго наследникомъ Ватрушкинымъ по случаю благочестивой рѣшимости своего тятеньки покушать окончательно грибокъ и кулебяки, а жизнь и душу свою предать волю Божіей, Григорій Васильевичъ не захотѣлъ болѣе пытаться своей легкой судьбы презрѣніемъ насылаемыхъ ею встрѣчъ и поспѣшалъ отправиться въ Коломну, по одной настоятельной надебности, которую далъ себѣ слово вспомнить по дорогѣ въ Садовой.

11.

Продолженіе пріятныхъ воспоминаній того же господина.

Когда Григорій Васильевичъ оставилъ кандитерскую Излера и достигъ благополучно Садовой-Улицы и еще благополучнѣе погрузился въ волны нѣшаго народа, заливавшего все пространство отъ Покрова до Публичной-Библіотеки, у него стало такъ легко и

душе, какъ-будто онъ въ этихъ волнахъ исчезъ навсегда съ глазъ некоторыхъ нѣвѣстныхъ ему своею жестокостью людей и самой даже всевластной, весьма-недоброжелательствующей ему судьбы.

Онъ шелъ, вѣ обстоятельства его шли какъ-нельзя-лучше, незаметнѣе; онъ уже терялъ сознание своихъ личныхъ отношеній къ разнымъ инфузоріямъ петербургскаго міра; суровыя лица, постоянно мелькавшія передъ его пугливыми глазами, пропадали, и воображеніе, освобождаясь изъ оковъ дѣйствительности, переносило его къ былому, къ неисполненнымъ начинаніямъ, несбывшимся надеждамъ и еще къ одной свѣтлой, задушевной надеждѣ... И какъ все у него пошло иначе, чѣмъ онъ предполагалъ, пошло какъ-то на-выоротъ, и онъ пошелъ въ противоположную цѣли своей сторону, а еслибъ все это обдумалъ онъ заблаговременно, еслибъ онъ предвидѣлъ это... Но въ томъ-то и задача жизни, что человекъ рождается не мудрецомъ, а круглымъ невѣждою, а потомъ уже, когда начнетъ жить да надъѣаетъ несметное число глупостей, мерзостей и ошибокъ, потомъ уже научается кое-чему, или окончательно сбивается съ толку...

И еще въ одну сторону перенеслось его воображеніе: въ одинъ знакомый, очень-знакомый домъ, въ просторную, наполненную народомъ залу въ квартирѣ хозяйки, мадамъ Шустеръ. Народъ состоялъ изъ обоеихъ половъ: оба пола сошлись здѣсь, съ платою по рублю серебромъ съ мужской персоны для доставленія себѣ взаимнаго удовольствія, тоже «баломъ» называемаго. Оба пола слились въ глазахъ Григорья Васильевича въ темную, грязноватую, движущуюся и совершенно-безличную массу, и отъ нея рельефно и свѣтло отдѣляется одинъ радостный и очень-знакомый Григорью Васильевичу образъ Мины Ивановны — не той Мины Ивановны, страшной и весьма-почтенной хозяйки, повергающей его въ тоску своимъ появленіемъ, — а другой, совершенно-непричастной рублевымъ между ними отношеніямъ, и между-тѣмъ родной племянницы этой первой Мины Ивановны и родной дочери Терезы Ивановны, урожденной рижской горожанки, и ея мужа, Ивана Леонтьевича, довольно значительнаго человека, невмѣющаго ничего за собою, имѣющаго кое-что за женою, человека возвышающаго и облагораживающаго своимъ присутствіемъ собраніе самаго скромнаго значенія и потому удостоивающаго, съ полнымъ знаніемъ цѣны себѣ, личнымъ посѣщеніемъ невмѣющіе далекихъ претензій «балы» своей родственницы, госпожи Шустеръ.

— А что, не видалъ ты сегодня баронессы Штокфишъ? Да-вишь, здравствуй! Ну, что, здоровъ? ничего?

Этотъ вопросъ неожиданно раздался въ ухахъ Григорья Васильевича и заставилъ его оглянуться: передъ нимъ стоялъ мѣщанинъ Щеткинъ, по профессіи искусный пятновыводчикъ и безпощадный встребитель всякихъ бесполезныхъ обществу гадовъ и насккомыхъ, небритый и въ праздничномъ костюмѣ — длиннополомъ синемъ сюртукъ, въ темнозеленыхъ замшевыхъ перчаткахъ и шляпѣ, за-

ново-передѣланной изъ бывшей циммермановской. Щеткинъ былъ франтъ, не смотря на свои пожилыя лѣта.

— А! здравствуйте, Макарь Степанычъ! Я здоровъ совершенно... Обстоятельства мои все еще такія тѣсныя, такъ вы ужь сдѣлайте одолженіе... изъ челоѵколюбія что ли, или изъ лишняго процента, только ужь сдѣлайте одолженіе... Я надѣюсь, я очень надѣюсь, почтеннѣйшій Макарь Степанычъ, что это все кончится хорошо для васъ и для меня. Такъ вы и не обижайтесь, Макарь Степанычъ.

Пока Григорій Васильевичъ говорилъ, его пріятель Макарь Степановичъ производилъ подробное хозяйственное обозрѣніе всей его особы и принималъ въ соображеніе его приличную одежду, болѣзненную блѣдность лица и горячность, съ которою онъ пожалъ ему руку; все же прочее, въ томъ числѣ и тонкое колечко изъ темныхъ-темныхъ волосъ, украшавшее палець Григорья Васильевича, не захотѣлъ принять въ соображеніе; потомъ уже сказалъ, что ничего, и знаетъ свое дѣло, а совѣтуетъ ему, впрочемъ, не выводить его изъ терпѣнія, потому-что челоѵкъ онъ тоже горячій и свою имѣетъ амбицію, а ему все-таки желаетъ добра.

Въ это время, Григорій Васильевичъ замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ-отъ себя Пжеходзѣцкаго, Адама Богуславича, глядѣвшаго на него внимательно и насмѣшливо, но осторожно, какъ-будто съ тайной болзнію, чтобъ кто-нибудь со стороны не счелъ его знакомымъ съ Григорьемъ Васильевичемъ. Григорію Васильевичу хотѣлось бы съ быстротою пушечнаго ядра умчаться куда-нибудь, въ свой Спасскій-Переулочъ, даже на Велвкій-Океанъ, въ патуу часть свѣта; но его тянулъ къ себѣ страшный Пжеходзѣцкій, тянулъ своимъ презрительнымъ, до глубины сердца проникающимъ взглядомъ. Григорій Васильевичъ почувствовалъ себя несчастнѣйшимъ челоѵкомъ въ мѣрѣ.

Потомъ, вспомнивъ о своемъ челоѵческомъ достоинствѣ и о совершенномъ ничтожествѣ въ нравственномъ отношеніи нѣкоторыхъ людшекъ, онъ одушевился гордымъ сознаниемъ своего превосходства надъ ними во всемъ, что только не касается наличныхъ рублей и исправнаго платежа долговъ, да и этотъ недостатокъ... Есть много примѣровъ, что челоѵкъ безъ рублей, но съ твердою волею и съ способностями къ чему-нибудь доброму, общеплезному, натерпѣвшись всего... «становится наконецъ обыкновеннымъ, пошлымъ челоѵкомъ и даже мерзавцемъ», заключилъ Григорій Васильевичъ, добросовѣстно вспоминая противорѣчившіе ожиданію его примѣры.

Григорій Васильевичъ, бросивъ укоризненный взглядъ на изящнаго Пжеходзѣцкаго и небритаго мѣщанина Щеткина, взумивъ обомъ могущественнымъ проявленіемъ своего челоѵческаго достоинства, отправился далѣе по Садовой — только ужь не въ Колонну, а въ Семеновскій-Полкъ, потому-что оказалась суще-

ственная необходимость сходить прежде всего въ Семеновскій-Полкъ.

Существенная необходимость еще увеличивалась, когда Григорій Васильевичъ, подумавъ хорошенько о томъ, къ кому и зачѣмъ ему такъ нужно ѣхать, вспомнилъ, что идетъ онъ прямехонько къ Терезѣ Ивановнѣ, супругѣ Ивана Леопольдовича и маменькѣ Мины Ивановны, а отъ Терезы Ивановны долженъ сходить къ баронессѣ Штокфишъ, даже лучше будетъ, если онъ прежде сходить къ баронессѣ, а потомъ уже къ Терезѣ Ивановнѣ.

Для объясненія предстоявшей Григорію Васильевичу необходимости сходить къ баронессѣ Штокфишъ, надобно обратиться къ тому, что произошло съ нимъ наканунѣ этого дня.

III.

СОВЕРШЕННОЕ УСПОКОЕНІЕ ГОСПОДИНА НАРЕВСКАГО ЗА ДЕНЬ
ДО СОВЕРШЕННАГО ЕГО РАЗСТРОЙСТВА.

Григорій Васильевичъ проснулся благополучно, въ добромъ здоровьѣ, часовъ въ восемь утра. Проснувшись, онъ осторожно выглянулъ изъ-подъ одеяла, прислушался къ разговору, вѣденному въ сосѣдней комнатѣ, ничего не слышалъ, но догадался, что говорятъ-то все на его счетъ, и снова закутался въ одеяло, чтобъ поспать часика два-три, покажѣтъ перемѣнятся кое-какія обстоятельства...

Ему, Григорію Васильевичу, было въ эту минуту лѣтъ двадцать пять, и по этой причинѣ онъ считалъ себя въ правѣ думать, что можно и переспать кое-какія обстоятельства. Однако, противъ желанія и ожиданія, онъ не могъ ни уснуть, ни вздремнуть снова. Частѣйшая существенность, притомъ существенность такая, которую называютъ поэты грустною существенностью, а люди обыкновенные грязною существенностью, отгоняла отъ него всякія грѣзы, даже какъ-було окачивала его холодною водою. Убѣдившись въ совершенной невозможности переспать вѣдѣнные ему обстоятельства, Григорій Васильевичъ подумалъ, что «впрочемъ» онъ почувствовалъ это вчера и даже третьяго дня, и что все это дѣло вздорное, грошовае, о которомъ и думать-то не стоитъ. Подумавъ такимъ образомъ, онъ снова выглянулъ изъ-подъ одеяла и нѣсколько успокоился на томъ основаніи, что нѣкоторые людишки—весьма-обыкновенные, пошлые людишки.

Успокоившись на такомъ прочномъ основаніи, Григорій Васильевичъ вдругъ опять чего-то ужаснулся, и ужаснулся такъ, что нѣсколько секундъ пребывалъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи; потомъ, ставъ приходить въ себя и размышлять, почему это онъ такъ ужаснулся чего-то, онъ вспомнилъ, что въ это жалостное состояніе впалъ онъ въ ту самую минуту, когда, успокоившись нѣсколько и

выглянувъ изъ-подъ одеяла, услышалъ одно слово, произнесенное въ соседней комнатѣ. Желая объяснить себѣ, въ какой степени это слово относится можетъ къ нему, онъ объяснилъ, къ большому своему удовольствію, что «Тимошей Андреевичъ» еще ничего не доказываетъ, что Тимошеевъ Андреевичей въ Петербургъ много, что, можетъ-быть, вовсе не о томъ Тимошей Андреевичъ было упомянуто. Да и что тутъ можетъ сдѣлать хоть бы и самъ дѣйствительный Тимошей Андреевичъ?—совершенно ничего! А если уже скверное, грошовое дѣло пойдетъ такимъ свойственнымъ ему грязнымъ путемъ, то слава Богу, человекъ его разряда вовсе не долженъ беспокоиться. Да и дѣло-то пустое, ничтожное до такой степени, что даже смѣшно...

Григорій Васильевичъ только-что хотѣлъ усмѣхнуться, какъ вдругъ пахнуло на него такимъ холодомъ, что, вмѣсто презрительной улыбки, на лицѣ его образовалась жалостная, болѣзненная гримаса. Тутъ уже онъ понялъ, что ему дѣйствительно страшно, даже догадался, почему именно ему такъ страшно, и, догадавшись, поднялся тихонько съ своего ложа, сталъ одѣваться и почувствовалъ, что ему хотѣлось бы позвонить, чтобъ принесли кофе. Почувствовавъ это, онъ вспомнилъ изрѣченіе одного философа, кажется, самого Конфуція, что жить — значитъ терпѣть, и не позво-нилъ; вслѣдъ за тѣмъ вспомнилъ другое древнее изрѣченіе другаго философа, кажется самого Эпикура, что жить значитъ — наслаждаться, и сталъ звонить; позвонивъ, онъ опять вспомнилъ третье, только уже не древнее, а новѣйшее, даже вчерашнее изрѣченіе, и не философа какого-нибудь, а просто своей хозяйки, что «ужь какъ ему угодно», изрѣченіе, которое по-гречески, по-китайски и по-петербургски имѣетъ такой смыслъ: жить — значитъ платить! Вспомнивъ это изрѣченіе, онъ почувствовалъ холодъ въ душѣ, уронилъ колокольчикъ, спрятался подъ одеяло и въ то же мгновеніе съ ужасомъ услышалъ, что дверь въ его комнату отворилась и кто-то приветствовалъ его весьма-учтивымъ кашлемъ.

Григорію Васильевичу такъ было страшно чего-то, онъ такъ растерялся, что забывъ свое намѣреніе казаться спящимъ, спросилъ съ ужасающимъ спокойствіемъ, не выглядывая изъ-подъ одеяла: кто тамъ?

— Я-съ, сапоги-съ, отвѣчалъ голосъ.

— А! сапоги! Хорошо. Поставь ихъ здѣсь подлѣ кровати. Я сейчасъ, сказалъ Григорій Васильевичъ, приходи въ себя и приподнимаясь наконецъ на своемъ ложѣ.—Ну, это сапоги—хорошо! Садись же, братецъ, безъ церемоніи, вотъ здѣсь—я сей часъ.

Григорій Васильевичъ, облекшись въ халатъ, привѣрялъ новые сапоги, прошелъ по комнатѣ, сказалъ, что «прекрасно» и «какъ разъ въ пору», и снова позвонилъ. На этотъ разъ уже вошла сама хозяйка: она поставила на письменномъ столѣ Григорія Васильевича подносъ съ стаканомъ кофе, подумала кое-что на-счетъ Григорія Васильевича и вышла. Григорій Васильевичъ чувствовалъ въ

ей присутствіи маленькое смущеніе, даже какъ-будто двѣнадцать лихорадокъ трясли его; но когда она удалась, онъ оживился и, кинувшись вслѣдъ за нею, спросилъ довольно-свободно, какъ-бы для препровожденія времени: что, вы ничего, Мина Ивановна?

— Нѣтъ, Григорій Васильевичъ, отвѣчала она:—сегодня я уже какъ-нибудь и такъ... а завтра, сами вы разсудите, Григорій Васильевичъ, завтра уже—какъ вамъ угодно!

Григорій Васильевичъ, довольный этимъ отвѣтомъ, совершенно успокоился на-счетъ одного извѣстнаго ему обстоятельства, а на-счетъ другаго обстоятельства, которое сидѣло у него въ комнатѣ, еще не успѣлъ успокоиться, только разсудилъ, что вообще сильнѣйшая натура, высшая цивилизація подчиняетъ своему вліянію натуру слабѣйшую.

Разсудивъ такимъ-образомъ, Григорій Васильевичъ назвалъ это обстоятельство братцемъ и Демьяномъ Кузьмичемъ, потомъ предложилъ ему сигару, которую оно приняло и закурило съ особенною застѣнчивостью, потомъ закурилъ и самъ, потомъ уже сталъ хвалить сапоги и отдалъ справедливость сапожному мастерству, замѣтивъ, что онъ смотритъ на сапожное мастерство съ высшей точки — какъ на свободное искусство, которое имѣетъ своихъ великихъ людей, каковы, на-примѣръ, извѣстные художники Брейтгамъ и Пель, удивился необыкновеннымъ успѣхамъ этого искусства въ послѣднее время, допустилъ даже сильную возможность великаго переворота въ сапогахъ и не допустилъ на малѣйшей возможности возвращенія человѣчества къ сандаліямъ, изъ чего и слѣдуетъ, что прогрессъ и лакированные сапоги—синонимъ, да и то еще слѣдуетъ, что прогрессомъ человѣчество обязано развитію европейской торговли и промышленности, а развитіе произошло отъ осуществленія великой идеи общественнаго и частнаго кредита...

Обстоятельство, застѣнчиво курившее сигару, слушало Григорія Васильевича въ благоговѣйномъ молчаніи, очевидно подчиняясь вліянію высшей его цивилизація. Григорій Васильевичъ продолжалъ:—Кредитъ, по моему мнѣнію, есть величайшее и полезнѣйшее для всего рода человѣческаго изобрѣтеніе. Я, на-примѣръ, долженъ бы заплатить тебѣ теперь же; но такъ-какъ теперь у меня нѣтъ ни гроша, а скоро будутъ несметные рубли, то я и прошу тебя подождать недѣлку. Это, братецъ, въ политической экономіи называется частнымъ кредитомъ; а если, на-примѣръ, государство...

— Такъ ужъ позвольте, я и сапоги доставлю вамъ черезъ недѣлку, отвѣчалъ сапожникъ, прерывая объясненіе Григорія Васильевича о кредитѣ общественномъ, взумляя и утрашая его своею законностью въ непониманіи самыхъ яркихъ истинъ политической экономіи.

— Что ты? что это съ тобою, Демьянъ Кузьмичъ? возразилъ Григорій Васильевичъ, усиливаясь казаться спокойнымъ:—это пре-

сто смѣшно! Я, кажется, объяснял тебя... да понялъ ли ты, что кредитъ есть душа всякой промышленности и торговли, главнѣйшая причина общественнаго и частнаго благополучія?

— Не знаю, сударь, только для меня кредитъ во истину несподручное дѣло—ужь какъ вамъ угодно, не могу-съ!

— Стыдись, Демьянъ Кузьмичъ! Не-уже-ли ты не знаешь, что порядочный человѣкъ долженъ быть обуянъ, какъ слѣдуетъ, — есть ли тамъ у него нѣсколько цѣлковыхъ, или будутъ только черезъ недѣлю! Нѣтъ, Демьянъ Кузьмичъ, какъ ты себя хочешь, а недѣлку — подожди, а чтобъ ты былъ совершенно покоенъ — я тебя сейчасъ... вотъ...

Григорій Васильевичъ схватилъ лежавшій на столѣ бумажникъ, и, вынувъ изъ него свернутый вчетверо листъ почтовой бумаги, весь исписанный именами и цифрами, написалъ въ началѣ всѣхъ именъ и цифръ «Демьяну 6 руб. серебромъ».

— Видишь ли? продолжалъ онъ обращаясь къ Демьяну Кузьмичу:—ты у меня здѣсь въ счетъ первымъ стоишь. Такъ не разговаривай, а приходи черезъ недѣлку: тогда я докажу тебѣ ученымъ образомъ... теперь я долженъ заняться кое-чѣмъ, а тогда я объясню тебѣ важнѣйшія правила политической экономіи...

— А деньги? Стало-быть, денегъ и тогда не будетъ?

— Деньги, братецъ, сами собою, а правила сами собою. Ты уже записанъ въ счетъ, такъ и не безпокойся: первымъ, братецъ, я записалъ тебя, вотъ какъ!

Демьянъ Кузьмичъ проворчалъ что-то про себя, потомъ подумалъ кое-что на счетъ понедѣльника и современныхъ правовъ, поморщился и сказавъ: «такъ прощайте-съ», ушелъ, къ совершенному успокоенію Григорья Васильевича.

Тогда, воспользовавшись своимъ добрымъ здоровьемъ и совершеннымъ спокойствіемъ духа, Григорій Васильевичъ принялся-было за одно полезное, давно-предположенное дѣло, которое и рѣшился обдумать теперь же, чтобъ никакой остановки въ исполненіи не было, а прежде всего призналъ полезнымъ сочинить, и безъ большаго труда дѣйствительно сочинилъ, бумагу такого содержанія, что «молодой человѣкъ благороднаго званія, имѣющій разные дарованія, желаетъ...» и проч. и проч. Далѣе: «онъ же учить китайскому языку, мозоли срѣзываетъ безъ боли и весь прочія дѣла дѣлаетъ по новѣйшему, усовершенствованному способу... У него же можно брать уроки въ геометріи, восхожденіи по канату и въ пусканіи, — что въ особенности рекомендуется почтеннѣйшей публикѣ, — въ пусканіи мыльныхъ пузырей, такъ-какъ эта послѣдняя наука признана нынѣ единственно нужною для благовоспитаннаго, свѣтскаго человѣка... Онъ же можетъ сочинять стихи на всякіе радостные и печальные случаи, по сходной цѣнѣ... У него же настоящее казанское мыло и разные рѣдкости: бумажная сигарочница Сезострися и парадный, мало-поношенный колпакъ Юпитера, бывшій у сего бога въ употребленіи при торже-

ственныхъ олимпійскихъ объѣдахъ... Онъ же можетъ уступить, за небольшое вознагражденіе, превосходное украшеніе для кабинета ученаго и мыслителя, человѣческой отлично-выдѣланный черепъ, годный въ ученое отношеніи для физиологическихъ наблюденій и въ хозяйственномъ для содержанія въ немъ табаку. У него же, и это рекомендуется въ-особенности высокопочтеннѣйшимъ любителямъ рѣдкостей, можно приобрести двѣ досель вовсе-невиданныя и неслыханныя ископаемыя окаменѣлости: кошелекъ и бумажничекъ допотопнаго литератора. Сія окаменѣлости, толико драгоценныя и совершенно-пустыя, не имѣющія никакихъ признаковъ присутствія въ нихъ когда-либо допотопныхъ рублей, служатъ яснымъ доказательствомъ тождества тогдашнихъ, допотопныхъ людей съ нынѣшними послѣпотопными, да еще кромѣ того служатъ къ опроверженію ученія знаменитаго Кювьѣ, пользовавшагося незаслуженнымъ авторитетомъ... означенныя рѣдкости продаются съ большою уступкою... Онъ же...» и проч. и проч.

Только-что успѣлъ Григорій Васильевичъ написать эту бумагу и изумиться обилію своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ «безбѣдному», какъ говорится, существованію, даже къ занятію приличной ступеньки въ великомъ чинѣ естества, какъ вспомнилъ, что сегодня все идетъ у него весьма-удачно: Демьянъ, сапожникъ, неожиданно убѣдился политико-экономическими доводами, а Бородачовъ, Шельгановъ и другіе ни сами не показывались и не звонили сегодня, ни кухарокъ своихъ съ ругательными записками не присылали. Значитъ, они поняли, наконецъ, что грубостью ничего не выиграютъ! Обрадовавшись этому предположенію, Григорій Васильевичъ вдругъ почувствовалъ скуку, тоску и боязнь: почему они, эти людишки, не пришли сегодня и не прислали своихъ ругательныхъ записокъ? почему онъ не слышитъ страшнаго, въ дрожь бросающаго звонка, періодически въ извѣстный часъ, съ извѣстною силою раздающагося въ передней его квартиры? Что значитъ это глубокое молчаніе съ ихъ стороны, это внезапное исчезновеніе личностей, дѣйствій и формъ, въ которыхъ проявлялись существующія между ними отношенія? Не можетъ быть, чтобъ они такъ только, отъ усталости, или изъ должнаго уваженія къ нему... Нѣтъ, они затѣяли что-то... даже извѣстно, что они затѣяли! И если хорошенько подумать объ этомъ, оказывается, что именно они затѣяли... Скорѣй же! скорѣй въ дорогу!

IV.

Путешествіе господина Наревскаго.

Григорій Васильевичъ торопился нужно было застать одного человека, живущаго на дачѣ въ Екатерингофѣ, и сдѣлать ему выгодное для обонхъ предложеніе, а потомъ уже, что бы съ нимъ

ни случилось, заняться чѣмъ-то положительнымъ, заняться дѣлательно, не обращая вниманія на звонки и на поствѣтелей, и не поддаваясь даже неодолимому страху, что Бородачовъ, Щеткинъ, Шелыгановъ и въ особенности Пжеходѣцкій пожелають принять въ отношеніи къ одному извѣстному имъ обстоятельству рѣшительныя мѣры, да еще распространить на его счетъ убійственную молву, что такія-то и такія приключенія, въ-слѣдствіе такого-то и такого поведенія, случились съ господиномъ Наревскимъ.

Съ этимъ намѣреніемъ Григорій Васильевичъ дошелъ до Каликипа-Моста; тутъ онъ подумалъ, что, можетъ-быть, и не застанетъ одного человека въ Екатерингофѣ, а если и застанетъ, то еще не извѣстно, даже еще хуже, очень-и-очень извѣстно впередъ, чѣмъ разрѣшится его выгодное предложеніе. Поэтому, не лучше ли сходить подъ Невскій? И точно лучше! Подъ Невскимъ живетъ школьный товарищъ, служашій на Васильевскомъ - Острову. Съ школьнымъ товарищемъ можно пріятно провести время и поговорить откровенно, не то, что съ обыкновеннымъ пріателемъ, котораго должно считать за неизбежное несчастіе, за Божеское наказаніе, лишающее насъ половины мимолетныхъ благъ и удобнающее тяжкія «повинности» жизни. Дѣ, школьный товарищъ, особенно тотъ, который получаетъ хорошее жалованье и два раза въ годъ награды, несомнѣнно самою природою предназначается къ пожизненному сочувствію скорбямъ и радостямъ человека, съ которымъ, бывало, сживалъ въ карцерѣ. А важнѣе всего, школьный товарищъ живетъ не очень-далеко; особенно если идти къ нему вверхъ по Обводному-Каналу, такъ и будетъ не очень-далеко.

Вверхъ по теченію Обводнаго-Канала Григорій Васильевичъ шолъ, будто плылъ на пароходѣ. Быстрота, удобство и спокойствіе духа по случаю совершеннаго отсутствія Пжеходѣцкаго, Бородачова и другихъ опасныхъ людей—были вожделѣнныя: не встрѣчался даже Щеткинъ, имѣющій обширнѣйшую во всемъ Петербургѣ практику и находящійся въ непрерывномъ движеніи съ своимъ привилегированнымъ зельемъ для возобновленія занятыхъ мундировъ, такъ, чтобъ они во время употребленія ихъ казались неукоризненно-чистыми, или, какъ говорится — незапятнанными.

Такимъ-образомъ, Григорій Васильевичъ благополучно достигъ дѣли своего путешествія и въ хорошемъ расположеніи духа позвонилъ у веротъ деревяннаго домика, занимаемаго капитаншею Марсовою, у которой нанималъ комнату со столомъ, отопленіемъ и другими удобствами столоначальникъ и школьный товарищъ Григорія Васильевича, тоже Григорій Васильевичъ, только по фамилиіи не Наревскій, а просто—Тревогинъ.

Поднялась занавѣска на окнѣ, отворилось окно, и въ немъ появилось солидное лицо капитанши.

— Здравствуйте, Марья Семеновна! Вы меня не узнаёте? Наревскій—давно не бывалъ и по обстоятельствамъ усовъ не ношу, а вы все съѣжи и хороши по-прежнему! Здоровы ли? Да что Тре-

вогни? у себя Тревогни? Я къ нему по дорогѣ. Онъ свитъ еще?

Капитанша пристально взглядылась въ господина Наревского, очень хотѣла вспомнить, когда была съ нимъ знакома, но ничего не вспомнила и отвѣчала ему: «Нѣтъ!»

— А гдѣ же онъ такъ рано?

— Да все тамъ же, на Охтѣ.

— А! такъ онъ нынче на Охтѣ? Вотъ какъ! Ну, жаль; да впроче́мъ ничего: мнѣ туда по дорогѣ сегодня; правда, нужно бы сходитъ на Крестовскій, да все равно, схожу на Охту. Въ какомъ онъ тамъ мѣстѣ? онъ вовсе выѣхалъ?

— Вовсе!

— А! такъ онъ вовсе выѣхалъ? Ну, жаль! а адресъ, гдѣ онъ тамъ, на Охтѣ?

— Да все тамъ же, на кладбищѣ!

— А! на кладбищѣ! такъ онъ на кладбищѣ нынче?.. Ну, жаль! А позвольте спросить еще... что же, онъ умеръ, столоначальникъ Тревогни?

— Умеръ.

— А! такъ онъ умеръ? Ну, жаль! А что, позвольте узнать, когда это онъ умеръ!

— Не очень давно.

— А какъ?

— Лѣтъ пять, не больше,—еще въ Филиповку будетъ пять лѣтъ, а теперь и пяти лѣтъ не будетъ.

— А! не будетъ и пяти лѣтъ! что жъ, много онъ оставилъ послѣ себя...

— Да что онъ оставилъ: шивель старую съ кошачьимъ воротникомъ; бортище пуговицъ новыхъ,—собирался, знаете, мундиръ шить; да чемодапъ оставилъ маленькій, подержанный, да въ чемоданѣ пару салфетокъ и голенища отъ сапоговъ—собирался головки приделывать къ голенищамъ; ну, еще самоваръ оставилъ и сахарницу глиняную; все пошло на погребень!

— Все! А долговъ... о долгохъ-то я и спрашивалъ, долговъ много онъ оставилъ?

— Долговъ? Ну, долговъ-то онъ не оставилъ: за сухарями всегда посылалъ наличныя деньги и свѣчи покупалъ всегда на наличныя—оптомъ: фунтъ, бывало, разомъ купить получивъ жалованье, такъ послѣ уже и не посылаетъ въ лавочку.

Удивленный до крайности такимъ особеннымъ образомъ жизни покойнаго своего товарища, Григорій Васильевичъ подумалъ, что есть же на свѣтъ, въ этомъ самомъ Петербургѣ, счастливыя, которые существуютъ на наличныя, покупая сухари и свѣчи оптомъ, а онъ не можетъ существовать на наличныя, живетъ совсѣмъ—другимъ, новѣйшимъ и весьма-усовершенствованнымъ образомъ, живетъ такъ хитро и особенно, что я самъ уже не можетъ понять, какъ это онъ такъ живетъ—а живетъ!

Потомъ, раскланявшись съ капитаншею, онъ отправился на Вы-

боргскую-Сторону посмотреть квартиру, о которой читалъ объявленіе въ газетахъ: тридцать - семь комнатъ, отлично отдѣланныхъ и меблированныхъ, съ конюшнями, сараями, ледниками, чердаками, людскими, прачешными и всѣми, какія только разумъ человѣчскій можетъ придумать удобствами. Квартира, значить, была весьма просторная и удобная для одинокаго молодого человѣка, а Григорій Васильевичъ именно былъ одинокій молодой человѣкъ и нуждался въ просторной и удобной квартирѣ.

На пути, Григорій Васильевичъ подумалъ, что не забыть бы по возвращеніи домой вычеркнуть изъ манускрипта, лежащаго у него на столѣ и на душѣ, одну строчку на четвертой страницѣ такого содержанія: «Гришъ Тревогину 43 р. 78 коп.», и вычеркнуть, отмѣтить тутъ же на полѣ, что умеръ, а отмѣтивъ, исключить эту сумму изъ общаго итога, подведеннаго въ концѣ манускрипта, и написать другой итогъ, какой выйдетъ. Такъ оно, разсудилъ Григорій Васильевичъ съ своею всегдашнею логикою:— такъ оно все-таки поменьше будетъ.

Пройдя Невскій-Проспектъ и Литейную-Улицу, и благополучно достигнувъ Выборгской-Стороны, Григорій Васильевичъ опять подумалъ, только уже не о манускриптѣ, а о квартирѣ, которую шелъ осматривать: подумалъ, что на кой-чортъ ему квартира въ тридцать-семь комнатъ, когда и въ одной-то комнатѣ въ Спасскомъ-Переулкѣ добра у него всего-на-все—«Карта всѣхъ частей свѣта», да половина стеариновой свѣчки, да человѣчскій черепъ весьма-подержанный и разный хламъ, годный только для кабинета рѣдкостей? Комнаты, конечно, меблированныя и весьма-удобныя, да какъ же онъ раздѣляется съ одною неудобною комнатою, и гдѣ онъ возьметъ денегъ на извозчика, чтобъ доѣхать отъ этой одной и неудобной комнаты до тридцати-семи удобныхъ? Также можно предположить, что тридцать-семь комнатъ отдаются въ наймы не иначе, какъ съ тѣмъ же извѣстнымъ и пошлымъ условіемъ платежа впередъ наличными... Наличныхъ-то, кажется, и не было-на этотъ разъ у Григорія Васильевича ни на извозчика, ни на наемъ тридцати-семи удобныхъ меблированныхъ комнатъ съ конюшнями, ледниками и сараями.

Когда Григорій Васильевичъ обстоятельно разсудилъ обо всемъ относящемся къ этому вождельному найму, онъ призналъ за благо воротиться съ Выборгской-Стороны и, возвращаясь, подумалъ, что глупо онъ сдѣлалъ, не помысливъ объ этомъ прежде, а еслибы домыслилъ, то, конечно, дошелъ бы до того заключенія, что вовсе не зачѣмъ идти ему на Выборгскую, а, напротивъ, очень-нужно сходить совсѣмъ въ другую, въ противоположную сторону, въ деревню Наболотную, въ которой дозволяется курить сигары.

Въ пршеходствѣ по Петербургу онъ былъ неутомимъ всегда, а теперь особенно придавало ему легкости и быстроты твердое убѣжденіе, что нужно неизмѣнно сходить въ деревню Наболотную.

Еще къ чести Григорія Васильевича должно замѣтить, что всѣ

ли въ немъ возникало по какой-нибудь причинѣ твердое убѣжденіе въ необходимости побывать гдѣ-нибудь, хоть бы въ Тобольскѣ или Пекинѣ, онъ всегда имѣлъ рѣшимость проявить свое убѣжденіе на дѣлѣ, и ходилъ, куда ему нужно было; сходилъ бы и въ Тобольскъ или Пекинъ, еслибъ дѣйствительно это было нужно. Теперь онъ неумоимо и неуклонно шелъ къ своей цѣли, долго, часа три шелъ, наконецъ—таки дошелъ: передъ нимъ была деревня Наболотная, и самъ онъ очутился въ паркѣ.

Тутъ онъ сталъ восхищаться природою и отдыхать душою отъ тревоженій жизни, а когда природа въ лицѣ желтѣющей травы, зеленяющаго саячника, чахлахъ деревьевъ, нищей промышленности, клочка сѣраго неба—достаточно ему надоѣла, онъ пошелъ на лугъ, красивый, углаженный, блестящій, благоухающій и нѣжащій зрѣніе. Лугъ былъ огороженъ невысокимъ плетнемъ; въ плетнѣ были открытыя ворота, а на воротахъ приклеена бумажка съ такою надписью:

просятъ гаспотъ гуляющихъ!
на лугъ нѣхадить . . . . . !!
траву нѣмать . . . . . !!!
і цветовъ всаду нѣрвать . !!!

Григорій Васильевичъ, прочитавъ эту просьбу, сравнилъ прошлое содержаніе ея съ поэтической прелестью луга и отправился—себя спокойно на зеленую траву, и растянулся на травкѣ съ деревенскою свободою. Григорій Васильевичъ, значить, вовсе не былъ трусомъ по своей натурѣ, даже напротивъ, онъ чувствовалъ въ себѣ склонность и призваніе къ энергической борьбѣ со всякою внешнею силою, посягавшею на его человеческое достоинство. Онъ лежалъ—себя на заповѣдномъ лугу, смотрѣлъ на облака, волновавшія надъ нимъ фантастическими группами, и старался вспомнить, почему это ему нужно было сходить въ Наболотную? Потому, вспомнилъ онъ послѣ долгаго размышленія—потому что здѣсь дозволяется курить сигары!—Ну, такъ курить, курить скорѣе; наступаетъ вечеръ, а сегодня нужно бы еще успѣть въ Измайловскій-Полкъ, на Новыя-Мѣста, къ одному человѣку, бывающему дома въ шесть часовъ по полудни. Григорій Васильевичъ опустилъ руку въ карманъ и досталъ—зажигательную спичку, а сигары, ни даже пяточка на сигару не оказалось. О пяточкѣ, Григорій Васильевичъ и прежде зналъ, что онъ не могъ доказать, по той причинѣ, что извѣстные, давно-ожидаемые рубли еще не получены, а о сигарѣ еще не зналъ, и потому сталъ жалѣть, что не удалось справиться о ней раньше, на Воскресенскомъ-Мосту, на-примѣръ: тогда не зачѣмъ было бы и идти въ деревню Наболотную; но такъ-какъ бесполезное путешествіе уже совершено, то онъ восчувствовалъ рѣшимость и желаніе — считать этотъ непріятный случай золотымъ урокомъ себя на будущее время. Теперь же снова порывшись въ карманъ, вытащилъ грошъ и съ удовольствіемъ бродилъ его нищѣму, стоявшему у плетня и думавшему на его

счетъ, что вотъ, человекъ бѣдный, человекъ хорошій и пьяный забрался на чужой лугъ и растянулся на чужомъ лугу, а придетъ надзиратель, да и подберетъ—и съ городовымъ въ часть отправитъ, а въ части паспортъ спроситъ у сердечнаго, хорошаго человека... А еслибъ такъ, пойдти къ бѣдному человеку, да побереж его маленько, свезти его домой на его же счетъ, а кошелекъ, или бумажникъ, или платокъ шелковый, или что тамъ есть у него — взять къ себѣ на сбереженіе, то оно бы, можетъ-быть, и того... Такъ нѣтъ же...: оцъ, вишь, такъ-себѣ валяется — а не то, чтобы пьяный,—ну, и это ничего, вечеркомъ попозже кто-нибудь да повалится, не этотъ, такъ другой, а все-таки повалится вечеркомъ, когда гулянье кончится, тогда и провести можно бѣднаго человека...

Далѣе, конвертъ какой-то попался Григорью Васильевичу, и онъ, еще не смотря, узналъ и вспомнилъ, что это было тятеньино письмо, полученное недѣли двѣ тому назадъ, положенное въ карманъ и съ-тѣхъ-поръ непроченное, даже нераспечатанное. Григорій Васильевичъ былъ очень занятъ въ эти двѣ недѣли; теперь же, чувствуя себя не очень-занятымъ, рѣшился прочитать тятеньино письмо и прочиталъ слѣдующее:

«Любезный сынъ нашъ, Григорій Васильевичъ!

«Письмо твое, въ которомъ ты просишь у насъ денегъ хотя сто рублей, и родительскаго благословенія, мы получили, и уведомляемъ тебя, что если такъ, если дѣло пошло на то, что Бога ты не боишься, людей не стыдишься и родителей своихъ не считаешь, то мы тебѣ, яко ослушнику, гордецу и мятежнику противъ воли твоего отца роднаго, денегъ не посылаемъ, а посылаемъ наше заочное родительское благословеніе во вѣки нерушимое, и поклонъ отъ братьевъ твоихъ меньшихъ, которые уже все пережили и живутъ какъ Богъ велѣлъ; а ты тамъ что живешь и думаешь въ столицѣ? Притомъ же, любезный и распутный сынъ Гриша, считаемъ нужнымъ уведомить тебя, что родился ты подъ несчастною планетою и въ несчастный день: въ Брюсовомъ Календарѣ (самъ можешь удостовѣриться), между прочими несчастными днями значится и 29-й день февраля, въ каждаго день, въ который ты родился и въ который, напротивъ, по предсказанію знаменитаго, двести сорокъ-восемь лѣтъ на счетъ жившаго мудреца, астронома и алхимика Пострадамуса «счагачего важнаго начинанія и предпринимать не должно». А чего «счагачіе» можетъ быть важнѣе начатія жизни человѣческой? Къ, можно бы было поправить сколько-нибудь такое великое несчастіе, да я, твой законный отецъ, не случился на ту пору у себя въ домѣ: въ то время я началъ тяжбу съ дѣдомъ твоимъ, а потомъ отцомъ (сія тяжба, за смертью отъчичка и за совершеннымъ разореніемъ его наследниковъ, а моихъ родныхъ братьевъ и кровныхъ враговъ, оканчивается нынѣ тѣмъ, что братцы и вороги мои, а тебѣ вороги и родные дяди, у которыхъ не осталось ни еди-

«они двора, будутъ посажены въ тюрьму на двѣ недѣли за дерзкое снѣзваніе въ самую личность судьи и твоего крестнаго тятеньки, губернскаго изъ дворянъ регистратора, Прохора Никвтича Шебетунова), и по сей причинѣ нахолился въ отсутствіи въ уѣздный сѣншъ городъ, а по возвращеніи нашель уже тебя родившимся въ несчастный день и нареченнымъ, съ благословенія отца Іохима — несчастнымъ именемъ Григорія: оно потому несчастное, что дано тебѣ еще впередъ, а назадъ, т. е. именины твои, приходящіяся 31-го (тоже по Брюсову Календарю несчастнаго числа), на цѣлый февраль мѣсяць отстаютъ отъ дня твоего рожденія, а вотъ, еслибъ еще впередъ шлв, то значить, что и ты по жизненному пути шель бы также впередъ, а теперъ нѣчего тебѣ думать и затѣвать что-нибудь: ничего хорошаго для тебя не выйдетъ. Притомъ же человекъ ты гордый и сумасшедшій до крайности: съ чего ты считаешь, что самъ себя пробьешь дорогу? Чѣмъ пробьешь? Развѣ штеромъ, или умомъ, или грудью пробиваютъ дорогу? Нѣтъ, дурню, ш дорогу пробиваютъ рублемъ и больше ни чѣмъ, какъ рублемъ; у кого, выходитъ, есть рубль, тотъ плеть-себѣ смѣло и вольно ш впередъ, никто ему не загораживаетъ дороги, а всѣ передъ нимъ сразступаются, и всѣ кланяются — рублямъ. Вотъ, еслибъ ты былъ человекъ толковый, то постарался бы прежде всего нажить капиталъ ни на есть способомъ рублей побольше, въ мѣру, а тогда уже принялся бы и за свои головоломныя затѣи; тогда, впрочемъ, и затѣвать тебѣ ничего не нужно; только перестань нуждаться въ другихъ — такъ другіе въ тебѣ станутъ нуждаться и безъ твоей заботы, безъ твоего труда, ради рублей твоихъ превоснесутъ тебя умнѣйшимъ во всей нашей губерніи человекомъ и всякаго уваженія достойнымъ гражданиномъ. А теперъ, пока шеть, въ нашей губерніи говорятъ про тебя, Гриша, что ты считаешь горькимъ пьяницею и что пьешь ты запоемъ, а если запоеть не случится, то пьешь просто какъ случится. Вотъ, любезный сынъ, Григорій Васильевичъ! Ты думаешь, что мы ничего не знаемъ, а выходитъ, что мы все знаемъ, даже больше, чѣмъ ты самъ знаешь, потому что земля слухомъ полнится, а другой слухъ страшно плодливъ и силенъ: скажи о тебѣ ложь въ маковое зернышко, оно тебѣ выроститъ небылицу ростомъ въ гору да крѣпостью въ чемерицу. Отъ такой-то чемерицы и горько человеку приходится жить на свѣтъ.

«Иди ты, любезный сынъ, остаемся по гробъ любяще и прощавающіе тебя за распутное поведеніе законные твои родители:

«Василій Наревскій, Степанида Наревская.»

«P. S. Уведомь насъ съ первою почтою откровенно и подробно, какимъ образомъ пьешь ты: запоемъ, или такъ. Отъ запою у шенія есть хорошее средство, также и отъ лихорадки — заговоръ, который надобно читать тебѣ на тошій желудокъ въ счастливый день и часъ (о семъ я составляю теперъ особую для тебя табли-

«цу изъ Брюсова Календаря и Курганова Письмовника), а отъ обыкновеннаго пьянства есть весьма-благодѣтельная настойка изъ травъ, собираемыхъ въ иванову-ночь. Употребляющій сію настойку передъ обѣдомъ, съ произношеніемъ нѣкотораго небольшого, но весьма-сильнаго заговора, получаетъ въ скорости дѣйствительное облегченіе отъ сей подлой страсти.»

Прочитавъ это родительское посланіе, Григорій Васильевичъ почувствовалъ маленькое головокруженіе, которое, впрочемъ, не имѣло особенно-худыхъ для него послѣдствій: только потянулся онъ на гладкой травкѣ, даже какъ-будто внѣшняя сила стальными клещами пыталась вытянуть его въ надлежащую мѣру, дѣлающую человѣка годнымъ въ солдаты и, слѣдовательно, полезнымъ отечеству и человѣчеству. Потомъ, оправившись, онъ подумалъ про-себя кое-что очень-худое на-счетъ человѣческаго жребія и человѣческихъ стремленій; потомъ лицо его исказилось болѣзненнымъ гримасою, и онъ, въ изступленіи, будто отъ встрѣчи съ Бородачовымъ или Щеткинымъ, бросился съ заповѣднаго луга самъ не помня куда; пробѣжавъ множество пустынныхъ дорожекъ парка, преслѣдуемый какими-то страшными ему видѣніями, имѣвшими установленный человѣческой образъ и въ рукахъ — орудія пытки: счеты, респиски, подписки, записки, векселя, заемныя письма, — и усталый до изнеможенія, очнулся онъ въ толпѣ народа, любовавшагося рѣдкимъ зрѣлищемъ.

Это зрѣлище приготовилъ публикѣ заботливый сельскій хозяинъ и владѣлецъ деревни Наболотной. На большой полянѣ, окруженной темною каймою деревьевъ, представлялась прежде всякихъ другихъ штукъ, даже прежде восхожденія по канату — индивидуальная сцена, до слезъ тронувшая умиленныхъ зрителей.

На первомъ планѣ этой сцены въ легонькой бесѣдкѣ сидѣлъ почтенный и весьма-благодѣтельный сельскій хозяинъ, окруженный многочисленнымъ семействомъ и потомствомъ, блистательною рюнею и почетными любителями идиллій.

Всѣ они только-что откушали. Хоръ собственныхъ талантовъ сельскаго хозяина пѣлъ народныя пѣсни, приличныя случаю.

Григорій Васильевичъ почувствовалъ и подумалъ, что—ничего, и хотя дорогу пробиваютъ рублемъ, а не грудью, онъ, однакожъ, попробовалъ пройти въ этомъ саду безъ рубля «дорогою выбитой», и пошелъ—вмѣшался въ толпу, и оказалось, что дѣйствительно ничего, что можно иногда ходить и обходиться безъ рубля. Зашелъ онъ и въ кондитерскую, полную до избытка разныхъ господъ и госпожъ съ отличнымъ аппетитомъ, прислушался къ жужжанію разговоровъ, понѣжилъ слухъ свой хлопаньемъ пробокъ и уже хотѣлъ выйти отсюда, когда оказалось, что нельзя выйти.

— Здравствуй, Наревскій! Здравствуйте, господинъ Наревскій! Григорій Васильевичъ, что же вы? Здѣсь, здѣсь... милости просимъ...

Григорій Васильевичъ, услышавъ знакомые ему голоса, почув-

ствовалъ нѣкоторое душевное смущеніе, поспѣшилъ оглянуться въ ту сторону, изъ которой неслись эти восклицанія, и—тутъ-то оказалось, что никакъ нельзя выйти, да еще и то оказалось, что лучше было бы вовсе не приходить сюда, о чемъ, конечно, слѣдовало подумать прежде, и еслибъ было подумано, то вышло бы прямое и здравое заключеніе, что вовсе не за чѣмъ было приходить ни сюда, въ кондитерскую, ни въ садъ, въ которомъ можно проложить себѣ дорогу не рублемъ, а однимъ собственнымъ умомъ, ни въ деревню Наболотную, въ которой позволяется курить сигары.

За столомъ, въ виду Григорія Васильевича, сидѣли особы съ такими заглавляями. Иванъ Леопольдовичъ, счастливый по мѣсту, по отношеніямъ къ нужнымъ лицамъ, по женѣ, по дочери, по жезудку, по значенію между петербургскими людьми — и только несчастливый втайнѣ, въ глубинѣ души несчастливый тѣмъ, что въ одной важной бумагѣ (удостоверяющей, впрочемъ, что онъ ко всему отличному способенъ и всякихъ повышеній достоинъ) сказано, да еще хуже того — между нѣкоторыми людьми совершенно извѣстно, что происходитъ онъ изъ обыкновеннаго мѣщанскаго званія. Конечно, тутъ по его же собственному убѣжденію есть даже поводъ къ блистательному заключенію, что прямыми, дескать, заслугами, благородствомъ души и вышелъ въ люди — такъ оно и «заключается» при всѣхъ удобныхъ случаяхъ; но сколько приходится встрѣчать въ жизни иныхъ случаевъ, неудобныхъ и весьма-грустныхъ случаевъ, при которыхъ никакъ нельзя, совершенно неудобно найти справедливый поводъ къ такому логическому и блистательному заключенію? И вотъ, какая-то немочь втайнѣ гложетъ благородную душу значительнаго человека, изъ мѣщанства вышедшаго, и только припадки этой болѣзни по-временамъ нарушаютъ гармонію его жизни, благополучно текущей отъ повышенія до повышенія, жизни исполненной гигиеническаго спокойствія и пріятнаго разнообразія въ объѣдахъ... И она же, тайная немочь, порою вредитъ воздержанному пищеваренію, разстроивая вмѣстительный желудокъ значительнаго человека.

Тереза Ивановна—его супруга, доводящаяся сестрою Минѣ Ивановнѣ Шустеръ, небезизвѣстной Григорію Васильевичу въ качествѣ его «хозяйки».

Мина Ивановна и хозяйка—персонально.

Другая Мина Ивановна, племянница предъидущей Минѣ Ивановны, нѣжно-любимая дочь вполне-счастливой Терезы Ивановны и не совершенно счастливаго Ивана Леопольдовича.

Адамъ Богуславичъ Шжеходзѣцкій, молодой человекъ съ отличными бакевбардами и способностями, идущій по жманенному пути скоро, легко, почти такъ же, какъ Григорій Васильевичъ ходитъ по петербургскимъ улицамъ.

И еще одна прекрасная особа, незнакома Григорію Васильевичу: то была дама моложе Минѣ Ивановнѣ-тѣтеньи, безъ всяка-

го, впрочемъ, дальнѣйшаго и вовсе-невозможнаго сравненія женщины съ хозяйкою, и живѣе въ движеніяхъ, полнѣе, совершеннѣе Мины Ивановны-племянницы.

Къ каждой изъ этихъ особъ, кромѣ незнакомой дамы, Григорій Васильевичъ состоялъ въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему отношеніяхъ. Вотъ почему, когда слуха его коснулись знакомые голоса, онъ почувствовалъ, что уйти отсюда «такъ» никакъ нельзя. Кромѣ того, онъ чувствовалъ неровное бѣвеніе своего сердца и маленькую, давно-знакомую ему лихорадочку.

— Позвольте представить вамъ, баронесса, Григорья Васильевича Наревскаго, унтер-кандидата логики и благомыслия... Григорій Васильевичъ мнѣ лучший другъ... Служить Аполлону и музамъ... Григорій Васильевичъ, — баронесса Федосья Глѣбовна Штокфишъ, цѣлительница изянцаго и покровительница людей съ дарованіями.

Такимъ-образомъ, господинъ Пжеходзѣцкій вовсе-неожиданно для господина Наревскаго рекомендовалъ его незнакомой дамѣ и ее господину Наревскому. Григорій Васильевичъ догадался, что тутъ не безъ коварнаго умысла со стороны Пжеходзѣцкаго; иначе, съ какой бы онъ стати назвалъ его, Григорья Васильевича, своимъ лучшимъ другомъ, тогда-какъ Богу на небѣ и Управѣ Благочинія на землѣ извѣстно, что этотъ самый Пжеходзѣцкій есть неумолимѣйшій кредиторъ своего лучшаго друга, неоплатнаго, бѣдствующаго должника, людьми и музами оставленнаго Наревскаго?

Григорій Васильевичъ рѣшился не показывать вида, что онъ подозреваетъ Пжеходзѣцкаго, а только наблюдать за нимъ и вести себя какъ должно, даже лучше чѣмъ должно, и началъ тѣмъ, что опрокинулъ стулъ, сконфузился, сѣлъ между Пжеходзѣцкимъ и баронессою, неловко поклонился баронессѣ, сказалъ ей какую-то пелшость и растерялся окончательно.

А Пжеходзѣцкій, между-тѣмъ, наклонившись къ Минѣ Ивановнѣ-племянницѣ, говорилъ что-то, вѣроятно, все на-счетъ его же, своего лучшаго друга, должно быть очень-пріятное и остроумное, потому-что она то краснѣла, то улыбалась, то смѣялась потихоньку, и баронесса, изрядка посматривавшая на нихъ, тоже смѣялась чему-то, да и Григорій Васильевичъ, уже оправившійся отъ первоначальнаго смущенія, смѣялся, глядя на то, что Мина Ивановна ни слова съ нимъ промолвить, ни взглянуть на него не можетъ, занятая интереснымъ разговоромъ съ господиномъ Пжеходзѣцкимъ; а было же время... и Григорій Васильевичъ вспомнилъ это время; но къ-чему? Теперь на него не смотрятъ и не думаютъ о немъ. Очевидно, что господинъ Пжеходзѣцкій нарочно познакомилъ его съ баронессою Штокфишъ, чтобъ самому удобнѣе разговаривать съ Минною Ивановною. По какому же это праву? «Мина Ивановна... позвольте... одно слово, Мина Ивановна!..»

— Я слушаю, господинъ Наревскій; что, ваши дѣла совершенно несправедливы? Пора, господинъ Наревскій, отвѣчала Мина Ивановна, только не та, а другая, — та говорила съ Пжеходзѣцкимъ.

— Поправляются. Миша Ивановна, съ каждою минутою поправляются, забылъ Григорій Васильевичъ, и глаза его снова съ выраженіемъ тоскливой мольбы обратились къ Мишѣ Ивановнѣ-племянницѣ... Нѣтъ, она не только не смотритъ на него, даже не хочетъ смотреть, — Пжеходзѣцкій овладѣлъ всѣмъ ея вниманіемъ.

Все это какъ-будто не понравилось Григорію Васильевичу и наконецъ взбѣсило его до крайности, такъ-что онъ подумалъ даже, что есть всему границы. Потомъ онъ всею силою души своей пожелалъ Пжеходзѣцкому всякаго зла, а себѣ рублей въ мѣру, для проявленія своего человѣческаго достоинства, безсовѣстно оскорбляемаго всѣми, даже ею, Мишою Ивановною-племянницею, чего отъ нея никакъ не ожидалось... Теперь-то и нужны рубли, когда мѣра несправедливаго отверженія челоуѣка совершилась; теперь-то и настала часъ воздаянія и расплаты...

Миша Ивановна-тѣтельница, Тереза Ивановна-маменька и Иванъ Леопольдовичъ-папенька кушали чай, да прислушивались къ отдаленнымъ звукамъ музыки, заглушаемой говоромъ народа и всепокрывающимъ громомъ бутылочныхъ залповъ.

Господинъ Наревскій сталъ веселъ и говорливъ; правда, знакомая лихорадочка была его, была и какъ-будто кошка гладила его по сердцу бархатными лапками, стальными ноготками; онъ, однакожъ, былъ все-таки веселъ, говорилъ баронессѣ глупости смѣшныя и занимательныя. Она слушала его сначала разсѣянно, занятая наблюденіемъ успѣховъ Пжеходзѣцкаго, потомъ внимательнѣе, заинтересованная его неумолкаемою болтовнею и кстати-разсказанною имъ смѣхотворною исторіею о невѣроятно-безтолковыхъ путешествіяхъ какого-то злосчастнаго должника по столичному городу Санктпетербургу.

Иванъ Леопольдовичъ и господинъ Пжеходзѣцкій изрѣдка будничною фразою вмѣшивались въ оживленный разговоръ Григорія Васильевича съ баронессою; но, видно, оба они были очень заняты сегодня чѣмъ-то другимъ, и точно: Пжеходзѣцкій пользовался счастливымъ случаемъ высказаться передъ Мишою Ивановною и при этомъ же счастливомъ случаѣ разрисовать грязью и желчью ни въ чемъ невиннаго и очень-мало подозрѣвающаго Григорія Васильевича; а Иванъ Леопольдовичъ, раздраженный присутствіемъ несметной толпы, чувствовалъ свой роковой припадокъ и начиналъ женироваться и компрометтироваться среди множества людей всякаго состоянія, неразличенныхъ между собою ничѣмъ такимъ особеннымъ, чтобъ челоуѣку тоже что-нибудь значущему очевидно было, какъ тутъ съ кѣмъ быть при встрѣчѣ: на сколько градусовъ поднять носъ, подъ какимъ угломъ согнуться, передъ кѣмъ должно держаться съ свойственнымъ своему значенію чувствомъ собственнаго достоинства, а передъ кѣмъ съ совершеннѣйшимъ сознаніемъ своего ничтожества. Бѣдный сановитый челоуѣкъ такъ страдалъ своимъ припадкомъ, такъ запутался въ лабиринтѣ отношеній, между петербургскими людьми существующахъ, что

въ ту минуту, когда въ темномъ небѣ вспыхнула ракета и толпа хлынула на лугъ въ ожиданіи фейерверка, онъ подошелъ къ господину Наревскому и съ совершеннѣйшею граціозностью, съ неукоризненною вѣжливостью подаль ему руку, чтобъ вести его, въ качествѣ баронессы Штокфяшъ, къ мѣсту блистательнаго зрѣлища. Григорій Васильевичъ успѣлъ обратить его, достаточно уже опѣшеннаго, къ баронессѣ, а самъ отправился для горестныхъ наблюдений за успѣхомъ злораднаго Пжеходзѣцкаго. Онъ только успѣлъ услышать отъ баронессы, на прощанье, но не понялъ и не оцѣнилъ растерзаннымъ седцемъ благосклонное выраженіе, что она надѣется видѣть его у себя въ домъ, въ небольшомъ кругу друзей своихъ.

Но господинъ Пжеходзѣцкій, какъ-будто предчувствуя намѣреніе господина Наревскаго, вдругъ исчезъ у него изъ вида съ Миною Ивановною-племянницею, Миною Ивановною-хозяйкою и Терезою Ивановною-маменькою, и Григорій Васильевичъ, измятый толпою народа, стремившеюся къ фейерверку, и озадаченный явнымъ покушеніемъ своего лучшаго друга на присвоеніе драгоцѣннѣйшаго его достоянія — невиннаго, голубиваго сердца Мины Ивановны-племянницы, отправился наконецъ, послѣ долгаго, тщетнаго поиска, по прямому тракту на мѣсто своего бѣдственнаго жительства, въ Спасскій-Переулкъ.

Какъ ни дологъ былъ путь, ему предстоявшій, однакожь большая часть его пройдена была благополучно, безъ особыхъ приключеній и непріятныхъ встрѣчъ, вообще свойственныхъ его путешествіямъ. Отсутствие встрѣчъ объяснялось, впрочемъ, темнотою поздняго вечера; притомъ же сталъ накрапывать мелкій дождикъ, который скоро усилился и ливнемъ полилъ на Григорья Васильевича, а Григорій Васильевичъ былъ все еще далеко отъ Спасскаго-Переулка и не имѣлъ ни зонтика, ни кареты, въ которой бы могъ продолжать свое путешествіе, по-прежнему, благополучно.

Къ довершенію непріятности своего положенія, Григорій Васильевичъ вспомнилъ, что онъ въ тотъ день еще не успѣлъ пообѣдать: почему и надлежало пообѣдать какъ-нибудь, но тутъ же, къ великому своему утѣшенію, сквозь сумракъ ночи, въ которомъ тускло мерцали улчные фонари, замѣтилъ красный знакомый ему фонарь, съ надписью: «ресторанція», потомъ замѣтилъ и свѣтившую ясьѣе этого фонаря пространныю лысину Савелья, хорошаго своего пріятели и буфетчика въ этой ресторанціи, занимавшагося у открытаго окна чтеніемъ назидательной для ума и сердца, хотя отчасти и безтолковой книги, Всеобщимъ Секретаремъ или Политическимъ Письмовникомъ называсмой.

Григорій Васильевичъ не усомнился зайти къ Савелью, чтобы переждать дождь и пообѣдать какъ-нибудь въ долгъ, до будущихъ рублей, и имѣлъ удовольствіе встрѣтить со стороны Савелья безпрекословное удовлетвореніе своему желанію и совершеннѣйшее удивленіе къ своему человѣческому достоинству: по особому распо-

рженію Савелья, для такого почетнаго гостя и обѣдъ былъ приготовленъ особый, отличный. Григорій Васильевичъ съ большимъ аппетитомъ скушалъ супъ, соусъ, жаркое и поджидалъ какого-то особеннаго пирожнаго, готовившагося на французскій манеръ, когда дверь изъ кухни отворилась, и въ залу, гдѣ помѣщался буфетъ и кушалъ Григорій Васильевичъ, вмѣсто пирожнаго на французскій манеръ явился человекъ, слывшій мѣщаниномъ Щеткинымъ.

Щеткинъ занималъ квартиру недалеко отсюда, и потому не стѣснялся, или, какъ говорятъ между людьми не подлаго состоянія, не женировался насчетъ своего костюма: пришелъ онъ сюда въ своемъ домашнемъ неглиже, — именно въ малоподержанномъ женскомъ капотѣ, который онъ употреблялъ въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто фрака, и безъ шляпы, но съ палкою въ рукахъ, и было очень-замѣтно, что не далѣе какъ на прошедшей недѣлѣ онъ брился. За нимъ шелъ трактирный служитель, которому читалъ онъ практическое поученіе.

Григорій Васильевичъ, увидѣвъ Щеткина, поблѣднѣлъ, забылъ о пирожномъ и вспоминалъ о существованіи въ Петербургѣ квартальныхъ надзирателей.

Щеткинъ посмотрѣлъ на Григорья Васильевича и улыбнулся ему притѣмъ и благосклонно, какъ-будто все ничего, или какъ-будто все приведено къ счастливому окончанію полицейскимъ порядкомъ; потомъ онъ помѣстился въ креслахъ насупротивъ Григорья Васильевича, приказалъ буфетчику дать чаю на двѣнадцать копеекъ для двухъ персонъ и снова обратился къ служителю съ неоконченнымъ поученіемъ...

— Толкомъ же я говорю тебѣ, мужикъ ты необразованный, что прежде всего надлежитъ имѣть паспортъ во всегдашней чистотѣ и исправности... чтобы былъ у тебя паспортъ непросроченный, значить чистый — такъ тогда тебѣ самъ надзиратель ни по чемъ; а просрочилъ паспортъ — не проси пощады, хоть въ воду лѣзь, хоть волкомъ вой; будь ты чѣмъ хочешь: промышляй ты на Сѣнной, да на рынкѣ по чужимъ карманамъ, да только вѣдай, что непрописавшая душа — пропащая душа. Со мною то же случилось: когда еще я былъ дуракомъ — да я-то что! я, сударь ты мой, вольный человекъ, мѣщанинъ, значить гражданинъ, а граждане — понимаешь, какіе люди, на-примѣръ, римскіе граждане и рижскіе тожь? Такъ я, видишь ты, не то, чтобы какое-нибудь животное, да и тутъ, сударь ты мой, не стали со мною церемониться въ кварталѣ, а послали меня съ будочникомъ за Московскую-Заставу, да и расписку взяли на гауптвахтѣ, что такого-то числа, въ такомъ-то часу выбылъ, дескать, такой-то мѣщанинъ Щеткинъ изъ столичнаго города Санктпетербурга въ царствующій градъ Москву. Такъ я, сударь ты мой, и пошелъ, и пошелъ, все, знаешь, выизъ по Обводному-Каналу, да и воротился благополучно на старую хватуру. Вотъ что-съ!

— Иди же себѣ теперь, куда тебѣ нужно, а завтра приходи

пораньше ложки и сибирку! посмотримъ, что за ложки и что за сибирка, да и росписку привося, что такъ и такъ-моль продавъ дескать ложки и сибирку. Это для проформы. Убирайся!

Кончивъ такимъ-образомъ увещаніе горемычному служителю и очастлививъ его надеждою на полученіе рублей подъ залогъ какихъ-то ложекъ и сибирки, мѣщанинъ Щеткинъ обратился къ чаю, налилъ имъ два стакана, прихлебнулъ изъ перваго, а другой бѣгомъ подвинулъ къ Григорію Васильевичу, ругнулъ буфетчика, что не настоящего, не «того самаго» чаю даетъ, благосклонно вслушалъ отвѣтъ буфетчика, что «чай дѣйствительно тотъ самый-съ», потомъ уже удостоилъ освѣдомиться у Григорія Васильевича, что же это онъ молчитъ, куда его прить дѣвалась, и что, наконецъ, слышно хорошаго о рубляхъ, да тутъ же кстати спросилъ его о здоровьѣ и флегматически протянулъ къ нему черезъ столъ мощную, мускулистую руку для пожатія.

Григорій Васильевичъ, пожавъ простертую къ нему руку, отъчалъ Щеткину на его вопросы послѣдовательно, что онъ въ отношеніи къ извѣстному предмету высказался вполне; что опытность и различныя оскорбленія, имъ терпимыя, охладили въ немъ юношескій пылъ; что о рубляхъ, покажѣсть, слышно все то же: они будутъ непременно, по окончаніи имъ некоторой цѣнной работы; а что касается здоровья его, то оно, можно бы сказать, ничего, еслибы не было потрясаемо и разстроиваемо періодическою лихорадкою; что, наконецъ, высказанное имъ, господиномъ Щеткинымъ, участіе въ его здоровьѣ трогаетъ его, Григорія Васильевича, до глубины души и подаетъ ему надежду на благосклонное снисхожденіе къ его невольной неисправности въ расчетѣ по одной хозяйственной операци.

— О снисхожденіи ты мнѣ не говори, замѣтилъ Щеткинъ рѣшительно. — Я, сударь мой, свое дѣло знаю и вашего брата, барина, знаю. Такъ ужь ты мнѣ не говори. Все пойдетъ у меня своимъ порядкомъ, и при всемъ томъ я тебя добра желаю и на путь тебя готовъ наставить, потому-что человекъ ты жалкій и пустой до крайности...

Григорій Васильевичъ поблѣднѣлъ и задрожалъ отъ праведнаго негодованія противъ этого оскорбительнаго ложнаго эпитета; онъ скоро успокоился, разсудивъ, что доброжелатель его, Щеткинъ, выражается такимъ тономъ по свойству своей неотесанной натурѣ и по искреннему къ нему сочувствію.

— Жалкій и пустой до крайности! повторилъ искренній сочувствитель. — Не можешь ты какъ-нибудь рубля добыть, чтобы и кланяться потомъ алтыну и копейкѣ! Ну, пойдѣ на то, чтобы свои, выходить, рубля имѣть и самому-себѣ быть господиномъ. Заведи у себя рубля какъ-нибудь!

— Какъ-нибудь! возразилъ Григорій Васильевичъ. — Да какъ это это какъ-нибудь?

— Надобно-таки немножко умнѣнъ, чтобы выудить рубля и

лукаго кармана. Нуженъ талантъ особый на то, чтобъ жить на свѣтъ какъ-нибудь, да знаешь, такъ, на чужой счетъ. А у тебя-то, сударь мой, и нѣтъ такого талану, а есть, примѣрно сказать, у Васьки, у поваренка одной барыни и баронши Штокфишъ...

— Баронессы Штокфишъ?

— Да, только не въ этомъ, сударь мой, дѣло, а дѣло въ томъ, что этотъ, примѣрно сказать, Василій, Васька, Васютка, вообще бесовымъ сыномъ называемый — паренъ плюгавый и невзрачный и жалованье ему идетъ отъ самого повара натурою—шелчками и пивками, а смотритъ на него и дивуется поваръ и вся дворня баронши, откуда приходитъ къ нему щегольская аммуниція: то жилетка, знаешь, такая, то рубаха красная, то платокъ какой-нибудь, то въ сапогахъ вдругъ учнетъ ходить, животное, въ выростковскихъ, или даже козловыхъ — откуда? Воровать онъ не воруетъ, никто не поймалъ и не замѣтилъ, на поварское жалованье и лантей не купишь, не то, что сапоговъ со скрипомъ такимъ, что черезъ улицу слышно, какъ поваренокъ идетъ. Стали за нимъ приглядывать, да присматривать, думали поймать въ чемъ-нибудь—и поймали—таки, да ничего! Еще ему же честь и слава, плюгавому Васюткѣ! Поймали его на томъ, что угождаетъ онъ барской ключвицѣ, пожилой Семеновнѣ, а у пожилой Семеновны, знаешь, всякое добро на рукахъ. Пришелся ей Васютка по сердцу, такъ Васютка у ней просто какъ сыръ въ маслѣ катается! Такъ, вотъ, братъ, какія дѣла дѣлаютъ люди темные, и дѣлаютъ, какъ видишь, не худо. А будь этотъ Васютка на твоемъ мѣстѣ, онъ сдѣлалъ бы еще лучше. А мы-то съ тобою, ученые, что?

— Вы правы... я недалеко въ соображеніяхъ житейскихъ выгоду, однакожь, опытность, думаю... не теряю надежды... А что, позволите узнать, что это за барыня такая, баронесса Штокфишъ?

— Да тебѣ-то на что?

— Я познакомился сегодня съ одною баронессою Штокфишъ, такъ не та ль?

— Конечно, та. Во всемъ Петербургѣ только и есть одна известная баронесса Штокфишъ.

— А чѣмъ она известна?... Сдѣлайте одолженіе, если вамъ самимъ что-нибудь известно, расскажите мнѣ... это меня очень интересуетъ.

— Изволь. Да только слушай хорошенько и понимай.

БАРОНЕССА ШТОКФИШЪ.

«Былъ, милостивѣйшій вы мой гесударь» началъ мѣщанинъ Щеткинъ: «былъ, сударь ты мой, на блѣдомъ свѣтѣ баронъ Штокфишъ, человекъ отставной, буйный и до крайности пьющій и нетоварный. Воспитаніе-то, знаешь, пошло ему не впрокъ. Гдѣ-то, говорятъ, былъ онъ лѣтъ десять студентомъ, дрался на дуэли чудесно, учился дурно, а долги трактирщикамъ платилъ и того хуже.

Вот и выпроводили его однажды съ хорошимъ аттестатомъ на столбовую петербургскую дорогу — для направленія здоровья на чистомъ воздуху. Онъ и пошелъ куда глаза глядятъ, да и пришелъ, сударь ты мой, прямо сюда, въ Петербургъ; пришедши въ Петербургъ, онъ нанялъ себѣ уголокъ въ Подъяческой. Привернулся къ хозяйкѣ, а къ своему опекуну послалъ обстоятельное извѣстіе, что, дескать, къ мирнымъ наукамъ и къ партикулярной формѣ не чувствую никакого влеченія, а чувствую влеченіе къ ночнымъ экспедиціямъ въ опочивальни мирныхъ гражданъ и гражданокъ и пр. и пр. Такъ пришлите, стало-быть, любезнѣйшій и двородный дяденька, пришлите мнѣ мои бумаги, да денегъ побольше пришлите, да благословите меня — или какъ тамъ у нихъ это по-нѣмецки — благословите, дескать, въ военную службу вступить.

«Ну-съ, милостивѣйшій мой государь, такъ это все и случилось: опекунъ выслалъ барону Штокфишу бумаги и деньги, да еще и больше сдѣлалъ — пересталъ быть опекуномъ, а ему, совершеннолѣтнюю сущу — вручилъ право и власть надъ клочкомъ земли — мызкою называемой. Получивъ бумаги и власть, баронъ скоро-таки дѣйствительно сталъ юнкеромъ, а тамъ и дальше пошелъ, и такъ очень-вольно и скоро шелъ по произволу до самаго штаб-ротмистра, а дальше ни съ мѣста — ни коимъ образомъ не могъ пойдти дальше. Усталъ, сердечный.

«Пошедши, сударь вы мой, служить по этой части, баронъ Штокфишъ повелъ отъ совершеннаго бездѣля и по душевному расположенію — разгульную жизнь и кутилъ онъ, игралъ и во всякія продѣлки пускался четыре года, пять мѣсяцевъ и шесть дней ровно; въ седьмой день онъ пересталъ кутить, а поѣхалъ въ гости къ господину Дубоватому, человеку первой гильдіи, подрядчику, Глѣбу Тарасевичу.

«У Глѣба Тарасевича былъ сынокъ, удавшійся не въ своихъ, а въ чужихъ предковъ, Степанъ Глѣбовичъ, простой души человекъ, большой пріятель барону Штокфишу; а баронъ, сударь вы мой, все себѣ проматывалъ на здоровье и самъ уже видѣлъ конецъ своей беззаботной жизни. Вотъ что-съ...

«У того же Глѣба Тарасевича было другое дѣтище — дочь в дѣвѣста, доводившаяся Степану Глѣбовичу родною сестрою, Федосья Глѣбовна, дѣвка дюжая, ражая, бойкая не въ родню и не въ предковъ. Огонь-дѣвка была.

«Баронъ посмотрѣлъ на нее, поговорилъ съ нею и пересталъ кутить. Федосья Глѣбовна посмотрѣла на него: не што — баронъ какъ баронъ, только кутило — ну, да ничего. Степанида Глѣбовна была не въ родню и не въ барона.

«Баронъ Штокфишъ обрадовался Степанидѣ Глѣбовнѣ и ея тятенькѣ, тятенька обрадовался барону, а она сказала, что какъ тятенькѣ угодно, такъ тому и быть, а изъ тятенькиной воли она ни за что не выйдетъ. Тятенька прослезился отъ удивленія, третью

часть благопріобрѣтеннаго добра перевелъ на ея имя, да изъ остатльнаго отказалъ ей половину въ завѣщаніи.

«Нѣчего и говорить, что обѣ стороны не откладывали дѣла въ долгій ящикъ. Тятенька не могъ достать барона въ зятя на биржѣ во всякій часъ, или на нижегородской ярмаркѣ всякій годъ, за умѣренную цѣну, а баронъ и подавно, промотавшійся и преслѣдуемый ростовщиками, не могъ найти такого челоуѣка въ тятеньки. Обѣ стороны были нужны одна другой, такъ дѣло сладилось; и свадьба была сыграна живо и скоро, и Фелосья Глѣбовна, купеческая дочь, стала называться бароншею фон-Штокфишъ.

«Ну, и ничего бы; женились такъ и пусть живутъ. А вышло-то другое. Баронъ былъ себѣ-на-умѣ, а баронша себѣ-на-умѣ. У барона не оставалось ни алтына, а ему нужно было рублей тысячи тысячъ; для этого-то, для спасенія своей души, онъ и женился на бароншѣ; но баронша какъ-будто курсу такому училась: отказала ему на-отрѣзъ въ распоряженіи ея добромъ, даже обидѣлась и сказала, что она не понимаетъ себя, не понимаетъ какъ это можно, чтобы молодой мужчина благородной фамиліи старался попасть на пенсію къ своей женѣ, и какъ смѣетъ мужъ предлагать своей женѣ, чтобы она была за него ответчицею — даже сказала что-то болѣе, что она свое право знаетъ, а ты, де-скаеть, откуда ты такой съ своими долгами? Нѣтъ, говорить, требую полнаго къ себѣ почтенія и ничего изъ права моего не уступаю, и пенсію глупому мужу не дамъ, и долговъ за него платить не стану, и его на глаза свои не допущу, потому-что онъ затѣялъ обмануть, оскорбить ее, свою невинную жену, Фелосью Глѣбовну.

«Вотъ и возъярился баронъ фон-Штокфишъ. Впрочемъ, ярился онъ не долго. Фелосья Глѣбовна съ перваго же дурнаго слова поставила или отставила его отъ себя на благородную дистанцію; онъ и струсилъ да и упалъ духомъ, а упавъ духомъ, пошелъ опять на прежній путь, и тутъ уже «по пути» былъ однажды представленъ попечительнымъ челоуѣкомъ въ нѣкоторое заведеніе, называемое тюрьмою для долговыхъ арестантовъ.

«Тутъ ему и смерть приключилась, судырь вы мой! Баронша осталась вдовою и теперь — живетъ-себѣ въ своемъ домѣ, ѣздитъ въ каретѣ съ баронскими гербами, посмѣивается съ мужчинами и надъ мужчинами — да еще что... Еслибъ ты зналъ только, что еще!.. О! огонь-баба! Я выводилъ таракановъ въ людской въ ея квартирѣ и разузналъ все обстоятельно! Хорошо, что ты съ нею познакомился.

«Такъ вотъ какъ-съ! Спокойной тебѣ ночи.»

V.

Господинъ Наревскій окончателно изрѣзываетъ перо, теряетъ нить своихъ воспоминаній и предается размышленіямъ.

Господинъ Наревскій, все еще запятый очинкою пера, окончателно оправился отъ извѣстнаго припадка самозабвенія, которымъ онъ привелъ провинцальнаго дворника въ глубокое недоміе. Только никакъ не могъ «дойти», гдѣ и что именно было причиною припадка. Онъ вспомнилъ все случившееся съ нимъ накануне и возбужденное въ немъ, послѣ давишной встрѣчи съ коварными господами Пжеходзѣцкимъ и Щеткинымъ, сознание необходимости идти прямо къ Терезѣ Ивановнѣ, значить, и къ Ивану Леопольдовичу и къ Минѣ Ивановнѣ, а прежде всего — къ баронессѣ Штокфишъ; на этомъ пунктѣ воспоминанія его останавливались; онъ бросилъ изрѣзанное перо и никакъ не могъ уже припомнить съ логическою послѣдовательностью дальнѣйшихъ приключеній своихъ въ теченіе этого дня, разрешившихся такимъ страннымъ и соблазнительнымъ припадкомъ самозабвенія... только самозабвеніе онъ и могъ помнить во всей его ужасающей истинѣ: очевидно было также, что началось оно извѣстнымъ праведнымъ его негодованіемъ на Пжеходзѣцкаго и Щеткина за неуваженіе къ его человѣческому достоинству и простиралось въ его памяти почти-непроницаемымъ покровомъ надъ всемъ случившимся съ нимъ послѣ этой оскорбительной встрѣчи. Смутнымъ, несвязнымъ видѣніемъ, кое-какими отрывками, неимѣющими между собою необходимой логической связи, представлялось ему, что будто-бы послѣ неучтиваго обхожденія съ нимъ, давича, взящнаго Пшеходзѣцкаго и Франтовитаго Щеткина, восчувствовавъ праведное противу нихъ негодованіе, онъ кинулся, взволнованный и разъяренный, въ Гороховую, оттуда повернулъ-было на Фонтанку, чтобы сходить къ Бородачову, живущему у Лѣтняго-Сада — но дошелъ только до Чернышева-Моста и разсудилъ, что Бородачовъ такая же скотина, если еще не хуже, и потому отправился къ Шельганову, живущему пребываніе у Бердова-Завода — Шельгановъ былъ крайней-мѣрѣ учтивъ въ обращеніи и выслушивалъ своихъ просителей съ свойственною самому идеальному ростовщику внимательностію. — Шельгановъ, слѣдовательно, взявъ съ него нѣкоторую бумагу, заемнымъ письмомъ называемую, могъ бы пособить ему выкупить свою душу и свою репутацію изъ рукъ прочихъ безошадныхъ господъ; но, дойдя будто-бы до Аларчина-Моста, онъ вспомнилъ, что Шельгановъ, правда, превосходитъ тѣхъ прочіихъ господъ «безошадныхъ» въ вѣжливости, но еще болѣе превосходить ихъ въ безошадности... Послѣ этого голова кругомъ пошла у Григорія Васильевича, и онъ какимъ-то образомъ очутился у баронессы Штокфишъ, которая познакомила его съ двумя скучными особами, своимъ братомъ офицеромъ и еще какимъ-то французскимъ господиномъ, будто-бы недавно прибывшимъ изъ Воронежа арти-

стемъ. Тутъ онъ будто-бы заговорилъ — и заговорилъ такое, что баронесса Штокфишъ, и братецъ ея, и даже артистъ, изъ Воронежа прибывшій, покатывались со смѣху... Вспомнивъ вліяніе своего дара слова на убѣжденіе деревяннаго сапожника, какъ и вообще свое нравственное, человѣческое превосходство надъ окружающими его людишками, онъ не усомнился будто-бы, скрѣпя сердце, разрываемое тоскою, потѣшить-разсѣять скучающую баронессу и ея скучныхъ кавалеровъ — нѣсколькими кстати — приведенными анекдотцами... И ушелъ онъ будто-бы также кстати, поторопившись зачѣмъ-то и не исчерпавъ своего наличнаго остроумія, а общалъ, по настоятельному приглашенію баронессы, быть у нея завтра къ обѣду. Отъ баронессы будто-бы пошелъ онъ на Волково-Поле — тоска смертная мучила его: Мина Ивановна своимъ непонятнымъ обращеніемъ, господинъ Пжеходзѣцкій своимъ нахальствомъ разрывали его сердце; особливо Мина Ивановна... И вотъ, будто-бы торопится, торопится онъ для рѣшительнаго объясненія, для обнаруженія лжи и коварства души человѣческой: съ Волкова-Поля онъ примехонько пошалъ, будто-бы, въ кабинетъ Терезы Ивановны, гдѣ были также Иванъ Леопольдовичъ, Мина Ивановна и уже встрѣченный имъ сегодня Пжеходзѣцкій; между обоими мужчинами шелъ олушевленный разговоръ о дурномъ направленіи вѣка, о непостоянствѣ вкусовъ, убѣжденій, понятій и стремленій: одинъ, на-примѣръ, служить по такой-то части и вдругъ перейдетъ въ другую часть; другой тоже, на-примѣръ, пойдетъ по хорошей дорогѣ и идетъ хорошо, успешно и надежды подаетъ; вдругъ, смотришь, ни съ того ни съ сего, повернулъ въ другую сторону и плетется-себѣ по колѣямъ въ грязи какую-то глухую тропинкою, а господинъ Пжеходзѣцкій, желая быть популярнымъ передъ дамами, изложилъ этотъ отвлеченный примѣръ такую болѣе-понятною отвлеченностью, что неудивительно, если люди измѣняются въ-отношеніи къ людямъ и переходятъ изъ одной части въ другую — съ битой дороги на заглохшую тропинку; а вотъ, есть существа высшаго разряда — есть особы, называемыя служителями боговъ, и тѣ подвержены той же отлмчающей вѣкъ нашей слабости, непостоянству: случается, на-примѣръ, что служитель Аполлона, начавшій свое служеніе съ успѣхомъ, вдругъ теряетъ уваженіе къ Аполлону и только числится въ службѣ Аполлона, а состоитъ-то въ дѣйствительной службѣ совсѣмъ по другому вѣдомству, дѣйствительно-то служить Бахусу, а не Аполлону... Окончивъ это популярное изложеніе отвлеченности, онъ выразительно взглянулъ на Григорья Васильевича, Григорій Васильевичъ взглянулъ на Мину Ивановну, Мина Ивановна отвернулась отъ него и вступила въ разговоръ съ господиномъ Пжеходзѣцкимъ, а Иванъ Леопольдовичъ спросилъ у него, что онъ теперь подвываетъ? Онъ же, будто-бы, ничего не отвѣчалъ, видя къ чему казнилось дѣло, и что господинъ Пжеходзѣцкій, для успѣха своего коварнаго искательства, нарисовалъ гри-

вью и показываетъ желающимъ какую-то мерзость подъ именемъ точнаго портрета господина Наревскаго...

Но это вовсе не портретъ, это карриатура какая-то, а если и портретъ, то не съ него, ничему непричастнаго и ни въ чемъ виновнаго Наревскаго, а съ кого-нибудь другаго, можетъ-быть, впрямь, тоже гражданина Наревскаго...

Тутъ опять непроницаемый туманъ сокрылъ отъ него случившееся, даже, можетъ-быть, и ничего не сокрылъ онъ, потому-что ничего больше не случилось, только господинъ Наревскій прикинулъ себя бѣгущимъ въ изступленіи черезъ Сѣнную, для личнаго удостовѣренія, не существуетъ ли въ одномъ извѣстномъ домѣ какой-нибудь другой человекъ и господинъ Наревскій, только не несчастный, а мерзавецъ какой-нибудь?.. Очевидно, что такое странное предположеніе могло родиться только въ умѣ, сильно потрясенномъ преслѣдованіями, измѣною и безсовѣстностью людишекъ, и еще очевиднѣе, что въ извѣстномъ домѣ оказался всего - на - все только одинъ господинъ Наревскій, онъ самъ... Слѣдовательно, Изходзѣцкій пасквиль на него распространилъ, чтобъ «повредить» ему тамъ... Ну, съ одной стороны, что жь?

А съ другой стороны, какъ тутъ быть? какъ выпутаться изъ этой сѣти обстоятельствъ, злорѣчія, вѣншихъ посягательствъ и всевозможныхъ отношеній?

Господинъ Наревскій постарался-было «найтись» въ своемъ положеніи, вывести изъ всего съ нимъ случившагося какое-нибудь утѣшительное для себя заключеніе, и послѣ долгаго размышленія могъ только заключить, что очень-скучная глупость жизнь человѣческая...

И съ нимъ какъ-будто соглашался извѣстный подержанный черепъ, безмолвно-стоявшій на письменномъ столѣ его. Онъ глядѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ убійственной, всякое теплое чувство охлаждающей ироніи, какое не встрѣчается на лицѣ живаго человека. Да и какъ ему не трунуть надъ жизнью, ему, для котораго она разоблачила уже всѣ свои тайны, все свое ничтожество, всю пустоту свою?..

— Ты правъ, почтенный черепъ, подумалъ Григорій Васильевичъ:—ты знаешь жизнь больше меня, и смѣешься надъ нею горше, ядовитѣе, умнѣе и даже искреннѣе меня.

«А любопытно бы мнѣ знать, кому приналежалъ ты, мудрый черепъ, въ этой гадкой жизни, что за человекъ такой былъ ты, потому-что, будучи головою, ты сосредоточивалъ въ себѣ интересы и значеніе туловища...

«Былъ ли ты баринъ важный: родился ты, можетъ-быть, или удостоялъ родиться въ качествѣ вождельнаго наследника известнаго имени и благоустроеннаго имуществва, и приставили къ тебѣ нянекъ и мамокъ, дядекъ, гувернантокъ, гувернёровъ, камердинеровъ и всякаго наименованія народа, который заботился о тебѣ больше, чѣмъ о себѣ, такъ-что ты трудился только жить на ра-

дочь родителей и ни о чемъ головоломномъ не думать, а добрый запасъ мудрости на жизненную потребность учителя перевели въ тебя, разумный черепъ, изъ всякихъ книгъ и книжекъ учебныхъ, и ты, не учась ни чему, обойдя горькій опытъ, зналъ все, что знаютъ другіе, даже больше зналъ, потому - что слово твое было властно, и ты съ своимъ знаніемъ смѣло могъ судить, что

И то не такъ, и тотъ дуракъ, и изъ того-то худо будетъ.

«Прожилъ ты, можетъ-быть, въкъ свой самодовольно и счастливо, былъ ты строгъ, неумолимъ въ своихъ обязанностяхъ и за казенную копейку готовъ былъ душу свою положить? Великій мужъ! А когда ты умеръ, добрымъ словомъ и тяжкимъ вздохомъ помянуть тебя твой партнёръ въ клубъ, и горько поплакалъ о тебѣ новарь-Французъ, да Немецъ-каммердинеръ.

«Или жалкимъ пролетаріемъ, лишнимъ и никому-ненужнымъ человекомъ появился ты на свѣтъ Божій, и былъ ты, можетъ-быть, непривѣтливо встрѣченъ жизнью, въ которой никто не приготовилъ для тебя ни мѣста, ни цѣли, ни хлѣба насущнаго? И немалъ ты, можетъ-быть, скитаться по блу свѣту, ловя щелчки и суровые уроки, даромъ даваемые бѣдняку попечительною опытностью. А тамъ захотѣлъ ты употребить себя въ дѣло, избралъ какую-нибудь цѣль далекую, трудную, но достойную твоихъ силъ, развѣтыхъ въ трудномъ путешествіи по выбоинамъ и ухабамъ жизненной дороги, которой для тебя никто не улаживалъ своимъ лбомъ и руками, которую самъ ты своимъ потомъ замѣсилъ въ скользкую, непроходимую грязь?

«А нужда сковала тебѣ разумъ и руки, и тщетно ты томился жаждою дѣятельности: тебѣ не было простора и мѣста; въ маленькій тѣсный кружокъ заключила тебя, проклятая, и не нашелъ ты выхода отсюда, не удовлетворилъ своему живому стремленію, и немахъ ты съ горя, съ тески, которою подѣлиться не могъ ни съ кѣмъ, и обезумѣлъ ты, можетъ-быть, очень-умный и на доброе, на великое способный человекъ, обезумѣлъ ты отъ-того, что нѣкуда дѣваться тебѣ, постарѣлъ и вовсе состарѣлся, наконецъ, скоро, рано состарѣлся...

«А тамъ уже и умеръ ты какимъ-нибудь образомъ; Богъ-знаетъ какъ, почему и отъ-чего ты умеръ, только, можетъ-быть, пріятель да кредиторы заключили, что мужчина ты былъ молодой, такъ и не отъ-чего тебѣ было больше умереть, какъ отъ переноя!

«И свезли тебя бесполезно-жившаго человека на Выборгскую-Строшу въ Академію: тамъ старый инвалидъ выварилъ тебя хорошево въ котлѣ и скоро, въ одинъ сутки, сдѣлалъ тебя полезнымъ и нужнымъ, приготовивъ изъ тебя отличный хирургическій аппаратъ...

«Или, можетъ-быть, ложилъ ты прежде, ямъ умеръ совершенно; можетъ-быть, случай натолкнулъ тебя на какую-нибудь мерзость, и ты осмѣялъ свои прежнія кумиры, сталъ служить тому богу, который лучше платитъ, и сталъ ты — маршансомъ по убѣ-

жденію, былъ признанъ очень-униженнымъ, благороднѣе и во всемъ способнымъ человекомъ, и пожилъ ты, наконецъ, благодаря негустеству мерзости?»

Въ это время раздался знакомый Григорію Васильевичу звонокъ въ передней, и прежде чѣмъ онъ могъ испугаться или отвѣкнуться на то, чтобы вовсе не пугаться, почтальионъ подалъ ему какое-то письмо, присланное по городской почтѣ...

УК

Господинъ Наревскій никога не боится.

Надобно имѣть перо жаръ-птицы, гений Державина и чернила — совершенно новѣйшія, трижды патентованныя, четырежды-французскія, чтобы достойно описать — нѣтъ, выше — сочинить, еще выше — воспѣть, вотъ это, можетъ-быть, такъ и будетъ — воспѣть одно изъ чудесъ Спасскаго-Переулка: значить, все-таки сочинить — только не повѣсть, даже не поэму, а цѣлую эпопею въ двадцати-четыре-хъ поэмахъ, эпопею о томъ, какимъ-образомъ Мина Ивановна захопотаала, засутилась, заторопилась и всю свою прислугу заторопила еще съ самаго утра и перевернула всю мебель въ залѣ и посуду въ кухнѣ, — какъ скромной кошечкой и хитрой лисой вошла она въ комнату къ Григорію Васильевичу и безъ всякой предварительной просьбы принесла ему отличнаго, ароматнаго кофе, настоящихъ сливокъ и дѣйствительныхъ сухарей, а Григорій Васильевичъ, нисколько, рѣшительно-нисколько не испугавшись появленія, не чувствуя ни малѣйшаго смущенія въ душѣ, ласково и благосклонно кивнулъ ей головою, — какъ та же Мина Ивановна обратилась къ нему съ просьбою, чтобы онъ «сдѣлалъ ей одолженіе, не оставилъ»... и пр. и пр. все въ такомъ родѣ, а Григорій Васильевичъ, опять-таки нисколько не боясь ея, сказалъ ей: «извольте, извольте; ужъ за это я ручаюсь; я готовъ служить вамъ; только ужъ вы, того, относительно вина и бутербродовъ — чтобы все это, знаете, по первому слову...» И Мина Ивановна осталась очень-благодарною Григорію Васильевичу и даже, по выходѣ изъ комнаты, подумала о немъ кое-что, давно-недуманное, очень и очень-хорошее, — какъ потомъ Григорій Васильевичъ сталъ кушать свой кофе, не обращая вниманія на безпрерывный звонокъ въ передней в страшную возню во всѣхъ комнатахъ Мины Ивановны, — какъ, съ какимъ добромъ, у кого и почему на сохраненіи бывшихъ уаши одинъ за другимъ съ самаго утра этого дня возвращались въ спальню нѣтъ коммодъ Григорія Васильевича, — по какой особенной важной причинѣ пришли къ нему Ватрушкинъ, Передковичъ и Ваасерманъ и сказали ему, что «хорошо», а Передковичъ замечталъ еще, что сегодня онъ очень-настроенъ на желаемый ладъ и надѣется быть вполне-счастливымъ, разумеется, если Ваасерманъ сходитъ въ аукционъ и поторгуетъ на что-нибудь хорошенько, да возьметъ отступнаго, потому-что на Ватрушкина нѣтъ никакой надежды, а тятенька его, напротивъ, послѣ одного свидѣ-

вого противу-грибнаго лекарства подасть несомнѣнную и несколько-поутѣшительную для нихъ надежду,—для чего, съ какою торжественною цѣлью, Григорій Васильевичъ побрился сегодня, тщательно причесалъ свои волосы и одѣлся въ новый послѣдняго фасона фракъ, и кто дѣлалъ ему этотъ фракъ, — что и какъ цѣлый день на кухнѣ Мины Ивановны-хозяйки было жарено, варено и печено,—для чего были вымыты окна и полы въ комнатахъ, повѣшены новые занавѣсы на окнахъ, а вечеромъ зажжены кенкетки на стѣпахъ, стеариновыя свѣчи въ бронзовыхъ, сіяющихъ подсвѣчникахъ на каждомъ окнѣ, и даже салныя свѣчи въ бутылкахъ на каждой лѣстницѣ,—какъ съ семи часовъ по полудни комнаты Мины Ивановны стали наполняться гостями обоего пола, съ восьми часовъ пришли музыканты, въ девять заиграли музыканты, въ девять съ половиною явились извѣстные господа Ватрушкинъ, Вассерманъ и Передковичъ, каждый съ своею прехорошенькою дамою, а вслѣдъ за ними явились одинъ за другимъ много господъ, наводившіе ужасъ на господина Наревскаго при встрѣчѣ съ ними на улицѣ,—какъ освѣдомлялись они о томъ, будетъ ли Григорій Васильевичъ, и въ добромъ ли здоровѣи Григорій Васильевичъ, а одинъ изъ нихъ даже откровенно сказалъ, что сожалѣетъ о томъ, что не понялъ Григорья Васильевича, этого прекраснаго, благороднаго молодого человека съ несомнѣнными притомъ дарованіями и отличнаго плательщика, и что впередъ онъ готовъ послѣднимъ рублемъ служить Григорью Васильевичу безъ всякаго вознагражденія, — какъ, вдругъ, въ десять часовъ ровно, послышался стукъ кареты у подъезда квартиры Мины Ивановны—какъ сама Мина Ивановна, въ сопровожденіи многихъ ассистентовъ изъ знатнаго и благороднаго званія, съ шандалами въ рукахъ, вышла къ такому подъезду на встрѣчу особамъ, удостоившимъ по родству и дружбѣ посѣтить ея скромное, незатѣйливое собраніе,—какъ въ числѣ особъ, удостоившихъ Мину Ивановну такого особенно лестнаго посѣщенія, начали передъ глазами ея ассистентовъ, а потомъ и всего шумнаго и въ глубокое умиленіе приведеннаго собранія оказываться Тереза Ивановна, сестрица, Адамъ Богуславичъ Пжеходзѣцкій и Мина Ивановна-племянница, воздушная, стройная, граціозная, съ сверкающими будто вечернія звѣздочки глазами и гордою прелестью, въ дрожь бросающею, смущающею, уничтожающею всякаго человека, осмѣливающагося попробовать подойти къ ней, чтобъ попросить, ласкать, позволить ему имѣть честь... и проч.—не позволяется, ни-какъ не позволяется, нельзя смѣть и заикнуться о такомъ позволеніи, потому-что она солнце этого маленькаго танцующаго и уже пьющаго міра, солнце, передъ которымъ померкли все другія лоскѣи собственнымъ свѣтомъ сіявшія свѣтла,— какъ господинъ Пжеходзѣцкій, съ величавымъ спокойствіемъ и съ полнымъ сознаніемъ своего значенія въ этомъ мѣстѣ, гладилъ свои бакенбарды и поправлялъ свой галстухъ, — въ какомъ новѣйшаго покрова фракѣ и послѣдняго фасона атласномъ жилетѣ былъ онъ,—какъ глад-

ко натянуты были перчатки на рукахъ его, — какъ граціозно оперел онъ одною рукою на спинку стула, на которомъ сидѣла Мина Ивановна-племянница, что и какъ говорилъ онъ ей ни громко, ни шопотомъ, внятно для нея и вовсе неслышно для ея сосѣдки — померкшаго и потому разсердившагося на нее свѣтила; — какъ не глядывали они съ тайнымъ любопытствомъ на всякое новое лицо, появлявшееся въ собраніе; какъ не удовлетворялось это любопытство, и въ глазахъ ихъ мелькало чувство душевной тревоги, — какъ, наконецъ, хотѣли пожаловать сами Иванъ Леопольдовичъ, значительный человекъ и папенька, однакожь, не пожаловали по случаю припадка роковой и никакимъ лекарствомъ неизлечливой болѣзни...

Но не возвысится до эпическаго тона скромная проза этого очерка, не засверкаетъ золотомъ эта жидкая грязь, обыкновенными и весьма-хорошими чернилами именуемая, чтобъ достойно воспыть *вышеизложенное* приключеніе, случившееся въ Спасскомъ-Переулкѣ...

Вотъ оно волнуется, шумитъ, танцуетъ и пувшъ пьетъ это странное и весьма-веселое собраніе; мелькаютъ мужскія одежды, черныя, цвѣтныя и разноцвѣтныя, и мужскія лица, уже достаточно румяныя, потому-что, «впрочемъ», всякій здѣсь распоряжается за свой рубль серебряный, и всякій здѣсь, ради рублей своихъ — господинъ и владыка, а Мина Ивановна, хозяйка, на этотъ случай все не хозяйка, а такъ только ключница, конторщица, не больше.

А между-тѣмъ, случилось-было что-то въ родѣ общаго бѣдствія, когда составлялась кадрыль, и для нея не доставало одной пары танцующихъ. А далѣе случилось нѣчто весьма-радостное для всего общества и эффектное въ глазахъ господина Пжеходзьдккаго и Мины Ивановны — племянницы, когда недостававшая пара стала на своемъ мѣстѣ: Мина Ивановна и господинъ Пжеходзьдкій почувствовали нѣкоторое смущеніе, а передъ ними, спокойные и веселые, стоятъ знакомые имъ баронесса Федосья Глѣбовна Штокфишъ и Григорій Васильевичъ Наревскій, а возлѣ нихъ приближшій съ баронессою братъ ея, поручикъ, считающій себя повѣсомъ, но въ сущности только такъ что-то, родной братецъ, человекъ нужный сестрицѣ для разныхъ случаевъ и употребляемый въ такихъ случаяхъ съ совершенною пользою:

Мина Ивановна-хозяйка терялась передъ баронессою въ выраженіяхъ глубочайшей признательности за честь, оказанную ей собранію.

Мина Ивановна-племянница слѣдила за Григорьемъ Васильевичемъ. Григорій Васильевичъ, холодно поклонившись ей при первой встрѣчѣ, далѣе какъ-будто не замѣчалъ ея.

Черезъ часъ, баронесса Штокфишъ нѣжно поцаловала Мину Ивановну-хозяйку, Мину Ивановну-племянницу и уѣхала домой съ своимъ братомъ. Григорій Васильевичъ и Мина Ивановна проводили баронессу до кареты. Григорій Васильевичъ даже посадилъ баронессу въ карету и закрылъ за нею дверцы, а прощальное сказалъ, что скоро надѣется имѣть честь быть у нея въ домѣ.

Потомъ карета баронессы покатила по мостовой и исчезла въ темнотѣ ночи. Григорій Васильевичъ попросилъ Мину Ивановну приготовить въ его комнатѣ хорошій ужинъ, и когда ужинъ былъ приготовленъ, въ этой комнатѣ появились въ странномъ смѣшеніи радостныя лица пріятелей и фрачныхъ кредиторовъ.

За ужиномъ пріятели удивились и порадовались счастливой и хотя нельзя сказать, чтобъ неожиданной, однако поразительно-скорой перемены въ его житейскихъ обстоятельствахъ, а Григорій Васильевичъ объяснилъ, что онъ, наконецъ, за умъ взялся, хочетъ совершенно переродиться и теперь прощается съ ними, господами друзьями и кредиторами, до свиданья, можетъ-быть, черезъ годъ, потому-что ѣдетъ онъ скоро, черезъ нѣсколько дней, въ одну далекую деревню для поправленія разстроеннаго здоровья и особливо для ученыхъ изслѣдованій о какомъ-то важномъ для общества предметѣ.

Послѣ ужина, Григорій Васильевичъ, не смотря на позднее время ночи, ушелъ куда-то съ бала и изъ своей комнаты.

VII.

Э П И Л О Г Ъ.

Автомъ Петербургъ тихъ и безлюденъ. Цвѣтъ его народонаселенія, пощаженный грипомъ и всѣми смертоносными свутавнами весны благодатной, отправляется за границу, преимущественно съ великою, тройственной цѣлью: возстановить здоровье, разстроенное лишнею ревностію ко благу общему; покурить истинныхъ гамбургскихъ сигаръ и провезти съ собою на родину подъ видомъ вещицы для собственнаго употребленія настоящій западный взглядъ на здѣшнее, восточное человечество. Люди, неизвѣвшие счастья разстроить здоровье, или имѣющіе несчастье состоять въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ своимъ кредиторамъ, переселяются на острова и въ Екатеринбургъ, стремясь, однакожъ, завистливою мыслию туда;

..... гдѣ Рона протекаетъ

По бархатнымъ лугамъ,

Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ

Склонясь къ ея волнамъ,

Гдѣ на холмахъ роскошно вѣтветъ

Янтарный виноградъ,

Златой лимонъ на солнцѣ рѣветъ

И яворы шумятъ...

въ ту страну всякихъ чудесъ, гдѣ нѣтъ ничего московскаго, тульскаго, валдайскаго, гдѣ всѣ сигары—совершенно гамбургскія, всѣ бороды — истинно-французскія, всѣ взгляды — чисто-западные, однимъ словомъ, туда же—за границу.

Потомъ, когда совершится поучительный процессъ отъѣздовъ за море и переездовъ за Неву, въ городѣ начинается анатомированіе улицъ, домка и постройка домовъ; Невскій-Проспектъ съ своими кондитерскими и магазинами пустѣетъ; на его широкыхъ тротуарахъ движутся не мозаичныя, сплошныя толпы людей гуляющихъ

и разсуждающихъ, а однообразные и глубокомысленные индивидуумы, останавливающіеся въ безмолвномъ созерцаніи передъ картинками и прочими диковинками, да и тѣ какъ-будто чувствуютъ себя въ эту пору не на своемъ мѣстѣ: случается, на-примѣръ, что два индивидуума, отправившіеся—одинъ отъ Знаменья къ Адмиралтейству, другой отъ Адмиралтейства къ Знаменью, встрѣтятся неожиданно, хотя и естественно — на полупути. Эта встрѣча приводитъ ихъ въ смущеніе, и они только послѣ глубокаго размышленія, только по соображеніи нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ обстоятельствъ, приступаютъ къ слѣдующему объясненію:

— Я здѣсь такъ... дѣльцо одно тороплюсь кончить, чтобъ усесть къ обѣду на дачу... Я теперь живу на дачѣ, говорить одинъ индивидуумъ другому, не смотря ему въ глаза.

— Я тоже по надобности, замѣчаетъ другой индивидуумъ съ робостію:—покупки разныя нужно сдѣлать, а къ обѣду... обѣдато, можетъ-быть, у Палкина прійдется, а къ вечеру уже на дачу. Хорошо хоть и къ вечеру на дачу... вечеромъ, знаете, воздухъ такой, музыка и все прочее...

— А гдѣ вы живете? спрашиваетъ первый индивидуумъ, поднимая глаза.

— Я живу, отвѣчаетъ второй индивидуумъ въ раздумьи:—жизно я далекоюшко — въ деревнѣ... какъ бишь ее?... вотъ на языкъ вертится проклятая, еще недавно переехала... А вы?

— Я тоже недавно... я тамъ, на островахъ—порядочная дача, и садикъ есть, и трактиръ близко... Мы, я думаю, встрѣтимся на елагинскомъ гуляньѣ?

— Конечно. До свиданья!

И индивидуумы, торопясь кончить свои нужныя дѣла, чтобъ во время увязать на дачу, расстаются съ озабоченнымъ видомъ, думая, впрочемъ, каждый про себя: Экъ я его какъ!.. Ну, что жъ? Онъ думаетъ, что очень-важнымъ человѣкомъ сталъ, когда переехалъ на дачу; ну, такъ и я живу на дачѣ! Почему не предположить, что я также не хуже его могу жить гдѣ-нибудь тамъ, въ Чухонской или Калининной Деревнѣ вдвоемъ, втроемъ, даже четверомъ, если товарищи хороши, если каждый свой табакъ курить, или всѣ курятъ одинъ общій табакъ и чай пьютъ общій, такъ-что и Чухонки-молочницы угощаются на общій счетъ... Это значитъ жить компаніею, въ духъ истиннаго братства, и одному другому своимъ табакомъ не попрекать. Хорошо же, что я такъ ловко, кстати замѣтилъ, что живу на дачѣ! Съ такими людьми надобно держаться въ нѣкоторомъ смыслѣ, этакъ... по методу Талейрана, Метерниха, Гизо и... того, какъ его... еще есть какой-то такой... тоже великій человѣкъ, говорятъ! ну, да чортъ его возьми, великаго человѣка!»

Въ іюль, запустѣніе Петербурга достигаетъ крайняго предѣла. Въ это время одни изъ его обитателей, горделиво и радостно ступившіе на любскій или штетинскій пароходъ, уже начинаютъ, къ

глубокому своему изумленію и разочарованію, находить «все то же» и на самыхъ заграничныхъ берегахъ Рейна, Сены и Тибра; другіе, съ отчаяніемъ и мѣбелью отплывшіе па утлой баркѣ, къ нечуждые предѣлы Выборгской или Нарвской Части, уже восхищаются красотами отечественныхъ береговъ Карповки, Таракановки и Черной-Рѣчки; третьи... третьи, правда, встрѣчаются и въ это время на Невскомъ-Проспектѣ; впрочемъ, они встрѣчаются случайно, потому-что къ вечеру тоже думаютъ уѣхать куда-то, можетъ-быть, на какой-нибудь новооткрытый островъ на Мойкѣ, или на пяти-этажную дачу, отражающуюся въ зеркальныхъ струяхъ Екатерининскаго-Канала.

Въ этотъ-то періодъ отсутствія на Невскомъ-Проспектѣ его многочисленной, разнообразной публики, скромные пѣшеходы, созерцавшіе художественныя диковинки, выставленныя въ окнахъ магазина Дазіаро, были отвлечены отъ этого пріятнаго занятія отдаленнымъ громомъ богатой коляски, запряженной парой статныхъ коней, быстро катившейся отъ Исакиевскаго-Моста по направленію къ нимъ. Въ коляскѣ сидѣлъ человѣкъ; но не человѣкъ, а сама коляска была нѣкоторою, по времени, рѣдкостью въ глазахъ пѣшеходовъ. Полюбовавшись ею и удивившись Англичанамъ, избрѣтшимъ ростбифъ и лежація рессоры, они перешли къ обзорѣни лошадей; по обзорѣни лошадей удивились орловской породѣ, но тутъ же, по склонности своей къ безпристрастію, сдѣлали практическое замѣчаніе, что, впрочемъ, одною породою въ шипъ вѣкъ немного возьмешь, что кони такъ же, какъ и другаго рода благородныя животныя должны имѣть ячныя достоинства, если хотятъ остаться въ памяти признательнаго потомства: были, на-примѣръ, кони темнаго, сомнительнаго происхожденія, известные въ древней и новой исторіи, Буцефалъ и Копенгагенъ, которые обезсмертили себя не породою, а прямыми, свойственными своему составу добродѣтелями...

Отъ коней пѣшеходы обратились къ кучеру, удивились его величественной посадкѣ на козлахъ и особой манерѣ править лошадьми, причемъ вспомнили, что у вѣстнаго Наполеона Бонапарте тоже былъ кучеръ, любившій выпить лишнее, и удивились странной игрѣ судьбы, что вотъ и самые недостатки, даже пороки человека, если она захочетъ, ему же обратитъ во спасеніе: вспомнили адскую машину и, по случаю адской машины, вспомнили опять Англичанъ, какъ изобрѣтателей пуддинга и конгревовыхъ ракетъ, въ чемъ и отдали имъ немедленно должную дань удивленія, съ патристическимъ, однакожь, замѣчаніемъ, что Индія, какъ только захотимъ, наша, да и Китай, если ужъ дѣло на то пойдетъ, нашъ, и островъ какой-то, въ нѣкоторыхъ книгахъ очень-хорошо описанный, тоже нашъ, а о Кубѣ и Ямайкѣ, гдѣ ромъ иностранный и сигары настоящія родятся, просто говорить не стоить — все, впрочемъ, въ томъ исключительномъ смыслѣ, что если дѣло на то пойдетъ; а всего лучше быть между всеми народами вѣчному ш-

ру, полезному для успѣховъ торговли и еще чего-то, имѣющаго иностранное названіе... тоже должно быть важнаго чего-нибудь, потому что о вѣчномъ мирѣ говорится въ одной военной рѣчи славнаго Американца и героя Вашингтона, котораго никакъ не должно принимать за одно и то же лицо съ другимъ славнымъ героемъ и Англичаниномъ Веллингтономъ: тотъ былъ — глѣ, а этотъ совсѣмъ въ другой сторонѣ!

Съ другой стороны пѣшеходы начали возвращаться къ первоначальнымъ предметамъ своихъ наблюденій и возвратились къ коляскѣ. Тутъ уже замѣтили они и самого человѣка, сидѣвшаго въ ней, замѣтили, впрочемъ, потому только, что коляска остановилась на минуту подлѣ нихъ, и онъ выпрыгнулъ на тротуаръ.

Этотъ человѣкъ, по замѣчанію пѣшеходовъ, былъ не очень-то молодъ, но и нисколько не старъ, не очень красивъ, но и рѣшительно недуренъ, вовсе нещегоольски, не по модѣ одѣтъ, не и не какъ-нибудь, не во что-нибудь — однимъ словомъ, до такой степени соответствовалъ своею наружностію коляскѣ на лежащихъ рессорахъ, статнымъ конямъ и кучеру величественной посадки, что пройди онъ здѣсь просто, пѣшкомъ — сейчасъ будетъ видно, что онъ такъ только ходитъ, а есть у него кучеръ, кони и коляска.

Отозвавшись такимъ-образомъ въ пользу наружности человѣка, который, между-тѣмъ, стоялъ на тротуарѣ опершись на толстую камышевую трость и глядя разсыянно вдоль пустыннаго Невскаго-Проспекта, замѣтили странную прихоть его, впрочемъ свойственную всѣмъ людямъ, имѣющимъ свои экипажи — идти по Невскому пѣшкомъ, а не ѣхать спокойно и самодовольно, какъ вѣдали бы иные люди, коротко знающіе проклятое пѣшеходное дѣло. После этого, нисколько ему не удивляясь, вознегодовали на человечество за то, что оно не почитаетъ и не понимаетъ ума и добродѣтели, а поклоняется глупой деньгѣ: есть, на примѣръ, въ Римѣ какой-то князь-милльонщикъ, который прежде занимался дрянною промышленностію, нажилъ деньгу и черезъ деньгу въ князя поваръ, — а въ Мадридѣ есть Саламанка, банкиръ — то-есть купчишка или мѣщанинъ, если разобрать хорошенько, а самому Нарваэсу, легко сказать — полному генералу Нарваэсу, идти на перекоръ, да и знать его не хочетъ.

При имени Нарваэса, пѣшеходы вспомнили Кабреру и Эспартеро, да еще двухъ тоже генераловъ никакъ не могли вспомнить и начали удивляться имъ всѣмъ, кромѣ Саламанки, потому что Саламанка — рубль, деньгѣ, больше ничего, а главное потому что даже со стороны досадно, когда мѣщанинъ, будь онъ тамъ Саламанка или Шекспиръ — не ставитъ въ грошъ человѣка сановитаго. А причиною такому безчинству не кто иной, какъ тѣ и во всему свѣту извѣстные своими модистками, иезуитами, вольвоудствомъ, «Вѣчнымъ Жидомъ» и всякими хитростями Французы, которыми управляютъ попеременно сочинители Тьеръ и Гизо.

Когда дѣло дошло до сочинителей, одинъ изъ пѣшеходовъ, самъ

видѣвшій однажды здѣсь же, на Невскомъ, живаго сочинителя, замѣтилъ, что сочинители тоже — люди! Прочіе пѣшеходы, хотя и не видѣли сочинителя въ натурѣ, однако, по свойственному имъ нерасположенію къ людямъ, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, подтвердилъ: «само собою!» Потомъ удивились окончательно полнымъ генераламъ, іезуитамъ, Тьеру, «Вѣчному Жиду» и еще кому-то, похожему какъ-будто на известную отавтскую королеву Помарэ-Первую, или на римскаго папу, тоже известного многимъ по исторіи Юлія-Втораго, и даже на мало-известнаго, хотя и сандвичскаго короля Тамеамеа-Третьяго, и отправлялись обѣдать въ кухмистерскія—кто въ Гороховую, гдѣ хорошо кормятъ за тридцать копеекъ серебромъ, кто въ Малую-Мѣщанскую, гдѣ кормятъ не слишкомъ-хорошо — за то гривенникомъ дешевле. По случаю экономическаго расчета въ гривенникѣ, нѣкоторые изъ пѣшеходовъ, уже на пути къ кухмистерскимъ, въ предчувствіи обѣда, на которомъ къ неизмѣннымъ порціямъ кушанья придается неизмѣримое количество невской воды — вспоминали о другихъ напиткахъ, свойственныхъ порядочному столу, и о томъ, что экономическій гривенникъ можетъ привести въ этомъ благородномъ смыслѣ ощутительную пользу; но еще лучше будетъ, если теперь не употребить гривенника на ощутительную пользу, а послѣ, вечеромъ, приложить къ нему другую болѣе-восточную монету и сходить въ одно пріятное мѣсто, для чтенія «Иллюстраціи» — и тутъ же по какой-то странной аналогіи вспомнили, что существуетъ въ природѣ напитокъ, называемый настоящимъ пуншемъ! Отъ пунша перешли къ воспоминанію о его изобрѣтателяхъ, все тѣхъ же изобрѣтателяхъ пудинга и прочаго, Англичанамъ, отъ Англичанъ къ ихъ герою и лорду Нельсону, отъ героя и лорда Нельсона къ его героинѣ и леди Гамильтонъ, а отъ нея уже къ глубокому, только неизвѣстно изъ чего выведенному заключенію, что если разсудить обо всемъ философически, то все на свѣтѣ—суета и вздоръ, — какъ то несомнѣнно доказывается запустѣлою могилкою на Островъ-Святой-Елены.

Между-тѣмъ, человекъ, давшій пѣшеходамъ пріятный поводъ къ многостороннимъ разсужденіямъ, шелъ по Невскому безъ всякаго, но-видимому, сочувствія къ настоящимъ заграничнымъ издѣльямъ, соблазнительно-расположеннымъ въ окнахъ магазиновъ, передъ которыми съ умиленіемъ останавливались прочія обоюго пола особы; даже оставался спокоенъ, по-крайней-мѣрѣ, не выказалъ душевнаго волненія, проходя между двухъ кондитерскихъ у Полицейскаго-Моста, и, по изумительной разсыпанности, не обратилъ вниманія на встрѣчавшихся ему господъ, прибывшихъ на Невскій изъ отдаленныхъ предѣловъ Коломны съ весьма-невинною цѣлью осадчать свѣтскую и прочую чернь орлинымъ взглядомъ и оригинальностью своей физиономіи, выражающей въчто особое, очень-глубокое и замѣчательное, замѣняющее съ испытаннымъ усѣхомъ отсутствіе гороховаго пальто и палевыхъ перчатокъ. Толь-

ко проходил мимо моднаго магазина, опъ, по замѣчанію этихъ самыхъ господъ, обладавшихъ, кромѣ орлинаго взгляда, еще духомъ наблюдательности, почувствовалъ расположеніе отдать должную справедливость чепчикамъ и остановился передъ окномъ изъ цѣльнаго богемскаго стекла, драпированнымъ богатою занавѣсью; однако, рѣшившись наконецъ взглянуть хотя на нѣкоторыя изъ чудесъ Невскаго-Проспекта, онъ при этомъ случаѣ вполне обнаружилъ особенность своего взгляда на предметы: этотъ взглядъ былъ обращенъ не на батистовыя издѣлія по послѣднему парижскому фасону, сіявшія передъ глазами изумленныхъ прохожихъ солнечною близною, а дальше, въ самую глубь магазина, гдѣ мелькали красивые головки швей, о которыхъ нельзя даже сказать, что онъ былъ хороши какъ на подборъ: онъ дѣйствительно былъ подобранъ съ строгимъ, эстетическимъ вкусомъ модистки, и на нихъ только мимоходомъ посматривали другіе люди, хорошо знающіе скромность и приличіе, долженствующія быть неотъемлемыми качествами всякаго благовоспитаннаго человѣка, особливо на ту пору, когда благовоспитанный человѣкъ идетъ по солнечной сторонѣ Невскаго-Проспекта.

Продолжая свои наблюденія, господа съ орлинымъ взглядомъ замѣтили, что человѣкъ, остановившійся передъ моднымъ магазиномъ, смотрѣлъ на обитательницъ его съ такимъ явнымъ сочувствіемъ, какъ-будто онъ были новѣйшія заграничныя производимы, только-что полученные съ послѣднимъ пароходомъ. Далѣе, замѣтивъ, что нѣкоторыя поникшія къ рукодѣлю головки вдругъ обратились къ окну, привлеченныя, вѣроятно, магнитическою силою дерзкой мысли человѣка, на нихъ глядѣвшаго; но его уже не было у окна въ это магнитическое мгновеніе: онъ шелъ dalje по Невскому съ прежнею разсѣянностью, и улыбки, имъ вызванныя, были равнодушно встрѣчены обыкновенною кухаркою, которая возвращалась съ Сынной, съ запасомъ провизіи для своего хозяина, маленькаго пишущаго человѣка и притомъ ростовщика, составляла грѣшный планъ покупки изъ хозяйскаго грѣшнаго рубля на копейку цикорія, на три копейки настоящаго кофею, да на двѣ съ половиною копейки сахарку, для тайнаго удовлетворенія своему собственному сладостлюбію. Но здѣсь, на Невскомъ, особливо у моднаго магазина, кухарка была невольно отвлечена отъ суровой кухонной сущности къ сладостнымъ мечтамъ о чепчикѣ, о полерикѣ, и въ смутному воспомнанію о томъ давно-исчезнушемъ времени, когда она была не старою кухаркою, а молодою красивою блондинкою въ такомъ же богатомъ магазинѣ, когда сама мадамъ брала ее съ собою на елагинское гулянье, когда мадамъ поручала ей развозить въ великолѣпныхъ каретахъ дорогіе наряды петербургскимъ барынямъ, и барыни любовались нарядами, а мужья барынь, очень-хорошіе господа, любовались ею; когда, однимъ дѣньмъ вечеромъ, съѣла она въ дорожную карету безъ картонки и счета, и въ той каретѣ повезли ее по Петергофской-Дорогѣ въ им-

решенный барскій домикъ на морскомъ берегу, и стала она сама почти-настоящею барынею, имѣла въ своемъ распоряженіи двухъ горничныхъ, съ неограниченною властью щипать и проговять ихъ... а въ Петербургъ-то привелось ей воротиться не барынею, не въ каретѣ и не тою вовсе дорогою: грѣхъ ли какой испутила, или такъ просто сама была глупа-молода, только въ Петербургъ пріѣхала она не въ каретѣ, а въ чухонской таратайкѣ, черезъ шляшинскую заставу. Сострадательный Чухонецъ привезъ ее прямо на Свнную-Площадь: тамъ продалъ онъ свой картофель и отправился въ лабазъ, чтобъ купить ржаной муки, да по дороге зашелъ въ «съѣстное заведеніе» и уже не купилъ ржаной муки, а только угостился въ мѣру, и подчаска, своего троюроднаго брата, угостилъ ливонскимъ картофельнымъ нащиткомъ; потомъ врѣшалъ въ счастливое состояніе, легъ въ своей таратайкѣ, по національному чухонскому обычаю, лицомъ къ ея кузову, а тыломъ къ шобу, затянулъ унылую пѣсню и поѣхалъ-себѣ въ свою деревню, — а она, сердечная, такъ на Свнной и осталась, на долгое время осталась, пока не состарѣлась вовсе: тогда уже въ качествѣ пожилой женщины съ доброю нравственностью, знающей домашнее хозяйство, поступила она на мѣсто къ одному хорошему человѣку и ростовщику, въ-послѣдствіи оказавшемуся тоже мерзавцемъ, всюду указавшему себѣ скромную особу женскаго пола для двухъ различныхъ должностей — хозяйки и служанки.

Когда человѣкъ, остановившійся-было передъ окномъ моднаго магазинна, отправился далѣе, все объяснилось для господъ, бывшихъ на Невскій съ особенною цѣлью: они съ праведнымъ негодованіемъ убѣдились, что юноша тихій и скромный, имѣющій замѣчательную фізіономію, но неимѣющій гороховога или синяго павата, въ наше время вовсе не замѣчается на Невскомъ-Проспектѣ; что, напротивъ, рѣшительное пренебреженіе правилъ скромности и доброй нравственности, подобно этому безсовѣстному человѣку и господину, бросается въ глаза и обращаетъ на себя общее вниманіе, и что, наконецъ, все орляное во взглядѣ, все глубоко-выражительное въ фізіономіи ничего не значитъ передъ рублями, которые даютъ человѣку право останавливаться передъ модными магазиномъ, вызывать улыбку сочувствія и безсовѣстно предоставлять ее проходящей кухаркѣ. Что касается собственно этого самоудовольнаго человѣка и господина, стало очевидно, что онъ здѣсь, на Невскомъ, не гуляетъ, а только бродитъ и скучаетъ, что онъ способенъ зайти во всякій магазинъ, а теперь, можетъ-быть, идетъ-себѣ къ Излеру обѣдать, позавтракавъ гдѣ-нибудь тамъ на биржѣ дамо устрицъ и прочаго, да и обѣдать, пожалуй, не станетъ, еще доктору пожалуется, что аппетитъ у него совсѣмъ пропалъ, а докторъ, мужъ ученый, прославленный чудесами въ исцѣленіи людей, страдающихъ сытостью, пропишетъ ему лекарство — верховую вѣлу, да ванны на искусственныхъ водахъ; и докторъ-исцѣлитель выучитъ отъ признательнаго пациента щедрое возмездіе за визитъ,

— все, выходитъ, потому, что человекъ, пишущій несомнѣнно рубли, позавтракавъ плотно у Смурова, не можетъ необдѣять у Излера.

По-видимому, посторонніе наблюдатели не ошиблись въ своемъ предположеніи о человекѣ, замѣченномъ ими у окна моднаго магазина въ смѣломъ и къ далекимъ заключеніямъ ведущемъ положеніи: — удостовѣвъ заглянуть мимоходомъ еще въ нѣкоторые магазины, онъ вошелъ наконецъ въ ресторанъ Излера, у котораго стала его соблазнительная коляска.

Тамъ, по случаю лѣтняго времени, были большею частью одни постоянные обыватели кондитерскихъ, встрѣчаемые въ нихъ во всякое время года, во всякую пору дня.

Былъ человекъ весьма-почтенной наружности, похожій отчасти на вышалку для символическихъ представителей всевозможныхъ, даже и вовсе-невозможныхъ доблестей. Онъ приходилъ сюда съ незапамятныхъ временъ ежедневно въ три часа по-полудни, собиралъ вокругъ себя, по преимуществу своей почтенной наружности, всѣ газеты и прочитывалъ до полуночи только одну изъ нихъ.

Былъ другой менѣе почтенный, даже можно сказать — обыкновенный маленькій, безвинно-пострадавшій человекъ: тотъ читалъ только оффиціальныя вѣдомости, и въ вѣдомостяхъ одни производства и увольненія. Его въ-особанности занимали увольненія; — если между ними встрѣчалось такое, которое произошло какъ-будто бы почему-то иному, а вовсе не по разстроенному здоровью увольняемой особы, онъ записывалъ въ своемъ бумажникѣ имя замѣчательной особы, такимъ особеннымъ образомъ переставившей приносить пользу отечеству, и подчеркивалъ это имя въ вѣдомостяхъ, чтобъ оно не пропало какъ-нибудь для читателя разъяснаго. И много такихъ именъ было записано имъ въ своемъ бумажникѣ, и казалось, это занятіе было для него пріятнымъ, дальнимъ занятіемъ, даже какъ-будто радовался и счастливъ былъ онъ маленькій, безвинно пострадавшій человекъ, когда находилъ что записывать и подчеркивать.

Былъ наконецъ еще человекъ внимательный ко всему происходящему въ кондитерской, человекъ съ тонкимъ слухомъ и съ острыми, но очень-зоркими глазами. Люди осторожные и проницательные считали его, въ нѣкоторомъ смыслѣ, опаснымъ человекомъ...

Когда человекъ, обратившій на себя вниманіе пашеходовъ Невскаго-Проспекта, вошелъ въ кафѣ, постоянные его обыватели, оставивъ чтеніе газетъ, взглянули на него съ уваженіемъ и проводили его заботливымъ взоромъ до отдаленной комнаты, въ которой слышались нетерпѣливыя восклицанія. Когда онъ скрылся, господинъ почтенной наружности сказалъ господину съ однимъ глазомъ:

— Это — Наревскій!

— Я его знаю.

— Голова, не правда ли?

— О! государственный человекъ! Вы говорили съ нимъ?

— Какъ же! случалось, но разъ; да что! словами забраться,

Не знаешь что отвѣчать, чѣмъ возражать. Голова!

— А коляска, вы замѣтили, какая у него коляска? спросилъ господинъ Опасный, глядя въ окно на роскошный экипажъ Наревскаго.

— По коляскѣ-то я и сужу, что за человекъ этотъ Наревскій, отвѣчалъ Почтенный.

— А говорить, замѣтилъ безвинно-пострадавшій: — говорить, что еще недавно такимъ бѣднякомъ жилъ, стихи что ли писалъ, или машину какую-то изобрѣталъ, а теперь... странно!

— Нисколько не странно: человекъ даровитый, боролся съ обстоятельствами—ну, и поборолъ; а какъ поборолъ, знаете, обстоятельства, такъ вотъ оно и явилось все: коляска и обѣды!

— А!...

Между-тѣмъ, въ особой комнатѣ ресторана шелъ веселый обѣдъ. Передковичъ, наследникъ Ватрушкинъ, мужъ Аделанды Прохосевны, господинъ Вассерманъ, изящный господинъ Пжеходзѣцкій и господинъ Наревскій услаждались гастрономическими произведеніями французской кухни и французскихъ виноградниковъ.

Всѣ эти лица находились теперь въ счастливомъ состояніи, независимо отъ благодатнаго содѣйствія этому счастью со стороны лафита.

Передковичъ открылъ на Невскомъ-Проспектѣ злополучнаго и ничего-неподозрѣвающаго портнаго.

Наслѣдникъ Ватрушкинъ удостовѣрился отъ доктора, что тятенька не выдержитъ больше ни одной кулебяки, ни одной тарелки ботвиньи, а отъ тятеньки удостовѣрился, что живой человекъ про живое и думаетъ, а на жизнь и на смерть воля Божія, а не докторская и не нѣмецкая,—словомъ, тятенька, самъ того не вѣдая, осуществилъ въ своей персонѣ извѣстный стихъ:

Твоя стихія — ѣсть и пить;

Ты докторовъ не любишь слѣшать:

Ты ѣшь затѣмъ, чтобъ больше жить,

Живешь затѣмъ, чтобъ больше кушать.

Вассерманъ купилъ и перепродалъ на аукціонѣ Іуду Искаріотскаго за роковую цѣну — тридцать сребренниковъ, достаточныхъ для вечерней прогулки по Невскому.

Изящный господинъ Пжеходзѣцкій изъяснился Наревскому въ любви, признался, что онъ не понималъ его въ то время, когда старался доставить ему мѣсто въ некоторомъ полезномъ обществѣ учрежденіи, долговымъ отдѣленіемъ называемомъ, и въ заключеніе расцѣловалъ его со слезами и назвалъ «братикомъ».

Наревскій избавился отъ двѣнадцати лихорадокъ, взвратно съ помощію спасительнаго заговора, присланнаго ему попечительнымъ напенькою и пользующаго также отъ запоя. Цѣлый годъ провелъ онъ въ ученыхъ занятіяхъ въ какой-то дальней деревнѣ, а теперь, возвратившись въ Петербургъ, вспомнилъ пріятелей, ужасавшихъ его звонкомъ въ квартирѣ Мины Ивановны-хозяйки.

— Скажи мнѣ, братику, спросилъ Пжеходзѣцкій, безъ всякаго уже коварнаго умысла: — скажи мнѣ, не видалъ ли ты баронессы

Штокфишъ, съ которою я тебя, помнишь, шута познакомилъ годъ тому въ деревнѣ Наболотной? Я въ то время не зналъ, на что рѣшиться, кого предпочесть, а говорили, что Иванъ Леопольдовичъ человекъ съ вѣсомъ и состояніемъ и Миша Ивановна съ приданнымъ. Оказалось, что пустяки: Иванъ Леопольдовичъ такъ, одно только заглавіе, и Миша Ивановна тоже заглавіе, а что... баронесса? Ты не видалъ баронессы послѣ того?

— Видѣлъ... и бываю у нея... иногда... А что?

— Да такъ... говорятъ, что она очень-богата. Я когда-то уживалъ за нею, пока не разсорился изъ-за Миши Ивановны. Дали-бухъ, я такъ и думалъ тогда, что женюсь на Мишѣ Ивановнѣ. А, можетъ-быть, счастье было въ моихъ рукахъ... хоть бы ты, братику, воспользовался. Жаль, что ты не воспользовался!

Послѣ объѣда, Наревскій не изволилъ идти пѣшкомъ по Невскому, а сѣлъ въ коляску, велѣлъ кучеру везти его «куда-нибудь» и предался сладостной дремотѣ, качаемый легкою выбью экипажа.

— Право, жизнь имѣеть-таки кое-какія пріятности, думалъ онъ, для споспѣшествованія пищеваренію:—имѣеть, имѣеть; объѣды, коляска, лафитъ, рубли, любовь... ну, в любовь тоже—только не надобно требовать ни отъ жизни, ни отъ любви, ни отъ человека иной сущности, кроме скверной сущности гнилаго орѣха. Все это, значить, должно судить по красивой формѣ, по изящнымъ проявленіямъ, по затѣйливымъ заглавіямъ.. все въ мірѣ походить на книги, тиснутыя съ позитиважами, пробѣлами, стихами, остроуміемъ, опечатками и отсутствіемъ живой сущности... То же... какъ взглянешь... какъ взглянешь, чортъ возьми... съ трепетомъ... на вышя холячія и разтѣжающія по Невскому живыя книги, въ раззолоченномъ переплетѣ, съ велвкольпными заглавіями, такъ и кажется, что тутъ-то и заключается микрокосмъ... но не смотри дальше: любишь оберткою, вынѣткою, читай заглавіе отлѣчно-обдуманно сочиненное, внушающее несбыточныя ожиданія, а не увлекайся переплетомъ, не заглядывай въ эту иллюстрированную книгу дальше первой страницы, не трудись проникать въ содержаніе, искать сущности, обычаею заглавіемъ — пустой, неблагодарный трудъ! Оно, заглавіе-то, все прикрываетъ и облекаетъ болѣе или менѣе красивою и заманчивою ложью... Такъ вотъ, если подумаешь хорошенько обо всѣхъ экипажахъ, о радостяхъ, объѣдахъ и стремленіяхъ, о лживости и пустотѣ всего этого, то и прійдешь все-таки къ тому же заключенію, которое вывелось изъ противоположныхъ началъ, къ тому: что... Э! что тамъ?...

— Пріѣхали-съ.

— Куда?

— Къ баронессѣ-съ.

— Къ баронессѣ!... все-таки прійдешь, или прійдешь къ тому заключенію, что прескучная отвлеченность—эта жизнь человѣческая!

И. ВУТКОВЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СОНЪ И МАГНИТИЗМЪ.

Въ жизни человека многія стороны до-сихъ-поръ не изслѣдованы, многія явленія носятъ названіе странныхъ, чудесныхъ или случайныхъ. Большею частію неваданіе наше даетъ имъ подобныя названія. Въ однихъ явленія эти возбуждаютъ суевѣрныя и преувеличенныя предположенія, въ другихъ встрѣчаютъ недоуміе и часто вовсе отвергаются. Тѣ и другія вдаются въ крайности и потому глядятъ на разсматриваемый предметъ не съ надлежащей точки зрѣнія. Конечно, ограниченность человѣческихъ понятій и способовъ полагаетъ огромныя препятствія къ полному уразумѣнію такихъ явленій; при всемъ томъ, мы въ правѣ ожидать, что время и большіе успѣхи наукъ наблюдательныхъ и умозрительныхъ откроютъ средства уму пронаблюдать въ загадочную для насъ сферу и постигнуть лучше свойства души и тела, въ которыхъ таится источникъ явленій, казавшихся досель случайными или странными.

Къ числу такихъ явленій принадлежатъ между-прочимъ *сонъ обыкновенный и магнитическій*. На нихъ до-сихъ-поръ лежитъ завѣса, которой не сняли фзіологи и философы. Впрочемъ, сдѣлано много попытокъ, и всѣ старанія подытнуть и высказать что-либо объ этомъ любопытнѣйшемъ предметѣ должны быть приняты съ уваженіемъ. Въ самихъ опытахъ мы получаемъ новое пріобрѣтеніе какъ для науки, такъ и для жизни.

Къ числу тѣхъ же явленій относятся *галлюцинаціи* (les hallucinations) и *состояніе необыкновенной восторженности* (les extases), которыя уподобляются сну, не смотря на то, что человекъ бодрствуетъ, и составляютъ замѣчательныя страданія мозга. Часто принимали ихъ за помешательство.

Здѣсь же принадлежатъ *сомнамбулизмъ* въ разныхъ его видахъ и *животный магнетизмъ* (magnétisme animal). Последний можно подраздѣлять на *магнетизмъ глазъ, голоса, воли и примѣровъ, вызывающихъ раздраженіе*. Магнетизмъ возбуждалъ собою множество споровъ, имѣлъ многихъ приверженцевъ и съ другой стороны много противниковъ, не вѣрившихъ въ его силу и насмѣхавшихся надъ нею. Въ новѣйшее время снова обратились къ ея изслѣдованію. Опыты, производимые въ Парижѣ, занимаютъ общество тамошнихъ гостиныхъ. Тамъ двѣ сомнамбулы даютъ свои сеансы и къ нимъ собирается многочисленная публика лучшаго тона. Есть люди, которые спѣшатъ туда изъ одного любопытства, и потомъ уходятъ, сильно пораженные, весьма часто убежденные въ томъ, чему прежде не вѣрили. Желая составить или прояснить себѣ идею о сомнамбуло-магнетическомъ снѣ, многіе давно требовали какого-нибудь трактата или сочиненія объ этомъ интересномъ предметѣ. Въ-слѣдствіе того, вышло въ Парижѣ сочиненіе А. Дебѣ (A. Debay) подъ заглавіемъ «Mystères du sommeil et du magnétisme»; въ немъ изложены тѣ чудныя явленія, которыя представляетъ намъ это состояніе человека. Авторъ предположилъ рассмотреть этотъ предметъ съ ученой стороны, но съ тѣмъ вмѣстѣ старался быть для всѣхъ понятнымъ и по возможности избѣгалъ терминовъ, извѣстныхъ немногимъ, имѣющимъ спеціальныя свѣдѣнія въ физическихъ наукахъ. Въ заключеніе, онъ присовокупилъ нѣкоторыя замѣчанія о *электро-симпатическихъ и электро-антипатическихъ токахъ* (fluide électro-sympathique et électro-antipathique). Этою остроумною теоріею объясняются, по его мнѣнію, многія самыя непонятныя предчувствія и феномены. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній, авторъ приводитъ многіе факты по вѣснѣ упомянутымъ предметамъ. Эти факты изложилъ онъ теоретически и представилъ съ ученой точки зрѣнія.

Сочиненіе Дебѣ имѣло до-сихъ-поръ четыре изданія. Это свидѣтельствуетъ сколько объ интересѣ, питаемомъ къ предмету, столько и объ успѣхѣ, съ которымъ авторъ выполнялъ свой планъ. Обобщаемъ читателямъ любопытнѣйшія извлеченія, которыя могутъ обратить ихъ вниманіе къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ, размышленіямъ и открытіямъ.

ТЕОРІЯ СОНОВЪ (HYRNOLOGIE).

Сонъ (le sommeil).

Какъ скоро нервные токи, выходящіе изъ тела въ-слѣдствіе соотношенія его съ внѣшними предметами, начинаютъ медленное дѣйствовать на наши органы, то обращеніе крови (circulation), образованіе тепла (calorification) и вообще вся функція тела становится также медленнѣе.

дѣтельны, и тогда является склонность ко сну. Вѣки опускаются, мускулы ослабѣваютъ, идеи изглаживаются мало-по-малу, внѣшнія побужденія не въ силахъ уже ихъ поддерживать; центръ всѣхъ нервовъ, въ которомъ вырабатываются мысли, томится больше и больше; наконецъ, всѣ органы приходятъ въ то состояніе изнеможенія, минутной нечувствительности, когда мы теряемъ сознание о собственномъ я: человекъ погружается въ полный и совершенный сонъ.

Но не всѣ органы въ равной мѣрѣ испускаютъ изъ себя нервные токи. Органъ, наиболее возбуждаемый во время бодрствованія и отдающій наибольшее количество этого тока, есть неоспоримо органъ зрѣнія; онъ и долженъ успокаиваться прежде. Другіе органы засыпаютъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ дѣятельности. Рѣдко случается, чтобы мозговые органы заснули вдругъ и одинакимъ сномъ; напротивъ того, почти всегда одни органы мозга еще бодрствуютъ, между-тѣмъ какъ другіе засыпаютъ, или же одни спятъ легче, нежели другіе; отъ-того происходятъ слабыя, неясныя и непродолжительныя сновидѣнія (*gênes*), которыя предшествуютъ первому сну. Но скоро изнеможеніе распространяется по всей нервной системѣ, сонъ становится глубокимъ и не возмущается движеніемъ идей.

Спустя нѣкоторое время, питаніе, никогда не останавливающееся, сообщаетъ мозгу достаточное количество нервнаго тока, и органы, ободравъ и получивъ новыя возбужденія, начинаютъ снова дѣйствовать повенному; тогда начинаются первыя сновидѣнія, но несвязныя и не долги. Мало-по-малу нервныя токи приливаютъ въ большемъ количествѣ; идеи пробуждаются, движутся и становятся способны къ различнымъ соединеніямъ, въ большемъ числѣ и въ лучшемъ порядкѣ; наконецъ сновидѣніе принимаетъ опредѣленный ходъ и опредѣленную форму. Мы знаемъ, кто мы, гдѣ мы; затѣмъ постепенно начинаемъ понимать отношеніе образовъ; идеи наши приходятъ еще въ большую стройность и ясность, и мы приближаемся къ минутъ пробужденія.

Но сонъ не всегда бываетъ столько правильнымъ; разныя болѣзни, а въ особенности нервныя припадки, болѣе или менѣе нарушаютъ его порядокъ, т. е. или прекращаютъ сонъ, или бываютъ причиною, что онъ продолжается больше или меньше. Первое изъ этихъ состояній называется *аринніею* (*agurnie*, *agurnia*), *бессонницею*, *потерей сна*, *невольнымъ бодрствованіемъ*; второе состояніе называется *катафорою* (*catarphora*), глубокимъ сномъ. Не говоря о первомъ, скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ состояніи.

Катафора (*Catarphora*) есть тяжелый и глубокий сонъ, который бываетъ столько крѣпокъ, что становится необыкновеннымъ и страшнымъ. Онъ имѣетъ три степени: *сонливость* (*soma*), *спячка* (*saqus*) и *летарію* (*léthargie*).

Сонливость (*soma*) есть невольное усыпленіе, въ которое непрестанно впадаетъ больной, не смотря ни на какія средства не допускать его до сна.

Спячка (*saqus*) есть сонъ еще болѣе глубокий: ни сильный шумъ, ни перекатываніе съ одного мѣста на другое, ни даже погруженіе человека

ка въ воду не могутъ разбудить его. Этотъ сонъ сопровождается неподвижностію тѣла и потерю чувствъ.

Летарія (léthargie) составляетъ самую сильную степень катафоры и состоитъ въ нервномъ разстройствѣ и всеобщемъ оцѣпенѣніи тѣла, въ слѣдствіе котораго можно подумать, что жизнь оставила тѣло.

Въ «Журналѣ Медицины, Хирургіи и Фармаціи» 1754 года, помѣщенъ между прочимъ разсказъ объ одномъ человѣкѣ, котораго называли сонливцемъ Шаритѣ (Charité). Его сонъ продолжался ровно полгода. Не смотря на то, что кричали надъ его ушами, что его качали, встряхивали, онъ спалъ; наконецъ, когда опускали его въ холодную воду, онъ все не просыпался.

Фан-Свиетъ (Van-Swieten) приводитъ почти подобный примѣръ продолжительнаго сна. Спавшій, о которомъ говоритъ онъ, не хотѣлъ встать пробудясь, чтобъ проведенная имъ ночь была такъ длинна. Впрочемъ, онъ убѣдился въ томъ, вспоминая, что заснулъ въ ту пору, когда съели хлѣбъ, а когда проснулся, то начинали собирать жатву.

Одна деревенская женщина проводила во снѣ ровно цѣлую недѣлю и просыпалась только въ воскресенье утромъ; проснувшись, она одѣвалась, употребляла нѣсколько пищи и отправлялась въ церковь; возвращаясь домой, она снова засыпала до слѣдующаго воскресенья.

Одинъ человѣкъ, обжорливый отъ природы, но въшій одинъ разъ въ день, засыпалъ непосредственно за тѣмъ, какъ глоталъ послѣдній кусокъ и опорожнялъ послѣднюю бутылку. На другой день, въ тотъ же часъ, онъ просыпался только для того же, что дѣлалъ наканунѣ.

Разсказываютъ объ одной дамѣ хорошей фамиліи, которая спала три года сряду, и не принимала другой пищи, кромѣ небольшого количества бульона, который впускали ей посредствомъ зонда (sonde) черезъ носовую полость, потому-что въ-продолженіе всего времени челюсти ея были сильно сжаты конвульсивнымъ образомъ. Дамы эта скончалась черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ проснулась.

Въ летописяхъ медицины упоминаются столь необыкновенные и столь дивные примѣры сна, что въ нихъ почти можно было бы сомнѣваться, еслибъ они не описывались людьми, достойными довѣрія. Такъ, на-пр., тамъ говорится о снѣ, который продолжался отъ 24 до 49 дней, или отъ двухъ мѣсяцевъ до четырехъ и болѣе лѣтъ. Имѣя такіе примѣры, легко можно думать, что басня объ Эпименидѣ (Epiménide) (*), который спалъ сто лѣтъ, есть фактъ историческій, нѣсколько преувеличенный.

Людей, одержимыхъ этою странною болѣзнію, можно сравнивать съ животными, проводящими зиму въ оцѣпенѣніи, у которыхъ сонъ есть

(* Эпименидъ (Epiménide), критскій повѣ, родился въ Гноссѣ около 350 года до Р. Х. Его считаютъ въ числѣ семи мудрецовъ. Разсказываютъ, что войдя однажды въ пещеру отдохнуть, онъ проспалъ тамъ болѣе 87 лѣтъ. Въ-слѣдствіе того, онъ почти любимцемъ боговъ и призванъ на помощь въ Аены, когда тамъ свирѣтовала язва; онъ принесъ богамъ очистительную жертву и тѣмъ освободилъ городъ отъ язвы. Возвратясь на свою родину въ Гноссу, онъ умеръ, какъ говорятъ, 184 или 157 лѣтъ, или же 299, какъ разсказываютъ Критяне.

настоящая летаргія. Дыханіе у этихъ животныхъ и кровообращеніе незамѣтны; они остаются безъ чувствъ и движенія; ихъ даже можно разсѣчь на части, не вида съ ихъ стороны признаковъ боли. Почти подобныя явленія происходятъ и съ одержимыми летаргіею: ни сильный шумъ, ни потрясенія, ни уколенье, ни рѣзаніе, ни прижиганіе, ни другія самыя жестокія средства не могутъ пробудить нѣкоторыхъ отъ глубокаго сна.

Заключимъ разсужденія наши о *катафоръ* любопытнымъ фактомъ, за достовѣрность котораго ручается правдивость старика, рассказавшаго его.

Одинъ обитатель Парнейскихъ-Горъ жилъ въ крайней нищетѣ съ своею женою, женщиною чрезвычайно вспыльчиваго характера. Около сорока-пяти лѣтъ, женщина эта сдѣлалась подвержена частымъ припадкамъ *слячки* (*sagus*). Приближеніе припадка обнаруживалось тяжелымъ и неспособнымъ для другихъ расположеніемъ духа. Будучи зла отъ природы, эта женщина дѣлалась сварливою, сердитою, разъяренною и позволяла себѣ самыя звѣрскіе поступки съ мужемъ. Затѣмъ, послѣ жестокихъ сценъ, она впадала въ летаргическій сонъ, изъ котораго ничѣмъ нельзя было ея вывести, и который продолжался отъ пятнадцати до двадцати дней. Съ наступленіемъ супружеской бури, бѣднякъ вооружался терпѣніемъ; «она больна», говорилъ онъ съ сожалѣніемъ: «ей надобно прощать», и самъ сносилъ всѣ ругательства и побои съ стоическою твердостью; только пряталъ голову въ руки, потому-что разсварившаяся негера норовила попасть именно въ лицо.

Случилось однажды, что сонъ этой женщины продолжился долѣе обыкновеннаго; лекаръ призналъ ее мертвою. Мужъ уронилъ нѣсколько слезъ и благодарилъ Бога, что наконецъ Онъ принялъ ее. Будучи бѣденъ и не имѣя денегъ купить гробъ, онъ сообщилъ соседямъ о своемъ затруднительномъ положеніи: два крестьянина той же деревни положили умершую на носилки, безъ покрывала, въ томъ самомъ платьѣ, какое на ней было, и направилась къ кладбищу. Когда они проходили по узкой тропинкѣ между кустами, терновникомъ оцарацало лицо у мертвой, и она съ провзвительнымъ крикомъ вдругъ очнулася. Несшіе, въ испугъ, бросили носилки и обратилась въ бѣгство. Мужъ кинулся было бѣжать вмѣстѣ съ прочими, но одумавшись возвратился и помогъ несчастной прійти домой. По всей деревнѣ распространился ужасъ; нѣсколько мѣсяцевъ, самыя храбрыя не смѣли глядѣть въ лицо ожившей мертвой.

Съ этого времени характеръ больной сдѣлался до того жестокимъ, что несчастный мужъ принужденъ былъ оставить свою хижину, боясь быть убитымъ. Въ окрестности распространились слухи, что эта женщина колдунья, что она по произволу можетъ умирать и оживать. Наконецъ викарный священникъ соседней деревни, въ сопровожденіи мужа, который уже нѣсколько недѣль скитался безъ пристанища, пришелъ самъ разсвѣять пустые толки и успокоить обывателей. Но когда они вошли въ хижину, то больная лежала на полу безъ чувствъ и поспивала. Въ этотъ разъ она дѣйствительно была мертвою; зловон-

ный запахъ трупъ не позволялъ въ томъ сомнѣваться. Никто въ деревнѣ не хотѣлъ нести мертвую въ могилу; всѣ вздрагивали, вспоминая, какъ незадолго передъ тѣмъ она ожила. Два солдата, проходившіе черезъ деревню на свои квартиры и остановившіеся для отдыха; взялись, по просьбѣ священника, исполнить печальный долгъ.

Мужъ, какъ и прежде, шелъ за носилками опустивъ голову и роняя слезы; добрый человекъ, онъ плакалъ о своемъ вдовствѣ, и его тяжелые шаги, его плачь и измѣнившіяся черты лица свидѣтельствовали о шепритворной горести; однакожъ, когда солдаты вошли на тропинку; обросшую кустами, онъ весьма-наивно вскрикнулъ: «товарищи, берегитесь кустовъ!»

Каталепсія (catalepsie) есть внезапное омертвѣніе чувствъ и остановка дѣйствія мускуловъ, управляемыхъ волею; впрочемъ, слухъ и понятія не отнимаются. Пораженные каталепсіею сохраняютъ то положеніе, какое имѣли въ минуту припадка; члены ихъ могутъ принимать тѣ позы, какія будутъ имъ даны; уста нѣмы; тѣло, въ-продолженіе припадка, неподвижно подобно статуѣ; дыханіе и пульсъ чрезвычайно медленны, иногда вовсе незамѣтны. Эта болѣзнь встрѣчается очень-рѣдко и, по мнѣнію врачей, постигаетъ чаще женщинъ, нежели мужчинъ.

Вотъ интересный примѣръ, взятый изъ *Gazette des hôpitaux*.

Одна дама, принадлежавшая къ богатому сословію, хотѣла прибить что-то къ стѣнѣ; вдругъ подъ окномъ раздался выстрѣлъ, и въ одно мгновеніе она сдѣлалась неподвижною и какъ-бы окаменѣла въ своей позѣ: одна рука ея осталась поднятою къ гвоздю, другая упиралась въ стѣну. На крикъ горничной прибѣжали люди и нашли госпожу свою въ такомъ положеніи: глаза ея были раскрыты и неподвижно уставлены; лицо было спокойно, но не имѣло выраженія и не обнаруживало никакихъ признаковъ страданія. Ее перенесли на постель и напрасно старались привести въ чувство. Черезъ часъ начались конвульсіи и скрежетаніе зубовъ; потомъ глаза потеряли неподвижность, сдѣлались влажными и наконецъ слезы потекли ручьемъ; этимъ кончилась припадокъ. Первый разъ случился онъ въ шесть часовъ вечера. На другой день, въ этотъ самый часъ, г-жа ... срывала цвѣты на помаранцовомъ деревѣ; время было тихое и вокругъ царствовало совершенное спокойствіе; вдругъ повторились съ нею тѣ же феномены: обѣ руки, какъ у автомата, остались протянутыми къ вѣткѣ. Точно такъ же, какъ наканунѣ, каталептическое состояніе продолжалось часъ и кончилось изобильнымъ потокомъ слезъ.

Припадки эти сдѣлались постоянными; шесть лѣтъ, въ одинъ часъ и въ-продолженіе одинакаго времени, они возобновлялись. Никакіе признаки не предшествовали ихъ приближенію: г-жа ... была вдругъ поражаема, что бы ни дѣлала, гдѣ бы ни находилась и всегда въ шесть часовъ вечера. Случалось ли ей говорить, слова оставались неоконченными ея на губахъ, зрачка устремлялись на одинъ предметъ, во всей тѣлѣ поселялась страшная неподвижность; члены повиновались всѣмъ движеніямъ и сохраняли то положеніе, въ которомъ ихъ оставляли. Въ

семь часовъ грудь тяжело поднималась, она вздыхала; затѣмъ являлись конвульси и наконецъ слезы. Слезами все оканчивалось. Казалось, впрочемъ, что г-жа ..... пользовалась хорошимъ здоровьемъ; по-крайней-мѣрѣ, она не похудѣла, имѣла хорошій аппетитъ; пища сваривалась хорошо, всѣ отправленія совершались своимъ порядкомъ и моральное состояніе не измѣнилось.

Всѣ возможные способы употреблены были къ излеченію, но ничто не принесло пользы. Въ концѣ шестаго года, припадки стали дѣлаться не такъ сильными и менѣе продолжительными; но по-мѣрѣ-того, какъ проходила катаlepsія, въ ногахъ усиливалась слабость, которая наконецъ превратилась въ совершенный параличъ (paralégie). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, эта дама ходила на костыляхъ. Отъ прежнихъ ежедневныхъ припадковъ осталось одно, не менѣе замѣчательное явленіе: каждый день, въ шесть часовъ вечера, четвертый палецъ на лѣвой рукѣ сгибался къ ладони и выпрямлялся не прежде семи часовъ. Это происходило съ точностію хронометра.

Есть родъ катаlepsіи, которую можно назвать *летаргическою*, по ея продолжительности далѣе нормальнаго періода. Эта ужасная болѣзнь, заключающая въ себя всѣ наружные признаки смерти, не разъ бывала причиною несчастныхъ случаевъ. Кожа становится холодною, глаза стеклянными, пульсъ перестаетъ биться, дыханіе замираетъ; зеркало, приставленное къ устамъ, не тускнеть; всѣ жизненныя отправленія останавливаются и тѣло уподобляется трупу.

Одинъ фактъ, случившійся въ Испаніи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можетъ убѣдить насъ, какимъ опасностямъ подвергаются лица, пораженныя летаргическою катаlepsіею, если приговоръ объ ихъ смерти произнесенъ врачомъ слишкомъ-поспѣшно. Предоставимъ молодой особѣ, которая могла сдѣлаться жертвою подобнаго сужденія, говорить за себя самой.

«Меня сочли мертвою... Я слышала надъ собою стоны моихъ родныхъ, слышала ихъ рыданія и приняла послѣднее прощаніе моего жениха; сестры въ послѣдній разъ меня поцаловали, гробъ былъ принесенъ и, черезъ нѣсколько минутъ, долженъ былъ затвориться надо мною, но по совѣту одного врача, погребеніе было отложено. Три дня оставалась я на смертной постели, три дня слушала все, что есть раздирающаго и жестокаго въ печали семейства, которое меня обожало. Ко мнѣ доходили всѣ слова, всякій малѣйшій шумъ. Сколько разъ пыталась я пошевелиться, закричать, вздохнуть; но чувствовала рѣшительную невозможность... Физически я была мертвою; только понятія и слухъ продолжали дѣйствовать. Увы, я понимала, что осуждена быть погребенною живою. Сколько мученій и терзаній перенесла я! Да, я много страдала!

«На четвертый день, утромъ, врачъ съ двумя своими товарищами пришли ко мнѣ, осмотрѣли меня съ величайшимъ вниманіемъ, нѣсколько разъ поднимали мои вѣки, терли ими глаза, говоря: «зрачки потеряли чувствительность, сдѣлались стеклянными; повсемѣстное охлажденіе, лицо синее, зеленоватыя пятна по тѣлу; вѣрные признаки начи-

находящегося разложения; сегодня можно хоронить ее». Родные мои вышли из комнаты, где я лежала: они не хотѣли быть свидѣтелями нечистой сцены. Меня обернули саваномъ, положили въ гробъ и стали забивать его гвоздями. Я слышала стукъ молотковъ. Въ эту страшную минуту, сколько усилій и напряженій употребила я мысленно, чтобы подать какой-нибудь признакъ жизни! все было напрасно, я не могла ничѣмъ ее обнаружить... Наконецъ я отдалась моей судьбѣ, подумала, что такова воля Божія и стала горячо молиться. Меня отнесли въ церковь. Вокругъ гроба горѣли свѣчи и я слышала падъ собою погребальное пѣніе. Черезъ часъ потомъ, могильщики опустили меня въ могилу. При глухомъ звукѣ первой горсти земли, брошенной на гробъ, весь составъ мой вздрогнулъ и затрепеталъ; я силилась вскрикнуть, отъпскивала въ умъ своимъ все средства, которыми энергія отчаянія можетъ возбудить дѣятельность жизни; напрасно! я оставалась недвижною и пѣмою подъ моимъ саваномъ. Скоро я впала въ уныніе; мысли, бывшія до того совершенно ясными, стали исчезать; я потеряла память.

«Когда пришла я въ себя, вѣтеръ свисталъ между нѣвами на кладбищѣ; громъ гремѣлъ съ трескомъ; надо мною проходила гроза. Ударъ молніи, вѣроятно, разразился недалеко отъ меня, потому-что я ощутила сильное потрясеніе; мнѣ казалось, что чувства возвращаются въ тѣлѣ.»

«Вотъ какому нечаянному обстоятельству обязана я возвращеніемъ къ жизни.»

«Молодой человекъ, котораго я любила, женихъ мой, Діэго, съ помощію денегъ уговорилъ могильщиковъ не засыпать могилы до слѣдующаго утра. Страшный умыселъ составлялся въ его головѣ; онъ хотѣлъ посредствомъ самоубійства соединиться со мною и раздѣлить одну могилу. Дѣйствительно, около полуночи, я услышала приближающіеся шаги... это былъ онъ.»

«О моя Анна!» вскричалъ онъ. «Діэго не можетъ жить безъ тебя и пришелъ умереть возлѣ. Пусть Богъ проститъ мнѣ поступокъ моего отчаянія и соединитъ наши души.»

«Я слышала, какъ взводилъ онъ курокъ оружія... онъ готовился умертвить себя... Вдругъ пронзительный крикъ вырвался изъ моей груди: голосъ ко мнѣ возвратился. При этомъ крикѣ, который въ ночной темнотѣ, на кладбищѣ, былъ еще страшнѣе, оружіе выпало изъ рукъ молодого человека и вмѣстѣ съ нимъ скатилось на мой гробъ. На зарѣ сторожа, услышавъ мои стоны, прибѣжали къ могилѣ, вынули Діэго въ обморокъ, раскрыли мой гробъ и возвратили меня роднымъ мовѣмъ. Сильное потрясеніе, произведенное мовѣмъ появленіемъ, должно было дорого стоить многимъ изъ нихъ. Женихъ мой также возвращенъ былъ своему семейству, но въ такомъ состояніи, что лучше бы онъ умеръ. Меня окружили важными попеченіями, ласками, и я скоро выздоровѣла. Но Діэго, несчастный... когда раскрылъ глаза, онъ былъ лишень разсудка. Я посвятила ему жизнь свою на землѣ, но догубила его жизнь...»

Есть еще другая болѣзнь, родъ нервнаго припадка, который, по некоторымъ признакамъ, сходенъ съ летаргією и съ каталепсією и также представляетъ припадки видимой смерти. Періодъ припадка бываетъ болѣе или менѣе продолжительнымъ; съ невозможностію производить произвольныя движенія почти всегда соединяется усыпленіе нѣкоторыхъ чувствъ; при этомъ понатія и слухъ не перестаютъ однакоже дѣйствовать. Не смотря на аналогію симптомовъ, этотъ припадокъ нельзя называть собственно каталепсією, потому-что глаза бываютъ закрыты и члены такъ гибки, какъ у спящаго ребенка; нельзя считать его и летаргією, потому-что чувство слуха сохраняется. Болѣзнь эту можно было бы назвать *фальшивою каталепсією* (*fausse catalepsie*) или мгновеннымъ парализмомъ мозговыхъ органовъ (*les organes encéphaliques*), которые играютъ главную роль въ произвольныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ одного какого-либо или нѣсколькихъ чувствъ. Эта странная болѣзнь представляетъ множество любопытныхъ фактовъ. Расскажемъ нѣкоторые интереснѣйшіе примѣры.

Одинъ молодой человекъ готовился къ экзамену на званіе бакалавра наукъ. Отъ долгихъ бдѣній и продолжительныхъ занятій произошло въ немъ сильное нервическое истощеніе, и вдругъ онъ впалъ въ каталептическій сонъ, встревожившій его родныхъ. Надъ нимъ кричали, его передвигали съ мѣста на мѣсто, щипали, а онъ не подавалъ никакого признака чувствъ; дыханіе едва было замѣтно, лицо было спокойно и кожа сохраняла теплоту. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ нѣсколько дней. Въ одно утро, послѣ разныхъ попытокъ разбудить его, одинъ изъ молодыхъ его товарищей вздумалъ предложить ему слѣдующій вопросъ: «Жюль...», бьюсь объ закладъ, ты не скажешь мнѣ, какой квадратный корень числа 2916?» — Пятьдесятъ-четыре! вскричалъ спавшій, и вдругъ проснулся. Въ-продолженіе года, Жюль испыталъ нѣсколько разъ подобныя припадки, и всегда, чтобъ сократить ихъ, вѣрнымъ средствомъ было предложить ему какую-нибудь проблему, которую онъ разрешалъ съ удивительною легкостью. Оставивъ свои учебныя труды, онъ сталъ ѣздить верхомъ, ходить на охоту и употреблять другія дѣятельныя развлеченія; этимъ онъ совершенно вылечился.

Одинъ страстный музыкантъ, ученымъ образомъ занимавшійся своимъ искусствомъ и одаренный удивительною тонкостью слуха, испытывалъ корчи, сопровождавшіяся знаками нетерпѣнія и скрежетаніемъ зубовъ всякій разъ, когда въ его присутствіи пѣли или играли фальшиво. Наоборотъ, онъ приходилъ въ восторгъ и погружался въ безмолвное наслажденіе, когда предъ нимъ съ одушевленіемъ и вѣрно исполняли какой-нибудь музыкальный отрывокъ изъ гениальныхъ твореній великихъ композиторовъ. Въ последнемъ случаѣ, чрезмерная чувствительность причиняла ему много разстройствъ въ отправленіяхъ нервовъ и пищеваженія; часто, въ-слѣдствіе сильныхъ музыкальныхъ потрясеній, онъ принужденъ бывалъ слезъ въ постель. Однажды вечеромъ, возвратясь домой изъ концерта, который давали первые артисты въ столицѣ, онъ впалъ въ усыпленіе, изъ котораго ничто не могло его вывести. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ 87 часовъ. Докторъ, одинъ

изъ друзей его, приевоатовалъ испытать еще дѣйствіе музыки. Принесли фортепьяно: одинъ изъ присутствовавшихъ сѣлъ играть, два другіе начали пѣть; выбрали они дуетъ Россини; но ни игравшій, ни пѣвшіе не въ состояніи были исполнить какъ слѣдуетъ музыку знаменитаго маэстро. Окончивъ какъ попало нѣсколько партій, они начали одно место, но такъ фальшиво, что самое немзыкальное ухо оскорбилось бы жестоко. Больной, оставшійся безъ движенія, нетерпѣливо повернулся на постели, въ чертахъ его видны были неудовольствіе и досада, и вдругъ сердитымъ голосомъ онъ вскрикнулъ: «О, варвары! можно ли такъ тираниить великое произведеніе Россини!» Всякъ за тѣмъ раскрылъ оцъ глаза и не мало изумился, увидя себя въ кругу своихъ друзей.

Въ журналахъ писали объ одной дамѣ большаго свѣта, искусной отгадчицѣ загадокъ, шарадъ, логогрифовъ, анаграммъ, гомографовъ и другихъ игрушекъ словами, которая изумляла всѣхъ быстротою ума по этой части и изъ такого пустаго удовольствія составила себѣ главное занятіе. Неприятности домашнія и въ-особенности потеря любимой собачки были причиною, что она впала въ состояніе *фальшивой катаlepsis* (*fausse catalepsie*), которое прозвело большую тревогу въ домъ. Случайнымъ образомъ открылось средство прекратить ея сонъ. Двѣ молодыя дѣвушки, сидѣвшія надъ нею, стали для развлеченія предлагать одна другой загадки, и вотъ одна изъ дѣвушекъ предложила другой слѣдующій логогрифъ:

Sur six pieds je suis minéral,
Sans mon chef je suis végétal?

«Marbre!» отвѣчала тотчасъ спавшая, глубоко вздохнула и проснулась, спрашивая долго ли спала она? Былъ уже пятый день. На другой день она снова заснула; докторъ приказалъ оставить ее нѣсколько часовъ въ покоѣ, и потомъ новая шарада открыла ей глаза. Послѣ нѣсколькихъ припадковъ, замѣчено было, что способность г-жи *** отгадывать удивительнымъ образомъ возрастала во время сна: нисколько не останавливаясь, она разрешала самыя сложныя и трудныя загадки, чего, безъ сомнѣнія, не могла бы сдѣлать въ состояніи бодрствованія.

Нѣсколько приведенныхъ нами примѣровъ и множество другихъ, упоминаемыхъ въ летописяхъ врачебнаго искусства, показываютъ, сколько слѣдуетъ быть благоразумнымъ и осторожнымъ въ опредѣленіи смерти. Первыя врачи говорятъ, что изъ всѣхъ признаковъ смерти только одинъ не подлежитъ сомнѣнію, именно *inienie* (*putréfaction*).

Въ заключеніе замѣтимъ, что сонъ не составляетъ исключительнаго удѣла челоука и животныхъ: все живущее, отъ самаго простаго растенія до животнаго, имѣющаго самый сложный организмъ, пользуется этою принадлежностію бытія. Достойно вниманія, что продолжительность сна представляется намъ тѣмъ большею, чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ органическихъ существъ, отъ челоука до камнерастенія (*lithophyte*). Всемъ извѣстно, что животныя, терпящія спячку зимою, каковы медвѣдь, сурокъ (*martotte*) и т. д., проводятъ часть дурнаго времени года во снѣ; что животныя ползающія, проглотивъ

добычу свою, которая часто бываетъ толще ихъ самихъ, остаются въ продолженіе всего времени, пока варится пища, въ столь глубокомъ оцѣпенѣніи, что къ нимъ можно подходить и трогать ихъ безопасно. Весьма известно также, что зерна остаются въ бездѣйствіи и какъ-бы лишенными жизни до-тѣхъ-поръ, пока ихъ посяютъ; тогда уже происходитъ въ нихъ пробужденіе и начинается прозябеніе, дающее знать о ихъ жизненной силѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что сонъ составляетъ потребность бытія; всѣ органическія существа подчиняются ей, и ни одно не изъято изъ общаго закона.

Мы сказали о превратностяхъ, которымъ подвергается сонъ въ человѣкѣ; остается сказать о феноменахъ, которые происходятъ во время сна и которые мы называемъ сновидѣніями. Совокупность этихъ явленій называется онирогенію (*onirogénie*).

Онирогенія (*onirogénie*).

Теорія сновидѣній.

Сновидѣніе (*le songe*) есть болѣе или менѣе вѣрное представленіе во время сна того, что насъ поразило наяву; оно состоитъ въ точномъ, ясномъ, или же темномъ воспоминаніи о нашихъ прошедшихъ дѣйствіяхъ, или въ исполненіи тѣхъ дѣйствій, которыя мы еще намѣрены сдѣлать, причѣмъ не принимается въ расчетъ ни время, ни пространство.

Сновидѣнія необходимо производятся чувствованіями и идеями; жизненные соотношенія составляютъ необходимое условіе онирогенія. Въ этомъ смыслѣ, сонъ дѣяти есть полное спокойствіе. Во-вторыхъ, природный недостатокъ какого-нибудь чувства влечетъ за собою рѣшительное отсутствіе ощущеній, связанныхъ съ этимъ чувствомъ; поэтому, слѣпороденный не можетъ во снѣ испытывать ощущеній, получаемыхъ посредствомъ зрѣнія; глухой отъ рожденія равнымъ образомъ не можетъ испытывать ощущеній, доставляемыхъ слухомъ.

Есть сновидѣнія, поражающія своею вѣрностью: дѣйствіе происходитъ со всеми малѣйшими подробностями; сходство формъ, времени, мѣстъ, цвѣтовъ, звуковъ удивительно; ничто не ускользаетъ, все представляется съ величайшею точностью и отчетливостью. Такія сновидѣнія называются *ясными* (*songes lucides*). Другія, напротивъ того, бываютъ несвязныя, странныя, фантастическія, перерывистыя и послѣ пробужденія оставляютъ только сбивчивыя воспоминанія, или же и вовсе ихъ не оставляютъ; такія сновидѣнія называются *неясными, темными* (*rêves obscurs*).

Рядъ образовъ, которые возникаютъ передъ нами, исчезаютъ и потомъ снова являются въ-продолженіе сновидѣнія, составляется по связи идей. Если мы думаемъ наяву о какомъ-нибудь предметѣ, то рѣдко случается, чтобъ въ то же время не приходили о немъ разныя идеи; такъ, напр., если мы видимъ женщину красивой наружности, намъ

приходить на мысль понятіе о красотѣ, за которымъ необходимо слѣдуютъ понятія о прекрасныхъ глазахъ, о высокомъ челѣ, о свѣжихъ и небольшихъ устахъ, о красивой ногѣ, о гибкой и хорошо-обрисованной талии, о пріятности формъ и т. п. Точно также и во снѣ главная идея влечетъ за собою всѣ тѣ, которыя имѣютъ съ нею какое-нибудь соотношеніе. Эти вторыя идеи развиваютъ изъ себя другія, и эта послѣдовательная связь происходитъ съ такою быстротою, что въ четверть часа, намъ кажется, мы прожили многіе годы. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей, память дѣйствуетъ въ сновидѣніяхъ наиболѣе, потомъ воображеніе; сужденіе по-большей-части остается на это время безмолвнымъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, механизмъ онирическихъ явленій.

Для сновидѣнія нужно, чтобъ нѣсколько мозговыхъ органовъ бодрствовали; поэтому первый сонъ, особенно у людей, занимающихся физическими трудами, можно назвать полнымъ успокоеніемъ. Если бодрствуетъ какой-либо одинъ органъ, то сновидѣніе можетъ представлять съ вѣрностью всю сферу идей, принадлежащихъ этому органу. Если же вмѣстѣ съ этимъ бодрствующимъ органомъ начнутъ дѣйствовать и другіе, однородные съ нимъ, то сновидѣніе сдѣлается яснѣмъ, послѣдовательнымъ и полнымъ истины. Если, на-примѣръ, память будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ способностью размышленія и сужденія, то ходъ сновидѣнія будетъ такъ ровенъ и ясенъ, послѣдовательность обстоятельствъ будетъ такъ соблюдена, связь отношеній такъ тѣсна, всѣ предметы будутъ представляться съ такою отчетливостью въ своихъ малѣйшихъ подробностяхъ, что дѣйствіе прійметъ весь видъ дѣйствительности. Въ это время органъ мысли пользуется тѣмъ большею проницательностью, что его дѣйствіе болѣе сосредоточено. Это сосредоточеніе жизненной силы въ некоторыхъ умственныхъ способностяхъ даетъ имъ такую степень силы, что спящій какъ-бы пропикаетъ въ будущее; въ немъ рождаются предчувствія, которыя часто оправдываются; онъ составляетъ высокія, изящныя произведенія, между-тѣмъ, какъ пробудясь, онъ въ состояніи исполнять лишь обыкновенныя труды. Наоборотъ, если нѣсколько противоположныхъ по назначенію своему органовъ бодрствуютъ и дѣйствуютъ въ одно время, въ такомъ случаѣ сновидѣніе бываетъ темнымъ, несвязнымъ, изорваннымъ. Если дѣятельность одного органа уменьшается, а дѣятельность другаго усиливается, въ такомъ случаѣ возникаетъ рядъ короткихъ сновидѣній, которыя начинаются, быстро проходятъ и сменяются одни другими, равно непродолжительными; подобныя сновидѣнія называются *рѣзками* (révasseries).

Грезы обыкновенно случаются во время дремоты или неполнаго сна, происходящаго отъ усталости послѣ тяжкихъ трудовъ, или отъ усиленнаго движенія, отъ физическихъ или нравственныхъ страданій.

Всякій разъ, когда наяву мы съ живостью приняли какое-нибудь впечатлѣніе, или когда какая-нибудь идея упорно вкоренилась въ нашъ мозгъ, можно полагать, что она повторится въ сновидѣніи. Люди, которыхъ нервная система, и безъ того весьма-раздражительная, будетъ

еще въ сильнѣйшей степени возбуждена умственной дѣятельностью, такіе люди, на-примѣръ, некоторые ученые, будутъ трудиться во снѣ надъ своими сочиненіями, разрѣшать трудные вопросы, составлять рчи или стихи со всею легкостью вдохновенія.

Множество обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на свойство и образованіе сновидѣній: таковы, на-примѣръ, полъ, возрастъ, темпераментъ, мѣстность, общественное положеніе лица, или болѣзненное состояніе органовъ.

Въ состояніи полнаго *здоровья*, когда животная экономія, не претерпѣвая разстройства въ своихъ отправленіяхъ, предается отдохновенію непринужденно, когда духъ спокоенъ или же волнуется тихимъ удовольствіемъ, сновидѣнія бываютъ легкими, спокойными, пріятными; въ *болѣзненномъ* состояніи, напротивъ того, они бываютъ тяжелыми, томительными, мучительными, часто отвратительными и страшными; послѣдніе носятъ названіе *кошмаровъ* (cauchemar).

Мы сказали, что понятія и ощущенія, полученные нами во время бодрствованія, въ сновидѣніи могутъ увеличиваться въ числѣ своемъ и пріобрѣтать значительную силу и объемъ, особливо, если какой-нибудь органъ страждетъ, или возбужденъ въ высшей степени; а въ такомъ положеніи организмъ челоука находится почти обыкновенно. Весьма-трудно, почти невозможно, чтобы душа и тѣло находились въ полномъ спокойствіи. А потому, при тревожномъ состояніи духа или физическомъ недугѣ, ощущеніе, произведенное, на-примѣръ, укушеніемъ блохи, преувеличится до того, что покажется ударомъ шпаги; звукъ колокола будетъ казаться печальнымъ набатомъ. По связи идей, набатъ напомнитъ о какомъ-нибудь несчастномъ происшествіи: при этомъ спящій услышитъ крикъ смятенія и вопли о помощи, увидитъ передъ собою бѣгущую въ ужасѣ толпу; вихрь пламени устремится на зданіи и будетъ пожирать ихъ; если спящій не проснется, то сдѣлается свидѣтелемъ всѣхъ подробностей пожара. Большому, который питаетъ мрачныя идеи, звукъ колокола покажется погребальнымъ звономъ по умершемъ, и передъ спящимъ потянется въ сновидѣніи печальная процессія со всеми принадлежностями траура и скорбиа; онъ услышитъ погребальное пѣніе и глухія рыданія родныхъ; увидитъ и слезы и блѣдыя, грустныя лица въ черныхъ одеждахъ. Если сонъ не кончится на этомъ первомъ кошмарѣ, то спящій увидитъ, что гробъ вдругъ раскрывается и оттуда мертвецъ встаетъ съ членами безъ тѣла, съ поспѣвшимъ лицомъ и стеклянными глазами, вращающимися въ своихъ орбитахъ; всѣ присутствующіе обратятся въ бѣгство, онъ также захочетъ бѣжать; но его ноги откажутся служить и онъ будетъ чувствовать, какъ трупъ хватаетъ его своими пальцами; будетъ дрожать при этомъ страшномъ прикосновеніи, будетъ силиться, кричать, станеть болѣзненно ворочаться на постели, и испытаетъ всѣ мученія ужаса; наконецъ, онъ проснется.

Картина сильно-поразившая, разговоръ или чтеніе, оставившіе сильное впечатлѣніе, могутъ въ челоука вѣжнаго сложенія произвести нервное потрясеніе. Потрясеніе это отразится во время сна и смотря по-

тому, получены ли пріятныя или же тяжелыя впечатлѣнія, наполнить сновидѣніе или веселыми образами, или ужасами кошмара.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одна молодая особа нервнаго сложенія и страдавшая блѣдною немочью, умерла жертвою неблагоразумія. Ей столько наскъзали о дьяволахъ и адѣ, что блѣдная дѣвушка возвратилась домой вся въ страхъ, блѣдная, дрожащая и какъ-бы обезумѣвшая. Ночью представилось ей все, что она слышала, но еще въ болѣе страшныхъ образахъ. Она видѣла кости, скелеты, страшныя фигуры, слышала запахъ сѣры, чувствовала жженіе окружавшаго ее пламени. Ей казалось, что ее преслѣдуютъ и терзаютъ страшныя чудовища, бьютъ своимъ хвостами, бодаютъ рогами... Наконецъ; она проснулась, но была въ жалкомъ состояніи, Родные, услышавъ крики, приближались къ ней, но напрасно старались успокоить необыкновенное волненіе и разсѣять ея страхъ. Нѣсколько ночей повторялись тѣ же видѣнія, и никакія средства не помогали. На четвертый день юная и невинная страдалица впала въ сильную мозговую горячку (*fièvre cérébrale pernicieuse*) и скончалась въ конвульсіяхъ при *демонофобическомъ* помѣшательствѣ разсудка (*delire de démonophobie*).

Что касается до *половъ*, то женщина никогда не увидитъ себя во снѣ мужчиною, и наоборотъ, мужчина не увидитъ себя женщиною.

За тѣмъ, смотря по *состоянію*, *роду занятій*, *общественному положенію*, *роду жизни*, чувства и душа поражаются различно. Пролетарій не будетъ имѣть сновидѣній царя, ндіотъ сновидѣній гениальнаго чловека, грубому кузнецу не представляется видѣнія, которыми можетъ наполняться сонъ вѣжнаго и страстнаго итальянскаго артвста.

Что касается до *климатовъ* и *мѣстности*, то живущіе подъ экваторомъ, родящіеся и умирающіе въ странѣ, палимой солнцемъ, и никогда ея не покидавшіе, не увидятъ во снѣ вѣчныхъ льдовъ, наполняющихъ страны полярныя.

Относительно *температуровъ* замѣчено, что существо холодное, не расположенное къ любви, или удовольствіямъ чувственнымъ, не имѣетъ сновидѣній темперамента противоположнаго. Человѣкъ тихаго и спокойнаго характера, неимѣющій въ себѣ желчи и страстей, не имѣетъ тревожныхъ сновидѣній чловека, который, по несчастной организаціи, наклоненъ къ ненависти, ссорамъ, сильнымъ увлеченіямъ мести или отчаянія.

Сновидѣнія *юноши*, *взрослаго чловека* и *старика* также не сходны между собою. Старикъ они представляются рѣдко; его нервы притупились съ лѣтами; для него, утомленнаго долгимъ путемъ жизни, ложе, на которомъ долженъ онъ скоро успокоиться, есть могила. Надежда уже не волнуетъ его обляннвшагося, очерствѣвшаго сердца; страсти исчезаютъ въ немъ съ каждымъ днемъ; связь съ вѣшнимъ міромъ становится ограниченнѣе, и такъ-какъ дѣятельность его органовъ не престанно уменьшается, то ему меньше нужно и восстанавливать себя. Старикъ спитъ мало; малѣйшій шумъ его будитъ; если ему и снится что-нибудь, то развѣ о временахъ прошедшихъ; его память переноситъ ея въ той счастливой эпохѣ жизни, о которой онъ сожалеетъ и кото-

рая минула для него невозвратно... Въ сновидѣніяхъ взрослого человека повторяется все, что относится къ его интересамъ, къ его семейству, къ его честолюбивымъ планамъ и т. п.

Но какія ночи и какіе сны достаются на долю юности, безпечнаго и веселаго!.. Холодный расчетъ не оледенилъ еще горячихъ нагнанныхъ сердца, органы свѣжи, болѣзнь еще не заразила ихъ острымъ и ядовитымъ своимъ дыханіемъ. О, въ такую пору сонъ сладокъ, потому что душа спокойна, всѣ сосуды наполнены неиспорченными соками, и здоровье дышетъ во всемъ тѣлѣ; сонъ сладокъ, потому что очи юности глядятъ на жизнь сквозь призму очарованій. Ему снятся юныя дѣвы, увѣнчанныя цвѣтами; онъ мелькаетъ передъ нимъ въ сновиданіи, шепчуть ему гармоническія, любовныя рѣчи, улыбаются ему, и ихъ улыбка счастливитъ его. Онъ вмѣшивается въ ихъ толпу и вмѣстѣ съ ними дѣлитъ ихъ игры и радости. Иногда ему кажется, что у него крылья и онъ легко носится надъ чистыми водами озера, перелетаетъ черезъ ручей или рѣку, а между-тѣмъ толпа глядитъ и удивляется. Съ высокой горы бросается онъ въ долину и, полетавъ нѣсколько минутъ, садится у ногъ своей милой, вѣетъ на нее своими крыльями и оба предаются наслажденію; пробудясь, онъ чувствуетъ себя взволнованнымъ, чувствуетъ, что сердце его переполнено любви и радости. Иногда закрываетъ онъ рѣсницы, чтобъ продать пріятный сонъ, иногда же, вставъ, отправляется гулять въ поле или другое уединенное мѣсто, чтобъ повторить въ памяти сладкія впечатлѣнія ночи. Со всѣхъ сторонъ дышетъ на него атмосферою наслажденія: воздухъ кажется теплѣе, цвѣты ярче и ароматнѣе; грудь поднимается отъ неясныхъ желаній; бьется сердце; невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; душа ожидаетъ упонтельной дѣйствительности. И подобное состояніе блаженства продолжается по нѣсколькимъ часамъ. Сны юности, золотые, роскошныя сны любви и пылкой поэзіи, кому вы не памяты, и кто въ поздніе годы не жалеть о васъ!

Кошмаръ (cauchemar).

Изъ всѣхъ тяжелыхъ сновъ, самый томительный и мучительный тотъ, который называютъ *ночнымъ страхомъ* (terreur nocturne), *дѣленіемъ домовою* (incube), или *кошмаромъ* (cauchemar). У Грековъ онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ *éphialte prigalion*, у Римлянъ—*incube*, у Цельговъ—*machérick*, у Венгровъ—*vampirisme*, у Германцевъ—*nachtmare*, у Англичанъ—*nightmare*, у Датчанъ—*marer*, у Итальянцевъ—*razzolo*, у Испанцевъ—*tamporado*, и т. д. Вся эти выраженія означаютъ фантастическія существа, мрачныя порожденія ночи.

Кошмаръ есть тяжелое сновиданіе, въ продолженіе котораго къ страшнымъ призракамъ присоединяется болѣзненное удушье, и въ которомъ невозможность произвести малѣйшее движеніе (на-прим., чтобъ защититъ себя, или же исторгнуть изъ неминуемой опасности) связывается съ чувствомъ ужаса и мученій. Во время кошмара представля-

ются чудовища, отвратительные фантомы, окровавленные трупы, скелеты, вышедшие из могилъ, гномы, вѣдьмы, наконецъ, цѣлыя полчища горбуновъ, безобразныхъ, таинственныхъ и нечестивыхъ миссѣ, которые начинаютъ плясать около васъ съ страшными кривляньями и хохотомъ. Эти фигуры окружаютъ вашу постель и глядятъ на васъ, то неподвижно вперя свой взоръ, то дѣлая гримасы, скрежещутъ острыми зубами, стучать обнаженными костями, и вдругъ бросаются къ вамъ на грудь, давятъ ее, высасываютъ кровь, возбуждаютъ къ самому постыдному распутству и къ сладострастной похоти. Вы чувствуете, что мало-по-малу задыхаетесь, хотите закричать, но вамъ не достаетъ голоса, дѣлаете отчаянныя усилія, чтобъ освободиться отъ давящей васъ тяжести, но усилія ваши напрасны. Наконецъ, вы просыпаетесь: дыханіе ваше тяжело, вы истерзаны, измучены, въ поту; глаза ваши съ жадностію ищутъ свѣта, чтобъ разсѣять еще какъ бы стоящіе предъ вами страшные образы.

Кошмаръ называется *incubo*, если мужчина чувствуетъ, что самою тяжестію давить кого-нибудь, а называется *succubo*, когда женщина чувствуетъ себя раздавленною. На этомъ основаніи, первый принадлежитъ исключительно мужчине, второй женщинѣ. Кажется, было бы точнѣе, сообразно этимологіи словъ и не дѣлая различія между полами, принять, что названіе *incubo* есть то состояніе кошмара, когда чувствуютъ, что давить собою другаго, а *succubo* когда чувствуютъ себя раздавленными.

Одна изъ причинъ кошмара заключается въ сильныхъ впечатлѣніяхъ, которыя получены на яву, въ потрясеніи мозга, произведенномъ какою-нибудь страшною сценою, гдѣ вамъ случилось быть участникомъ или очевидцемъ. Отвратительная картина, поразившая сильно, энергическій разсказъ, подѣйствовавшій на ваше вниманіе, предрасполагаютъ къ кошмару. Но самыя частыя причины, заключаются, конечно, въ болѣзненномъ или нѣсколько-разстроенномъ состояніи органовъ. Наблюденія показываютъ, что болѣзни мозга поражаютъ самыя необыкновенныя, самыя странныя сновидѣнія. Въ такое время предметы принимаютъ формы и краски до того невѣроятныя, фигуры движутся и располагаются въ такихъ положеніяхъ, что умъ не постигаетъ, гдѣ мы находимся. Думаютъ, что во время подобнаго расстройства мозга, происшедшаго отъ сильнаго напряженія ума, живописецъ алло (Callot) произвелъ свои необыкновенныя изображенія демоновъ, Тартини (Tartini) сочинилъ свою знаменитую сонату—*Дьяволъ*.

Смотря по органу, который бываетъ разстроенъ, сновидѣніе представляетъ тотъ или другой характеръ.

При болѣзняхъ груди, сердца и большихъ сосудовъ, мученія бываютъ такъ сильны и разнообразны, что человекъ пробуждается съ испугомъ, тѣло бываетъ покрыто холоднымъ потомъ, дыханіе перерываемо скасто, такъ-что, и проснувшись, мы еще долго чувствуемъ тоску и мученіе. Кошмаръ, происходящій отъ болѣзненнаго состоянія желудка или внутреннихъ, случается всего чаще, особенно если пріймать въ расчетъ трудное пищевареніе или несвареніе. Въ такое время чувствуется, во-первыхъ, тяжесть подъ ложечкою и въ желудкѣ; потомъ

давленіе усиливается и дѣлается нестерпимымъ; далѣе чувствуешь, что задыхаешься, хочешь кричать, бѣжать, но нѣтъ ни голоса, ни силъ, и принужденъ бываешь переносить ужасныя страданія до самаго пробужденія. Это есть *insomnie* въ полной его силѣ.—За тѣмъ есть множество кошмаровъ, болѣе или менѣе сложныхъ, которыхъ тяжесть увеличивается въ прямомъ отношеніи къ силѣ причинъ, каковы, на-прим., неловкое положеніе во время сна, простуда какой-нибудь части тѣла, голодъ, жажда, ревматическія боли, болѣзненное отравленіе какого-нибудь члена, или органа, и т. п.

Галиенъ (Galien) рассказываетъ объ одномъ чловѣкѣ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ подверженъ былъ припадкамъ весьма острой нервной боли въ бѣдрѣ (*attaques de névralgie sciatique très-aiguës*). После одного чрезвычайно-сильнаго припадка, причинившаго больному безсонницу на нѣсколько сутокъ, горьшая до того времени часть тѣла начала холодѣть понемногу, страданія утихли и больной заснулъ. Нѣсколько часовъ провелъ онъ въ тревожномъ снѣ; вдругъ снится ему, что нога его превратилась въ камень; проснувшись, онъ нашелъ, что нога его дѣйствительно поражена параличемъ. Очевидно, причиною этого сновидѣнія было болѣзненное состояніе члена: когда прекратилось нервное вліяніе (*influx nerveux*) и когда прошла боль, а вмѣстѣ съ нею исчезла и жизненность члена, въ это время чувство холода начало распространяться въ ногу. Этимъ объясняется феноменъ.

Одному башмачнику, страдавшему давно воспаленіемъ въ правомъ глазѣ, приснилось, что его обезьяна выколола ему этотъ глазъ иглою; вдругъ онъ проснулся отъ сильной боли; напрасно раскрывалъ онъ глазъ, поднималъ пальцами ресницы, и подходилъ къ свѣту... онъ ослѣпъ на правый глазъ.

Одна дама, въ холодную зимнюю ночь, заснувши, свѣсила руку съ постели, потомъ во машинальному движенію положила ее на грудь, и отъ прикосновенія холодной руки, дамѣ этой приснилось, что ее обнимаетъ мертвецъ.

Бываютъ сложные кошмары, поражающіе и приводящіе въ волненіе удивительною отчетливостію дѣйствій; отъ нихъ остается въ памяти сильное впечатлѣніе, и долго еще послѣ пробужденія не проходитъ чувство ужаса. Большею частію мы боимся или потерять составленіе, или испытать измѣну, или подвергнуться смерти; подобныя мысли преслѣдуютъ насъ иногда цѣлый день, и потомъ представляются въ сновидѣніи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Такой кошмаръ случается преимущественно съ людьми, подверженными истерикъ, ипохондріа, съ молодыми, робкими, легко пугающимися, вообще съ людьми не твердаго разсудка, легковѣрными и способными къ впечатлѣніямъ. Сновидѣнія этого рода поражаютъ равнымъ образомъ и моральную сторону и наводятъ грусть; напрасно стараешься прогнать отъ себя черныя мысли: онѣ упорно приходятъ снова и кажутся какимъ-то продолженіемъ. Если, къ-несчастію, сновидѣніе исполнилось по какому-то роковому стеченію обстоятельствъ, то начинаютъ твердить, что это былъ

ельный сонъ. Такое повѣрье не разъ становилось въ семействахъ истинномъ страхомъ, которые часто губили малодушныхъ и легковѣрныхъ.

Жозефъ Франкъ (Joseph Franc) рассказываетъ слѣдующую исторію: «Благородная дама, родомъ изъ Литвы, золотушнаго сложенія, въ одну изъ первыхъ ночей послѣ того, какъ сдѣлалась беременною, проснулась съ сильнымъ крикомъ, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, рассказала мужу виданный ею сонъ. Казалось мнѣ, говорила она, что я вошла въ церковь и потомъ спустилась въ склепъ; вдругъ вижу тамъ женщину, сидящую въ раскрытомъ гробѣ и кормящую грудью двухъ дѣтей. Я испугалась, но она, увидя меня, сказала: не бойся меня, я вторая ты на другой день послѣ того, какъ ты родишь двухъ сыновей, ты придешь сюда и уснешь на моемъ мѣстѣ. — Мужъ употреблялъ все, что могъ, старался разсѣять глубокое впечатлѣніе, оставленное этимъ сномъ; но старанія его были безуспѣшны. Супруга его была напугана съ дѣтства рассказами о колдунахъ и мертвецахъ, и скоро впала въ меланхолію; мрачность ея усиливалась по мѣрѣ приближенія родовъ. Наконецъ, когда пришло время и ребенокъ явился на свѣтъ, акушера сказала матери молодой дамы, что надо ожидать еще другаго ребенка. Постарайтесь сдѣлать такъ, чтобы дочь моя никогда не узнала объ этомъ! замѣтила мать. Но этого нельзя было скрыть отъ родильницы, и несчастная съ отчаяніемъ сказала мужу: «сонъ мой исполняется. Дѣйствительно, она скончалась черезъ нѣсколько дней въ лихорадку, бывающей послѣ родовъ (*fièvre puerérale*).»

Другой примѣръ подобнаго сна.

Фердинандъ * * *, человекъ пожилыхъ лѣтъ, сухого и нервного сложенія, отправлялся обыкновенно на нѣсколько дней къ другу своему дѣтства Фабрицію * * *, на время сельскаго праздника въ той деревнѣ, гдѣ жилъ его другъ. Въ послѣдній разъ, когда они видались, Фабрицій былъ нездоровъ, но удовольствіе видѣть Фердинанда заставило болѣзнь забыть о болѣзни; казалось даже, что отъ радости болѣзнь прошла вовсе. При всемъ томъ Фердинандъ замѣчалъ что-то особенное въ морщенномъ лицѣ своего друга, такъ что, уезжая, не могъ скрыть своихъ опасеній насчетъ его здоровья; прощаясь, онъ просилъ Фабриція беречь себя и въ особенности наблюдать строгую діету. Возвратившись домой, въ деревню, находившуюся въ двадцати лѣтъ отъ той, гдѣ жилъ Фабрицій, Фердинандъ чувствовалъ какую-то тягость и тоску, не понимая причины. Вдругъ ночью видитъ онъ страшный сонъ. Снилось ему, что изъ дому Фабриція вынесли гробъ, и за нимъ идетъ общество Фабриція въ траурныхъ платьяхъ; процессія направилась къ кладбищу. Онъ подошелъ къ толпѣ, желая узнать объ умершемъ, и услышалъ слѣдующій отвѣтъ: «Не-уже-ли вы принимали такъ мало участія въ Фабриція, что не знаете о его смерти?» Слова эти были произнесены сухо и разбудили Фердинанда. Остальную часть ночи провелъ онъ въ сильномъ волненіи. На другой день, занявшись служебными дѣлами, онъ былъ грустенъ, нетерпѣливъ, разсѣянъ и чувствовалъ невольное безпокойство. Какъ ни старался онъ разогнать впечатлѣніе произведенное сномъ, печальныя мысли не покидали его и становились

часъ-отъ-часу мрачнѣе. Такъ прошелъ весь день; вечеромъ, когда Фердинандъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и оканчивалъ письмо къ Фабрицію, гдѣ описывалъ ему свой сонъ и свое безпокойство, вдругъ, слышитъ онъ, стучатся въ дверь... Онъ всталъ и взявъ свѣчу пошелъ отворить дверь... Что же онъ видитъ? Фабриціа!... Ахъ, любезный другъ, какъ я радъ, что ты самъ пріѣхалъ, вскричалъ онъ, и обернулся доставить свѣчу на полъ. Слава Богу! а я писалъ къ тебѣ, чтобы узнать... Съ распростертыми объятіями обернулся онъ, бить своего друга... никого не было... Онъ вышелъ за дверь, глядѣлъ во всѣ стороны... никого не было... началъ звать, но никто не отвѣчалъ ему... Онъ подошелъ къ дверямъ сосѣдей, спрашивалъ у нихъ, не видали ли Фабриціа? Отъ всѣхъ получилъ отрицательные отвѣты. После долгихъ и напрасныхъ поисковъ, онъ возвратился въ свою комнату; голова у него горѣла; душа была взволнована непонятнымъ явленіемъ. Онъ спрашивалъ самого себя, не показалось ли ему во снѣ, что онъ видѣлъ за нѣсколько минутъ своего друга; не былъ ли это призракъ разстроеннаго воображенія? Но онъ явственно слышалъ, какъ стучались въ дверь; онъ отперъ дверь и видѣлъ его раскрытыми глазами; чувства не могли обманывать до такой степени... Такъ, въ этомъ явленіи скрывается что-нибудь, шепталъ онъ, собираясь въ дорогу, и немедля отправился въ деревню, гдѣ жилъ Фабриціа. Пріѣхавъ туда, онъ нашелъ семейство своего друга въ слезѣхъ и траурѣ, и узналъ, что умершаго похоронили наканунѣ вечеромъ.

Причина приведеннаго намъ сновидѣнія и его предсказательнаго свойства заключается въ сильномъ впечатлѣніи, которое произведено было мнѣніемъ Фабриціа въ душу его друга. Мрачныя и упорныя мысли расстроили Фердинанда, когда онъ возвращался домой. Онъ не помнитъ его и вечеромъ, когда Фердинандъ ложился спать, и потому во снѣ сдѣлались мозговыя органы, возбужденныя въ сильной степени, способствовали развитію кошмара. Но спрашивается, отъ-чего происходила кошмарная грусть, безпокойство и уныніе Фердинанда? Какимъ образомъ смерть его друга случилась въ тотъ самый день, когда Фердинандъ видѣлъ сонъ? Все это имѣетъ другую причину, которую мы объяснимъ въ послѣдствіи.

Вотъ и еще нѣсколько примѣровъ сновидѣній, предсказавшихъ что-нибудь — примѣры, собранныя съ строгою разборчивостію.

Одинъ мужъ, подозрѣвавшій жену свою въ невѣрности, и можетъ быть не безъ некоторыхъ основаній, гулялъ однажды въ полѣ; проидя нѣкое пространство, сѣлъ онъ подъ нѣмъ, вынулъ изъ кармана книгу, читая вслухъ. Вдругъ во снѣ представляется ему, что его жена держитъ въ объятіяхъ какого-то молодого человѣка; онъ проснулся и тотчасъ возвратился домой, но не пошелъ обыкновенною дорогою, а перешелъ черезъ садъ, перелезъ черезъ заборъ, потомъ по цвѣтникамъ добрался тихонько къ самому павильону, въ которомъ жена обыкновенно отдыхала, приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу и поднялся по ней въ садъ. Что же видитъ онъ сквозь опущенную на окна занавѣску? Жену свою и молодого человѣка именно въ томъ положеніи,

ни, какое представилось ему во снѣ, какъ-будто въ зеркалѣ... Мужъ, человекъ умный, сходя по лѣстницѣ, сказалъ самъ себя хладнокровно: «Что дѣлать? я не въ силахъ переменить того, что уже случилось». Опустивъ голову пошелъ онъ опять гулять въ поле и сталъ размышлять о превратностяхъ супружеской жизни.

Одна дѣвушка просила у матери позволенія ночевать въ небольшой комнатѣ, устроенной на террасѣ къ сторонѣ сада, съ тѣмъ, что рѣшивъ утромъ она будетъ ловить птичекъ на клѣм. Мать позволила ей и съ доверчивостію каждый день спрашивала: поймала ли она хоть одну птичку? Всякій разъ дѣвушка отвѣчала, что въ ту самую минуту, какъ она хотѣла схватить какую-нибудь птицу, она улетала. Мать долго оставалась это безъ вниманія, но въ одну ночь услышала какой-то шумъ въ кабинетѣ; сначала ей пришла-было въ голову подозрѣніе; она хотѣла встать и посмотреть въ комнату дочери, но разсудила, что дочь сама сама вставать зачѣмъ-нибудь, потому осталась и скоро снова заснула. Вдругъ снится ей, что молодой человекъ взбирается по лѣстницѣ на террасу и входитъ въ кабинетъ. Это было къ разсвѣту; торопливо встала она съ постели, потихоньку подошла къ комнатѣ дочери, распахнула дверь, и видитъ дочь... точно какъ въ баснѣ Лафонтена «Сазывей». Не смѣшавшись нисколько при видѣ этой сцены, мать сняла только запирая дверь ключомъ: «По-крайней-мѣрѣ, въ нынѣшній разъ птица поймана, и надо только не выпускать ея». Последствіемъ этой ловли птицъ была въ непродолжительномъ времени свадьба.

Другая мать, отдававшая кормить дѣтя свое въ деревню кормилицѣ, начала съ нѣкоторыхъ поръ сильно тревожиться о здоровьи ребенка; вдругъ видитъ она во снѣ, что его схоронили живаго. На другой день она поспѣшила отправиться въ деревню, куда былъ отданъ ребенокъ, и приѣхала въ ту самую минуту, когда надъ сыномъ засыпали песокъ. Въ отчаяніи упрашиваетъ она вынуть гробъ, разбиваетъ крышу и слытъваетъ дѣтя на руки. Въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ нѣкоторыхъ часовъ, дѣтя ожило.

Одинъ адъютантъ, бывшій въ связи съ женою своего генерала, видѣлъ во снѣ, что мужъ входитъ въ комнату съ обнаженной шпагой и хочетъ наказать преступныхъ любовниковъ. Въ страхѣ проснулся онъ и разсказалъ свой сонъ невѣрной женѣ. Эта начала смѣяться, говоря, что мужъ въ настоящую пору болѣе чѣмъ за сто лѣтъ. Адъютантъ заснулъ снова, но весь взволнованный своимъ сновидѣніемъ. И вотъ въ другой разъ онъ видитъ тотъ же сонъ; но въ этотъ разъ онъ уже не просыпался, а, казалось, ему, сталъ уходить и спрятался въ будущее своей возлюбленной; тамъ случайно взглянулъ онъ на стоявшее передъ нимъ зеркало и увидѣлъ, что его черные усы и шелковистые прекрасные волосы въ одно мгновеніе побѣлели. Онъ почувствовалъ боль и отъ боли проснулся. Вставъ съ постели, онъ подошелъ къ зеркалу и съ удивленіемъ убѣдился, что сонъ сказалъ ему правду — его волосы действительно стали совершенно бѣлы.

Одинъ студентъ готовился окончить курсъ правъ; и вотъ снится ему, что отецъ его умираетъ и хочетъ обнять его въ послѣдній разъ. На

другой день получено было письмо съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Неспокойно отправился онъ къ отцу и пріѣхавъ въ ту самую минуту, когда старикъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Одна парижская модная и блестящая дама потеряла огромный убытокъ въ-слѣдствіе злостнаго банкротства своего банкира. Эта значительная потеря сильно сокрушала ее и въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не смотря на свѣтскія разсынія, часто приходила ей на мысль. Однажды, возвратясь съ вечера, гдѣ много говорили объ исполнившихся снахъ-вѣщаніяхъ, нѣзъ которыхъ нѣсны были поразительны своєю вѣрностію, дама эта думала о всемъ слышанномъ прежде чѣмъ заснула; и вотъ видитъ она слѣдующій сонъ:

Кажется ей, будто-бы она отправляется въ какую-ту очаровательную виллу, подъѣзжаетъ къ аллеѣ, ведущей въ замокъ, выходитъ изъ колески и вдругъ встрѣчаетъ блдную старуху съ обезьяною на рукахъ; прохода мимо, она бросаетъ ей серебряную монету. Въ замокъ приготовленъ былъ великолепный праздникъ; г-жа "" входитъ въ залу и вдругъ сталкивается лицомъ-къ-лицу съ своимъ банкротомъ. Въ негодованіи, что его пригласили въ одно съ нею собраніе и тѣмъ позавидавъ ей такъ мало вниманія, она тотчасъ же оставляетъ залу, взявъ съ собою слово отомстить хозяину виллы при первомъ удобномъ случаѣ. На обратномъ пути къ своей коляскѣ, ожидавшей ее въ глубинѣ аллеи, она опять встрѣчаетъ нищую въ толпѣ нѣсколькихъ женщинъ изъ простаго класса, и видитъ, что старуха раздаетъ имъ локутки бумаги, на которыхъ обезьяна пишетъ какіе-то нумера. Г-жа "" спрашиваетъ: что это значитъ? Старуха отвѣчаетъ, что ея обезьяна пишетъ дѣръ-читать въ будущемъ и что нумера, назначенные ею, непременно должны выиграть въ первую лоттерей. Молодой дамѣ пришла фантазія испытать талантъ обезьяны; она подала въ другой разъ нѣсколько нищей и просила дать ей нѣсколько нумеровъ. Тотчасъ обезьяна написала что-то на локуткѣ бумаги, который старуха передала дамѣ, но вмѣсто цифръ, тамъ было написано слѣдующее: «мое искусство ограничивается отгадываніемъ простыхъ выигрышей и амбо, «между-тѣмъ, какъ дамѣ нужно выиграть квинтерну (quine) для того, чтобы пополнить понесенный ею убытокъ. Пусть отправится она въ госпиталь сумасшедшихъ; тамъ, подъ номеромъ 3, въ зданіи, обращенномъ къ востоку, сидитъ знаменитый астрологъ; послѣ нѣкоторыхъ затрудненій и неудовольствій, онъ скажетъ ей пять чиселъ; по нимъ она должна взять билеты и эти билеты непременно выигрять».

Г-жа "", проснувшись, удивлялась своему сну. Утромъ она разсказывала о немъ своимъ знакомымъ, и всѣ, какъ ни мало вѣрила снамъ, рѣшили однакоже отправиться въ Bicêtre, разумеется, въ видѣ прогулки, для развлеченія. Къ нимъ присоединилось много молодыхъ модницъ и женщинъ, и экипажи отправлялись по дорогѣ въ больницу сумасшедшихъ. Директоры заведенія были весьма-любезны и старались показать его во всѣхъ подробностяхъ. Подходя къ месту, назначенному обезьяною, г-жа "" спросила, нѣтъ ли сумасшедшаго, котораго называютъ Астрологомъ. Ей отвѣчали утвердительно и провели въ комнату

внемнимаго гадателя. Сдѣлавъ несколько жеманныхъ вопросовъ, г-жа *** объявила ему свое желаніе въ ясныхъ и опредѣлительныхъ отвѣщеніяхъ.

— Вы хотите знать номера, отвѣчалъ астрологъ:—но знаете ли вы, въ который часъ луна проходитъ черезъ меридіанъ?

— Нѣтъ.

— Жаль мнѣ васъ; прійдите же въ то время, когда Юпитеръ соединяется съ Венерой.

При этихъ словахъ дамы улыбнулись.

— Но мы хотимъ теперь же знать номера.

— Предметъ очень-важенъ, и объ немъ надо подумать. Впрочемъ, взгляните мнѣ въ лицо, не найдете ли въ немъ какого-нибудь соотношенія или сходства съ какимъ-либо знакомъ зодіака.

И онъ началъ дѣлать такіа страшныя гримасы, какими только можетъ коверкаться лицо человѣка.

Смѣхъ удвоился.

— А! вы смѣтѣсь надъ вопросомъ столь глубокимъ и серьезнымъ. Въ такомъ случаѣ прощайте! пусть Плеяды составятъ вѣнокъ вокругъ вашей головы и пусть сатурново кольцо наденется вамъ на носокъ.

Съ этими словами онъ оборотился спиною и началъ чертить на стѣнѣ какіе-то символическіе знаки.

Г-жа *** замѣтила, что астрологъ нюхаетъ табакъ; она вынула изъ кармана маленькую красивую табакерку и подала ему. Астрологъ смѣтился при этомъ подаркѣ; взялъ листъ бумаги, разрезалъ его на нѣсколько равныхъ частей, и подавая ихъ г-жѣ *** вмѣстѣ съ карандашомъ, сказалъ:

— Вижу, что вы такъ же милы и любезны, какъ божественный Береника, и съ моей стороны было бы до крайности невѣжливо отказать въ томъ, чего просятъ ваши прекрасныя уста; я готовъ исполнить ваше желаніе. Береника двадцать одну весну рвала цвѣты; вы, если не ошибаюсь, наслаждались удовольствіями жизни насколько болѣе; не угодно ли вамъ сказать мнѣ, который вамъ годъ?

— Двадцать-пять лѣтъ.

— Если къ двадцати-пяти годамъ обожанія и поклоненія предъ вашими глазами прибавить двадцать-одинъ, выйдетъ число 46. Это возрастъ премудрости и серьезныхъ занятій, возрастъ, въ которомъ ученый Коперникъ составилъ свою безсмертную систему: пишете 46 на одномъ изъ лоскутковъ бумаги. Меркурій отстоитъ отъ солнца на тринадцать мильоновъ лѣ: пишете 13; изъ этого слѣдуетъ, что солнце, видимое съ Меркурія, въ три раза болѣе того, какъ мы его видимъ съ земли: пишете число 3 на третьемъ лоскуткѣ бумаги; и жаръ его на Меркуріи въ семь разъ болѣе, чѣмъ на землѣ; пишете 7 на четвертомъ лоскуткѣ. Наконецъ, планета Меркурія должна быть въ пять разъ плотнѣе нашей планеты, иначе онъ былъ бы растопленъ солнцемъ. Поэтому, число 5 есть послѣдній номеръ вашей квинтены... Довольны ли вы?

— Совершенно-довольна и не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ прекрасныя вещи, которыя вы намъ сказали.

— Вы, конечно, привыкли слышать большія похвалы. Но вы приѣхали сюда не съ тѣмъ, чтобъ путешествовать въ долинахъ Ураніи; ваша цѣль была узнать отъ меня объ нумерахъ. Недовольно, однакожъ, дѣть вамъ ихъ; надо уварить васъ въ томъ, что они выйдутъ. Не угодно ли отдать ихъ мнѣ, я тотчасъ удостовѣрю васъ въ этомъ несомнѣнными доказательствами.

Гжа *** отдала ему пять лоскутковъ бумаги. Астрологъ разложилъ ихъ на землѣ въ странномъ порядкѣ и потомъ опять спросилъ:

— Вы непременно хотите, чтобъ они вышли? не такъ ли?

— Да, отвѣчала дама, наблюдая за малѣйшими его движеніями.

Астрологъ взялъ свой жезлъ, начертилъ въ воздухѣ три магическихъ круга, произнесъ какія-то мистическія слова, сдѣлалъ нѣсколько кабанитическихъ эволюцій вокругъ нумеровъ, и скатавъ лоскутки бумаги въ трубочки, проглотилъ ихъ одинъ за другимъ. После этой операціи, сопровождавшейся множествомъ гримасъ, онъ подошелъ къ молодой дамѣ и сказалъ ей съ таинственнымъ видомъ:

— Приезжайте завтра; ваши нумера навѣрное выйдутъ.

Грошкѣй снѣхъ раздался за этими словами, и шутка сумасшедшаго въ-продолженіе нѣсколькихъ дней занимала разные круги столицы.

Одинъ пастухъ видѣлъ во снѣ, что его лучшую собаку разорвали волки. Прбснувшись, онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ стояло его стадо въ угрожа, и дѣйствительно нашелъ одни окровавленные остатки зѣрнаго животнаго.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней одинъ браконьеръ возвращался домой печальнымъ, усталымъ и съ порожнею сумою; ничего не удавалось ему застрѣлить и принести съ собою. Но вотъ снится ему, что въ такомъ-то мѣстѣ, въ окрестностяхъ его деревни, онъ находитъ безчисленное множество дичи. На другой день рано отправляется онъ туда и вечеромъ возвращается съ полною сумою.

Населуна сраженія, одному солдату снилось, что онъ упалъ смертельно раненный при первомъ выстрѣлѣ. Онъ предупредилъ объ этомъ товарищей и раздалъ имъ свои деньги, сколько было у него. Къ-несчастью, сонъ дѣйствительно исполнился.

Одна старуха жила уединенно на краю города; вотъ видѣтъ она во снѣ, что воры пробраются въ ея комнату и обираютъ ее совершенно. (Что дѣйствительно и было). Она просыпается и начинаетъ кричать о помощи; воры испугались, бросились бѣжать и унесли только половину своей добычи.

Одному бѣдному артисту снилось, будто безжалостные кредиторы, вместе съ хозяйномъ чердака, гдѣ жилъ онъ, выхлопотали у полиціи распоряженіе взять его мѣбель. Вдругъ просыпается онъ отъ сильнаго шума и стука въ дверь. Дѣйствительно, это была полиція, пришедшая исполнить законъ.

Другой артистъ, тоже бѣдный человекъ, видѣлъ сонъ болѣе счастливымъ, будто бы онъ получаетъ наслѣдство отъ стараго дяди. Ахъ,

еслибъ сны сбывались, сказалъ онъ проснувшись: Едва кончилъ эти слова, какъ принесли ему письмо, съ приглашеніемъ явиться къ банкиру и получить сто тысячъ франковъ, которые старикъ-дядя оставилъ ему въ завѣщаніи, какъ единственному наследнику.

Въ цѣломъ ряду этихъ примѣровъ, дѣйствіе мозга было, безъ сомнѣнія, источникомъ сновидѣній, и сновидѣнія эти исполнялись не случайно, какъ думаютъ обыкновенно. Законы духа, животворящаго безжизненную матерію, и взаимныя ихъ отношенія между собою далеко не извѣданы, и потому слово *случай* обыкновенно употребляется тамъ, гдѣ мы не понимаемъ окружающихъ насъ явленій.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что ближайшая причина сновидѣній заключается въ ассоціаціи идей, въ ихъ связи и послѣдовательности, которая бываетъ болѣе или менѣе быстрою, смотря по степени раздраженія мозговыхъ органовъ, находящихся въ состояніи бодрствованія. Изъ сказаннаго нами можно видѣть также, что это раздраженіе органовъ можетъ происходить двоякимъ образомъ: или отъ причинъ физическихъ, каковы внутреннее болѣзненное состояніе какого-либо члена или органа, сжатое или неловкое положеніе тѣла, или какого-нибудь члена, холодъ, жаръ, испорченный воздухъ и т. п.; или же отъ живыхъ моральныхъ впечатлѣній, которыми потрясена нервная система и которыя повторялись въ мозгъ во время сна. Затѣмъ есть сновидѣнія, до того странныя и нестройныя, до того удаляющіяся отъ истины дѣйствій нашихъ и того, что съ нами случилось или можетъ случиться, что самый проникательный, самый тонкій умъ напрасно будетъ усиливаться открыть ихъ причину. Впрочемъ, если представить себѣ тѣ дивныя способности мышленія, посредствомъ которыхъ умъ нашъ, подобно молніи, пролетаетъ неизмѣримую обширность времени и пространства, возвышается въ сферу небесную и погружается въ бездны вѣчности; если допустить, что воображеніе можетъ производить созданія самыя химерическія и дѣлать соединенія самыя странныя, что оно можетъ составлять формы самыя прихотливыя, самыя фантастическія, то становится понятною возможность, если не совершенно объяснить себѣ феномены онирическіе, то по-крайней-мѣрѣ раскрыть, въ какихъ точкахъ они соприкасаются между собою и какимъ образомъ соединяются.

Кромѣ упомянутыхъ нами родовъ сна, есть еще сонъ *сомнамбулическій* (*rêve somnambulique*) и сонъ *магнитическій* (*rêve magnétique*).

Сомнамбулизмъ (*rêve somnambulique*).

Сомнамбулическій сонъ происходитъ отъ періодическаго помѣшательства въ мозгу. Это состояніе представляетъ слѣдующія явленія: сонъ бываетъ гораздо крѣпче обыкновеннаго; его можно прервать развѣ довольно сильнымъ шумомъ или сотрясеніемъ. Сновидѣнія не оставляютъ въ памяти никакихъ слѣдовъ; часто зависать они отъ мысленныхъ впечатлѣній, иногда же отъ случайнаго, произвольнаго возбужденія мож-

раго органа (organe encéphalique). Дѣятельность усиливается и сосредоточивается въ этой части; съ тѣмъ вмѣстѣ являются необыкновенная оживленность и быстрота во всѣхъ движеніяхъ тѣла, которыя приходятъ сомнамбулу по связи идей, развивающихся въ сновидѣніи. Хотянѣя, выходящая непосредственно изъ памяти и воображенія, не всегда согласуется съ внѣшними предметами, но преимущественно съ тѣми, которыя представляются созерцаніемъ (intuition); если иногда они и совпадаютъ, то это можно считать случайнымъ. Свобода дѣйствій вполне сохраняется въ большой части дѣяній; въ тѣхъ случаяхъ, когда эта способность не согласуется съ предметами, сужденіе почти не управляетъ дѣйствіями.

Вообще сомнамбулы понимаютъ ясно, дѣйствуютъ опредѣлительно, съ удивительною быстротою и легкостію. Люди, одаренные воображеніемъ, сочиняютъ; музыканты берутъ свои инструменты и разыгрываютъ пьесы, которыхъ никогда не слышали и не видали; ремесленники и слуги исполняютъ свои работы съ такою ловкостію, какой не имаютъ нараву. Замѣчательно, что, пробудясь, эти люди не сохраняютъ никакого воспоминанія о своихъ дѣйствіяхъ, и это составляетъ отличительный характеръ сомнамбулизма.

Болезнь эта имѣетъ различныя степени: одни сомнамбулы дѣйствуютъ, ходятъ, работаютъ, и такое состояніе называется *полнымъ сомнамбулизмомъ* (somnambulisme complet); другіе говорятъ, поютъ, дѣлаютъ различныя жесты, не приводя въ дѣйствіе органовъ движенія (appareil locomoteur); это послѣднее состояніе называютъ *сновоговореніемъ* (somniloquie).

Молодость болѣе другихъ возрастовъ расположена къ сомнамбулизму. Чаще случается онъ съ молодыми дѣвушками нѣжнаго сложенія, подверженными истерикѣ и каталепсїи. Лица, употребляющія во зло свои умственные способности и утомляющія ихъ неумѣреннымъ упражненіемъ, также подвержены бываютъ сомнамбулизму; равнымъ образомъ та, которые, будучи одарены въ высшей степени нервическимъ сложеніемъ, предаются трудамъ и созерцаніемъ аскетическимъ, и которыя уединеніемъ и размышленіемъ усаливаютъ дѣятельность мозга, въ ущербъ внѣшнимъ чувствамъ.

Сомнамбулы дѣйствуютъ съ закрытыми, иногда съ открытыми глазами, но въ послѣднемъ случаѣ зрѣніе не участвуетъ и мозгъ помогаетъ отсутствію этого чувства. Человѣкъ видитъ внутренно предметы, которыхъ ищетъ; органы осазанія, развитые въ высшей степени, ощущаютъ на некоторомъ разстояніи присутствіе тѣлъ и удаляютъ спящаго отъ опасностей, которымъ онъ могъ бы подвергнуться. Множество исторій, съ добавленіемъ чудесныхъ обстоятельствъ, ходятъ по свѣту о сомнамбулахъ. Мы приведемъ три примѣра, изъ которыхъ два рассказаны очевидцами, достойными вѣры, а третій помѣщенъ въ сочиненіи одного знаменитаго профессора Павійскаго Университета.

Въ одну прекрасную лѣтнюю ночь, рассказываетъ г. Дебе, видѣвшій это своими глазами, при свѣтѣ луны замѣтилъ я на отвѣсной стѣнѣ довольно высокаго дома человѣческую фигуру: она вскоззала,

вытативалась, наконецъ вообразилась по кровлю и ухватилась за верту. Чтобы лучше разглядеть это странное явление, и взглянуть зрительною трубу и восторженно увидела молодую женщину съ груднымъ ребенкомъ, котораго она крѣпко прижимала къ сердцу. Въ такомъ опасномъ положеніи оставалась она около получаса; потомъ сонла съ непонятною легкостью и исчезла. На другой день, въ тотъ же самый часъ, повторилось то же явление: точно такъ же вошла она по стѣнѣ, вообразилась на кровлю и оставалась въ томъ же положеніи, какъ и наканунѣ. Утромъ отправился я къ хозяину дома и рассказалъ ему все, что видѣлъ. Онъ слушалъ меня съ ужасомъ и потомъ отвѣчалъ, что дочь его соннамбула, но что онъ не зналъ о ея ночныхъ хожденіяхъ. Я советовалъ ему принять бдительныя мѣры осторожности, и тамъ предупредить какой-нибудь несчастный случай. Съ наступленіемъ ночи, я снова увидѣлъ молодую женщину въ томъ же положеніи, какъ и въ предыдущіе разы, и воспѣшилъ извѣстить отца. Я нашелъ его печальнѣе и задумчивѣе. Онъ рассказалъ мнѣ, что когда его дочь легла въ постель, онъ самъ заперъ ея комнату два раза ключомъ и, сверхъ-того, привѣсилъ снаружи височій замокъ. Бѣдѣ! продолжалъ онъ, не находя другаго выхода, раскрыла окно, и, по обыкновенію, отправилась на кровлю. Черезъ четверть часа она возвратилась, но нашла, что окно затворено ветромъ, толкнула его рукою, слегка себя ранила и вдругъ съ крикомъ проснулась. Къ необыкновенному счастью, дитя, вывалившись изъ рукъ, упало на кресла, которыя при выходѣ она поставила у окна; вместе лѣстницы...

Въ ту самую минуту соннамбула вошла въ комнату: это была женщина низкаго и болезненнаго сложенія; ея интересное лицо носило на себѣ печать грусти и обнаруживало истерическій темпераментъ (*idiosyncrasie hystérique*). Арестъ и заключеніе мужа, обвиненнаго въ какомъ-то политическомъ преступленіи, сильно ее тронули и произвели ирраціональное расстройство. Когда я началъ рассказывать ей объ ея опасныхъ хожденіяхъ, она стала томно улыбаться и не хотѣла мнѣ вѣрять. Наконецъ, когда я началъ спрашивать ее о томъ, что ей снится, она, внезапно, вспомнила, что уже нѣсколько ночей приду видитъ тяжелый и мучительный сонъ, будто жандармы и полицейскіе окружаютъ ея дочь и хотѣтъ схватить ея мужа, или же ищутъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ. Пробужденіе сопровождалось сильною усталостію и изнѣможеніемъ; она чувствовала тоску, уныніе, и жаловалась на головную боль. Все это приписывала она несчастной разлукѣ съ мужемъ.

Разбирая эту женщину въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ, можно видѣть, во-первыхъ, что уже, по сложенію своему, она была предрасположена къ соннамбулизму; во-вторыхъ, что ее постоянно преслѣдовала мысль о заключеніи мужа. Изъ этой идеи, во время сна, рождались многія другія, слѣдовавшія по связи между собою; мозгъ, будучи сильно возбужденъ, приводилъ въ дѣйствіе органы движенія (*appareil locomoteur*) и направлялъ ее на кровлю дома. Къ этому отважному восхожденію побуждала ее мысль, что ей и ребенку угрожаетъ опасность.

Другой примеръ полнаго сомнамбулизма случился съ дѣвушкою семнадцати-лѣтъ, дочерью одного трактирщика въ провинціи. Эта молодая особа при первомъ онѣ вставала съ постели и отправлялась въ садъ въ удивленный павильонъ. Какая-то старуха, выдававшая себя за колдунью, предсказала ей, что въ этотъ павильонъ придетъ нѣкогда прекрасный незнакомецъ и потомъ на ней женится. Мысль эта до того вторглась въ воображеніе молодой дѣвушки, что всѣ сновидѣнія представляли ей въ самыхъ очаровательныхъ формахъ того, кого хотѣлось ей любить. Наконецъ возбужденіе мозга усилилось до такой степени, что развился сомнамбулизмъ, и дѣвушка каждую ночь отправлялась къ мѣсту свиданія, назначенному колдуньей. Люди, находившіеся при гостиницѣ, не разъ видѣли ее въ темнотѣ, и, ничего не зная, стали рассказывать, что ночью ходитъ мертвецъ. Нѣсколько робкихъ путешественниковъ подтвердили этотъ слухъ, и съ-тѣхъ-поръ павильонъ былъ брошенъ, никто не хотѣлъ въ немъ оставаться.

Однажды проходилъ драгунскій полкъ; квартирмейстеръ этого полка остановился въ гостиницѣ для ночлега и захотѣлъ помѣститься въ страшномъ павильонѣ, несмотря на ужасные рассказы о мертвецѣ. Въ-самомъ-дѣль, около полуночи, кто-то растворилъ дверь, которую нашъ смѣльчакъ нарочно оставилъ незапертою — потомъ прямо подошелъ къ его постели, раздвинулъ занавѣски и легъ возлѣ. Все это происходило въ совершенной темнотѣ. Унтер-офицеръ хотѣлъ-было заговорить съ новымъ товарищемъ, но ему не отвѣчали. Тогда рѣшился онъ ощупать его руками и удостовѣриться, точно ли такъ гадокъ и страшенъ мертвецъ, какъ рассказываютъ; состоитъ ли онъ изъ скелета, со ртомъ, ширною съ хлѣбную печь, и съ зубами, которые могутъ дробить камни. Но какъ удивился онъ, когда рука его скользнула по атласной кожѣ, и онъ почувствовалъ круглѣя, роскошныя формы женщины. Спусти нѣсколько минутъ, онъ страстно сжималъ мертвеца въ своихъ объятіяхъ, но не замѣчалъ въ немъ никакого признака сопротивленія или наслажденія. Найдя у него на рукѣ кольцо, онъ снялъ его и надѣлъ на свой палецъ. Черезъ часъ мертвецъ поднялся медленно, задернулъ задѣвски постели и удалился. На другой день унтер-офицеръ долженъ былъ рано отправиться за своимъ полкомъ и оставилъ павильонъ, не успѣвъ рассказать никому въ гостиницѣ о своемъ приключеніи.

Дѣвушка не знала, сколькокъ страданій должна была стѣбить ей эта ночь. Утромъ, она, къ удивленію своему замѣтила, что кольцо исчезло съ рукъ; долго искала его, но не могла найти. Между-тѣмъ зачатіе произошло безъ похоти съ ея стороны, безъ ощущенія удовольствія или боли. Спустя три мѣсяца, ея талия начала возбуждать подозренія и безпокойства. Призвали врача, который прописалъ какія-то средства, но чрезъ мѣсяць объявилъ родителямъ, что ихъ дочь беременна. Отецъ требовалъ отъ нея признанія, настаивалъ, чтобъ она указала на своего любовника, обещая соединить ихъ бракомъ; умолялъ, грозилъ, и, не-добитый ничего узнать, сердился, шумѣлъ, приходилъ въ бѣшенство. Несчастная и безвинная дѣвушка могла отвѣчать только слезами на весь

гнѣвъ отца, который наконецъ отослалъ ее въ деревню и не хотѣлъ пускать на глаза.

Прошло около полутора года; квартирмейстеръ произведенъ былъ въ офицеры и, случайнымъ образомъ переходя чрезъ тотъ самый городъ, захотѣлъ непременно остановиться въ *гостинницѣ мертвеца*, какъ онъ называлъ ее. За ужномъ слуга узналъ на его рукѣ кольцо блѣдой и гнанной дѣвушки и сказалъ о томъ хозяину. Тотъ, отвѣдя офицера въ особую комнату, сначала весьма важливо извѣдывалъ и потомъ спросилъ, откуда получалъ онъ кольцо?

— Отъ мертвеца, который заставлялъ дрожать весь вашъ домъ, отвѣчалъ офицеръ со смѣхомъ: — и наводилъ на всѣхъ васъ страхъ и ужасъ. Съ-тѣхъ-поръ я пошу это кольцо въ воспоминаніе пріятнѣйшей ночи, такую только проводилъ я въ моей жизни. Въ нынѣшнюю ночь я, пожалуй, возвращаюсь къ своему мертвецу, если только ему вздумается потребовать это.

Послѣ чего онъ указалъ хозяину гостинницы все подробности таинственной ночи.

Отецъ нахмурилъ брови и сказалъ ему:

— Милостивый государь, кольцо это принадлежитъ моей дочери, которую я выгналъ изъ дому, потому-что вмѣстѣ съ этимъ кольцомъ она потеряла то, что вы у нея похитили. Вы, милостивый государь, одинъ можете утѣшать семейство, возвратить честь матери и дать имя вашему ребенку.

Офицеръ съ удивленіемъ выслушалъ рассказъ о событіяхъ, следовавшихъ за тою ночью, которую провелъ онъ съ такимъ удовольствіемъ и которая, по-видимому, сдѣлалась причиною столькихъ несчастій другимъ. Сердца онъ былъ благороднаго, дѣвушка же была не бѣдная; поэтому онъ рѣшился усюкорить скорбь отца; просилъ у него позволенія на размышленіе и затѣмъ женился.

Профессоръ Соаве (Soave), преподавая лекціи философіи и натуральной исторіи въ Павійскомъ-Университетѣ, приводилъ слѣдующій весьма замѣчательный примѣръ сомнамбулизма.

Одинъ павійскій аптекаръ и ученый химикъ, которому искусство известно по некоторымъ важнымъ открытіямъ, вставалъ каждую ночь соннымъ и отправлялся въ лабораторію; тамъ занимался онъ приготовленіемъ лекарствъ, разводилъ огонь, разставлялъ кубы, реторты, стклянки и т. п., работалъ съ такимъ благоразуміемъ и такою скоростію, какой не имѣлъ, можетъ-быть, въ состояніи бодрствованія; бралъ вещества самыя опасныя и яды самыя сильныя; никогда однажъ съ нимъ не случалось никакихъ приключеній. Если днемъ не успѣвалъ онъ приготовить лекарствъ по всемъ рецептамъ, то отправлялся къ ящику, гдѣ были заперты рецепты, вынималъ ихъ, раскладывалъ на столѣ и затѣмъ изготавлялъ по нимъ что нужно со всѣмъ стараніемъ и осторожностію. Дѣйствительно, необыкновенно было видѣть, какъ бралъ онъ вѣски, клалъ на нихъ граммы, дециграммы, центиграммы, взвѣшивалъ съ аптекарскою акуратностію малѣйшія дозы веществъ, назначенныхъ по рецептамъ, вставлялъ ихъ, мешалъ, пробовалъ; потомъ вынулъ

въ стеклянки или всыпалъ въ бумагу, смотря по лекарству, наклеивалъ ярлыки и приготовленные лекарства ставилъ по порядку на полки, чтобы можно было отпустить ихъ, когда придутъ за ними. Окончивъ работу, онъ гасилъ огонь, разставлялъ вся вещь на свое мѣсто и возвращался въ постель, гдѣ спалъ покойно до самаго пробужденія.

Профессоръ Соаве замѣчаетъ, что глаза сомнамбула были постоянно закрыты; что если память о мѣстности и мысль объ окончаніи работъ достаточны были направить его въ лабораторію, то чтеніе рецептовъ, содержаніе которыхъ было ему неизвѣстно, и приготовленіе по нимъ остаются необъяснимы.

Изъ этого примѣра можно видѣть, что глазъ не есть исключительный органъ зрѣнія, т. е. органъ, посредствомъ котораго передаются въ мозгъ понятія о предметахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если органъ зрѣнія не дѣйствуетъ въ состояніи сомнамбулизма, то какой же другой органъ заступаетъ его мѣсто? Сомнамбулъ видитъ ли черезъ лобъ, черезъ виски, конецъ носа, или черезъ верхнюю часть живота (épigastre), или же черезъ концы пальцевъ... какъ предполагали многіе наблюдатели? Доказано и нѣкто не отрицаетъ того, что сомнамбулъ видитъ предметы явственно и, можетъ-быть, лучше нежели въ состояніи бодрствованія, что онъ движется съ ловкостью и благоразуміемъ, какихъ не бываетъ у слѣпаго. Изъ этого необходимо заключить, что понятія о предметахъ доходятъ въ мозгъ сомнамбулъ какимъ-нибудь особымъ путемъ.

Гипотеза о зрѣніи черезъ лицо, животъ или другую часть тела будетъ все не такъ бессознательна, какъ обыкновенно думаютъ, если допустить, что отправление этого чувства можетъ совершаться посредствомъ ветвей зрительнаго нерва. Эти ветви безчисленны, не расчленены. Анатомія и физиологія, далеко не достигшія строгой математической точности, легко могли не замѣтить соединенія какихъ-нибудь мелкихъ развѣтвленій, анастомозовъ (anastomoses), окончанія которыхъ могутъ незаметно скрываться въ мозговой мѣтлѣ. Сообразно этой гипотезѣ, внѣшнее возбужденіе (stimulus extérieur) можетъ дѣйствовать на эти незаметныя анастомозы, и сотрясеніе, передаваемое посредствомъ ихъ въ мозгъ, можетъ образовать понятіе о предметахъ. — Не слѣдуетъ отрицать возможности этого; гораздо благоразумнѣе сомнѣваться до того времени, пока новыя открытія не подтвердятъ гипотезы.

Допуская подобныя уваженія, мы въ-последствіи объяснимъ себя дивныя феномены магнетическаго сомнамбулизма относительно зрѣнія.

Сомнамбуло-магнетическій сонъ естественнымъ образомъ приводитъ насъ къ вопросу объ магнетизмѣ, который неоднократно былъ опровергнутъ и защищенъ двумя противоположными партіями, и начиналъ-было приходить въ забвеніе, но въ послѣднія времена новыя чудеса опять обратили на него вниманіе.

Магнетизмъ.

Магнетизмъ, отъ греческаго *μαγνη* (магнитъ), означаетъ взаимное симпатическое влеченіе двухъ тѣлъ. Когда сила эта обратится на тѣла не-

органическая, магнетизмъ называется минеральнымъ или земнымъ (*magnétisme terrestre*), когда же она дѣйствуетъ на человека, то называется животнымъ магнетизмомъ (*magnétisme animal*) или месмеризмомъ (*mesmérisme*). Последнее названіе получалъ магнетизмъ по имени Месмера (*Mesmer*), который прославился этимъ открытіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ своимъ фокусамъ и шарлатанствомъ. Употребленіе магнетизма въ наше время составляетъ лишь слабое и блѣдное подражаніе тому, которымъ занимались въ прошедшемъ вѣкѣ.

Существованіе минеральнаго магнетизма, который обнаруживаетъ сдѣланныя на металлахъ, признано неоспоримымъ. Напротивъ того, существованіе животнаго магнетизма, какъ жидкости невѣсомой (*fluida imponderable*) не всѣми допускается. По-мѣрѣ-того, какъ споры объ этомъ предметѣ становились жарче и сложнее, увеличивалось и число изобрѣдающихъ животному магнетизму. Убѣжденные въ его существованіи возвращаютъ: такъ-какъ нельзя отвергать феноменовъ и дѣйствій животнаго магнетизма, то слѣдуетъ заключить, что сила эта, или токъ, существуетъ, что и подтверждается фактами. Противники ихъ возражаютъ слѣдующими словами: феномены животнаго магнетизма не зависятъ ни отъ тона, ни отъ агента, разлитого въ прералъ; существованіе магнетизма можно допустить единственно въ видѣ моральнаго вліянія, потому-что причина магнетическихъ феноменовъ заключается въ экзальтированномъ воображеніи и въ сосредоточеніи нервныхъ движеній (*mouvements idéopatiques*) на центръ узловой системы (*foyer ganglionaire*). Всѣмъ известно, что воображеніе, приходя въ высшую степень экзальтаціи, удаляется отъ обыкновеннаго пути и идетъ сверхъ-естественнаго; потому-то и очень-легко обманывать людей, находящихся въ такомъ положеніи, и дѣлать изъ нихъ горячихъ партизановъ. Исторія древнихъ вѣковъ представляетъ намъ швей, вакханокъ, доходящихъ до кроваваго башенства; въ эпоху болѣе къ намъ близкую, мы встрѣчаемъ мечтателей подземелья св.-Патракія (*visionnaires du caveau st.-Patrice*), иллюминатовъ (*illuminés*), консульціонаріевъ св.-Медара (*convulsionnaires de st. Médard*) и т. п... Все эти примары относятся къ *mesmérisme* и представляютъ высшую степень экзальтированнаго воображенія.

Однакомъ страхъ подчиняетъ существо слабое власти того, что внушилъ ему это чувство. Если мы будемъ глядѣть на магнетизмъ съ этой точки зрѣнія, то вліяніе жестовъ, взглядовъ, голоса, воли и примаго будетъ неоспоримо. Человекъ робкій останется недвижимымъ и какъ бы скованнымъ подлѣ могущества и обворожающаго взгляда человека съ сильною волею. Принимая это за основную истину, магнетизмы и магнетизмы разделяютъ людей на двѣ главныя категоріи: на магнетизирующихъ и магнетизируемыхъ, другими словами, на сильныхъ и слабыхъ.

Магнетизеръ долженъ обладать твердою волею и рѣшительнымъ нравственнымъ превосходствомъ; въ его лицѣ должно отражаться вдохновеніе; съ обворожающимъ вліяніемъ гдѣ онъ долженъ соединять дѣяніе жестовъ и окружать себя вѣжью, что влечетъ за собою чувства, волнѣ-

дѣсть душу и заставляетъ умолкать разумъ. Если случается, что магнитическое вліяніе не переходитъ на некоторыя лица, значитъ, что между магнетизеромъ и магнетизируемымъ есть родъ взаимнаго отпора, или же, что магнетизеру не достаетъ того постоянного вниманія и той энергической воли, посредствомъ которыхъ онъ возвысилъ бы свою нервную систему до степени напряженія, какая нужна для искожденія магнитическаго тока.

Магнетизируемый, напротивъ того, долженъ быть сложенія слабаго, тонкаго, истерическаго; долженъ любить чудесное и быть доверчивымъ. Онъ долженъ имѣть легкопотрасаемую нервную систему и въ особенностяхи долженъ быть склоненъ къ сомнамбулизму. Отъ этого происходить, что сильные могутъ магнетизировать слабыхъ, но не наоборотъ. И потому благоразумные магнетизеры не берутся за всѣхъ безъ различія; имъ нужно, чтобъ магнетизируемые соединили въ себя сказанныя выше качества. Будучи вообще хорошими физиономистами, они съ перваго взгляда видятъ, способно ли то или другое сложеніе къ пріятію магнитическаго вліянія, и только въ такомъ случаѣ приступаютъ къ магнетизированію, ибо для того, чтобъ доказать существованіе таинственнаго агента и возстановить къ нему доверіе, они должны имѣть постоянный успѣхъ; а всѣякія неудачи въ этомъ отношеніи могли бы обратятся имъ во вредъ.

Сомнамбуло-магнитическій сонъ во многомъ сходенъ съ натуральнымъ сомнамбулизмомъ и отличается отъ послѣдняго тѣмъ только, что развивается подъ вліяніемъ воли другаго. Допуская существованіе магнитическаго тока, который проникаетъ въ органы лица, состоящаго подъ его дѣйствіемъ и заставляетъ его погружаться въ сонъ, мы разрешаемъ многія затрудненія и объясняемъ себе многіе феномены. Въ этомъ состояніи, отпращеніе мозга дѣлаютъ чудеса, понятія становятся необыкновенными и созерцаніе дѣлается почти сверхестественнымъ. После пробужденія чувствуется большая или меньшая усталость и память не сохраняетъ ничего о томъ, что происходило во снѣ. Въ слѣдующихъ за снѣ статьяхъ мы поговоримъ о каждомъ родѣ магнетизма въ особенностяхи и покажемъ, что магнитическое вліяніе передается не только посредствомъ прикосновеній (*contact, atouchements*) и прохожденія мимо лица (*passes*), но также что взгляды, голосъ, воля и прицѣлъ имѣютъ исходящую изъ нихъ силу. Мы увидимъ, что магнитическій агентъ производитъ не одинъ сомнамбулизмъ, и что человекъ можетъ быть магнетизируемъ и во время бодрствованія; это магнитическое состояніе оракулъ обращалъ до-сихъ-поръ словами: *очарованъ (charmé)*, *прикованъ (enchaîné)*, *овлавленъ (fasciné)*, *наэлектризованъ (électrisé)*, и т. и.

Магнетизмъ прикосновенія и жестовъ на вліяніи и дальнемъ разстояніи.

Этотъ родъ магнетизма всего чаще употребляется въ публичныхъ сеансахъ. Многіе шарлатаны, трудившіеся для денегъ, а не для нау-

ни, повредили ему въ общественномъ доверіи. Что касается до средствъ и способовъ, которые употребляются для приведенія въ магнитическій сонъ, мы не станемъ говорить объ нихъ. Желające знать о томъ, могутъ обратиться къ сочиненію, извѣстному подъ заглавіемъ «Manuel du magnétiseur».

Въ послѣднее время въ Парижѣ два лица, прославившіяся магнитизированіемъ, являются въ публикѣ и привлекаютъ толпу любопытныхъ изъ высшаго сословія. Отвѣты, дѣлаемые спрашивающимъ, удивительны и часто приводятъ въ изумленіе. Вотъ что разсказываетъ одна благородная дама, невѣрившая сначала магнитизму и насмѣхавшаяся надъ нимъ.

«Я возвратилась съ дочерью изъ деревни въ Парижѣ, провести тамъ зиму. Въ самый день моего пріѣзда, вечеромъ, одна изъ моихъ пріятельницъ такъ настоятельно просила меня ѣхать съ нею къ барону ** , что я согласилась быть съ нею на вечеръ. Залы барона были убраны какъ-бы для самаго блестящаго бала. Послѣ музыки, пѣнія и рѣзныхъ модныхъ разговоровъ, объявили, что хотятъ открыть магнитическое засѣданіе. Молодая дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ, опираясь на руку своего магнитизера, вошла въ залу, гдѣ мы собрались, и села. Общество расположилось группами вокругъ сомнамбулы, которая минутой черезъ двѣ заснула подъ вліяніемъ нѣсколькихъ жестовъ. Многія предлагали ей разные вопросы; она отвѣчала умно и вѣрно. Мнѣ пришла также охота спросить ее въ свою очередь. Я подошла къ ней и, подавая ей кольцо изъ волосъ, спросила:

- Можете ли вы сказать мнѣ, чьи это волосы?
- Они принадлежали графу, вашему супругу.
- Отъ-чего вы говорите: они принадлежали?
- Потому-что графъ умеръ назадъ тому пять лѣтъ.
- Вы знаете ли отъ какой болѣзни?
- Отъ ущемленной грыжи.

Я изумилась при этомъ отвѣтѣ; дѣйствительно, мужъ мой скончался отъ этой болѣзни. Я подвела къ ней свою дочь, у которой былъ браслетъ также изъ волосъ.

- Не скажете ли вы, какъ имя дѣвушки, изъ волосъ которой сдѣланы этотъ браслетъ?
- Это волосы не женскіе, а одного молодого человѣка.
- Какъ зовутъ его?
- Позвольте мнѣ не называть его; имя это вамъ столько дорого, что слезы всякій разъ текутъ изъ вашихъ глазъ, когда вы его слышите.
- Вы можете сказать его, потому-что я прошу васъ.
- Эти волосы принадлежали вашему любимому сыну.
- Гдѣ онъ теперь?
- Думаю, въ небѣ.
- Я не понимаю васъ; говорите опредѣлительнѣе.
- Вашъ сынъ несчастнымъ образомъ умеръ годъ и три дня тому назадъ.

— Какую смертію?

— Убить на дуэли однимъ негодеиъ-фехтовальщикомъ, который былъ уврениъ въ своемъ ударѣ и протавъ котораго правосудіе должно было бы употребить всю свою строгость.

Графиня отерла навернувшіяся слезы и, обратясь къ стоявшимъ возлѣ, сказала:

— То, что я слышала, кажется мнѣ страннымъ и невозможнымъ. Но всѣ отвѣты сомнамбулы такъ непостижимо-вѣрны и точны, что я не могу ни прибавить въ нихъ, ни убавить чего-нибудь. Вижу, что я должна убѣдиться. Никогда не вѣрила я чудесамъ магнитизма, но теперь невольнымъ образомъ создаюсь, что въ этомъ снѣ есть что-то сверхъестественное.

Большая часть общества раздѣляла мнѣніе графини.

Какъ понимать этотъ фактъ? Магнитизируемая знала ли прежде семейство графини и несчастія, ее постигшія? Или же подруга графини, сопровождавшая ее на вечеръ, была въ сообществѣ съ магнитизеромъ? Неизвѣстно. Но многіе изъ бывшихъ въ залѣ утверждали, что подруга графини не оставляла ее ни на минуту, и что, следовательно, она не успѣла говорить съ магнитизеромъ.

Приведемъ одинъ еще болѣе-странный примѣръ.

Одна молодая дѣвушка, Фульвіа, нѣжнаго и въ высшей степени нервнаго сложенія, была приучена братомъ своимъ, студентомъ медицины, засыпать подлѣ вліяніемъ магнитизма. Со-временемъ это расположеніе дошло до того, что взглядъ и воля брата на довольно-значительномъ разстояніи погружали ее въ самый глубокий сонъ. Скоро разнеслась объ этомъ молва, и любители магнитизма со всѣхъ сторонъ спѣшили видѣть интересный сюжетъ. Въ толпѣ любопытныхъ и энтузіастовъ, Фульвіа бывала еще покорнѣе опытамъ этого рода. Какъ-скоро подпадала она вліянію невидимаго тока, черты ея лица сжимались, физіономія выражала то печаль, то страхъ, иногда тихую радость и несказанное блаженство. Ясность разсудка и вѣрность отвѣтовъ удивляли всѣхъ. Много больныхъ, отъ которыхъ отказались врачи, обязаны были ей своимъ выздоровленіемъ; много процессовъ и запутанныхъ дѣлъ было развязано ею. Обладая въ магнитическомъ состояніи чудною проникаемостью ума и необыкновеннымъ соображеніемъ, она находила узелъ всякаго рода трудностей, угадывала загадки, разрѣшала проблемы, однимъ словомъ, дѣлала чудеса. Въ древнія времена, у язычниковъ ее признали бы за сивиллу или оракула; въ средніе вѣка, ее сожгли бы живую, простодушно полагая, что она одержима нечистымъ духомъ. Но въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, одни удивлялись только ея таланту, другіе стали смѣяться надъ нею, весьма-немногіе приняли дѣло серьезнымъ образомъ.

Вотъ что разсказываетъ одинъ очевидецъ о последнемъ засѣданіи, которое дано было молодою дѣвушкою.

Засѣданіе это, говоритъ онъ, было продолжительное и собраніе публики многочисленное; тамъ была и твердо вѣрившіе чудесамъ магнитизма, были и невѣрившіе; были и такіе, которые не имѣли никакого

нѣціи и которыя привлекло туда одно любопытство: всѣ ждали начала съ нетерпѣніемъ. Фульвія съ своимъ магнетизѣромъ находилась въ сосѣдней комнатѣ, потому-что для произведенія магнетическаго сна нужны тишина и уединеніе. Приведа дѣвушку въ сонъ, магнетизѣръ вышелъ къ намъ и объявилъ, что мы можемъ войти.

Фульвія сѣла на стулъ съ закрытыми глазами; лицо ея было спокойно и положеніе тѣла таково, какъ у чловѣка, наслаждающагося пріятнымъ отдохновеніемъ.

— Спите ли вы? спросилъ ее магнетизѣръ.

— Да, отвѣчала дѣвушка.

— Давно ли?

— Только нѣсколько минутъ.

— Хотите ли вы, чтобъ васъ спрашивали?

— Если вы находите это удобнымъ.

— Но будете ли вы отвѣчать?

— Буду.

— Знаете ли, который часъ теперь?

— Не знаю.

— Но если вамъ подадутъ часы, скажете ли вы?

— Думаю, что могу сказать.

Магнетизѣръ взялъ у одного изъ посѣтителей часы и остановилъ стрѣлку.

— Вотъ часы.

— Часы эти не идутъ.

— Какъ вы знаете это?

Спящая не отвѣчала. Ей подали другіе часы.

— Вотъ вамъ другіе часы; на нихъ который часъ?

— Два часа и пять минутъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на часахъ было столько.

— Хорошо ли идутъ они?

— Кажется, они опаздываютъ тремя минутами.

— Какъ вы знаете это?

Спящая не отвѣчала. По нѣсколькимъ часамъ, которые были показаны въ тотъ день, оказалось, что поданные часы отставали действительно тремя минутами.

— Можете ли вы прочесть по этой книгѣ?

— Если вамъ угодно.

Ей поднесли книгу къ ложечкѣ (*à la région épigastrique*), но подлинъ не раскрывши.

— Читайте.

— Я вижу одинъ переплетъ.

— Можете ли читать теперь?

— Не могу, потому-что вы показываете ее наоборотъ.

— Правда, я не обратилъ на это вниманія; но вотъ она какъ слѣдуетъ.

Фульвія стала читать по страницѣ, на которую ей указали, и не пропустила ни одной буквы. Переворачивали нѣсколько листовъ, и она чѣ-

тамъ точно такъ же безъ ошибокъ вездѣ, гдѣ ей ни показывали, было ли это въ началѣ страницы, или въ серединѣ, или въ концѣ.

Тогда магнитизёръ, обратясь къ присутствовавшимъ, сказалъ:

— Господа, вы можете думать, что особа эта смотритъ. Чтобъ убедить васъ въ противномъ и показать, что она видитъ не глазами, а посредствомъ верхней части живота (région épigastrique), я надену ей повязку, такъ-что ни одинъ лучъ свѣта не пройдетъ къ глазамъ.

Онъ надѣлъ ей повязку.

— Одинъ ли я въ комнатѣ съ вами?

— Нѣтъ; я вижу многихъ.

— Можете ли счесть ихъ?

— Могу; одинъ, два... десять... двадцать... О, разбудите меня, прошу васъ; мнѣ стыдно быть въ такой толпѣ.

— Не бойтесь; всѣ эти особы друзья ваши, и многіе изъ нихъ хотѣтъ просить у васъ советовъ; хотите дать ихъ?

— Хочу, если только могу.

— Господинъ, который стоитъ передъ вами, съ давнихъ поръ боленъ. Врачи до настоящаго времени не могли помочь ему; не найдете ли вы какого-нибудь средства отъ его болѣзни?

— Пусть онъ дотронется до меня.

Мужчина подошелъ къ ней и положилъ ей руку на лобъ.

— Говорите; мы васъ слушаемъ.

— Господинъ этотъ уже десять лѣтъ страдаетъ ревматическими болѣзнями, противъ которыхъ не помогли ему никакія употребленныя средства. Болѣзнь эта составляетъ для врачей камень преткновения и не проходитъ даже отъ теплыхъ водъ. Искусство первыхъ и сила вторыхъ облегчаютъ ее, но не вылечиваютъ радикально.

— Что же слѣдуетъ дѣлать?

— Существуетъ одно средство.

— Какое же, скажите.

— Надо употребить магнитизмъ, и если онъ не поможетъ, прибѣгнуть къ электричеству.

— Вотъ другое лицо, которое также хочетъ посоветоваться съ вами. Будете ли вы отвѣчать ему?

— О чемъ оно спрашиваетъ?

— Объ одномъ процессѣ, который можетъ кончиться для него несчастливымъ, и тогда лучшая часть его имѣнія перейдетъ въ руки завистливыхъ боковыхъ родственниковъ.

— Покажите мнѣ бумаги.

Бумаги были поднесены къ лампѣ.

— Въ этомъ процессѣ не соблюдены формы; важный пропускъ обнаруженъ на седьмой строкъ второй страницы. Сверхъ-того, число выставлено ошибочно и описаніе имущества недвижимаго имѣнія невѣрно. Претензія стороны можетъ потерять процессъ, если вашъ адвокатъ обнаружитъ погрѣшности, на которыя я указываю.

Шепотъ удаленія пробѣжалъ по всему собранію. Лицо, имѣвшее

процессъ, подтвердило справедливость замечаній и съ веселою физиономіею вышло изъ залы, повторяя о чудномъ свойствѣ магнетизма.

— Вотъ еще одна особа, которая хотала бы посоветоваться съ вами.

— Я очень устала.

— Отдохните, мы подождемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ магнетизёръ спросилъ:

— Отдохнули ли вы?

— Да, я чувствую меньше усталости.

— Могу ли я дѣлать вамъ вопросы?

— Если хотите.

— Особа, которую я подвожу къ вамъ, желаетъ посоветоваться съ вами объ одномъ изъ своихъ родственниковъ, одержимомъ нравственною болѣзнію, которая во сто разъ хуже болѣзней физическихъ. Въ ей злая поселилась ревность: онъ не естъ, не спитъ, пренебрегаетъ своими дѣлами; подозрѣнія гложуть его сердце; онъ сталъ нестерпимъ для другихъ и для себя-самого. Не можете ли указать какое-нибудь средство вылечить его?

— Средство очень-простое: пусть оставитъ жену, которая причиною ему столько мученій.

— Но онъ все еще любитъ ее и хоталъ бы удостовериться, достойна ли она его любви?

— Это тайна, которой я не могу открыть; я женщина и могу оудать поведеніе особъ моего пола; но быть ихъ обвинительницею — никогда!

— Что же вы присоветуете?

— Разстаться.

— Зачѣмъ же такое крайнее средство?

— Если женщина сдѣлалась преступною, то надо предполагать, что она не любитъ своего мужа, или же предпочитаетъ ему другое лицо, съ которымъ она въ связи. Напротивъ того, если она невинна, то она должна возненавидѣть и презирать своего мужа, потому-что подозрѣніе въ безнравственности есть самая кровавая обида, какую можно сдѣлать невинной и добродѣтельной женщинѣ. Въ обоихъ случаяхъ необходимо разстаться.

— Все ли вы сказали?

— Не говорите мнѣ объ этомъ; подобныя дѣла бываютъ обыкновенно или глупы, или безчестны. Разбудите меня: мнѣ дурно.

— Вы не имѣете ничего больше сказать намъ?

— Мужчина созданъ самовластнымъ и грубымъ, женщина слабое и легкомысленною... Разбудите меня, прошу васъ; голова моя въ огнѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, сильный потъ струился по челу магнетизируемой; черты лица ея то сжимались, то вытягивались и обнаруживали болѣзненную усталость. Магнетизёръ готовъ былъ вывести спящую изъ усыпленія, какъ вдругъ одна молодая дама быстро подошла къ нему.

— Умоляю васъ, сдѣлайте ей еще одинъ послѣдній вопросъ. Можете ли вы, ея отвѣтъ избавить меня отъ жестокой неопредѣленности, въ отно-

рой я томлюсь уже несколько мѣсяцевъ. Братъ мой въ Африкѣ, въ тамошнихъ войскахъ; постоянно писалъ онъ ко мнѣ, но вдругъ пересталъ писать. Въ журналахъ говорятъ о поражени, и я трепещу за брата... Спросите спящую, умоляю васъ..

Магнитизёръ замѣтилъ молодой дамѣ, что его питомица сильно устала и что онъ не рѣшается продолжать засѣданіе. Но дама была такъ настоятельна и упрашивала такъ усильно, что онъ дуступилъ ея просьбамъ. Обратясь къ спящей, онъ сказалъ ей:

— Не можете ли вы намъ сдѣлать одинъ послѣдній отвѣтъ?

— Не могу.

— Вы сами видите, отвѣчалъ онъ дамѣ:—опасно было бы оставлять долже мою питомицу въ этомъ тяжкомъ снѣ. Завтра мы повторимъ наше засѣданіе.

— О, сударыня, вскричала молодая дама, взявъ ее за руку:—заклинаю васъ небомъ, скажите мнѣ, могу ли я радоваться, или же должна плакать; скажите одно слово о моемъ братѣ.

— Чемъ это голосъ?.. кто говоритъ со мною? сказала магнитизируемая, опрокинувшись на спинку креселъ.

— Это сестра, которая желаетъ знать о братѣ, находящемся теперь въ Африкѣ, отвѣчалъ магнитизёръ.

— Да, о моемъ братѣ, о моемъ миломъ братѣ, повторала дама съ тоскою...

Потъ крупными каплями падалъ съ лица Фульвін; оно потемнѣло и губы шептали какія-то невнятные слова.

— Что вы скажете ей? спросилъ магнитизёръ.

— Если отвѣтъ мой будетъ печалѣнъ для сестры, должна ли я говорить его?

— Каковъ бы онъ ни былъ, говорите; она желаетъ этого.

— Мой братъ также въ Африкѣ... Скажите этой дамѣ, что лучше оставаться во мракѣ неизвѣстности и питать себя какою-нибудь надеждою, нежели выйдти на свѣтъ и увидѣть ужасное.

— Я на все рѣшилась, вскричала молодая дама:—говорите, заклинаю васъ!

— Гдѣ братъ вашъ?

— Въ Африкѣ.

— Чѣмъ онъ?

— Въ военной службѣ.

— Что дѣлаетъ онъ въ настоящее время?

— Участвуетъ въ экспедиціи противъ Арабовъ.

— Несчастная сестра! я вижу, какъ брата вашего влекутъ взрвары; они подняли надъ нимъ оружіе... и хотятъ умертвить его!

При этихъ словахъ, дама вскрикнула и упала въ обморокъ. Магнитизируемая вскочила съ креселъ, какъ-будто этотъ крикъ поразилъ ее электрическимъ токомъ.

— Ея братъ, сказала она хрипачимъ голосомъ. — Пойдите... Боже мой, что я вижу?.. Нѣтъ, это не ея брата влекутъ они; это мой братъ... О! пощадите, пощадите его!..

Черты лица ея сжимались въ конвульсіяхъ; она джала руки, сдѣла-
ла нѣсколько шаговъ и упала, вскричавъ: «злодѣи они умертвили его!»

Присутствовавшіе въ страхѣ столпились около нея. Напрасно стара-
лись подать ей помощь: жизнь оставила свою слабую оболочку; подни-
ла одинъ только трупъ.

Спустя три недѣли, мать Фульвіи получила изъ Африки письмо съ
дѣвостіемъ, что сынъ ея и нѣсколько отважныхъ людей, сопровож-
дшихъ его, попали на засаду и были истреблены Арабами.

Изложивъ эти факты, мы предоставляемъ читателямъ вѣрить или не
довѣрять чудесамъ магнетизма; должны, однакожь, замѣтить, что если
шарлатанизмъ и фарсы магнетическіе вводятъ многихъ въ сомнѣніе,
если Фульвія и могла напередъ сговориться съ кѣмъ-нибудь, то при
всемъ томъ надо сознаться, что ея послѣднее видѣніе и трагическій
конецъ имѣли въ себѣ нѣчто необыкновенное.

Этотъ случай, если только онъ не преувеличенъ, можетъ служить
доказательствомъ, что магнетизируемые отвѣчаютъ съ точностію на
предлагаемые имъ вопросы и часто приводятъ въ удивленіе; ихъ
идеи рождаются и движутся съ чудною ясностію; дѣятельность мозга
такова, что развиваетъ въ нихъ не способность провидѣть будущее, какъ
разсказывали нѣкоторые фанатики, но получать внезапно впечатлѣнія о
событіяхъ, происходящихъ на дальнемъ разстояніи. Ощущеніе этихъ
событій, испытываемое нѣкоторыми, можетъ быть, какъ мы думаемъ,
детолковано; въ этомъ случаѣ теорія электро-симпатическихъ токовъ,
о которой мы скажемъ въ-послѣдствіи, можетъ-быть, разъяснить намъ
до нѣкоторой степени основанія факта.

Говорятъ, есть люди, на которыхъ магнетическое вліяніе дѣйствуетъ
такъ сильно, что они могутъ не только ясно видѣть собственные свои
органы, но и органы другихъ, какъ-будто бы тѣло ихъ было сдѣлано
изъ кристалла; во-вторыхъ, что они могутъ указывать на средства къ
излеченію болѣзней, признанныхъ неизлечимыми. Восторженные защит-
ники магнетизма не побоялись прибавить даже, что есть люди, ко-
нечно, пользующіеся особою привилегією, которые могутъ провидѣть бу-
дущее, и шарлатаны поспѣшили сдѣлать изъ этого новую отрасль пре-
мышленности. Наконецъ, о магнетизмъ разсказывали вещи до того не-
постижимыя, до того сверхъестественныя, что многіе, только сомнѣва-
вшіеся въ немъ, перестали напослѣдокъ вовсе ему вѣрить. Какъ, на-
прим., вѣрить тому, чтобъ магнетизируемый, сколько бы ни былъ спо-
собенъ принимать въ себя магнетическій токъ, могъ читать по книгѣ,
находящейся за стѣною, или же проникать въ изгибы сердца человѣку,
находящемуся за нѣскольکو десятковъ верстъ? Какъ вѣрять, чтобъ онъ
понималъ языки, которыхъ никогда не учился, которыхъ не слышалъ,
и которыхъ самое имя ему неизвѣстно, и чтобъ онъ могъ говорить на
нихъ? Какъ вѣрять тому, чтобъ магнетизмъ вылечивалъ хирургическія
болѣзни въ тѣхъ случаяхъ, когда самое искусство не могло ничего
сдѣлать? или же, на-примѣръ, чтобъ онъ могъ поровнять обѣ ноги че-
ловѣку, у котораго одна нога была на три дюйма короче другой!..

Очевидно, только враги магнетизма могли разсказывать подобныя

факты, стараясь уничтожить къ нему довѣріе. Весьмъ очень-хорошо известно, что никакая сила на землѣ не можетъ измѣнить математической невозможности.

Читатели, желающіе знать факты еще болѣе-чудные, могутъ обратиться къ сочиненіямъ Дю-Поте (Du Pottet) и Шарделя (Chardel). Вотъ одинъ случай, взятый изъ Физиологической Психологіи этого несладняго.

«Г-жа Плантенъ, шестидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду, живя въ Парижѣ, совѣтовалась съ одною сомнамбулою о боли, которую чувствовала въ правой груди. Сомнамбула отвѣчала, что тамъ образуется опухоль, которая можетъ превратиться въ ракъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ показалась раковидная язва (ulceration cancéreuse), и въ-слѣдствіе того сдѣлалось нужнымъ отнять часть груди. Для операціи, по совѣту медика г-жи Плантенъ, былъ приглашенъ Клокѣ. Медикъ, бывшій вѣсто неуклюжимъ магнитизёромъ, употребилъ всю силу воли желая произвести нечувствительность въ поврежденной части; потому онъ магнитизировалъ оператора и его помощника, которые сначала не вѣрили дѣйствию магнитизма, но наконецъ изумились тому, что увидѣли. Въ-продолженіе двѣнадцати минутъ, больная часть была надрезана, отдѣлена отъ сосѣднихъ частей и вынута, и во все это время г-жа Плантенъ спокойно разговаривала съ Клокѣ, такъ-что ни одно движеніе въ членахъ или чертахъ лица, ни одинъ вздохъ или лишній ударъ пульса не дали замѣтить какую-нибудь боль или неприятное ощущеніе. Только по окончаніи операціи, когда нужно было обмыть края раны и сдѣлать перевязку, г-жа Плантенъ улыбалась замѣтила, что ее щекоцуть.

Чувство этого щекотанія, по мнѣнію Шарделя, показываетъ, что дѣйствіе воли магнитизёра обращено было исключительно на большую часть съ тѣмъ, чтобъ она не ощущала страданія въ-продолженіе операціи; между-тѣмъ, въ прилежавшихъ частяхъ оставалось нѣсколько чувствительности. На этотъ фактъ опирается Шардель, желая доказать невѣрящимъ дѣйствию магнитизма, что подъ ножомъ оператора нельзя было притворно показать полной нечувствительности тѣла.

Если замѣчаніе Шарделя справедливо, то хирургія должна бы усвоить себѣ это драгоценное средство, и этимъ способомъ избавлять больныхъ отъ мученій, предшествующихъ важной операціи и отъ страданій, испытываемыхъ во время ея совершенія. Тогда, вѣсто острыхъ болей и раздражающихъ криковъ, больной чувствовалъ бы одно легкое щекотаніе, которое вызывало бы только улыбку. Такое открытіе было бы чрезвычайно важно!..

Тотъ же авторъ приводитъ другой примѣръ, не менѣе необыкновенный: «Дочь г-жи Плантенъ, г-жа Лажандрѣ, жившая въ провинціи, пріѣхала въ Парижъ черезъ нѣсколько дней послѣ операціи, произведенной на нѣе матерью. Ее хотѣли спрашивать о состояніи больной. Заснувъ подъ вліяніемъ магнитизма, г-жа Лажандрѣ отвѣчала, что всѣ жидкости (les humeurs) въ тѣлѣ ея матери повреждены, что въ правомъ подреберьи происходитъ выпотѣніе жидкостей (un épanchement), въ оболочкѣ

сердца скопилось несколько воли, и что поверхность печени потеряла свой натуральный цветъ. Черезъ два дня, прибавила она: — не считая на всѣ усилія врачей, матери моей не станеть.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на другой день замѣтили, что слова эти начинаютъ оправдываться; больной очевидно становилось хуже. Г-жу Лажандрѣ магнитизировали и спрашивали вторично. На предложенные вопросы она отвѣчала слѣдующее:

— Каково вашей матушкѣ?

— Въ-теченіе послѣднихъ дней она сильно ослабѣла; она только и живеть магнитизмомъ, который искусственно ее поддерживаетъ; но жизни въ ней нѣтъ.

— Полагаете ли вы, что можно продлить ея жизнь?

— Нѣтъ; завтра поутру она кончится безъ мученій и агоніи.

— Какія части тѣла у вашей матушки страдаютъ?

— Правое легкое съузилось и сжалось: оно окружено плевою, похожею на клей, и плаваетъ въ значительномъ количествѣ воды. Но особенно здѣсь, сказала спящая, указывая на нижній уголъ лопатки, страдаетъ матушка. Правое легкое не дышетъ, оно мертвое; лѣвое здорово и оно-то поддерживаетъ жизнь. Въ оболочкѣ сердца есть несколько воды.

— Въ какомъ состояніи органы желудка?

— Желудокъ и внутренности здоровы, поверхность печени побѣлѣла и утратила свой цветъ.

Г-жа Плантенъ скончалась на другой день, въ часъ, назначенный дочерью.

Чтобы повѣрить отвѣтъ магнитизированной о состояніи органовъ умершей, четыре врача присутствовали при вскрытіи тѣла. Всѣ части были внимательно осмотрѣны и сдѣланныя указанія найдены совершенно-вѣрными. Еще удивительнѣе то, что г-жа Лажандрѣ, будучи праведна въ сонѣ и находясь не въ той комнатѣ, гдѣ вскрывали тѣло, слѣдовала за ножомъ вскрывавшихъ и говорила тѣмъ, которые стояли возлѣ нея:

— Зачѣмъ дѣлаютъ разрѣзъ по срединѣ груди; выпотѣніе (un épanchement) образовалось съ правой стороны.

Слѣдовательно, г-жа Лажандрѣ видѣла не только черезъ стѣну, отдѣлявшую ее отъ трупя матери, но даже сквозь стѣнки груди.

Наконецъ, Шардель рассказываетъ, что онъ силою воли заставлялъ однажды ходить сомнамбулу, у которой ноги были въ параличѣ; надо, однакожь, сказать правду, что параличъ былъ неполный.

Что думать, и какія заключенія можно сдѣлать объ этихъ фактахъ и о тысячѣ другихъ болѣе-дивныхъ, которые собраны въ автописалѣ животнаго магнитизма?

Магнитическій сомнамбулизмъ, по мнѣнію просвѣщенныхъ врачей и физиологовъ, есть не что иное, какъ видоизмѣненный нервный бредъ, развивающійся подлѣ вліяніемъ магнитизма у людей доверчивыхъ, у которыхъ восторженность мозга доведена до высшей степени. Вспомните, что не всѣ натуры способны принимать или передавать магнитическій токъ, и что, кромѣ условій извѣстнаго темперамента, надо, чтобъ магнитизёръ обладалъ сильною волею и былъ слѣпо увѣренъ въ своихъ пріемахъ; съ другой стороны, чтобъ магнитизируемый имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе. Безъ этого все должно оставаться въ обыкновенныхъ предѣлахъ.

АНТОНИО ПЕРЕСЪ И ФИЛИППЪ II.

Соч. ИШИНЪЕ.

Статья первая.

=

Дворъ Филиппа II. — Рюи Гомесъ де-Сильва, принцъ д'Эволи, герцога Альба и Антонио Пересъ. — Смуты въ Нидерландахъ, съ начала царствования Филиппа II; правленіе герцогини пармской, герцога Альбы и великаго командора Рекесенса. — Донъ-Хуанъ Австрійскій прантедантъ Нидерландовъ; его виды на Англію; переговоры съ Фландріей; его переписка съ Филиппомъ II и Антонио Пересомъ. — Эсковедо въ Мадридѣ. Доказанія Переса на донъ-Хуана-Австрійскаго и на секретаря его, Эсковедо. — Исследование этихъ показаній. — Истинныя причины смерти Эсковедо. — Любовныя связи Переса и Филиппа II съ принцессой д'Эволи. — Угрозы и опрометчивость Эсковедо. — Участіе короля въ этомъ увѣщаніи. — Безпокойство Переса. — Удаленіе увѣщъ отъ преслѣдованій испанцевъ.

Процессъ Антонио Переса былъ однимъ изъ самыхъ странныхъ событій XVI вѣка, вообще изобиловавшаго необычайностями. Онъ принадлежитъ исторіи по важности участвовавшихъ въ немъ лицъ, по причинамъ возникновенія его, бросающимъ яркій свѣтъ на характеръ и политику Филиппа II, и по слѣдствіямъ, каковы, напримѣръ, возстаніе и усмиреніе Арагоніи, потерявшей, при этомъ, свою древнюю конституцію, — наконецъ, даже по таинственности своей, еще доселѣ во многомъ загадочной.

Впрочемъ, я никакъ не рѣшился бы подвергнуть новому изслѣдованію это замѣчательное и запутанное дѣло, еслибъ имѣлъ подъ руками только записки Переса. Пересъ и въ своихъ *Relaciones*, вызывающихъ на судъ цѣлую Европу, и въ своемъ *Memorial*, представленномъ на разсмотрѣніе верховнаго арагонскаго трибунала, богатъ рѣдкими данными; но, какъ главный дѣятель процесса, Пересъ не все высказываетъ, и, стараясь оправдаться, на многое набрасываетъ тѣнь. Съ помощью же новыхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, надѣюсь разрѣшить все недоумѣнія этой продолжительной и печальной драмы; намъ объяснитса медленное и ужасное паденіе Переса, томившагося одиннадцать лѣтъ въ темницѣ, по приказанію Филиппа II, своего сообщника въ убійствѣ Эс-

коведо, секретаря дона-Хуана Австрійскаго; Переса, котораго король велѣлъ пытать и преслѣдовалъ даже внѣ своихъ владѣній: ибо Пересъ послѣ тщетныхъ усилій найти убѣжище и защиту въ независимой дотолѣ Арагоніи, вынужденъ былъ искать покровительства у иностранныхъ державъ.

Что побудило Филиппа II посягнуть на жизнь Эсковедо? а это убійство было первой, если не единственной причиною всѣхъ послѣдующихъ событій. Какую роль занимаетъ Пересъ въ совершеніи этого убійства? Былъ ли онъ просто орудіемъ недовѣрчивой политики Филиппа II, или самъ же подстрекнулъ его избавиться отъ секретаря, друга и агента его брата? Если Пересъ навелъ короля на эту мысль, то чѣмъ же руководствовался онъ—государственнымъ интересомъ или просто своими личными выгодами? Не раздражалъ ли Эсковедо опасными замыслами честолюбивое воображеніе дона-Хуана? или все это было только предлогомъ, выдумкой Переса, и онъ, желая самъ освободиться отъ ненавистнаго ему человѣка, обманывалъ Филиппа II. Потому-что Эсковедо былъ Пересу помѣхой, порицая его въ преступныхъ связяхъ съ принцессой д'Эболи, вдовой Гомеса де-Сильвы, выведеннаго ихъ обоихъ изъ ничтожества? Есть ли возможность доказать эту связь, заставившую усомниться одного изъ лучшихъ, ученѣйшихъ и знаменитѣйшихъ историковъ нашего времени, Ранке? и она ли, по общему, въковому мнѣнію, породила соперничество между королемъ и министромъ, Филиппомъ II и Пересомъ? Какая была причина ненависти Переса, сначала едва-замѣтной, въ-послѣдствіи же отразившей на себѣ всю непреклонную жестокость? Приписать ли ее политикѣ Филиппа II, принесшаго Переса въ жертву съ тѣмъ, чтобы сбросать на него всю отвѣтственность за убійство? или же начало ея въ истинной ревности короля, который, узнавъ объ обманѣ и продѣлкахъ Переса, рѣшился во что бы ни стало уничтожить своего соперника? Вотъ вопросы, которые подлежатъ разсмотрѣнію, и которые постараемся рѣшить со всевозможной отчетливостью.

Филиппъ II былъ жестокъ и недовѣрчивъ. Онъ никого не удостоивалъ своей полной довѣренности, и никто, даже при самыхъ очевидныхъ доказательствахъ, не былъ увѣренъ въ его привязанности. Потери его благоволенія обнаруживалась только въ минуту самаго кризиса, и ни досада, ни охлажденіе, словомъ, ни малѣйшій признакъ не изобличалъ преждевременно измѣненія его воли или чувствованій. Казни, какъ и награды, всегда производились у него одинаково, то-есть, съ чрезвычайной медленностью и отлагательствомъ. Это испытали на себѣ многіе изъ его министровъ; между прочими, кардиналъ Спинноса, въ 1571 г., и Антоніо Пересъ, въ 1579 г. Впрочемъ, не смотря на свою недовѣрчивость, онъ дорожилъ совѣтами своихъ приближенныхъ. Мишель Суріано, сравнивая его съ его отцомъ, замѣтилъ еще въ 1561 году, что Карлъ V поступаетъ во всемъ произвольно и по собственному убѣжденію, тогда-какъ Филиппъ II придерживается постороннихъ мнѣній. И дѣйствительно, ума зоркаго, изобрѣтательнаго и положительнаго не было у Филиппа II; къ-тому же, при всемъ своемъ властолюбіи, онъ былъ нерѣшителенъ и своенравенъ.

До крайности мелочный во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже въ дѣлѣ правленія, и подозрительный отъ природы, онъ любилъ окружать себя людьми, различными по нраву, по образу воззрѣнія на предметы, честолюбивыми и постоянно враждующими между собой. Обширными владѣніями своими онъ управлялъ письменно; все проходило черезъ его руки; в самое незначительное обстоятельство было такъ же хорошо известно ему, какъ самое важное государственное дѣло. Сколько же времени было потребно на то, чтобъ все прочесть, отмѣтить и на все наложить резолюцію! и удивительно ли, послѣ того, что дѣла шли медленно и что Филиппъ II, какъ ни истощалъ онъ себя въ трудахъ, не доставало на столь огромныя занятія! Многочисленныя присутственныя мѣста, учрежденныя его отцомъ и имъ-самимъ, повершивъ дѣла, касавшіяся ихъ вѣдомства, обязаны были излагать ему свои сужденія въ особыхъ доношеніяхъ (*consultes*); но и это казалось ему неудовлетворительнымъ: на каждый отдѣльный случай министры подавали ему особенныя записки. Въ-продолженіе двадцати-одного года, съ 1558 по 1579 г.; находились при немъ двѣ соперничающія партіи, пользовавшіяся его исключительной довѣренностью и раздѣлявшія съ нимъ власть его. Онъ отбиралъ отъ нихъ ихъ противорѣчащія мнѣнія, обращался, сообразно съ обстоятельствами, къ главнымъ ихъ представителямъ, и никогда не обманывался въ расчетахъ, потому-что каждый изъ этихъ представителей стремился изъ всѣхъ силъ взять перевѣсъ надъ врагомъ своимъ.

Главами этихъ двухъ партій долгое время были герцогъ Альба и Рюк Гомесъ де Сильва, принцъ д'Эболи; первый изъ нихъ былъ высокомеренъ и рѣшителенъ, второй же провырливъ и благоразуменъ. Въ государственномъ совѣтѣ они вѣчно разногласили между собою какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ самыхъ приѣмахъ, и кліентъ одного уже неминуемо становился жертвою гоненій другаго. Но Филиппъ II прерыводушно смотрѣлъ на ихъ соперничество, или, лучше сказать, на ихъ взаимную ненависть; несходство ихъ характеровъ превосходно соглабовалось съ его врожденными склонностями. Онъ ласкалъ ихъ обоихъ, но тайнѣ питалъ гораздо-большую привязанность къ Рюк Гомесу, *своему обер-юфмейстеру*. Гомесъ еще въ эпоху его бракосочетанія сопутствовалъ ему въ Англію; съ-тѣхъ-поръ оставался при немъ безотлучно, служилъ ему съ безусловной покорностью, и въ совѣтахъ своихъ никогда не выказывалъ ни тщеславія, ни гордости; а это-то и нравилось Филиппу II!

Но вдругъ возникло возстаніе въ Нидерландахъ, и, по-видимому, герцогъ Альба уже торжествовалъ надъ Гомесомъ; впрочемъ, торжество его было непродолжительное; не успѣвъ паспльственно водворить повновеніе во Фландріи, Альба очень палъ во мнѣніи своего властителя. А счастливый Гомесъ снова достигъ безраздѣльнаго величія, и по смерти оставилъ свою партію владычествующею. Эта партія, считавшая между своими членами Переса, Эсковеда и дона-Хуана Австрійскаго, озарявшаго ее съизвнѣ лучами своихъ побѣдъ и славы, первенствовала въ Испаніи до 1579 г., и уничтожила почти совершенно свою соперницу.

Вотъ что говорится объ этихъ двухъ партіяхъ въ одной итальянской рукописи, составленной въ 1577 г. (*), за годъ до убіенія Эсковедо, убіенія, которое разрознило всѣхъ членовъ главной партіи, ускорило ея конечное паденіе и породило всеобщій переворотъ въ лицахъ и дѣлахъ Испаніи:

«Дворецъ теперь опустѣлъ въ полномъ смыслѣ слова; въ него не встрѣтите никого, кромѣ сановниковъ королевской палаты или членовъ совѣта; многіе же *cavalieri privati*, прислуживавшіе королю и домогавшіеся его милостей, напрасно растративъ здѣсь огромныя суммы денегъ и проживъ безъ всякой пользы и увеселеній, удалились во свѣтѣ, потому-что его величество постоянно живетъ внѣ столицы или въ совершенномъ отчужденіи отъ міра, мало показывается и рѣдко допускаетъ къ себѣ на аудіенціи, назначаемыя имъ большою частію очень-поздно. Весь дворъ рѣзко раздѣленъ на двѣ партіи. Въ одной, участвуютъ архіепископъ толедскій, маркизъ де-Лосъ Велесъ, Антоніо Пересъ, Матео Васкесъ и Сантейо. Она, касательно администраціи, почитается самою могущественной; но, кажется, ей не достаетъ еще многого, чтобъ оправдать столь выгодное о себѣ мнѣніе общества. Другая составлена изъ герцога Альбы, пріора дон-Антоніо, принца Мелито, маркиза д'Агвилара и Сайаса? Каждая изъ нихъ только о томъ и хлопочетъ, какъ бы изложить свою совѣстницу.»

Далѣе, авторъ рукописи знакомитъ насъ и съ главными лицами этихъ двухъ партій:

«Герцогъ Альба, по единогласному увѣренію всѣхъ своихъ соотечественниковъ, притворенъ, лукавъ, чрезвычайно-опытенъ, но завистливъ и злобенъ. Король обходится съ нимъ очень-ласково, но рѣдко дѣлаетъ ему порученія. Онъ вовсе безъ вѣса и въ уничиженіи. И вотъ почему у него мало приверженцевъ. А чтобъ скрыть свое довольно-щекотливое положеніе, онъ почти ни на шагъ не отдѣляется отъ короля.

«Маркизъ де-Лосъ Велесъ, донъ-Педро Фахардо, верховный придворный (*mauor domo mauor*) королевы, человекъ осторожный, молчаливый, заслужившій имя мудраго и искуснаго дипломата; онъ характера скрытнаго, и вообще созданъ въ духъ короля, оказывающаго ему много довѣрія.

«Архіепископъ толедскій (донъ-Гаспаръ де-Кирога), глава первостепенной партіи, веселаго и кроткаго нрава; вспыльчивъ, но отличной души, и слыветъ у всѣхъ человекомъ добрымъ. Король, какъ видно, любитъ его и нуждается въ немъ; онъ пользуется немовѣрною славою при дворѣ.

«Антоніо Пересъ, статс-секретарь и воспитанникъ Рюи Гомеса. Онъ очень-скромнъ, обходителенъ, ученъ и не безъ значенія. Его оборотливыми пріемами, некоторымъ образомъ, выкупаются крайне-выносимые недостатки короля. Пересъ завѣдуетъ всѣми дѣлами Фландріи и Италіи съ-тѣхъ-поръ, какъ донъ-Хуанъ правителемъ Нидерландовъ; донъ-Хуанъ, особенно же архіепископъ толедскій и маркизъ де-

(*) *Relazione delle cose di Spagna.*

Есть Великъ, много содѣйствуютъ ему въ его возвышеніи. Хитрый и даровитый, онъ со-временецъ, вѣроятно, будетъ главнымъ министромъ. Онъ худощавъ, слабъ здоровьемъ, не охотникъ до щегольства, но живетъ барски и весело. Онъ любитъ, чтобъ вся уважали его, и не прочь отъ подарковъ.»

Наконецъ, упоминается и о донъ-Хуанъ: «Донъ-Хуанъ принадлежитъ къ партіи архіепископа толедскаго и Антонио Переса.»

Пересъ былъ тогда тридцати-шести лѣтъ. Побочный сынъ Гонсало Переса, долгое время бывшаго статс-секретаремъ Карла V и Филиппа II, онъ, по волѣ императора, признанъ въ-послѣдствіи законнымъ, и съ раннихъ лѣтъ вступилъ на поприще государственной службы. По смерти своего отца, въ 1567 году, Антонио занялъ его упрямное мѣсто въ санъ министра. Теоретическія правила итальянской политики, находившія, впрочемъ, обширное примѣненіе въ практической жизни того времени, дали ему направленіе превратное, по не все-противное его природѣ. Одаренный пылкимъ умомъ, пронырливый, преданный не только до безконечности, но и до безсовѣстности Филиппу, изворотливый, мастерски владѣвшій роднымъ языкомъ и трудолюбивый, онъ, какъ говорится, просто обошелъ Филиппа II, который вскорѣ открылъ ему все свои задушевные тайны; и Пересу, какъ единственному наперснику короля, непосредственно доставлялись отъсюду денегъ; онъ же, по предварительномъ прочтеніи этихъ депешъ, или отсылалъ ихъ въ государственный совѣтъ, или вручалъ королю. Но, упоенный счастіемъ, онъ забылся. Гордость его не щадяла даже самого Альбы, и часто, обѣдая съ нимъ у короля, онъ на всь вопросы герцога отвѣчалъ лишь презрительнымъ молчаніемъ или самой злостной выходкой. Самозавеніемъ, а еще болѣе роскошью, страстью къ игра, необузданностью чувственности, расточительностью, нерѣдко вынуждавшему его прибѣгать къ самымъ предосудительнымъ средствамъ, онъ раздражилъ противъ себя аскетическій дворъ Филиппа II, выжидавшій перваго удобнаго случая погубить безвозвратно гордаго временщика. Но излишнимъ усердіемъ къ Филиппу II, а можетъ-быть и тамъ, что уже черезъ-чуръ вооружилъ подозрительность его противъ двухъ со-общниковъ своей партіи, донъ-Хуана Австрійскаго и Эсковедо, Пересъ предупредилъ самъ ожиданія и надежды своихъ недоброжелателей.

Нидерланды были уже готовы свергнуть съ себя испанское иго, когда донъ-Хуана отправили туда въ качества правителя. Смуты, болѣе десяти лѣтъ волновавшія эту страну, имѣли источникомъ своимъ причины, которыя не бесполезно знать, чтобъ надлежащимъ образомъ сдѣлать начала, руководившія этого юнаго принца въ столь затруднительномъ дѣлѣ, и отдать себя по возможности полнынъ и вѣрный отчетъ въ томъ, что служило, по свидѣтельству Переса, поводомъ къ убіенію Эсковедо.

Филиппъ II, будучи въ сравненіи съ Карломъ V болѣе Испанецъ, чѣмъ Фламандецъ, принялъ касательно Нидерландовъ, привыкшихъ съизавна къ независимости, рядъ такихъ мѣръ, въ-слѣдствіе которыхъ надобно было ожидать или порабоженія, или возстанія всѣхъ нидерланд-

ских областей. Избравъ, съ 1559 г., постояннымъ местопребываніемъ своимъ самый центръ испанскихъ провинцій, онъ задумалъ ввести во Фландрію политическую и религіозную администрацію Испаніи. Его намереніемъ было: подчинить Нидерланды нравственному управленію духовенства, которое вполне зависело бы отъ него; для этого онъ предположилъ увеличить его въ такомъ количествѣ, какое не существовало тамъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ; учредить инквизицію съ тѣмъ, чтобъ покровительствовать католическому вѣроисповѣданію, угрожаемому лютеранизмомъ со стороны Германіи и кальвинизмомъ со стороны Франціи, распорядиться Нидерландами посредствомъ преданныхъ ему агентовъ и имъ же основанныхъ присутственныхъ мѣстъ, безъ всякаго содѣйствія генеральныхъ штатовъ, какъ это было прежде; наконецъ, построить въ городахъ крѣпости, чтобъ держать жителей въ страхъ и положить конецъ ихъ старинному своеволію. И по самой мысли этого плана, и по мѣрамъ, употребленнымъ для его осуществленія, нельзя не признать его дѣломъ долговременныхъ и многосложныхъ соображеній.

Попытки же привести его въ исполненіе были всегда неудачны; сперва встрѣчали онъ въ Нидерландахъ оппозицію, но потомъ произошли всеобщее возстаніе. Въ концѣ 1559 г., Филиппъ II учредилъ съ согласія римскаго двора, въ семнадцати провинціяхъ три архіепископства и четырнадцать епископствъ, на содержаніе которыхъ опредѣлялъ доходы, получаемые богатыми нидерландскими аббатствами; но это учрежденіе, замѣняя испытанныхъ, независимыхъ, равностныхъ къ обществу благу аббатовъ епископами, избранными кородемъ, утвержденными папой, и имѣя цѣлью поколебать какъ церковный, такъ и политическій бытъ Нидерландовъ, немедленно сдѣлалось предметомъ жестокихъ протестовъ со стороны бельгійскаго духовенства и встрѣтило сильныя препятствія въ упорномъ сопротивленіи многихъ городовъ, которые не приняли присланныхъ къ нимъ епископовъ.

Высшее дворянство, среди котораго блистали имена принца Оранскаго, графа Эгмонта и адмирала Горна, поступило почти такъ же учтиво съ величавымъ и надменнымъ кардиналомъ Гранвелла, архіепископомъ мехельнскимъ, котораго Филиппъ II назначилъ высшимъ советникомъ при особѣ сестры своей, герцогини Маргариты Пармской, оставивъ ее правительницей Нидерландовъ. Въ 1564 году, Гранвелла, послѣ многолѣтней и тщетной борьбы съ фламандскими вельможами, былъ вызванъ изъ Фландріи для свиданія, какъ говорили, съ своею матерью.

Противодѣйствіе, оказанное и учрежденію новыхъ епископскихъ престоловъ, и самоуправству, не отклонило Филиппа II отъ его предпріятій. Онъ велѣлъ обнародовать уставъ трентскаго собора, постановленія котораго были, большею частію, противны привилегіямъ Нидерландцевъ, и который вполне не принимался во многихъ католическихъ государствахъ. Возобновлены были старые эдикты, известные подъ названіемъ *плакардовъ* (*placards*), осуждавшіе еретиковъ на самую жестокія казни, и предписано было инквизиціи строжайше наблюдать за ихъ исполнительною частію; плакардами повелѣвалось мужчннъ обезгла-

вливать, женщинъ зарывать живыхъ въ землю, а впавшихъ въ ересь вторично — сжигать на костръ. Эти кровавыя драмы ни страхомъ, ни отвратительностью своею не въ силахъ были воспрепятствовать распространению новаго ученія въ Нидерландахъ, гдѣ послѣдователи его, узнавъ о вѣротерпимости, дарованной Карломъ V лютеранамъ въ Германіи, а Карломъ IX кальвинистамъ во Франціи, уже мечтали о чемъ-то подобномъ и для себя, а рѣшительные приговоры грознаго судилища, приговореннаго къ врачному и угрюмому католицизму Исаицеви и къ суровости ихъ характера, наполняли ужасомъ и негодованіемъ сердца всѣхъ сословіи, начиная отъ вельможи до послѣдняго земледѣльца.

Начальники провинцій, командовавшіе военною силою, отказали инквизиторамъ въ своемъ пособіи; прочее дворянство составило союзъ и просило короля, почтительно, но смѣло, объ отменеи плакардовъ, объ уничтоженіи инквизиціи и созваніи генеральныхъ штатовъ; еретики же и чернь, отъ Артуа до крайнихъ предѣловъ Голландіи, взбунтовались. Они вторгались въ храмы, разрушали монастыри, сокрушали иконы, гнали священниковъ и монаховъ, и публично отправляли богослуженіе по чину различныхъ протестантскихъ сектъ. Правительница, испуганная всеобщимъ волненіемъ, послала, лѣтомъ 1566 г., маркиза Берга и барона де-Монтинья къ своему брату, Филиппу II, умоляя его уступить требованіямъ дворянства, если онъ не хочетъ вовсе лишиться Нидерландовъ. Сначала, король поддавался на многія уступки, за исключеніемъ, однакожъ, созванія генеральныхъ штатовъ, опасныхъ его властолюбію, и допущенія вѣротерпимости, казавшейся ему признаніемъ ереси. Онъ соглашался смягчить плакарды, уничтожить чрезвычайную инквизицію, оставляя только обыкновенную инквизицію епископовъ; но буйство народа и дерзкіе поступки еретиковъ указали ему путь, по жестокости своей едва-ли не безпримѣрный.

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ остановился на системѣ герцога Альбы и, въ 1567 г., послалъ этого грознаго и жестокаго политика съ войскомъ въ Нидерланды, снабдивъ его полномочіемъ, необходимымъ для возстановленія вѣры и повинновенія. Такая рѣшимость короля была противна и благоразумнымъ совѣтамъ Рюи Гомеса, и желаніямъ герцогини пармской. Она была даже несвоевременна и опасна, потому-что въ то самое время, какъ Альба выступалъ съ арміей изъ Испаніи, правительница Нидерландовъ, вспомошествоваемая фламандскими сановниками, усмирила еретиковъ, наказала мятежниковъ, снова водворила порядокъ и размѣстила всѣхъ католическихъ священниковъ и монаховъ по ихъ прежнимъ приходамъ и монастырямъ. Но Филиппу II не хотѣлось, безъ сомнѣнія, упустить благоприятнаго случая, чтобъ упрочить въ Нидерландахъ свое владычество и католицизмъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Испаніи.

Сначала все шло какъ-нельзя-лучше. Герцогъ Альба, прибывъ во Фландрію, расположилъ своихъ испанскихъ, итальянскихъ и германскихъ солдатъ по городамъ, которые обезоружилъ и держалъ въ повинновеніи построенными въ нихъ крѣпостями. Онъ арестовалъ и казнилъ Эгмонта и Горна. Опираясь на свои заслуги, свою невинность, и счи-

тая себя безопасными, эти несчастливцы не во время пренебрегли ит-рами благоразумія, спасшими жизнь принцу Оранскому. Альба учредилъ пресловутое «судилище мятежа», по приговору котораго подверглись изгнанію самые знаменитѣйшіе граждане, и которое обогрило кровію семнадцать провинцій; онъ пустилъ въ ходъ плакарды, воскресилъ инквизицію, безпрестанно и самопроизвольно требовалъ податей, и разбилъ войско, набранное въ Германіи нидерландскими бѣглецами, предшешими, подъ предводительствомъ Вильгельма Оранскаго и брата его, Лудвига Нассаускаго, выручать своихъ поработенныхъ соотечественниковъ. Безпощадный диктаторъ, немилосердый судья, побѣдоносный полководецъ, Альба и властвовалъ, и казилъ, и ратовалъ, и имѣя въ виду лишь одно: волю своего мстительнаго и властолюбиваго государя. Все, казалось, было или подавлено, или сокрушено. Но вскорѣ сие отчаяніе одушевило сердца всѣхъ мужествомъ, и первый сигналъ къ сопротивленію былъ поданъ тѣми двумя провинціями, которыя, будучи опоясаны рѣками Шельдой, Маасомъ, Рейномъ и погружены въ волны моря, болѣе другихъ укрывались отъ усилій герцога и могли противопоставить испанскимъ войнамъ смѣлыхъ и неустрашимыхъ итросовъ Голландіи и Зеландіи. Взятіе Бриля и Флессингена, въ апрѣль 1572 года, этими матежниками, получившими прозвище *морскихъ милиціи*, повлекло за собой возстаніе многихъ другихъ городовъ и обнаружило всю злость и все безсиліе Альбы, который, разрушивъ Харденъ и Гарлемъ, впервые испыталъ неудачу подъ стѣнами Алкмаера. Это же, и въ томъ же самомъ году, повело за собой независимую организацію и религіозную реформу Голландіи и Зеландіи, ставшаю, подъ правленіемъ принца Оранскаго, краеугольнымъ камнемъ будущей Республики Соединенныхъ Провинцій. Этимъ окончилась администрація герцога Альбы, вызваннаго изъ Нидерландовъ въ 1573 г., и окончилась безуспѣшно, не смотря на то, что онъ былъ облеченъ безпредѣльною властью и начальствовалъ надъ пятидесяти-четырехъ-тысячной арміей, далеко превышавшей финансовыя средства Испаніи. Пресмыкомъ его былъ великій командоръ Кастиліи, донъ-Люисъ Рекесенъ де-Сунига, обратившій на себя вниманіе короля мудрымъ управленіемъ Миланскаго-Герцогства.

Рекесену была дана совершенно-новая инструкція, и уже не жестокость, а полюбовная сдѣлка положена въ основаніе вновь-задуманной операціи. Усмирить кротостью, и то не совсѣмъ, пятнадцать еще непокорившихся провинцій, стоило новому правителю трудовъ, хотя и многихъ, но не бесполезныхъ; ввести же старый порядокъ вещей въ дѣла остальныхъ провинційхъ было вѣтъ всякой возможности, и потому сѣрились войти съ послѣдними въ переговоры: городъ Бреда былъ назначенъ мѣстомъ совѣщаній, открытыхъ, по настоянію императора Максимилиана II, въ мартѣ 1575 г. — Голландія и Зеландія, поддѣшныя оружіе противъ тиранніи, а не противъ законной власти испанскаго короля, охотно покорялись ему, если онъ дозволитъ имъ свободу вероисповѣданія и дастъ принца Оранскаго въ правители, съ правомъ утверждать градоначальниковъ въ ихъ должности, и созывать, по своей

воль и своему усмотрѣнію, провинціальныя штаты; прочія же провинціи обезпечивались слѣдующими условіями: королю поставялось въ непремѣнную обязанность очистить Нидерланды отъ испанской арміи, срыть крѣпости, эти *иньзда тирановъ*, по выраженію трактата; отозвать іезуитовъ; отрѣшить новыхъ епископовъ; уничтожить инквизицію; отменить плакарды; не стѣснять свободы совѣсти, за отсутствіемъ свободы религиозной, и не препятствовать соединенію генеральныхъ штатовъ.

Неумѣтность подобныхъ условій была болѣе нежели очевидна каждому, кто зналъ Филиппа II. Впрочемъ, на вопросъ объ ослабленіи королевской власти онъ возражалъ немного; но за то твердо отстаивалъ исключительное господство католицизма. Онъ предоставлялъ Нидерландамъ ихъ привилегіи и права, существовавшія до возмущенія, признавалъ рѣшенія герцога Альбы относительно изгнанія и конфискаціи недвижимыхъ имуществъ; не воспрещалъ свободнаго выезда изъ Нидерландовъ иновѣрцамъ, отсрочивая имъ время, потребное на распродажу имуществъ, и далъ слово не противиться, по заключеніи мира, отбытію испанской арміи и созванію генеральныхъ штатовъ. Обѣ стороны остались при старомъ. Совѣщанія въ Бредѣ смолкли. Оружіе снова становится единственнымъ средствомъ къ разузленію мятежныхъ провинцій. Рекесенсъ атаковалъ ихъ съ моря. Но онъ не могъ, при самыхъ дивныхъ маневрахъ, осилить ни преградъ природы, ни остервененія инсургентовъ, и умеръ, ровно ни въ чемъ не успѣвъ, весной 1576 года.

Тогда-то, но уже совсемъ въ иномъ видѣ, мятежъ охватилъ и прочія пятнадцать провинцій. Испанскіе солдаты, которымъ не выдавалось въ продолженіе тридцати мѣсяцевъ жалованья, бунтовали еще при жизни Рекесенса; со смертію же его, они возмутились еще сильнѣе. Остановка въ жалованья, — финансовыя средства Филиппа II были тогда очень истощены, — а равномерно и слабость дисциплины, довели ихъ до ужаснѣйшаго безчинства. Они силою ворвались въ Аlostъ, разорили Мехельнъ, предали грабежу Антверпенъ и поступали съ пятнадцатью провинціями на правахъ побѣдителей.

Для устраниенія столь постыднаго насилія, жители Фландріи и Брабанта присоединились къ Голландіи и Зеландіи. Они сформировали войско, захватили членовъ государственнаго совѣта, участвовавшихъ въ администраціи герцога Альбы, и, 8 ноября 1576 г., состоялся *унтскій трактатъ*, по которому семнадцать провинцій вступили между собой въ самый тѣсный союзъ. Онъ поклялись ненарушимо хранить миръ и вѣчную дружбу, взаимно помогать другъ другу и совокупно стараться объ изгнаніи испанскихъ солдатъ и созваніи генеральныхъ штатовъ; *плакарды*, въ ожиданіи рѣшеній этого народнаго собранія, отменялись; но съ тѣмъ, чтобы католическая религія, за исключеніемъ двухъ провинцій протестантскихъ, по-прежнему свято соблюдалась въ пятнадцати католическихъ провинціяхъ; сверхъ-того, послѣднія обязывались принять изгнанныхъ гражданъ съ возвращеніемъ имъ имуществъ, а

первыя — церковнослужителей съ дозволеніемъ свободнаго отправленія богослуженія, по обрядамъ исповѣдуемой ими вѣры.

Этотъ мирный договоръ, ограничивавшій власть испанскаго короля въ Нидерландахъ, воспрещалъ пребываніе чужеземной арміи въ нидерландскихъ владѣніяхъ, поручалъ гражданъ охраненію генеральныхъ штатовъ и сближалъ, посредствомъ возникавшей вѣротерпимости, католиковъ съ протестантами, отнюдь не дозволяя сильнѣйшимъ преслѣдовать или изгонять слабѣйшихъ; этотъ договоръ, составленный, большею частію, по образцу бредскихъ положеній, былъ, преимущественно, дѣломъ принца Оранскаго, дѣломъ, освятившимъ его притязанія на славу и увеличившимъ его вліяніе. Вильгельмъ Нассаусскій, прозванный, по своей глубокой скрытности, Молчаливымъ, былъ самымъ опаснымъ противникомъ Филиппа II. Притворный, подобно Фампиу II, и болѣе предприимчивый, чѣмъ онъ, проникательный и разсудительный, хладнокровный и настойчивый, до безконечности разсчитливый во всѣхъ своихъ поступкахъ, мудрый и неутомимый, осторожный, терпливый, дѣятельный, изобрѣтательный и недоступный ни унынію, ни малодушію, Вильгельмъ умѣлъ укрыться отъ жестокости герцога Альбы и подать своимъ угнетеннымъ соотечественникамъ сигналъ къ возстанію; онъ формировалъ арміи, снова являлся послѣ пораженій на бранномъ полѣ, сносился со всеми протестантскими государствами, искалъ покровительства у всѣхъ чужеземныхъ властителей и, пользуясь какъ изступленіемъ, такъ и промахами враговъ, подстерегалъ первую удобную минуту, чтобы вызвать Нидерландцевъ на сопротивленіе и дать этому сопротивленію самый обширный объемъ и самую полную организацію. Девять лѣтъ находясь въ безпрестанной борьбѣ съ своимъ государемъ, онъ дѣйствовалъ какъ крамольникъ, но всегда питалъ къ нему уваженіе подданнаго, который ждетъ только случая, чтобъ вѣрностію загладить свои проступки. Онъ не щадилъ ни трудовъ, ни жизни, для того, чтобъ дать своему отечеству возможность вполне пользоваться всеми правами подъ эгидою ограниченной власти Испаніи, или, при неудачѣ, навѣчно отторгнуть его отъ владычества Филиппа II. Защищая народъ поработенный, онъ могъ сдѣлаться основателемъ особаго государства, ибо владѣлъ и отвагой предводителя партіи, и зоркою, предусмотрительною опытностію зиндента.

Таково-то было положеніе дѣлъ, когда выборъ Филиппа II палъ на дону-Хуана Австрійскаго. И этотъ выборъ былъ превосходенъ. Побѣдннй сынъ Карла V, воспоминаніе о которомъ все-еще такъ живо вселенно сердца Фламандцевъ, онъ былъ, по-видимому, способнѣе другихъ къ усмиренію или поработенію Фландріи. Ему предшествовала огромная слава. Пять лѣтъ онъ начальствовалъ надъ испанскимъ флотомъ въ Средиземномъ-Морѣ. Укротитель гренадскихъ мавровъ, онъ былъ назначенъ остановить пагубныя дѣйствія Турковъ. Повелѣвая единственными силами Испаніи и Италіи, онъ выигралъ сраженіе при Лепантѣ, и, въ 1573 г., взявъ Тунисъ. Память объ отцѣ, строгость воспитанія, даннаго ему наставникомъ его, Кихадой, важность роли, которую онъ былъ призванъ разыгрывать съ самой ранней молодости, и

нискія привычки, взлелѣянные въ немъ полевою жизнью, и блистательные успѣхи на ратномъ поприщѣ, развили въ этой пылкой и безхитростной природѣ благородство мыслей, великость чувствованій и неукротимость желаній, съ примѣсью чего-то неизъяснимо-увлекательнаго и героическаго. Въ немъ совпадали воображеніе съ здравымъ умомъ, нѣкоторый родъ лукавства съ праводушіемъ, и преданность съ видами честолюбія.

Дона-Хуана непрерывно тревожили мечты о побѣдахъ или объ усвоеніи себя верховной власти. Пересь утверждаетъ, будто онъ, вмѣсто того, чтобъ разрушить Тунисъ, укрѣпилъ этотъ городъ въ надеждѣ сдѣлать его нѣкогда столицей своего фантастическаго государства. Папа Пій V, одобряя этотъ проектъ, совѣтовалъ Филиппу II не мѣшать дону-Хуану въ столь благомъ начинаніи. Но Филиппъ II, нуждавшійся въ храбрости дона-Хуана лишь для велачія испанской монархіи, на этотъ разъ отдѣлился какъ могъ отъ папы, въжливо благодаря его за участіе въ судьбѣ брата. Въ то же самое время, Филиппъ II возмѣшалъ мысль, что эти честолюбивые замыслы внушены дону-Хуану секретаремъ его, дономъ-Хуаномъ де-Сото, сопровождавшимъ его въ войнѣ противъ гренадскихъ Мавровъ, въ морскихъ экспедиціяхъ на Средиземномъ-Морѣ и снискавшимъ себѣ между испанскими грандами не слишкомъ-похвальную славу опаснаго вольнодумца. Филиппъ II, почитая необходимымъ избавить дона-Хуана отъ столь гибельнаго вліянія, избралъ ему въ секретари Эсковедо, на котораго полагался болѣе, чѣмъ на де-Сото, и который получалъ отъ короля, до отъезда своего въ Италію, изустныя приказанія о томъ, какъ вести себя относительно дона-Хуана. Но, боясь оскорбить своего брата совершеннымъ устраненіемъ отъ него его любимца, Филиппъ II оставилъ Сото при донѣ-Хуанѣ казначеемъ арміи.

Впрочемъ, Эсковедо нисколько не оправдалъ довѣренности короля. Онъ вскорѣ забылъ о даннѣхъ ему наставленіяхъ, стараясь изучить дона-Хуана, честолюбіе котораго устремлялось, ничуть не измѣнившись въ сущности, на другой не менѣе-обольстительный предметъ. И дѣйствительно, донъ-Хуанъ, не мечтая болѣе о Тунисѣ, обратно взятомъ Турками, задумалъ сдѣлаться королемъ Англій, а Елизавету, за ея богопротивныя вырованія, осудить на изгнаніе изъ католической Европы. Это намѣреніе, при всей своей нелѣпости, не могло не понравиться римскому престолу, который, нашедъ въ донѣ-Хуанѣ лоборника католицизма противъ Турковъ, надѣялся извлечь для себя необъятную пользу, если храбрость и честолюбіе принца будутъ направлены противъ протестантовъ. Въ Римѣ разсуждали въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ даже о томъ, не женить ли дона-Хуана на шефильдской узницѣ, Маріи Стюартъ, католическіе приверженцы которой доискивались ея правъ на англійское королевство.

Получивъ уведомленіе объ избраніи своемъ въ правители Нидерландовъ, донъ-Хуанъ предвидѣлъ всѣ препятствія, предстоявшія ему во Фландріи; впрочемъ, онъ не терялъ надежды окончить благополучно возложенное на него порученіе и уже гадалъ, обольщенный этой надеждой, объ осуществленіи своего проекта касательно Англій посред-

ством испанскихъ войскъ. Поэтому онъ тотчасъ же отправилъ секретаря своего, Эсковедо, въ Римъ просить папу о посредничествѣ въ этомъ второмъ предпріятіи. Папа немедленно изъявлялъ по этому случаю свое полное согласіе и уполномочилъ своего нунція въ Мадридъ извѣстить о томъ Филиппа II. Нунцій случайно сообщилъ намъреніе его свѣтѣйшества Пересу, а Пересъ, по обыкновенію своему, Филиппу II.

Велико было изумленіе короля, велика была и досада его. Впрочемъ, онъ затанлъ ихъ, и очень-кстати, въ глубинѣ своей души. Въ это самое время, донъ-Хуанъ-Австрійскій прибылъ въ Мадридъ, желая, до отъезда своего во Фландрію, узнать въ совершенной подробности какъ намъренія короля, брата своего, въ разсужденіи Нидерландовъ, такъ и средства, придуманныя имъ для выполненія этихъ намъреній. И вотъ почему Филиппъ нашелъ неумѣстнымъ раздражать его своею недовѣрчивостію или отказомъ. Онъ даже одобрялъ, — по, конечно, лишь на словахъ, — замыслы дон-Хуана и позволялъ ему, по окончаніи всего дѣла въ Нидерландахъ, попытаться напасть на Англію, если только генеральные штаты не воспротивятся отплытію испанскихъ войскъ. Впрочемъ, этотъ проектъ, безуспѣшно исполненный гораздо-позже, именно въ 1588 году, былъ вовсе не новъ для Испаніи. Итальянецъ Родольфи, тайный повѣренный шотландской королевы, предлагалъ еще въ началѣ 1571 года Филиппу II возстановить, при содѣйствіи папы, католическое вѣроисповѣданіе въ Англіи и возвести Марію Стюартъ на англійскій престолъ. Филиппъ II нисколько не усомнился завѣрить Родольфи въ готовности своей способствовать Маріи въ задуманномъ ею дѣлѣ; но, по счастью, герцогъ Альба успѣлъ отвлечь его отъ этого жалкаго и ребяческаго покушенія. Сладоственно, Филиппъ II, убаюкивая дон-Хуана ложными обещаніями, неволью сходился съ нимъ въ своей старинной мысли, столь близкой его сердцу какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

Въ концѣ октября, донъ-Хуанъ отправился въ Нидерланды, съ особеннымъ повелѣніемъ своего брата соглашаться, для водворенія спокойствія, на все, что только совместно съ достоинствомъ королевской власти и не угрожаетъ паденіемъ католицизму. Оставивъ Эсковедо въ Мадридѣ, единственно съ тѣмъ, чтобъ были высланы какъ-можно-скорѣе деньги, необходимыя для удовлетворенія арміи и для удобнѣшаго веденія дѣла, донъ-Хуанъ переодѣтый прохажъ Францію и прибылъ 4-го ноября къ люксембургской границѣ. Смуты все еще продолжались. Семнадцать провинцій, выведенныя изъ терпѣнія неустойчивостію испанскаго войска, трактовали о гентскомъ союзѣ, подписанномъ ими спустя четыре дня по пріѣздѣ дон-Хуана. Но прозорливый нововникъ этого союза, принцъ Оранскій, уже успѣлъ очернить дон-Хуана передъ штатами. Онъ писалъ имъ, что новый правитель во лучше Альбы и присланъ обмануть и разрознить ихъ, потому-что у короля нѣтъ ни средствъ, ни надежды покорить ихъ силой. Онъ советовалъ имъ, для прекращенія войны, посягнуть на свободу дон-Хуана, или не признавать, по-крайней-мѣрѣ, его власти до-тѣхъ-поръ, пока онъ не выведетъ испанскихъ солдатъ изъ Фландріи.

Штаты последовали второму мнѣнію. Они, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, задерживали дона-Хуана на границѣ, рѣшаясь принять его тогда только, когда онъ допуститъ основныя положенія гентскаго перемирія, прикажетъ войску выступить изъ Нидерландовъ, сласть цитадели, построенныя герцогомъ Альбой, и утвердить всѣ древнія права Фламандцевъ. Донъ-Хуанъ сталъ договариваться съ депутатами провинцій и обнаружилъ при этомъ случаѣ необыкновенную кротость и добросовѣстность; прибывая то къ ласкамъ, то къ снисходительности, онъ держалъ, сколько было возможно, сторону своего брата. Наконецъ, послѣ безполезныхъ шестинедѣльныхъ преній и самыхъ убійственныхыхъ трудовъ, вотъ что писалъ онъ, отъ 21 декабря, къ Пересу: «Воля ваша, а я человекъ, и меня одного не станетъ на столько замятій; мнѣ необходимъ Эсковедо... Въ полночь я засыпаю, а встаю въ семь часовъ, при огнѣ, вовсе не зная, буду ли я имѣть въ теченіе цѣлаго дня хоть одну свободную минуту для обѣда и отдыха. «За все это я уже заплатился тремя лихорадками... Я въ отчаяніи; «вы словно продали меня! такая горсть людей и безъ единого *реала!* «Я знаю съ какою медленностью *тамъ* все дѣлается!» (*Desesperado estoy de verme entre esta gente bendido, y con tan poca, y sin un real, y sabiendo el espacio un que alla se hace todo.*)

Между-тѣмъ Эсковедо не оставался празднымъ въ Испаніи. Съ жаромъ, даже съ дерзостью, требовалъ онъ отъ Филиппа II вѣнскорѣйшаго доставленія пособій, обещанныхъ дона-Хуану, и требовалъ не только словесно, но и письменно. Филиппъ II съ глубокимъ негодованіемъ отзывался Пересу объ Эсковедо: «Вотъ каковы плоды Италіи и Фландріи», писалъ онъ разъ Пересу, посылая ему одно письмо Эсковедо. «Если бы онъ высказалъ мнѣ все это на словахъ, а не на бумагѣ, не знаю, въ состояніи ли бы я былъ совладѣть самъ съ собою. (*No sé si podría contener sin descomponerme como lo hice.*)» Впрочемъ, Пересъ, бывъ еще въ дружескихъ связяхъ съ Эсковедо, кое-какъ обезоружилъ гнѣвъ Филиппа II. Приписывая запальчивость и чаглость Эсковедо чрезмерному и достойному уваженію рвенію о благѣ дона-Хуана, онъ упрасилъ короля не трогать Эсковедо. Филиппъ II умялостивился, но съ этой поры Эсковедо сдѣлался предметомъ его тайной ненависти и злобы. Эсковедо покинулъ въ началѣ декабря Мадридъ и прибылъ во Фландрію, спустя нѣсколько дней по отсылкѣ письма, въ которомъ донъ-Хуанъ такъ настоятельно умолялъ Переса прислать къ нему Эсковедо.

Переговоры со штатами были обречены, судя по ходу дѣлъ, на невѣдливость. Донъ-Хуанъ былъ готовъ отпустить испанскую армію, но прежде надобно было выдать ей жалованье. Кому же принять на себя эту выдачу и куда должна отправиться армія? У дона-Хуана не было денегъ, а штаты не давали ихъ. Донъ-Хуанъ, вѣрный своему проекту, желалъ отправить армію моремъ; а штаты, страшась за острова Зеландіи, требовали, чтобъ она вышла сухимъ путемъ. Разногласіе было продолжительно и сильно. Донъ-Хуанъ, надѣясь впустить штатамъ болѣе довѣренности и склонить ихъ на свою сторону, предлагалъ

вмѣ самого-себя въ аманаты. Но штаты, думая, что онъ обманываетъ ихъ, не оцѣнили его благородныхъ намѣреній. Подозрѣнія принца Оранскаго и безпокойство англійскаго посланника еще болѣе убѣждали ихъ къ отказу. Послѣдній лично объяснялся по этому предмету съ дономъ-Хуаномъ. «Англійскій посланникъ», говоритъ донъ-Хуанъ въ своемъ письмѣ къ Филиппу II: «былъ у меня и изъявилъ мнѣ опасенія королевы, въ случаѣ отправленія нашихъ войскъ моремъ. Онъ даже сказалъ мнѣ, что мы имѣемъ въ виду освободить королеву Марію». Донъ-Хуанъ вполне разуверилъ его, давъ ему понять, что войска эти назначаются въ Средиземное-Море, противъ Турковъ. «Уладивъ все дѣла въ Нидерландахъ» продолжаетъ донъ-Хуанъ въ письмѣ своемъ къ Филиппу: «прибавилъ я съ усмѣшкой, что приѣду въ Англію для того, чтобъ поцаловать руку у ея величества». — Эта нескромная и провинческая шутка не понравилась Филиппу II, который тутъ же отмыгалъ на письмѣ дона-Хуана: «Лишнее» (*Mucho decir fue esto*).

Семнадцать провинцій, не видя возможности согласиться съ дономъ-Хуаномъ, подкрѣпили, 9-го января 1577 года, гентское примиреніе — *брюссельскимъ союзомъ*. Этими новымъ конфедераціоннымъ актомъ оны обязывались не жалеть ни денегъ, ни имущества, ни самой жизни для избавленія отечества отъ тиранніи и деспотизма Испанцевъ, и приглашали всѣхъ гражданъ на этотъ національный подвигъ, выходя каждому въ измыну, безчестіе и трусость самаго-лучшаго ослушаніе общественной воли. Съ обѣихъ сторонъ начались вооруженія. Но такъ-какъ Филиппъ II не желалъ, а штаты боялись войны, то и возобновились, при посредствѣ императорскихъ депутатовъ, совѣщанія, въ-слѣдствіе которыхъ донъ-Хуанъ долженъ былъ отправить войска сухимъ путемъ въ Италію, между-тѣмъ, какъ штаты рѣшались снабдить ихъ деньгами. Это условіе, известное подъ названіемъ «неизмѣннаго постановленія», было подписано дономъ-Хуаномъ 12 февраля 1577 г., и довело его, сокрушивъ однимъ ударомъ все его замыслы, едва-ли не до отчаянія.

«Ахъ! сеньйоръ Антонио» писалъ донъ-Хуанъ, отъ 16 февраля, къ Пересу: «я человекъ несчастный и погибшій; мой любимый и такъ «прекрасно обдуманый проектъ разрушился. Войска идутъ въ Италію; воспротивиться же этому и нарушить волю его величества «не позволяютъ мнѣ ни моя совѣсть, ни мой долгъ, ни самыя обстоятельства. Не знаю самъ, что дѣлать; осталось одно: скрыться въ пещеру. Вижу, теперь я здѣсь бесполезенъ; ужиться же съ окружающими меня людьми не могу; мы не созданы другъ для друга».

Донъ-Хуанъ, въ своей перепискѣ съ Пересомъ, говоритъ, что женщина, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, могла бы управиться съ Нидерландцами гораздо-лучше, чѣмъ мужчина, и предлагаетъ или императрицу, которая такъ сильно желала имѣть штаты, или герцогиню парискую, оставившую по себѣ такъ много добрыхъ воспоминаній во Фландріи. Онъ просилъ позволенія оставить Нидерланды въ одно время съ испанской арміей, намѣреваясь подать помощь Генриху III, воевашему, весной 1577 г., съ французскими гугенотами. «Не удивляйтесь» пишетъ

Эсковедо къ Пересу: «странному предложенію принца; онъ вовсе растерянъ... Я знаю, найдутся многіе, которые скажутъ: донъ-Хуанъ Австрійскій идетъ, съ шестью тысячами пѣхоты и двумя тысячами конницы, на помощь къ королю Франціи утверждать его на его шаткомъ «престола! Но мы готовы идти туда одни, просто ради приключеній; «дону-Хуану въ тысячу разъ пріятнѣе служить тамъ простымъ воиномъ, чѣмъ управлять этимъ безпутнымъ племенемъ.»

Этотъ проектъ, маскировавшій тайные виды принца, былъ уже не первымъ да и не последнимъ. Донъ-Хуанъ и Эсковедо вскорѣ составили новый. Простившись съ мыслию о завоеваніи Англіи, они стали мечтать о завладѣніи верховной властью въ Испаніи. Какимъ же образомъ? «Безнадежный принцъ» доноситъ Эсковедо Пересу въ письмѣ отъ 3 февраля 1577 г.: «сосредоточилъ пока все свое честолюбіе на одномъ: и днемъ и ночью мучать его *кресла съ балдахиномъ*» (*silla у cortina*). Это значило: донъ-Хуанъ сплшитъ въ инфанты. Сдѣлаться же инфантомъ нужно было дону-Хуану для того, чтобъ засѣдать въ государственномъ совѣтѣ, усилить партію маркиза де-Лосъ Велеса, кардинала Кирогъ, Переса, и опершись на нее, управлять всеми дѣлами арміи.

Эсковедо, опасаясь за слабое здоровье и разстроенное воображеніе дона-Хуана, не разъ просилъ Переса, чтобъ онъ уговорилъ короля вызвать принца въ Испанію. Тѣ же самыя желанія обнаруживалъ и донъ-Хуанъ. Въ то самое время, когда войска отходили въ Мадрихтъ, назначенный мѣстомъ соединенія всей арміи, донъ-Хуанъ отослалъ, вмѣстѣ съ официальными депешами къ королю, и слѣдующее письмо, адресованное на имя Переса: «Старайтесь всѣми силами вырвать меня «отсюда. Въ вашихъ рукахъ и жизнь моя, и честь, и даже спасеніе «душа моей. Жизнь и честь, въ случаѣ замедленія, потеряны; съ ними «сопряжена утрата прошедшихъ и будущихъ заслугъ; а душа... одно «отчаяніе довершаютъ гибель души. Честію завѣрю васъ въ истинѣ моихъ словъ. Обрадуйте же меня чѣмъ-нибудь добрымъ. Я присоединюсь «къ Велесу и Кирогъ, и не пощажу никого, кто осмѣлится назваться «врагомъ вапшмъ.»

Какъ же смотрѣли въ Мадрихѣ на эти выходки дона-Хуана, внушенныя болѣзненнымъ воображеніемъ, тревожнымъ честолюбіемъ, но, безъ сомнѣнія, вовсе-неопасныя? Пересъ, пользуясь расположеніемъ Филиппа II и ничего не скрывалъ отъ него, завязалъ съ допомъ-Хуаномъ и Эсковедо, почитавшими его своимъ искреннимъ другомъ, переписку, и завязалъ, конечно, не безъ воли монарха, лишь потому, чтобъ ближе ознакомиться съ ихъ мнѣніями, увѣрить ихъ въ мнимомъ ходатайствѣ своемъ о нихъ при особѣ короля, внушить имъ (дозволяя себѣ свободныя мысли и выраженія на его счетъ) полную къ себѣ довѣренность, чтобъ потомъ выдать Филиппу всѣ ихъ замыслы. Онъ выполнялъ эту роль съ полнѣйшею преданностію. Сообщилъ Филиппу II письма изъ Фландрій и, показывая отвѣты свои на эти письма, гордился своею извѣстностію и самъ оправдывалъ себя въ своихъ безчестныхъ поступкахъ. «Совѣсть моя чиста» сказалъ онъ однажды Филиппу II: «обманывая, я

угождаю вашему величеству, и во всемъ этомъ дѣлѣ держусь правды и понятій, согласныхъ съ моимъ собственнымъ богословіемъ.» «Ваше богословіе» отвѣтилъ ему на это Филиппъ II: «совершенно согласно съ моимъ, и находить, что вы не только дѣлаете должное, но погрѣшилъ бы передъ Богомъ и людьми, еслибъ не взвѣщали меня съ всевозможною подробностью о заблужденіяхъ міра и о дѣлахъ его, которыя, истинно, ужасаютъ меня.»

Противясь отъезду дон-Хуана изъ Нидерландовъ, а равноварно и желавію его дѣйствовать за одно съ Генрихомъ III, Филиппъ II обольщалъ его надеждами на покореніе Англіи. И обольщеніемъ этимъ прежде всего донъ-Хуанъ былъ обязанъ самому-себѣ: онъ, не задолго передъ тѣмъ, снова обращался съ своимъ проектомъ объ Англіи къ папѣ, который, какъ узналъ о томъ Филиппъ II отъ нунція, назначалъ для этой экспедиціи болѣе 6000 вонновъ и 150,000 червонцевъ. Безропотно преклонился донъ-Хуанъ передъ волею своего брата, хотѣшаго, чтобъ онъ оставался въ Нидерландахъ. «Какъ быть!» писалъ онъ къ Пересу: «стану терпѣть до стеченія лучшихъ обстоятельствъ. Я былъ бы крайне-непризнателенъ, еслибъ вздумалъ прекословить приказаніямъ короля. А потому я неуклонно пойду по пути, который онъ заблагоразсудитъ начертать мнѣ». То же самое подтверждаетъ и Эсковедо: «Донъ-Хуанъ, этотъ доблестный и ревностный caballero, сдѣлаетъ все для блага и пользы своего отечества и короля».

И дѣйствительно, онъ буквально выполнилъ неизмѣнное постановленіе, утвержденное королемъ 7 апрѣля. Онъ сдалъ Фламандцамъ цитадели, оставленныя испанскимъ войскамъ, вышедшимъ 21 апрѣля изъ Матрихта, по направленію къ Люксембургу и Франш-Конте. Предугадывая непрочность міра, онъ поручилъ себя непосредственному управленію штатовъ, болѣе по необходимости, чѣмъ по довѣрію. 2-го мая онъ имѣлъ торжественный въездъ въ Брюссель, а 4-го призванъ главнымъ правителемъ Нидерландовъ. Ссылаясь на свои права, онъ желалъ уничтожить пятнадцатую независимость Голландіи и Зеландіи, требовалъ отъ нихъ, чтобъ онъ, въ силу неизмѣннаго постановленія, повиновались впредь королевской власти и возстановили католическое вѣроисповѣданіе во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Такъ-какъ онъ, подъ разными предлогами, отказался, то донъ-Хуанъ отдалъ прочимъ пятнадцати провинціямъ приказъ принудить ихъ къ тому силой; но тѣмъ же неопредѣлимымъ сопротивленіемъ отвѣчали ему и съ этой стороны. Вновь покорившіяся провинціи не хотѣли, ни подъ какими условіями, поднять оружіе противъ провинцій, оставшихся въ разномысліи съ испанскимъ дворомъ; и между-тѣмъ, какъ донъ-Хуанъ, вспомошествоемый католиками, старался испровергнуть власть принца Оранскаго въ Голландіи и Зеландіи, принцъ Оранскій уже успѣлъ, посредствомъ своихъ многочисленныхъ и отважныхъ приверженцевъ въ Брабантѣ и Фландріи, поставить дон-Хуана въ самое критическое положеніе.

Донъ-Хуанъ, не имѣя ни войска, ни власти, ни вліянія, и дѣлаясь недовѣрчивѣе со-дня-на-день, былъ доведенъ оскорбительными поступками Нидерландцевъ до крайности. На него появлялись на-

свѣдан. Брюссельская чернь была его слугъ и какъ-то разогнала даже стражу его. Стали умышлять противъ его жизни. Будучи предметомъ оскорбленій и заговоровъ, онъ рѣшился для безопасности своей и для поддержанія уваженнаго достоинства своего брата скрыться въ какое-нибудь укрѣпленное мѣсто и заняться приготовленіями къ войнѣ. Онъ тайно сталъ вести переговоры съ германскими войсками, которыя, за неполученіемъ жалованья, все еще оставались въ Нидерландахъ, будучи разбросаны по разнымъ городамъ, и думалъ овладѣть врасплохъ Намюрской Крѣпостью. Не приступая еще къ дѣлу, онъ послалъ Эсковедо въ Испанію, чтобъ уведомить объ опасности своей Филиппа II, котораго онъ уже просилъ о возвращеніи испанскихъ войскъ, отшедшихъ въ Италію. «Наглая дерзость людей злонамѣренныхъ» писалъ онъ 9 іюля къ королю: «которая, начавшись съ совѣта штатовъ, распространялась до самаго послѣдняго крестьянина, возрасла теперь до того, что мѣшкать нѣчего, да и пельзя. Все обрушилось на насъ разомъ! Отряды полковъ графа Эгмонта, Гесса и Шапаныи приближаются къ городу съ цѣлью, какъ носится здѣсь слухъ, захватить меня... При такой крайности, я завтра же отправляю къ вамъ Эсковедо. Ради Бога, пожалуйте, ваше величество, в святую церковь, и свою собственную власть и честь.»

Послѣ кратковременнаго плаванія, Эсковедо присталъ 21 іюля къ берегу Сантандера. Это путешествіе, предпринятое безъ особеннаго дозволенія Филиппа II, крайне раздражило его и заставило подозрѣвать что-то недоброе. Онъ порицалъ не только прибытіе Эсковедо, но и образъ дѣйствій дона-Хуана; сильно негодовалъ на взятіе Намюрской Крѣпости, совершенное 24 іюля, не соглашался на возвращеніе испанскихъ войскъ въ Нидерланды, и не хотѣлъ даже слышать о новомъ разладѣ со штатами. Не имѣя по своему расчету достаточныхъ силъ для возобновленія войны, онъ желалъ мира.

Но желанія его вскорѣ должны были подчиниться обстоятельствамъ. Зная волю короля, дона-Хуанъ, по овладѣніи Намюромъ, Шарльмономъ, Люксембургомъ, и по занятіи многихъ другихъ городовъ, въ которыхъ находились нѣмецкіе гарнизоны, попытался-было войти въ мирныя сношенія со штатами; но было уже поздно. Непріязненность Фламандцевъ достигла высшей степени. Они посвѣшили срыть цитадели Аптверпена, Гента, Валансьена, отняли у германскихъ войскъ Герцогенбушъ и Бреду, призвали принца Оранскаго въ Брюссель, и по совѣту его предложили дону-Хуану столь тягостныя условія, что всякая мысль о мирѣ сдѣлалась несбыточной и невозможной. Они объявили дона-Хуана врагомъ общественнаго блага, а тѣхъ, которые не хотѣли попятить его, мятежниками, пантаскайшимъ образомъ соединили семнадцать провинцій, съ соблюденіемъ въ нихъ религіознаго *status quo*, пригласили одного изъ императорскихъ сыновей, эрцгерцога Матіаса, въ правители Нидерландовъ, давъ ему принца Оранскаго въ помощники, и заключили оборонительный союзъ съ королевой Елизаветой, обязавшейся ссудить ихъ 100,000 фунтовъ стерлинговъ для сформированія и вооруженія арміи. Въ первыхъ дняхъ 1578 года, прибылъ

изъ Мадрыта баронъ де-Селль; онъ предложилъ Фламандцамъ, отъ имени испанскаго короля, полную амнистію, непремѣнное удаленіе всѣхъ Испанцевъ изъ Фландріи и назначеніе новаго правителя, предоставляя штатамъ право выбрать на это почетное мѣсто или принца парискаго, или эрцгерцога Фердинанда, или даже эрцгерцога Матіаса; Фламандцы, въ замѣну этого, должны были признать законную власть Филиппа II и господство католицизма. Но они отказались. Тогда уже Филиппъ II повелѣлъ дону-Хуану рѣшить спорное дѣло оружіемъ.

Этому предпринчивому полководцу только того и хотѣлось. Испанскіе солдаты, подъ начальствомъ знаменитаго Александра Фарнезе, принца пармскаго, возвратились изъ Италіи, и усилили собой малочисленное войско дона-Хуана. Онъ тотчасъ же выступилъ въ походъ и разбилъ, 31-го января, нидерландскую армію при Ганблурѣ. Эта побѣда привела въ смущеніе весь Брюссель; штаты и принцъ Оранскій удалились въ Антверпенъ. Донъ-Хуанъ, извѣщая Филиппа II о пораженіи непріятеля, просилъ его не медлить доставленіемъ нужныхъ средствъ, не прекращать столь успешно-начатаго дѣла и прислать Эсковедо во Фландрію. Въ то же самое время онъ писалъ къ Пересу и Эсковедо: «Ради Бога, не падайте духомъ! Не жалейте дровъ, пока горитъ огонь; «если же упустите этотъ случай, то королю не только не видать Фландріи, но пѣчего надѣяться и на прочія свои владѣнія; его оставятъ и Богъ, и люди. Я говорю правду на-перекоръ тѣмъ, которые его обманываютъ; «говорю, быть-можетъ, много лишняго; но честному человѣку стыдно, «ради минутнаго одобренія, скрывать истину. Я, по-крайней-мѣрѣ, счѣтаю это измѣной. Пусть же извинятъ меня, если, питая должное «уваженіе и глубочайшую преданность, я прямо высказываю всѣ свои «убѣжденія. Прикажутъ мнѣ молчать — замолчу, и замолчу охотно, «потому-что совѣсть моя будетъ спокойна, а честь не запятана. Но «полно разсуждать объ этомъ. Высылайте, господа, денегъ, да дѣйствуйте рѣшительнѣй. Мы же станемъ сражаться и провозгласимъ «своего государя побѣдителемъ. Сеньйоръ Эсковедо, какъ можно поспѣшите своимъ возвращеніемъ.»

Это письмо застало Филиппа II въ ту самую минуту, когда онъ отдавалъ приказанія объ убійствѣ Эсковедо...

Не странно ли: король посягаетъ на жизнь своего подданнаго!.. Но чтобъ разубѣдиться въ этой странности, стоить только вспомнить обыкновенія и теоретическія начала этого жестокаго вѣка, исполненнаго убійствъ. Смерть служила въ то время сильнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности и, какъ самое надежное средство, употреблялась, конечно, въ крайнихъ, но частыхъ случаяхъ партій...

Этимъ-то странными началами руководствовался въ настоящемъ случаѣ Филиппъ II. Впрочемъ, поводомъ къ убійству Эсковедо были, вѣроятно, причины гораздо-важнѣйшія и опасенія существенныя, основательныя. Какія же именно? Пересъ упоминаетъ о нихъ. Филиппа II безпокоила, по словамъ его, замысль дона-Хуана на Тунисъ и на Англію; это безпокойство возрасло еще больше, когда принцъ, будучи припущенъ отказаться отъ покушеній на англійскій престолъ, обнаружилъ

сильное желаніе оставить Нидерланды и пойдти съ испанскимъ войскомъ во Францію, гдѣ былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Гизами, въ-особенности же, когда онъ простеръ свои виды на титулъ инфанта съ тѣмъ, чтобъ засѣдать въ государственномъ совѣтѣ и управлять, съ согласія первенствующей партіи, Испанскимъ Королевствомъ. Эсковедо, раздражавшій честолюбіе принца, зашелъ, по увѣренію Переса, еще далѣе въ своихъ предположеніяхъ. Онъ и донъ-Хуанъ намѣревались, по покореніи Англіи, овладѣть Испаніей, занявъ крѣпость, защищавшую входъ къ Сантаандеръ, — крѣпость, надъ которой начальства домогался Эсковедо. Итакъ, Эсковедо готовился, спустившись съ Астурійскихъ Горъ, знакомыхъ ему съ малолѣтства, повторять надъ Филиппомъ II то же самое, чтò сдѣлали пѣкогда христіане въ борьбѣ своей противъ мавровъ за свободу Пиренейскаго-Полуострова. Наконецъ, Пересомъ приводится въ доказательство тайный и мятежническій союзъ донъ-Хуана съ Гизами подъ наименованіемъ *обороны обннихъ короузъ*, — союзъ, о которомъ будто-бы донесъ королю донъ-Хуанъ Варгасъ-Мехіа, испанскій посолъ въ Парижѣ.

Вотъ всѣ факты, на которые ссылается Пересъ. Разберемъ же, въ немногихъ словахъ, историческую достовѣрность и значительность ихъ. Пересу нельзя вѣрить на слово. Онъ охотникъ до преувеличеній, а еще болѣе до вымысловъ. Начнемъ съ перваго обвиненія. Намѣреніе касательно Туниса, приписываемое Пересомъ дону-Хуану, почти вполне опровергается перепиской самого принца. Донъ-Хуанъ, получивъ отъ короля приказаніе или скрыть укрѣпенія этого города, или оставить ихъ, смотря по обстоятельствамъ, неприкосновенными, предпочелъ, явномъ 1574 г., послѣднее первому. Въ августъ же, онъ велѣлъ разрушить тунисскую крѣпость, а въ сентябрѣ лично присутствовалъ при взрывѣ гугетскихъ шанцевъ, бойсь, что Турки завладѣютъ ими и утвердятся въ нихъ.

Экспедиція въ Англію была одобрена самимъ королемъ и ничуть не противорѣчила политикѣ Филиппа II. Да и не лучше ли было предпринять ее при жизни Маріи Стюартъ и въ то время, когда католическая партія Англичанъ еще могла облегчить собой покореніе Англіи, чѣмъ по смерти королевы и по низложеніи этой партіи, какъ то было въ 1588 году?

Прохожу молчаніемъ сумасбродный проектъ вторгнуться, по овладѣніи Англіей, въ Испанію. Эта мысль со стороны донъ-Хуана невозможна. Донъ-Хуанъ всегда былъ рыцарски-вѣренъ своему брату и, подѣ-часъ излишне увлекаясь фантазіей, никогда не пыталъ преступныхъ и безразсудныхъ надеждъ. Въ минуту пустаго самохвальства, Эсковедо, быть-можетъ, обмолвился, а враги привяли слова его за чистую монету и передали ихъ куда слѣдовало.

Лучшимъ же мѣриломъ желаній донъ-Хуана могутъ служить, съ самаго появленія его въ Нидерландахъ, письма его. Онъ хотѣлъ, подавивъ въ себѣ мысль объ Англіи и чувствуя непреодолимое отвращеніе къ непокорнымъ Фламандцамъ, искупить блескомъ подвиговъ, во Франціи свое постыдное бездѣйствіе. Усыновленный Карломъ V, онъ тре-

боялъ уваженія, приличнаго инфанту, в искалъ, разсвѣтъ грѣзы о престолѣ, гораздо-меньшаго: участвованія въ совѣщаніяхъ верховнаго испанскаго совѣта. Желанія его никогда не переступали за предѣлы вѣрности, а честолюбіе его всегда высказывалось въ словахъ, прощипутыхъ преданностью.

Столь же неоснователенъ и матежническій союзъ дона-Хуана съ Гизами. Во-первыхъ, Варгасъ Мехія былъ сдѣланъ посланникомъ при французскомъ дворѣ въ октябрь 1577 года, и прибылъ въ Парижъ не ранѣе 10-го декабря, то-есть, спустя четыре мѣсяца по отъѣздѣ Эсковедо въ Милригъ; во-вторыхъ, онъ нигдѣ не говоритъ объ агентахъ дона-Хуана въ Парижѣ, которые плѣли бы, по выполненіи порученій своихъ, тайныя свиданія съ герцогомъ Гизомъ; наконецъ, онъ уведомляетъ Филиппа II не объ опасномъ союзѣ, а о намѣреніи герцога Гиза просить испанскаго и французскаго королей о заступничествѣ ихъ за родственницу его Марію Стюартъ. «Герцогъ сильно желаетъ соединенія *«объихъ королей»*, такъ пишетъ Варгасъ къ Филиппу-II: «я надѣется на огромные результаты, могущіе произойти отъ этого соединенія. Вы «и французскій король можете сдѣлаться, по его мнѣнію, повелителями «и законодателями вселенной». Гдѣ же тутъ заговоръ, и не безстыдно ли клеветаетъ Пересъ на дона-Хуана? Близкія отношенія существовали, безъ сомнѣнія, между дономъ-Хуаномъ и герцогомъ Гизомъ; но предметомъ этихъ отношеній были: защищеніе Нидерландовъ противъ партіи принца Оранскаго, охраненіе католицизма, угрожаемаго распространеніемъ протестантскаго вѣровповѣданія, и, наконецъ, Англія, равно интересовавшая ихъ обомъ; Гизу хотѣлось освободить Марію Стюартъ изъ темницы, а донъ-Хуанъ былъ ослѣпленъ мечтой о присвоеніи себя верховной власти. Сверхъ-того, нѣсколько-неопредѣленные выраженія Варгаса о дружеской связи этихъ двухъ принцевъ не могли имѣть, принадлежа къ гораздо-позднѣйшему времени, рѣшительно никакого вліянія на убійствѣ Эсковедо.

Итакъ, проекты дона-Хуана, какъ пустыя бредни честолюбія, были сами-по-себѣ нѣсколько неважны. Безпрерывно чередуясь между собой и взаимно уничтожаясь, они никогда не достигали надлежащаго развитія и были преданы ямъ, въ ту эпоху, совершенному забвенію: въ это время онъ думалъ только о томъ, чтобъ возстановить власть своего брата въ Нидерландахъ, ибо между ямъ и Фламандцами завязалась тогда сильная брань. Единственно по этому случаю онъ послалъ Эсковедо, какъ мы видали выше, въ Испанію. Но Эсковедо едва прибылъ въ Сантансеръ, какъ Филиппъ II уже писалъ къ Пересу: «Ударъ «готовъ поразить насъ; будемъ же какъ-можно-осторожнѣй и постарайтесь предупредить убійство убійствомъ». Эти слова, явно изобличающія опасность, непосредственно угрожавшую личности короля, долго оставались безъ выполненія. Отъ прибытія Эсковедо до смерти его прошло цѣлые восемь мѣсяцевъ. Медленность Филиппа II избавиться отъ такой, по его словамъ, неминуемой и близкой бѣды, объясняется не инымъ чѣмъ, какъ только прекращеніемъ страха, внезапно его облетѣвшаго. Его подозрительная натура дѣлала его робкимъ и легковѣрнымъ.

Страстное ослабленіе, съ какимъ бросался онъ въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ своей жизни на предпріятія невыполнимыя, мѣшала ему различать и въ другихъ дѣйствительно-опасное отъ пустаго и химерическаго. Кто же могъ и захотѣлъ успокоить подозрительность короля? Не кто иной, какъ Пересъ, все еще бывшій въ дружбѣ съ секретаремъ дона-Хуана и не перестававшій по-прежнему покровительствовать ему. А если это было действительно такъ; если Эсковедо, не смотря на собственноручно-написанный приговоръ Филиппа II, спокойно жилъ, въ-продолженіе шести мѣсяцевъ, въ Мадридѣ; если онъ былъ обязанъ этой мгновенной безопасностью пріязни Переса, то что же произошло въ этотъ промежутокъ между нимъ и Пересомъ? Не случилось ли чего-нибудь особеннаго, почему Пересъ пробудилъ имъ же усыпленную недоверчивость короля, и ускорилъ ударъ, такъ искусно отведенный имъ въ началѣ? Теперь мы представимъ рядъ фактовъ, относящихся къ любовнымъ интригамъ принцессы д'Эболи съ Филиппомъ II и Пересомъ, фактовъ, тѣсно соединенныхъ съ этимъ таинственнымъ событіемъ и проясняющихъ весь его послѣдствіа.

Анна де-Мендоса, единственная дочь графа де-Мелито, родившаяся въ 1540 г. и вышедшая, 8-го апрѣля 1553 г., замужъ за Рюя Гомеса де-Сильву, съ раннихъ лѣтъ остановила на себя вниманіе Филиппа II и была, какъ надобно полагать, чуть ли не причиною долговременнаго благоволенія, которымъ пользовался при дворѣ мужъ ея. Она была крѣпкая, но, не смотря на то, дивно-прекрасна. Умная и надменная, страстная и рѣшительная, она повсюду сызла соблазнъ и внушала къ себѣ самую пылкую привязанность. Филиппъ II опредѣлилъ ей контрактъ, при выходѣ ея замужъ, шесть тысячъ червонцевъ сегодншаго дохода, съ правомъ предоставленія этой суммы ея позднѣйшимъ потомкамъ. Когда онъ хотѣлъ, въ 1567 г., отправиться въ Нидерланды, чтобъ присутствіемъ своимъ усмирить возникшій тамъ мятежъ, принцесса д'Эболи была въ числѣ немногихъ лицъ, назначенныхъ для его свѣты. Но, на ряду съ этими фактами, есть еще гораздо-важнѣйшіе. Связь Филиппа II съ принцессой была весьма известна. Его единогласно обвиняли въ слабостяхъ этого рода. Вотъ что говорится объ немъ въ одной венеціанской рукописи подъ 1584 г.: «Онъ очень пажоженъ, исповѣдуется и причащается по нѣскольку разъ въ годъ, и каждый день пребываетъ, для очищенія своей совѣсти, на молитвѣ. Главнѣйшимъ грѣхомъ его, какъ думаютъ, любострастіе... Есть, при дворѣ, множество грандовъ, слывущихъ сыновьями его, на-примѣръ, герцогъ П...-П..., донъ... и другіе». Кто же этотъ герцогъ П..., непомменованный въ итальянской рукописи? Не трудно разузнать и это; давайте перелистывать списокъ всѣхъ испанскихъ грандовъ и кастильскихъ чиновъ того времени; между ними нѣтъ ни одного, котораго имя начиналось бы буквой П., кромѣ герцога Кастраны. Кто же былъ этотъ герцогъ Кастрана? Сынъ принцессы д'Эболи и, какъ уже сказано, короля. Следственно, дворъ вѣрлялъ любовной связи Филиппа II съ принцессой д'Эболи, связи, которая ядко и смѣшно, и вовсе не двусмысленно описана была въ-послѣдствіи Пересомъ.

Съ этимъ-то грознымъ соперникомъ дерзнулъ Пересь вступить въ состязаніе. Ранке, какъ я уже замѣтилъ, не вѣритъ этому; онъ объясняетъ убіеніе Эсковедо однимъ политическими причинами. Пересь, по мнѣнію его, не могъ быть любовникомъ принцессы: она была уже въ лѣтахъ и крива; притомъ же жена Переса обнаруживала къ нему во все продолженіе процесса самую искреннюю, на все готовую любовь. Послѣдней причины никакъ нельзя принять въ уваженіе; но столь же шатки основанія и первой. Принцесса была тридцати-восемь лѣтъ; всѣ современники единодушно называютъ ее красавицей, а Пересь уподобляетъ ее съ восторженной изысканностью «жемчужинѣ, вложенной въ роскошную оправу красоты и счастья». Поэтому, наружность ея не могла быть преградой любви, отвергаемой Ранке, и которая, по многимъ непреклоннымъ свидѣтельствамъ, даже по сознанію самого Переса, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Укажемъ же на замѣчательнѣйшія изъ этихъ свидѣтельствъ:

Архіепископъ севильскій, донъ-Родриго де-Кастро, объявилъ при допросѣ: «Пересь пользовался вещами принцессы какъ собственностью; многіе и много роптали на это, а также и на то, что принцесса присылала къ нему цѣлые караваны лошаковъ, навьюченныхъ всякой всячиной.»

«Однажды», такъ рассказываетъ донья Каталина де-Геррера, «Эсковедо пришелъ къ принцессѣ и сказалъ: «ваши уединенныя бесѣды съ Пересомъ порождаютъ самыя непріятныя толки въ народъ; я говорю вамъ, «помни хлѣбъ-соль вашего отца.» — Не конюхамъ разсуждать о томъ, что дѣлаютъ ихъ господа, отвѣтила ему принцесса и тотчасъ же ушла.»

Но еще интереснѣе показаніе одного изъ родственниковъ принцессы: «Посѣщенія Переса» говоритъ донъ-Лоренсо Теллесъ де-Сильва, маркизъ де-ла-Фавара, «всегда казались мнѣ предосудительными. Онъ сопровождалъ принцессу на публичныя зрѣлища и оставался съ ней тамъ по нѣскольکو часовъ. Однажды пришелъ я къ принцессѣ, но меня не пустили въ ея комнату: съ ней былъ Пересь; это взбѣсило меня. Одинъ изъ моихъ слугъ выдалъ нервно, какъ Пересь уходилъ отъ нея въ позвоненное время, да и я самъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ самыхъ оскорбительныхъ сценъ. Это внушило мнѣ мысль убить Переса... Всѣмъ людямъ принцессы» продолжаетъ донъ-Лоренсо «извѣстно, что Эсковедо убить по злобѣ Переса и принцессы.»

Это мнѣніе было тогда общимъ во всей Испаніи, гдѣ болѣе восьми свидѣтелей, принадлежавшихъ къ разнымъ сословіямъ, объявили передъ судомъ, «что Эсковедо убить, защищая честь Рюи Гомеса, бывшаго своего благодѣтеля.»

И дѣйствительно, Пересь и принцесса д'Эболи поклялись погубить Эсковедо, когда послѣдній сталъ угрожать имъ, что откроетъ королю преступныя поступки ихъ. Не разъ, — такъ показавъ при дѣлѣ братъ Эсковедо, — Эсковедо заставлялъ обонхъ ихъ въ комнату *en cosas deshonestas*, и на замѣчаніе его, что онъ долженъ довести объ этомъ королю, принцесса д'Эболи отвѣчала: донесите, если хотите, что я *mas quiero el trasero de Antonio Perez que al rey*. Судьба Эско-

ведо была рѣшена: Филиппъ II, приступая къ убіенію его, опирался на причину чисто-политическую; но Пересъ слѣдовалъ лишь влеченію ненависти и страха: онъ жертвовалъ жизнію своего прежняго друга для собственнаго спасенія. На Переса было возложено выполнение высочайшей воли; въ письмѣ, писанномъ по этому случаю, Филиппъ II изъясняется такъ: «Смертію этого *verdinegro* (*) не должно медлить; онъ не станетъ, вѣроятно, дремать. Дѣйствуйте же, пока еще онъ не «убилъ насъ, скорѣе и, по возможности, скрытнѣе...» Антонио Энрикесъ, пажъ Переса, рассказываетъ, въ рукописномъ допросѣ, всѣ фазы этого заговора слѣдующимъ образомъ:

«Однажды сидѣлъ я вовсе безъ дѣла въ покояхъ Діэго Мартинеса, который правитъ домомъ у Антонио Переса; Діэго спросилъ у меня, не знаю ли я кого-нибудь изъ своихъ земляковъ, кто согласился бы на убійство; за это награждать какъ слѣдуетъ, прибавилъ онъ. Я обѣщался поговорить объ этомъ знакомому мнѣ погонщику муловъ, что было, дѣйствительно, и сдѣлано мною; погонщикъ взялся. Гораздо-послѣ, Діэго Мартинесъ разными околичностями сталъ намекать мнѣ, что человекъ, на жизнь котораго покушаются, лицо значительное, и что Антонио Пересу не безвѣстно это; подобныя вещи, отвѣтилъ я ему, поручаются не погонщикамъ, а людямъ нѣсколько-высшаго званія. Этотъ человекъ, продолжалъ Діэго Мартинесъ, вхожъ къ намъ въ домъ, и если бы подмѣшать ему яду въ пищу или питье, то было бы лучше, вѣрнѣе и не такъ гласно. Мы ударили по рукамъ и уговорились не мышкать.

«Между тѣмъ временемъ представился мнѣ случай ѣхать въ Мурсію. Я увѣдомилъ о томъ Мартинеса, а онъ велѣлъ мнѣ заготовить тамъ нѣкоторыми нужными травами. Я отыскалъ эти травы и переслалъ ихъ къ нему; онъ же, нарочно для этого, пригласилъ къ себѣ изъ Арагоніи аптекаря. У меня въ комнатѣ, аптекарь и Мартинесъ разлагали соки этихъ травъ. Для пробы они дали проглотить пѣтуху частичку приготовленной ими эссенціи, но эссенція оказалась негодной. Аптекарь отослалъ, заплативъ ему за труды.

«Нѣсколько дней спустя, Мартинесъ показалъ мнѣ стекляночку съ водою. Антонио Пересъ, сказалъ онъ мнѣ, не довѣряетъ никому, кромѣ тебя; онъ собирается дать обѣдъ на мызѣ; между гостями будетъ Эсковедо: подливай ему этой воды почаще. Я отказался, объявивъ ему рѣшительно, что не соглашусь на это до-тѣхъ-поръ, пока не прикажетъ мнѣ самъ Антонио Пересъ. Какъ-то вечеромъ, Антонио Пересъ призвалъ меня къ себѣ на мызу и сказалъ, что онъ желаетъ смерти секретаря Эсковедо, и чтобъ я постарался исполнить то, о чемъ просилъ меня Мартинесъ. Антонио Пересъ ласкалъ меня, сулилъ мнѣ подарки и обѣщался мнѣ покровительствовать.

«Меня это очень обрадовало и я обратился къ Мартинесу за наставленіями. Устройство же въ домѣ было таково: въ первой залѣ стояли

(*) *Verdinegro* значитъ буквально: темнозеленый, въ переносномъ же смыслѣ: строгий и злокачественный.

два стола — одинъ для стакановъ, другой для тарелокъ. Отъ этой за-
лы, вправо, была столовая, обращенная окнами въ поле. Между залой
и столовой пахотплась четвероугольная проходная комната, въ родъ
передней. Я долженъ былъ, во время стола, подавать Эсковедо пить,
какъ только онъ потребуетъ. Проходя черезъ перелюку, два раза под-
ливалъ я ему въ вино воды, дапной мнѣ Мартинесомъ, и каждый разъ,
не болѣе того, сколько можетъ вмѣстить въ себя ореховая скорлупа.
Послѣ обѣда Эсковедо ушелъ, а прочіе гости остались играть; Антонио
Пересъ вышелъ на минуту въ одну изъ заднихъ комнатъ, гдѣ управи-
тель и я дали ему отчетъ въ количествѣ воды, наптой въ стакавъ
секретаря Эсковедо, и потомъ сѣлъ опять за карты. Но этотъ напшокъ,
какъ мы слышали послѣ, не подѣйствовалъ.

«Спустя нѣсколько дней послѣ такой неудачи, секретарь Антонио Пе-
ресъ давалъ, въ домѣ графа Пуппон — Ростро, другой обѣдъ; гостей
было много; между ними былъ Эсковедо. Когда стали разносить хо-
лодныхъ сливки и молоко, то подсыпала въ чашку Эсковедо какого-то
порошку, похожаго на муку. Кромѣ того, онъ пилъ по прежнему вино,
растворенное водой. На этотъ разъ порошокъ подѣйствовалъ лучше
воды. Эсковедо, не зная самъ отъ-чего, сильно захворалъ. Во время
болѣзни его, удалось мнѣ сблизить одного изъ моихъ друзей, Хуана Ру-
біо, служившаго на королевской кухнѣ, съ поваромъ секретаря Эско-
ведо, и сблизить такъ, что они стали видѣться другъ съ другомъ каж-
дое утро. Хуанъ Рубіо — а для захворавшаго Эсковедо варился, по
предписанію врача, особенный супъ — Хуанъ Рубіо улучилъ какъ-то
благопріятную минуту и бросилъ въ кастрюлю порошокъ, данный ему
Мартинесомъ; порошокъ было всего съ паперстокъ. Эсковедо хлебнулъ
ложки двѣ этого супу и тотчасъ же догадался, что супъ былъ отрав-
ленъ. Служанку Эсковедо, которой поручено было приготовить этотъ
супъ, схватили и повѣсили понапрасну на мадритской площади.

«Послѣ всѣхъ этихъ пустыхъ попытокъ, Антонио Пересъ прибѣгнулъ
къ другимъ средствамъ, и орудіями смерти были избраны: пистолеть,
шпага или стилеть. Я отправился на родину за однимъ изъ моихъ са-
мыхъ искреннихъ друзей и вѣсть съ тѣмъ, чтобъ отыскать тамъ сти-
леть съ самымъ тонкимъ лезвіемъ; подобные стилеты — замѣчу мимохо-
домъ — лучше всякаго пистолета. Мнѣ дали вексель на полученіе де-
негъ въ Барселонѣ.»

Эррикесъ рассказываетъ, какъ онъ золотомъ и обѣщаніемъ благово-
ленія Переса сманилъ одного изъ своихъ братьевъ, Мигеля Боска, и
прібылъ съ нимъ въ Мадридъ въ тотъ самый день, когда въшли слу-
жанку Эсковедо; какъ Діаго Мартинесъ, во время отсутствія его, на-
писалъ двухъ Арагонцевъ, Хуана де-Месу и Индостивъ, и собралъ ихъ
всѣхъ, на другой день по прібытіи его, за Мадридтомъ, съ тѣмъ, чтобъ
условаться о средствахъ и времени убіенія; какъ Діаго Мартинесъ де-
былъ имъ гдѣ-то широкую и ложчатую до самаго острія шпагу, во-
оружилъ ихъ кинжалами, и какъ Антонио Пересъ ушелъ на всю свя-
тую педалью въ Алкалу, желая, безъ сомнѣнія, отдалить отъ себя ве-
дѣніе въ смерти Эсковедо. Потомъ Антонио Эррикесъ продолжаетъ:

«На малой Площади-св.-Якова мы собирались каждый вечеръ караулить секретаря Эсковедо. Инсости, Хуанъ Рубио и Мигель должны были поджидать его, а Діаго Мартинесъ, Хуанъ де-Меса и я ходить вблизи, чтобъ подать имъ, въ случаѣ нужды, помощь. На второй день пасхи, 31 марта, Хуанъ де-Меса и я опоздали, противъ обыкновенія, явиться въ назначенное мѣсто. Когда пришли мы на Площадь-св.-Якова, товарищей нашихъ уже не было: они отправились слѣдовать за Эсковедо. Бродя вокругъ площади, мы услышали, что Эсковедо убитъ, и разошлись по квартирамъ. У себя въ комнатѣ, нашелъ я Мигеля Боска въ одномъ камзолѣ; плащъ его и пистолетъ были потеряны; а Хуанъ де-Меса встрѣтилъ у дверей своихъ Инсости, который былъ также безъ плаща, и котораго онъ ввелъ къ себѣ тайкомъ».

Эсковедо палъ отъ руки Инсости. Инсости убилъ его однимъ ударомъ шпаги, которую онъ и Хуанъ де-Меса бросили въ колодезь обитаемаго ими дома. Въ ту же ночь, Хуанъ Рубио отправился въ Алкалу, чтобъ извѣстить о всемъ случившемся Переса. Пересъ чрезвычайно обрадовался этому, особенно же, когда услышалъ, что никто изъ убійцъ не былъ пойманъ полиціей. Между-тѣмъ смерть королевскаго секретаря, убитаго на улицѣ, произвела сильную тревогу въ Мадридѣ. Пошли розыскы. Съ слѣдующаго же дня стали задерживать всѣхъ желавшихъ выѣхать изъ города, а 2-го апрѣля владельцы домовъ были обязаны подпиской доставить алькадамъ имена своихъ постояльцевъ. 2-го числа, вечеромъ, пріѣхалъ Пересъ изъ Алкалы въ Мадридъ. Онъ казался спокойнымъ и даже осмѣлился навѣстить сына Эсковедо, въ скорби котораго принималъ, по-видимому, сердечное участіе, и который предался ему, какъ другу семейства, со всею искренностью и доверчивостью. Впрочемъ, эта наглая самоуверенность не избавила его ни отъ самыхъ мучительныхъ сдѣлъ, ни отъ подозрѣній и замѣшательства; казнь его, начавшись страхомъ, окончилась муками пытки и изгнанія. Прежде всѣхъ посѣтилъ его придворный алькадъ, Герванъ Веласкесъ, который, притворяясь откровеннымъ, озадачивалъ его самыми лукавыми вопросами. Но Пересъ, платя ему тѣмъ же, сваливалъ всю вину убійствъ на Флаврiю и на недовольныхъ солдатъ, или приписывалъ его какой-нибудь любовной интригѣ. Потомъ явился къ нему зять алькада, Гарсія де-Арсе, и съ той же самой цѣлью: подмѣтить въ Пересѣ смущеніе и выведать отъ него тайну. Друзья Эсковедо уже строили Пересу ковы, а вдова, менѣе легковѣрная, чѣмъ сынъ, открыто преслѣдовала своими подозрѣніями его и герцога Альбу. Описавъ Филиппу II, бывшему въ это время въ Эскуріалѣ, волненіе Мадрида, толки и предположенія, ходившіе въ обществѣ, Пересъ съ горестію прибавляетъ: «Да будетъ же безъизвѣстно вашему величеству, что «я во всѣхъ вышеупомянутыхъ мною случаяхъ выносилъ самую горькія испытанія». Король отвѣчалъ ему: «Будьте благоразумны и говорите какъ-можно меньше; они засыпятъ васъ словами единственно съ тѣмъ, чтобъ на чемъ-нибудь уловить васъ. Испытанія неизбѣжны, «но притворствомъ и хитростью старайтесь вышутаться изъ нихъ».

Не зная, какъ выжить убійцѣ изъ Мадрита, Пересъ пишетъ королю въ томъ же самомъ письмѣ: «Мои молодцы еще въ Мадритѣ; въ эту суматоху боюсь распустить ихъ. Четверо здѣсь, а пятый въ Алкаль, «на моемъ издивеиіи... Я напужайше приказалъ имъ не трогаться ни на шагъ отсюда, и думаю отправить ихъ съ какими-нибудь деспешами, по порознь, потому-что вся шайка ихъ, какъ я слышалъ, изсчитены алькадами». Король, одобряя его осторожность, - отвѣчаетъ: «Вы распорядились превосходно. Оставьте ихъ пока въ городѣ, а между-тѣмъ наблюдайте за ходомъ дѣлъ. Теперь же, Бога ради, не отсылайте ихъ съ деспешами». Но Пересу удалось вскоре сбить ихъ съ рукъ, и отстранить отъ происковъ полиціи. Онъ щедро награждалъ ихъ. Мигель Воскъ получилъ сто золотыхъ экю отъ Фердинанда де-Эскобара, псаца въ домъ Антоніо Переса, и возвратился на родину. Хуанъ де-Меса, Антоніо Энрикесъ, Хуанъ Рубіо и Иисости отправились въ Арагонію. Сперва они поехали въ Бабьеру, а оттуда въ Сарагоссу. Хуана де-Месу наградили золотой цѣпью, пятьюдесятью дублонами въ восемьсотъ или четыреста золотыхъ экю, и чашей изъ самаго чистаго серебра. Принцесса д'Эболи дала ему должность въ своихъ помѣстьяхъ. Трѣмъ остальнымъ Діаго Мартинесъ доставилъ патенты на чинъ альфереса, или прапорщика, съ опредѣленіемъ имъ жалованья въ двадцать золотыхъ экю. Съ этими патентами, скрѣпленными Филиппомъ II-мъ и Пересомъ, убійцы, 19 апрѣля 1578 года, ровно черезъ двѣнадцать дней по убіеніи Эсковеда, разсѣялись по назначеннымъ имъ мѣстамъ. Хуанъ Рубіо удалился въ Миланъ, Антоніо Энрикесъ въ Неаполь, а Иисости въ Сицилію. Такимъ-то образомъ укрылись они отъ мести несчастнаго семейства Эсковеда, которое едва-едва могло отыскать въ послѣдствіи затерявшіеся слѣды ихъ!

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1847 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ.)

Обнародовано Высочайше-утвержденное положеніе о размежеваніи земель черноморскаго казачьяго войска.

— Въ отношеніи лицъ, испрашивающихъ дозволенія на устройство желѣзныхъ дорогъ въ видахъ частнаго предпріятія, Высочайше повелѣно: 1) чтобъ каждая компанія, при представленіи устава и проектовъ на сооруженіе желѣзной дороги, представляла непременно и пять процентовъ капитала, на сооруженіе дороги и всѣхъ къ ней принадлежностей потребнаго, въ обезпеченіе зрѣлаго исполненія предпріятія; 2) безъ этого залога не входить въ разсмотрѣніе ни устава, ни проектовъ; 3) самый капиталъ, составляющій залогъ, принимать отъ компаніи на слѣдующемъ основаніи: а) капиталъ этотъ остается принадлежностью компаніи, вносится въ кредитныя установленія и возвращается компаніи со всѣми накопившимися процентами по совершенномъ окончаніи желѣзной дороги и начатіи дѣйствія по всему ея протяженію; б) такъ-какъ залогъ этотъ требуется въ видахъ ручательства въ исполненіи предпріятія, то въ случаѣ невыполненія его изъ залога удерживается то, что можетъ причитаться за бесплатное отобраніе отчужденныхъ подъ дорожную земель и угодій въ вознагражденіе убытковъ, казною и посторонними лицами отъ предпріятія подесевныхъ, до драговору досредивческой томъ комиссія.

— Обнародована декларация, размынная 20 мая (1 июня) сего года между государственным канцлером иностранных дел и пребывающим при Высочайшем дворе шведским и норвежским посланником, г. Нординымъ, о периодическомъ чрезъ каждыя двадцать-пять лѣтъ пересмотрѣ и возобновленіи пограничной черты между Россією и Норвегією.

— Шемахинскимъ промышленникамъ, занимающимся выдѣлкою шелковыхъ издѣлій, дозволено, въ видѣ изъятія изъ правила, помѣщенного въ ст. 2247 т. VI Св. Уст. и Учр. Тамож., изд. 1842 г., отправлять по почтѣ въ Россію безъ таможенныхъ свидѣтельствъ шемахинскія шелковыя издѣлія, но не иначе, какъ съ свидѣтельствами мѣстнаго начальства, въ которыхъ должно содержаться подробное описаніе качества и количества пересылаемыхъ издѣлій съ удостовѣреніемъ, что оныя действительно шемахинскія произведенія. (Высоч. повел. 29 мая.)

— Въ дополненіе къ правиламъ о транзитѣ европейскихъ товаровъ чрезъ Закавказскій-Край въ Персію, Высочайше-утвержденнымъ 14 декабря 1846 года, Государь Императоръ изволилъ признать полезнымъ и необходимымъ, для усиленія этого транзита, открыть еще транзитъ европейскихъ товаровъ между Одессою и Закавказскимъ-Краемъ. Съ этою цѣлію Его Величество въ 29-й день минувшаго мая Высочайше соизволилъ утвердить представленныя намѣстникомъ кавказскимъ и рассмотрѣнныя Кавказскимъ Комитетомъ правила для отправленія изъ Одессы въ Закавказскій-Край иностранныхъ товаровъ, неочищенныхъ пошлиною.

— Обнародовано вновь-изданное VIII Продолженіе Свода Законовъ изд. 1842 года.

— Въ-слѣдствіе прошенія Правленія Общества Царскосельской Железной Дороги о дозволеніи дорогу эту продолжать до Гатчины, Высочайше повелѣно: 1) предоставить Обществу продолженіе предполагаемой дороги до Гатчины провѣзеть по представленному при этомъ прошеніи проекту, который Его Императорское Величество изволилъ утвердить; 2) дозволить Обществу исчисленную на продолженіе упомянутой железной дороги сумму 875,000 р. сер. собрать выпускомъ, въ дополненіе къ выходящимся 17,500 акціямъ царскосельской дороги, еще такого же числа акцій по 50 р. сер. каждая; 3) предоставить обществу по сооруженію царскосельско-гатчинской железной дороги все тѣ права и преимущества, которыя были дарованы обществу положеніемъ 21-го марта 1836 года при сооруженіи царскосельской железной дороги.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Постановлено, чтобъ паспорта на отлучки купцамъ и мѣщанамъ выдавать изъ городскихъ думъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — изъ ратушъ; изъ магистратовъ же выдавать паспорта въ тѣхъ только городахъ остзейскихъ и западныхъ губерній, гдѣ эти мѣста завѣдываютъ дѣлами общественнаго хозяйства. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 12 мая.)

— Дарованное въ 1826 году городу Ревелю на шесть лѣтъ и потомъ продолженное разными Высочайшими повелѣніями по 1-е января 1848 года право получать въ пособіе десять процентовъ изъ таможеннаго дохода по ревельской таможнѣ, продолжено еще на шесть лѣтъ по 1-е января 1854 года, на прежнемъ основаніи, т. е. съ тѣмъ, чтобъ сумма сія составляла не меньше 4571 р. 42 $\frac{1}{2}$ коп. и не болѣе 8571 р. 42 $\frac{1}{2}$ коп. въ годъ. (Высоч. повел. 21 іюня.)

— По уваженію затрудненій, встрѣчаемыхъ уздными казначействами отъ недостатка чиновниковъ, по причинѣ получаемаго ими по прежнимъ штатамъ ограниченнаго содержанія, назначена, по Высочайше-утвержденной государственной росписи о доходахъ и расходахъ на 1847 г., особая сумма на возвышеніе окладовъ чиновникамъ уздныхъ казначействъ, по сравненію оныхъ съ другими уздными частями, съ тѣмъ, чтобъ распределеніе назначенной добавки въ частности произведено было тѣмъ же порядкомъ, какъ сіе было сдѣлано въ 1843 году съ окладами членовъ и секретарей казенныхъ палатъ. Составленное на семъ основаніи въ Министерствѣ Финансовъ росписаніе для уздныхъ казначействъ въ губернскихъ и уздныхъ городахъ со включеніемъ добавокъ министръ финансовъ вносилъ въ Комитетъ Министровъ, журналомъ котораго, Высочайше утвержденнымъ 30 сентябрюшаго мая, постановлено: 1) росписаніе окладовъ для чиновниковъ уздныхъ казначействъ утвердить; 2) отпускъ добавочныхъ денегъ, причитающихся къ составу новыхъ окладовъ, начать съ 1-го января сего года; 3) въ тѣхъ уздныхъ казначействахъ, гдѣ нынѣ, по распоряженію казенныхъ палатъ, находится число чиновниковъ болѣе противъ назначеннаго росписаніемъ, предоставить начальствамъ излишнихъ лицъ немедленно представлять къ другимъ соответствующимъ должностямъ; тѣмъ же, которые и за сѣмъ останутся безъ должностей, выдать годовые оклады получаемаго ими жалованья на счетъ помянутой выше суммы, опредѣленной по росписи текущаго года.

— Военнымъ губернаторамъ тифлисскому, кутаисскому, шемахинскому, дербентскому и джаро-бьлокванскому окружному начальнику предоставлена по военно-судной части власть дивизионныхъ начальниковъ, съ присвоеніемъ имъ права рѣшать окончательно следственные и военно-судныя дѣла о жителяхъ Закавказскаго-Края, предаваемыхъ суду за грабежи и разбои, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіи не открыты, или по немнѣнію ясныхъ доказательствъ къ осужденію подсудимыхъ, не будутъ они подлежать никакому наказанію, или же должны быть оставлены въ подозрѣніи болѣе или менѣе сильномъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

Сяктпетербургскій Опекунскій Советъ испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на дозволеніе воспитанникамъ Училища Глухонемыхъ дворянскаго происхожденія, которые впредь выпускаемы будутъ изъ помянутаго училища, поступать прямо на службу въ департаменты и канцеляріи министерствъ и отдѣльныхъ управленій, не обязывая ихъ прослужить, по силѣ 369 ст. т. III Св. Зак. Гражд.

(над. 1842 г.), три года въ настоящ. губернскихъ, или нѣтъ разныхъ. На всеподданнѣйшей докладной статс-секретаря Гофмана по саму предмету записка Его Величеству благоудовно было собственноручно написать: «Согласенъ; но могутъ определяться и въ присутственныя мѣста».

— Должность обер-гауптмана въ Курляндіи причислена къ V разряду пенсіонныхъ окладовъ.

— На основаніи 1346 ст. III т. Св. Зак. о Служ. Гражд. въ послужные списки вносятся не только состоящее за чиновникомъ, за родителями его или за женою недвижимое имѣніе съ крестьянами, но также фабрики, заводы, ненаселенныя земли и дома, съ показаніемъ о земляхъ количества десятинъ, и о домахъ, каменные ли они или деревянные и въ какомъ именно городѣ находятся; сверхъ этого должно быть объясняемо: родовое ли то имѣніе или благопріобретенное. Государь Императоръ, усматривая нынѣ, что въ противность этого постановленія формулярные списки заключаютъ не только не полныя, но совершенно ошибочныя по этому предмету показанія, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) строжайше подтвердить, чтобъ въ формулярныхъ спискахъ означено было со всею определенностью, по точному смыслу вышеприведеннаго закона, родовое и благопріобретенное недвижимое имѣніе каждаго; 2) за ложныя въ этомъ отношеніи показанія, подвергать виновныхъ той же ответственности, какой подлежали бы они по закону за представленіе всякаго другаго фальшиваго документа; 3) за всякую невѣрность представляемаго формулярнаго списка, подвергать законному взысканію непосредственно самихъ виновныхъ въ доставленіи своему начальству ошибочныхъ объ имѣніи своемъ свѣдѣній, и 4) лица, обязанныя представлять ежегодно сами въ Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго Вѣдомства формулярные свои списки съ подлежащими документами, пріемлютъ на себя прямую въ томъ ответственность.

— По вопросу относительно вычетовъ, которые слѣдуетъ производить у чиновниковъ, увольняемыхъ въ отпускъ долѣе 29 дней, постановлено: 1) при увольненіи въ отпускъ чиновъ гражданского вѣдомства на время свыше 29 дней, удерживать у нихъ какъ определенное штатами, такъ и производимое по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ содержаніе, подъ какимъ бы наименованіемъ оно ни назначалось, кромѣ однако получаемыхъ по службѣ пенсіонныхъ, арендныхъ и квартирныхъ денегъ, и не требуя притомъ возврата выданныхъ, прежде увольненія въ отпускъ впродъ за одинъ мѣсяцъ столовыхъ денегъ; 2) если увольняемый въ отпускъ чиновникъ получаетъ содержаніе по двумъ или болѣе должностямъ, то вычетъ на вышеннеложенномъ основаніи производить по всемъ занимаемымъ имъ должностямъ; 3) существующія узаконенія, которыми для производства разнородныхъ окладовъ назначены по особымъ уваженіямъ положительныя срѣки, оставить и впродъ въ своей силѣ; 4) удерживаемыя за время отпуска деньги передавать, по содержанію 610 ст. Устава о Пошлинахъ (Св. Зак. т. V) въ узаконенныя казначейства, для причисленія къ общимъ государственнымъ доходамъ; кромѣ тѣхъ только вычетовъ, которые, по определеннымъ въ законѣ правиламъ, подлежатъ отчисленію въ особыя суммы, или экономическія

капиталы, и 5) ностановляемыя по настоящему предмету правила относятся собственно до отпусковъ, закономъ дозволенныхъ, которые, на основаніи 1146 ст. Уст. о Служ. по опред. отъ Правит. (Св. Зак. т. III) болѣе 4 мѣсяцевъ продолжаться не могутъ; увольненіе же на сроки долѣе этого времени зависитъ исключительно отъ Его Императорскаго Величества; при чемъ, согласно съ Высочайшею волею, дѣлаются распоряженія и на счетъ получаемаго увольняемымъ содержанія (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 2 іюня).

IV. Законы гражданскіе.

По вопросу о томъ, какииъ-образомъ поступать съ имуществомъ ссыльныхъ, приобретеннымъ во время пребыванія ихъ въ ссылкѣ, постановлено: 1) сила содержащихся въ Уставѣ о Ссыльныхъ узаконеній (Св. Зак., т. XIV; ст. 1715 — 1719) касательно остающихся послѣ смерти ссыльныхъ собственныхъ ихъ денегъ, распространяется на всѣ вообще движимыя имущества, ссыльными въ Сибири приобретенныя; 2) сообразно съ этимъ, означенныя имущества, по смерти ссыльныхъ, переходятъ къ находящимся въ Сибири прямымъ ихъ наследникамъ и женѣ въ слѣдующей ей по закону частѣ. При неизмѣнн же прямыхъ наследниковъ, движимыя имущества поступаютъ къ женамъ ссыльныхъ, какъ пришедшахъ съ ними въ Сибирь по своей волѣ, такъ и вышедшихъ за нихъ замужъ во время ссылки. По смерти женъ ссыльныхъ, право означеннаго наследованія, на томъ же основаніи, принадлежитъ мужьямъ ихъ, или родителямъ одного съ ними званія, или пришедшимъ съ ними въ Сибирь по своей волѣ; 3) когда послѣ умершихъ ссыльныхъ не окажется въ Сибири прямыхъ наследниковъ и никого изъ упомянутыхъ выше лицъ, имѣющихъ право на полученіе движимаго ихъ имущества, то оное къ наследникамъ, пребывающимъ во внутреннихъ губерніяхъ, не обращается, а поступаетъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ чрезъ продажу установленнымъ образомъ; 4) на этомъ основаніи поступаетъ съ движимымъ имуществомъ и въ томъ случаѣ, когда ссыльный за новое преступленіе будетъ удаленъ изъ мѣста жительства въ другую сибирскую губернію или область; 5) указанный порядокъ наследованія соблюдается и въ-отношеніи недвижимыхъ имущества, приобретенныхъ ссыльными до состоянія Высочайше утвержденного 28 іюня 1845 года мѣсяца Государственнаго Совѣта, если только о нихъ имуществахъ не будетъ, по силѣ примѣчанія къ ст. 624 Зак. Гражд. (Св. Зак., т. X, Прод. III) сдѣлано особаго распоряженія (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 12 мая).

V. Законы уголовныя.

— Постановлено, чтобъ дѣла о самовольныхъ порубкахъ казенныхъ лесовъ изъ Правительствующаго Сената на заключеніе министра государственныхъ имуществахъ не препровождать, а состоявшіеся по сему дѣламъ въ Сенатѣ опредѣленія, когда съ государственныхъ крестьянъ за означенныя порубки присуждаются личныя изъисканія, вносить къ министру юстиціи. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 26 мая).

==

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІЮЛЬ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — Высочайше утверждено положеніе о Санктпетербургскомъ Высшемъ Коммерческомъ Пансіонѣ. Представляетъ изъвлечение изъ сего положенія. Этотъ пансіонъ учрежденъ на 50 пансіонеровъ и 25 полупансіонеровъ для образованія дѣтей почетныхъ гражданъ, російскихъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, иностранныхъ гостей, ученыхъ, художниковъ и иностранцевъ изъ вышеупомянутыхъ сословій, къ дѣламъ коммерціи и для приготовленія ихъ къ занятіямъ негодіантовъ. Это учрежденіе, состоя подъ главнымъ и непосредственнымъ завѣдываніемъ попечителя, управляется совѣтомъ, составленнымъ изъ почетныхъ негодіантовъ, принадлежитъ ко второму разряду учебныхъ заведеній. Совѣтъ пансіона состоитъ изъ восьми действительныхъ членовъ, изъ извѣстнѣйшихъ по заграничной или по внутренней торговлѣ санктпетербургскихъ и имѣющихъ постоянное жительство въ Санктпетербургѣ иногородныхъ купцовъ 1-й и 2-й гильдій и иностранныхъ гостей. Члены избираютъ изъ среды своей ежегодно, по большинству голосовъ, одного въ председатели, для удобнѣйшаго управленія дѣлъ, и о семъ выборѣ доносятъ къ свѣдѣнію попечителю. Действительные члены совѣта, доколь остаются въ семъ званіи, считаются въ городской службѣ, наравнѣ съ высшими по купеческимъ выборамъ должностямъ, кромѣ городского головы, и могутъ быть, сверхъ сего званія, избираемы въ городскую службу не иначе, какъ по собственному ихъ согласію. Пансіонъ поручается директору съ содѣйствіемъ помощника его, который притомъ исправляетъ должность инспектора. Они избираются совѣтомъ и опредѣляются съ утвержденія попечителя. Для воспитанія и ученія воспитанниковъ, совѣтъ, по представленіямъ директора, опредѣляетъ гувернёровъ и учителей. При совѣтѣ находится секретарь. Одинъ директоръ и помощникъ его считаются въ действительной государственной службѣ, и первый полагается въ VI-й а второй въ VII-мъ классъ; но могутъ быть опредѣляемы чинами выше и ниже сихъ классовъ, на общемъ основаніи. Директоръ, помощникъ его и одинъ изъ гувернёровъ, по назначенію совѣта, составляютъ комитетъ пансіона, завѣдывающій хозяйственнымъ и учебною частію по заведенію. Директоръ есть председатель сего комитета. Пансіонъ содержится изъ платы за воспитанниковъ, полагая за пансіонера до 500

руб. сер., а за полупансионера по 300 р. серебромъ въ годъ. Пансіонъ имѣетъ право принимать пожертвованія денежныхъ суммъ или недвижимыхъ имуществъ, владѣнію купечества предоставленныхъ. Сдѣланные значительныя пожертвованія, могутъ быть представляемы попечителемъ къ соответствующимъ пожертвованію наградамъ; а нѣкоторые удостоиваются званія почетныхъ членовъ Совета Высшаго Коммерческаго Пансіона и за тѣмъ приглашаются засѣдать въ немъ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Также выбывшіе изъ Совета дѣйствительные члены могутъ сохранять званіе почетныхъ членовъ совета. Пансіонеры и полупансіонеры принимаются отъ 8 до 15 лѣтъ. Тѣ изъ нихъ, которые по рожденію своему не принадлежатъ къ потомственному почетному гражданству и окончили съ успѣхомъ полный курсъ ученія, съ одобренія совета пансіона, удостоиваются, по представленію попечителя въ Правительствующій Сенатъ, званія личнаго почетнаго гражданства. О пансіонерахъ, особенно отличившихся успѣхами въ наукахъ и благопріемъ, попечитель доводитъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Для достиженія предположенной цѣли приготовленія юношей къ коммерческимъ занятіямъ, преподаются имъ, сверхъ предметовъ общаго образованія, всѣ науки, собственно негоціанту необходимыя, безъ излишняго однакожъ распространенія предметовъ ученія.

Благодѣтельность. — Обнародованъ Высочайше утвержденный уставъ Дома Воспитанія Бѣдныхъ Дѣтей, состоящаго въ вѣдѣнствѣ Человѣколюбиваго Общества. Главныя черты этого устава слѣдующія: Домъ Воспитанія имѣетъ цѣлью призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ дѣтей мужескаго пола, съ доставленіемъ образованія, соответствующаго будущему ихъ назначенію. На этомъ основаніи Домъ Воспитанія приготовляетъ дѣтей, имѣющихъ, по происхожденію своему, право на вступленіе въ гражданскую службу, къ канцелярскимъ и счетнымъ должностямъ, а неимѣющихъ этого права — къ конторскимъ занятіямъ и счетоводству на заводахъ, фабрикахъ и въ домахъ русскаго купечества. Домъ Воспитанія содержитъ 132 воспитанниковъ и 8 постоянныхъ пансіонеровъ; впрочемъ, число тѣхъ и другихъ можетъ быть увеличено, сообразно съ средствами Человѣколюбиваго Общества. Принимаются безмездно воспитанники Ивановскаго Малолѣтнаго Отдѣленія, достигшіе десяти-лѣтняго возраста и дѣтъ всякаго свободнаго состоянія, по уваженію къ ихъ бѣдности и сиротству. Въ Домъ Воспитанія могутъ, по усмотрѣнію Совета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, быть принимаемы и пансіонеры на-счетъ благотворителей, съ платою ежегодно за каждаго по 120 рублей и одновременно 30 рублей серебромъ на первоначальное обзаведеніе. Курсъ ученія раздѣляется на шесть классовъ, въ томъ числѣ одинъ приготовительный, для обученія началамъ Закона Божія, чтенію, письму и первымъ четыремъ правиламъ ариметики. Для каждаго класса назначается по одному году. Въ послѣдующихъ за тѣмъ пяти классахъ преподаются: 1) Законъ Божій, русскій языкъ, математика, географія всеобщая и въ особенности русская, со включеніемъ статистическихъ свѣдѣній, исторія всеобщая и въ особен-

ности русская, съ обращеніемъ вниманія на ходъ русскаго законодательства, бухгалтерія, русскіе законы, общій канцелярскій порядокъ и формы дѣлопроизводства, съ упражненіемъ въ сочиненія дѣловыхъ бумагъ и коммерческихъ писемъ, каллиграфія, рисованіе и черченіе. Чтецовники и учителя Дома Воспитанія состоятъ въ государственной службѣ. Воспитанники и пансіонеры, окончившіе полный курсъ ученія и удостоенные одобрительныхъ аттестатовъ, если при томъ имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу, освобождаются отъ повинности, установленнаго для производства въ первый классный чинъ; происходящіе же изъ свободнаго состоянія признаются изъятыми отъ телеснаго наказанія, и сверхъ того, каждому изъ нихъ дозволяется, и личное увольненіе отъ рекрутской повинности, при наступленіи очереди, вносить въ казну по сту пятидесяти рублей серебромъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССИИ.

Статья первая.

СЪВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ПОЛОСА РОССИИ.

Изобиліе лѣсовъ, пастбищъ и болотъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ плодороднаго чернозема, представляетъ земледѣльцу этой полосы богатое поприще, но онъ, можно сказать, пренебрегаетъ землепашествомъ, имѣя болѣе выгоды въ лѣсномъ, звериномъ и рыбномъ промыслахъ. Крестьянинъ занимается здѣсь посѣвомъ хлѣба единственно для того, чтобъ доставить себѣ пропитаніе, съ малымъ избыткомъ, потому-что промыслы доставляютъ ему безбѣдное состояніе. Два-три удачные выстрѣла могутъ доставить иренскому или устьсысольскому крестьянину болѣе, нежели крестьянинъ южной губерніи приобретаетъ отъ земледѣлія трудами цѣлаго года. Недавно стали крестьяне сѣять картофель и разводить овощи, удостовѣрясь, что они приносятъ имъ большую пользу въ домашнемъ обиходѣ. Несомнѣнно, что этотъ первый шагъ

къ разнообразію сельскихъ произведеній укажетъ имъ, что можетъ производить ихъ земля при надлежащемъ воздѣлываніи и удобреніи.

Сѣверо-восточная полоса Россіи заключаетъ въ себѣ губерніи: 1) Архангельскую, 2) Вологодскую и 3) сѣверныя части губерній: Пермской, до города Кунгура; Вятской до рѣки Чепцы; Костромской до города Костромы и угодъ Ярославской до города Рыбаска.

1) *Архангельская-Губернія*. Все пространство губерніи, за исключеніемъ острововъ, лежащихъ на Бѣломъ-Морѣ и Сѣверномъ-Океанѣ, занимаетъ до 78,836,848 десятинъ. Изъ этого числа удобной считается только 30,102,146 десят., остальная же часть занята тундрами, болотами и водою.

По всей сѣверной части Архангельской-Губерніи, параллельно съ морскими берегами, тянется отрасль огромнаго хребта, известнаго подъ именемъ Скандинавскихъ-Горъ. На восточной же границѣ губерніи находится продолженіе горъ Уральскаго-Хребта. Вообще, вся поверхность этой полосы представляетъ двѣ наклонности: одну съ востока на западъ, другую съ юга на сѣверъ. По этимъ наклонностямъ, въ тѣхъ же направленіяхъ, ниспадають многосленные рѣки въ Бѣлое-Море и Сѣверный-Океанъ.

Почва въ Архангельской-Губерніи большею частію песчаная или глинистая, покрытая въ сухихъ мѣстахъ лѣсомъ, а въ сырыхъ тундрами. Черноземъ встрѣчается только въ болотистыхъ равнинахъ и въ логахъ между горъ, гдѣ онъ образовался отъ стока растительнаго перегноя и подъ вѣковыми лѣсами. Въ южной части губерніи, при надлежащемъ воздѣлываніи, почва довольно-плодородна.

Климатъ Архангельской-Губерніи суровый, но по большому пространству суровость эта не вездѣ одинакова. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ограждены отъ Сѣвернаго-Океана поперечно горами, недопускающими морскаго холоднаго вѣтра, климатъ примѣтно умѣреннѣе. Вообще, климатъ этой губерніи здоровый. Не смотря на множество болотъ, находящихся на ея сѣверѣ, онъ тамъ гораздо чище, нежели въ южной части, потому-что испаренія болотъ очищаются послѣ жаровъ холодомъ. Въ жаркіе лѣтніе дни случаются густые туманы, которые способствуютъ росту хлѣба и травы.

Все народонаселеніе Архангельской-Губерніи состоитъ изъ 107,617 душъ мужскаго и 114,784 душъ женскаго пола, всего 222,401 душа (*).

(*) Изъ этого числа крестьянъ казенныхъ 143,300 душъ обоаго пола.
— — — — — удѣльныхъ 47,600 — — —

Кромѣ Русскихъ, губернію населяютъ Самовды, Лопари, Корелы и Зыряне.

Русскіе живутъ зажиточнѣе другихъ племенъ: избы ихъ большею частію бѣлыя, т. е. печи въ нихъ дѣлаются съ трубами, избы строятся въ два этажа, изъ которыхъ въ нижнемъ, называемомъ ошаникомъ, помѣщается домашній скотъ, а въ верхнемъ живетъ самъ хозяинъ съ семействомъ. Для овецъ, коровъ и лошадей строятъ подъ одну кровлю съ избою скотный дворъ изъ бревенъ. Вся строенія покрываются тесомъ и дранью и очень-рѣдко соломой. Пища крестьянъ обыкновенно состоитъ изъ рыбы, мяса, ржаного съ примѣсью ячменнаго хлѣба, изъ огородныхъ овощей и изъ молока и масла. Въ праздничные дни обѣдъ рѣдко обходится безъ мяса; вообще, пища ихъ изобильна, и даже можно сказать роскошна.

Самовды ведутъ большею частію жизнь кочевую. Жилища ихъ состоятъ изъ кибитокъ наподобіе калмыцкихъ; эти кибитки, во время перемѣны мѣста, перевозятся на оленяхъ. Языкъ Самоѣдовъ отличается отъ другихъ финскихъ нарѣчій своею бѣдностію и краткостію. Народъ этотъ миролюбивъ, честенъ, не любитъ ссоръ и дракъ, хотя постоянно бываетъ вооруженъ. Одежда Самоѣдовъ состоитъ изъ однихъ оленьихъ кожъ. Пищу ихъ составляютъ мясо звѣрей и рыба, а въ случаѣ нужды и мясо и жиръ морскихъ животныхъ. За исключеніемъ 3000 Самоѣдовъ, остальные донинѣ находятся въ идолопоклонничествѣ.

Лопари живутъ въ такъ-называемой Русской-Лапландіи и населяютъ цѣлыя селенія. Нарѣчіе ихъ похоже на финское; однако они всѣ хорошо говорятъ по-русски. Эти дикари исповѣдуютъ греко-россійскую вѣру. Нрава они смирнаго, даже робкаго, но всегдѣ тѣмъ упрямы и не смотря на наружное простодушіе, всегда готовы на обманъ. Лопари питаются оленьимъ мясомъ, рыбою, но отъ сближенія съ Русскими привыкли къ хлѣбу, который обыкновенно пекутъ прѣсный, на угляхъ, изъ ржаной муки, покупаемой въ Коля, съ примѣсью толченой сосновой коры. Одежда Лопарей также состоитъ изъ оленьихъ кожъ и звѣриныхъ шкуръ.

Корелы и Зыряне слились съ Русскими и мало отличаются отъ нихъ своимъ бытомъ. Нарѣчія Корель и Зырянъ сходны между собою.

Земледѣліе въ Архангельской-Губерніи очень ограничено, потому-что распространенію и успѣхамъ его препятствуетъ суровый климатъ и болотистая почва. Въ сѣверной части губерніи, по совершенному неплодородію почвы, земледѣльствомъ всегдѣ не занимаются. Въ прочихъ частяхъ земледѣліемъ занимаются не бо-

две 4 мѣсяцѣ въ году, остальное же время года употребляется на другіе промыслы.

Всѣхъ пахатныхъ земель въ губерніи считается до 78,857 десятинъ, что составляетъ на каждую мужескую равнскую душу пахатной земли по 1,800 квадрат. саж.

Главныя условія хорошаго урожая въ Архангельской-Губерніи суть ранній посѣвъ и удобреніе полей подѣ каждый плодъ. Навозъ обыкновенно вывозятъ зимою и количество его иногда доходитъ до 20 возовъ на четверикъ посѣва. Такое удобреніе подѣ каждый посѣвъ хлѣба необходимо, потому-что на скудной почвѣ, безъ искусственныхъ средствъ, растеніе въ короткое лѣто не успѣло бы развиться и достаточно окрѣпнуть. По недостатку навоза для удобренія полей, мѣстами употребляютъ торфъ и болѣе древесную золу. Торфъ собираютъ изъ тундръ, складываютъ въ кучи и такъ оставляютъ до осени; осенью разстилаютъ его на скотныхъ дворахъ и къ веснѣ превращается онъ въ превосходный тукъ.

Системы полеводства въ сѣверныхъ частяхъ губерніи совершенно вольныя; въ южныхъ, трех-польныя съ паромъ.

Изъ хлѣбныхъ растений въ Архангельской-Губерніи преимущественно сѣютъ ячмень; онъ во всѣхъ мѣстахъ родится хорошо, но часто подвергается раннимъ инеямъ и морозамъ. Для избѣжанія этого неудобства, во многихъ мѣстахъ губерніи жнутъ его незрѣлымъ, и потомъ уже искусственно доводятъ до такого состоянія, что зерно дѣлается годнымъ на посѣвъ. Для этого ячмень въ связкахъ развѣшиваютъ на изгородахъ, или на особо-устроенныхъ козлахъ, колосьями внизъ; оставаясь въ такомъ положеніи двѣ или три недѣли, онъ совершенно дозрѣваетъ. Рожь светса только озимая, и то въ чрезвычайно-маломъ количествѣ. Овесъ, пшеница и горохъ высѣваются исключительно въ одномъ Шенкурскомъ-Уездѣ.

Урожай хлѣба бывають очень-скудные, такъ-что собственнаго хлѣба никогда не достаетъ на пропитаніе жителей. Этотъ недостатокъ пополняется привозомъ хлѣба изъ соседственныхъ губерній. Важнымъ пособіемъ въ продовольствіи жителей служатъ рыба, огородныя овощи, а въ особенности творогъ, молоко, грибы и ягоды.

Огородничество. Разведеніе огородныхъ овощей по суровости климата прежде считали невозможнымъ, но теперь, особенно въ южной полосѣ, огороды разводятся повсемѣстно и произрастають: рѣпа, брюква, капуста, картофель, словомъ, всѣ употребляемые въ пищу овощи. На сѣверѣ сѣютъ только рѣпу и брюкву.

Луга и пастбища. Сенокосныхъ луговъ въ губерніи вдвое болѣе противъ количества пахатной земли. Берега рѣкъ Двины, Пинеги и Мезени въ особенности богаты тучною травою. Ростъ травы въ означенныхъ мѣстахъ исключительно происходитъ отъ-того, что

прибрежныя долины, ежегодно понижаемыя водою, удобряются оседающимъ иломъ. По обилію произрастающихъ травъ, травосѣяніемъ не занимаются, также и осушеніемъ болотъ и другихъ неудобныхъ мѣстъ. Пастбищами въ Архангельской-Губерніи служатъ: поля, по уборкѣ съ нихъ сѣна, поемныя луга, лѣса и болота въ жаркое сухое время.

Скотоводство. Въ тѣхъ мѣстахъ губерніи, которыя изобилуютъ хорошими лугами и пастбищами, скотоводство идетъ довольно-успѣшно. Холмогорскій скотъ славится своею крупною породою и молочностію; обыкновенно одна корова даетъ тамъ отъ двухъ до трехъ ведеръ молока въ сутки. Еще со временъ Петра-Великаго, который перевезъ изъ Голландіи въ Холмогоры до 3000 головъ рогатаго скота, отъ котораго и произошла тамошняя порода, ведется донинѣ въ Холмогорскомъ Уѣздѣ хорошее племя; голландскіе скотоводы, привезенные Петромъ-Великимъ, приучили туземцевъ ходить за скотомъ. Этотъ скотъ, разведенію котораго мы единственно обязаны мудрому преобразователю нашего отечества, составляетъ народное богатство сѣверо-восточной полосы Россіи. Не замѣтно, чтобъ количество холмогорскаго скота значительно увеличивалось, вѣроятно потому-что оттуда отправляется скотъ во множествѣ въ Санктпетербургъ на продажу. Конскихъ заводовъ въ губерніи нѣтъ, но торговля лошадьми не маловажна; въ особенности лошади мезенскія извѣстны своею крѣпостію и красотою. Овцы въ губерніи простой породы, шерсть ихъ идетъ только на домашнее употребленіе.

Лѣса. Архангельская-Губернія, за исключеніемъ ея сѣверныхъ частей, богата строевымъ лѣсомъ. Изъ хвойныхъ породъ тамъ въ изобиліи произрастаютъ кедръ, лиственница, ель, сосна и пихта, изъ лиственныхъ: береза, осина, ива. Сосна и лиственница преимущественно употребляются на постройку кораблей и судовъ.

Промыслы. Различныя племена, населяющія губернію, занимаются разнаго рода промыслами. Вообще можно сказать, что жители сѣверной части губерніи, лишенные земледвлія, занимаются исключительно звѣриною и рыбною ловлею. Ловля трески и сельдей есть главнѣйшая изъ рыбной промышленности, и если бы ввести тамъ приготовленіе сельдей по голландскому способу, то край этой промышленности—судя по несметному количеству тамошнихъ сельдей и ихъ достоинству—неимоვნно бы какъ обогатился. На югъ губерніи, богатомъ тучными лугами и пастбищами, крестьяне промышленяютъ рогатымъ скотомъ. Наибольшая дѣятельность замѣтна между Русскими: въ ихъ рукахъ звѣриная и рыбная ловли; прочія же племена, если и занимаются какимъ-нибудь

промысловъ, такъ единственно для уплачиванія государственныхъ повинностей.

Льсной промыслъ состоитъ въ порубкѣ и сплавѣ лѣса, въ судостроеніи, въ гонкѣ смолы и спускѣ дегтя. Этимъ промысловъ преимущественно занимаются *русскіе* крестьяне.

2) *Вологодская-Губернія* послѣ Архангельской есть самая обширная въ Европейской Россіи. Протяженіе ея съ юго-запада на сѣверо-востокъ около 1200 верстъ, поперечнику около 575 верстъ, окружность около 4400 верстъ, поверхность 337,610 *россійскихъ* квадратныхъ верстъ, что составляетъ около 37,000,000 десятинъ, а именно:

Пашенной земли 715,084 десят., сѣнокосной 378,137 десят., подъ лѣсами и лѣсистыми болотами 32,910,718 десят., а остальное пространство подъ усадьбами, выгонами, дорогами и покрыто рѣками и мховыми болотами.

По восточной границѣ Вологодской-Губерніи возвышается Уральскій-Хребетъ. Онъ склоняется въ Вологодской-Губерніи длинною, но некрутою покатостію и откидываетъ отъ себя вѣтви къ Печорѣ. Самая возвышенная вѣтвь Уральского-Хребта въ губерніи отходитъ отъ сѣвернаго его конца къ границѣ Архангельской-Губерніи и раздѣляется на многія отрасли. Остальная же поверхность Вологодской-Губерніи ровная, обильная болотами и сырими мѣстами.

На такомъ обширномъ пространствѣ, занимаемомъ губерніею, и самое свойство почвы разнообразно. Наиболѣе почва песчано-глинистая и мало гдѣ чистая глина; черноземъ встрѣчается въ изобиліи на болотистыхъ мѣстахъ. Въ юго-западной части губерніи почва довольно-плодородна. Вся Вологодская-Губернія прорѣзана множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ, болшею частью судоходныхъ въ весеннее время года. Изъ нихъ замѣчательнѣйшія по своему судоходству суть: Сухона, Юкъ, Сѣверная-Двина, Вычегда, Вишера, Ката, Печора и другія.

Климатъ въ губерніи не такъ суровъ, какъ должно бы ожидать отъ ея географическаго положенія. Это происходитъ отъ-того, что Вологодская-Губернія частію защищена отъ холодныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ возвышенностями и вѣковыми лѣсами. Въ двинскомъ и печорскомъ бассейнахъ суровость климата, отъ вѣтровъ, постоянно дующихъ отъ Ледовитаго-Моря, весьма-ощутительна. Всѣхъ жителей Вологодской-Губерніи считается 801,000 душъ обоюго пола (*).

(*) Изъ этого числа крестьянъ казенныхъ обоюго пола душъ 440,800; удѣльныхъ 74,900; свободныхъ хлѣбонашцевъ 7,780; половниковъ 6,700 и крестьянъ помещичьихъ 197,900.

Почти всю губернію населяютъ одни Русскіе, и только въ небольшомъ числѣ встрѣчается здѣсь особое племя, извѣстное подъ именемъ Зырянъ. Русское народонаселеніе состоитъ частью изъ коренныхъ Русскихъ, выходцевъ изъ Новгорода, потомъ изъ Ростовской-Области, частью изъ обрусѣлыхъ Зырянъ. Собственно-Зырянъ считается въ губерніи до 64,000 душъ обоаго пола. Всѣ они вѣроисповѣданія греко-россійскаго, говорятъ языкомъ зырянскимъ, который нѣсколько схожъ съ пермскимъ нарѣчіемъ; по-русски говорятъ немногіе, большею частью тѣ, которые живутъ въ городахъ и на большихъ дорогахъ. Права Зыряне грубаго и мстительнаго, но честны и съ точностью исполняютъ всѣ возложенныя на нихъ порученія.

Крестьяне Вологодской-Губерніи не могутъ назваться бѣдными. При малѣйшей ихъ рачительности, недостатка у нихъ существовать не можетъ, потому-что если не земледѣіе, такъ промыслы доставляютъ имъ значительныя выгоды, что и сдѣлало ихъ лѣнвыми и безпечными. Богатство здѣшняго крестьянина обнаруживается въ его домашнемъ быту и въ постройкѣ домовъ.

Избы у Русскихъ строятся безъ фундамента и большею частью, какъ и въ Архангельской-Губерніи, бѣлыя съ трубами. Нѣсколько зажиточные крестьяне имѣютъ двѣ избы, соединенныя между собою сѣнями; у бѣдныхъ вторую избу замѣняетъ клѣть. Съ боку избы устранивается наклонный сѣвздъ въ видѣ моста, по которому крестьянинъ възвѣжаетъ съ возомъ сѣна прямо на сѣноваль, сдѣланный надъ скотнымъ дворомъ, прилегающимъ къ избѣ. Полъ сѣновала служитъ потолкомъ скотному хлѣву. Вся эта постройка покрывается обыкновенно соломенною крышею, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревянною.

Избы Зырянъ вообще неопрятны, тѣсны и построены изъ полусогнившихъ бревенъ, не смотря на то, что обширныя лѣса окружаютъ зырянскія селенія. Печи почти повсюду безъ трубъ, овны не имѣютъ крытыхъ сараевъ для молотбы хлѣба, а въ овинахъ рѣдко найдете печь.

Земледѣліе. Сельское хозяйство Вологодской-Губерніи не вездѣ находится въ одинаковомъ состояніи. Въ южныхъ частяхъ губерніи, гдѣ почва плодороднѣе и климатъ менѣе суровъ, земледѣліемъ занимаются съ большимъ успѣхомъ, тѣмъ въ восточной части, что происходитъ большею частью отъ-того, что эта часть населена помѣщичьими крестьянами. Всей пахатной земли въ губерніи считается 715,084 десятины, слѣдовательно, на cadaго крестьянина приходится около полуторы десятины. Но, конечно, въ настоящее время количество пахатной земли увеличилось, потому-что туземцы ежегодно истребляютъ подъ пашни значительное ко-

личество львовъ. Для этого вырубаютъ и вывозятъ годныя къ употребленію деревья, сжигаютъ оставшіеся пни и хворостъ, и на пеньгъ свьютъ хлѣбъ, большею частию яровой. Это называется дѣлать подсѣвки, или, по народному прозванію, *свѣтъ на сукавъ*. Подобныя пашни безъ большаго труда и безъ удобренія даютъ обильныя жатвы, и потому туземцы предпочитаютъ ихъ прочимъ.

Рожь составляетъ по всей губерніи единственный озимый посѣвъ и родится хорошо.

Въ яровомъ полѣ свьютъ вездѣ въ большомъ количествѣ ячмень, обыкновенно четырехрядный.

Овесь, большею частию простой, сѣется не во всей губерніи въ одинаковомъ количествѣ; въ восточной части его свьютъ очень мало, потому-что онъ не успѣваетъ созрѣть отъ раннихъ холодовъ.

Пшеница составляетъ роскошь здѣшняго земледѣлія и сѣется только въ южныхъ частяхъ губерніи. При благоприятной мѣстности и хорошей обработкѣ, она родится довольно-хорошо, но большею частию посредственнаго качества.

Землю пахутъ во всей губерніи обыкновенною сохою, кромѣ западной части губерніи, гдѣ мѣсто сохи заступаетъ *косула*, подобная ярославской и владимірской.

Косула, это прекрасное земледѣльческое орудіе, заслуживаетъ особенное вниманіе. Она есть нѣчто среднее между плугомъ и сохою, и составляетъ какъ-бы переходъ отъ одного изъ этихъ орудій къ другому. Одноконная, легкая и простая какъ соха, косула заимствовала отъ плуга рѣзецъ, и какъ всѣ односторонніе плуги сваливаетъ землю въ гряды, опрокидывая пласты, чтобъ легко отдѣлять подошву пласта отъ земли, и такъ же легко какъ ярославскій плужекъ ее опрокидывать; ей не достаетъ лишь отдѣльнаго сошника и отвала съ надлежащимъ выгибомъ.

Въ этой же части губерніи употребляютъ *борону*, которая состоитъ изъ 30 деревянныхъ зубьевъ, укрѣпленныхъ въ наклонномъ положеніи между прямыхъ брусковъ. Эти бруски связываются новыми прутьями, въ видѣ переплета или кѣтки. Въ прочихъ же частяхъ губерніи употребляютъ обыкновенную борону, сдѣланную изъ слезыхъ сучьевъ.

Урожан хлѣба по качеству почвы и удобренія бываютъ различны. Озимый хлѣбъ, на хорошей землѣ и при хорошемъ удобреніи, родится самъ-четверть и самъ-шесть, а яровой самъ-четверть и самъ-пять.

Вообще собственнаго хлѣба всегда достаетъ на пропитаніе жителей Вологодской-Губерніи и даже небольшое количество вывозится въ Архангельскъ.

Кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, въ губерніи разводится въ значительномъ количествѣ *ленъ*, и составляетъ немаловажную отрасль сельской промышленности.

Ленъ сѣютъ обыкновенно на выжженныхъ низменныхъ мѣстахъ и очень-рѣдко въ поляхъ.

Рѣпа сѣется почти повсемѣстно въ довольно большомъ количествѣ. Впрочемъ, надо сказать, что это растеніе болѣе служить лакомствомъ.

Дикий хмѣль встрѣчается по всей Вологодской-Губерніи, такъ-что мѣстами составляетъ довольно-значительный предметъ продажи.

Огородничество въ губерніи, исключая помѣщичьихъ усадебъ, весьма-незначительно, а въ восточной части оно почти совсѣмъ не существуетъ. Изъ овощей разводится въ огородахъ лишь въ небольшомъ количествѣ капуста, картофель и рѣпка, но у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ начинаютъ разводить и огурцы, впрочемъ рѣдко.

Лука. Сѣнные покосы и пажити расположены большею частью по поемнымъ бережьямъ рѣкъ и мѣстамъ низменнымъ. Открытыхъ сухихъ пастбищъ въ губерніи мало. Скотъ обыкновенно пастется въ лѣсахъ или на лугахъ, съ которыхъ скошена трава.

Скотоводство распространено по всей губерніи, а въ сѣверо-восточной части, богатой привольными и обширными лугами, оно составляетъ значительную отрасль сельскаго хозяйства. У помѣщиковъ вводится дѣланіе сыровъ въ значительномъ количествѣ, котораго ежегодно продается въ Москву до 4,000 пудовъ, въ числѣ котораго есть сорта, не уступающіе швейцарскому сыру и даже вмѣсто него продающіеся въ столицахъ.

Порода туземнаго рогатаго скота довольно-рослая, но не отличается хорошимъ складомъ и молочностію, и потому зажиточные крестьяне разводятъ рогатый скотъ холмогорской породы. Коннозаводство довольно-значительно, хотя и не производится почти никакой продажи лошадей въ другія губерніи. Лошади не очень-сильны, но по малому росту своему довольно быстры иносливы.

Овцеводство въ этой губерніи незначительно; порода овецъ простая.

Лѣса. Большая часть Вологодской-Губерніи покрыта лѣсами, изъ которыхъ десятая часть принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ, а остальное количество составляетъ собственность казны. Лѣса преимущественно состоятъ изъ ели, сосны, пихты, лиственницы и кедра, съ котораго ежегодно собирается болѣе 1000 пудовъ ореховъ, доставляющихъ крестьянамъ дохода до 25,000 руб. асс.

Последнія породы распространены болѣе въ восточной половинѣ. Замѣчательно также, что тамошній лѣсъ, по причинѣ сырой и болотистой почвы, рѣдко имѣетъ твердость и прочность. Кромѣ хвойныхъ породъ, во всѣхъ почти вологодскихъ лѣсахъ попадаетъ береза, ольха, осина, кленъ, ива, а на югъ и липа. Дубъ встрѣчается рѣдко, и то мелкимъ кустарникомъ.

Промыслы. По обилію лѣсовъ, лѣснымъ промысломъ занимается большая часть жителей Вологодской-Губерніи. Онъ состоитъ изъ вырубкы и сплава лѣса, въ строеніи судовъ для внутренней торговли, и въ говкѣ смолы, дегтя и скипидара. Лѣсныя произведенія отпращиваются въ Архангельскъ, а оттуда за границу.

Звъроловствомъ занимаются болѣе Зыряне, въ восточной части губерніи.

Не менѣе того, эта губернія имѣетъ значительную промышленность въ ловлѣ птицъ. Однихъ рябчиковъ вывозится изъ нея ежегодно въ объѣ столицы не менѣе мильона паръ, продающихся промышленникамъ на мѣстѣ отъ 25 до 35 коп. за пару. Рябчики вологодскіе предпочитаютъ прочимъ и извѣстны подъ названіемъ кедровиковъ. Немаловаженъ вывозъ изъ нея тетеревовъ и куропатокъ.

Рыбною ловлею хотя и занимаются повсемѣстно, но она вообще, кромѣ Кубенскаго-Озера, съ избыткомъ изобилующаго рыбою, вывозимою въ сосѣдственныя губерніи и даже столицы, маловажна и нѣкоторая часть рыбы привозится изъ Архангельской-Губерніи.

3) Сѣверныя части Губерній: Пермской, Вятской, Костромской и Ярославской, держатся одной системы сельскаго хозяйства со смежными имъ частями Вологодской-Губерніи, потому-что ихъ климатъ и почва совершенно одинаковы.

Статья шестая.

Полеводство и луговое хозяйство для сѣверо-восточной полосы.

Изъ краткаго обзора Губерній Архангельской и Вологодской, составляющихъ сѣверо-восточную полосу Россіи, мы видимъ, что земледѣліе находится тамъ въ ограниченномъ состояніи. Недостатки его, общіе обѣимъ сѣвернымъ полосамъ Россіи, заключаются въ неправильномъ выборѣ мѣстъ подъ пашни и въ крайне-маломъ, сравнительно съ изобиліемъ луговъ и пастбищъ скотоводствѣ.

Въ сѣверо-восточной полосѣ хлѣбопашество, по причинѣ незначительнаго скотоводства, единственно на подсыкахъ, между-тѣмъ, какъ огромныя пространства плодородной земли остаются невоздѣланными, потому-что обработка ихъ жителямъ неизвѣстна и требуетъ большихъ трудовъ и необходимаго удобренія.

Для улучшенія полеводства въ этой полосѣ слѣдуетъ избирать подъ пашни осушенныя болота или мѣста, гдѣ растутъ могучій лѣсъ (а какъ сдѣлать ихъ удобными для произрастанія хлѣба, сказано въ III и IV статьяхъ), и завести слѣдующій сѣвооборотъ:

- 1) *Парь*, съ сильнымъ удобреніемъ и засѣвомъ подъ осень ржи.
- 2) *Рожь*, живо по снятіи ржи пахать подъ яровое осенью.
- 3) *Ячмень* и *овесъ* сѣять въ низменныхъ мѣстахъ; гдѣ же почва плохата, сѣять ленъ.

Держась такимъ-образомъ трех-польной системы хозяйства, по обилію луговъ и подножнаго корма будетъ излишнимъ учреждать искусственные луга и сѣять картофель, но слѣдуетъ обратить все вниманіе на улучшеніе луговъ.

Подъ луга избрать мѣста, лежація возлѣ рѣкъ и озеръ и подверженныя весеннимъ паводкамъ. На такихъ мѣстахъ не нужно учреждать искусственнаго наводненія; надобно зимою свозить на нихъ весь валежникъ, который безъ пользы гниетъ въ дремучихъ лѣсахъ, а по недостатку валежника сучья деревьевъ. Все это на лугахъ, на которыхъ нѣтъ кочекъ, сложить въ большія груды такъ, чтобъ осенній паводокъ не снесъ ихъ стремленіемъ воды. Съ наступленіемъ весны очистить луга отъ кустарниковъ (съ болотистыхъ мѣстъ посредствомъ канавъ спустить воду) и пробороновать ихъ желѣзными бородами. Потомъ разложить по лугу весь валежникъ или хворостъ, и жечь его съ подвѣтренной стороны безъ остатка. Немедля послѣ пожарища разметать лопатами золу и сильно выбороновать дернъ. Въ-продолженіе лѣта пускать по этому лугу скоть, чтобъ онъ утопталъ золу, а ужъ на слѣдующій годъ оставить эти мѣста подъ покось. Такимъ-образомъ постепенно улучшая поемные луга, слѣдуетъ ихъ раздѣлять на 20 частей, чтобъ чрезъ каждыя 20 лѣтъ возобновлялось тоже дѣйствіе, и добыча сѣна съ этихъ луговъ удвоится количествомъ и улучшится качествомъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невозможно завести поемныхъ луговъ, производить такое удобреніе посредствомъ пожарища и золы. Если же въ такихъ мѣстахъ находятся русла, то перерыть луга поперечными канавками, а изъ вынутой земли усроить валики, которые будутъ удерживать разливы воды. Весною же пролеты запруживать брусьями, чтобъ вода стояла на лугахъ глубиною не менѣе четырехъ вершковъ, по-крайней-мѣрѣ десять дней. Потомъ,

спустивъ всю воду и послѣ перваго покоса возобновить такое же наводненіе опять на 10 дней, для снятія во второй разъ травы, если она успѣетъ дать два роста.

Луга, неподверженные весеннимъ наводненіямъ, раздѣлить на 10 участковъ, такъ, чтобъ пожарище возобновлялось каждые десять лѣтъ. На подобныхъ лугахъ нарядка оставлять деревья, которыя своею тѣнью будутъ заслонять ихъ отъ выгаранія въ жаркіе лѣтніе дни.

Желая имѣть хорошіе луга, необходимо наблюдать слѣдующія условія: а) Чтобъ вода нигдѣ не образовала застоевъ, необходимо прокапывать въ мѣстахъ, препятствующихъ стоку воды, рвы. б) Чтобъ корень дерна не сгущался — чрезъ что въ-послѣдствіи одолеваетъ его мохъ — по временамъ бороновать луга желѣзными боровами, устилать ихъ хворостомъ, который сжигать и такимъ-образомъ золою возвращать утраченную силу почвѣ. в) Чтобъ луга косились въ свое время недопуская травы до зрѣлости, ибо это истощаетъ почву и лишаетъ ея питательности.

Улучшивъ такимъ-образомъ луга въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи, слѣдуетъ употребить все сѣно на содержаніе скота, который мясомъ, масломъ, сыромъ, кожею, саломъ и шерстью въ бытъкъ вознаградить труды хозяина, а своимъ пометомъ возвысить полеводство. Въ выборѣ рода заводимаго скота, смотрѣть на мѣстности, держась правила, изложеннаго въ IV статьѣ.

Какъ осушивать болота и превращать болотистыя и лѣсистыя мѣста въ пахатное поле, сказано въ III и IV статьяхъ.

БАРОНЪ БЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ИНТЕРНБЕРГЪ.

V.

К Р И Т И К А.

РИМСКИЕ ПАПЫ, ИХЪ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ XVI-MЪ И XVII-MЪ СТОЛѢТІЯХЪ. Соч. Леопольда Ранке. Переводъ съ нѣмецкаго. Три части (восемь книгъ). Санктпетербургъ. 1842 и 1847.

Не знаемъ, замѣтилъ ли кто-нибудь общее стремленіе нашей эпохи къ историческимъ монографіямъ—а между тѣмъ, это фактъ многозначительный. XVIII вѣкъ, въ своемъ рьяномъ стремленіи къ синтетическому воззрѣнію, шагнулъ такъ далеко въ исторіи, что сдѣлалъ изъ нея какой-то отвлеченный фантомъ. Начертать систему всеобщей исторіи кажется легко съ перваго взгляда, но въ сущности это невозможно. Дойти до сознанія системы всеобщей исторіи — значить уразумѣть механизмъ міра. Поэтому, всѣ системы историко-философовъ, не смотря на противорѣчія и ложность свою, тѣмъ не менѣе постоянно приходили въ соприкосновеніе съ идеей космоса. Самъ Вико добирается прямо до мировыхъ началъ. Но какой кошмаръ въ ужасѣ этого добряка, когда онъ

вдругъ почувствуетъ, до чего дошелъ! какъ силится онъ ограничить знаменитое *Jovis omnia plena*, развитое Платономъ! Стремленіе къ историческимъ монографіямъ показываетъ, что общество проникнулось идеей невозможности существованія всеобщей исторіи и обратилось на обработываніе важнѣйшихъ моментовъ развитія чело-вческаго духа. Въ этомъ движеніи, безспорно, проявляется нѣкоторая зрѣлость общества, несомнѣнный шагъ впередъ. Извѣстная истина, что чѣмъ чело-вѣкъ моложе, тѣмъ обширнѣе, тѣмъ сильнѣе замыслы его, тѣмъ болѣе они ему не по силамъ. И когда чело-вѣкъ твердой рукой взвѣситъ силы свои и, основываясь на нихъ, начертитъ себѣ сообразный кругъ дѣятельности, тогда можно смѣло сказать, что онъ вышелъ изъ юношескаго воз-

раста и становится мужемъ. Трудно рѣшить, кто первый сообщалъ Европѣ направленіе къ произведенію историческихъ монографій. Вѣрнѣе всего можно предполагать, что виновникомъ этого направленія былъ переворотъ 1789 года. Онъ вдругъ разрушилъ всѣ историко-философскія теоріи о коллатеральномъ, эксцентрическомъ и Богъ-знаетъ какомъ движеніи историческаго міра. Представляя видимо неожиданную перемѣну, противорѣчащую привычному, тихому, постепенному ходу событій, онъ естественно долженъ былъ сильно озадачить всѣхъ историко-философовъ своего времени, заставить подумать о перестройкѣ міровыхъ законовъ постепеннаго развитія человѣчества, до которыхъ они дошли во глубинѣ своего кабинета, или вовсе ихъ бросить. Съ-тѣхъ-поръ монографіи быстро расплодился и принесли обильные плоды. Онѣ научили насъ разрѣшать въ исторіи человѣчества отдѣльные вопросы и принудили идти къ сознанію всеобщей исторіи путемъ противоположнымъ тому, которымъ шли къ той же цѣли историко-философы. Онѣ же научили насъ слѣдить отдѣльно за каждой изъ самобытно-развивавшихся въ обществѣ идей, которыя не могли быть уловлены при всестороннемъ и, разумѣется, неполномъ взглядѣ на исторію человѣчества. Первый изъ монографистовъ нашего вѣка былъ Сисмонди въ своей «Histoire des Républiques Italiennes». Вслѣдъ за нимъ являюся Вильменъ, Гизо и Барантъ. Долго было бы упоминать здѣсь о всѣхъ монографистахъ нашего времени. Да и что значитъ пустая номенклатура? Обозначимъ лучше общій характеръ этихъ монографій. Вообще, историческія монографіи носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ національнаго характера своихъ авторовъ: почему ихъ можно раздѣлять на нѣмецкія и французскія. Первые вмѣютъ, или, вѣрнѣе, имѣли цѣлью изложеніе фактовъ во всей первобытной ихъ простотѣ; вторыя представляли обиліе идей мало-подирѣваемыхъ

фактами. Съ обѣихъ сторонъ была крайность. Леопольдъ Ранке умѣлъ найти средній путь между ними. Взглядъ на его біографію много поможетъ намъ опредѣлить его достоинства, какъ историка, и объяснить его взглядъ на событія, имъ изображаемыя.

Леопольдъ Ранке родился 21-го декабря 1795 года, въ Тюрингенѣ. Онъ предназначался къ учительскому званію, къ-слѣдствію чего и вступилъ въ 1818 году учителемъ въ гимназію во Франкфуртѣ-на-Одерѣ. Здѣсь написалъ онъ «Исторію народовъ романскаго и германскаго происхожденія съ половины XV до половины XVI столѣтія». За это сочиненіе перевелъ его, въ 1825 г., экстраординарнымъ профессоромъ въ Берлинѣ. Въ томъ же году Ранке отправился обозрѣвать архивы Вѣны, Венеціи и Рима. Извѣдомъ его путешествія были доведены: «Заговоръ въ Венеціи въ XVII столѣтіи» и «Государи и народы Южной Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Въ 1834 году написалъ онъ «Римскіе Папы, ихъ Церковь и Государство въ XVI-мъ и XVII столѣтіяхъ», за что былъ слѣдуетъ ординарнымъ профессоромъ. Наконецъ, въ 1841 году, получилъ онъ званіе королевскаго прусскаго историографа и около этого времени написалъ знаменитую «Исторію Германіи во времена Реформаци», которую читатели видѣли въ нѣсколькихъ статьяхъ «Отеч. Записокъ» 1841 и 1845 годовъ.

Вотъ всѣ свѣдѣнія о Ранке, которыя мы могли только почерпнуть изъ большой статьи нѣмецкаго энциклопедическаго лексикона (*). Здѣсь упомянованы только капитальныя сочиненія Ранке, и мы видимъ, что всѣ они имѣютъ предметомъ Европу въ эпоху реформаци. Чтобы понять влеченіе къ этой эпохѣ, нужно объяснить первоначально нравственное состояніе

(* Отдѣльной біографіи Ранке до сихъ поръ нѣтъ.

Германія въ современній ему периодъ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, воздѣла въ Юнѣ литературная, романтическая школа подъ предѣлательствомъ гг. Августа, Вильгельма и Фридриха Шлегелей. Изъ этого города начала она распространять эстетическую доктрину свою. Вотъ ея сущность: «Поэзія наша устарѣла, чувства наши притупились, искусство ядѣлось бессильнымъ, воображеніе бесплодно; надобно оживить всю эту задохшую поэчу; надобно терпѣливо отыскивать тѣмные источники простой и чистой поэзіи среднихъ вѣковъ». Тогда вдругъ возникла реакція противъ классицизма, въ Германіи, какъ и въ другихъ земляхъ, но съ тою разницею, что въ Германіи романтическая школа скоро приобрѣла религиозно-политическое значеніе. Всѣ вѣнчанцы — названы произведенія Лудвига Тика и компаніи скрывали въ себѣ мысль, которая не замедлила обнаружиться. При разсатриваніи живописи, романтики ни во что не ставили Рафаэля и восхищались произведеніями Фра Джованно Анджелико да Фіоренте и старыми нѣмецкими живописцами, говоря, что нистью ихъ водило вѣрованіе. Само собою разумѣется, что романтизмъ остался бы по-прежнему литературной школой, елибъ не разныя благоріятія для него обстоятельствъ. Въ это время Германія была подъ гнѣтомъ Наполеона. Всѣ воинскія силы были истощены. Тогда, по примѣру Россіи, вздумала она возбудить себя къ народной войнѣ противъ необходимаго колосса. Съ этой цѣлью, вдругъ по всей Германіи разлетѣлись прокламація, гласившія много о національномъ единствѣ германскихъ народовъ, объ общенъ врежѣ, котораго надобно уничтожить, и т. д. И вслѣдствіе эти не остались безотвѣтными... Понятно, какое значеніе могла получить въ это время школа, возбуждавшая обращеніе къ памятникамъ германскій народности. Но иная въ чинѣ дѣло. Воскрешая пре-

данія среднихъ вѣковъ — значитъ воскрешать въ Германіи ультрамонтанизмъ, что и случилось дѣйствительно. Романтическая школа взяла себѣ за образецъ Кальдерона, писала панегирики испанской поэзіи, строила гримасы Шекспиру. Къ этому стремленію присоединились и іезуитскія конни. Словомъ, не прошло нѣсколькихъ лѣтъ послѣ изгнанія Наполеона, какъ уже Германія раздѣлилась на два враждебные лагеря: ультрамонтанскій и протестантскій. Въ первомъ красовались Фридрихъ Шлегель, Лудвигъ Тикъ, Новалисъ, Варнеръ, Гёррессъ, Адамъ Мюллеръ и др. Во второмъ, между прочими подвизался Іоганнъ-Генрихъ Фоссъ. Фоссъ былъ долгое время пріятелемъ графа Фридриха Штольберга, поэта старой школы. Но подлѣ старость Штольбергъ торжественно отрекся отъ прежнихъ убѣжденій своихъ, и Фоссъ не замедлилъ возстать противъ друга своего дѣтства. Это была печальная исторія; она отозвалась во всей Германіи — и вражда между двумя партіями открылась.

Въ такомъ расположеніи застало Германію историческое направленіе нашего вѣка. Весьма-естественно, что первый изъ историческихъ вопросовъ, встрѣтившійся обвинъ партіямъ, была — реформація. Всѣ ухватились за нее съ жаромъ... Изученіе реформаціи имѣетъ въ себѣ много общаго съ изученіемъ французской революціи. Какъ то, такъ и другое началось опредѣленіемъ законности (légalité) событія. Дошли до отысканія причинъ реформаціи, и при этомъ каждая изъ партій непременно должна была высказаться опредѣленно. Противники реформы приписывали причину ея случайностямъ, несчастіямъ въ ходѣ цивилизаціи, — то ну обстоятельству, на-примѣръ, что продажа индульгенцій была поручена доминиканцамъ, чѣмъ возбудилось неудовольствіе августинцевъ; Лютеръ былъ августинецъ: стало-быть, въ этомъ и заключается причина реформы. Другіе приписывали реформѣ гордымъ притязаніямъ государей, беря въ

ихъ съ духовной властію, жадности дворянства, желавшаго завладѣть церковными имуществомъ. Хотѣли также истолковать религиозную революцію единственно дурной стороною людей и человеческихъ дѣлъ, частными интересами и личными страстями. — Съ другой стороны, партизаны, друзья реформы старались объяснить ее потребностью уничтожить злоупотребленія, существовавшія тогда въ католической церкви; они представляли реформацію какъ стремленіе къ восстановленію первобытной церкви (*). Словомъ, вся литература исторіи реформаціи представляетъ съ одной стороны памфлеты противъ нея, а съ другой панегирики. Критической, добросовѣстной оцѣнки не видно.

Посреди такихъ обстоятельствъ появилась вдругъ «Римскіе Папы». Ранке. Книга эта произвела фуроръ. Ультрамонтанисты ликовали. «Мы побѣдили» говорили они: «сами противники служатъ намъ орудіями». Но вотъ, послѣ «Римскихъ Папъ» появляется «Исторія Германіи во времена реформаціи» — и они опять стихаютъ. Противная партія торжествуетъ: дѣлъ обоихъ сочиненій Ранке проясняется.

Однакожь, прежде, нежели мы расскажемъ, въ чемъ состоитъ дѣлъ сочиненій Ранке, упомянемъ о роли его въ историческомъ пантеонѣ Германіи. Надобно сказать, что философско-историческая школа Германіи существенно отличается отъ французской. Чисто-историческія школы обѣихъ странъ довольно-схожи между собою. Сущность французской философско-исторической школы состоитъ въ томъ, чтобъ исторію индивидуума противопоставлять исторію рода. Это школа Гизо. Естественно, что при разсмотрѣніи рода, историкъ долженъ всегда стоять выше уровня событій. Родъ представляется ему какъ нечто абсолютное; онъ беретъ его въ различныхъ эпохи такимъ,

каковъ онъ есть. Изъ этого положенія вытекаетъ ложное понятіе объ исторической добросовѣстности, выраженное обыкновенно такъ: историкъ долженъ смотрѣть на событія съ высоты; онъ не въ дѣяніяхъ человеческихъ вѣтъ худаго и хорошаго; норма его оцѣнки событій — духъ вѣка. Эта теорія до того вкоренилась въ французскихъ историкахъ, что Гизо въ жизни Кальвина обвиняетъ отаратительное соименіе Стресс — духомъ времени. Ошибка этой школы очевидна. Она забываетъ, что въ историческомъ человѣкѣ есть собственно два человѣка: одинъ — члвкъ вѣкъ эпохи, своего вѣка; другой — члвкъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ временъ, нравственный члвкъ. Германская философско-историческая школа дѣйствуетъ на совершенно-другомъ основаніи. Ходъ событій, явленіе людей, управляющихъ ими, представляются ей логическимъ развитіемъ идеи и ригорі, которымъ исторія должна повиноваться или неволью подчиняться. Эта школа, во главѣ которой стоитъ Гегель, предполагаетъ, что *всобщая душа* (абсолютное начало) проявляется въ члвчествѣ въ четырехъ видахъ: первый — матеріальный (substantial), однородный, неподвижный на Востоцѣ; другой — индивидуальный, разнообразный, дѣятельный — въ Греціи; третий, состоящій изъ постоянной борьбы перваго со вторымъ — въ Римѣ; и, наконецъ, четвертый, исходящій изъ борьбы третьяго для гармонизированія различныхъ элементовъ: онъ существуетъ въ народахъ германскаго происхожденія.

Итакъ, французская философско-историческая школа видитъ въ члвчествѣ живой организмъ, между тѣмъ, какъ нѣмецкая рассматриваетъ члвчество какъ отвлеченную философскую формулу, а индивидуумовъ — какъ слѣпыхъ непосредственныхъ дѣятелей.

Подлѣ этой школы возникла въ Германіи другая — чисто-историческая. Глава ея — Нибуэръ. Школа эта отаратляетъ всюкую философскую формулу. Дѣ

(*) Гизо.

идея абсолютна — а факты, по всякий факты есть представитель идеи. Задача ее — изложить факты таинственно-образно, чтобы идея, заключающаяся в них, говорила сама за себя. Ранке принадлежит по преимуществу къ послѣдней школѣ, но онъ имѣетъ, какъ всякій самобытный талантъ, свои особенности. Въ историческихъ монографіяхъ знаменитаго берлинскаго профессора, исторія индивидуума постоянно идетъ объ-руку съ исторіей рода. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти приближается къ описательной школѣ Баранта, избѣгая ея крайностей. Родъ никогда не можетъ поглотить личность безопасно. Долгий опытъ научилъ этому человечество. Въ обѣихъ крайностяхъ одинъ результатъ — распаденіе. Страшная система поглощенія личности была испытана на Востокѣ — она привела къ духу мести. Противоположная крайность явилась въ Греціи: здѣсь личность развилась великолѣпно и уничтожила самой-себя. Съ одной стороны — жертвенность, апатія; съ другой — распаденіе организма. Ранке разсматриваетъ человѣка постоянно съ двухъ сторонъ — какъ человѣка своего дѣла и какъ человѣка вообще всѣхъ временъ и вѣковъ. Это спасаетъ его отъ оптимизма Гизд. Вліянія эпохи на человѣка отвергать невозможно: въ нѣкоторой степени оно непремѣнно дѣйствуетъ, но великій умъ болѣе или меньше всегда независимъ. Масса покорствуется, но исключенія, аномаліи всегда дѣйствуютъ самостоятельно. Отъ этого въ твореніяхъ Ранке подробно никогда не утомляютъ, никогда не вредятъ единству цѣлаго. Вы чувствуете, что и то и другое раскрываетъ каждую-нибудь сторону человѣческихъ дѣйствій; всѣ подробности, всѣ мелочи ведутъ къ одной цѣли, и надъ вами этимъ господствуетъ одна идея, которую авторъ не развилъ кудрявыми фразами, но которую вы ощущаете на каждомъ шагѣ. Такъ природа, представляя богатую картину своего разнообразія, не говоритъ вамъ, какъ по-

называющій панорама: «а вотъ можете видѣть, какъ встаетъ утро надъ гѣсонъ, какъ все дѣлаетъ прохладой, какъ природа навѣваетъ упоеніе на душу человѣка!» — нѣтъ! она молчитъ; за то душа ваша ощущаетъ въ тысячу разъ болѣе всего, что бы выговорилъ вамъ болтливыи панорамащикъ. Вообще, намъ кажется, что этотъ родъ изложенія исторіи — единственно-возможный въ наше время. Пора бросить привычку обращаться съ читателемъ, какъ съ ученикомъ, и говорить ему: «смотри, душевнѣка, вотъ что это значитъ, вотъ о чемъ я говорю». Читатель умепъ, онъ пойметъ и безъ этого. При томъ, въ историческомъ изложеніи необходима своего рода художественность. Исторія — своего рода романъ; въ ней, какъ и въ романѣ, идея должна развиваться въ событіяхъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь. *резонерство* несносно...

Мы начали говорить о цѣли, съ которой Ранке обработалъ исторію папства прежде, нежели принялся за обработываніе исторіи реформации; вотъ эта цѣль: Ранке думалъ, что для добросовѣстной оцѣнки протестантизма надобно изучить сначала противоположный ему элементъ. И дѣйствительно, каждый шагъ Ранке на поприщѣ исторіи папства есть новое историческое открытіе. Въ явленіи реформы онъ видитъ фактъ, вытекающій изъ потребности цѣлой эпохи; въ этомъ отношеніи онъ думаетъ совершенно согласно съ Гизд, и мы не можемъ лучше выразить идею Ранке, какъ привелъ слова этого писателя, который, сказавъ много, первый вывелъ настоящее значеніе реформации Лютера. Вотъ слова его:

«По моему мнѣнію, реформа не есть ни событіе, результатъ случая или личнаго интереса, ни простое стремленіе къ церковному улучшенію, имѣетъ утоненъ чело-вѣчества и истинны. Она имѣетъ причину болѣе могущую, преобладающую надъ всеми частными интересами. Это былъ порывъ чело-вѣческаго духа, новая потребность мысли и обсужденія для себя и

описаніи силми тѣхъ фактовъ и идей, которыя большая часть Европы получила доселѣ отъ церковной власти. Это была попытка эманципация человеческой мысли».

Ранке выводитъ съ особеннымъ стараніемъ потребность реформы изъ направленія ученыхъ того времени. Все стремилось къ реформѣ... При этомъ нельзя не помянуть, что Ранке не могъ пользоваться перепиской Карла V-го, которую выдалъ въ 1844 году въ Германіи Карлъ Ланцъ. Тамъ нашелъ бы онъ новыя доказательства потребности реформы, которую всѣ ощущали. Сами католики или даже протестантовъ, что можетъ служить также объясненіемъ причинъ повиднѣйшаго возрожденія католицизма. Для примѣра приведемъ, изъ названной выше книги, письмо Маргариты, тѣтки Карла V-го, ревностной католички. Она говоритъ объ общемъ крестовомъ походѣ Европы противъ Турковъ: «Для такого великаго предпріятія необходимы деньги, и много денегъ; для этого надобно конфисковать духовныя имущества и преимущественно имѣнія германскаго и прусскаго ордена. Это должно предписать папа». Она влечетъ еще далѣе: «Для этой экспедиціи можно также взять изъ каждаго монастыря одного, двухъ или трехъ монаховъ «сильныхъ здоровыхъ и сибѣшать ихъ съ солдатами, чрезъ что войско значительно увеличится» (*). Все письмо любовытно въ высочайшей степени и показываетъ въ характерѣ Маргариты величіе и силу воли, которыя не находила въ ней до-сихъ-поръ исторія. Впрочемъ, извѣстно, что Карлъ уважалъ всегда свою тѣтку.

Принимая основаніе реформы согласно съ Гизо, Ранке болѣе вникъ въ подробности эпохи и находитъ, что

(*). «Et se pourroit tirer pour ceste expedition en chacun cloistre ung, deux ou trois religieux des plus disposés pour mealer entre les gens de guerre, dont se requerreroit ung gros nombre». (Corresp. d. Kais. Karl V, von Dr. Carl Lenz № 125).

политика государей была неизменноымъ двигателемъ реформы. Но важнѣе политики было общественное мнѣніе, которое всюду возставало тогда противъ папской власти, распавшейся въ злоупотребленіяхъ. Мы, Русскіе, можемъ справедливо гордиться тѣмъ, что наша православная церковь некогда не представляла печальнаго зрѣлища упадка западной въ XVI-мъ столѣтіи. Не можемъ не выписать изъ изъ книги Ранке превосходной характеристики *общественнаго мнѣнія*:

«Не теперь лишь впервые (говорить онъ) приобрѣло значіе въ мірѣ общественное мнѣніе: во всѣ періоды жизни моднѣйшей Европы оно составляло одинъ изъ важнѣйшихъ ея элементовъ. Кто можетъ сказать, откуда оно происходитъ, какъ образуется? Таинственные родники его питаютъ; безъ многихъ доводовъ овладѣваетъ оно умами; непронизвольнымъ убѣжденіемъ сковываетъ большинство, какъ произведеніе нашей общности; не только въ крайнихъ очертаніяхъ оно ладится въ созвучіи съ самимъ собою; въ болѣе значительныхъ болѣе и меньшихъ кругахъ оно снова приобретаетъ особый характеръ; всегда новыя наблюденія и опыты протекаютъ къ нему и такимъ образомъ, въ безпрестанныхъ превращеніяхъ оно является летучимъ, многообразнымъ, иногда воспримчивымъ, иногда требующимъ (требовательнымъ?) и принуждающимъ; часто съ вѣрными чувствами нужды и потребностей, но почти всегда безъ сознанія того, что *es correspondencia* должно быть произведено; иногда болѣе, иногда менѣе въ созвучіи съ правомъ и истиной; болѣе какъ требованіе жизни и истины, чѣмъ какъ твердое ученіе, страшное преобразованиемъ своими часто въ совершенную противоположность себѣ. Оно существовало основанію и разрушенію Имперствъ». (Часть I от. 121—122).

Но въ то время, какъ протестантизмъ все болѣе и болѣе развивается, что дѣлаетъ католицизмъ? Это скажетъ намъ опять Ранке, въ «Введеніи къ труду своему, которое, невѣжество почему, господинъ переводчикъ не считъ нужнымъ сообщить русской публикѣ, такъ же какъ и «Указаніе мануscriptовъ», которыми пользовался авторъ при составленіи «Рисскихъ Папъ».

«**Важное:** это очень важно, во-первых, потому что въ немъ авторъ объявляетъ планъ всего сочиненія, а во-вторыхъ, потому что здѣсь указываетъ онъ на источники, которые были у него подъ рукой.

«**Власть Рима** въ древности и въ средніе вѣка — весьма известна; говорятъ Папке: въ теченіи вѣсколькихъ вѣковъ новой исторіи онъ служилъ возстановителю и поддержателю своею властью. После паденія, претерпѣннаго имъ въ первую половину VI-го столѣтія, Римъ, мѣстопробываше папской власти, сдѣлался центромъ вѣры и нравственной жизни римскихъ народовъ Южной Европы; онъ дѣлалъ онды сильна и чѣсто счастливыя попытки водчинить власти своей остальные народы.

«**Моя намереніе** изложить, хотя въ сжатой, эту эпоху обновленія свѣтской власти церкви, внутреннее развитіе ея, успѣхи и паденіе.

«**Власть эта** не была такъ неизмѣнно организована, какъ предполагаютъ до-сихъ поръ; если мы откинемъ принципы, составившіе условіе существованія папства, и отъ которыхъ оно не могло отказаться не погибнуть, то увидимъ, что оно, какъ и всѣ прочія европейскія правленія, должно было прибрѣгать къ значительнымъ преобразованіямъ самой себя. Если судьбы міра мѣнялись, когда то одна, то другая нація преебладала; если кругъ вращенія общественной жизни эпохи расширялся или суживался, то и папская власть претерпѣвала необходимыя измѣненія въ своихъ политическихъ началахъ, тенденціяхъ и требованіяхъ, и вліаніе ея должно было необходимо уступать обстоятельствамъ. Если пробѣгать списки многихъ папъ, носившихъ одно имя во всѣ вѣка христіанства, отъ Пія I-го, во второмъ вѣкѣ, до назидательныхъ современниковъ въ девятнадцатомъ, Пія VII-го и Пія VIII-го, то получимъ неблагоприятное впечатлѣніе о неподвижности и постоянствѣ

«**папства;** но не должно обманывать себя этимъ зрѣлищемъ, потому что въ сущности, въ различные эпохи исторіи, свѣтская власть папъ была подчинена той же подвижности, какъ и власть династій.

Итакъ, съ начала раздѣла Папке открываетъ уже намъ многозначительный фактъ. Идемъ далѣе. Въ то время, какъ въ Германіи развивался протестантизмъ, папство стремилось къ возрожденію съ своей стороны. Еще при Львѣ X-мъ образовались въ Италіи, въ противоположность антирелигіозной тенденціи, литературныя общества въ религіозной цѣлю.

«**Если спросимъ** теперь, въ какихъ убѣжденіяхъ сходнясь эти люди, то это было главнымъ образомъ то самое ученіе объ оправданіи, которое у Лютера было началомъ всѣхъ протестантскихъ движеній. Контарни написалъ объ этомъ предметѣ особый трактатъ, которымъ Поль (не ошибте ли: *Пооль?*) не можетъ назваться. Онъ говоритъ: «ты нѣтъ дрячій камень, который Церковь сохранила почти въ тайнѣ». Поль самъ находить, что Св. Писаніе въ глубочайшемъ своемъ смыслѣ содержитъ лишь это ученіе и называетъ своего друга счастливымъ тѣмъ, что онъ началъ выводить на свѣтъ эту святую, плодотворную, необходимую истину. Къ кругу ихъ друзей принадлежалъ М. А. Фламинио. Онъ жилъ въ которое время у Поля; Контарни хотѣлъ взять его съ собою въ Германію. Проломъ (,) какъ рѣшительно проповѣдуетъ онъ это ученіе. «Евангеліе», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «есть ни что иное, какъ радостная вѣсть, что Единородный Сынъ Божій, облеченный нашимъ тѣломъ, удовлетворилъ за насъ справедливости (в) вѣчнаго Отца. Кто вѣруетъ этому, тотъ вступаетъ въ Царствіе Божіе: онъ получаетъ всепрощеніе, не существуетъ тѣлеснаго онъ переходитъ въ духовное, изъ смысла гнѣва становится сыномъ милости: и живетъ въ сладостномъ мирѣ совѣсти.» Едва ли объ этомъ предметѣ можно было выражаться болѣе М. А. Ютеранскимъ образомъ.

«**Совершенно** какъ литературное мнѣніе, распространялось это убѣжденіе по болѣе (большой?) части Италіи.»

(Ч. I. ст. 128—126).

Сожалѣешь, что не можемъ выписать всю главу объ «Аналогіи съ Протестантизмомъ въ Италіи». Она превосходна! Итакъ, въ Италіи развивались протестантскія начала. Всюду являлись рыльные проповѣдники: все пришло въ движеніе. При такихъ обстоятельствахъ вошелъ на престолъ нанскій Павелъ III. Первымъ его дѣйствіемъ было образованіе комиссіи изъ кардиналовъ для заготовленія проекта церковной реформы.

«Попытка, какъ видимъ, состояла въ томъ, чтобъ образоватъ рациональное П(и)апство. Тѣмъ замѣчательнѣе была она, что происходила изъ того самаго ученія объ оправданіи и свободной волѣ, которое послужило основаніемъ отпаденію П(и)ротестантовъ. Мы полагаемъ это не потому только, что Контарини придерживался этихъ мнѣній: онъ ясно это высказываетъ, говоря: человекъ склоненъ къ злу, а это происходитъ отъ безсилія воли, которая, обратившись къ злу, является болѣе страдательною, чѣмъ дѣятельною: только милоею Христа онъ получаетъ свободу. Слѣдовательно, онъ признаетъ П(и)апскую власть, но требуетъ отъ нея направленія къ Богу и общему благу». (Ч. I, ст. 137).

При такомъ направленіи, регенсбургскіе переговоры начались очень миролюбиво, и если здѣсь протестанты не сошлись съ католиками, то это болѣе отъ личнаго сопротивленія папы и Лютера. Реформы католицизма шли своимъ путемъ до-тѣхъ-поръ, покуда на тридентскомъ соборѣ партіи не стали опять лицомъ къ лицу. Намъ не нравится описаніе первыхъ засѣданій этого собора у Ранке: онъ не ясно обозначилъ партій, явившіяся тогда въ католицизмѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда предложенъ былъ въ первое засѣданіе пунктъ, что «Богъ есть полный виновникъ нашихъ дѣлъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ», то изъ среды католической партіи всѣ встали противъ этого, за исключеніемъ томистовъ, то-есть, послѣдователей Томаса д'Аквины (Thomas d'Aquin), которые поддерживали справедливость этихъ словъ. При слѣдующихъ засѣданіяхъ ясно

обозначились въ католикахъ двѣ партіи: томисты, дунавшіе какъ протестанты (Лютеръ изучалъ богословіе по Томасу д'Аквины), и кордельеры, говорившіе съ Доминикомъ Сотто, что «Богъ предупреждаетъ волю благодатью».

Впрочемъ, лучше всего могутъ дать понятіе о положеніи партій на тридентскомъ соборѣ слѣдующія слова Деклера: «Кардиналъ Санта-Кроче, которому было поручено составитъ декреты и анафемы собора, прилежалъ въ ужасное затрудненіе, каковы образцы изложить ихъ такъ, чтобъ удовлетворить всѣ партіи католиковъ и избѣгнуть аналогій протестантовъ. Еслибъ пришлось изложить совершенно-ясно ученіе блаженнаго Августина или доминиканцевъ, то кордельеры обидѣлись бы, а лютеране сказали бы, что ихъ ученіе видимо есть также ученіе корквн». (Leclerc, *Bibliothèque Universelle*).

До-сихъ-поръ, Ранке показывалъ, какимъ образомъ протестантскія начала вкрались въ католицизмъ; но отъ-чего произошло это?—онъ не даетъ отвѣта. А между-тѣмъ это вопросъ важный. Постараемся же разрѣшить его. Мы видѣли, что католицизмъ, поставленный въ необходимость опредѣлять свои догматы, раздѣлился на двѣ партіи. Значитъ, обѣ эти партіи могли существовать въ издрахъ католицизма.

Для объясненія этого факта намъ нужно перенестись ко времени основательнаго вкорененія въ Западную Европѣ христіанства, или, точнѣе, католичества, и вспомнить, кто были тогда главныя дѣйствительныя и поприщѣ религіи. Это, безъ сомнѣнія, св. Θεодосій и блаженный Августинъ. Для вкорененія идеи христіанства во всей ея полнотѣ, нужно было доказать еще не совершенно-отрѣшившейся отъ языческихъ преданій Европѣ двѣ вещи: 1-е) величіе Творца, и 2-е) униженіе твари. Аріанизмъ ясно показалъ, что высокая идея св. Троицы еще не была доступна грубому уму первобыт-

нать народовъ. Идею эту развила совершенно св. Θεодосій: онъ первый на соборѣ ясно и отчетливо объявилъ божественность Исуса Христа, Сына Божія, и уничтожилъ таиничнымъ образомъ ложное направление, которое далъ христіанству Арій. На долю блаженнаго Августина досталось униженіе твари, и, дѣйствительно, цѣлью ученія его было совершенное уничтоженіе въ человѣкѣ свободы воли. Вотъ главные положенія системы его: «Черезъ грѣхъпаденіе Адама човѣческая природа разстроилась какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; грѣхъ его перешелъ на всѣхъ людей; поэтому-то они по свободной волѣ могутъ дѣлать одно зло. Богъ положилъ отъ вѣка снати, чрезъ посланіе Христа, въ этой разарашенной массѣ только нѣкоторыхъ, а прочіихъ предоставить заслуженной погибели. Хотя крещеніе и сообщаетъ човѣку отпущеніе всѣхъ грѣховъ, равно какъ и перво-роднаго, но не уничтожаетъ нравственной испорченности его. Поэтому, одна благодать Божія возбуждаетъ въ избранныхъ вѣру, любовь и силу къ совершенію добра.» (*) Но уничтоженіе свободы човѣческой воли не могло совершиться безъ противодѣйствія въ мірѣ, еще не совершенно-очищенномъ отъ идеи пелагянства. И, дѣйствительно, голосъ оскорбленной земной гордости возвысился противъ ученія блаженнаго Августина — это былъ голосъ Пелагія. «Наслѣдственный грѣхъ нѣтъ» говорилъ онъ: човѣкъ, посредствомъ своей свободной воли, такъ же легко можетъ избирать доброе, какъ и злое; слѣдовательно, всякій можетъ достигнуть блаженства, какъ *salus* и *vita aeterna* (Юс. cit.). Но достигнуть этого онъ только можетъ при содѣйствіи воли, то-есть, посредствомъ дѣлъ своихъ.

Такимъ-образомъ, при самомъ рожденіи католичества, являются двѣ

противоложныя системы въ лицѣ двухъ представителей ихъ, Пелагія и блаженнаго Августина. Борьба двухъ этихъ системъ и составляетъ всю исторію церкви на Западѣ. Въ нѣдрахъ католицизма были постоянно двѣ партіи, спорившія между собою: обнажите ученія этихъ партій, оставьте одинъ скелетъ — и вы увидите, что это тотъ же споръ Пелагія съ блаженнымъ Августиномъ. Самъ католицизмъ играетъ во все продолженіе борьбы важную двусмысленную роль: объявляя себя поборникомъ идей блаженнаго Августина, онъ осуждаетъ ихъ въ устахъ другихъ и, напротивъ, беретъ подъ свое покровительство иногда ученія чисто пелагіанскія. Дѣло въ томъ, что принципы блаженнаго Августина, если возникнуть въ сущность ихъ, были дѣйствительно противны католичеству. Августинъ отвергалъ всякое вѣліе дѣла безъ содѣйствія благодати; католицизмъ, напротивъ, все полагалъ на значеніе дѣла. Лучше всего можно замѣтить противорѣчіе католицизма съ принципами блаженнаго Августина при разсмотрѣніи идей ихъ о монашествѣ. Августиново монашество имѣетъ характеръ чисто-аскетическій и вытекаетъ ирримо изъ его ученія: перво-родный грѣхъ тяготѣетъ надъ міромъ, міръ грѣшенъ, міръ черенъ — човѣкъ долженъ бѣжать его и въ пустынь, вдали отъ міра, осланивая его судьбу. Удалаясь отъ міра, онъ не долженъ надѣяться получить чрезъ это благодать, — ничуть; онъ только бѣжитъ соприкосновенія съ разаратомъ!.. Католичество имѣло совершенно другое понятіе о монашествѣ. Вотъ какъ объяснилъ его св. Бенедиктъ, представитель монашества католическаго. По его мнѣнію верховная цѣль христіанина — наслаждаться Богомъ (*la jouissance de Dieu*). Этой цѣли можно достигнуть посредствомъ уединенной жизни безъ страстей и безъ всякихъ земныхъ привязанностей. Но жизнь эта можетъ осуществляться только тогда, когда човѣкъ будетъ смирять духъ свой *закланимъ*, а чѣло

(*) Лоренцъ. Часть II, стр. 235.

роботы. Възъ три группы, посредствомъ которыхъ человекъ достигаетъ божественной благодати и верховной цѣли христіанства: первое, жизнь монашеская, проводимая въ трудахъ и въ обществѣ обрратій; второе, отшельническая, жизнь одного въ пустынѣ и въ заключеніи; третья, высочайшая, совершеннѣйшая, или идеальная, сопряженная съ лишеніями и терзаніемъ плоти.

Во все продолженіе среднихъ вѣковъ представительницею пелагіанскихъ принциповъ дѣлается схоластика (*), а августинизмъ провозвѣщается въ ученіяхъ всѣхъ реформаторовъ (**). Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ болѣе развѣивать этого предмета. Читатели уже знаютъ изъ Ранке, что Лютеръ воспользовался всѣми августинианскими принципами. Мы нѣтъ въ виду только показать, какимъ образомъ могла возникнуть въ католическѣй протестантская партія, послѣ чего уже самая догматическая часть исторіи папства будетъ для насъ гораздо понятнѣе. Станемъ же слѣдить опять за Ранке.

Реформа католицизма шла своимъ путемъ. Доминиканская инквизиція, пришедшая въ упадокъ, была восстановлена. Строгость ея превзымала всѣхъ соперниковъ. Она соизгла много сочиненій кардиналовъ и принjala систему обскурантизма. Какъ по ту, такъ и по эту сторону Альпъ духовные ордына здружъ стали приходить въ упадокъ. Но здѣсь выразилась совершенно вса противоположность стремленія друкъ реформъ:

«Если Лютеръ отвергъ прежнее священство въ его началѣ и понятіи, то въ Италиі открылось, въ противоположность, стремленіе восстановить это начало и спордъ утвердить (его?) въ Церкви на строжайшихъ основаніяхъ. Съ обнвхъ сто-

ронъ испорченность духовныхъ учрежденій была признаваема; но между тѣмъ, какъ въ Германіи довольствовались уничтоженіемъ монашества, въ Италиі хлопотали о его обновленіи; между тѣмъ, какъ тамъ духовенство освобождало себя отъ столь многихъ оковъ, которыя до сихъ поръ носило на себѣ, здѣсь оно думало подчинить себя еще строжайшимъ правиламъ». (Ч. I, ст. 187).

Нельзя не сознаться, что авторъ подмѣтилъ здѣсь самую характеристическую демаркаціонную черту между двумя элементами, стремившимися, собственно, къ одной цѣли. Въ Италиі ордына францисканскій и камальдульскій были совершенно преобразованы. Въ то же время Гаэтано де-Тиене и Петръ Караффа, убѣжденные въ необходимости реформы, составили союзъ, названный ордыномъ *театинцевъ*, котораго конечною цѣлью было совершеніе и улучшение клира.

«Они не назывались (т. е. назывались не) монахами, а регулярными клириками: они были священниками съ монашескими обѣтами. Намѣреніемъ ихъ было уредить роль священнической семинаріи..... они лепо объявили, что ни въ жизни, ни въ богослуженіи не должно развѣрять обнваемъ и (,) напротивъ (,) хотѣли высвѣтлить себя обязанностямъ клириковъ, проповѣди, отправленію таинствъ, поученію о добрыхъ». (Ст. 161—162, ч. I).

Ордынъ этотъ образовалъ въ-содѣствіи семинарію епископовъ. Но въ этихъ учрежденіяхъ могла снова пробудиться мощь католицизма. На горъвонтѣ ультрамонтанскаго міра поднималась уже грозная тѣнь іезуитскаго ордына. Исторія этого ордына, несомнѣнно, болѣе всего занимаетъ Ранке. Біографія Игнатія Лойола есть образецъ мастерскаго, *художественнаго* изображенія историческихъ характеровъ. Не можемъ не выписать этой біографіи, не смотря на длину ея. Кто можетъ рѣшиться разсказать ее послѣ Ранке своими словами?

«Донъ Иньиго Лопезъ де-Рекальде, младшій сынъ изъ дома Лойола, родился въ замкѣ *отато* (?) имени (,) между Анцентія и Анконтіа въ Гунувской (,) и принадлежалъ къ

(*) Вспомнимъ только богословскіе споры Готшалка, Рабана, Гникмара, Прукенія, Скотта Эригена...

(**) Доллардіицы, Виклеиты, Гуситы и пр. и, наконецъ, протестанты.

лучшаго покаянія (покаянія?) — de penitentibus poenitens — представитель котораго особымъ писемомъ всегда долженствовалъ быть приглашаемымъ къ присягѣ (въ) вѣрности. Взрослѣй при дворѣ Фердинанда Кастильскаго и въ сантѣ Герцога Наваррскаго (,) Игнатій былъ проникнутъ рыцарскимъ духомъ. Онъ жаждалъ рыцарскихъ доблестей; прекрасное оружіе и лошади, военская слава, чудные поединки и любовь занимали его, какъ и всякаго другаго И(н)саница; но въ немъ съ живостью обнаружилась и духовное направление: въ это время воскресъ онъ въ рыцарскомъ романсѣ перваго изъ Апостоловъ.

«Въротно мы прочли бы ния его радомъ съ именами прочихъ храбрыхъ вождей Испанскихъ, которымъ Карлъ V давалъ столько случаевъ отличиться, еслибъ въ 1521 г., при защитѣ Пантелуны противъ Французовъ, онъ не нѣлъ несчастія получить двойную рану въ обѣ ноги и не смотря на всю свою твердость — въ лонѣ, куда его принесли, онъ два раза приказывалъ вскрывать себѣ рану и въ жестокой боли только сжималъ кулаки — пользоваться былъ самымъ дурнымъ образомъ.

«Онъ любилъ рыцарскіе романы, а въ особенности Амадиса, но теперь (,) въ ожиданіи своего выздоровленія (,) началъ читать жизнь Иисуса Христа и нѣкоторыхъ Святыхъ.

«Мечтательный по природѣ, сбитый съ пути, на которомъ, по видимому, ожидало его блестящее счастье, теперь же вмѣстѣ съ тѣмъ принужденный къ бездѣятельности и подстрекаемый болѣзнію, онъ нахотился въ самомъ странномъ положеніи въ мірѣ. Дѣла Св. Франциска и Св. Доминика, являвшіяся ему во всемъ блескѣ своей духовной славы, казались ему также заслуживающими подражанія и, читая ихъ, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ и мужества, чтобы состязаться съ ними въ самоотверженіи и строгости. Конечно (,) нѣрѣдко эти идеи уступали предъ свѣтскими помыслами. Не менѣе того онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, какимъ образомъ отличить ту даму, на служеніе которой посвящалъ себя въ сердцахъ—хотя бы она была, какъ говорить онъ, ни Г(г)рафиня, ни Г(г)ерцогиня, а даже что набудъ болѣе — въ городѣ, гдѣ она живетъ, какими дѣятельными рѣчами будетъ ее пригласовать, какъ окажетъ ей свою преданность, какіе рыцарскіе подвиги совер-

шить въ честь ея. То тѣ, то другія мечты поочередно занимали его.

«Не тѣмъ долѣе это продолжалось, тѣмъ хуже шло его леченіе, тѣмъ болѣе мечты духовныя одерживали верхъ. Будемъ ли же мы такъ несправедливы, чтобы приписать это сознанію съ его стороны своей негодности для военной службы и рыцарскихъ доблестей послѣ такой болѣзни?

«Да это и не было очень рѣзкій переходъ къ чему либо совершенно различному, какъ можетъ быть подумаютъ. Въ своихъ духовныхъ упражненіяхъ, которыхъ начало всегда сосредоточивалось въ перыяхъ представленіяхъ его прервѣн, воображалъ онъ себѣ два отана: одинъ у Іерусалима, другой у Вавилона; въ первомъ все хорошее, во второмъ все злыя: (?) ополчившіеся въ войнѣ другъ противъ друга... Христосъ есть Царь, воздѣлывшій свое намѣреніе покорить все страны невѣрныхъ. Кто хотѣтъ вступить въ его войско, долженъ также одѣваться и принимать такую же пищу, какъ онъ, нести тѣ же труды и ночныя бдѣнія и въ этой мѣрѣ будетъ онъ участникомъ въ побѣдѣ и награжденіи. Предъ нимъ, Дѣвою и всѣмъ сонмомъ небеснымъ долженъ каждый объявить, что желаетъ со всевозможною вѣрностію слѣдовать своему владыкѣ, раздѣлять съ нимъ все неослабно и служить ему въ истинной нищетѣ духовной и тѣлесной.

«Такія-то мечтательныя представленія составляли въ немъ переходъ отъ свѣтскаго рыцарства къ духовному, къ которому онъ стремился, имѣя идеаломъ дѣла Святыхъ и лишенія, которымъ они себя подвергали. Онъ покинулъ отческій домъ и родныхъ и удалился на гору Монсерратъ: (?) не изъ сокрушенія о грѣхахъ своихъ, не влекомый собственно религіозною потребностію, но, какъ онъ самъ говорилъ, желая лишь совершить дѣла, подобныя тѣмъ, чрезъ которыя прославились святые, наложить на себя подобныя или еще строжайшія эпитимы и служить Богу въ Іерусалимѣ. Предъ иконою Богоматери повѣсилъ онъ свое оружіе и латы: на колѣняхъ предъ нею, съ странническимъ посохомъ въ рукѣ, стоялъ онъ на ночной стражѣ, хотя уже не какъ рыцарь, но еще съ воспоминаніями объ Амадисѣ; въ которомъ такъ хорошо обрисованы обязанности *эпано* (?) рода; онъ снялъ съ себя рыцарскую одежду, въ которой пришелъ и надѣлъ грубое платье пустыни-

Ковъ, вырубившихъ себя жилища въ отъхъ голыхъ утесахъ: по выдержаніи общаго покаянія, онъ не отправился, какъ требовало его Иерусалимское предпріятіе, прямо въ Барцелону, боясь, чтобъ его не узнали на большихъ дорогахъ, но сначала прибылъ въ Манрезу, чтобъ послѣ новаго покаянія достигъ оттуда до гавани.

Но здѣсь ожидали его новыя испытанія; направленіе, которое онъ принималъ почти шута, приобрѣло совершенно диктаторскую власть и обнаружало надъ нимъ всю свою силу. Въ кельѣ Д(а)миниканскаго монастыря предался онъ строжайшему покаянію: въ полночь вставалъ для молитвы, семь часовъ ежедневно проводилъ на колыбяхъ и аккуратно три раза въ день бичевался. Это становилось уже ему такъ тяжело, что онъ начиналъ сомнѣваться за жизнь свою; но главное онъ зажитилъ, что это его не успокоиваетъ. На Мессерраті три дня онъ занимался исповѣданіемъ грѣховъ за всю протекшую жизнь; но это казалось ему еще недостаточнымъ. Онъ повторилъ то же въ Манрезѣ, вспоминалъ забытые грѣхи, отъискивалъ самыя мѣ(е)лочи, но чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ сильнѣйшія сомнѣнія нѣ овладѣвали. Онъ думалъ, что Богъ не принимаетъ его, не хочетъ простить. Въ жизни Св. Отцевъ читалъ онъ, что Богъ смягчается и умиляется совершеннымъ воздержаніемъ отъ пищи. Онъ также отъ одного Воскресенія до другаго совершенно отъ нея отказывался. Духовникъ запретилъ ему это (,) и онъ, нѣмъ самое высокое понятіе о послушаніи, покорился приказанію. Иногда бывало, что меланхолія спадала съ него, какъ грубое платье съ плечъ, но скоро опять прежнія муки возвращались. Ему казалось, что будто вся жизнь его была соткана изъ грѣховъ (,) и онъ пытался даже броситься изъ окна.

«Невольно вспоминаемъ здѣсь о бѣдственномъ положеніи Лютера, когда за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ впадалъ въ тѣ же сомнѣнія. Удовлетворить религиозному требованію совершеннаго, сознательнаго примиренія съ Богомъ души, въ неизмѣримой глубинѣ своей несогласной съ собою, при настоящемъ направленіи Церкви, было не возможно. Весьма различными путями вышли они изъ *этого* лабиринта. Лютеръ дошелъ до ученія о примиреніи посредствомъ Иисуса Христа безъ всякихъ дѣлъ; съ *этого* пункта смотрѣлъ

онъ на Писаніе, на которое такъ негустественно опирался. Что касается до Лейбны, то мы не видимъ, чтобъ нѣ изучалъ Писаніе, чтобъ достигати призванію на него вліянію. Такъ какъ онъ жилъ лишь внутренними стремленіями, мыслями, въ немъ самыя роднившіеся, то онъ и полагалъ всегда (,) что испытываетъ то внушеніе добраго, то злаго духа. Наконецъ это различіе дошло до его сознанія (,) и онъ находилъ его въ томъ, что сердца радуютъ и утѣшаютъ, а вторыя производятъ тоску и утомляютъ. Разъ онъ какъ будто проснулся отъ сна; ему показались, какъ будто руками онъ ошущаетъ, что всѣ его мученія суть искушенія сатаны. Съ этой минуты онъ рѣшился отказаться отъ прошедшей жизни, не вскрывать прежнихъ язвъ и не касаться ихъ. Это было не столько успокоеніе, сколько рѣшимость: болѣе мысль (Appaître), за которую, если угодно (,) хватаются, чѣмъ убѣжденіе, которому должно покориться. Она освѣдала была на чувствѣ непосредственнаго сообщенія съ Царствомъ Духовъ. Лютера она никогда бы не удовлетворила: онъ не хотѣлъ ни едоженія, ни лица, открылъ то и другое безъ различія (,) и требовалъ лишь простаго, писаннаго, несомнѣннаго Слова Божія, Любола напротивъ жила съ фантазіями и внутренними созерцаніями. Ему казалось, что Христіанство болѣе всѣхъ понимаетъ старуха, которая на его мученія сказала, что Христосъ ему еще разъ явится. Сначала эта мысль ему не давалась, но теперь уже ему безпрестанно казалось, что онъ видитъ собственными глазами то Иисуса Христа, то Св. Дѣву. На лѣстницѣ у Св. Доминика въ Манрезѣ онъ остановился и громко зарыдалъ оттого будто бы, что ему представилось таинство Святыхъ Тронцы; чѣмъ донь онъ ни о чѣмъ другомъ не могъ говорить и былъ неистощимъ въ сравненіяхъ. Въ *Дворахъ* онъ увидѣлъ потомъ, что такое Богъ и человѣкъ. Разъ отправился онъ въ одну отдаленную Церковь на берегу Лобрегата. Когда онъ здѣсь сѣлъ, устремивъ глаза въ глубину рѣки, то вдругъ почувствовалъ въ себѣ прозрѣніе таинствъ вѣры; вставая, онъ считалъ себя другимъ человѣкомъ. Затѣмъ для него не было надобности ни въ какихъ доказательствахъ, ни въ Св. Писаніи. Если бы *этого* вовсе даже не существовало, то и тогда не задумался бы онъ идти на смерть за вѣру, который до сихъ поръ слѣдовалъ, которую видѣлъ.

«Если уже теперь мы поняли основания этого самобытного развития, этому рыцарству воздержности, эту рѣшимость фантастика и фантастической аскетизма, то нѣтъ болѣе надобности слѣдовать за Иньяго Лейелой на каждом шагѣ(у) его жизни». (Ч. I, ст. 163—172).

Послѣдующая исторія Лойолы извѣстна. Извѣстно, что изъ фантастическаго порыва Игнатія «выобразовался» преимущественно практическое направление. Окончательно сформировавшись, двинулся иезуитскій орденъ на поддержаніе католицизма, и успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Исторія этого перелома католицизма отъ оборонительнаго положенія къ наступательному составляетъ предметъ V и VI книгъ Римскихъ Папъ. Баварія первая приняла иезуитовъ въ лоно свое. Быстро начала распространяться контр-реформа подъ знаменемъ этого ордена. Исторія его остается вѣчнымъ урокомъ человечеству. Ранке не произноситъ окончательнаго сужденія объ иезуитахъ. Невольно вспоминается здѣсь слова Гиздъ: «Они (иезуиты) имѣли величіе; громадная идея свѣдѣна съ нихъ именемъ, вліяніемъ и исторіей. Это отъ-того, что они знали, что дѣлали, чего хотѣли; они имѣли полное и ясное сознаніе принциповъ, по которымъ дѣйствовали, и шѣли, къ которой стремились. Это значитъ, что они имѣли величіе мысли, величіе воли; оно-то спасло ихъ отъ снѣжанаго». Система ихъ была основана на вѣрномъ расчетѣ: распространяя ученіе свое, они постоянно имѣли въ виду обезпечить свое вліяніе на будущія поколѣнія, и потому наиболѣе старались прибрать къ рукамъ воспитаніе юношества. Нѣтъ возможности нелагать всѣ факты развитія контр-реформы въ Германіи.

«Потрясенное въ своихъ нѣдрахъ, въ отношеніяхъ своего бытія, папство умѣло возстановить свои силы и снова утвердилось. На обоихъ Южныхъ полуостровахъ оно умѣло подавить враждебные ему нормы и снова приковать къ себѣ элементы жизни. Теперь оно раздѣляется

снова покорять себѣ отшатнувшихся и во всѣхъ другихъ частяхъ міра. Римъ опять является завоевателемъ: опять начались планы и предпріятія, подобныя тѣмъ, которыя создаемы были на этихъ семи холмахъ въ древнія времена и средніе вѣка» (ч. II, введ.).

Такимъ находимъ мы папство при востшествіи на престолъ Сикста V-го. Католицизмъ не довольствовался Европой: съ иезуитами проникалъ онъ на востокъ, обращалъ къ папской власти несторіанъ, посылалъ духовниковъ въ всѣмъ важнымъ политическимъ лицамъ Европы. Кому не извѣстна исторія царствованія Сикста V-го? Она составляетъ прекрасный эпизодъ въ книгѣ Ранке. Но мы не будемъ на немъ останавливаться. Распространяя ученіе свое посредствомъ иезуитовъ, католицизмъ долженъ былъ дѣйствовать во имя какой-нибудь теоріи. Какова же была церковно-политическая теорія его? На это отвѣтитъ намъ книга Ранке самымъ удовлетворительнымъ образомъ:

«Часто ученію католическому приписывали особенное стремленіе къ формѣ правленія монархической, или аристократической; въ этомъ отношеніи особенно поучительно XVI-е столѣтіе, когда ученіе это явилось во всей силѣ дѣятельности и самобытности. Дѣйствительно мы видимъ, что въ Испаніи и Италіи оно слилось съ наличнымъ порядкомъ вещей; въ Германіи оно служило къ дѣлавленію власти Г(г)осударей новаго перагса надъ Г(г)осударственными чинами; оно благопріятствовало завоеванію Нидерландовъ; оно сохранилось съ особенною любовью дворянствомъ въ Верхней Германіи и въ провинціяхъ валлонскихъ. Но если мы протренимъ дальше наши изслѣдованія, то увидимъ, что не здѣсь только оно возбуждало сочувствіе къ себѣ. Если католицизмъ въ Кельнѣ былъ принятъ патриціями, то въ Трирѣ его держали граждане, а въ большихъ городахъ Франціи онъ былъ всегда въ союзѣ съ притязаніями низшаго класса. Найдти себѣ защиту, подспорю было для него главноею задачею. Если существующія власти боялись съ нимъ въ оппозиціи, то онъ и не думалъ о томъ, чтобы жить съ ними въ союзѣ и признавать ихъ. Онъ не протри-

для нации крестоносцев въ ея законномъ возстаніи противъ правительства англійскаго; онъ избѣгалъ всѣми мѣрами отъ подчиненія королеви Елизаветъ и даже иногда возмущался открыто; наконецъ во Франціи онъ одобрялъ возстаніе своихъ партизановъ противъ законныхъ ихъ Г(г)о-дударей. При самомъ еще возрожденіи, католицизмъ обнаружилъ уже различныя наклонности, сначала къ власти монархической въ Испаніи и Италіи, потомъ къ утвержденію владычества территориальнаго въ Германіи, наконецъ въ Нидерландахъ къ сохраненію привилегій класса аристократическихъ. Въ концѣ столѣтія онъ соединился рѣшительно съ стремленіями демократическими. Это направление его тѣмъ болѣе замѣчательно, что католицизмъ находился тогда во всей полнотѣ своей силы и дѣятельности (.) и что движенія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, составляли самыя важныя дѣла въ мірѣ христіанскомъ. Ежелибы Ины успѣли въ своихъ планахъ, то они приобрѣли бы навсегда преобладаніе надъ свѣтскою властью. Они, (?) являютъ съ требованіями, а партизаны и защитники ихъ съ мѣнѣніями и началами, угрожающими государствамъ внутреннимъ разрушеніемъ и возбуждающими въ нихъ опасеніе за независимость.

«Богъ всѣхъ выступилъ на попрание Іезуиты, чтобы высказывать и защищать такое ученіе. Она провозглашала безграничное господство передъ надъ государствомъ; въ Англіи особенно, гдѣ государя, по законамъ страны, была объявлена главою церкви, начало это людьми, стоявшими во главѣ оппозиціи католической, было принято съ послѣдствіями самыми преувеличенными. Видальгемъ Адмонъ объявлялъ, что нація не только имѣетъ право, но и обязана, особенно, когда И(ц)ака произнесъ приговоръ, отказать въ повиновеніи государю, отдѣлившемуся отъ церкви католической. Пе Пероону, основное условіе власти государя есть сѣйствовать римско-католической вѣрѣ и заманивать ее; обѣты при крещеніи, клятвы при вѣнчаніи на царство обязываютъ его къ тому; смотря на религію римско-католическую, какъ на единственную истинную, они заключаютъ, что не можетъ быть законной власти, противоположной этой церкви, и ставятъ въ зависимость существованіе правительства отъ утвержденія ея

власти въ пользу католической церкви» (стр. 181—184).

Эта теорія и подрывала вторично католицизмъ. Со всѣхъ сторонъ противъ него возстали національности. Теорія католиковъ протестанты противопоставляли божественное право государей, и эта система получила одобреніе національностей. Во главѣ оппозиціи явилась Франція. Обѣ церкви Западн. Европы пришли въ равновѣсіе, и цанство вторично принуждено было ограничить свое притязаніе. Густавъ Адольфъ разсѣлъ гордіесть уэльс. Но въ исторіи католицизма оставался еще важный моментъ — появленіе іезуитовъ. Ранне видѣвъ въ этомъ явленіи только оппозицію ученію іезуитовъ, мы думаемъ, что здѣсь скрывается болѣе-глубокое значеніе. Читателю уже видѣно, что въ католицизмѣ ерѣль гнѣно двѣ противоположныя партіи — августинцы и неагліане. Всегда, когда дѣло шло о точнѣйшемъ опредѣленіи догматовъ, партіи эти явственно обнаруживались (наприм. на тридентскомъ соборѣ).

Іезуитскій орденъ, возникшій изъ Франціи по смерти Генриха III, слеза вырвался туда. Кановы были ученія іезуитовъ? Мы уже замѣчали, что Лейола не былъ богословомъ: онъ жилъ чисто-непосредственными созерцаніями; поэтому, догматы основаннаго имъ ордена были сначала довольно неопредѣленны (*). Аквавива первый опредѣлялъ догматическія убѣжденія ордена, котораго онъ былъ генераломъ. Онъ отвергъ авторитетъ Томаса д'Аквина. Моллина (1588) плетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что «свободная воля, безъ посредства поминанія, можетъ произвестись дѣла нравственно-добрыя, противиться испушеніямъ, возмущаться до дѣла нажда, вѣры, милосердія и раскаянія; когда человекъ достигъ уже этой точки, то Богъ даруетъ ему помилованіе

(*) Впрочемъ, на тридентскомъ соборѣ Іезуиты возстали уже противъ тона-сера.

«ранее заслуге Иисуса Христа, но сра-
 зованных восторгом она испытывает
 «сверхъестественное дѣйствіе освяще-
 нія, но свободная воля тѣмъ не менѣе
 дѣйствуетъ, даже послѣ полученаго и
 «во время прогресса помыслованія; все
 «исходитъ отъ свободной воли, нече-
 «рпъ можетъ сдѣлать для насъ дѣй-
 «ствительное или недѣйствительное
 «повелѣе Воинъ: имъ освященіа осно-
 «вывается на семъ свободной воли,
 «съ совершеніемъ Воинъ.» (Ч. II,
 стр. 301). Ученіе это возбудило него-
 «дованіе августинцевъ и доминикан-
 «цевъ. Великій инквизиторъ осудилъ
 «его. Навѣ рѣшилъ ни про, ни сонга.
 «Вра такія обстоятельства, ученіе
 «развилось: въ половинѣ XVII-го сто-
 «лѣтія оно достигло своей апогеи. «Док-
 «трины пелатинна и въ особенности
 «сема-пелатинна, вводили нече-
 «ствительны образы церковь и состав-
 «ляли основу тогдашняго католическа-
 «го ученія. Доктрины эти, основыва-
 «вшіеся на благодати Отца и беспре-
 «дѣлимой милосердіи Сына, и стре-
 «мились къ возобновленію воли и
 «свободы челоѣка, возмѣнили свое-
 «ство тѣхъ торжественныхъ благомысли-
 «хъ; ибо, думали они, если падшіи
 «челоѣки еще свободны въ томъ смъ-
 «слѣ, что можетъ достигать возобно-
 «вленія нравственной и физическо-
 «природы своей дѣйствіемъ свободной
 «воли, то онъ еще не совершенно налз,
 «и, стало быть, вѣчно исузленіе Го-
 «спода нашего Иисуса Христа не со-
 «вершенно необладно.» (*Saint-Benoit*,
Part Royal.) Иезуиты торжественно
 «проповѣдали правила свои: августин-
 «новская оппозиція должна была про-
 «пасться.

Въ 1611 году, въ Парижѣ, двое мо-
 «лодыхъ людей обдумывали глубокую
 «идею. Ясеній изъ Лёвена и Дюверже
 «де-Героннъ, въ послѣдствіи аббатъ
 «Сен-Сиравъ, встрѣтились какъ-то и,
 «всобщая другъ другу мысли свои, со-
 «знали, что тогдашніе толкователи дог-
 «маты религіи, рабаки-подчиненные
 «схоластическимъ сочиненіямъ, не воз-
 «водили на духъ великой древности

«пристѣненной. Они рѣшили обратиться
 «къ этимъ источникамъ и, чтобы еще бо-
 «лье усилъ въ своихъ намѣреніи, Сен-
 «Сиравъ увезъ друга своего Ясенія въ
 «Байонну. Тамъ, съ 1611 до 1617 года
 «научали они всю капоническую древ-
 «ность, постановленія соборовъ, отцовъ
 «церкви и преимущественно блаженнаго
 «Августина. Ясеній создавалъ теоріи,
 «Сен-Сиравъ прилагалъ ее къ практикѣ.
 «Вотъ ученіе ихъ въ томъ видѣ, какъ
 «оно изложено въ *Augustinus*, книга,
 «изданной по смерти Ясенія:

«Ясеніусъ начинается отъ освобожденія че-
 «ловѣческой воли: она смышается, нече-
 «щается пожеланіемъ земныхъ предме-
 «товъ: собственными силами она не мо-
 «жетъ освободиться изъ этаго состоянія;
 «ей должна помочь въ этомъ благодать,
 «которая состоитъ не столько въ прощеніи
 «грѣховъ, сколько въ освобожденіи души
 «отъ узъ пожеланія.

«За тѣмъ является его отличительное
 «мнѣніе. Онъ выводитъ благодать изъ вы-
 «сшаго, чистѣйшаго удовольствія, смуща-
 «емаго душою въ божественныхъ предме-
 «тахъ. Дѣйствительная благодать Священ-
 «на, говоритъ онъ, есть ничто иное, какъ
 «духовный восторгъ, которымъ воля не
 «буждается желать и исполнять заповѣдан-
 «ное Богомъ. Она есть непронзвольное,
 «Богомъ душъ внушаемое движеніе, въ
 «слѣдствіе котораго доброе челоѣку нра-
 «вится и онъ побуждается стремиться къ
 «нему. Неоднократно подтверждаетъ онъ,
 «что добро должно дѣлать не изъ страха
 «наказанія, но изъ любви къ справедливо-
 «сти.

«Съ этаго пункта переходитъ онъ къ
 «высшему вопросу, въ чемъ состоитъ спра-
 «ведливость?

«Онъ отвѣчаетъ: самъ Богъ.

«Ибо Бога не слѣдуетъ представлять
 «себѣ, какъ тѣло или какой-нибудь образъ,
 «или даже какъ сѣтъ: въ немъ надо ви-
 «дѣть и любить вѣчную правду, изъ кото-
 «рой истекаетъ всякая правда и мудрость,
 «—справедливость, не въ эмпиричѣ качествѣ
 «духа, но какъ идею, составляющую для
 «него высшій, ненарушимый законъ. Пра-
 «вила нашихъ дѣйствій проистекаютъ изъ
 «вѣчнаго закона: они суть отраженіе его
 «сѣта: кто любитъ справедливость, любитъ
 «самаго Бога.

«Челоѣкъ становится добрымъ не чрезъ
 «то, что импрессируетъ духъ свой къ то къ

другое добро, но чрезъ несталанное влнженіе къ непреложному, простому, вышшему добру, которое есть правда, самъ Богъ. Добродѣтель есть любовь къ Богу.

«Въ этой-то любви и состоитъ освобожденіе воли: ея невыразимая сладость негреблаетъ прелесть пожеланія: изъ нея возникаетъ свободная, ублажающая необходимость не грѣшить, но жить хорошо, потишная свободная воля, т. е. воля, освобожденная отъ зла и исполненная добра. (Ч. III, ст. 350—352).

Эти доктрины быстро распространились по всей Франціи. Противники составили пять положеній, будто-бы неавторитетныхъ изъ сочиненія Ясена, и представили на осужденіе папы. Римскій дворъ назначилъ комиссію. Въ комиссіи тотчасъ оказались различные мнѣнія. *Четверо изъ ея членовъ, два доминиканца, одинъ миноритъ, Лука Ваддингъ, и августинскій генералъ не находили причины къ осужденію.* (Стр. 361). Большинство было на сторонѣ Ясена, во папа (Иннокентій X) осудилъ эти пять предложеній. Ясенисты тогда пошлн на верекоръ папскому рѣшенію. Не должно ошибаться: явленіе ясенистовъ есть чистая реформація въ нѣдрахъ католицизма. Чтѣ дѣлаютъ ясенисты въ Пор-Руаллѣ? «Они начали переводить св. писаніе; отцовъ церкви, латинскія молитвенныя книги: счастливо умѣли они при этомъ избѣгать старинныхъ формъ, вредившихъ до-сихъ-поръ трудамъ *этого* рода, и выражались съ увлекательною понятливостію» (тамъ же). Какое былъ результатъ ясенистовъ? — выраженіе *libertés de l'Eglise gallicane* (*). Самъ Боссюэтъ, великій двигатель регенераціи французскаго католицизма, былъ въ душѣ протестантъ, ясенистъ. До-сихъ-поръ на его *Discours sur l'Histoire Universelle* смотрѣли, какъ на произведеніе историческое. Но цѣль Боссюэта была обработать исторію съ тѣмъ, чтобъ дока-

зать, что вся она служитъ подтвержденіемъ августинскаго или лютеранскаго принципа о предначначеніи. Мы только не забываемъ, какии образцы Боссюэтъ можетъ такъ противорѣчить себѣ, толкуя послѣ того о негибкости римской и галликанской, о негибкости (*faillibilité*) папъ и непогибкости (*indéfectibilité*) римской церкви.

Это возрѣніе на Боссюэта предметъ новый свѣтъ на отношенія его къ Лудовику XIV-му. На нихъ обращали до-сихъ-поръ мало вниманія — величїе по чему. Папѣ кажется, что Боссюэта совершенно нельзя почитать безъ Лудовика XIV-го, равно какъ и Лудовика XIV-го безъ Боссюэта. Одни служатъ объясненіемъ другому.

Послѣдній эпизодъ книги Ранке составляетъ управленіе іезуитскаго ордена и революціонное время. Протестанты и католицизмъ приняи въ равнозвѣсіе. Чтѣ будетъ съ нами — дѣло исторіи.

До-сихъ-поръ мы разсматривали внѣшнее проявленіе самъ католицизма. Вглянемъ теперь на самый, такъ сказать, механизмъ востана. Великія предпріятія замышлялись и исполнялись прежними владыками міра; эти предпріятія требовали денегъ: откуда шли эти деньги? Изъ Церковной-Области. Цезарь Борджіа и Юліи II, вотъ родоначальники свѣтскаго могущества папъ. Послѣ нихъ Область приобрѣла только Урбину и Феррару. На какомъ основаніи владѣли папы разными герцогствами — понять не трудно. Кто читалъ великолѣпную драму исторіи итальянскихъ республикъ Сисмонди, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что въ Италіи община, достигнувъ апогея муниципальнаго развитія, отдавала часть правъ своихъ владыкѣ, получая за это не только привилегіи. Такія отношенія существовали между папой и герцогами. Отношенія эти можно снѣло назвать неясными, потому-что подлѣ власти легата возвышалась муниципальная власть пріоровъ, и вообще являлось множество подобныхъ контрастовъ. Къ тому же *nobili* и бароны были неиз-

(*) Ранке доказываетъ даже, что религиозныя реформы революціоннаго вѣка были сдѣланы съ согласія ясенистовъ.

когда неприязненным правительству. Въ чемъ заключалась причина неприязненныхъ отношеній? Приведемъ факты.

Въ 1532 г. Анкона отказывается отъ платежа новыхъ налоговъ; берутъ замышлять и обращаютъ въ бѣгство губернатора (Ч. I, стр. 369).

Въ 1540 г. папа возвысилъ въ половину цѣну соли. Перуджія возстала и, послѣ кратковременной свободы, должа была сдаться. (Стр. 373).

Словомъ, мы видимъ постоянную борьбу съ обѣихъ сторонъ. Папа опредѣляетъ новые налоги—народъ противится: вотъ вся исторія Церковной-Области. Такіе факты должны были неизменно привести Равне къ изученію испанскихъ финансовъ, и это предпріятіе исполнено имъ блистательно. Здѣсь мы должны еще замѣтить одну особенность таланта берлинскаго профессора. Онъ ввелъ въ исторію совершенно новый, но тѣмъ не менѣе существенный элементъ — политико-экономическій. Онъ первый далъ право гражданства, въ общей системѣ исторіи, политико-экономическимъ фактамъ. До него, подобная попытка была сдѣлана Сисмонди (*Histoire des Rep. Ital.*), болѣе ничѣмъ. Мы бы могли поговорить здѣсь о дѣйствительной важности политико-экономическихъ фактовъ въ исторіи, но обратимся къ Равне: очеркъ его докажетъ намъ *de facto* все, о чемъ мы могли бы говорить только *a priori*.

Прежде всего дѣло идетъ о томъ, чтобъ представить систему испанскихъ финансовъ, — систему важную не только въ отношеніи этого государства, но и всей Европы такъ, какъ она служила общимъ образцомъ.

Если вселенные обороты среднихъ вѣковъ своимъ развитіемъ обзаны главнымъ образомъ существованію Папскихъ доходовъ, которые со всѣхъ сторонъ свѣта стекались въ Курію; то система Государственныхъ долговъ, теперь всѣхъ насъ опутывающая и обуславливающая все движеніе

торговли, также впервые развилась въ Церковной Области» (ч. I, стр. 374).

Во-первыхъ, нужно разсмотрѣть, каковы были доходы папъ. До времени Льва X, налоги были такъ незначительны, что рѣшительно не отягчали народа. Тѣмъ не менѣе доходы были неважны, но изъ нихъ и седьмая часть не доставалась намъ *ex manu*. Нужно было найти средство добывать деньги. Индугенціи и юбилеи уже потеряли свою силу. Куда же растекались деньги, непопадавшіе въ руки папамъ? Онѣ были взимаемы отъ продажи должностей. Сущность продажи этой состояла въ томъ, что пріобрѣтатели должностей платили известную сумму, съ которой потомъ пожизненно получали проценты, а кромѣ того пріобрѣтали кой-какія нуствы преннущества; но собственно это было ни что иное, какъ займы съ пожизненными процентами» (стр. 378).

Послѣ этого объясненія обиліе разныхъ должностей въ Римѣ не покажется намъ страннымъ. Тѣмъ не менѣе обиліе это поразительно. Левъ X увеличилъ число должностей до 2150, на сумму 320,000 скуди! Но скоро и продажа должностей иссякла: обратились къ налогамъ. Адріанъ первый рѣшился учредить прямой налогъ по полдуката съ огня. Прогрессія налоговъ возрастала до Павла III, который установилъ трех-голичный *sussidio*. Новая финансовая операція представилась уму Климента VII. При должностяхъ капиталъ погибалъ съ смертью покупателя, если фаншалъ *этаго* не пріобрѣтала должностіи вновь отъ папской камеры. Теперь Климентъ занялъ капиталъ въ 200,000 дук., который, правда, не приносилъ такихъ большихъ процентовъ, какъ должностіи, но все таки довольно значительное, именно 10 проц., и притомъ переходилъ по наследству. Это былъ *Monte non vacabile*, *Monte della Fede*. Проценты были возложены на таможеню» (стр. 381—382). Это было началомъ дальновидныхъ финансовыхъ операцій.

Послѣ Климента, Юлій III рѣшился сдѣлать новый заемъ (monte) и произвелъ его такимъ путемъ, которому послѣ уже почти всегда слѣдовали. Пусть говоритъ самъ Ранке :

«Онъ (Юлій III) сдѣлалъ новый налогъ, но два К(к)ардина на руббю шукъ такъ, что за всѣми вычетами досталось ему до 30000 ск.; эту сумму онъ обратилъ въ проценты на капиталъ, который тотчасъ занялъ (,) и такъ основалъ Monte della Fagina. Очевидно, что это опять чрезвычайно было похоже на прежнія финансовыя операціи: точно такъ, какъ прежде создавали новыя церковныя должности, съ оставленіемъ имъ надбавочныхъ податей, только для того, чтобы продать эти должности и выручить деньги, теперь возвышали доходы Г(г)осударства новыми налогами, чтобъ изъ нихъ составить проценты на капиталъ, котораго иначе приобрести не умѣли. Всѣ слѣдующіе Папы продолжали поступать также. Иногда эти Моні, какъ Клементинскій, бывали по *vacabili*, иногда опять *vacabili*, т. е: со смертію вѣрителя прекращалась обязанность платежа процентовъ, но въ этомъ случаѣ проценты бывали выше. Павелъ IV устроилъ *Monte pontificale de'fratelli* съ предначинаніемъ ему подати, которою обложилъ регулярныя монашескія орденны. Пій IV положилъ по квартирну на фунтъ мяса и полученный отсюда доходъ обратилъ тотчасъ на учрежденіе *Monte Pio non vacabile*, который доставилъ ему 170000 ск. Пій V прибавилъ новый кварталъ на фунтъ мяса и устроилъ *Monte Vega* (Ч. I, стр. 386).

Такимъ образомъ, и налоги и папскіе доходы были весьма незначительны. Все перемѣнилось съ тѣхъ поръ; но, получая большіе доходы, папы пользовались почти все той же суммой. Съ налогами возрастали отчужденія ихъ. Посмотримъ, что будетъ далѣе... На папскомъ престолѣ является рвѣная личность — Сикстъ V. Папа этотъ дѣлалъ о возстановленіи католическаго величія, украшаетъ Римъ величественными зданіями, и въ заключеніе оставляетъ преемникамъ своимъ, въ Заніи-св.-Ангела, 2,000,000 сер. скуди:

Откуда богатство это? откуда средства его? Вотъ, что отвѣчаетъ на это Ранке.

«Однимъ изъ главныхъ его источниковъ была продажа должностей. Сначала онъ возвысилъ цѣну ипотечныхъ, уже проданныхъ. Примѣромъ тому служить должность К(к)азначей К(к)амеры. До сихъ поръ она была продаваема за 15,000 ск., онъ продалъ ее сначала одному Джюстиніану за 30000 ск.; слѣдующаго К(к)ардиналомъ, онъ продалъ ее Пепони за 72000 ск., когда же и самое облекъ пурпуромъ, то отдалъ цѣну половину отъ доходовъ этой должности, именно 5 т. ск. и опредѣлилъ это за устройство *Monti*; не смотря на то, должность была продана за 50000 золотыхъ ск. Во вторыхъ онъ сталъ продавать должности, которыя до сихъ поръ раздавались даромъ: мѣста Нотаріусовъ, Фискаловъ, Генераль-Коммиссаровъ, Солдататаровъ Камеры, Адвокатовъ для бѣдныхъ и т. сто за значительную плату: такъ напр. Генераль-Коммиссарство за 20000, Нотаріатъ за 30000 ск. Наконецъ онъ увеличилъ множество новыхъ должностей, въ томъ числѣ и весьма значительныхъ, такъ напр: Казначей Датарія, комиссаріумъ Профектуру, 24 Ресервдарства, 200 Каммеррате, Нотаріаты въ главнѣйшихъ мѣстахъ Государства: всѣ онѣ были проданы.

«Этимъ путемъ конечно собрали онъ значительныя суммы: продажа должностей доставила ему 608310 ск. золотыхъ, 401803 ск. сер., всего около полутора миліона серебромъ; но, какъ и прежде, въ этомъ было величайшее зло для Государства: приобретающіе правительственныя права за деньги, сдѣлавшіе изъ обязаннаго вниманія на обязанности должностныхъ жестоко обременили обязанныхъ имъ платежъ. На должность смотрѣли, какъ на собственность, которая даетъ право, но возлагая обязанности, требующія уплаты.

«Но кромѣ того Сикстъ чрезвычайно умножилъ и *Monti*. Онъ устроилъ 41 *Monti non vacabili* и восемь *Monti vacabili*: болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ» (Ч. I, ст. 433—435).

Налоги шли своимъ путемъ. Порочное явленіе! Скопить капиталъ и реинвестировать государство и надѣлать его

свои долги! Чемъ объяснить это? Сикста V представлялъ странное соединеніе наклонности къ практицизму съ стремленіемъ къ самымъ фантастическимъ планамъ. И что за планы! То мечтаетъ онъ о крестовомъ походе противъ Турціи, то представляется ему завоеваніе Египта и соединеніе Средиземнаго-Моря съ Чернымъ. Развѣ превосходно объяснить намъ характеръ знаменитаго францисканца. Приводимъ это мѣсто.

«Эти чрезвычайные проекты, или (это выраженіе слишкомъ опредѣленно) лучшіе «идеи» химеры, воздушные замки — по крайней мѣрѣ находились въ противорѣчіи съ практическою и всегда направленною на извѣстной цѣли дѣятельностію Сикста V; однако же не слѣдуетъ ни признать, что и эта дѣятельность имъ принадлежала часто мыслями, называвшимися въ его кипучато воображеніи и никогда не могшими осуществиться: такъ, идея сдѣлать Римъ столицею христіанства, которую всѣ Христіане всѣхъ странъ, не исключая и Америки, должны регулярно посѣщать въ истеченіи извѣстнаго срока времени, но преобразование памятниковъ античныхъ и языческихъ въ христіанскіе, его накопленіе суммъ съ предназначеніемъ образовать изъ нихъ сокровище, на которомъ должна была прочно утвердиться свѣтская власть церкви, — всѣ эти планы, которыхъ источникъ заключался въ восторгѣ религиозной фантазіи, выходили безъ всякаго сомнѣнія за предѣлы возможнаго. . . . .

Онъ создалъ планъ въ своемъ живомъ и мечтательномъ воображеніи; но такъ какъ не могъ тотчасъ приложить къ нему своей руки, такъ какъ исполненіе его было отдаленно, то воля его не была столько дѣятельна, чтобы сохранять и развить его: онъ отъ него отпадалъ отъ проекта, который только что занималъ его мысли и мѣсто его занималъ другой» (Ч. II, стр. 203—204 и 208—206).

Мы привели невольно еще притѣреніе превосходныхъ біографическихъ очерковъ Ганке. Біографія его не есть сухой послужной списокъ; историческое лицо не представляется, но обыкновенно, каковы-то безплотныя об-

разовы; для него біографія — только анализъ челоука въ психологическомъ отношеніи; онъ представляетъ намъ историческое лицо челоукомъ съ плотью и духомъ, живымъ существомъ. Біографія равныхъ историческихъ лицъ разсѣяны въ Римскихъ Папакъ, какъ блестящіе цвѣты по лугу; каждая изъ нихъ представляетъ что-то художественно-полное, что-то отдѣльное.

Нѣчего много говорить о финансово системѣ папъ послѣ времени Сикста V-го. Употребленіе накопленныхъ имъ денегъ было такъ ограничено, что папѣ представлялась скорѣе возможность дѣлать долги. Скоро, на по этому пути, папы уменьшили чистый доходъ до крайности. Вотъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ:

Въ 1587 г. доходы простирались до 1,358,456 скуди, долги до 12,242,620. Дѣй трети дохода шли на уплату процентовъ.

Въ 1599 г. проценты поглотили уже три четверти дохода, а въ 1605 г. только 70,000 скуди не пошли на уплату процентовъ.

Прогрессія все шла увеличивалась. Ясно, что папѣ съ остатками чистаго дохода не могъ прожить и полу-года. Какъ быть? Надо дѣлать займы. Налогъ уже возрасъ до непереносимаго количества. Муниципалитеты безпрестанно вставали противъ центральной власти; для усмиренія ихъ требовалось заемное войско. Тѣмъ не менѣе займы дѣлались весьма-легко, потому-что всѣ европейскіе капиталисты отхлынули отъ Испаніи и положили деньги свои въ римскія кредитныя установленія. Но скоро капиталистовъ этихъ постигла пагубная итра — уменьшеніе процентовъ *monti*.

Но не одни *monti* и продажа должностей поглощали папскіе доходы. Къ этому присоединилось еще одно пагубное для Папской-Области обыкновеніе. Мы говоримъ о *лепотизмѣ*, или *племянничествѣ*. Первоначально папы старались всегда доставлять иде-

племянникъ своимъ отдѣльными областями цѣлью—утвердить могущественный домъ. На такомъ основаніи доставилъ Александръ VI область Цезарю Борджіа, виртуозу въ преступленіяхъ, по выраженію Ранке. Обычай этотъ былъ уничтоженъ со времени регенераціи католицизма; его замѣнила новая система, пущенная въ ходъ Сикстомъ V. Всегда являлись въ преобладаніи два племянника, изъ которыхъ одинъ, получая званіе кардинала, принималъ въ свое завѣдываніе управленіе церковными и политическими дѣлами; другой, принадлежа къ свѣтскому сословію, оставалъ себѣ богатую парцію супружествъ и, получивъ недвѣжнныя имѣнія Луоджи ди-Монте, образовывалъ Маюратъ и Княжескій Домъ. (ч. I, стр. 428). Къ этому обычаю присоединился еще другой: вошло въ обыкновеніе, чтобъ родственники каждаго папы пользовались избытками духовныхъ доходовъ. Эти избытки были довольно-значительны. Климентъ VIII въ свое тринадцатилѣтнее управленіе передалъ племянникамъ вообще болѣе милліона чистаго лантала. Боргеа получали отъ Павла V еще болѣе: одинъ кардиналъ Сципионъ Кафарелли-Боргезини имѣлъ 150,000 ск. годового дохода. Ранке приводитъ финансовую исторію знаменитѣйшихъ племянническихъ домовъ. Такимъ образомъ заключается онъ: «съ каждымъ папствомъ новыя поколѣнія достигали наследственнаго могущества и вступали въ разрядъ мѣстной аристократіи.»

Мы перешли незамѣтнымъ образомъ отъ управленія Папской-Области къ основнымъ ея элементамъ. Взглянемъ же на административное устройство куріи.

Курія была не только церковное учрежденіе, но имѣла у себя подъ рукою Государство и косвеннымъ образомъ господствовала надъ болѣею частью міра. Въ той мѣрѣ, какъ кто либо пріобрѣталъ участіе въ этой власти, пріобрѣталъ также и значительность, богатство, вліяніе и словомъ

все, чего только человекъ могъ желать. Природа человеческая не могла такъ рѣшительно измѣниться, чтобы въ ней осталось стремленіе только къ духовнымъ интересамъ. Здѣсь, разумѣется, происходило то же, что и при другихъ Дворахъ, не только въ совершенно особомъ, этой почвѣ свойственномъ характерѣ (Ч. I, стр. 471).

Каковъ былъ характеръ честолюбивыхъ стремленій римскаго двора—мы сейчасъ увидимъ. Когда папа Ювентъ XXIII отправился въ Римъ, то на вопросъ: зачѣмъ онъ ѣдетъ туда? отвѣчалъ: «хочу быть папой». Этотъ фактъ объясняетъ многое. Онъ показываетъ, какъ оправданно замѣчаетъ Ранке, что-то республиканское въ устройствѣ прелатуры и куріи: *every man for himself*. Человекъ, вышедшій побѣдителемъ изъ битвы выборовъ, становился главою католическаго міра. Мысль эта возбуждала всеобщее соревнованіе. Ранке нашелъ въ рукописныхъ собраніяхъ множество настояній, какъ вести себя при этомъ дѣлѣ. Мы уже сказали, что при избраніи папы выборы рѣшались все. Какъ происходилъ выборъ этотъ, что имѣло на него вліяніе? Обращаемся опять къ Ранке:

«Въ первой половинѣ XVI столѣтія перешла партія императорской, или партія Французской рѣшала обыкновенно выборы; кардиналы не имѣли уже, какъ сказалъ одинъ папа, свободнаго голоса. Но съ половиною XVI столѣтія такое вліяніе чуждыхъ Государствъ сдѣлалось гораздо менѣе чувствительнымъ, и дворъ Римскій былъ болѣе предоставленъ самому себѣ. Въ эту эпоху утвердился особенный, странный обычай.

«Всякой папа назначалъ обыкновенно нѣсколькихъ кардиналовъ, которые потомъ сосредоточивались на ближайшемъ конклавѣ около племянника умершаго папы, образовывали новую, сильную партію и старались обыкновенно возвести своего изъ своихъ на тронъ папскій. Замѣчательно, что имъ никогда не удавалось осуществить свои честолюбивыя планы: почти всегда оппозиція одерживала побѣду и выбирала противника умершаго папы.»

«Всѣмъ терпѣливыми приверженнымъ по предѣльному, а предпослѣдному папѣ» (ч. II, стр. 221—222).

Такихъ образомъ былъ построенъ этотъ мемориалъ, посредствомъ котораго судьбы католическаго міра сливались въ рукахъ одного человѣка. Этотъ рядъ людей съ характерами самыми противоположными, съ вѣчно-безпокойными стремленіями, представляють много величія. Грандіозность была постоянно цѣлью католическихъ стремленій, и, надо сказать правду, грандіозность эта выразилась искусно. Она проявила насквозь католическое искусство. Если вы поѣдете въ Римъ и остановитесь на Площади-св.-Петра передъ знаменитымъ соборомъ, выйните глубже въ ливія архитектуры его, — здѣсь вся исторія католическаго зодчества. При Львѣ X, Римомъ овладѣлъ художническій порывъ подражанія древности. Папа самъ принялъ срыть древнюю базилику св.-Петра, метрополию христіанства, въ которой каждое мѣсто было священно, въ которой соединились памятники богопочтенія столь многихъ вѣковъ, и на мѣстѣ ея приказалъ соорудить храмъ по образцу древности (ч. I, стр. 65). Куполъ, возведенный Сикстомъ V-мъ надъ св. Петромъ, представляетъ новую эпоху зодчества и, стало-быть, католичества. Эту эпоху могутъ объяснить два факта: надвѣсь на обелискъ Сикста V гласить, что онъ исторгъ этотъ монументъ у императоровъ Августа и Тиберія и посвятилъ его святому кресту. Сикстъ V вынесъ изъ Ватикана почти всѣ древнія языческія статуи и оставилъ только Минерву, взявъ у нея изъ рукъ вошь и вложивъ на мѣсто его крестъ.

Если Сикстъ V возвелъ куполъ св.-Петра, то Павелъ V довершилъ церковь. Онъ произвелъ это въ духъ своего времени, въ большихъ размѣрахъ, отдалившись отъ первоначальныхъ плановъ Браманте или Микелла-Анджело. Колоссальность зданія, площадь,

обелискъ и все окружающее поражаютъ своимъ гигантизмомъ, что и вышло въ виду; зритель не можетъ противостать обаятельной силѣ, свывышающей его вниманіе (стр. 284).

Чудная картина — эта Площадь-св.-Петра со всѣми громадными ея зданіями! Но, рассматривая картину этой площади, не знаю почему, воображенію моему представляется другая картина, только съ нѣкоторыми аксессуарами. Я переношусь мыслію къ 1511 году. Передо мною Пилатова-Иѣстница, по ней поветъ на колѣняхъ августинскій монахъ: онъ собирается просить у папы индульгенціи. Но вдругъ смиренный монахъ встаетъ, въ ухахъ его раздается голосъ: «праведный спасется вѣрой». Блуждающіе взоры его поднимаются — передъ нимъ католическій Римъ...

Книга Ранке распадается на двѣ части, изъ которыхъ мы рассмотрѣли каждую отдѣльно. Если спросимъ теперь, имѣлъ ли Ранке какую-нибудь цѣль при этомъ раздѣленіи, то увидимъ, что имѣлъ. Залушевская мысль всего творенія берлинскаго профессора заключается вся въ слѣдующемъ мѣстѣ:

«При обзорѣи всего *этого* тотчасъ обнаруживается всеобщее значеніе Церковной области. Каковы же были потребности, заставившія Папу приступить къ этому странному роду займовъ, непосредственно обременявшихъ ихъ область? *Эти* были обыкновенно общія потребности *Католицизма*. Такъ-какъ чисто-политическія предпріятія миновали, то въ виду остались Церковныя. Подкрѣпленіе Католическихъ Государей въ борьбѣ съ Протестантами и въ ихъ предпріятіяхъ противъ Турокъ были почти всегда ближайшимъ поводомъ къ новымъ финансовымъ операціямъ. . . . .
Всякое Европейское движеніе касалось въ этомъ отношеніи Церковной области, которая каждый разъ какою либо новою податію должна была содѣйствовать замиренію Церковныхъ интересовъ. *Помо-*

...иначе... да Дирковнаго доло-
диди Пале такъ, каково было, что они
имьям Государство» (т. I, стр. 387).

Переводъ..... но о переводѣ читате-
ли могутъ судить по выпискамъ: вни-
га Ранке оставила насъ въ такомъ ири-
твомъ расположеніи духа, что намъ
остается только поблагодарить г. пе-

реводчика и показать, чтобъ она, са-
дуя прашіру г. Хебера, передаетъ
вполнѣ на русскій и другое презо-
сходное твореніе Ранке «Государи и
народы Южной Европы въ XVI-мъ и
XVII-мъ столѣтіяхъ», но только по-
улучшилъ языкъ и правописаніе се-
его перевода.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АВГУСТЪ.

286) **Октавы Е. Вердеревскаго. I. Большой (разсказъ въ стихахъ). Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣл. Фишера. Въ 8-ю д. л. 74 стр.**

Рѣшительно, мы живемъ въ болѣзненномъ госпиталѣ, а не посреди прѣвославленной, крѣпкой и здоровой Руси, какъ думали наши предки; нѣтъ, судя по героямъ, которые появляются изъ нашего общества, то поля покровомъ стиховъ, то въ одеждѣ легкой прозы, можно заключить, что мы всѣ ходимъ то съ разбитыми головами, то съ перелаваннымъ сердцемъ, что эта болѣзненная голова хуже всякой мигрени, а сердца наши... въ пользу ихъ и самъ г. Проговъ не въ состоянн сдѣлать удачной операціи. Вотъ на судъ публики представляется еще одинъ большой въ октавахъ. Чѣмъ бываютъ большы герои нашихъ повѣстей, поэмъ и

Т. LIV. — Отд. VI.

разсказовъ въ стихахъ — публикѣ почти извѣстно. У нихъ есть много общаго въ недугъ; но этотъ безымянный таковъ, говорить г. Вердеревскій:

« Вы скажете, герой мой всѣмъ знаменъ,
Отъ даже старъ и колоритомъ бѣдны;
Герой съ «разочарованнымъ умомъ,
Онъ долженъ быть, неправда-ль, очамъ бѣдны,
Высокъ и худощавъ, съ широкимъ лбомъ,
Какъ всѣ герои нашихъ модныхъ бредень?...
Ошиблись вы, межъ ними мало следствъ,
Въ носѣхъ герой больше благородствъ.
(Стр. 3).

Герой октавъ г-на Вердеревскаго можетъ быть названъ «героємъ съ разочарованнымъ умомъ», потому-что онъ

не был никогда, совсѣмъ не былъ очарованъ и ничѣмъ въ мирѣ; умъ и сердце этого героя куда бы то ни были устремлены, встрѣчали одно «безочарованье» (стр. 65). — Это дѣйствительно долженъ быть новый оттѣнокъ болѣзни, потому что и самое названіе ея ново. Безочарованіе, безочарованіе?!.. никогда не слышали. Разочарованіе — другое дѣло, это всѣмъ извѣстно: разочарованные люди въ молодости бывали людьми очарованными; они любили, кутили, думали, а потомъ съ лѣтами, съ опытностью, имъ надоѣдало и любить, и кутить, и думать; на нихъ, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ находила то хандра, то апатія, то сплинь — назовите это какъ вамъ угодно, а въ стихахъ этотъ второй періодъ жизни назывался «разочарованіемъ». Но вотъ герой, который пошелъ гораздо дальше, потому что онъ и въ молодости ничѣмъ не очаровывался, слѣдовательно, съ лѣтами ему нѣ въ чемъ было и разочаровываться. Если уже разочарованныхъ нелегко было вылечить, то «безочарованный больной», по нашему мнѣнію, принадлежить рѣшительно къ трудно-болѣвымъ; если первые жгли и наслаждались въ молодости, то втораго разряда болѣвые не знали уже отъ рожденія никакой радости и утѣченія. Больно думать, что и въ нравственномъ мирѣ могутъ быть такія же явленія, какъ въ мирѣ физическомъ, т. е. слѣпые и глухонемые отъ рожденія! Неужели это правда? — Сомневаемся на автора, который вотъ что говоритъ (стр. 25 и сл.):

Его отецъ, значительный чиновникъ, служилъ, обѣдалъ, спалъ, послѣ кресты, воображалъ, что важный онъ сановникъ, и не знавалъ возвышенной мечты. Блудливая хозяйница кармана, любившая хозяйничать, считать, прожившая безъ драмы, безъ романа, — дѣтъ, въ двухъ словахъ его родная мать! Онъ былъ залогомъ первымъ этой связи Существо безъ сердца, съ бѣдной головой,

И встрѣтилъ жизнь среди хлопотъ и гнѣвъ Вседневныхъ дразговъ жизни сѣдовой. Онъ росъ одинъ, далеко отъ свободн Стѣпей широкихъ, или мрачныхъ горъ, Вдали отъ зрѣлищъ матери-природы, — Вдали всего, что вѣжати юный взоръ, Вдали всего, что сердцу такъ приятно, Что силы наши смѣлоду крѣпить, Что намъ, конечно, не вполнѣ понятно, Но съ сердцемъ нашимъ рано говорить... Онъ росъ въ столицѣ; каменны стѣмъ Домовъ высокихъ, видѣлъ; слышалъ шумъ,

Одно и то же все, безъ переменъ, — Вотъ отъ чего Онъ съ дѣтства былъ урюкъ

И развилось не чувство въ Немъ — а умъ! Въ одномъ изъ нашихъ «высшихъ» вѣдений:

Безплодно молодость Его прошла, — Безплодно, потому что для сомнѣній Душа его открылась не пришла.

Въ семнадцать лѣтъ влюбился Онъ; но странно:

Онъ не вполнѣ любовью занятъ былъ, Онъ не мечталъ, не ждалъ безрестанно, —

Не сердцемъ пылкимъ: онъ умомъ любилъ.

И въ эту пору сладостныхъ мечтаній Не сочинялъ Онъ безконечныхъ строкъ, Не посылалъ чувствительныхъ посланій, Горючилъ и безцѣлительныхъ слезъ... Въ любви искалъ Онъ подлуга дѣла, Нашелъ, — но въ сердцѣ та же дурь, И не была сочувствіемъ согрѣта Его душа; такъ первая мечта Была разбита; съ той поры безцѣло И равнодушно наслаждался Онъ; Любилъ слегка; и въ наслажденіи

Перыль Его «умомъ» былъ ослѣпленъ. Бросался Онъ всею силой умственной

Во науки лабиринтъ и край изобретенья; Но не нашелъ вопроса въ раздѣленіи; Не встрѣтилъ пищи для ума и чувства; Кто виновать? Онъ самъ, или наука? — Не знаю я, — но только бросилъ Онъ Науку, какъ любовь, и снова скупъ За нимъ слѣдитъ, какъ неотступный

Понятно-ль вамъ теорія, чѣмъ дѣла

За чѣмъ онъ такъ угрюмъ и деловитъ!

Смотрѣть на жизнь и жить однимъ умомъ
 Все постигать, не чувствуя душе(о)ю,
 Всегда предвидѣть, что насъ ждетъ по-
 томъ,

Не обольщаться сладкою мечтою,
 Всю жизнь анатомическимъ ножомъ
 Раскрыть во цвѣтѣ лѣтъ передъ собою,
 Не испытать минуту очарованья,
 А между тѣмъ носить въ себѣ желанья,

Носить въ себѣ зародыши всѣхъ силъ,
 Всего, что намъ даетъ судьба для сча-
 стья, —

И все умомъ отринуть: кто испилъ
 Изъ этой горькой чаши, тотъ участья,
 И сожалѣнья стоитъ; тотъ купилъ
 Неизлечимой цѣной несчастья!...
 А сколько есть такихъ людей межъ
 нами;

Они у насъ зовутся чудачками!

Займитесь этимъ чудачкомъ или
 болваномъ, посмотрите, могла ли та-
 ная болѣе развиваться отъ тѣхъ об-
 стоятельствъ, которыми была окру-
 женъ герой г. Вердеревскаго. Родился
 онъ отъ людей исключительно дѣло-
 выхъ, которые не знали возвышеннои
 мечты, и, по нашему мнѣнью, къ счастью
 Юрія, потому-что мечта этихъ людей
 не доставила бы ему большого удо-
 воленія: она была бы нѣчто въ родѣ
 мечты городиничаго Гоголя, когда
 этотъ городиничій вообразилъ, что онъ
 будетъ генераломъ. «Большой» ростъ
 въ Петербургѣ, окруженный каменны-
 ми стѣнами высокихъ домовъ, влали
 отъ природы, слышалъ безпрестан-
 ный шумъ и сдѣлался отъ этого угрюмъ!
 Правда ли? Не-уже-ли всѣ люди, ро-
 дившіеся и выросшіе въ Петербургѣ,
 угрюмы только отъ-того, что они жи-
 ли посреди людей занятыхъ дѣлами и
 потому-что ихъ окружали каменные
 стѣны? Что касается до насъ, то мы
 знаемъ большихъ весельчановъ, не
 смотря на то, что они никогда не вы-
 ѣзжали изъ Петербурга; впрочемъ,
 стѣны, шумъ городской, отсутствие
 матери-природы—общій удѣлъ всѣхъ
 городскихъ жителей, а между-тѣмъ,
 по нашему мнѣнью, горожане гораздо

веселѣе сельскихъ жителей... Жизнь
 городская непременно должна поло-
 жить свой отгѣнокъ на душу человѣка,
 точно такъ же, какъ сильно дѣйстви-
 тельно природа на жителей деревень и
 производитъ на нихъ умъ и сердце-
 нныя впечатлѣнія... Но угрюмость и
 веселость не должны входить въ раз-
 счетъ при обовначеніи этого вліянія.
 Тѣмъ болѣе городская жизнь не мо-
 жетъ развить только одного ума.
 Гдѣ много людей, тамъ много и стра-
 стей, а гдѣ страсти, тамъ умъ не мо-
 жетъ себѣ присвоить исключительна-
 го господства. У людей растущихъ на
 лонѣ матери-природы, подъ вліяніемъ
 ея красотъ, правда, развивается болѣе
 сочувствія къ законамъ природы, бо-
 лѣе волшебнаго обаянія отъ соприкос-
 новенія съ нею; за то у людей вырос-
 шихъ въ обществѣ, развивается болѣе
 человѣческихъ, общественныхъ, жи-
 выхъ интересовъ. Вѣчно любоваться
 красотами природы нельзя: душа по-
 требуетъ дѣятельности, а высшая дѣ-
 ятельность только среди людей, въ об-
 ществѣ. Природа—обстановка, обще-
 ство—цѣль, куда дѣятельность влечетъ
 человѣка, призваннаго дѣйствовать.
 Далѣе:

Въ одномъ изъ нашихъ «высшихъ за-
 вѣденій»

Безплодно молодость его прошла, —
 Безплодно, потому что для сомнѣній
 Душа его отягчена не была!

Это было, кажется, до семнадцати
 лѣтъ, потому-что въ семнадцать лѣтъ
 наступаетъ другая эпоха—онъ влюб-
 ляется. Намъ очень-жаль, что моло-
 дость героя прошла безплодно до сем-
 надцати лѣтъ, т. е. до того времени,
 когда дѣти обыкновенно проходятъ,
 хорошо или худо, гимназическій
 курсъ. Если онъ учился худо, намъ
 остается жалѣть; если же хорошо, то
 мы радуемся. Въ первомъ случаѣ, мы
 можемъ назвать возрастъ, лѣтнво-про-
 веденный до семнадцати лѣтъ, без-
 плоднымъ, потому-что герой ничему
 не выучился, но совсѣмъ не потому,
 чтобъ душа Юрія не была отягчена

для сомнительной. Какие вопросы может задать наукъ семнадцатилетней юноша? Отъ какихъ вопросовъ юноша можетъ смутиться наука? Есть вопросы неразрешимые, но отъ этого человечество не смущается: оно постепенно подбирается подъ рѣшеніе ихъ, не отступаетъ отъ трудности задачъ, вѣчно трудится надъ рѣшеніемъ ихъ, и вотъ вамъ жизнь науки, ходъ ея. Что же за развитіе человечества было бы, еслибы каждый, найдя вопросъ нерѣшенный, оставлялъ его?.. Тогда дѣйствительно это поле оставалось бы вѣчно-бесплоднымъ; это было бы даже не поле, а болото, въ которомъ вязло бы человечество при каждомъ шагѣ... Но оставимъ на минуту этотъ вопросъ, а пойдемъ за развитіемъ Юрія. Въ семнадцать лѣтъ влюбился Юрій, но влюбился не сильно, т. е., по словамъ автора, онъ любилъ не сердцемъ, а умомъ. Отъ-чего же? спрашиваемъ мы опять. Не-уже-ли это опять вліяніе каменныхъ стѣнъ петербургскихъ и бесплоднаго ученья? Не можемъ рѣшить этого вопроса, потому-что на каждомъ шагу видимъ людей такъ сильно влюбляющихся въ Петербургъ, что за нихъ даже становиться страшно, не смотря на то, что они не жили на лонѣ матери-природы, и, сказать между нами, ни чему не учились... Но, что же дѣлать! любовь всемогуща; ей покорны лѣнныя и дѣятельныя городскіе и сельскіе жители; любви вѣтъ дѣла, задавалъ ли юноша вопросъ наукъ или не задавалъ, отвѣчала ли наука на эти вопросы или не отвѣчала: любовь приходитъ, и сердце вливаетъ ее въ себя и разноситъ по всему организму. Чѣмъ касается до вопроса, нужно ли въ это время *таль безпрестанно, сочинять безконечныя строфы, посылать посланія, чувствительныя горячіе стихи*, составляетъ ли все это необходимую принадлежность прекрасной любви — это въ нашъ вѣкъ разсудительный подлежитъ сомнѣнію. Въ особенностяхъ человѣкъ, который горитъ, таеетъ и выливается горячими стихами, кажется, не нашелъ бы большаго со-

чувствія у женщины: всѣ эти горячія вещества запрещены модой въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ. Герой г. Вердеревскаго не имѣлъ такихъ странностей, и въ нашихъ глазахъ много отъ-того выигралъ. Но вотъ что непонятно: Юрій влюбился, въ любви искалъ *полною отвѣта*, нашелъ этотъ отвѣтъ, и въ сердцѣ его осталась та же пустота

И не была *сочувствіемъ согрѣта*
Его душа.

Какъ же онъ влюбился, когда его душа не была согрѣта сочувствіемъ? Слѣдовательно она, душа Юрія, не имѣла въ себѣ нисколько теплоты; и, слѣдовательно, Юрій не былъ влюбленъ?

Судя по бесплодности науки для Юрія, по отсутствію оживленія во время любви, по безжизненности домашней обстановки, мы было-думали, что Юрій принадлежитъ къ вліямъ произведеніямъ, что онъ нѣтъ числа тѣмъ обыкновенныхъ натуръ, о которыхъ говорятъ, что они ни рыба, ни мясо, что учился онъ плохо, потому-что у него не было энергіи ума, любилъ онъ вяло, потому что не было энергіи чувства, не отличался дѣятельностью, потому-что не имѣлъ силы воли, былъ лѣнивъ, апатиченъ... Такихъ людей много, они перождаются лѣнью и умираютъ въ лѣни; зародыши души и ума гравеиутъ подъ спудомъ... Но Юрій не таковъ: посмотрите—послѣ любви, онъ опять бросается *есей силой улетѣтъ въ лабиринтъ науки и въ храмъ искусства*,

Но не нашелъ вопросовъ разрѣшенія,
Не встрѣтилъ пищи для ума и чувства.

Слѣдовательно, у Юрія есть увлеченіе, есть порывы, и порывы благородныя; отъ-чего же онъ прежде былъ такъ вялъ? Положимъ, онъ тогда былъ молодъ, но теперь, послѣ семнадцати лѣтъ и любви, бросившись въ науку и искусство, могъ бы онъ найти въ нихъ много оживленія; въ это время наука и искусство должны вдохновлять юность и ея молодые силы, а Юрій бросилъ

Науку, какъ любовь, и снова скука
За нимъ слѣдитъ, какъ неотвязный
сонъ...

Не-уже-ли это опять отъ-того, что онъ не нашелъ разрѣшенія вопросамъ? Остановимся на этомъ пунктѣ, потому что мы уже слишкомъ, кажется, много возлагаемъ отвѣтственности на науку и искусство; мы къ нимъ, кажется, больше строги, нежели сколько должны быть благодарны. Мы просимъ читателей остановиться на этой мысли тѣмъ болѣе, что Юрій отъ неудачи въ наукахъ вышелъ большимъ и героемъ октавъ г. Вердеревскаго. Припомнимъ послѣднія строфы, вынесенныя нами выше:

Смотрѣть на жизнь и жить однимъ
умомъ,

и т. д., и вы увидите, что, по мнѣнью г. Вердеревскаго, Юрій былъ отъ-того несчастливъ, что все постигалъ (хотя ему въ наукахъ очень часто встрѣчались неразрѣшимые узлы), не чувствовалъ душою, всю жизнь анатомическимъ ножомъ раскрылъ передъ собою еще во цвѣтъ лѣтъ, что отъ этого онъ не испыталъ минутъ очарованья, отринувъ все, что судьба даетъ для счастья и, слѣдовательно, купилъ познанье дорогой цѣной несчастья! Теперь, слѣдовательно, вина возлагается на науку и ея анатомическій ножъ. Правда ли это?

Назадъ тому восемь лѣтъ, Лермонтовъ, въ своей безсмертной сатирѣ на настоящее поколѣнiе, между прочимъ возвелъ на него несправедливую хулу, сказавъ, что оно состарѣется подъ бременемъ познанья и сомнѣнья, что

*Мы изурнали умъ наукою безплодной,
Тая заветливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Ниспровергъ осмѣливыхъ страстей;
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Не юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли,
Нѣтъ каждой радости бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ жизни излекли.*

Нѣтъ, несправедливо, что мы иссушили умъ наукою безплодной, потому что мы часто не предавались ей всей

душою, едва касались только краевъ этой чаши, и вотъ вся наша бѣда; мы схватываемъ большею частію верхи и гордимся знаніемъ, но за эту гордость показываемся душевной пустотой; мы бросаемся въ науку легко, и скоро поворачиваемъ назадъ. Миръ науки и искусства требуетъ подвижниковъ и борцовъ съ волею сильною, съ энергіею, съ непреклонностью убѣжденій, а не рыцарей трусливыхъ, требуетъ постоянного труда, но не минутныхъ вылазокъ и нападеній. Отъ этого - то мы большею частію только подбѣгаемъ къ храму науки и искусства, ныряемъ окло этого храма, прислушиваемся къ отдѣльнымъ звукамъ, вылетающимъ изъ этого святилища, но храмъ остается замкнутымъ для насъ: двери его не легко и не всѣмъ отворяются. Люди посвященные, перебѣжавшіе порогъ священнаго вланиа, услышавшіе внутри его дивную гармонію, упиваются ею обыкновенно до конца жизни: они не покидаютъ этого храма, потому что онъ дѣлается для нихъ миромъ живымъ, гармоническимъ, и вся жизнь ихъ будетъ высокимъ, торжественнымъ служеніемъ началамъ истины. Но, повторяемъ, чтобъ проникнуть въ этотъ дивный храмъ, нужно много усилій; нельзя довольствоваться полузнаніемъ; безпредѣльность науки не должна страшить. У насъ же часто нѣтъ воли выдержать и исполнить однажды начатое; мы бросаемся изъ одной науки въ другую, отъ одной книги къ другой, довольствуемся легкимъ очеркомъ системы, лишь бы отдѣлаться отъ нея поскорѣе... однимъ словомъ, мало сочувствуемъ истинѣ и искусству... Все это порождаетъ поверхностныя взгляды, которые скоро забываются, не стоютъ дорого душѣ, и отъ этого скоро изъ нея исчезаютъ, оставляя одну пустоту. Вотъ тотъ недостатокъ, которымъ мы страдаемъ въ дѣлѣ науки и искусства. Въ дѣлѣ воли, въ мирѣ дѣятельности, та же недостаточность энергіи ведетъ за собою вторичную пустоту жизни. Правда, въ этомъ отношеніи многое зависитъ

отъ обстоятельствъ, но это, однакожь, не приневольваетъ насъ отказываться отъ воли человека въ мирѣ действительномъ; человекъ непремѣнно долженъ дѣйствовать, не смотря на то, много или мало онъ сдѣлаетъ. Жить однимъ умомъ безъ дѣятельности — невозможно.

И эти недостатки вызвали справедливое негодованіе Лермонтова, когда онъ говорилъ:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ промѣмъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной,
Ни гениемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьбы и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Дѣйствительно, можно промотать наслѣдіе ума и чувства, доставшееся отъ предковъ... Но что же несчастный «Вольной» г. Вердеревскаго? Онъ страдаетъ не отсутствіемъ дѣятельности, а тѣмъ, что не можетъ обольщаться сладкою мечтою, что анатомическій ножъ науки зарѣзалъ эту мечту и, слѣдовательно, онъ во цѣлѣ дѣтъ не можетъ испытать минутъ очарованья. Что это значитъ? Неужели мы слишкомъ много знаемъ, а знаніе — бѣда для насъ, губитъ жизнь нашу?... Неодоумѣваемъ; но, къ сожалѣнію, должны сказать, что дѣйствительно такъ думаетъ г. Вердеревскій... Нѣтъ, мы лучше готовы истребить всевозможныя мечты въ мирѣ, чѣмъ согласиться, что наука вредна. И что за мечты должны быть у Юрія, если эти мечты боятся свѣта истины?.. А между-тѣмъ, изъ этой, въ основаніи ложной идеи вышелъ мнимо-больной г. Вердеревскаго, и болѣзнъ эта... несколько не похожа на горе отъ ума.

Но перейдемъ отъ идеи «Большаго» къ больной жизни. Юрій получилъ наследство въ Финляндіи и удалился на

дово матери-природы сочувствовать ея красотамъ и пожить новою жизнью. Тамъ, въ Финляндіи, онъ ѣздилъ въ лодкѣ по морю, когда подавалась гроза и когда по морю ѣздить страшно; но Юрій отвергалъ страхъ, ѣздилъ въ лодкѣ одинъ, возвращался домой, игралъ на рояли, писалъ стихи, рисовалъ пейзажи; но ни стихи, ни пейзажи не выходили оконченными изъ-подъ его пера и кисти; читалъ, а можетъ-быть и не читалъ древнія творенія in quarto (изъ разсказа видно, что эти in quarto только стояли на полкахъ его комнаты), переписывалъ новыя творенія, и

На всемъ равно была печать труда,
Но легкаго труда, какъ бы отъ скуки.
И вы не отгадали бъ никогда
Что болѣе: возсія, науки,
Портретъ, пейзажъ небрежный иногдѣ,
Иль музыка, замкъ душевной муки,
Ему была доступна? онъ романъ
Всѣмъ этимъ занять былъ и хладнокровно.

Вы видите, что Юрій все это дѣлалъ отъ скуки, слѣдовательно, и ѣздилъ въ лодкѣ во время бури отъ скуки, и рисковалъ жизнью отъ скуки. Неужели это очень-умно для героя нашего времени?... Отъ скуки должно быть, — а не отъ увлеченія, какъ прежде говорилъ авторъ, — задавалъ Юрій вопросы науки, и наука не находила нужныхъ отвѣчать на эти правые вопросы. Наконецъ, отъ скуки Юрій началъ ѣздить къ старору, у котораго была дочь Мальвина, помолвленная за молодого человека, Эрнеста. Жизнь Мальвины состояла въ слѣдующемъ (стр. 39):

По утру рано встать,
Изъ библіи прочесть главу, ~~дружбу~~;
Ити на кухню, стряпать ~~вечерю~~;
Кухаркѣ старой трапезу прокоумъ;
Потомъ отъ газетъ валуль читать;
Подъ вечеръ шить, и выслушать ~~вечеру~~
Мораль на сонъ грядущій, — ~~вечерю~~ —
И завтра то же самое снать....

Но прошло еще нѣсколько этихъ «вечеръ», и у Мальвины къ обыкновеннымъ

она влѣтѣмъ присоединилась любовь къ Юрію. Между-тѣмъ пріѣхалъ женихъ Мальвины, настоярь началъ готовить пиръ, — а больной?

Большой смѣлъ задумывалъ и суровъ,
И въ тотъ же разъ вымчалъ къ своей судьбинѣ!

Судьба мѣя! Отъ мелодикъ головъ
Моя душа была пуста до нинѣ;
Ты мнѣ дала ужасный даръ «справид-
лѣтъ» —

Но жизни я не могъ возненавидѣть...

И когда больной вызвалъ къ судьбѣ
Фиги октавами, къ нему явился на-
сторъ и объявлялъ, что

Мальвина погибаетъ
И только ждетъ и хочетъ видѣть васъ.

Они пришли къ Мальвинѣ; больной
сталъ передъ ней «сирестивъ руки»;
Мальвина поднялась съ постели, попро-
сила отца уйти и объявила Юрію, что
она любить его, а не Эрнеста.

Что изъ Юрія?.. Онъ глубоко былъ
смущенъ;

Онъ счастье нилъ впервые полной че-
дой,

Узнавъ передъ Мальвиной, онъ рыдалъ
въ безумствѣ счастья добывалъ ей по-
ги, —

Благодарилъ, любилъ...

А на другой день написалъ къ ней
письмо, въ которомъ сказавъ: «благо-
дарю, моль, васъ, Мальвина, за то,

Что вашъ призывъ мнѣ далъ само-
познанье;

Свершили вы, — чего не могъ никто,
Открыши мнѣ, что я «полусозданье»,

что, слѣдовательно, онъ «не могъ лю-
бить Мальвины, что онъ лишень неточ-
ника высокихъ наслажденій, и что
сердцу его любви законъ былъ вѣчно
чуждъ, какъ врагъ, какъ злобный ге-
ній».

Мы на это письмо можемъ замѣтить
только, что человекъ, котораго любить,
но который самъ не любитъ существа,
въ него влюбденнаго, не есть еще

отъ этого полусозданья, ибо онъ не
виноватъ въ этомъ, и потому намъ
чрезвычайно-страннымъ кажется, ка-
кимъ образомъ, Юрій въ первый день,
т. е. въ тотъ день, когда онъ упалъ на
колѣни передъ Мальвиной, любилъ ее,
благодарилъ, даже рыдалъ, а на дру-
гой день объявилъ, что онъ ея не лю-
битъ! Женщины, мы думаемъ, которыя
будутъ читать поэму г. Вердеревского,
могутъ разсердиться за такое неосто-
пительство, и Юрій ничѣмъ передъ ними
не оправдывается, что бы онъ тамъ ни го-
ворилъ, даже слѣдующіе стихи, что

Онъ съ тоской своей глау-
бокой,

Одинъ обвязанъ дни своимъ дожить...

Онъ никогда собой васъ не погубить,
Вы для него вѣнегъ природы всей;

Но вамъ дивясь, онъ сердцемъ васъ не
любить,

За тѣмъ, что сердце это безъ страстей...

И «за тѣмъ» мы сами не можемъ любить
этого больного, который иногда прого-
варивается, въ припадкѣ болѣзни, сти-
хами, въ родѣ слѣдующихъ:

Онъ счастливъ тѣмъ, что моль шотъ
два милоея (?!?)

Взаимности блаженство понимать...

Къ чему жъ процессомъ пошлать «сры-
ломилъ» (?)

То счастье, миссера (?), охладилъ?...
Зачѣмъ же вѣдалъ Юрій въ Фин-

ляндію? Ежели бы вѣдыванію бы
властивіе ивѣнствъ, достигшемъ по
наслѣдству, это было бы объяснательно;
но онъ не за этимъ вѣдалъ. Не-уже-ли
же за тѣмъ, чтобъ вѣдать въ лодкѣ по
морю? — но въ такомъ случаѣ лучше бы
принять ивѣнствъ вавизъ въ Гельсинг-
форсъ, Ревель, Гансагъ... Ивѣтъ; онъ
вѣхалъ туда только отъ-того, что
былъ боленъ... какою-то страшною бо-
лѣзнью. На-примѣръ, этотъ больной въ
Финляндіи, часто, утомася прогулкою,

Передавалъ журнальному листку
Вопросъ души, сполненной сомнѣн-
емъ, —

или:

Любилъ онъ разговаривать съ собой (?)

И изучать себя, свои волненья,

Иль иногда, въ дни пасмурной погоды,

Писать про юность, про былые годы...

Итакое вѣдѣніе (которое можетъ имѣть кто въ Петербургѣ, а не только въ Финляндіи) напоминаетъ Маннилова, который въ своей деревнѣ любилъ почитать какую-нибудь такую книгу!»!

Поэма написана, какъ видно, довольно-гладкими стихами и задана щегольски.

236) Москва. 1147—1847. *Рассказы Москвитинки П. В. Ш. Москва. Въ университетской типографіи. 1847. Въ 8-ю д. л. 128 стр.*

Г. Сушковъ написалъ прозаико-стихотворные рассказы, которые назвалъ поэмой «Москва». По слѣдамъ его, ту же Москву и въ честь того же ея семисоборія, захотѣлъ воспѣть г. П. В. Ш. Только форма сочиненія нѣсколько измѣнилась: вмѣсто нѣсколькихъ драмъ, въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ то прозой, то стихами, и изъ которыхъ составляется *soi-disant* поэма, г. Ш. рассказываетъ самъ. Рассказъ его сплошь-стихотворный, безъ прозаическихъ перерывовъ, охлаждающихъ цингическое пареніе. Это сплошное повѣствованіе о славіи Москвы и до славы Москвы раздѣлено на десять частей и закончено застольной пѣсней. Въ одномъ изъ куплетовъ ея авторъ восклицаетъ:

Грими Москвитинъ веселый кличъ
Красѣ и чести Россіянковъ:
Ной торжествующій Москвитчъ
Въ честь милочныхъ Москвитянокъ!

Почти каждая часть сплошнаго стихотворенія отърывается сентенціей, содержащей въ себѣ значительную истину или важный нравственный урокъ. Такъ въ первой части, передъ рассказомъ о призваніи Рюрика, авторъ размышляетъ:

За дѣлами дружно идутъ дни,
Какъ за годами идутъ годы:
Народы падаютъ одни —
Другіе возстаютъ народы;
Силеть, меркнеть блескъ державъ,
Крестуютъ, пустиють грады —
У времени нмъ нѣтъ пощадъ.

Начало второй части еще весьма-голубо:

Вездѣ, во всемъ пренудръ Творецъ.
Земля роскошна и богата, —
Неистерпаемый лапецъ
И ослѣпительнаго алата,
И драгоценнаго сребра,
И асыкъ камней самоцѣтныкъ;
И много, много въ ней добра,
Но скрыто все въ мѣстахъ завѣтныкъ.
И часто недоступныхъ намъ,
Чтобы заботамъ и трудамъ
Оно могло служить наградою
И утѣшеніемъ и отрадою
За пролитой не даромъ потъ,
За всѣ опасности, и пр.

Такое вступленіе о зарцѣ, т. е. о землѣ богатой и роскошной, стоитъ непосредственно предъ повѣстью о семи холмахъ въ суздальскомъ княженіи, на которыхъ потомъ раскинулась Москва. Чудное, въ-самомъ-дѣлѣ, это сочиненіе семи холмовъ и семи сотъ лѣтъ! Въ симметрію къ нимъ, надлежало бы сплошной стихотворный рассказъ раздѣлить на семь частей.

Иногда, однакожь, авторъ отступаетъ отъ обычнаго теченія мыслей: сентенція предшествуется повѣствованіемъ. Это мы видимъ въ началѣ четвертой части:

Несчастье и казнь Кучкова
Князь Суздальскій какъ могъ забыть?
И можетъ ли спокоина быть
Непримиримый врагъ намъ, советъ,
и проч.

Кромѣ дидактическихъ вступленій къ рассказамъ о Кучковѣ, о суздальскомъ княженіи и другихъ предисловіяхъ, авторъ владѣетъ искусствомъ граціозно изображать самыя простыя вещи. Что понятіе скоротечности времени, или силы ораторскаго слова? Посмотрите же, какъ онъ изящно изразилъ то и другое:

Безперервнымъ хоромомъ
За часомъ часъ и годъ за годомъ
Свершаютъ путь привычный свой.
И наступилъ сорокъ седьмой,
Москвѣ другихъ головъ замѣтнѣй,
И ей ихъ минуло — семь сотъ:
И празднуетъ она въ сей годъ
Свой юбилей семисотлѣтній.

Мило и просто: когда прошло семь-сотъ лѣтъ, тогда разумѣется, и юбилей долженъ быть семисотлѣтній.

Даже:

Прекрасно дивное искусство —
Могучей силою рѣчей
Незримо, сквозь людскія уши
Проникнуть къ нимъ глубоко въ души,
И сердце тронуть ихъ!...

Въ заключеніе выпишемъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ авторъ искусно коснулся шарадъ, представленныхъ въ Московскомъ Благородномъ Собраніи:

А женщины? добра созданы,
Не могутъ заперать онѣ
Для ежедневнаго даавья
На книжника, ни *porte-monnaie*.
Люби васъ, дѣти-сиротинки,
Для васъ, какъ для любимыхъ чадъ,
Представили,—Москвы картинки,
Жарники — прелесть изъ *шарадъ*.

297) *Исторія Бѣдныхъ Родственникововъ. Сочиненіе господина де-Бальзака. Томъ первый. Кузива Ливл. Изданіе М. Д. Ольхина. Санктпетербургъ. Печатано въ типографіи Карла Крайля. 1847. Въ 8-ю д. л. 262 стр.*

Когда-то Бальзакъ былъ у насъ въ большой молѣ; теперь же говорятъ про него, что онъ исписался. Не смотря на то, Бальзака читаютъ и всегда будутъ читать. Да мы и не совсѣмъ понимаемъ, въ какомъ смыслѣ называютъ Бальзака исписавшимся писателемъ. Правда, въ произведеніяхъ его одна идея, онъ всегда толкуетъ объ одномъ; но вѣдь одна идея и въ Диккенсѣ, одна и въ Жоржѣ Завлѣ! У каждаго изъ нихъ всегда одинъ и тотъ же взглядъ, и, принимаясь за новый романъ каждаго изъ этихъ писателей, мы всегда заранѣе знаемъ, что написанъ онъ въ *времемъ родъ*. Говоря это, мы ничуть не сравниваемъ Бальзака ни съ Жоржемъ Зандомъ, ни съ Диккенсомъ; намъ только хотѣлось объяснить слово: *исписался*. По-нашему, тогда только исписался писатель, когда онъ, во-первыхъ, пишетъ съ чужаго голоса, когда онъ подражаетъ, въ

рабскомъ смыслѣ этого слова, когда у него нѣтъ ни взгляда, ни достаточно таланта для какого-либо взгляда. Такой писатель падаетъ, *исписывается* въ самомъ началѣ, т. е. по-просту начинаетъ надождать смертельно, и книги его перестаютъ читаться. Но чуть-чуть у писателя взглядъ самобытный, онъ всегда откроетъ новое въ томъ, на что онъ разъ взглянулъ глубоко и страстно. Въ этомъ смыслѣ и Бальзакъ окончателно исписаться не можетъ, именно потому что талантъ его оригиналенъ и самобытенъ. А между-тѣмъ, онъ дѣйствительно написалъ рядомъ съ хорошими многоочень-дурнаго и повторился весьма-часто. Но въ производительной жизни художника всегда бываютъ минуты борьбы, перехода и, слѣдственно, востоя. Писатели, дорожащіе своею славой, жгутъ свои произведенія, писанныя въ такія эпохи. Но у иныхъ не достааетъ духа устоять противъ нужды, а потому они всегда производятъ, всегда продаютъ, хорошо ли, дурно ли, произведеніе, и вышутъ на-скоро. Такииъ - образомъ Бальзакъ согрѣшилъ на своемъ литературномъ вѣку неисчислимо и самъ подорвалъ свою славу. Сверхъ-того, ни одно произведеніе его не художественно вполне. Недостатокъ таланта онъ часто замѣняетъ умомъ, и потому часто парадоксаетъ, часто ошибается, любитъ пофилософствовать, навязать свою идею, полонъ разныхъ причудъ и пристрастій (напр., онъ такииъ образомъ изобрѣлъ сорокалѣтнюю и наконецъ пятидесятилѣтнюю женщину, надъ чѣмъ у насъ въ свое время паглумились довольно). Бальзакъ по-преимуществу фзиологъ, но фзиологъ не каррикатуристъ и не лагерротипистъ, а всегда возводящій свою дѣйствительность до типа. Дѣйствительность его — современное французское общество. Онъ, какъ искусный хирургъ, анатомируетъ вѣрно и безошибочно. Цѣль его — написать картину яркую съ портретами и типами поразительнаго сходства. Но не спрашивайте у него, *отъ-чего это такъ и изъ-чего поведетъ это все*: онъ не дастъ отъ-

вѣта, Также не скажетъ онъ, какъ бы должно было быть; онъ говоритъ: такъ есть, и этой формулой опредѣляется вся дѣятельность его таланта. Бальзакъ возводитъ въ сознание современную дѣятельность, и въ этой картинѣ дѣятельности прежде всего не забыть челоѣкъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Это не одни типы Французовъ по ихъ матеріальному, специальному раздѣленію. Банкиръ у него не типъ Француза-банкира, а челоѣкъ, сдѣлавшійся банкиромъ; скупецъ — челоѣкъ, сдѣлавшійся скупцомъ; маркизъ — челоѣкъ, сдѣлавшійся маркизомъ, и т. д. Эта-то гумани-тарность таланта есть всегда достоинство истиннаго художника и доказательство присутствія художническаго элемента въ писателѣ. Нѣкоторые изъ его типовъ запечатлѣны глубокой, роскошной поэзіей. Укажемъ на старика Горіо, на старика Гранде, на аббата Бирро, на Луціана де-Рубениро и другія лица въ замѣчательнѣйшихъ его романахъ.

Такой безразличный взглядъ на общество и такое воспроизведеніе дѣятельности въ пластическихъ, ясно осязаемыхъ типахъ есть главнѣйшая идея и задача новѣйшаго искусства. Цѣль искусства вообще — возвести до челоѣческаго сознанія природу, вая-тую въ ея вѣчномъ значеніи. Цѣль новѣйшаго искусства — возвести въ сознание природу, ваятую въ извѣст-ный моментъ, то-есть, природу современной дѣятельности. Гамлетъ, Макбетъ, Фальстафъ, многіе изъ женскихъ типовъ Жоржа Занда, донъ-Кихотъ и донъ-Хуанъ Пушкина — суть произведенія первой общечеловѣческой стороны искусства; Жильблязъ, Тартюфъ, Чичиковъ, Плюшкинъ, всѣ герои Гоголя, Галубъ, Евгений Онегинъ — произведенія искусства частнаго. Такое раздѣленіе искусства по цѣлямъ его существовало съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ само искусство: оно вѣчно. Назвали же мы его вѣдъ *новѣйшимъ* въ-слѣдствіе сильнаго его развитія въ послѣднее время у насъ на Руси, въ-слѣд-

ствіе недавняго обращенія нашего искусства къ дѣятельности, въ-слѣдствіе недавняго сосредоточенія нашей критики на этой цѣли искусства и, наконецъ, въ-слѣдствіе того значенія, которое придаютъ въ послѣднее время искусству относительно его вліянія на общество. Наше названіе становится такимъ образомъ совершенно-частнымъ и случайнымъ; но объ этомъ послѣ... Обратимся къ послѣднему произведенію Бальзака.

Въ этомъ послѣднемъ произведеніи своемъ Бальзакъ совершенно встрѣкъ себѣ и взгляду своему, обнаруживающемуся доселѣ въ каждомъ талантливомъ его произведеніи. Тотъ же взглядъ на современнаго челоѣка, развившагося въ-слѣдствіе современнаго положенія и направленія всего французскаго общества; та же безпопашная анатомія этого общества, новые типы его, ярко выставленные, метко и глубоко опредѣленные; то же спаянное безразличіе относительно собственнаго, частнаго взгляда писателя, какъ челоѣка и гражданина; тѣ же и недостатки: бесполезное умничанье въ частностяхъ романа, растянутасть въ вѣлочахъ, преувеличеніе важности прачинъ и вѣлѣній и, наконецъ, натяжки нѣкоторыхъ характеровъ и положеній. Это исторія современнаго челоѣка, самолюбія, мелкаго разврата, истекающаго изъ широкаго общаго разврата господствующей части французскаго общества, подавленность идей, вредящихъ этой господствующей части общества, и угрюмая, неестественная сосредоточенность въ самихъ-себѣ характеровъ сильныхъ, развившихся ненормально, достигающихъ вершинъ этого общества и воплощающихъ въ себѣ торжество современнаго ала, въ-слѣдствіе извѣстнаго общественнаго порядка... Особенно удалась характеры кузины Лизы, сластолюбца-барона, художника Венцеслава Стенбока, вѣдамъ Морнефъ, актриссы Жювенеи Келлинь и лавочника Крепеля.

Бальзакъ, какъ всякая натура была воспримчивая, эстетическая, и...

талантливая и художественно-исполнительная, величайший критик и величайший знаток искусства. Критический талант — общий удѣлъ художественныхъ натуръ такой силы и такого разряда, какъ онъ. Крайне-развитая впечатлительность и воспримчивость и частое бессиліе при недостаткѣ таланта выработать эту впечатлительность и воспримчивость въ новую художественную форму, естественно, обращаютъ ее на умъ и порождаютъ какую-то художественную образность въ критическомъ взглядѣ. Въ романѣ «Кувина Лиза» есть одинъ взглядъ на психологическій процессъ созданія художника и на бессиліе впечатлѣнія надъ формой. Тутъ весь Бальзакъ какъ художникъ! Это внутренняя критика и беззастышливый взглядъ на самого-себя. Выпишемъ это мѣсто:

«Думать, мечтать, изобрѣтать прекрасныя произведенія — занятіе восхитительное. Это — то же, что курить обаятельный опиумъ. Созданіе является во всей красотѣ своей юности, въ рѣзкомъ веселѣ рожденія, въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ перваго восторга, въ которомъ творецъ предакушаетъ будущія наслажденія уснѣхомъ. Таковымъ творчество и его радости.

Кто въ состояніи начертать свой планъ словами, тотъ уже почитается челоѣкомъ необыкновеннымъ. Но произвестъ! но родитъ! Но забоглавно воспитать дитя; каждый вечеръ укладываетъ его спать, до-сытъ немощнаго молоками, каждое утро пѣлаетъ съ жестокими сердцемъ матеря; лизать его, грязнаго; одѣвать во сто разъ въ отборные кафтанчики, которые оно безпрестано продираетъ; не скучать мелкою суетой его жизни и сдѣлать изъ него дѣльное, мастерское произведеніе, которое бы нравилось всѣмъ глазамъ, занимало всѣ умы, увлекло всѣ сердца, вотъ исполненіе и его труды. Рука каждую минуту должна шевелиться, повинываться голоѣмъ. А въ голоѣмъ только до-ѣмъ поръ есть разположеніе къ производительности, пока въ сердцѣ есть любовь.

Эта привычка творчества, неумолимая любовь матеря, въ которой и состоитъ материнство, такъ превосходно понято Рафаѣлемъ, это материнство мозга, такъ

трудно приобретаемое, утрачивается съ удивительною легкостью. Вдохновеніе — случай гения. Оно улетаетъ съ пугливостью ворона. У него нѣтъ кося, за которую бы поэтъ могъ ухватиться. Его волосы — пламя. Оттого работа — утомительная борьба, которой страшатся и которую любятъ могучія души, хотя и тѣ часто разбиваются объ нее. Одинъ великій поэтъ нашего времени, говоря объ этомъ ужасающемъ трудѣ, сказалъ: — я привыкаю за него съ отчаяніемъ, а оставляю его съ скорбью.

Да знаютъ невѣжды! Когда художникъ не кидается въ свою работу, какъ Курци въ пропасть, какъ солдатъ на батарею, не разсуждая; когда онъ въ этомъ кратерѣ не рубитъ, какъ рудокопъ, негребенный обваломъ; когда онъ разематриваетъ, трудности, вмѣстѣ того, чтобы побѣждать одну за одной, какъ влюбленный рыцарь въ волшебной сказкѣ, поражающій чудовище за чудовищемъ — произведеніе остается неоконченнымъ, погибнетъ въ углу мастерской и художникъ присутствуетъ при самоубійствѣ своего таланта.

Вотъ основаніе, вотъ смыслъ одинаковой награды, одинаковаго триумфа, одинаковаго лавра, подносимаго великимъ поэтамъ и великимъ полководцамъ.

Въ русскихъ переводахъ, Бальзакъ постигаетъ обыкновенно самая несчастная участь. Лучшія изъ его произведеній вмѣняются такъ, что читавшія ихъ въ полнѣнникѣ не можетъ признать ихъ за произведенія того же писателя. Неприятное впечатлѣніе послѣ чтенія такой передѣлки похоже на то, какъ еслибъ въ театрѣ, во время исполненія шекспировой драмы или мольтеровой комедія, вышелъ на сцену актѣръ и сказалъ публикѣ: «Ну, теперь, господа, мы немножко сократимъ; представлять какъ есть всѣ сцены и долго и утомительно; лучше я вамъ разскажу, что въ этихъ сценахъ, и потомъ ужъ мы начнемъ какъ слѣдуетъ съ того мѣста, на которомъ я останавлиюсь».

Слогъ перевода недуренъ. Изданіе — журнальное.

298) Гекторъ Фіерамоска, или *Бардеттскій Подвигъ*, романъ Массимо д'Азеліо. Санктпетербургъ. 1847. Печатано въ типографіи К. Крайла. Въ 8-ю д. л. 172 стр.

Это одинъ изъ тѣхъ переводныхъ романовъ, которыхъ въ послѣднее время расплодилось множество въ-слѣдствіе возрастающей охоты читать для препровожденія времени, чтобъ убить скуку, и въ-слѣдствіе того вліянія, которое имѣютъ подобные романы на скуку читателя. Иногда, и мы готовы сказать, даже очень-часто, современный человѣкъ впадаетъ въ нравственную апатію, въ спячку отъ бездѣйствія способностей душевныхъ и отъ недостатка духовной пищи. Если находящемуся въ такомъ состояніи человѣку дать серьезную книгу, дать Вальгера Скотта, дать «Донъ-Кихота», даже Жоржа Занда и Диккенса, онъ соскучится, отброситъ книгу и тотчасъ будетъ жаловаться на *чрезмѣрную растлупотность*. Отъ-чего же происходитъ такое утомленіе? Отъ-того, что такому читателю нужно думать вмѣстѣ съ писателемъ; отъ-того, что, можетъ-быть, вынесешь сильное впечатлѣніе, можетъ-быть, такая-то сцена взволнуетъ всю душу. Это тяжело, это утомительно: апатическая и лѣнивая душа читателя устаетъ и съ жадностью хватается за новѣйшія произведенія сказочной литературы: тутъ ужъ не нужно ни думать, ни разсуждать, тутъ ужъ не возмущаются и нервы, потому-что нѣ отъ чего, хотя дѣло идетъ о поединкахъ, убійствахъ, оболъщевіяхъ, побѣгахъ, пожарахъ, а иногда о битвахъ, въ которыхъ одинъ человѣкъ побиваетъ чуть-ли не мильоны нападающихъ; впечатлѣніе читателя какое-то соверзательное; самое матеріальное любопытство завлечено... между-тѣмъ, выходятъ равныя сцены, говорятъ равныя люди, движутся, ходятъ, фехтуютъ — и хорошо: тяжелое, спящее время незамѣтно проходитъ! Мы, впрочемъ, ничуть не падаемъ на пристрастіе къ подобному чтенію. Пусть читаютъ и «Фіерамоску». Ужъ

лучше читать, чѣмъ скучать. Итого же не читать, если это не скучно! Всякій съ своими потребностями...

299) Полина. Романъ Жоржа Занда. Переводъ г. Строева. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16 ю д. л. 147 стр.

300) Повѣсти Англійскихъ Писателей. Переводъ Горкавенко. Четыре части. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. Въ I-й—146, во II-й—152, а III-й—155, въ IV—140 стр.

301) Королевскіе Флагионы, романъ Поля Феваля. Четыре части. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. Въ I-й—148, во II-й—138, въ III-й—130, въ IV-й—148 стр.

Около года назадъ, г. Плюшаръ, видя возрастающую съ каждымъ днемъ въ русской публикѣ страсть къ чтенію такихъ романовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, задумалъ издать «Карманную Библиотеку». Счастливая мысль его удавалась, какъ этого и должно было ожидать, полнымъ успѣхомъ. Привлеченные дешевой цѣной изданія, читатели, составляющіе большинство публики, бросились на «Карманную Библиотеку» съ жадностью. Былъ объявленъ абонементъ на какое-то баснословное число томовъ. Въ настоящую минуту, всѣ обѣщанные томы изданы, и, сверхъ-того, къ нѣкоторымъ романамъ приложены не дурныя литографіи, изображающія главныя сцены изъ этихъ романовъ. Такое улучшеніе извѣстнаго зываетъ, что дѣло идетъ на выдѣ, и что, слѣдовательно, и издатель и публика довольны. Цѣль г. Плюшара достигнута; онъ имѣлъ въ виду доставить извѣстному разряду публики, какъ говорятъ обыкновенно, *легкое и занимательное чтеніе* и *использовать* свое предпріятіе добросовѣстно. Онъ не должно было стоить ему большого труда, или большихъ издержекъ, потому-что не обаявало его ни сколько-нибудь много думать надъ выборомъ со-

чишеи для переводовъ, ни издавать эти переводы слишкомъ-изящно.

«Карманная Библиотека» наполнилась постоянно произведеніями тѣхъ иностранныхъ романистовъ, которые у насъ наиболѣе въ ходу, которые читаются публикой съ наибольшимъ любопытствомъ. Дебютировало изданіе г. Плюшара извѣстнымъ *Монтэ-Кристо*, составившимъ цѣлыхъ шестнадцать томовъ; за нимъ слѣдовали *Мушкетеры Дюма*; продолженіе *Мушкетеровъ*, называющееся *Двадцать Лѣтъ спустя*, *Асканіо*, *Марсельскій Охотникъ* и *Корсиканское Семейство*, того же автора; потомъ, три романа Эжена Снъ, изъ первой половины его литературной дѣятельности, до «*Парижскихъ Тайнъ*», т. е., когда еще въ немъ не было того, что составляетъ его единственное достоинство. Вотъ и все. Общается еще романъ его, относящійся къ тому же періоду его дѣятельности: *Мальтійскій Кавалеръ*, да романъ Судьбы: *Неделя въ Зѣмль*. Изъ этого перечня можно видѣть, что искусство оставалось тутъ совершенно въ сторонѣ... Вѣдь изданіе назначено, какъ говорится, для толпы, для массы, а развѣ она что-нибудь смыслить въ искусство? развѣ природа вложила въ нее зародыши эстетическаго чувства, которое бы нужно было стараться развивать? Толпа—*презрѣнная*: это ужъ давно извѣстно; ее заклеили этими названіемъ поэты, воспевающие «*гордое страданіе*», которыхъ она не поцѣла, или отказалась и слушать, поды тѣмъ предложивъ, что у ней доводно и своего горя, и что ей некогда тратить время на такіе пустяки... Г. Плюшаръ, вѣроятно, подумалъ, что если произведенія художественныя попадутъ въ его изданіе, то ихъ постигнетъ та же участь, какъ и поэтовъ съ гордыми страданіемъ. Жаль, однако, что г. Плюшару при этомъ не пришла на мысль вопросъ: кто покупаетъ романы Вальтера Скотта, которые издаются, кажется, довольно-изящно и стоятъ по дорожке «*Карманной Библиотеки*»? кто раскупаетъ пе-

редовы Шекспира? Конечно, переводчики Шекспира и Вальтера Скотта не имѣютъ въ виду одной спекуляціи; иначе они стали бы издавать *Польку*, *Теорію воложитства*, *Умные охоты съ семь*, *Средство не млатить долговъ*, и проч., но думали нѣсколько и о пользѣ предпринимаемыхъ ими изданій. Они знали, что масса, руководимая разумной критикой, начинаетъ выходить изъ потѣмнокъ, что нынче не твердятъ уже: слѣвному нѣчего указывать на цѣнты, а стараются лечить слѣвнаго, потому-что онъ, можетъ-быть, и не родился слѣвнымъ, а ослѣпъ въ слѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ... Впрочемъ, мы не вправе ни отъ кого требовать, чтобъ онъ дѣлалъ, а не другое: наше дѣло смотрѣть, какъ онъ исполняетъ то, за что взялся. А какъ издаетъ г. Плюшаръ свою «*Карманную Библиотеку*», мы уже сказали и готовы повторить: онъ издаетъ ее совершенно-добросовѣстно, даетъ своимъ читателямъ все, что входило въ программу его изданія, и даже больше. Намъ только не сосѣтъ вранится самая программа, а это другой вопросъ. Обратимся же теперь къ послѣднимъ выпускамъ «*Карманной Библиотеки*».

Встрѣтивъ на оберткѣ ихъ имена Жоржа Занда и Чарльза Диккенса, мы было-обрадовались; но радость наша была вскорѣ остановлена двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, остальные четыре книжки заключаютъ въ себѣ романъ Поля Феваля: *Королевскіе Фарфароны*; во-вторыхъ, эти произведенія Занда и Диккенса *несколько разъ* являлись въ періодическихъ изданіяхъ, и потому здѣсь помѣщены какъ-бы случайно: издатель какъ-будто и не имѣлъ намѣренія переводить ихъ, но приобрѣлъ отъ переводчиковъ, которымъ хотѣлось пустить ихъ въ ходъ во второй разъ. Однакоже, какъ бы то ни было, *Полина* и *Ночь на Рождество*, хотя и давно извѣстны, но могутъ быть съ наслаженіемъ прочтены снова, и все-таки интереснѣе самаго слѣжнаго романа нѣаго французскаго бар-

возраста. Чемъ ближе читываешься къ художественное созданіе, тѣмъ болѣе находишь въ немъ красоту, которая съ перваго раза не бросается въ глаза. точно такъ же, какъ вы не отироете вдругъ всѣхъ живописныхъ мѣстъ въ какойнибудь большомъ саду или лѣсу.—Прежде всего поговоримъ о «Поэти».

У насъ довольно-часто говорили печатно о Жоржѣ Занда, но всегда мимоходомъ; никто не рѣшался еще посвятить ей особенной критической статьи. Впрочемъ и во Франціи она ждетъ еще себя критика, который бы подробно и безпристрастно анализировалъ этотъ рядъ созданий, отразившихъ въ себѣ нашъ вѣкъ со всѣми его сомнѣніями и надеждами, съ темной и ясной стороной его. Самая дѣльная статья о Жоржѣ Зандѣ, которую намъ только удалось встрѣтить—напечатана въ *Revue Indépendante*, за 1844-й годъ; но въ ней разсматриваются только философскія тенденціи автора «Ораса» и «Луизианы Флоріаны», различныя фазы, черезъ которыя перешла ея убѣжденія—словомъ, развитіе ея духа; но совершенно упущены въ вида эстетическія достоинства ея романовъ. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе оставлены безъ вниманія, и едва-ли не лучшіе. Видно, что авторъ статьи не слишкомъ-то цѣнитъ художественную идею, воплощенную въ живые, дѣйствительные образы, и предпочитаетъ лирическія исповѣди Спиридіона и Лелив объективной художественности Андрэ и Ораса, Индіаны и Мопра. Онъ называетъ эти созданія Жоржа Занда—не болѣе, какъ легкими очерками, эскизами, и упоминаетъ о нихъ вскользь, мимоходомъ... Грубая ошибка! Если Лелив и Спиридіонъ останутся въ будущемъ, какъ историческое свидѣтельство, какъ біографія нашего вѣка, то Валентина и Мопра, имѣющія болѣе-общій характеръ, представляющія не энціологию человѣка минутной дѣятельности, но просто человѣка, — не упруть и издавна.

Самыя желніи движенія души, самыя сокровенныя погыбы сердца, незамѣтные для обыкновеннаго таланта, являются обнаруженными въ романахъ Жоржѣ Занда; чтобы увѣриться, до какой степени сердцездвѣнія достигла она, довольно прочесть одного «Ораса». Вы невольно ужасаетесь этого страшнаго анализа человѣческой натуры, которая никогда еще не являлась передъ вами въ такой наготѣ; вы тѣмъ болѣе наумлены, что этотъ анатомическій ножъ находится въ рукахъ женщины! Но два рода лицъ являются постоянно въ произведеніяхъ Жоржа Занда: одни, подобно Орасу, выхвачены изъ дѣйствительности: это чловѣкъ такой, каковы мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ его въ жизни; другіе, подобные Массачіо, Пьеру Гюгнену—идеалы, воплощенные принципы: такими желалъ бы авторъ видѣть людей. Эти два типа обыкновенно сталкиваются въ романахъ Жоржа Занда; одинъ выставляется какъ-бы въ параллель другому. Въ «Индіанѣ» — это Ральфъ и Рамберъ, въ «Орасѣ» — Орасъ и Массачіо, въ «Консюэло» — Альбертъ и Анзолетто, Корилла и Консюэло; въ «Жаннѣ» — Артуръ и Марсилья. Главныиъ двигателемъ во всѣхъ этихъ созданіяхъ, какъ и въ жизни, является любовь, любовь въ ея безконечныхъ проявленіяхъ. Всѣ романы Жоржа Занда, вмѣстѣ взятые, могли бы назваться «исторіей любви». Какъ жизнь безъ любви мертва и не можетъ назваться жизнью, такъ и романъ — отраженіе ея — не можетъ существовать безъ любви. Романъ — это эпопея души. Потомкамъ Агамемнона, Улисса и Ахилла нужны были битвы боговъ и героевъ; наследникамъ рыцарей, завоевательныхъ въ жезво — чудесные удары меча роландова; намъ, сынамъ христіанства и философіи—борьба съ вселеннымъ міромъ и самимъ-собою. Съ дворенія христіанства и философіи любовь играетъ въ романѣ ту же роль, какую война играла въ эпопѣ. Любовь, неизвѣстная въ «Иліадѣ», играетъ эпизодомъ въ «Энеидѣ», дѣлается

основаніемъ рыцарскихъ романовъ; поэзія, воспѣвающая еѣ, занимаетъ первое мѣсто между всѣми другими родами; во имя ея совершаются благороднѣйшіе подвиги, даются лучшіе удары копьѣ. И однакоже любовь не была серьёзнаго характера въ средніе вѣка; если исключить нѣсколько ужасныхъ драмъ, то можно положительно сказать, что могущество страсти не было знакомо, и идеальная чистота ея не была понята. Она смягчила только наружныя формы, выличила нравы германскихъ бароновъ, но не проникла въ души. Слово «любовь» было по всюду, самой любви не было нигдѣ; и идеалъ рыцарства привелъ къ разврату временъ регентства... Но боги не умираютъ. Руссо, въ уединеніи Эрмитажа, воздвигаетъ этотъ алтарь, «на которомъ была обожаема Юлія» (*set autel où fut adorée Julie*)—и съ этого дня была понята истинная, могучая любовь! Съ Руссо она перестаетъ быть шуткой, игрой, волокитствомъ: она дѣлается общественнымъ фактомъ, требующимъ себѣ мѣста. Идеалъ среднихъ вѣковъ является снова, но не какъ связь между рыцаремъ и его дамой — поддѣльными типами, которые должны были породить ложныя отношенія, но какъ основаніе отношеній между мужчиной и женщиной. Мужчина — первый оживилъ это пламя, еще неугасшее, но охладѣвшее. Понятно, какъ нуженъ былъ въ этомъ вопросѣ любви голосъ женщины: онъ долго заставлялъ ждаты себя. Въ восьмидесяти вѣкѣ одинъ Руссо былъ писателемъ чувства; даже г-жа Сталь, полная аналитическаго, положительнаго ума своего времени, у которой голова преобладала надъ сердцемъ, не могла быть преемницей Жанъ-Жака; и въ романѣ вы не найдете ему преемника. Отъ Руссо до Жоржа Занда — только одна генерация!

Итакъ, любовь — вотъ слово, которое можно поставить эпиграфомъ къ созданіямъ Жоржа Занда, — любовь, о которой г-жа Сталь сказала: «Я не знала для любви ни объ-

щавій, ни обезпеченій. Только Божество можетъ возродить цвѣтокъ, погибшій отъ вѣтра». Эта любовь была идеаломъ Жоржа Занда въ первую эпоху ея литературной дѣятельности. Со всѣмъ жаромъ и энтузіазмомъ молодости провозглашаетъ она права и могущество страсти, и протестуетъ противъ обычая, слишкомъ-часто непризнающаго ихъ. Эта любовь является то глубокою, преданною, терпѣливою — въ Ральфѣ, то страстною и фреветическою въ Бенедиктѣ. Поэтъ бросается въ борьбу съ упоеніемъ; онъ еще не умѣетъ подчиняться фактамъ, дѣйствительности, не переставая искать того, что должно быть... Но скоро долженъ совершиться переворотъ: Жоржъ Зандъ начинаетъ сознавать, что должно любить и провозглашать истину безъ гнѣва, съ спокойствіемъ надежды, и отъ вѣковъ ждаты осуществленія своихъ стремленій... И вотъ она уже называетъ себя «однимъ изъ тѣхъ пяти или шести созданій, которыя рождены, чтобъ любить истину, и не могутъ заставить другихъ полюбить ея». Она поняла свою исключительную участь — поняла, что нельзя привести всѣхъ людей къ обожанію одного божества; она видитъ ясно эту борьбу настоящаго съ будущимъ, ложнаго съ истиннымъ, несовершеннаго и неполнаго съ вѣчно-прекраснымъ и гармоническимъ. Энергія уменьшается, потому-что вѣра въ немедленный успѣхъ исчезаетъ. Идолъ ея — уже не отъ міра сего. Жакъ сосредоточивается въ себѣ; онъ принимаетъ общество, но не подчинится ему, и лучше хочетъ умереть гордо и одиноко, чѣмъ рѣшиться на тысячу маленькихъ подлостей, которыми поупаегса спокойствіе въ этой жизни». Геронамъ Деція, перенесенный въ вѣдра семейства — геронамъ, который не покажется несбыточнымъ тому, кто чувствуетъ себя способнымъ любить. Но хотя въ этомъ самопожертвованіи Жака еще много горечи, тѣмъ не менѣе въ умѣ автора становится значительно-спокойнѣе... Наступаетъ второй періодъ ея дѣятельности, періодъ

философского созерцания. Форма отношений в семействѣ заставляет ее бросить взглядъ на форму отношений в гражданской жизни; любовь къ отдельному человѣку развивается до любви къ человѣчеству. Г-жа Сталь сказала въ молодости: «Любовь можетъ иногда дать всѣ добродѣтели, предписываемыя моралью и религіей». Жоржъ Зандъ, въ горячей искренности своихъ надеждъ, думала, что слово *иногда* должно замѣнить здѣсь словомъ *всегда*. Это было заблужденіе, и она поняла его скорѣ: она увидѣла, что бракъ, семейство, находятся въ связи съ общественной организаціей, съ религіей, и перемѣнила символъ—но не идеаль. Идеаль даже не преобразился—онъ только сталъ шире. Между этими двумя эпохами лежала пропасть сомнѣнія и отчаянія, которую поэтъ долженъ былъ перейти, чтобъ достичь спокойной вѣры въ грядущее... Это скорбное состояніе духа, блуждающаго между вѣрованіемъ угасающимъ и вѣрованіемъ рождающимся, выразилось въ страшныхъ вопляхъ Лелів. Здѣсь представало въ наготѣ своей это окровавленное сердце, предметъ ужаса и сожалѣнія («se mettait à nu ce coeur tout saignant, objet d'horreur et de pitié»...).

Нѣсколько разъ, и весьма-основательно, было замѣчено критикомъ, что художественное достоинство романовъ Жоржа Занда уменьшается по мѣрѣ преобладанія въ нихъ философскихъ тенденцій. Истиннымъ художникомъ является Жоржъ Зандъ въ тѣхъ изъ своихъ произведеній, которыя писались имъ въ спокойно-созерцательномъ состояніи духа, во время отдыха отъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній, отъ борьбы ума съ самимъ-собою. Отнюдь не должно заключать изъ этого, чтобъ остальные произведенія его были безжизненны и походили на декламаторство, или сухіе трактаты: напротивъ, въ каждомъ найдете вы непременно художественныя частности, и не удовлетворить васъ, можетъ-быть, только *esse cunctos*. Мы уже говорили,

что идеалы и дѣйствительные образы сталкиваются у ней въ романахъ, в изображеніе этихъ живыхъ существъ составляетъ, по нашему мнѣнію, художественную сторону ея произведеній, аба чѣмъ же измѣряется художественность созданія лица, какъ не истинною его, какъ не вѣрностью его дѣйствительности? Само-собою разумѣется, что оно всѣтаки должно быть возведено въ перлъ созданія, обобщено, сдѣлано типомъ... Орасъ возбуждалъ въ васъ всегда больше симпатій, чѣмъ Массачіо, чѣмъ Гюгпенъ, которымъ вы только удивлялись, на которыхъ смотрѣли съ уваженіемъ; Изѣль вы не полюбите такъ сильно, какъ маркизу... Консюэло, какъ Лукрецію Флоріани. Романъ, носящій это послѣднее имя, чуждый всего недѣйствительнаго, всякой идеализаціи, есть, по нашему мнѣнію, рѣшительно лучшее произведеніе Жоржа Занда... «Андрѣ», «Теверино», «Мопра», «Мозансты», «Леоне-Леони», «Полина», «Маркиза», «Метелла» и «Лавинія», «Орасъ», «Валентина» и, можетъ-быть, въ которые другіе—также, по нашему мнѣнію, перлы таланта Жоржа Занда и приближаются болѣе или менѣе къ «Лукреціи Флоріани», гдѣ Жоржъ Зандъ рассказываетъ исторію сердца безъ примѣсъ политическихъ и социальныхъ отступленій (которыя какъ и энергически бывають написаны, всѣтаки вредятъ созданію), гдѣ передаетъ она одну изъ тысячи вселенныхъ драмъ, въ которыя намъ и не приходится на умъ попристальнѣе взглянуть (или, можетъ-быть, и приходитъ, да мы боимся взглянуть въ нихъ), гдѣ, говоримъ мы, Жоржъ Зандъ не ищетъ никакой похвалы, и если у ней не гудятъ найдтись соперники, то по крайней-мѣрѣ никто не превосходилъ ее Шекспиръ, Вальтеръ Скоттъ, Гёте, аббатъ Прово, великіе знатоки сердца человѣческаго, не отказались отъ характеровъ, созданныхъ Зандомъ. *Полина* принадлежитъ также къ чисто-объективнымъ, художественнымъ повѣстанъ ея. Это простая графія бѣдной дѣвочки, случайно по-

авшей въ сферу, для которой она не была создана, и палающая жертвою аморбиа, оскорбляемаго на каждом шагу въ этомъ обществѣ, гдѣ царствуютъ такая разрозненность интересовъ, овольно попасть на колею, къ которой мы не имѣемъ призванія, или къ которой вредящая обстоятельство е приготовили насъ, чтобы благороднѣйшее свойство человѣка — его самолюбіе — превратилось въ мелочную поозрительность; иногда это превращеніе происходитъ просто въ-слѣдствіе е впадіи еще сознаннаго человѣкомъ значенія своего въ обществѣ, сомнѣія въ самомъ-себѣ, въ своихъ силахъ. Каждому кажется, что безсиліе его опло въсьми, и что каждый старается унижать его, выказывая свои собственные силы; что каждый изъ тщелавія желаетъ его гибели, его паденія, потому-что паденіе другаго челоѣка, идущаго съ нами по одной дороѣ, благотательно выказываетъ нашу ердость. Людей самолюбивыхъ и поозрительныхъ обыкновенно презираютъ; объ нихъ отзываются оскорбительно; но никто не вздумаетъ анализировать ихъ недостатка, дойти до го источника; всѣ обвиняютъ этихъ людей въ отсутствіи въ нихъ проготы, уступчивости, и никто не знаетъ, навывающихъ себя любящими и гуманитарными, не рѣшится, впа такое свойство ближняго, слѣлать му хоть малѣйшую уступку съ своей стороны! Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ одженъ свосить отъ насъ все, что ераетъ его большую натуру; а мы, юди здоровые, не намѣрены насилать свою, чтобы ему было покойнѣе. Въ можетъ отстать отъ насъ и жить, ожалуй, какъ Робинсонъ Крузо, на еобитаемомъ островѣ... Не-уже-ли это юбовь? не-уже-ли это гуманитарность?

Одинъ французскій критикъ замѣчатъ, что «Полина» возбуждаетъ менѣе очувствія, чѣмъ прочія женщины Зана. По нашему мнѣнію, это вовсе неправедливо. Существо заблуждающееся не можетъ не возбуждать сожалѣнія; его обвиняютъ только люди безуюко-

ривненнаго характера, которые сами не заблуждались — а такихъ, право, не много, хотя и не каждый сознается въ своихъ заблужденіяхъ. Человѣкъ же съ сердцемъ и испытывавшій страданіе, не только будетъ сожалѣть о нихъ, но и полюбить ихъ.

Пока Полина жила съ своей слѣпой матерью въ бѣдномъ городишкѣ, она была добродѣтельна, хотя и безсознательно; но едва явилась въ свѣтъ, какъ онъ погубилъ ее... Послушайте мораль, которую оканчиваетъ Жоржъ Завдъ расказъ свой: «Есть добродѣтели, зависящія отъ отрицательныхъ способностей; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ уважать ихъ. Не сама роза создала себя; ея запахъ тѣмъ не менѣе пріятенъ, хотя она испускаетъ его безъ сознанія; но не должно много удивляться, что великія семейныя добродѣтели скоро уничтожаются на сценѣ, для которой онѣ не созданы».

Повѣсти англійскихъ писателей заключаютъ въ себѣ одну изъ прекраснѣйшихъ повѣстей Диккенса «Почъ на Рождество», отличающуюся глубоко-человѣчественной идеей. Диккенсъ выставляетъ здѣсь во всей наготѣ страшную картину челоѣка, который никогда ничего не любилъ, кромѣ золота, и съ отаращеніемъ глядѣлъ на муки своихъ братьевъ, умиравшихъ съ голоду. Рядомъ съ яркими картинками порока, встрѣчаются здѣсь сцены, дышащія какимъ-то успокоительнымъ чувствомъ, согрѣтыя теплою любовью. Повѣсти придавъ фантастическій колоритъ. Жаль только, что Диккенсъ всегда хочетъ слѣлать всѣхъ своихъ лицъ во что бы то ни стало совершенно счастливыми. Здѣсь скупецъ Марлей исправляется, пораженный страшнымъ сномъ, который ему привидѣлся, и въ которомъ, какъ въ мрачной фантазмагоріи, смѣняются всѣ фазы его жизни. Въ-слѣдствіе такого раскаянія, онъ лѣлаетъ счастливыми всѣхъ, кого притѣснялъ прежде. Многія сцены въ этой повѣсти изображены рукою гениальнаго художника. Горьчее, искреннее сочувствіе къ бѣдному клас-

су составляет также одно из главных достоинств ее. Остальные подробности — совершенно незначительны, не включая и повести покойного Гюка, одного из даровитых английских писателей. Это не больше, как легкие физиологические очерки, анекдоты, и притом давно известные.

Что же касается до *Фанфароновъ г. Февала*, то мы не считаемъ нужнымъ распространяться объ этомъ романѣ тѣмъ болѣе, что статья наша и безъ того длинна.

Переводы гг. Строева и Горвакено — очень-недурны.

302) Расинъ, драма - биографія въ пяти картинахъ, въ стихахъ и прозѣ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 159 стр.

Расинъ ставитъ «Андромаху»; Расину 28 лѣтъ. Когда онъ ставитъ «Андромаху», приходитъ къ нему на квартиру Клодъ Жансело и говоритъ, что Эврипида изуродовали; Маргарита, жена Расина, испугалась ужасно и замѣчаетъ, что ужъ не переломили ли ему руки или ноги? Послѣ чего читателю дѣлается ужасно-смѣшно, затѣмъ, что есть же на свѣтѣ такая глупая женщина, которая не знаетъ, что Эврипидъ родился за 480 лѣтъ до Р. Х., и что, слѣдственно, ему нельзя было въ нашъ вѣкъ переломить себѣ руки или ноги, если разсуждать такъ, какъ долженъ разсуждать образованный человѣкъ, читавшій разныя книжки и обучавшійся всѣмъ наукамъ. Потомъ входитъ дядя Расина, Жанъ Расинъ, который тоже необразованный человѣкъ и не знающъ, какъ онъ говоритъ, съ мсье Эврипидомъ. Наконецъ входитъ племянникъ Расинъ и ругаетъ тѣтку, непоявшаю его; потомъ входитъ Марія Шанмелѣ, актриса, и объясняетъ Расину любовь свою. Расинъ умилительно радуется и дѣлаетъ пиръ, а Клодъ Жансело, который также ужасно-смѣшной человѣкъ, повязываетъ себѣ на шею, вмѣсто салюетки, цѣлую скатерть. Затѣмъ читателю дѣлается

опять ужасно-смѣшно, ибо ужъ известно, что когда встанетъ Клодъ Жансело, такъ все, что ни есть на скатерти, полетитъ на полъ и все разобьется. Оно такъ и случилось: пришелъ для Расинъ — и все полетѣло на полъ, а племянникъ Расинъ замѣчаетъ дядюшкѣ очень-разумно: «Какъ же вы хотите, любезнѣйшій дядюшка, чтобы я не назвалъ трагедій, чтобы я отказался отъ славы, отъ удивленія моихъ соотечественниковъ и отъ уваженія великихъ и знатныхъ?» (стр. 27). Дядя уходитъ, а послѣ него приходитъ Корнель; тутъ ужъ Расину дѣлается жутко: Корнель тотчасъ же начинаетъ браниться! Изъ словъ его видно, во-первыхъ, что онъ Корнель великъ; во-вторыхъ, что трагическіе повты не должны вѣнчаться съ друзьями, и что, наконецъ, порядочный человѣкъ не долженъ писать комедій, а долженъ думать о високомъ и писать трагедій; онъ говоритъ о настоящемъ талантѣ, что —

Не ставеть онъ, какъ скоророкъ презранный,

За золото криваться и смѣшить.

Нать! тотъ, кто разъ увидѣлъ де слава,

И Момуса зрѣмишку въ руку взялъ,

Кто глупому народу на потѣху

Плъцѣмъ его дурачествѣ пошлыхъ ставъ,

Кто ставъ смѣшить, какъ раба, мелку

Кордабъ надъ ней моѣ еластооуи мѣтъ,

Кто написалъ комедію такую,

Тотъ не поэтъ — а жалкій скоророкъ.

(Стр. 33).

Сказавъ это, онъ гордо и медленно уходитъ, завязавъ опускается, а умный человѣкъ межъ тѣмъ думаетъ про себя: вѣе же скоророки были всѣ эти Аристофаны, Мольеры, Гриболюмы, Гоголи! за то, что они были такими разными пошлыхъ дурачествъ, не достиглось отъ умнаго человѣка Корнеля...

Потомъ Расину 30 лѣтъ, и на сценѣ идетъ его «Британникъ». Расинъ влюбленъ въ Марію Шанмелѣ и очень-честливъ въ любви. Но вдругъ Марія приходитъ на умъ, что Расинъ любитъ

не ее, что Расинъ любить въ ней только актрису, которая поддерживает своей игрой его трагедіи — и тотчас же начинается сцена: Марія объявляет на-прямки Расину, чтобъ онъ бросилъ писать, что она броситъ сцену, и что только тогда онъ ей докажетъ любовь свою. Это возмущаетъ Расина: онъ прямо говоритъ, что нельзя же ему теперь

Сойдти въ разрядъ людей обыкновенныхъ.

Марія сердится, Расинъ кричитъ:

Марія! Боже! неужели
Меня ты покидаешь?

Нѣтъ, не покидаю, отвѣчаетъ Марія:

Нѣтъ! нисколько!

Со мной въ разлукѣ ты меня забудешь,
Вообразишь, что умерла Марія,
Утѣшишься и славой, и другою
Любовью—все быть можетъ. Потому-то
Тебя я не оставляю. — Я хочу,
Чтобъ видѣлъ ты — какъ отъ меня

Весь городъ сходится, — какъ одной
улыбкой

Я буду жизнь и счастье дарить.
Я превзойду себя—съ досады буду
Я первою трагической актрисой, —
И это будетъ мечь моя, Расинъ,
За то, что ты мою отвергнулъ жер-
ву!

Расинъ. Марія!

Шанимелъ. Да! въ роляхъ парижъ,
любовницъ —

Я буду удивительна, чтобъ ты
Раскалался, чтобъ плача и страдая,
Ты мучился, слѣдя за каждымъ сло-
вомъ,

За каждымъ вздохомъ, потому что эти
Слова и вздохи—будутъ не къ тебѣ,
Къ другому обращаться, и другому
Восторги объявлять и счастье рая, —
И это будетъ мечь моя, Расинъ!

Расинъ. Марія!

Шанимелъ. Я слѣжаю, что ты
Самъ проклянешь и славу и искусство,
Что самъ свою ты дѣру разобьешь!..
Забудешь все, испуганный и блѣдный
Съ мольбою припадешь къ моимъ но-
гамъ,

Но я тебя съ насмѣшкою отвергну
И это будетъ мечь моя, Расинъ (ухо-
дитъ).

И за что бы, кажется? Но уже тако-
вы итальянскія страсти! возмущаетъ
читатель и переходитъ къ третьей кар-
тинѣ, къ первому представленію «Вере-
нники». А нужно замѣтить, что «Ври-
танникъ» удался, и король Людовикъ
согласился не танцовать въ балетахъ;
но за то ему ввдумалось поволочиться
за Генриеттой, герцогиней Орлеанской.
Генриетта не хочетъ губить души сво-
ей; она проситъ Расина написать «Вере-
ннику», въ которой бы выразилось, какъ
гнусна страсть къ замужней женщи-
нѣ, и такимъ-образомъ пристыдить
непрощеннаго любовника. Расинъ на-
писалъ, но Марія Шанимелъ рѣшитель-
но извѣщаетъ ему, а Корнель опять
бравится и опять доказываетъ Расину,
что у него нѣтъ ни прошки таланта.
Расинъ, въ отчаяніи отъ неудавшейся
любви, а болѣе отъ-того, что у него
нѣтъ таланта, бросается къ Боссюету
и проситъ его умирить сердце грѣш-
ника, но Боссюетъ отвѣчаетъ, что

У трона Бога славы

Нѣтъ мѣста для писателей траге-
дій,..

Расинъ уже погибаетъ совѣсть, но
является король, хвалитъ «Вере-
ннику»; Расинъ оживаетъ и падаетъ въ обмо-
рокъ въ знакъ признательности.

Но въ четвертой картинѣ, когда на
сценѣ падаетъ «Федра», Расинъ дѣй-
ствительно приходитъ на умъ: полно
есть ли у меня талантъ въ-самомъ-дѣ-
лѣ? Чтобъ разрѣшить свои сомнѣнья,
онъ женится на кузинѣ своей, очень
глупенькой дѣвушкѣ, съ которой не
сказалъ еще двухъ словъ, и кричитъ,
что онъ обязанъ дядѣ, женившему его,
истиннымъ счастьемъ. Читатель ра-
дуется за Расина, видя, какъ скоро пер-
решкаиваетъ онъ отъ несчастія къ
счастью.—Когда же, въ пятой картинѣ,
пала на сценѣ «Геофилъ», Расинъ до-
гадывается, что онъ очень-несчаст-
ливъ. Ему 60 лѣтъ; тутъ приходитъ на-
давъ де-Монтенонъ и говоритъ, что
трагедіи Расина падаютъ столько лѣтъ
отъ-того, что она не хочетъ, чтобъ онъ
удавался, и что она такимъ-образомъ
мститъ ему за неосторожное слово.

Тутъ обѣгаетъ Марія Шавиелё, которой уже подь пятьдесятъ лѣтъ; она монахиня, но все-таки любитъ Расина. Она въ чемъ-то проситъ прощенія; Расинъ прощаетъ; но, узнавъ, что другая актрисса, Луиза Дюпаркъ, любитъ его дѣтъ безъ малаго 30, а онъ и не замѣчаетъ этого, приходитъ въ отчаяніе, и собственно для того, чтобъ драма поскорѣе кончилась, умираетъ на сценѣ.

Такимъ-образомъ читатель узнаётъ, что такое драма-біографія «Расинъ». Сверхъ-того, онъ узнаётъ, что эта біографія — жизнь Расина, какъ она есть въ драмѣ, но ужь вовсе не живая, какъ она была въ-самомъ-дѣлѣ. Потому онъ дѣлаетъ заключеніе, что, еслибы въ драмѣ русскаго автора было побольше такихъ сценъ, какъ сцена вторая въ четвертой картинѣ, между Луизой Дюпаркъ и Жиль-Менажемъ, то драма-біографія «Расинъ» была бы скорѣе живаю, какъ она была въ-самомъ-дѣлѣ, а не *мимною*, какъ она есть.

303) Шлиссельбургъ. Сочиненіе А. Т. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1847. Въ 8-ю д. л. 170 стр.

304) Бксѣда на пути моремъ изъ Санктпетербурга въ Штетинъ. Составлена Д.—мъ Б.—мъ. (Съ подробной картой Балтійскаго-Моря). Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1847. Въ 12-ю д. л. 107 стр.

Г. А. Т., авторъ книги «Шлиссельбургъ», въ предисловіи къ своему сочиненію сѣтуетъ на недостатокъ въ Россіи подробнаго и прагматически-наложеннаго описанія городовъ. Это, говоритъ онъ, равно какъ и желаніе, чтобъ и другіе, по примѣру его, приступили къ описанію извѣстныхъ имъ городовъ, побудило его къ изданію книги, заглавіе которой здѣсь написано. Цѣль — безъ-сомнѣнія, похвальная и благая. Но, съ другой стороны, въ дѣлѣ такого рода надо быть чрезвычайно-осторожнымъ, подь опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, наоднать литературу множествомъ бродяч-

рокъ совершенно-пустыхъ и бесполезныхъ. Весьма-нехудо было бы, напримѣръ, имѣть описаніе такихъ городовъ, какъ Нижній-Новгородъ, Рыбинскъ, Саратовъ, въ которыхъ сосредоточилась большая часть русской торговли, но описаніе Сапожка, Царевкокошайска, Буя, Кая, Севгилея, Канада и ч. п. (если только тутъ можетъ быть описаніе), едва-ли къ чему поведетъ.

Не ставя Шлиссельбурга на совершенно-одинаковую степень съ послѣдними городами, мы, однакожъ, не думаемъ, чтобъ описаніе его въ статистическомъ отношеніи могло принести какую-нибудь пользу. Въ описаніяхъ такого рода всего важнѣе данныя о торговлѣ города, о его мануфактурной промышленности, о капиталахъ, находящихся въ оборотѣ, и наконецъ, о нравахъ и обычаяхъ жителей. Значеніе Шлиссельбурга въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ весьма-незначительно, такъ-что авторъ разбираемой нами книги ничего не нашелъ сказать въ этомъ случаѣ, крошъ того, что городъ этотъ занимается торговлей хлѣба(омъ) всѣхъ родовъ, строеваго(ымъ) и дроваваго(ымъ) дѣса(омъ) и другихъ (?) товаровъ, но менѣе извѣстныхъ въ русской торговлѣ. Но и тутъ вся торговля находится въ рукахъ мвогородныхъ купцовъ, которые скупаютъ хлѣбъ съ барокъ, прибывающихъ въ Ладожскій Каналъ; собственно же туземцы занимаются только кирпичнымъ мастерствомъ, ловлей рыбы, доставленіемъ въ Петербургъ разныхъ продуктовъ, между-прочимъ булыжника, и провозомъ судовъ.

Но Шлиссельбургъ важенъ въ другомъ отношеніи — именно повозможностямъ, которыя съ нимъ связаны. Слѣдовательно, вся заимательность его для насъ заключается только въ его прошелшемъ, и авторъ гораздо-лучше бы поступилъ, еслибы ограничился одной исторіей этого города. Въ этомъ отношеніи книга г. А. Т. весьма-нужна, хотя и написана черезъ-чуръ архаично — вѣроятно, въ томъ случаѣ,

ни, что Клю, какъ музѣ, неприлично выражаться языкомъ простыхъ смертныхъ.

Любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о знаменитѣйшихъ узникахъ, бывшихъ въ заточеніи въ Шлиссельбургской-Крѣпости. Замѣчательно, что еще въ 1553 году, при Васильѣ Ивановичѣ, сосланы были для заключенія въ Орѣховъ находившіеся при казанскомъ царѣ, Шыг-Алеѣ, Татары. Слѣдовательно, и въ былыя времена эта крѣпость служила мѣстомъ заточенія преступниковъ. Въ позднѣйшее время изъ заключенниковъ Шлиссельбургской-Крѣпости наиболѣе замѣчательны: кн. Дмитрій Голицынъ, кн. Василій Долгоруковъ, сосланные въ царствованіе Анны Іоанновны, Биронъ и Іоаннъ Антоновичъ.

Въ концѣ книги авторъ говоритъ между прочимъ, что въ грядущее время откроются въ Шлиссельбургѣ присутственные мѣста и общественныя заведенія; процвѣтутъ науки, художества и литература, подъ перомъ которой (?) грамотные потомки наши оставятъ по себѣ любопытныя сказанія о Шлиссельбургѣ, на изученіе просвѣщенныхъ соотечественниковъ. Можетъ-быть, со временемъ мы и дождемся шлиссельбургской литературы, шлиссельбургскихъ наукъ и т. п.; но теперь еще этого нѣтъ; слѣдовательно, и говорить обо всемъ этомъ рановременно.

Что касается до «Бесѣды» г. Л. Б., то это весьма-удачная и ловкая затѣя, которая безъ-сомнѣнія окажется весьма-доходной для автора и не будетъ постоянно походить, подобно многимъ ученымъ сочиненіямъ, на полкахъ книжныхъ лавокъ. Г. Л. Б. весьма-вѣрно угадалъ одну изъ дѣйствительныхъ потребностей публики и сдѣлалъ все, что могъ, для ея удовлетворенія... «Бесѣда» г. Л. Б. замѣчательна еще и потому, что показывается, какъ легко и натурально могутъ мириться другъ съ другомъ поэзія и коммерція. Представляемъ читателю

образчикъ мягкаго, въ душу льющагося слога г. Л. Б.:

«А самое море сколько величія въ себѣ заключаетъ оно? Какое разнообразіе видовъ, которые на немъ представляются! Величественъ видъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, упирающихся въ облака; изумительна безграничность степи; восхитительна пѣтушая долина. Но гора вѣчно остается горой (*замѣчаніе поразительно-сприно!*): чтобы перенестись отъ нея къ безграничной степи, нѣрѣдко нужно пройти большое разстояніе. Не таково море, превосходящее безграничностью своею степь и т. д.»

Обѣ книжки изданы хорошо.

305) Римскіе Папы, *изъ Церковь и Государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе Леопольда Ранке. Переводъ съ нѣмецкаго. Берлинъ. 1854 г. Книжки V, VI, VII и VIII. Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣхъ. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. 360 и 433 стр.*

Первая часть этого труда, заключающая въ себѣ первыя четыре книги сочиненія Ранке, вышла въ 1842 году, и мы тогда же извѣстия о ней читателямъ; теперь появились остальныя четыре книги, въ двухъ частяхъ, и мы представляемъ обзоръ всего сочиненія въ отдѣлѣ Критики этой же книжки нашего журнала.

306) Псковская Судная Грамота, *составленная на языкъ въ 1467 году. Издана по списку (.) хранящемуся въ библиотекѣ князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса. Въ городской тѣхъ. 1847. Въ 4-ю д. л. IX и 24 стр.*

Карамзинъ въ 404-мъ примѣчаніи къ V-му тому своей «Исторіи», помѣстивъ отрывокъ изъ Псковской Судной Грамоты, измеченный имъ изъ синодальной лѣтописи, хранящейся въ Москвѣ. Теперь г. Мурзакевичъ издалъ полную Псковскую Судную Грамоту, которая отыскана въ сборникѣ, хранящемся въ библиотекѣ князя Михаила Семеновича Воронцова. Озна-

человек граммата отнесена здѣсь къ 1397 году; но этотъ годъ, какъ основательно думаетъ издатель, выставленъ на ней по ошибкѣ писца: въ заглавіи самой граммати сказано, что она выписана «изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлннъ», но благословенію отецъ своихъ, поповъ всѣхъ пяти соборовъ: пять же соборовъ существовало въ Псковѣ не въ 1397 году, а въ 1462-мъ. Издатель полагаетъ, что граммата должна быть отнесена къ 1467 году. Не смотря на искаженія и пропуски, содержаніе граммати очень важно для исторіи русскаго права. Изданіе издано; но объяснительный словарь, приложенный къ грамматѣ, составленъ очень небрежно. Напримеръ два слова: *а рѹчи* издатель принимаетъ за одно, тогда какъ здѣсь союзъ *а* съ значеніемъ *и*, ибо извѣстно, что въ нашемъ древнемъ языкѣ эти два союза ивѣляются должностями, точно такъ, какъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и теперь *а* замѣняетъ *и*; слѣдательно, въ этомъ выраженіи находится отдѣльный союзъ *а* и потому *рѹчи*, сокращенная форма «*рѹчи*», отъ глагола *рѹчу*; *а рѹчи* замѣняется въ той же грамматѣ выраженіемъ: *а молонитъ такъ*; почему же г. Мурзавичъ не соединяетъ *амолонитъ*? Слово *кочетникъ* г. Мурзавичъ объясняетъ: *лапотникъ*, *тамъ кто кочетъ, тамъ плететъ обуи*; но кто знаетъ значеніе слова *кочетъ*, тотъ не усомнится, что *кочетникъ* можетъ значить только *птичникъ*. *Лшшя земл* издатель объясняетъ: *излишняя земл*; но развѣ ему не извѣстно, что прилагательное *лшшй* происходитъ отъ существительнаго *лшшъ*? Не справившись съ текстомъ граммати, издатель объясняетъ слово: *отрокъ* — *работничій помощникъ*, *подмастерье*, *мальчикъ*; но въ текстѣ граммати стоитъ не *отрокъ*, въ смыслѣ мальчика, а *отрокъ*, отрѣченіе, отказъ, ссылка: «А которой государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднику, или кочетнику, ино отрокъ быти Филиппово заговеніе.» Какое должно выйдти смыслъ, если кто-ни-

будь, справившись съ объяснительнымъ словаремъ издателя. Будетъ принимать *отрокъ* въ смыслѣ мальчика?.. Слово *пригородъ* издатель объясняетъ: *городъ, село, деревня, подчиненныя селу*; но извѣстно, что *пригородъ* никогда не могъ быть селомъ или деревнею, да и въ самой грамматѣ *пригородъ* ясно отличенъ отъ села: «А гдѣ учинится бой, у торгу, или на улицы, во Псковѣ или на *пригородъ*, или въ селѣ.» Слово *суплетка* издатель объясняетъ: *жалобница, просьба*, кажется, отъ слова *supplicare*; но *суплетка* просто значить *дѣло, селъ*, отъ русскаго глагола: *соплетаться*. Слово *сабры* издатель объясняетъ: *межевые знаки*, тогда-какъ въ юридическихъ актовъ извѣстно, что *сабры* значить *соладѣльцы, соучастники*; вотъ мѣсто граммати: «А кто съ кимъ роставутся о земли, или о борти, да положить грамоты старыя, и купленую свою грамоту; и его грамоты зайдутъ многыи бо сабровъ земли, и борти (читай: земли и борти,) и сабры вси стануть на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи.» Какое смыслъ: всѣ межевые знаки стануть на суду, въ одномъ мѣстѣ отвѣчая?.... Наконецъ, къ-чему попали въ объяснительный словарь слова для всѣхъ ясныя и понятныя и никогда неперебивавшія своего значенія, напримеръ: *бой*, *запираться*, *клетать*, *кѣтъ*, *побиться*, *стогъ*, *татъ*, *торгъ*, *тягаться*, *чернецъ*, *Филиппово заговѣніе* и пр.?

307) Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Годъ пятый. Книжка 2. Москва. Въ тѣл. Семена. 1847. Въ 8-ю д. л. 211 — 468, 159—270 стр.

Изъ твореній св. Василія Великаго помѣщены здѣсь «Правила о Подвижничествѣ», кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ, и «Подвижническіе Уставы». Въ *Прибавленіяхъ* замечаны два «Слова» Филарета, митрополита московскаго: одно говоренное 6 декабря 1846 г., а другое по случаю

приведенія къ присягѣ дворянства Московской-Губерніи предъ его выборами, того же года 9 декабря; « Слово послѣ исхожди и причащенія Святыхъ Тайнъ », предложенное преимущественно для сельскихъ священниковъ, какъ опытъ поученія простолюдинамъ; « Извлеченія изъ любопытныхъ писемъ алтайскаго миссіонера протоіереея Ст. Ладдышева »; любопытное « Жизнеописаніе Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, изображеніе его подвиговъ въ жизни иноческой и въ защищеніи православія противъ жидовской ереси », и « Первое письмо о конечныхъ причинахъ ». Мы должны преимущественно остановиться на послѣдней статьѣ.

Ученый авторъ ея имѣлъ цѣлю опровергнуть слова Лантрэ, который, въ статьѣ своей « О важности и успѣхахъ физиологій » (помѣщенной въ « *Revue des deux Mondes* »), говоритъ, что ученіе о конечныхъ причинахъ разрушено въ наше время новыми открытіями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ, что одна изъ великихъ заслугъ положительной науки состоитъ въ изгнаніи отсюда этихъ вымышленныхъ цѣлей природы и замѣненія гипотезъ фактами... Авторъ письма находитъ стѣсненнымъ вниманія и заботы людей размышляющихъ удержаніе въ философіи или разрушеніе ученія о конечныхъ причинахъ, потому-что съ этимъ соединено рѣшеніе вопроса: основательно ли, разумно ли убѣжденіе въ томъ, что міръ физическій и нравственный премудро устроенъ и предназначенъ къ благимъ цѣлямъ, или это только гипотеза, ни на чемъ не основанная и окончательно разрушенная современными успѣхами физиологій, достаточно объясняющей все изъ необходимаго дѣйствія свойствъ матеріи, которая, конечно, не имѣетъ въ виду никакихъ цѣлей и не знаетъ различія между добромъ и зломъ.

Исполняя желаніе особы, къ кому адресуются письма, авторъ излагаетъ въ первомъ содержаніе и исторію ученія о конечныхъ причинахъ, или цѣ-

ляхъ. Въ слѣдующихъ письмахъ онъ покажетъ слѣды цѣлесообразнаго устройства въ мірѣ физическомъ и нравственномъ — устройства, ученіе о которомъ имѣетъ твердыя опоры и въ неложномъ словѣ Божіемъ, и въ началѣ разума, и въ свидѣтельствахъ опыта.

Ученіе о конечныхъ причинахъ въ устройствѣ міра авторъ выводитъ изъ понятій о добрѣ и злѣ и о различныхъ степеняхъ того и другаго, и заключаетъ *содержаніе* этого ученія въ слѣдующихъ положеніяхъ:

« Богъ всѣ свои творенія устрояетъ такъ, чтобы они достигали, или способствовали къ достиженію цѣлей, соответствующихъ его благодати и премудрости. Цѣль его при сотвореніи міра есть всевозможное проявленіе совершенствъ Его въ существахъ конечныхъ, и возведеніе существъ разумныхъ къ вѣчному общенію съ нимъ и выраженію Его совершенствъ въ своей дѣятельности: это есть благо высочайшее, главная цѣль бытія всѣхъ сотворенныхъ существъ, и всѣ другія цѣли ей подчинены. Ближайшее къ сей цѣли благо, еще въ жизни временной, есть нравственное преусиженіе въ добродѣтели; за нимъ слѣдуютъ относительныя блага, именно: знанія, удовольствія совѣсти, ума, вкуса, здоровья, радости семейственныя и блага вѣщныя. Цѣль міра физическаго вообще есть отраженіе совершенствъ Божіихъ и способствованіе къ благу міра нравственнаго; въ особенности сохраненіе порядка въ цѣломъ, продолженіе родовъ существъ и поддержаніе, до опредѣленнаго времени, жизни недѣлимыхъ. Для достиженія сихъ цѣлей Творецъ далъ существамъ нравственнымъ и физическимъ достаточныя средства, то есть способности, законы, органы и соотношенія, и сія данныя средства поддерживаетъ и направляетъ къ нужнымъ цѣлямъ ».

За этимъ слѣдуетъ исторія ученія о конечныхъ причинахъ, раскрытаго философами от Пинегора до нашихъ временъ.

Мы не хотимъ теперь высказывать полнаго мнѣнія о « Письмахъ » ученаго автора, тѣмъ болѣе, что общаемъ читателямъ нашего журнала « Изложеніе такъ-называемой положительной философіи »: тогда мнѣніе наше выскажетъ

связь предѣлахъ, нестѣсняемыхъ объемомъ библиографической статьи. На нынѣшній разъ ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Почтенный авторъ, какъ видно изъ начала его перваго письма, имѣя цѣлю изложить ученіе о конечныхъ причинахъ, имѣлъ въ то же время въ виду опровергнуть мнѣніе Литтрэ, который, въ статьѣ своей, выше нами упомянутой, не допускаетъ конечныхъ причинъ. Намъ кажется, что, вмѣсто Литтрэ, ближе и приличнѣе было бы обратиться къ Контю, основателю той философіи, которая во Франціи известна подъ именемъ *положительной*; но которой не должно смѣшивать съ положительной философіей Шеллинга, имѣющей другое значеніе. Въ сочиненіи Контя авторъ нашелъ бы первоначальное и болѣе-развитое воззрѣніе на то, въ чемъ заключается истинная дѣйствительность, и есть ли что-нибудь другое, кромѣ этой дѣйствительности. А Литтрэ есть не болѣе, какъ литературный Контъ, т. е. онъ хочетъ сдѣлать ученіе Контя общедоступнымъ и приложить къ разнымъ отраслямъ знанія.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе конечныхъ причинъ во всѣхъ сферахъ бытія, скажемъ нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое могутъ имѣть конечныя причины въ физическомъ мірѣ, или, еще меньше, въ устройствѣ человеческого тѣла. Большая часть ошибокъ, въ которыя впадали и впадаютъ защитники конечныхъ причинъ, состоитъ въ томъ, что они въ міросозерцаніи вносятъ понятіе пользы, точно такъ же, какъ и теперь еще иные требуютъ полезнаго отъ ищущихъ искусствъ. Они забываютъ, что предметъ можетъ быть самъ себѣ цѣлю, и что, слѣдовательно, цѣлесообразность и сообразность съ пользою не одно и то же. Другой источникъ ошибокъ заключается въ томъ, что философы, отъискивая оцѣ во всемъ пользу, выводили ее изъ ограниченаго числа фактовъ и явленій. Вращаясь въ вращечномъ углу міра, ничтожномъ въ сравненіи съ

цѣлымъ, они упускали изъ вида, что въ другихъ углахъ есть тѣ же явленія, нѣсколько-иначе устроенныя, и что, слѣдовательно, одна и та же часть нашего тѣла или тѣла животныхъ, необходимая тамъ, гдѣ жилъ Сократъ, была обходимою тамъ, гдѣ Сократъ не жилъ. Подобныя разсужденія походили бы на разсужденія Лидлипута, который сталъ бы отъискивать пользу и необходимость въ маломъ ростѣ. Легко представить себѣ, въ какое бы отчаяніе впалъ лидлипутскій философъ, посѣтивъ страну гигантовъ! Есть страна, жители которой надѣлены зобами: хорошо бы вышло, еслибъ одинъ изъ нихъ сталъ доказывать необходимость или пользу зоба, не подозревая, что возможно и отсутствіе зоба. Къ такимъ воззрѣніямъ на устройство міра принадлежатъ слова Сократа: «не есть ли это дѣло промысла, что Творецъ, по причинѣ нѣжности глазъ, оградилъ ихъ вѣками, какъ дверьми, которыя, какъ надобно глядѣть, расторгаются, а во время сна смыкаются, и, чтобъ защитить глаза отъ вѣтра, покрылъ ихъ рѣсницами; а чтобъ имъ не причинилъ вреда потъ, текущій по лбу, выросли надъ ними брови». Сколько въ этихъ словахъ прозвоннаго и ограниченаго! Они подають поводъ не только къ неразрѣшимымъ, но и къ страннымъ вопросамъ о пользѣ разныхъ предметовъ міра! Въ-самомъ-дѣлѣ, волосъ бровей останавливають потъ, текущій по лбу: какое же назначеніе волосъ на бородѣ и усахъ? Они выросши въ большемъ еще количествѣ, должны имѣть, по теоріи конечныхъ причинъ, свою неотъемлемую пользу—и вотъ безжалостная бритва отнимаетъ ее, эту пользу, и многіе изъ насъ завидуютъ тому голу, у котораго не растетъ ни бороды, ни усовъ. Такимъ образомъ расцѣтъ человека, его мысль объ удобствѣ или красотѣ торжествуетъ надъ расцѣтомъ природы, надъ ея вѣчною причиною. Борода въ жаркомъ климатѣ скопляетъ въ себѣ потъ и пылъ, и та же борода сѣверныхъ жителей покрывается инеемъ: во-

рый же изъ этихъ двухъ предметовъ служить ей истиннымъ назначеніемъ? А есть и такіе люди, у которыхъ вовсе нѣтъ бороды. Сверхъ-того, мы не знаемъ, что будетъ дѣлать теорія конечныхъ причинъ съ уродами, которыхъ такъ много и которые представляютъ явное уклоненіе отъ цѣлесообразнаго устройства природы? Находить цѣлесообразность въ каждой части животнаго тѣла—значитъ доказывать вмѣстѣ ей необходимую пользу и тѣмъ стѣснять всемогущество Творящаго. Вы говорите: рѣсницы защищаютъ глаза отъ вѣтра? Но для чего же вѣтру дана сила вредить столь полезному органу, каковъ глазъ, и для чего же рѣсницамъ не дана полная сила ограждать этотъ органъ отъ губительныхъ вліяній вѣтра, пыли и жаровъ? Зачѣмъ человекъ устроенъ именно такъ, что онъ падаетъ на землю тѣми частями тѣла, которыя для него всего драгоценнѣе? Вы отвѣтите, что Творецъ не хотѣлъ силою своего могущества нарушать естественное теченіе природы. Прекрасно! Слѣдовательно, великое слово истиннаго воззрѣнія найдено: естественность—вотъ ключъ къ истинному ученію. А теорія конечныхъ причинъ никогда не сладитъ съ своимъ дѣломъ... Испытатели природы открыли уже многое въ дѣйствительномъ устройствѣ міра, и очень-мало знаютъ о пользѣ всѣхъ ея твореній и каждой части творенія, да и знавія эти большею частію ипотетическія, добыча фантазіи. Вотъ ужъ сколько времени человекъ живетъ съ комарами и мухами, и до-сихъ-поръ не знаетъ истиннаго ихъ назначенія, по-крайней-мѣрѣ невидитъ пользы вреда, ими причиняемаго! Пожалуй, можно искать ее въ томъ или другомъ вліяніи на нашу нравственность, т. е. объясненіе конечной причины перевести изъ міра физическаго въ міръ душевный; но такъ-какъ отъ этого не выигрываютъ ни физика, ни нравственность, то человекъ и рѣшился на благое дѣло—истреблять цѣлесообразныхъ комаровъ и мухъ, необходимо-полезныхъ по теоріи конечныхъ причинъ, но чрезвычай-

но-неприятныхъ по естественному ощущенію. Съ успѣхами астрономіи, звѣзды и луна потеряли свою прежнюю конечную причину—свѣтить землѣ. Съ успѣхами рациональной анатоміи и физиологій, части человѣческаго тѣла потеряли тоже начертанныя имъ цѣли. Было время, когда астрономы, основываясь на своихъ предположеніяхъ, заставляли двигаться планеты по такимъ хитрымъ путямъ, что одинъ вѣнценосецъ воскликнулъ: «Блибъ я былъ при сотвореніи міра, то посоветовалъ бы устроить его лучше!» То же самое, пожалуй, скажетъ иной, при разсужденіяхъ Сократа и другихъ философовъ, устанавливающихъ конечныя причины.

308) Слова на разные дни и случаи, говоренныя бывшимъ Московскою Семинаріи ректоромъ, архимандритомъ Θεоктистомъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1847. Въ 12-ю д. л. 130 стр.

Слова достопочтеннаго автора отличаются общемою принадлежностью духовнаго витійства: они указываютъ, какъ и слѣдуетъ, на омраченіе ума въ людяхъ, на омраченіе воли, на омраченіе чувства, на науку любопытствія, которая не могла ничего рѣшительно сказать о Богѣ... Указанія собственные подкрѣплены свидѣтельствами и другихъ, даже языческихъ писателей. Въ цитатахъ на первое слово (въ ведѣлю по просвѣщенію) читаемъ: «Socrates, apud Platonem in Apologia Socraticis; Plato in sua Republica; in Phaedone Cicero idem affirmat.» А смыслъ этихъ ссылокъ на философовъ таковъ, что всякое добро, находящееся въ семъ печальномъ мірѣ, не можетъ существовать иначе, какъ только чрезъ особенное содѣйствіе Божіе.

309) Опытъ о Народномъ Богатствѣ или о началахъ политической экономіи. Сочиненіе Александра Бутовскаго. Три тома. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Второю Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелларіи. Въ 8-ю д. л. 517, 666 и 462 стр.

Судя по заглавию книги г. Бутеснаго, мы должны ожидать от нея изложения начал политической экономии. Но тутъ естественно рождаются вопросы: которыхъ изъ многочисленныхъ существующихъ нынче началъ этой науки признаеть авторъ самыми удовлетворительными и справедливыми? Придерживается ли онъ исключительно мнѣнiй той или другой школы, старается ли мнѣнiя разнородныя или противоположныя примирить и слить въ одно цѣлое, или, наконецъ, надеется посредствомъ открытiя новыхъ, еще никѣмъ - невысказанныхъ принциповъ вывести науку изъ того хаотическаго, запутаннаго состоянiя, въ которомъ она остается до-сихъ-поръ, не смотря на всѣ усилiя ея многочисленныхъ и по-большей-части талантливыхъ дѣятелей? Естественность и необходимость подобнаго вопроса очевидны для всякаго, кто знакомъ хотя поверхностно съ историческимъ развитiемъ и современнымъ положенiемъ политической экономии. Извѣстно, что отсутствiе твердыхъ и общепризнанныхъ идей составляетъ нынче отличительный характеръ этой молодой науки, которая вѣногда присвоивала себѣ съ гордостью название науки точной и приписывала всѣмъ своимъ положенiямъ непреложность, прочность самыхъ наглядныхъ математическихъ аксиомъ. Если бросить бѣглый взглядъ на главные моменты ея историческаго развитiя, нельзя не прiять въ изумленiе при видѣ того огромнаго, безконечно-длиннаго ряда противоположныхъ направлений, системъ и гипотезъ, который успѣлъ образоваться въ краткiй промежутокъ времени отъ перваго распространенiя идей меркантильной школы до появленiя современныхъ социальныхъ утопiй. Еще болѣе надо изумляться, что между этими разнородными экономическими теорiями, возникшими въ разные времена и при различныхъ обстоятельствахъ, нѣтъ почти ни одной, которая бы не успѣла сохранить у себя до самой настоящей минуты немно-

численныхъ, но вѣрныхъ послѣдователей, упорно стоящихъ за свои устарѣлыя предразсудки и остающихся равнодушными къ новымъ открытiямъ и дальнѣйшимъ успѣхамъ науки. Во всякой другой наукѣ, теорiи такъ сменяются одна другой, что слѣдующая за борьбою болѣе или менѣе продолжительною уничтожаетъ предыдущую и навсегда уже лишаетъ ее возможности имѣть послѣдователей и защитниковъ. Политическая экономiя, подобно философи, представляетъ явленiе совершенно - противоположное. Экономическiе предразсудки и софизмы одарены какой-то особой силой живучести, въ-слѣдствiе которой они упорно противятся самымъ законнымъ требованiямъ разума и науки и съ успѣхомъ защищаютъ свое бытiе противъ самыхъ убѣдительныхъ и очевидныхъ доказательствъ ихъ несправедливости и несостоятельности. Въ сферѣ политико-экономическихъ идей, всякой ложной и односторонней доктринѣ стѣбитъ только появиться, чтобъ сдѣлаться вдругъ лозунгомъ и знаменемъ цѣлой партii, пустить глубоко свои корни и воспользоваться въ послѣдствiи правомъ давности для сохранения за собой незаконно-присвоеннаго права на существованiе. Что можетъ быть, на-примѣръ, негнѣе устарѣлыхъ предразсудковъ меркантильной школы? Что можетъ быть очевиднѣе и убѣдительнѣе тѣхъ многочисленныхъ и сильныхъ доказательствъ, которыя были развиваемы въ-продолженiе цѣлаго столѣтiя сначала физиократами, а потомъ учениками Адама Смита для опроверженiя этой лустой и ничтожной доктрины? А между-тѣмъ, извѣстно, что до-сихъ-поръ еще въ общественномъ сознании сохраняются явные слѣды присутствiя и влiянiя идей меркантилизма; до-сихъ-поръ еще во многихъ европейскихъ государствахъ въ основанiе различныхъ законодательныхъ и административныхъ распоряженiй полагаются ложные взгляды на деньги, какъ на единственный источникъ богатства, и

на производительство общественной власти, какъ на необходимое средство для поощренія привоза и противодѣйствія вывозу благородныхъ металловъ. Ученіе физиократовъ о производительной силѣ земли, весьма-важное по своему историческому значенію, но совершенно-ничтожное въ отношеніяхъ ученюмъ и практическомъ, имѣетъ и теперь еще многочисленныхъ послѣдователей въ разныхъ странахъ Европы, особенно въ Германіи, и къ этимъ одностороннимъ, давно уже опровергнутымъ понятіямъ возвращаются нынче даже многіе современные экономисты, далеко опередавшіе своихъ предшественниковъ въ сознаніи истинныхъ началъ науки, но придающіе въ то же время слову «производство» такое значеніе, въ-слѣдствіе котораго трудъ и капиталъ, сообразно съ мнѣніями физиократовъ, должны быть необходимо исключены изъ числа силъ производительныхъ. Всѣ остальные экономическія идеи, образовавшіяся мало-по-малу, начиная съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, сохраняютъ точно также свою силу до настоящей минуты, имѣютъ еще и теперь своихъ приверженцовъ и своихъ враговъ и, соединяя такимъ образомъ, вмѣстѣ съ своими историческими значеніемъ, значеніе современное и дѣйствительное, обуславливаютъ своимъ существованіемъ запутанность и неопредѣленность основныхъ началъ политической экономіи.

Не очевидно, что при такомъ положеніи науки, при одновременномъ существованіи бесчисленнаго множества враждебныхъ и несогласныхъ другъ съ другомъ школъ, вслѣдствію, кто приступитъ къ ученому обработанію экономическихъ вопросовъ, предстоитъ выбрать одинъ изъ трехъ путей. Первый путь, самый обыкновенный и самый легкій, состоитъ въ томъ, чтобы причислить себя добросовѣстно или умышленно, но убѣжденно или по личнымъ видамъ, къ послѣдователямъ той или другой изъ существующихъ системъ,

придерживаться постоянно главныхъ началъ, лежащихъ въ ее основаніи, и сообразно съ ними излагать отдѣльныя части науки, или даже писать полныя и подробныя руководства, объемлющія всѣ ея части. Подобное направленіе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно бываетъ совершенно-добросовѣстно (что впрочемъ, случается весьма-рѣдко), представляется съ перваго взгляда въ высшей степени безполезнымъ и неразумнымъ. Надо быть чужды всякой прощательности и разборчивости и чрезвычайно-ограничену въ своихъ требованіяхъ и понятіяхъ, чтобы удовольствоваться какимъ-либо однимъ изъ современныхъ ученій. Изъ того только, что ни одна существующая нынче доктрина не имѣетъ въ себѣ достаточной силы для уничтоженія и вытѣсненія изъ общественнаго сознанія всѣхъ другихъ, можно уже заключить, что ни одна не можетъ быть признана никоимъ образомъ удовлетворительною и сообразною съ требованіями науки. Въ-самомъ-дѣлѣ, каждая изъ нихъ представляетъ не болѣе, какъ произвольную и одностороннюю гипотезу, имѣющую столько же свѣтлыхъ сторонъ, сколько и темныхъ. Отчасти согласную съ фактами и отчасти противорѣчащую имъ, заключающую въ себѣ много истины и еще болѣе лжи. — Всѣ безъ исключенія экономическія школы, существовавшія прежде и теперь существующія, постоянно оказывались чрезвычайно-способными къ отрицанію и полевенію и вовсе-неспособными къ дѣятельности положительной, творческой; всѣ онѣ весьма-удачно и метко выставляли врагами своихъ противниковъ, выставляли ничтожество ихъ теорій, и ни одной изъ нихъ не удалось никогда очистить себя отъ тѣхъ упрековъ, которые она подвергалась въ свою очередь отъ послѣдователей противоположныхъ мнѣній. Это замѣчаніе относится столько же къ устарѣвшимъ ученіямъ прежнихъ экономистовъ, сколько и къ новѣйшимъ теоріямъ современныхъ социалистовъ: вездѣ встрѣчается одинаковая непроч-

ность и неопределенность началъ, одинаковая несостоятельность къ примиренію требованій разума и справедливости съ указаніями дѣйствительности и опыта. Въ этомъ заключается безъ сомнѣнія достаточная причина для рѣшительнаго осужденія всякой исключительной приверженности къ тому или другому изъ экономическихъ или социальныхъ принциповъ. Понятно, что экономистъ, однажды принявшій это направленіе, долженъ по необходимости смотрѣть на свою науку съ односторонней и слѣдовательно неправильной точки, и, откавшись заранѣе отъ надежды двинуть ее впередъ, содѣйствовать только своимъ усиліями продолженію той безплодной борьбы, въ которой заключается главный источникъ медленности ея успѣховъ и шаткости ея результатовъ.

Второй способъ ученаго образованія началъ политической экономіи — способъ эвклидовъскій. Онъ, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобъ совмѣстить въ одной системѣ самыя разнообразныя, самыя противоположныя начала и заботиться о примиреніи враждебныхъ мнѣній, не прибавляя къ нимъ ничего новаго и придерживаясь по возможности благоразумной середины между всѣми крайностями. Нѣтъ никакой нужды распространяться о глубокой неразумности и нелогичности подобнаго направленія, охотно принимаемаго въ наше время съ одной стороны людьми незначительными, ничтожными, неспособными къ самостоятельному мышленію, а съ другой — людьми благоразумными и расчетливыми, выжидающими всегда окончанія борьбы для того, чтобъ высказать съ полной безопасностью свое мнѣніе. Соединяя ложь съ ложью, мы никогда не достигнемъ до истины; эта аксіома, какъ $2 \times 2 = 4$, очевидна для всякаго, кто не привыкъ подчинять внушенію здраваго смысла и трезваго разсудка пустой и безплодной диалектикѣ. Если же, какъ мы замѣтили выше, между многочисленными экономическими принципами, кото-

рые полагаются различными школами въ основаніе науки, нѣтъ рѣшительно ни одного, который бы заслуживалъ полнаго одобренія и довѣрія, то очевидно, что и механическое совокупленіе большаго или меньшаго числа этихъ принциповъ не можетъ произвести ничего, кромѣ антиэкономической и чудовищной аномалии — общаго и неизбежнаго результата всѣхъ усилій и подяговъ эллитамъ.

Остается третій и послѣдній способъ, къ которому можетъ прибѣгнуть экономистъ, желающій содѣйствовать на самомъ дѣлѣ успѣхамъ развитію науки. Если всѣ до сихъ поръ высказанныя мнѣнія оказываются одинаково неудовлетворительными и несправедливыми, то понятно, что только открытіе новыхъ, болѣе разумныхъ и вѣрныхъ началъ можетъ ввести науку изъ той ложной колеи, въ которую ее ввели неудачливыя попытки ея прежнихъ дѣятелей — на тотъ армейскій и настоящій путь, въ которомъ для нея не можетъ быть ни спасенія, ни будущности. Но и въ этомъ случаѣ, если мы будемъ повторять старые ошибки и промахи нашихъ предшественниковъ, если, подобно имъ, будемъ придумывать произвольныя и одностороннія гипотезы, выводы изъ принциповъ изъ идеи такъ называемаго чистаго разума, или полагая въ ихъ основаніе неполныя наблюденія надъ многими, на удачу подмеченными фактами, то всѣ наши усилія повелутъ необходимо къ результатамъ совершенно-безплоднымъ и безуспѣшнымъ и принесутъ, безъ сомнѣнія, болѣе вреда, нежели пользы наукѣ. Присоединяя къ нестройной массѣ существующихъ системъ еще новыя, стояща мало оправданныя и доказанныя саріи, мы очевидно достигнемъ своего только результата — новаго усилія той страшной и безпорядочной развѣтливости, отъ которой всего болѣе страдаетъ въ настоящую минуту политическая экономія. Не такъ должно дѣйствовать въ наше время люди, дѣйствительно таготящіеся на-

теплымъ состояніемъ этой науки и готовые даже для ея усѣховъ принести въ жертву самое естественное, самое понятное въ каждомъ писателѣ желаніе высказать съ самаго начала новыя и оригинальныя воззрѣнія на всѣ сомнительныя и запутанныя вопросы. «Законы природы должны быть не изобрѣтаемы а ргіогі, но открываемы наблюденіемъ.» Эти слова Гумбольдта, взятая г. Бутовскимъ въ эпиграфъ къ его сочиненію, всего вѣрнѣе могутъ быть приложены къ политической экономіи, для усѣховъ которой къ настоящее время не достаетъ только одного условія — истинно-научной и вѣрной *методы*, которая одна можетъ, положивъ конецъ и бреднямъ отвлеченной метафизики и грубому обоиманію фактовъ, доставить прочное и надежное средство для раскрытія истинныхъ началъ науки не изъ произвольныхъ и нечестныхъ соображеній, а изъ дѣйствительныхъ, точныхъ данныхъ, собираемыхъ наблюденіемъ и объясняемыхъ разумомъ. Но само собой разумѣется, что эта новая метода, въ которой нуждается политическая экономія, не должна и не можетъ имѣть ничего общаго съ той методой, которую употребляли прежде экономисты, неправильно приписывавшіе своимъ извѣстнымъ характеръ положеній, выведенныхъ изъ опыта и дѣйствительности. Прежде экономисты, приступая къ изслѣдованію фактовъ съ заравѣе-принятыми предубѣжденіями, считали себя въ правѣ выводить общіе и необходимые законы промышленнаго развитія изъ поверхностнаго наблюденія надъ отрывочными фактами. Нынѣче подобный способъ анализа не считается уже достаточнымъ. Ложные результаты, до которыхъ достигли экономисты, слѣдуя своей односторонней методѣ, превознесенной ими до небесъ, вызвали убѣжденіе въ необходимости пересоздать и переработать востроенную ими науку, отказаться отъ идей, пущенныхъ ими въ ходъ, какъ бы ни казались эти идеи справедливыми, и строго говѣ-

рить каждое изъ высказанныхъ ими началъ путемъ тщательнаго и многосторонняго анализа прошедшихъ и современныхъ явленій общественной жизни. Такимъ образомъ, главная задача и настоящее призваніе современныхъ дѣателей политической экономіи состоитъ именно въ дѣятельности чисто-аналитической, въ непрерывномъ накопленіи возможно-большаго числа фактовъ и наблюденій, въ безпристрастной и строгой оцѣнкѣ всѣхъ экономическихъ системъ и ученій, и наконецъ въ критической, основанной на непреложныхъ законахъ логики, разработкѣ собранныхъ отовсюду матеріаловъ и данныхъ. Только этимъ способомъ, только посредствомъ разумнаго примѣненія основныхъ началъ индуктивной методы къ экономическимъ и социальнымъ вопросамъ, можно положить предѣлъ всѣмъ неудачнымъ попыткамъ къ преждевременному синтезу и прекратить разомъ безплодные споры, истощающіе вышче, безъ малѣйшей пользы для науки, дѣятельность и силы самыхъ даровитыхъ ея представителей.

Которому же изъ этихъ трехъ указанныхъ нами направленій, столь различныхъ по своему достоинству и значенію, слѣдуетъ г. Бутовскій въ изданной имъ книгѣ? Заглавіе ея, объемъ и особенно содержаніе ясно показываютъ, что авторъ вовсе не созналъ ни причинъ плачевнаго состоянія политической экономіи, ни средствъ къ исправленію важнѣйшихъ недостатковъ этой науки. Тотъ, кто сознаетъ суежность и ничтожество существующихъ системъ и намѣревается приступить къ новому, самостоятельному обработыванію техныхъ вопросовъ, конечно не будетъ слѣпо превозноситься предъ авторитетомъ устарѣлыхъ предрассудковъ и мнѣній и, ограничиваясь спеціальными, монографическими изслѣдованіями, не рѣшится распространить разомъ свою дѣятельность и на выводъ основныхъ началъ науки и на рѣшеніе всѣхъ частныхъ ея вопросовъ. Претензія на такую всеобъемлемость

покажется ему слишком-самолюбивою, потому что, при всемъ и глупомъ сознаніи необходимыхъ условий для успѣховъ и развитія науки, онъ никогда не въ состояніи будетъ потерять изъ вида той очевидной несообразности, которая необходимо должна существовать между громадною такою синтетическою, всеобъемлющаго труда и естественной ограниченностью силы, свойственной каждому отдельному человеку, не исключая даже и самыхъ избранныхъ, гениальныхъ натуръ. Г. Бутовскій, совершенно напротивъ, руководствуясь самыми оптимистическими взглядами на современное положеніе политической экономіи, и въ слѣдствіе того несколько не смущаясь сильными пренатяжностями, противоположаемыми дѣятельности каждаго писателя этимъ положеніемъ, представляетъ въ своемъ сочиненіи догматическое рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и задачъ науки, и въ краткомъ предисловіи къ этому сочиненію объявляетъ вложить дено и просто «естественные законы производства, обращенія, распределенія и потребленія богатства народнаго и тѣ логическія (?) условія этого движенія, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ степень общественного благосостоянія». Привязъ такой обширный и многообъемлющій планъ и взявъ въ ошиграеъ къ своей книгѣ привелъ была нами выше слова Гумбольдта, г. Бутовскій, подобно своимъ предшественникамъ, вовсе не слѣдуеъъ благородному совѣту великаго ученаго, подтверждаетъ априористическими доводами устарѣлыя предразсудки прежнихъ экономистовъ и отзывается въ самыхъ рѣзкихъ, самыхъ неблаговолительныхъ выраженіяхъ объ эмпиризмѣ и эмпирицизмѣ неправленіи, не хорошо, кажется, понимая настоящій смыслъ этихъ терминовъ. Не обольщаясь страстію къ новому, не говоря съ честью открытій, авторъ не можетъ сильно ручаться однако, что онъ одно изъ заключеній, изъ приведенныхъ, не принято имъ безот-

четно, по слѣдующему доврїю къ тому или другому авторитету, къ той или другой школѣ. Общаніе, высказанное въ этихъ послѣднихъ словахъ, также не сдержано авторомъ, который показываетъ не только весьма сильное доврїе къ авторитету экономистовъ известной школы и представляетъ русскую публику въ своемъ сочиненіи не болѣе, какъ въ чуждое всякой оригинальности изложеніе мнѣній и выводовъ Жава-Батиста Сэ и его современныхъ послѣдователей!.. Г. Бутовскій обнаруживаетъ даже столь сильную приверженность къ исключительнымъ принципамъ избранныхъ имъ въ путеводители экономистовъ, что считаетъ вовсе ненужнымъ выкомить своихъ читателей съ историческимъ развитіемъ политической экономіи, съ характеромъ и судьбой различныхъ школъ, существовавшихъ въ ней прежде и теперь существующихъ; между-тѣмъ, какъ въ наше время и при нынѣшнемъ состояніи науки, въ этомъ именно и заключается самая перла, самая необходимая обязанность каждаго писателя, забывающаго, что, только принимая прошедшую судьбу науки и настоящее ея состояніе за исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ мысловъ и разсужденій, можно удовлетворять двумъ важнѣйшимъ условіямъ ученой дѣятельности: самобытности и современности. Впрочемъ, принявъ систему и мнѣнія Сэ за послѣднее и рѣшительное слово науки, г. Бутовскій обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи ясные признаки чего-то потажаго на незнавіе дальнѣйшей участи политической экономіи, считаетъ, наприм., школу Сиомона и его учениковъ, къ которымъ причисляетъ только Бюрета и Вильгельмъ-Баржиоа, за самую радикальную изъ существующихъ школъ, а упоминающаго коммунистовъ, увѣряетъ читателей, что эта школа настаиваетъ на необходимости «разнаго (?) раздѣла произведеній», назначаетъ каждому изъ работниковъ

• одинакую (?) (*) долю въ произведе-
• нияхъ и требуетъ непремѣнно отъ
• всѣхъ членовъ общества, что бы
• ихъ желудки были одинаковаго объ-
• ема. (?) (Т. II, стр. 18—20). Спраши-
• вается: чему приписать этотъ стран-
• ный отзывъ — незнанію, или неуш-
• ственному желанію поострить?

Что касается до ученаго достоинства
и значенія тѣхъ курсовъ политической
экономіи, которые представляютъ не
болѣе, какъ повтореніе или развитіе
одностороннихъ началъ той или дру-
гой экономической школы, то мы уже
сказали объ этомъ выше. Остается
теперь рѣшить: до какой степени мо-
гутъ быть полезны русской публикѣ,
весьма-мало еще знакомой съ экономи-
ческими идеями, подобныя руковод-
ства, написанныя съ точки зрѣнія со-
вершенно-исключительной. Мы увѣре-
ны, что найдется много читателей, ко-
торые, принявъ въ соображеніе совер-
шенный недостатокъ политико-эконо-
мическихъ сочиненій на русскомъ
языкѣ и настоятельную необходимость
распространенія познаній этого рода,
скажутъ, что всякое давленіе благо, что
лучше имѣть немного, нежели ничего
не имѣть, и что во всякомъ случаѣ со-
чиненіе г. Бутовскаго, не смотря на
одностороннее и ошибочное его на-
правленіе, заслуживаетъ со стороны кри-
тики снисходительности и благосклон-
ности, какъ первый опытъ ознакомле-
нія русской публики съ началами по-
литической экономіи... Такое мнѣніе
мы считаемъ совершенно-ложнымъ,
потому-что отсутствіе политико-эконо-
мическихъ сочиненій на русскомъ язы-
кѣ налагаетъ на критику обязанность
быть особенно-строгой и изыскатель-
ной въ-отношеніи къ тѣмъ книгамъ,
которыя надаются съ цѣлью распро-
странить въ массѣ русскихъ читате-
лей познаніе послѣднихъ результатовъ
экономической науки. Такія сочиненія
не принесутъ никакой пользы, если

устремится на догматичность и неопыт-
ность жаждущихъ знанія читателей и
выдадутъ имъ за приговоръ и голосъ
самой науки то, что собственно есть
не болѣе, какъ выраженіе узкихъ и
одностороннихъ доктринъ одной толь-
ко школы, да въ добавокъ школы весь-
ма-устарѣлой и уже потерявшей нывы-
че свой прежній вѣсъ и всякое значе-
ніе. Самое лучшее средство для раз-
витія экономическихъ идей и понятій
нашей публики состоитъ въ томъ, чтобъ
ознакомить ее съ исторической судь-
бой политической экономіи, или съ со-
временнымъ положеніемъ вопросовъ
этой науки, не увлекаясь излишней и не-
благоразумной привязанностью къ той
или другой системѣ, а излагая безпри-
страстно какъ достоинства, такъ и не-
достатки каждаго изъ существующихъ
мнѣній, каждаго изъ высказанныхъ
покуда предположеній. Такія сочине-
ненія не могутъ, конечно, подыгнуть
впередъ науку и доставить автору ев-
ропейскую извѣстность; но они могутъ
принести большую пользу русской пу-
бликѣ, сообщая ей вѣрныя и совер-
шенныя понятія о важнѣйшихъ эконо-
мическихъ вопросахъ, обращающихъ
на себя нывыче вниманіе всего образо-
ваннаго міра. Мы полагаемъ даже, что
простымъ переводомъ извѣстнѣйшихъ
сочиненій иностранныхъ экономис-
товъ можно принести въ этомъ слу-
чаѣ несравненно-болѣе пользы, ежели
наданіемъ книги, подобной «Опыту
г. Бутовскаго. Говорятъ, что на
русскомъ языкѣ долженъ появиться
въ скоромъ времени переводъ Тра-
тата Политической Экономіи извѣ-
стнаго Жана-Батиста Сэ. Будучи далекъ
отъ того, чтобъ признавать этого пи-
сателя дѣйствительнымъ органомъ со-
временной науки, мы думаемъ, одна-
ково, что переводъ его сочиненій,
разумеется, если онъ будетъ сопровож-
даться вѣрной оцѣнкой ихъ историче-
скаго значенія и правильнымъ указа-
ніемъ на ихъ достоинства и недостат-
ки, можетъ способствовать несравнен-
но-болѣе, чѣмъ книга г. Бутовскаго,
распространенію политико-экономиче-

(*) Это слово напечатано куренными
буквами у самого автора.

снять знавій въ Россіи. Такая книга по-крайней-мѣрѣ не введетъ въ заблужденіе неопытнаго читателя, который будетъ знать, что имѣетъ передъ собою не окончательные результаты самой науки, а болѣе или менѣе односторонніе взгляды одного только писателя. Притомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что гораздо-лучше и полезнѣе читать и изучать сочиненія самихъ экономистовъ—людей по-большей-части даровитыхъ и умныхъ, нежели произведенія ихъ современныхъ послѣдователей, отличающихся перѣдко необыкновенной ограниченностью понятій и поразительною бедностью изложенія.

Внимательное чтеніе Опыта г. Бутовскаго привело насъ къ тому неутѣшительному заключенію, что эта книга есть не болѣе, какъ весьма-неудачная и плохо-составленная компиляція изъ сочиненій Съ, Росси, Дюнойе и въ-которыхъ другихъ писателей того же направленія, — компиляція, написанная тѣмъ кудреватѣмъ, напыщеннымъ и отчасти не совсѣмъ-грамотнымъ языкомъ, которымъ писались ученые сочиненія тѣхъ двадцать тому назадъ, по которымъ, къ-счастью, почти не пишутъ нынче. Само-собою разумѣется, что предѣлы библиографической статьи не позволяютъ намъ подкрѣпить теперь же это заключеніе подробными доказательствами и выписками. Но какъ книга г-на Бутовскаго, если не по внутреннему достоинству, то по важному и высокому интересу своего предмета, представляетъ довольно-необыкновенное и весьма-замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ, да, сверхъ-того, при совершенномъ недостаткѣ сочиненій по-части политической экономіи на русскомъ языкѣ, эта книга можетъ весьма-легко быть принята въ руководство тѣмъ, которые пожелають изучить начала науки, и можетъ содѣйствовать таинимъ-образомъ распространенію ложныхъ и неправильныхъ взглядовъ на предметы въ высшей степени важные и близкіе къ интересамъ нашего народа, — те мы

поставляють себѣ въ обязанность раскрыть подробно недостатки и промахи сочиненія г. Бутовскаго, наложивъ въ то же время настоящее состояніе науки относительно всѣхъ вопросовъ, неправильно имъ поставленныхъ или рѣшенныхъ. Эту обязанность стараемся мы выполнить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала, представивъ въ отдѣлѣ Критики подробный и обстоятельный разборъ важнѣйшихъ мнѣній и выводовъ г-на Бутовскаго. Нынѣшняя же рецензія пусть будетъ принята только какъ предисловіе.

310) Исследование о Греческомъ Огнѣ и о введеніи пороха въ Европу. Сочиненіе Людовика Далампа, за которое Академія Написей и Словесности опредѣлила автору золотую медаль 25 сентября 1840. Перевелъ съ французскаго полковникъ Силичъ. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 100 и IV стр. Съ рисунками.

Въ-теченіе 1847 года г. Силичъ является на поприщѣ нашей литературы уже во второй разъ въ качествѣ переводчика военно-ученыхъ французскихъ сочиненій. Вѣрное средство, если не прославиться, то получить приличное вознагражденіе за трудъ, т. е. благодарности современниковъ и, если угодно, право на признательность потомства. Какъ ни велика и обильна наша военная литература, но французская богаче, и въ вой весьма-много такого, чтѣ пріятно бы было видѣть на русскомъ языкѣ въ рукахъ тѣхъ изъ нашихъ воиновъ, которымъ недоступенъ подлинникъ. Стоитъ переводчику выбрать сочиненіе, достойное перевода, и не потерпимъ его при передѣлкѣ—и критика каждый разъ, при появленіи новаго труда почтеннаго переводчика, ограничивалась бы пріятнымъ для него и его читателей извѣщеніемъ, «что такое-то прекрасное французское сочиненіе, въ которомъ нуждалась наша литература, переведено таинимъ-то, служившимъ извѣстность своимъ ве-

знаниями во французскомъ и русскомъ языкахъ.

Въ-отношеніи къ «Исслѣдованію о Греческомъ Огнѣ», мы, къ-несчастью, не можемъ повторить подобнаго пріятнаго извѣщенія; эта книжка, напротивъ, произвела на насъ довольно-странное впечатлѣніе. Соображая послѣдній и предшествовавшій труды г. Силыча, мы увидѣли, что онъ сознаетъ благородную потребность быть, во мѣрѣ силъ своихъ, полезнымъ обществу, — сознаетъ, трудится, переводитъ, прибавляетъ къ переводамъ собственныя замѣчанія и чертежи... а современникамъ благодарить его не за что, право на признательность потомства — сколько можно судить по бывшимъ примѣрамъ — тоже сомнительно... Видно, что въ жизни переводчика труды его имѣютъ прекрасное значеніе, но теряютъ совершенно свое достоинство, дѣлаются фактами жизни общественной, в притыкъ, читая неудовлетворительный переводъ сухо-ученаго, устарѣвшаго сочиненія Даланна, чувствуешь то же, что вѣроятно чувствовалъ герой «Мертвыхъ Душъ», читая письмо неизвѣстной дамы города NN., которая, упоминая, что омочаетъ слезами строки вѣжной матери, уже двадцать-пять лѣтъ несуществующей на свѣтѣ, приглашала Чичикова въ пустыню... Однимъ словомъ, пріятно — а не то!

Какое значеніе могутъ имѣть для насъ переводъ воловнуровой «Исторіи Италійскихъ Кампаній 1813 — 1814», которымъ подарилъ насъ г. Силычъ въ началѣ 1847 года, и переводъ брошюры Даланна, которую даритъ теперь?

Сочиненіе Воловнуры если и имѣло интересъ при появленіи своемъ, въ 1817 году, какъ рѣшеніе современнаго тогда вопроса, то въ 1847 г. не только ни въ какомъ отношеніи не удовлетворяетъ требованіямъ исторической критики, но не можетъ возбудить даже и того патристическаго увлеченія, съ которымъ судили о немъ во Франціи за тридцать лѣтъ назадъ.

Что же касается до изслѣдованія г. Даланна о сходствѣ греческаго огня

съ военными ракетами, то оно, какъ трудъ чисто-ученый, также имѣло интересъ въ свое время, т. е. въ 1840 и много если въ 1841 годахъ, только для людей, которымъ доступенъ не только французскій подлинникъ, но и греческіе и латинскіе источники, служившіе основаніемъ для выводовъ автора.

Правда, г. Силычъ въ введеніи къ переводу «Исторіи Италійскихъ Кампаній 1813 — 1814», говорилъ, что сочиненіе генерала Воловнуры послужитъ новымъ доказательствомъ, «какою славою покрыли себя тогда Русскіе»; а въ введеніи къ переводу «Исслѣдованія о Греческомъ Огнѣ» говорить, что *новѣйшія открытія о Греческомъ огнѣ бросаютъ новый свѣтъ на начало исторіи артиллеріи*; но почему именно этотъ свѣтъ, чтобъ озарить начало исторіи артиллеріи, долженъ былъ пройти сквозь тусклый русскій переводъ — это для насъ такъ же непонятно, какъ непонятно было и то, какими-образомъ Русскіе могли покрыть себя славою въ такой войнѣ, гдѣ они не принимали участія (какъ уже доказано нами въ О. З. 1847, т. I, отд. VI, стр. 29), и какимъ образомъ переводъ «Исторіи Италійскихъ Кампаній» можетъ свидѣтельствовать о славіи русскаго — не пера, а оружія, когда въ немъ нигдѣ не упоминается о Русскихъ, даже и косвенно?

Итакъ, въ-отношеніи *выбора* сочиненій для перевода, г. Силычъ, не смотря на полезность своего направленія, не подчиняется ни современнымъ интересамъ, ни законамъ логики, слѣдовательно, трудится исключительно для удовлетворенія прекрасныхъ, но личныихъ своихъ побужденій...

Наконецъ, разсматривая переводы «Исторіи Италійскихъ Кампаній» и «Исслѣдованія о Греческомъ Огнѣ» въ-отношеніи къ подлинникамъ и къ русскому языку, не можемъ не замѣтить, что труды г. Силыча и съ этой точки зрѣнія отличаются особенными свойствами, которыя развѣ въ глянцѣ

переводчика имѣютъ какую-нибудь цѣну...

Такъ г. Сяличъ иногда исключаетъ любознательныя подробности, точныя цифры показывается округлымъ числомъ, иногда выраженія подлинника передаетъ по-своему, измѣняя мысль автора, какъ замѣчено нами при разборѣ «Исторіи Италійскихъ Кампаній» (Т. I, отд. VI, стр. 29—31), и выражаясь вообще языкомъ тяжелымъ, не соблюдаетъ правилъ русской грамматики, изъ которыхъ чаще другихъ нарушается правило о родительномъ падежѣ послѣ дѣйствительнаго глагола съ частицею *не*; какъ напримѣръ:

«Вотъ не могъ видѣть подобнаго злодѣя не наказаннымъ, и однажды когда виновный входилъ въ церковь, пламя сошло съ неба, охватило его и сожгло. Всѣ были объаты ужасомъ и съ тѣхъ поръ никто уже не осмѣливался замыслить, а тѣмъ менѣе совершить столь важное преступленіе» (Изд. стр. 33).

Выходитъ по переводу г. Сялича и такое, что Сарацины «привели мужика (?)», который бросилъ греческій огонь три раза.» (Стр. 60).

И барки были въ Константинополѣ при императорѣ Эмануилѣ Комнеидѣ... (стр. 43).

Но мы поступили бы несправедливо, еслибъ не упомянули о примѣчаніяхъ, которыми г. Сяличъ дополнилъ ученныя изслѣдованія Лаланна.

Вотъ эти примѣчанія:

1) Св. Θεοφανъ Исповѣдникъ, род. въ Константинополѣ 748 г. Онъ написалъ всеобщую хронку, начиная отъ Диоклетіана до Льва Армянина (стр. 19).

2) Павелъ Варнефирдъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ Павла Дьякона;—лучшій историкъ среднихъ вѣковъ. Род. въ 740 г. Дьякономъ былъ въ Аквилѣ (ibid.).

3) Кедреній, греческій монахъ, написавшій дѣтонисъ отъ сотворенія міра до Юзака Комнелы (1057). Жилъ въ XI вѣкѣ (ibid.).

4) Зонара, греческій историкъ, секретарь Истора и т. д. (ibid.).

5) Никита Аконитъ — Фригійецъ, самъ занималъ значительныя должности при Константинопольскомъ Дворѣ (26).

6) Рассказъ о походѣ Игоря въ Грецію 941 году (32).

Наконецъ седьмое и послѣднее примѣчаніе особенно интересно, и г. Лаланнъ, если узнаетъ, будетъ признателенъ за него г. Сяличу. — Дѣло въ томъ, что у Жуавиля, очевидца олустошей, проназойничка греческимъ огнемъ во время арбостоваго похода, предпринятаго Людовикомъ-Святымъ, есть двѣ фразы: «Мы послали поаснить огонь» и «они тотчасъ приближали и поаснили огонь». Основываясь на этихъ данныхъ, г. Лаланнъ говоритъ, что греческій огонь «вовсе не представляется неуязвимымъ, когда о немъ выражаются фразами въ родѣ слѣдующей: мы послали поаснить огонь». На это г. Сяличъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Фраза: они приближали и поаснили огонь — еще болѣе подтверждаетъ заключеніе истора.»

Вотъ что называется—сообразать!..

Итакъ, изъ всего сказаннаго о новомъ подаркѣ г. Сялича слѣдуетъ, что, принявъ къ нему составленную нами въ началѣ программы пріятнаго отзыва; должнъ выразиться такъ: *Учебныя брошюры г. Лаланна, даже изданныя въ подлинникъ самимъ, для кого она имѣютъ быть интересна, переведены г. Сяличемъ, переводчикомъ «Исторіи Италійскихъ Кампаній». Водокуръ.*

311) Британская Инженія въ Шведин. Сочиненіе шведскаго генерал-лейтенанта графа Біорнхисторни. Переведено по порученію Царятона Васильевича Голубкова. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. X, 200-я СХХХII стр.

П. В. Голубовъ, имя котораго поставлено на заглавіи этой книги, издавалъ уже, въ 1843 году, «Собраніе законовъ и привилегій, дарованныхъ Британскимъ правительствомъ Лондонскому Банку и Ост-Индской Компаніи» и въ 1845 г., «Англійская Индія въ 1844».

соч. графа Варрена. Цѣль этихъ изданій, равно какъ и настоящаго, какъ видно изъ статьи самого издателя, приложенной къ концу книги и носящей заглавіе «О торговомъ пути въ Среднюю Азію и Индію чрезъ Россію», состоитъ въ томъ, чтобъ возбудить вниманіе русской публики, и преимущественно купечества, къ торговлѣ Россіи съ Среднею-Азією. Въ этой же статьѣ издатель вложилъ свои мысли по этому предмету, и потому разбор нашъ долженъ раздѣлиться на два отдѣла: въ первомъ мы рассмотримъ сочиненіе графа Біорншерны, во второмъ статью самого г. Голубкова.

Прочитывая книгу шведскаго генерала, мы не нашли въ ней ничего новаго, и читатели, знакомые съ сочиненіемъ графа Варрена «Англійская Индія въ 1692 году» и съ прекраснымъ изданіемъ гг. Семенова и Стойковича «Нравы, Обычай и Памятники всѣхъ народовъ Земнаго-Шара» (ч. I), не найдутъ въ немъ ничего новаго, кромѣ нѣкоторыхъ заимокъ самого автора. Графъ Біорншерна не былъ никогда въ Индіи, и только десятилѣтнее пребываніе въ Лондонѣ (гдѣ онъ былъ посланникомъ отъ своего двора) доставило ему средства описать Индію въ настоящемъ ея состояніи; онъ исполнилъ это добросовѣстно, тщательно, и незнающіе ничего объ Индіи прочтутъ книгу его съ пользою. Но странно читать гроткія фразы переводчика, который утверждаетъ въ предисловіи, что «графъ Біорншерна изобразилъ темеретнее состояніе Индіи и обитающихъ въ ней народовъ гораздо вѣрнѣе и глубокомысленнѣе, чѣмъ всѣ предшествовавшіе ему писатели», что его сочиненіе должно возбудить въ одинаковой степени участіе въ ученіи, философѣ, другѣ человѣчества, въ государственномъ чловѣкѣ и воицѣ» (стр. VI)!

Такое похвала намъ кажется рѣшительно неумѣстною: г. Біорншерна просто хотѣлъ познакомиться своихъ соотечественниковъ съ Индією и выстѣ въ тѣмъ представить въ королевскую

академію трудъ, который бы оправдалъ избраніе его въ ея члены. Если мнѣ удалось, говорилъ онъ: «представить общую картину могущественнаго государства, основаннаго Англіею на материкѣ Азій, цѣль моя достигнута». Зачѣмъ же прилавать труду его иное значеніе? Извлеченіе его изъ многочисленныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, составлено отчетливо, ясно, но оно, что бы ни говорилъ переводчикъ, не имѣетъ никакого значенія, не только для воина, ученаго философа и государственнаго мужа (долженствующихъ знать самыя источники, по которымъ составлялась книга г. Біорнштерны), но даже и для русскихъ читателей, знакомыхъ съ книгою г. Варрена и съ изданіемъ гг. Семенова и Стойковича. Соотечественники графа Біорнштерны будутъ ему благодарны за его трудъ, если они не знакомы съ такими или подобными изданіями. Интереснѣе всего показались намъ общія черты, найденныя авторомъ между миеологією Скандинавовъ и Индусовъ:

«Чужестранное происхожденіе высшихъ кастъ подтверждается также и индійскимъ миеомъ, самымъ древнимъ въ мірѣ, и героическими исторіями, изъ коихъ во многихъ воспѣвается прішествіе браминовъ и ихъ побѣда надъ первобытными обитателями.

«Удивительно, что этотъ миеъ указываетъ на происхожденіе сихъ кастъ изъ страны, которая, по чрезвычайному сходству имени, должна быть Скандинавія. Въ миеѣ земля раздѣляется на семь полей, начиная отъ южной оконечности до сѣверной; сѣверный полеъ называется Туль; по миеу, въ немъ царствуетъ богъ войны Скандъ, а жена его называется Сеода (Свела), что въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно похоже на Швецію.

«Въ древней индійской повѣсти Магабъ-Гарата сѣверный полеъ называется Гутта (Гота или Гдтія); по ея мнѣнію, брамины происходятъ оттуда.

«По столь же странному сходству, эти завоеватели раздѣляютъ Индію на округи во сто домовъ каждый, подобно тому, какъ ассы, по своему прибытію или возвращенію, раздѣлили Швецію; пачальни-

ки этихъ округовъ называются *Фундари* въ Индіи; въ Швеціи они назывались *Фондарами* (см. стр. 13 и 14).

Нѣкоторые слѣды этихъ догматовъ замѣчаются даже на сѣверѣ, и я думаю, что они находятя въ мнѣи Готевъ, хотя самымъ незамѣтнымъ образомъ. Въ подтвержденіе моей идеи можно привести: 1-е созвучіе словъ Будда и Оденъ, что всего болѣе замѣтно въ восточномъ произношеніи; 2-е ту особенность, что четвертый день недѣли носилъ названіе Будды у Будистовъ и Одина у Скандинавовъ; и наконецъ 3-е сходство между змѣею Литгартъ и змѣею Вишну, которыя обѣ окружають земной шаръ.

«Но самое удивительное изъ этихъ сходствъ есть сходство между числомъ воротъ Валгалы, которыхъ по указанію Эдды было пятьсотъ сорокъ, съ югами. Умножая это число числомъ воиновъ, которыхъ каждымъ воротами могло выйдти разомъ 800 человекъ, чтобы получить широту этихъ воротъ, найдемъ, что они составляли четыреста тридцать два тысячи; а по ученію Браммы и Будды, это число составляетъ продолжительность теперешняго періода вселенной, который долженъ продолжаться четыреста тридцать два тысячи лѣтъ. Сравнивъ цифры, выражающія продолжительность настоящаго періода съ тремя самыми древними періодами, о которыхъ упоминають браминскія книги и о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, найдемъ, что каждая изъ цифръ, означающихъ различные періоды, находится въ точномъ отношеніи къ числу 432, потому что третій періодъ вдвое, второй втрое, и первый въ четверо болѣе этого числа» (см. стр. 39).

Вообще же возрѣнія г. Биорншервы отличаются всѣми предубѣжденіями старины, духомъ протекціонныхъ и консервативныхъ началъ, отвергнутыхъ новыми поколѣніями. Проникнутый глубокимъ, почти-рабобѣднымъ уваженіемъ къ старой Англіи, онъ не вѣдываетъ Соединенные Штаты и свободу торговли, и горю становится на защиту аристократіи по рожденію. Упомянувъ о Соединенныхъ Штатахъ, онъ восклицаетъ:

«Этотъ грузъ (чай) по прибытіи въ Бостонъ и Чарльстонъ, былъ обрабатываемъ чернью, не хотѣвшею платить четырехъ пенсовъ ввозной пошлины на чай, между тѣмъ какъ въ самомъ Лондонѣ платилось двѣнадцать пенсовъ».

«Этотъ бунтъ былъ началомъ той страшной революціи, которая стоила Англіи болѣе части ея владѣній на американской материкѣ, подала поводъ къ французской революціи, стоявшей жизни дѣсколькимъ миліонамъ людей, и не только въ Европѣ, но и въ обоихъ полушаріяхъ, привела общественный порядокъ къ сомнительному положенію; и все это изъ-за какой нибудь гербовой бумаги или иной пошлины на чай! Таковы протѣйскіе двигатели вѣка, въ которыхъ мы живемъ!» (Стр. 113).

Можно ли такъ поверхностно судить о великихъ событіяхъ, такъ блуждущею смотрѣть на революцію Соединенныхъ Штатовъ и на отношеніе ея къ Франціи? Не пошлина на чай, не гербовая бумага были причинами отторженія Сѣверной-Америки, но угнетеніе неурополн, неслыханныя притѣвленія стѣхъ хвалимыхъ авторомъ англійскихъ аристократовъ, нарушенія всѣхъ правъ воваго населенія... Впрочемъ, мы не станемъ распространяться объ этомъ предметѣ: подробное изложеніе его читатель найдетъ въ статьѣ «Сѣверо-американскіе Соединенные-Штаты», помещенной въ нашемъ журналѣ. После этихъ взглядовъ на Соединенные-Штаты, неудивительно, что г. Биорншерва сильно нападаетъ на прованческіе двигатели вѣка. Въ томъ же духѣ представляетъ онъ (на стр. 73) рядъ замечаній, заключающихъ въ себѣ обширнѣе разнообразіе жизни и всѣхъ дѣлъ, которою отличаются туванскія Индіи:

«Какъ должна казаться ничтожною, блѣдною и однообразною наша тѣсная Европа въ сравненіи съ исполинскими государствами, которыми все измѣряется въ Индіи, а еще болѣе прованческія Англіи, у которой можетъ быть будущность въ различныхъ дорогахъ, но никогда не будущее прошедшаго и великихъ воспоминаній. Мы живемъ говорить эти республиканскія политическому сердцу и облагороживающаго»

объ этомъ и говорить нечего; Скамандръ — необходимая рѣка не заставляетъ ни сильнѣе биться сердце воспоминаніемъ объ Александрѣ, чѣмъ гигантская рѣка Миссиссипи? (Стр. 73).

Мы далеки отъ-того, чтобы отрицать величіе классическихъ воспоминаній древней Греціи, но никогда не сравнимъ его съ тѣми колоссальными дѣйствіями современнаго человечества, которыми знаменуется нашъ вѣкъ; для мыслителя въ нихъ безконечно-болѣе глубины и значенія, чѣмъ въ эгоистическихъ походахъ древнихъ завоевателей, какъ бы поэтически ни были они представлены; современныя движенія человечества такъ же далеко оставляютъ ихъ за собою (воспользуемся сравненіемъ автора), какъ далеко колоссальный потокъ Миссиссипи оставляетъ за собою ничтожный ручеекъ Скамандра.

Но еще болѣе странныя идеи автора замѣтны въ защитѣ аристократическихъ началъ, гдѣ самые слова Токвиля, вооружающагося на Соединенные-Штаты за то, что они не довольно обезпечили демократическое начало, перетолковываетъ онъ въ пользу англійской аристократіи, прибавляя какое-то сравненіе капиталистовъ съ аристократіею коровьихъ пастуховъ, гордящихся своимъ званіемъ передъ пастухами овечьими, и спрашиваетъ, что лучше: аристократія ли родовая, знаменитая историческими воспоминаніями, отличающаяся воспитаніемъ, свѣдѣніями, олушеченная чувствами безкорыстнаго патріотизма, или аристократія коровьихъ пастуховъ? (стр. 249).

Свободной торговлѣ онъ приписываетъ упадокъ индійскихъ мануфактуръ, нищету туземцевъ и т. п. Не лучше ли поискать другихъ причинъ? Вы найдете ихъ, если вспомните всѣ утѣшенія, которымъ подвергали ихъ Англичане, весь деспотизмъ генерал-губернатора Индіи, эгоистическое дѣйствіе компаній и ея агентовъ относительно туземнаго населенія, которое считалось созданнымъ для выгодъ

новыхъ владѣтелей Индіи, и если вы не согласны съ графомъ Варреномъ, который въ слишкомъ-черныхъ краскахъ изобразилъ владычество Англичанъ въ Индіи, то еще менѣе можете согласиться съ ультра-англійскимъ воззрѣніемъ графа Біорниперны, который, въ заключеніе къ своему описанію, присовокупляетъ слѣдующее:

«Независимо отъ этихъ великихъ благодѣяній, англійское правительство надѣлало обитателей Индіи самымъ важнымъ палладіумомъ конституціоннаго государства — свободою книгопечатанія. Оно дало имъ священное право судиться своими равными, установивъ присяжныхъ, и наконецъ осытло высшую изъ свободъ, свободу совѣсти и вѣровсповѣданій. Если ко всемъ этимъ благамъ присоединить порядокъ въ судебной администраціи и судахъ, миръ, господствующій во всей странѣ; вмѣсто прежней анархіи и междоусобицъ войнъ, и, что гораздо-важнѣе, священное право собственности и личной свободы; то должно сознаться, что эти различныя обстоятельства весьма утѣшительны не только въ отношеніи къ прежнему положенію Индіи, о которомъ Голауэ-Гуссейнъ-Хавъ оставилъ намъ такую печальную картину, но даже въ настоящемъ и положительномъ отношеніи. Искренній другъ человечества, проникнутый этими истинами, конечно возблагодаритъ Провидѣніе, разливающее такіа благодѣянія на восемьдесятъ милліоновъ индусовъ и въ то же время почтетъ націю, которая мудростью своего правленія, была благороднымъ орудіемъ, избраннымъ къ тому Провидѣніемъ.» (Стр. 180 и 181).

Нѣтъ сомнѣнія, велика и могущественна Англія, но не аристократіею своею, не монополіями, не угнетеніемъ туземцевъ въ своихъ колоніяхъ, но духомъ своего народа, который теперь являетъ въ полномъ развитіи силъ, сбрасывая съ себя всѣ путы, которыми оковали его утѣшенія и предразсудки среднихъ вѣковъ...

Но страсть г. Біорниперны къ старинѣ всякаго рода простирается до такой степени, что онъ приходитъ въ восторгъ передъ языкомъ Тамерлана и,

выписывая слѣдующія слова изъ записокъ, приписываемыхъ этому свирѣпому завоевателю: «приказала я, тысячѣ дромадеровъ, тысячѣ легкихъ всадниковъ и тысячѣ отборныхъ пѣшихъ воиновъ идти по пути въ Индію и доставить мнѣ свѣдѣнія о ея государяхъ. Узналъ я, что Тонкумишъ-ханъ, разбитый Аурусъ-ханомъ проситъ моей помощи; узналъ я, что индійскіе государи жили между собою въ несогласіи, что Мухаммедъ въ Делан, Муллу въ Жагоръ и Сапринтъ въ Мультионъ были въ разладѣ другъ съ другомъ. Тогда завоеваніе показалось мнѣ легкимъ, хотя мои войны считали его весьма-опаснымъ. Я рѣшился предпринять его и завладѣть индійскою имперіею. Сдѣлалъ это. Я узналъ потомъ, что римскій императоръ напалъ на мои западныя провинціи, что обитатели Грузіи тоже завладѣли нѣкоторыми моими крѣпостями, тогда я разсудилъ, что если стану продолжать войну въ Индію, Эраушь можетъ разбунтоваться; и потому я рѣшился устроить мое царство въ Индустанѣ и выступить противъ римскаго императора, котораго провинціи я завоевалъ» (стр. 89)—прибавляетъ отъ себя: «такое чрезвычайное разстояніе между этими величественнымъ слогомъ, начертаннымъ какъ-бы могучимъ рѣзомъ, и пустою и вялою болтовнею новѣйшихъ записокъ!» (стр. 90).

Въ заключеніе нельзя не привести слѣдующаго мѣста изъ книги г. Біорштервы, которое показалось намъ очень-странно и о правдоподобности котораго предоставляемъ судить нашимъ читателямъ:

«Бхримъ, говорятъ Веды, создалъ сперва время, потомъ солнце и свѣтъ, потомъ Жоре и землю, за тѣмъ пять стихій, изъ смѣшенія которыхъ Бхримъ создалъ животныхъ, наконецъ человѣка. Веды говорятъ также, что Бхримъ далъ землѣ дѣшевидную форму.

«Это послѣднее обстоятельство самое любопытное изъ всѣхъ и подаетъ поводъ къ чрезвычайно странному предположе-

ніемъ. Не зналъ ли Христофоръ Колумбъ объ этомъ ученіи браминновъ, ученинъ, вѣстномъ за тысячу лѣтъ прежде Колумника и Птоломея? И не этому ли слугно обязаны великимъ предпріятіемъ Колумба, послѣдствіемъ котораго было открытіе новаго свѣта?» (Стр. 21).

Къ концу книги приложены біографіи лорда Клейва, Гастингса, Гайдеръ-Али, Типо-Саиба, о которыхъ были помѣщены статьи въ русскихъ журналахъ, и которыя не представляютъ ничего новаго, но могутъ быть интересны для тѣхъ, кто не читалъ этихъ статей или забыли ихъ.

Переводъ вообще хорошъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неровностей и множества иностранныхъ словъ, употребленныхъ переводчикомъ часто безъ нужды.

Вторая часть книги состоитъ изъ статьи самого г. Голубкова. Еще въ предисловіи своемъ къ ней онъ говоритъ, что «изумительно-быстрое возрастаніе англійскаго могущества въ Индіи приводило его къ слѣдующимъ вопросамъ: 1-е, на какомъ основаніи возсталъ англійскій торговый гигантъ въ Индіи? 2-е, что должно ожидать отъ завоеванія имъ Китая? 3-е, Почему Россія столь близкая къ Индіи и Китаю не предупреждаетъ Англичанъ въ ихъ дѣйствіяхъ?»

Для рѣшенія этихъ вопросовъ, г. Голубковъ издалъ двѣ книги, о которыхъ мы упомянули выше, издалъ и ту, разборъ которой представляемъ теперь, и печатаетъ еще «Кабуль», соч. Александра Борнса. Дѣятельность во всякомъ случаѣ похвальная, и мы радуемся ей, хотя и не можемъ согласиться съ владельцемъ, чтобъ выборъ его былъ совершенно удаченъ, и съ мнѣніемъ, что только не гостепримному сосѣдству киргизъ-кайсацкихъ ордъ должно приписать бездѣятельность нашу въ торговлѣ съ Индіею и Китаемъ на западѣ.

Далѣе, въ статьѣ своей «О торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію и Индію чрезъ Россію», г. Голубковъ развиваетъ мысль свою и придумываетъ новый торговый путь въ Индію, не обращая вниманія на

слова ваданнаго имъ автора, который, на стр. 202—230, говорить о всѣхъ неудобствахъ и даже невозможности новыхъ путей, и о твердости основаній, на которыхъ ожидаютъ владѣнія Англичанъ въ Индіи. Придуманнѣйшій имъ новый путь едва-ли надежнѣе трехъ прочихъ; но во всякомъ случаѣ предположенія его чрезвычайно-интересны, если даже (что весьма-вѣроятно) имъ не суждено будетъ никогда осуществиться.

Начало торговаго пути, само-собою разумѣется, должна составить Волга, потомъ Каспійское-Море, до Балнакскаго-Залива, гдѣ, при устьѣ Теджена, г. Голубковъ предполагаетъ устроить укрѣпленную факторію, дать имя Александриѣ-Каспійской для того, чтобъ соотечественники его воспомнили о мнѣвшемъ величіи Александриѣ-Нильской. Оттуда путь долженъ идти вверхъ по Теджену до истоковъ его, гдѣ предполагается устроить другую факторію, Индіанополь, и промежутокъ между двумя факторіями занять небольшими фортами. Далѣе, въ путь, между верховьями Теджена и Аму-Дарья устроить для отдыха каравановъ форты, по образцу фортовъ, построенныхъ на Иртышѣ. При Аму-Дарьѣ, на мысѣ, образуемомъ этою рѣкою и Шердисомъ, предполагается устроить третью укрѣпленную факторію Николаевъ-на-Онусѣ. Отъ этой факторіи русскіе товары должны идти водою по Аму-Дарьѣ въ Хиву для продажи въ степь (?), и, при помощи пароходовъ, вверхъ по этой рѣкѣ до Термета и оттуда, во-первыхъ, въ Вухару, во-вторыхъ, чрезъ Кашгаръ и Аксу въ Кульджу, и въ-третьихъ чрезъ Байкъ, Кабуль, Кандагаръ за Индъ. А оттуда?.. Обративъ и въ Китай тѣми же самыми путями пойдутъ въ Россію товары индійскіе и китайскіе. Вотъ путь, предполагаемый г. Голубковымъ! Имъ онъ думаетъ потрести торговлю Англичанъ въ Ост-Индіи и открыть новые пути торговлѣ и промышленности вашего отечества. Для осуществленія своихъ предположеній онъ полагаетъ достаточнымъ

составить торговое общество изъ акціяхъ; число акцій—четыре тысячи, цѣною каждая въ 1000 рублей серебромъ.

«Не-уже-ли», спрашиваетъ г. Голубковъ, «въ нашемъ отечествѣ не найдется четырехъ тысячъ особъ, которые рѣшились бы употребить по 1000 руб. сер. на такое славное и великое дѣло? — Разумѣется, не найдется: Россія равно еще думать, о такомъ громадномъ предпріятіи, и причину тому не холодность Русскихъ къ великому дѣлу: множество близкихъ къ намъ землятъ внутри Россіи, болѣе-удобныя торговымъ пути занимаютъ нашу дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія быстро подвигается впередъ, но она еще далеко не достигла колоссальной торговой дѣятельности Англіи и едва-ли достигнетъ ее; да и не таково ея назначеніе: Россія государство земледѣльческое по преимуществу и, воздвигая драгоценную почву свою, она получаетъ тѣ обширныя богатства, для пріобрѣтенія которыхъ г. Голубковъ манитъ ее въ далекую Индію. Для исполненія его плана, Россію должно превратить въ государство мануфактурное, чтобъ конечно истощить ея силы, не принося никакой пользы. Но положимъ даже, что она вдругъ, по мановенію волшебнаго жезла, сдѣлается государствомъ мануфактурнымъ, то и тогда заплатитъ въ четыре милліона рублей серебромъ слишкомъ-малъ для осуществленія избыточныхъ мечтаній г. Голубова. Расчеты г. Голубова слѣдующіе:

«Машины», говоритъ онъ, «русскія мануфактурныя могутъ выть тѣ же, что и англійскія.» Да, можетъ, но за какую цѣну? Кто хотя нѣсколько знакомъ съ дѣломъ, знаетъ, чего стоятъ машины, и какихъ огромныхъ издержекъ требуетъ устройство ихъ въ нашемъ отечествѣ, чего стоятъ мастера, которыхъ должно выписывать также изъ-за границы. Далѣе слѣдуетъ пре-страшный расчетъ, по которому выходитъ, что русскіе товары могутъ продаваться дешевле, чѣмъ англійскіе! Безспорно можно продавать и дешевле

и съ барышномъ; не кто поручится за доброту ихъ? Но если и фабриканты наши могут усовершенствоваться со временемъ, то и тогда потребны огромныя издержки на заготовленіе различныхъ матеріаловъ для устройства фабрикъ, фтортовъ и пр., на 10 — 20 тыс. четвертей пшеницы, и на ткани, хотя и не дорогія, для продажи Туркменамъ (которые, можетъ-быть, ихъ и покупаютъ). Что же почтенный издатель не представитъ цѣнности всѣхъ этихъ предметовъ? Далѣе требуется 1000 человекъ прикрытія, состоящаго изъ отборныхъ офицеровъ и солдатъ, которыхъ попарно надо посадить на верблюдовъ. Но если и найдутся отборные офицеры и солдаты, которые рѣшатся посвятить себя на эту службу, то что обойдется ихъ содержаніе? Почему, командиръ пригласитъ на службу Туркменовъ (?!), а офицеры и унтер-офицеры будутъ выбраны изъ казаковъ. Пригласитъ-то можно, да найдутъ ли они, и какъ-то будутъ ладить съ ними г. Голубковъ и приглашаемую ими казачью офицеры и унтер-офицеры?.. Г. Голубковъ думаетъ, что краткость, безопасность и дешевизна этого пути не подлежитъ сомнѣнію. А что скажетъ онъ объ обмелѣніи устьевъ Волги, для углубленія фарватера которой необходимы особыя капиталы? Что скажетъ онъ о постройкѣ не только, а капитальныхъ купеческихъ судовъ, о введеніи пароходовъ на разныхъ рѣкахъ азіатскихъ и европейскихъ, и проч., и проч., и проч.? Все это будетъ очень-дешево, конечно, но не дешево, а, можетъ-быть, лѣтъ черезъ сто. Но мечты г. Голубкова этихъ не ограничиваются! «Каспійское — Море, русская лужа», восклицаетъ онъ, и чуть-чуть не предполагаетъ переходить по немъ въ-бродъ; тысячу солдатъ, да восьмью пушками хочетъ править онъ въ тропетъ всю Азію! А степи, а вѣи, а холодъ, а дикія племена (Туркменцы, Хивинцы и проч.), кочующія по всему пути?.. Да стоитъ ли и заботиться о такихъ ничтожныхъ предлогахъ! Сидя въ кабинетѣ, не мудро

составлять какіе угодно проекты; такое занятіе не вредитъ никому, а изданіе сочиненій объ Индіи конечно принесетъ пользу, хотя и не ту, которой ожидаетъ отъ него г. Голубковъ.

312) Ясная Промышленность. *Переведено съ французскаго языка, по приказанію г. министра финансовъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Дев. Вильямъ Торговлі. 1847. Въ 8-ю д. л. LV и 330 стр.*

Въ 1842 году г. Эдварду Вёрману поручено было обозрѣть нустовыя близъ Бордо, центръ Франціи, Генуя, Шварцвальдъ и Рейнъ съ цѣлю ознакомиться съ тайошными дѣльными зайствомъ и собрать свѣдѣнія о дѣльной торговлѣ. Собранныя въ этомъ путешествіи авторомъ свѣдѣнія и составляютъ изданную нынѣ на русскомъ языкѣ книгу, которая хотя и не представляетъ систематическаго трактата, какъ можно было думать по заглавію, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній, собранныхъ авторомъ, какъ видно, съ большою тщательностью. Жаль только, что переводчикъ во многихъ мѣстахъ нечѣтко выражается по-русски. На-пр. онъ говоритъ: «никуда ничѣмъ незамѣнимыя средства» (вмѣсто: ничѣмъ незамѣнимыхъ средствъ); собственныя имена также передаются не всегда вѣрно: вмѣсто Бавеля — мы читаемъ *Балъ*, — вмѣсто Кельна — *Кололь*, и пр. Но еще больше должно пожаловаться на типографскія ошибки, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно потемняютъ смыслъ; на-пр. на стр. 165, вмѣсто 36%, напечатано 360, и т. п.

313) Исследования о Состояніи Льняной Промышленности въ Россіи. *Изданы отъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 4-ю д. л. 103 и 74 стр.*

Мы уже имѣли случай неоднократно упоминать, что со введеніемъ нове-

чѣмъ о сельскомъ хозяйствѣ въ кругъ высшихъ административныхъ учрежденій, шѣры къ развитію этой основной отрасли народной дѣятельности получили новую жизнь. По существу самой промышленности, большая часть условій, отъ которыхъ зависитъ преуспѣваніе земледѣлія, находится въ прямыхъ, непосредственныхъ дѣйствіяхъ администраціи: условія эти заключаются сколько въ естественныхъ свойствахъ страны, съ которыми должна бороться дѣятельность человека, столько и въ общественныхъ отношеніяхъ. Но борьба съ препятствіями дѣлается разумнѣе, слѣдовательно, и успѣшнѣе въ той мѣрѣ, въ какой распространено между самими производителями убѣжденіе въ недостаткахъ настоящаго положенія той или другой отрасли хозяйства, и въ необходимости искать лучшаго. Это убѣжденіе, однакожь, не легко распространить въ народѣ; его не произведутъ одни риторическіе возгласы о «наивѣлчайшей пользѣ» того или другаго; подобные возгласы могутъ иногда увлечь многіе поверхностные умы, которые чѣмъ быстрѣ рѣшаются на предпріятіе, тѣмъ скорѣе оставляютъ ихъ съ горькими жалобами на неудачи, и возвращаютъ ихъ на путь прежней рутинѣ, съ сильнѣйшими предубѣжденіями противъ всякихъ преобразованій въ хозяйствѣ. Разумное убѣжденіе можетъ быть слѣдствіемъ только безпристрастнаго изученія предмета, откровеннаго изложенія недостатковъ... Только такое убѣжденіе можетъ служить вѣрнымъ залогомъ улучшенія и прочнаго успѣха.

Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» уже извѣстно, что Министерство Государственныхъ Имуществъ, для достиженія этой цѣли, конкурсными задачами обращаетъ вниманіе мыслящихъ людей на важнѣйшіе современные вопросы нашего хозяйства, и, пользуясь само получаемыми отъ нихъ путемъ мѣстныхъ свѣдѣній, дѣлаетъ ихъ въ то же время достояніемъ публики. Но, не ограничиваясь ни этимъ,

ни свѣдѣніями, получаемыми инымъ обыкновеннымъ путемъ администраціи, Министерство употребляетъ средство, которое извѣстно въ Англій подъ именемъ *inquiry*—мѣстныхъ изслѣдованій, дѣлаемыхъ посредствомъ особоназначаемыхъ отъ правительства комиссаровъ. Первый опытъ applicаціи этого средства къ народному хозяйству представляютъ лежащія теперь предъ нами *Изслѣдованія о состояніи льняной промышленности въ Россіи*.

Въ числѣ земледѣльческихъ произведеній Россіи, ленъ занимаетъ первое, послѣ хлѣба, мѣсто во внутреннемъ потребленіи. При недостаткѣ административной отчетности о земледѣліи, можно только руководствоваться приблизительными соображеніями о ежегодномъ количествѣ и цѣнности этого произведенія.

Кромѣ бѣлья, какъ необходимой одежды каждому, ленъ идетъ на множество домашнихъ потребностей, необходимыхъ въ быту и богача и бѣднаго поселеннаго. Допустивъ въ сложности на всякаго жителя въ Россіи по 20 арш. холста, и отчисливъ его 12%, и асс. за аршинъ, получимъ сумму въ 150,000,000 руб. асс., или 42,700,000 рублей серебромъ.

Въ отпускной торговлѣ нашей въ послѣдніе годы ленъ и его произведенія составляютъ 21% цѣнности всего отпуска, а, сравнительно съ другими предметами, онъ занимаетъ первое мѣсто: въ 1843 году льна отпущено на 19,000,000 рублей серебромъ, хлѣба на 12,000,000, сала на 12,000,000, пеньки на 7,000,000 рублей сер., и т. д.

Эти цифры принимаютъ еще бѣднѣшую значительность, если обратитъ вниманіе на то, что изъ всѣхъ произведеній земледѣлія ленъ есть такое, которое, помощью обработки, получаетъ наибольшую цѣнность. Изъ куда дешеваго льна, цѣною въ 6 руб., получается простой пряжи 30 фунт., по 35 коп., на 10 р. 50 коп., слѣдовательно, цѣнность произведенія возмнѣшается на 75%. Но если ленъ обрабатывается въ тонкую пряжу и готовъ

къ тканн, то цѣнность его возвышается въ двадцать разъ и болѣе.

Изъ этого очевидно, какую важность имеетъ для народнаго труда, составляя предметъ занятій поселенъ всѣхъ возрастовъ и половъ, которые при нашихъ длинныхъ зимахъ, съ такою трудностію употребляютъ свое время на прибыльные занятія.

Производство льна въ послѣднее время ежегодно распространялось, отъпускъ за границу усиливается, въ центрѣ промышленныхъ приволжскихъ губерній само-собою возникло производство тонкихъ льняныхъ тканей. Но въ то же время со всѣхъ сторонъ начали доходить жалобы на упадокъ цѣны льна и полотно въ заграничной и внутренней торговлѣ; нѣкоторые хозяева начали изъяснять мнѣніе, что во многихъ мѣстахъ полезнѣе прекратить вовсе посѣвъ льна; многія изъ такъ-называемыхъ полотняныхъ фабрикъ рушились; остальные съ трудомъ поддерживаютъ свое производство. Съ другой стороны сдѣлалось извѣстнымъ, что государства Западной-Европы обратили особое вниманіе на усиленіе и улучшеніе воздѣлыванія льна, и такимъ-образомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, рождалось опасное для насъ соперничество.

Всѣ эти обстоятельства побудили министра государственныхъ имуществъ, по сношенію съ бывшимъ министромъ финансовъ, поручить особой комиссіи изслѣдовать состояніе льняной промышленности въ главныхъ центрахъ ея производства, объяснить причины, угнетающія ее, и изыскать средства къ ея улучшенію. Прямое направленіе дѣйствій комиссіи, какъ видно изъ доложенія ея г. министру, поручено было члену ученаго комитета г. Заблоцкому (*).

(*) Другія лица, составлявшія комиссію были гг. Войшакуринскій, Гартнигъ, Лавъ, Шереръ и секретари: Ярославскаго Общества С. Х. г. Карповичъ, и Императорскаго Экономическаго Общества фон-Генъ.

Комиссіи предстоило занятіе столько важное по самому предмету, сколько же и трудное: она должна была собирать свѣдѣнія отъ людей, часто чуждающихся всякихъ свѣдѣній, помѣривающихъ въ каждомъ возрастѣ прямую цѣль дознанія истины, а предлоги, для разувѣренія въ негласности которыхъ нужно столько же опытности, сколько и терпѣнія. Вотъ путь, которому сдѣловала комиссіа въ своихъ разысканіяхъ (*).

Имѣя въ виду, что въ этомъ дѣлѣ главнымъ основаніемъ должны служить мѣста и факты, показанія и мнѣнія людей, непосредственно занимающихся воздѣлываніемъ льна, переработкою его, и торговлею льномъ, сѣменемъ и полотнами, комиссіа составила предварительное рядъ вопросовъ, съ которыми она обращалась къ земледѣльцамъ, ткачамъ, фабрикантамъ, торговцамъ и другимъ лицамъ, надѣясь получить отъ нихъ свѣдѣнія по возложенному на нее порученію. И какъ главная цѣль этого порученія была открытіе истины, то—говоритъ комиссіа—она собирала всѣ мнѣнія, какъ бы они ни казались разнорѣчными; она желала одного — чтобы каждый объявлялъ свои мысли съ откровенностію, въ убѣжденіи, что изслѣдованіе дѣлается для общей пользы. Такимъ-образомъ комиссіа собрала показанія отъ 264 лицъ, интересы которыхъ связаны съ льняною промышленностію.

По собраніи всѣхъ свѣдѣній, полученныхъ, какъ при личныхъ объясненіяхъ, такъ и въ-свѣдствіе письменныхъ сношеній, приступлено къ окончательному труду, т. е. къ составленію отчета. Трудъ этотъ, какъ видно изъ

(*) Комиссіа открыла свои дѣйствія въ маѣ 1844 года, и въ-теченіе лѣта и начала осени посѣтила губерніи: Ярославскую, Вологодскую, Костромскую, Владимирскую, Новгородскую, Псковскую, Вятскую, Ковенскую, Виленскую и Остобскій-Край.

доследствіи комисіи министру, почти вполне принадлежит г. Заблоцкому.

Отчетъ начинается историческими свѣдѣніями, изъ которыхъ мы узнаемъ, что и валъ этой отрасли хозяйства тяготѣли страшныя монополіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ:

«Водѣлываніе льна и приготовленіе изъ него домашнихъ тканей завѣство въ сѣверной Россіи съ древнихъ временъ. При открытіи торговыхъ сношеній съ иностранцами, чрезъ Балтійское и Бѣлое моря, ленъ и льняное сѣмя сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ заграничнаго отпуска. Въ XVII столѣтіи само Правительство начало принимать участіе въ этой торговлѣ, предоставляя ея монополію то частнымъ лицъ, то казны. Такъ въ 1688 году покупка льнянаго сѣмени внутри государства и отпускъ его за море предоставлены были, на 5 лѣтъ, исключительно гостю Павкратьеву. Въ 1711 году торгъ льнянымъ сѣменемъ предоставленъ, на 5 лѣтъ, исключительно горожанину Мостиннову. Съ окончаніемъ этой привиллегіи послѣдовалъ указъ, въ 1715 году, чтобы «сѣмени льнянаго и коноплянаго къ морскимъ пристанямъ для продажи отнюдь никогда не возили, а если есть у кого съ излишенствомъ, чтобъ изымали и къ морскимъ пристанямъ привозили, и продавали масломъ, а не сѣменемъ»; въ то же время, изданъ былъ указъ «о размноженіи во всѣхъ губерніяхъ льнянаго и пеньковаго промысла». Но запрещеніе отпускать льняное сѣмя за границу вскорѣ было отмѣнено, именно въ 1718 году; тоже самое подтверждено вновь указомъ 1734 года. Но торгъ этимъ предметомъ все еще не былъ свободенъ: въ 1738 году эта монополія была предоставлена канцлеру Графу Воронцову и Оберъ-Прокурору Глѣбову, а въ 1762 году апрѣля 14 такое же право, для отпуска изъ Бѣломорскихъ портовъ, было предоставлено купцу Евреннову.

«Торговля льномъ была подвержена также монополіи: въ 1702 году она предоставлена была англійскому консулу Карлу Гутеелю. Но въ 1705 году дозволено торговать льномъ всякому свободно, — и посланъ братъ по торговому уставу. Въ 1713 году, по просьбѣ Англичанъ, учрежденъ бракъ льна въ Архангельскѣ, по образцу Нарвскаго, Рижскаго и Кенигсбергскаго.

«Хотя послѣ того и не встрѣчается постановленій о торговлѣ льномъ, но изъ указа 1734 года видно, что она подвергалась разнымъ стѣсненіямъ, и вѣроятно была въ рукахъ монополистовъ.

«Уничтоженіе всѣхъ монополій ознаменовало собою вступленіе на престолъ Императрицы Екатерины II. Государыня, присутствуя въ Сенатѣ 1762 г. Іюля 31, повелѣла отмѣнить всѣ монополіи и отпустить ленъ безирепятственно; въ слѣдъ за тѣмъ, въ 1764 году, разрѣшено отпустить безирепятственно за границу льняное сѣмя какъ на посѣвъ, такъ и на битые масла.

«Съ этихъ поръ началось постепенное развитіе этой отрасли торговли, занявшей первое мѣсто въ нашихъ коммерческихъ сношеніяхъ съ Европою.

«Что касается до торговли льняною пряжею, то она, въ средній прошедшаго столѣтія, составляла исключительную монополію казны. Указомъ 1762 года, отмѣнившимъ монополію, отпускъ льняной пряжи за границу воспрещенъ былъ все; но это запрещеніе отмѣнено въ послѣдствіи изданными тарифами.

«Льняныя ткани, какъ сказано выше, выдѣлывались въ Россіи давно; но собственно золотянному дѣлу положилъ основаніе Петръ I. Съ этою цѣлію были заведены казенныя фабрики въ Москвѣ и Петербургѣ для выдѣлки полотня; скатертей, салфетокъ, тиней и колонокъ; были выписаны иностранныя мастеровые; нѣкоторыя изъ фабрикъ были отданы компаніямъ. Такъ, указомъ 1720 года марта 30, на Московскую золотяную фабрику назначенъ директоромъ иностранецъ Тамесъ; ему предоставлено было пригласить компаніоновъ изъ русскаго купечества, съ тѣмъ, что каждый вкладчикъ на 1,000 р. освобождался отъ службы по выборамъ, отъ постоя, и вѣдался судомъ только въ Бергъ и Мануфактуръ Коллегіи. Фабрика могла выписывать иностранцевъ, и нанимать «изъ русскихъ въ мастеравые и въ работники свободныхъ, а не крѣпостныхъ».

«Въ царствованіе же Петра I, именно въ 1722 году, основана Иваномъ Затрапезнымъ знаменитая въ послѣдствіи Ярославская мануфактура.

«Казенныя фабрики, разумѣется, были въ убытокъ, и въ послѣдствіи проданы или уничтожены. Но нельзя отворачивать засуду ихъ какъ школъ.

«Не ограничиваясь учрежденіем такихъ фабрикъ, Петръ I претягивалъ свою заботу и о улучшеніи крестьянской подолитивной промышленности. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ Именной указъ 1715 г. октября 31, которымъ велѣно: дѣлать полотна въ $1\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{4}$ аршина, «потому что въ Россійскомъ государствѣ есть негодныхъ узкихъ полотень не только прибытокъ, но и своихъ издержанныхъ вещей не получаютъ; и отъ того въ малыя скудости приходить.» И потому велѣно: «черезъ годъ послѣ полученаго указа имѣть широкія берда и другія орудія. Если же послѣ того кто ослушается, то полотно брать на Его Царское Величество, сверхъ того штрафъ по агривѣ съ аршина.»

«Естественно, что подобный законъ, какъ слишкомъ общій, былъ стѣснительнъ; и потому въ 1718 году дозволено узкіе холсты дѣлать по-прежнему и отпускать за море. Однакожъ помянутый указъ дѣйствовалъ и въ послѣдствіи, какъ то видно изъ указовъ 1743 и 1745 года, разрешавшихъ вновь дѣлать холсты всякаго рода.

«Въ послѣдствіи, мѣры Правительства относительно льняной фабрикаціи ограничивались тарифными постановленіями, запрещавшими ввозъ нѣкоторыхъ произведеній, и дозволявшими другія съ болѣе чѣмъ менѣе возвышенною пошлиною. Въ послѣднее время Правительство оказало существенное пособіе Ярославскому помещику г. Карповичу къ учрежденію Таллицкой бѣльницы, предложило награды за лучшее воздѣланіе льна, и поощренія на выставкахъ произведеній сельскаго хозяйства.»

Послѣ исторіи льнянаго дѣла въ Россіи, слѣдуетъ первая часть отчета, которая собственно есть систематическій сводъ всѣхъ показаній и мнѣній о земледѣльческой, мануфактурной и торговой частяхъ льняной промышленности. Мы сказали систематическій сводъ — потому что эта часть отчета не есть просто масса показаній въ томъ видѣ, какъ она собрана комиссіею, но въ ней показанія подведены подъ категоріи, устранены противорѣчія и явныя несообразности, и она представляетъ ясное, полное изображеніе этой отрасли промышленности,

важное столько же и для практическихъ хозяевъ, сколько и для статистика, изучающаго Россію, и вообще для людей, занимающихся государственнымъ хозяйствомъ.

Для приѣра приведемъ слѣдующее мѣсто о торговлѣ льномъ въ деревняхъ:

«Въ Псковской губерніи крестьяне Новгородскаго и Порховскаго уѣздовъ находятя совершенно подъ вліяніемъ булимъ изъ городскихъ мѣшанъ или изъ болѣе смысленныхъ своихъ собратій. Рѣдкіе изъ булимей покупаютъ ленъ на чистыя деньги; но большая часть, разбѣжая по деревнямъ съ осени, при закупкѣ льна уловливаются съ крестьянами на такъ называемый «справъ торгъ», т. е. безъ всякихъ опредѣленныхъ условій договариваютъ себя за комиссію при продажѣ съ берковца по $1\frac{1}{2}$ или по 2 р. сер., не означая цѣны самаго льна, а предоставляя ее собственной совѣсти. Такіе булимей даютъ крестьянину незначительный задатокъ и берутъ ленъ на кредитъ для дальнѣйшей продажи. Сбывши его въ другія руки, при послѣдующемъ — часто очень медленномъ расчетѣ съ крестьянскомъ, булимей высчитываютъ первоначально условенный съ берковца процентъ, по техническому выраженію за «справъ торгъ», ставятъ въ счетъ всѣ издержки при перевозкѣ и сдачѣ льна; вычитаютъ задатокъ, а остальныя, по ихъ расчету, деньги, которыхъ всегда бываетъ не много, отдають крестьянину и то несподручно; чаще же вѣсто денегъ даютъ вещей, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту, вѣдая за оныя тоже произвольную цѣну. Однимъ словомъ, уплата денегъ, даже и между нѣкоторыми самостоятельными торговцами, не всегда бываетъ своевременная и вѣрная; отъ этого крестьяне терпятъ большія потери ежегодно, несмотря на заботы помѣщиковъ. Въ числѣ задатковъ крестьяне получаютъ иногда отъ булимей, вѣсто денегъ, косы, берда, рукавицы, соль, желѣзо и т. п., и при расчетѣ теряють всякое соображеніе о цѣнѣ своихъ произведеній, впадаютъ въ обманъ, обвиняя самихъ себя, до послѣдней нужды и новыхъ обмановъ.

«Недобросовѣстные трепачи, крестьяне и булимей, занимаясь трепаніемъ льна и мѣстѣ его производства, дѣлають это не авось, съ рукъ сойдесть, оставляя во мѣстѣ паклю, а въ заголовкѣ слязокъ крестьянъ.

Крестьяне для выгрыша времени и по общему дѣлу, продаютъ будышии лѣтъ почти неподчищенный воше; будыши стараются прикрыть такой недостатокъ обманомъ, изъ чего неминуемо слѣдуетъ, что крестьяне получаютъ цѣны за необработанный лѣтъ гораздо ниже, нежели могли бы получить по должной обработкѣ, а будыши при перепродажѣ, обманывая купцовъ, теряютъ довѣріе. Худо отрешенный лѣтъ избирать трудно, и часто изъ берковца 10 пудоваго вѣса выходитъ льна въ чистой отдѣлкѣ не болѣе 5 пудъ. На этомъ основаніи и ошковые заготовщики даютъ цѣны низкія, изъ опасенія потери отъ подлога. Безчестные продавцы подмачиваютъ лѣтъ въ средній связокъ водою для большей тяжести.

Столь же интересны подробности о торговыхъ обычаяхъ города Риги. Все это доселѣ составляло своего рода таинства деревенской и городской промышленности...

Во второй части отчета изложены заключенія комиссіи, основанныя на тѣхъ фактахъ, которые могутъ вести къ объясненію настоящаго положенія льняной промышленности и къ принятію мѣръ къ ея улучшенію. Эта часть отчета отличается безпристрастіемъ, пронтекающимъ сколько отъ официального положенія лицъ, составлявшихъ комиссію, столько и отъ-того, что они смотрѣли не изъ тѣснаго круга частныхъ, мелочныхъ интересовъ, а съ высшей, общей точки государственнаго хозяйства. Сколько разъ, напримѣръ, намъ приходилось и читать и слушать жалобы даже такъ-называемыхъ хозяевъ-практиковъ на то, что лѣтъ истощаетъ почву, что онъ разоряетъ крестьянъ! Что же надобно дѣлать? спрашиваютъ другіе. Разумѣется, запретить посѣвъ льна, отвѣчаютъ ершове...

Слышали мы также много жалобъ изъ уадовъ золотыхъ фабрикъ въ Кивешнѣ, Костромѣ. Чѣмъ же дѣлу помочь? спрашивали мы разорившихся фабрикантовъ. Да надо, баюшка, запретить вывозъ льна за море, вонъ къ этимъ Англичанамъ. Запретить — это универсальное лекарство не въ

одной льняной промышленности: его употребляютъ и сахарозаводчики, и все прочее. Но послушаемъ лучше заключенія комиссіи объ истощеніи почвы льномъ:

«У насъ господствующее мнѣніе, что лѣтъ сильно истощаетъ землю. Но въ Бельгіи признаютъ, что урожай хлѣбныхъ, слѣдующихъ за льномъ, бываетъ обильнѣе, особенно пшеницы, ржи и колѣзы. Въ Люблинѣ также не замѣчаютъ, чтобы лѣтъ уменьшалъ урожай всякаго слѣдующаго за нимъ растенія, но крайней мѣрѣ онъ не имѣетъ никакого невыгоднаго вліянія на овесъ и горохъ, которые подобно ему довольствуются почти всякою почвою и обыкновенно заключаютъ себою сѣвооборотъ послѣ каждаго сѣваго удобренія.

«Мнѣніе объ истощеніи почвы льномъ основываютъ: 1) на томъ обстоятельстве, что растеніе сіе не любитъ возращаться на одно и то же мѣсто ранѣе 5 или 6 лѣтъ; и 2) на томъ, что онъ не оставляетъ въ хозяйствѣ никакого матеріала для удобренія кромѣ извозни. Отсюда ясно, что если крестьяне за сѣвзуютъ въ трехпольномъ сѣвооборотѣ болѣе половинныя яроваго поля льномъ, то урожай его должны быть весьма слабы; и потеря удобренія съ цѣлой половинныя яроваго поля, каждые два года лишаетъ цѣлой половинныя массы навоза, которую бы хозяйство могло получить отъ яровой солемы.

«И такъ, при послѣдовательныхъ посѣвахъ льна въ той же пропорціи, поля истощаются болѣе и болѣе, если крестьянинъ не имѣетъ большаго количества дуговъ и выгоновъ, или другихъ средствъ приобретать навозъ.

«Этимъ-то обстоятельствомъ объясняются жалобы столь общія въ Псковской губерніи, и отчасти въ Витебской, что посѣвы льна не только невыгодны, но губельны для крестьянъ.

«Злу можно пособить только двумя средствами: а) или измѣненіемъ трехпольнаго сѣвооборота на многопольный, увеличивающій кормовыя средства, или б) улучшеніемъ естественныхъ луговъ.

«Помышляя, какъ мнѣніе въ распоряженіи средствъ болѣе естественно и целесообразно, могутъ воспользоваться тѣмъ или другимъ сред-

ство, смотря по местности. Что касается до крестьянъ, и особенно государственныхъ, то Комиссія признаетъ для нихъ въ настоящее время раноремесленнымъ многопольную систему: она требуетъ расчетовъ недоступныхъ нашему простолудию по его неумѣству, и пожертвованій на первые годы въ сборѣ зерновыхъ дѣловъ, въ которыхъ онъ и безъ того нуждается. Гораздо удобнѣе развить второе средство, т. е. обратить вниманіе на улучшеніе естественныхъ луговъ, начать съ осушенія болотъ, которыми обдуетъ Псковская губернія, и приступить въ тоже время къ искусственному орошенію. Мѣра эта потребуетъ пожертвованій Правительства и быть можетъ измѣненія въ способѣ владѣнія землею. Но первые окупятся очень скоро, а второе рано или поздно необходимо; ибо не измѣнить общаго пользованія землею, нельзя надѣяться на успѣхи въ улучшеніи хозяйства крестьянъ. Что касается до владѣнія травосѣянія, то оно невозможно при трехпольномъ хозяйствѣ.»

Вотъ что комиссія говоритъ объ упадкѣ полотняныхъ фабрикъ:

«Выдѣлываніе фламскіаго полотна, равендука, тика, каламенки, чешуйки, шелтради, кантасовъ сосредоточивается на такъ называемыхъ «полотняныхъ фабрикахъ». Многія изъ этихъ фабрикъ, именливо: Ярославскія, Костромскія, и Кинешемскія приостановили свои дѣйствія, и совершенно закрылись. Упадокъ этотъ начался съ 1823 года, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ цѣны на фламское полотно и равендуку въ заграничной торговлѣ.»

«Такому упадку способствовало уменьшеніе требованія нашихъ фламскихъ полотенъ въ Америку и Англію, потому, что послѣдняя, при помощи механическихъ пособій, начала выдѣлывать льняныя ткани разнообразнѣе и дешевле русскихъ, и удовлетворять ими не только собственныя потребности, но и потребности Америки.»

«Равнымъ образомъ сократилось производство коломенки, требовавшейся въ прежнее время для Голландіи, и продававшейся по 1 р. 70 к. ар., а нынѣ едва по 70 коп., и то въ маломъ количествѣ. Упадку цѣны на тикъ и уменьшенію его производства содѣйствовало въ послѣднее время то, что начали выдѣлывать и хлопчатобумажные и даже хлопчатобумажные

тики. Одинаковой участи съ тиками подвергались чешуйка и льняная нестрада.»

«Тѣ изъ нашихъ фабрикантовъ, которые по мѣрѣ упадка цѣны на фламскія полотна и равендуки, не останавливались сбытомъ своего товара, или сокращали производство и присоединили къ льняному дѣлу—хлопчатобумажное, устояли до нынѣ. Но тѣ, которые считая упадокъ цѣны съ 1823 года случайностію, придерживались въ цѣнахъ, выдѣлывали только высшіе сорта фламскихъ полотенъ, и наготовили новые запасы, раззорились и должны были закрыть свои заведенія.»

«Это обстоятельство показываетъ, что фабрикантъ долженъ слѣдить за измѣненіемъ потребностей торговли и потребления, и вообще за измѣненіями въ техническомъ дѣлѣ, которыми онъ занимается. Этихъ только онъ можетъ избежать гибельнаго слѣдствія немыхъ для себя обстоятельствъ, неизбежныхъ въ общій развитіи промышленности.»

«Тогда какъ въ льняномъ дѣлѣ совершались важныя перевороты, наши фабриканты не ввели никакихъ усовершенствованныхъ способовъ: всѣ техническія средства ихъ остались тѣже, какія были и 120 лѣтъ, при началѣ полотнянаго дѣла въ Россіи Петромъ I. Какимъ же образомъ они могли пустить въ ходъ другаго рода издѣлія. Мы не говоримъ уже о томъ, что наши полотняные фабриканты доселѣ не знаютъ какими родами тканей Англія, Бельгія и Германія подорвали ихъ производительность?»

«Мнѣнія ихъ о средствахъ къ поддержанію полотняныхъ фабрикъ, сводятся на одно: наложить высокую пошлину на отпущаемый ленъ!»

«Мнѣніе это такъ неосновательно, что Комиссія не считаетъ нужнымъ его повторять.»

«Сколько ни желательно было бы поддержаніе и развитіе производства фламскихъ полотенъ и равендуковъ, и шпелъно потому, что оно даетъ средствамъ заработка самому бѣдному классу земледѣльцевъ: наготовленіе пряжи, расмотка, тканіе, блѣсеніе и пр., даетъ работѣ многихъ тысячамъ людей, начиная отъ дѣтей до стариковъ. Но при такихъ вышнихъ обстоятельствахъ внѣшней торговли, при другихъ потребностяхъ собственнаго народонаселенія, едва ли можно думать фабрики въ настоящеемъ ихъ мѣрѣ»

могут расширить круг своей дѣятельности.

«Они могут этого достигнуть только тогда, когда станут выдѣлывать ткани для заграничнаго отпуска, приспособлены къ измѣнившимся потребностямъ иностранцевъ и особенно Америкянъ, когда усвоятъ себѣ знанія и всѣ новѣйшія техническія улучшенія, при помощи которыхъ сокращается время, трудъ и издержки въ производствѣ.»

Итакъ, и для фабриканта, и для торговца, и для земледѣльца главное дѣло — просвѣщеніе, наука, отъ имени которой и приносимъ искреннюю благодарность Министерству Государственныхъ Имуществъ, съ такою открытостію сообщающему публикѣ драгоценныя факты для статистики Россіи и народнаго ея хозяйства!

Нашъ остается сказать, что въ обнародованномъ нынѣ отчетѣ о льняной промышленности хозяева найдутъ лучшее для себя наставленіе касательно способовъ воздѣлывать ленъ; а фабриканты и торговцы богатый запасъ фактовъ для соображеній при своихъ операціяхъ, при новыхъ предпріятіяхъ, касающихся, наприим., учрежденія механическихъ льнопрядиленъ, и пр.

34) Руководство къ устройству Турбины Фурие-Рона. Сочиненіе инженера-подполковника Добронравска. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 125 стр. и 8 л. чертжей.

Изъ всѣхъ механическихъ силъ, доставляемыхъ природою человѣку, естественное паденіе или токъ воды—безъ сомнѣнія, выгоднѣйшая во многихъ отношеніяхъ, и особенно въ томъ, что вода доставляется природою даромъ, и дѣйствіе ея гораздо-постояннѣ другой силы, доставляемой также природою даромъ—силы вѣтра. Въ числѣ невыгодъ воды, какъ механической силы, прежде всего должно поставить невозможность переносить дѣйствіе ея туда, гдѣ нужно; пользоваться этою силою можно только въ томъ мѣстѣ, гдѣ сама природа скопила воду въ достаточномъ количествѣ

и дала ей извѣстную степень паденія. Правда, иногда можно устроить искусственныя водохранилища и водостоки, но и въ такомъ случаѣ, устроивъ механизмъ на данномъ мѣстѣ, нельзя переносить его на другое; и притомъ искусственныя водохранилища не вездѣ можно устроить, гдѣ нужна движущая сила, а только тамъ, гдѣ та же природа произвела благоприятствующія условія въ очертаніи земли и въ гигрометрическомъ состояніи атмосферы. Съ другой стороны, природа бываетъ иногда очень щедро на воду, а иногда очень скупа. Вотъ почему искусство уже съ давнихъ поръ заботится въ одномъ случаѣ объ устраненіи излишковъ, а въ другомъ о сбереженіи силы воды, если природа даетъ ея немного. Безъ сомнѣнія, прежде всего человѣкъ воспользовался движущею силою воды на рѣкахъ при сплавахъ, и уже гораздо-позже придумалъ снарядъ, помощію котораго на одномъ и томъ же мѣстѣ сила воды доставляла вращательное движеніе, примѣняемое или непосредственно къ разнымъ потребностямъ—на-примѣръ, измелченію зеренъ—или измѣняемое другими механическими пособіями въ движеніе качательное, возвратное и т. п. Снарядъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ водяныхъ колесъ, которыя бываютъ двухъ родовъ: вертикальныя и горизонтальныя. Первые наиболѣе употребляются; бываютъ наливныя, полуналивныя и подливныя, и всѣ имѣютъ важные недостатки, состоящіе въ томъ, что въ нихъ теряется значительная часть движущей силы воды, и что они не могутъ работать вовсе, или работаютъ чрезвычайно-худо, когда бываютъ хотя нѣсколько затоплены водою. Этихъ неудобствъ не имѣютъ другаго рода колеса, именно вертикальныя, называемыя подъ именемъ турбинъ. Они сберегаютъ наиболѣе движущей силы воды и могутъ работать даже и подъ водою. Турбины не новое изобрѣтеніе: объ нихъ писалъ еще знаменитый Беллидоръ въ половинѣ прошлаго столѣтія; мы сами видѣли въ Горахъ

Кавказских небольших мельницы съ горизонтальными колесами, устройствомъ горпями съ незапамятныхъ временъ. Новость въ турбинахъ есть ихъ усовершенствованіе, на которое было обращено особое вниманіе Парижскаго Общества Поощренія Народной Промышленности, предложившаго въ 1824 году премію въ 6,000 фр. тому, кто усовершенствуетъ горизонтальныя колеса. Эту премію заслужилъ гражданскій инженеръ Фурнейронъ, устроившій турбину, которая, при маломъ объемѣ, можетъ расколовать большое количество воды и, слѣдовательно, имѣть значительную силу. Кромѣ того, вода, дѣйствуя симметрически по всей окружности колеса, не производитъ на ось его никакого бокового давленія. Въ сочиненіи г. Доброврова излагается теорія устройства этой турбины, основанная на математическихъ законахъ движенія воды. Авторъ не ограничился изложеніемъ того, что доселѣ было сдѣлано въ этомъ отношеніи, но развилъ дагѣ теорію этого механизма и открылъ, что наибъгоднѣйшее расположеніе главныхъ элементовъ турбины (перегородокъ резервуара и дерьевъ колесъ) не одно, а множество, и что для всякой данной мѣстности, т. е. для всякаго даннаго расхода и высоты напора воды, расположеніе главныхъ элементовъ турбины, размѣры колеса и резервуара могутъ быть измѣнены между нѣкоторыми предѣлами безъ малѣйшей потери ея полезнаго дѣйствія. «Занимаюсь», говоритъ авторъ: «болѣе двухъ лѣтъ изслѣдованіемъ теоріи дѣйствія и устройства турбины Фурнейрона, мнѣ удалось найти (т. е. я нашелъ?) замѣчательныя правила устройства турбины, которыя предоставляю, впрочемъ, строителямъ машинъ повѣрить на практикѣ». Намъ остается пожелать, чтобы практики обратили вниманіе на достойный уваженія трудъ г. Доброврова, и о результатахъ повѣрки его на практикѣ открыто сообщили публикѣ.

315) Объ Учрежденіи Комитета Шелководства при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Москва Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 20 стр.

Еще въ 1832 г., Московское Общество Сельскаго Хозяйства обратило вниманіе на заведеніе въ самой Москвѣ шелководства, которое мало-по-малу заводится при нѣкоторыхъ школахъ и училищахъ. Между-тѣмъ, мысль объ этой отрасли сельскаго хозяйства распространяется въ южныхъ отъ Москвы губерніяхъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ размыслить, посредствомъ обществъ сельскаго хозяйства, сѣмена шелковицы, кусты ея и лички червяковъ. Въ Москвѣ, при Земледѣльской Школѣ, при Училищѣ Хуторѣ и при Обществѣ Садоводства у г. Юдицкаго существуютъ небольшія питомныя плантаціи для опытовъ надъ шелководствомъ. Ученіи этихъ заведеній присматриваются къ посѣву шелковицы и къ разведенію кустовъ, къ выгоночкѣ червей и къ размоткѣ коконовъ. Вышедъ изъ школы, они могутъ разнести искусство шелководства по всей Россіи. Но для достиженія лучшихъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ, нужны разнѣ мѣстѣ шелководовъ и пунктъ соединенія для нихъ совѣщаній; нужна извѣстность ихъ опытовъ и даже самыхъ неудачъ. Съ этою цѣлью, при второмъ отдѣленіи Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства учрежденъ особый комитетъ для распространенія шелководства, на такомъ же основаніи, на какомъ учрежденъ Комитетъ Сахародововъ. Изъ свѣдѣній о разнѣхъ дѣйствіяхъ по предмету шелководства будутъ составляться «Записки Комитета Шелководства». Брошюра содержитъ въ себѣ, кромѣ положенія объ учрежденіи этого Комитета Шелководства, извѣстія о началѣ дѣйствій комитета, объ опытахъ съ шелководствомъ въ Москвѣ, о распространеніи шелководства въ Малороссіи, и копію съ отаговъ, полученныхъ изъ Быковской г. Васильчиковъхъ эконоимъ о заведеніи въ ихъ мѣстѣ шелководствѣ.

316) ЧАСТНАЯ ФАРМАКОЛОГИЯ или наука о лекарствах, составленная доктором I. Фр. Зобергеймомъ, для академическую и практическую употребленія. Съ немецкаго 5-го изданія перевелъ и съ некоторыми дополненіями издалъ М. Вейсбергъ. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Москва. Въ тип. В. Киршова. 1847. Въ 8-ю д. л. 209 — 412 стр.

Вторая тетрадь, содержащая въ себѣ окончаніе первой части. Здѣсь помѣщено окончаніе описанія острыхъ ередетвъ, потомъ средства смолистыя, пригорѣло-масляныя, зерно-масляныя, амміачныя, спиртыя и кислоты, всего шесть классовъ. Второе изданіе авторъ увеличилъ короткой, необходимо-нужной Токсикологіей, которая будетъ помѣщена во второй части.

317) Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, изданная Михайломъ Максимовичемъ. Изданіе четвертое. Цѣла четвертая. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Мин. Внутр. Дѣл. Въ 8-ю д. л. VI и 59 стр.

«Книга Наума», изданная сначала въ 1833 году, была едва-ли не первымъ у насъ опытомъ популярнаго изложенія географіи. Изъ заглавія и предисловія видно, что авторъ назначалъ свою книгу для грамотнаго простонародья. Но мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ исполненіе «не соотвѣтствовало цѣли, потому-что въ «Книгѣ Наума» болѣе говорится о предметахъ отдаленныхъ, на-примѣръ, о планетахъ и созвѣздіяхъ, которыя едва-ли могутъ интересовать простаго человѣка, не всегда обращающаго вниманіе и на предметы близкіе къ нему. Конечно, пожелавши объяснить ему и законъ таготвннн, и то, что земля шаръ, и что этотъ шаръ обращается около солнца; но зачѣмъ идти далѣе и силиться объяснить ему условныя географическія знакіи: экваторъ, тропикъ, полярныя круги, градусы широты и долготы? Зачѣмъ толковать ему о созвѣздіяхъ, о зодіакѣ, и приводить тѣ искусствен-

ныя географическія знакіи, которыя употребляются только въ астрономическихъ сочиненіяхъ, и то какъ сокращенія? Не знаемъ также, къ-чему обыкновенныя названія мѣсяцевъ, усвоенныя народомъ и, слѣдовательно, русскія, г. Максимовичъ перевелъ на иншій русскій языкъ? Пойметъ ли хоть одинъ русскій человѣкъ, если вы ему скажете, въ-исто сентября — *срессни*, въ-исто октября — *паздерлики*? Мы думаемъ, что обращаясь къ простонародью, должно начинать не съ поднебесья, а съ того, что около простолюдннн, и въ примѣръ такого изложенія географическія понятія можемъ поставить статью наз. Сельскаго Читенія. «О томъ, что называется міромъ, и что такое земля, и о томъ, какъ велико славное Русское Государство, и что въ немъ есть».

«Книга Наума» гораздо-болѣе можетъ быть пригодна для дѣтей въ селеніяхъ болѣе-образованныхъ; но и въ этомъ отношеніи нельзя назвать еѣ вполне-удовлетворительною. Географія есть знаніе положительное, и потому мы не думаемъ, чтобъ нужно было въ нее вводить сказанія, подобныя слѣдующему: «Небесаи называется тотъ тайный и непостижимый для насъ міръ, въ которомъ живутъ ангелы и блаженныя души, и который невидимъ теперь для очей нашихъ, такъ какъ невидима наша душа.»

Здѣсь уже рѣчь идетъ о мірѣ духовномъ, который не принадлежитъ къ области географіи. Говоря и о положительныхъ предметахъ, г. Максимовичъ, даетъ мнѣсто гипотезамъ, которыя ровню ничего не объясняютъ, и въ которыхъ, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности. Такъ, на-примѣръ, воздухъ, землю и воду онъ называетъ стихіями и присоединяетъ еще четвертую — огонь. Понятія о стихіяхъ уже потеряли свое значеніе съ-тѣхъ-поръ, какъ въ естественныхъ наукахъ положительное наблюденіе замѣнило себою мечты воображенія. То же должно сказать и объ землѣ, которыя въ «Книгѣ Наума» наполнено все безконечное пространство вселенной. И сти-

аин и зовръ — остатки такъ — называемой натуральной философии, которая, идя двадцать назадъ, такъ плѣнила нашу юность, а теперь уже слана въ архивъ. Есть также въ книгѣ г. Максимовича и неточности; на-примѣръ, Уральскія-Горы идутъ у него отъ Бѣлаго до Каспійскаго-Моря (стр. 54). Къ Азіатской-Россіи отчислены Ставропольская-Губернія и Черноморье (стр. 53). Къ числу семи государствъ южной половины Азіи отводится Аравія (стр. 55) и Туркестанъ (стр. 56). Въ Голландіи главный городъ Амстердамъ (стр. 52), и пр.

Трудно однимъ образомъ, однимъ словомъ означить характеръ цѣлой страны или народа; но все же, мы думаемъ, можно было бы о Туркахъ сказать что-нибудь болѣе-характеристическое, нежели на-прим., слѣдующая фраза: «Турки считаютъ годъ по луиъ, а не по солнцу, и потому у нихъ 354 дня».

Въ концѣ предисловія сказано: «Печатая Книгу Науна въ четвертый разъ, чрезъ 14-ть лѣтъ послѣ перваго, а необходимызъ намель слѣдять съ ней и некоторые прибавленія и поправки, чтобъ было такъ, какъ теперь вновь узнано или слѣдано».

Прибавленія всѣ ограничиваются увеличеніемъ о новыхъ планетахъ Астреѣ и Нептунѣ, и вычтениемъ Вельги въ числѣ государствъ Европы. Изъ поправки мы взяли только слѣдующую: въ древнихъ изданіяхъ было сказано, что когда случится полное затмѣніе солнца, то летящія птицы падаютъ съ воздуха; а въ нынѣшнемъ изданіи этого нѣтъ.

348) Православное Волковское Кладбище. С. Петербургъ. Въ тип. Императорскаго Училища Правовѣдѣнія Государственнаго Бумаго. Въ 8-ю д. л. 44 стр.

Кромѣ многихъ благочестивыхъ размышленій, въ этой книгѣ заключаются любопытныя историческія и статистическія свѣдѣнія о началѣ кладбищъ въ Петербургѣ и особливо о Волковскомъ Кладбищѣ. До 1732 года было

уже въ Петербургѣ четыре кладбища: на Выборгской Сторонѣ, въ Янскои, у церкви Вознесенія, и на Васильевскомъ-Острову; съ 1732 года учредились еще три кладбища: на Петербургской-Сторонѣ, на Охтѣ, и временное, на случай затруднительнаго сообщенія съ Охтою — въ Рождественской Частн. Послѣ было еще кладбище за Калашными-Мостомъ. Сверхъ-того, хороши многихъ и на погостахъ приходскихъ церквей. Въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ означенныхъ кладбищъ уничтожились и возникли новыя, въ числу которыхъ принадлежатъ и Волковское, устроенное въ 1756 году. Въ настоящее время, это одно изъ самыхъ обширныхъ кладбищъ. Число погребенныхъ на немъ со дня открытія его въ 1756 году по 1-е августа 1847 года, простиралось до 356,096-ти!... Въ послѣдніе годы приносится туда по пяти, по восьми, даже по десяти тысячъ покойниковъ ежегодно. Въ числѣ погребенныхъ есть лица достопамятныя. Въ 1831 году земля приняла тамъ въ недра свои поэта Дельвига, въ 1846 г. Н. А. Полеваго. Тамъ же покоится и умершій недавно Сергій Николаевичъ Глинна. На Волковскомъ Кладбищѣ существуютъ теперь три храма: послѣдній изъ нихъ, освященный въ 1842 году, есть огромный и величольный храмъ во имя Спаса Перукотвореннаго. При всѣхъ трехъ храмахъ состоятъ два протоіерея и два священника, съ достаточнымъ числомъ церковниковъ и служителей.

319) Латинскій Самоучитель. Руководство къ скорому изученію латинскаго языка, изданное Николаемъ Гречемъ. Томъ I. С. Петербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1847. Въ 12-ю д. л. XVI и 360 стр.

До-сихъ-поръ г. Гречъ посвящаетъ свои ученые труды почти исключительно русокому языку. Изъ недавнихъ изданій «Учебной Книжки Русской Словесности», напечатанной въ первый разъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, и заключилъ изданіемъ «Рус-

ской Азбуки, появившейся въ свѣтъ въ концѣ 1846 года. Какой-нибудь систематикъ вывелъ бы изъ этого заключеніе, что г. Гречъ совершилъ полный кругъ труда надъ русскою словесностью; началъ высшими правилами искусства и окончилъ азбукою того же искусства.

Но, исчерпавъ одинъ предметъ, г. Гречъ принимается теперь за другой. Составилъ наконецъ стереотипный кодексъ для русскаго языка — слѣдовательно заковавъ его въ мертвыя, неподвижныя формы, онъ начинаетъ новое поприще: вызывается научить древнему мертвому языку — новымъ, живымъ способомъ, какъ прежде заботился научить живому, отечественному языку — мертвыми, устарѣлыми правилами. Въ-самомъ-дѣлѣ: не представляется ли рѣзкаго противорѣчія новая книга г-на Греча со всѣми прежними его грамматиками русскаго языка? Почему же заковалъ онъ русскій языкъ въ схоластическія формы, не внимая опроверженіямъ искусственной его методы и многихъ ложныхъ правилъ, признанныхъ имъ за неоспоримыя, наконецъ, какъ-бы въ доказательство своей непогрѣзительности и въ укоръ современнымъ успѣхамъ языка, напечаталъ свою Грамматику *стереотипомъ*, недопускающимъ никакихъ поправокъ въ новыхъ изданіяхъ—а теперь опровергаетъ ту же самую методу, и хочетъ доказать, что ошибались и порт-рольскіе ученые и всѣ учителя латинскаго языка, уча мертвыми, неподвижными правилами мертвому языку? Не-уже-ли г. Гречъ издавалъ кодексы мертвыхъ правилъ для языка живаго, который еще вѣрнѣе изучается изъ практики, нежели изъ безконечныхъ таблицъ, включеній и раздѣленій съ подраздѣленіями?

Не есть ли это, просто-сказать, нѣжное сознаніе въ ошибочности прежняго своего направленія? Если такъ, то мы отдаемъ полную справедливость рѣшимости г-на Греча, и радуемся, что онъ даритъ русскою публичкѣ книгу

прекрасную, особливо тѣмъ, что въ ней заключается новая мысль.

Неопытность г-на Греча на новомъ поприщѣ видна съ первыхъ словъ его предисловія. Онъ говоритъ: «Латинскій языкъ входитъ, во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ, въ кругъ ученаго образованія....» Входитъ! развѣ *выходитъ* изъ этого круга, и его стараются теперь вновь ввести туда, только сообразно степени общаго успѣха образованности! За нѣсколько столѣтій и до новѣйшаго времени, латинскій языкъ былъ единственнымъ языкомъ всѣхъ ученыхъ, и вся образованность человѣческая сохранилась и передавалась на нѣтъ потомству, хотя уже не было ни одного народа, который говорилъ бы по-латини. «Но, странное дѣло!» восклицаетъ г-нъ Гречъ: «между тѣмъ, какъ по всѣмъ предметамъ первоначальнаго обученія усовершенствованы и исправлены старинныя методы преподаванія, или введены совершенныя новыя, обученіе языкомъ древнимъ идетъ своимъ стариннымъ путемъ, медленнымъ, тяжелымъ, скучнымъ для обучающихся, утомительнымъ для учителей.» Здѣсь преувеличеніе и въ похвалѣ и въ осужденіи: далеко не по всѣмъ предметамъ сдѣланы усовершенствованія и облегченія методъ; доказательствомъ служатъ учебныя книги самого г-на Греча и множество другихъ схоластическихъ, непрерывно издаваемыхъ книгъ; но, съ другой стороны, не-уже-ли авторы ихъ думаютъ, что современные намъ учителя слѣдуютъ буквально выгнанъ, которыя принимаютъ они въ руководство? Ни мало! мы знаемъ достоверно, что самая большая часть учителей оставляетъ эти книги у учениковъ только для справокъ, а занимается съ ними живымъ, дѣятельнымъ способомъ, и заставляя ихъ самихъ составлять руководства, изъ своего изустнаго преподаванія. Хороши были бы успѣхи, еслибъ для русскаго языка, на-примѣръ, учитель довольствовался какою-нибудь устарѣлою грамматикой!...

Далѣ видно также не глубокое пониманіе о духовной природѣ человѣка, когда сочинитель предисловія говорить: «Шестилѣтній ребенокъ въ полугода у безграмотной вѣмецкой няньки выучится повимать и говорить по-вѣмцки, гораздо лучше, нежели осмнадцатилѣтній студентъ по-латыни по истеченіи осьми лѣтъ безпрерывнаго занятія грамматикою и лексикономъ». Въ сторону преувеличеніе: шестилѣтній ребенокъ все-таки будетъ знать языкъ свой хуже, нежели осмнадцатилѣтній студентъ языка латинскій послѣ осьми лѣтъ ученія: ребенокъ будетъ лепетать кое-какъ, а студентъ будетъ знать отчетливо все, что узналъ, и даже будетъ говорить по-латыни порядочно, если онъ не совершенный идиотъ; но дѣйствительно, метода живаго преподаванія языка — единственная для совершеннаго знанія его, для усвоенія его себѣ. Да развѣ тутъ поможетъ какая-нибудь книга? развѣ не останется при томъ всякая книга побочною вещью? Въ живомъ обученіи языку участвуютъ всѣ чувства наши, вся нравственная жизнь, и тутъ мало сказать, что мы учимъ языкъ: тутъ мы употребляемъ для изученія его всѣ способности и всю жизнь свою. Какъ можетъ замѣнить это классное ученіе, сколько бы ни было оно усовершенствовано? Мы видимъ даже, что ученики, только въ классахъ учащіеся какому-нибудь иностранному языку, обыкновенно знаютъ его плохо, не смотря на всѣ старанія учителя и на все прилежаніе ученика. Еще труднѣе достигнуть лучшихъ результатовъ въ языкѣ мертвомъ; потому-то и необходимо долговременное обученіе ему, и потому-то годы жизни надобно посвятить для того, чтобы узнать мертвый языкъ столько, сколько узнаемъ мы живой въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ разговоровъ. Этому можетъ пособить до нѣкоторой степени дѣятельное, живое обученіе въ классахъ; но какъ учитель проводить съ своими учениками лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, то недѣли и равны здѣсь часамъ живаго

обученія. Примѣры Мишеля Монтани и Вильяма Питта не доказываютъ ничего: ихъ обучали латинскому языку люди, неговоряшіе съ ними иначе какъ по-латыни, и потому они знали его какъ живой языкъ; но такой *long de force* не можетъ быть повтораемъ всѣми. Дѣло идетъ объ учебной книгѣ для классовъ — тутъ можно удовольствоваться и меньше-блестательными результатами, потому-что только они и возможны въ классномъ обученіи.

Такимъ-образомъ, не раздѣляя надеждъ г-на Греча, что недавній нѣтъ *Латинскій Самоучитель* замѣнитъ живое обученіе, что, учась по немъ, дѣти будутъ говорить по-латыни какъ дѣти вѣмецкихъ хѣбниковъ по-вѣмцки, мы думаемъ, что онъ издастъ очень-полезную книгу, составленную для изученія латинскаго языка на основаніи метода Жакотѣ, съ приложеніемъ къ тому правилъ грамматики, которыхъ Жакотѣ боялся какъ величайшей бѣды. Г. Гречъ, живши во Франціи, видѣлъ на дѣлѣ превосходство метода, излагаемой въ изданной нѣтъ книгѣ, которую онъ перевелъ съ французскаго и измѣнилъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, соображаясь съ свойствами русскаго языка и съ нѣкоторыми нѣтъ мнѣ отношеніями. Предоставляемъ исключительныиъ вѣсточкамъ латинскаго языка, и еще болѣе опыту, показать всѣ достоинства новой метода — и первые порадуемся успѣхамъ ея. Въ предисловіи подробно объяснено употребленіе метода. Надобно подождать окончанія всей книги, которой теперь издавъ только первый томъ; но его можно употребить для преподаванія и для изученія излагаемаго въ немъ предмета, потому-что упражненія и задачи радомъ съ ними правила грамматическія объемлютъ въ немъ почти всю систему латинскаго языка.

320) Латинская Грамматика, съ уроками для перевода съ латинскаго языка на русскій и словарь. Сочиненіе Брэдера. Переводъ съ 27-го немецкаго изданія О. Н. Изданіе второе, 1864.

ужасное рисковать) «заключается въ томъ, что человекъ находится въ какомъ нибудь положеніи, тотчасъ, въ минуту сообразить, какъ онъ долженъ быть интересенъ въ этомъ положеніи, и становитъ *пробывать* въ немъ упорно, анализировать и *освѣщать* себя еще болѣе и болѣе, и кончить обыкновенно тѣмъ, что сдѣлается натянуть, скученъ, тѣжелъ и даже смѣшновъ. Такимъ образомъ, *ампство непосредственнаго пребыванія подлѣ вліяніемъ счастливаго момента*, когда ему захочется продлить этотъ моментъ, онъ теряетъ всю занимательность своего положенія и разомъ лишается всѣхъ выгодъ случайнаго и *непосредственнаго пролетанія* своего преимуществъ».

Какъ Кьювѣ по одной кости невѣдомаго животнаго открывалъ весь организмъ его, такъ мы, по одному желанію сочинителя употреблять безъ надобности ученые термины, можемъ угадать, что онъ молодой, очень-молодой человекъ. Въ томъ еще больше вѣрять насъ его

Шестое правило, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ:

«Если нашелся молодой человекъ, желающій овладѣть сердцемъ женщины, за которую вы *уваживаете*, то не обнаруживайте къ нему ненависти и злобы: напротивъ, окажите дружеское расположеніе и будьте съ нимъ любезны... дайте ему скорѣе средства высказаться... Наконецъ, если видите, что такой господинъ высказался весь, а слѣдовательно надобно, *тутъ пустите какое нибудь ловкое словцо*, то же не придавая большой важности этому словцу, и вѣрьте, что вы соперника *утомили*, выражаясь техническимъ языкомъ (прекрасный техническій языкъ, достойный ремесла, къ которому онъ относится!). Такимъ *поведеніемъ* вы еще болѣе выиграли въ глазахъ женщины и заслужили ея уваженіе во 1) тѣмъ, что *вели себя умно*, во 2) тѣмъ, что показали о ней хорошее мнѣніе».

Милое правило, такъ часто повторяемое дѣтямъ, выразилось тутъ невольно: веди себя умно, такъ тебя и поглади по головкѣ! А между-тѣмъ, сколько фанфаронства и хитрости! По-

нятій, образъ выраженія, — все подтверждаетъ нашу догадку о возрастѣ сочинителя.

Правило седьмов. Не хвастайтесь. Выскочекъ женщины не любятъ.

Вотъ и всѣ драгоценныя семь правилъ. Къ нимъ сочинитель прибавилъ еще нѣсколько *правственныхъ замѣчаній*, которыя довольно-хорошо характеризуютъ общее направленіе молодыхъ людей вѣвѣстнаго разряда; на-примѣръ, въ § 9, онъ совѣтуетъ много подсмѣиваться надъ родными дѣвухами или женщиной, говоря: «хотя по чувству стыдливости и приличія, онъ самъ себя и не позволяютъ выходить на счетъ шаменки, тѣтенки или шу-жа, и хотя будутъ вамъ запрещать шутить на ихъ счетъ, но выслушиваютъ не безъ нѣкотораго удовольствія «ваши остроты!»

§ 11-й «Женщины по воспитанію своему болѣе склонны къ *пробыванію* въ тѣхъ правилахъ, которыя перешли къ нимъ отъ предковъ; но не любятъ встать въ принципѣхъ мужчины, ибо это даетъ дурное понятіе о его мыслительной силѣ. Посему вы можете всегда съ успѣхомъ обнаружить при дамахъ *легкое самоудушье*, и пустить какую нибудь, безвредную *либеральную идею*». (Стр. 49).

§ 13-й учитъ, что если какая женщина вообще поставлена социальнымъ своимъ положеніемъ *довольно низко и потеряла уваженіе отъ многихъ*, то «успѣхъ вашъ несомнѣнный!»

§ 15-й опять рекомендуетъ *дерзость* съ женщиною.

Вотъ какія правила и нравственные замѣчанія предлагаетъ сочинитель, и съ неизвѣннымъ своимъ простодушіемъ говоритъ въ заключеніе:

«Мы сіѣло можемъ поставить предлагаемый нами кодексъ, или, точнѣе, принципъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ наши правила, какъ единственный, въ духѣ времени и при нынѣшнемъ развитіи общества, *вѣрный ключъ къ женскому сердцу*».

Видимъ только, что сочинитель любитъ употреблять ученые термины не

понима их. Может ли быть какой-нибудь принципъ въ томъ, для чего даже нѣтъ идеи, потому-что сочинитель общаетъ въ заглавіи кодексъ любви и извлеченное изъ него искусство нравиться женщинамъ, а въ эпилогѣ его представлена только теорія волеизъявленія, которую совѣтуетъ онъ принимать смотря по надобности: съ иною женщиною притвориться умнымъ (она совѣтуетъ притвориться умнымъ!), иною обольстить обѣщаніями, даже — подарками (о хорошихъ женщинахъ идетъ рѣчь!), съ иною употребить наглость, дерзость!.. Вотъ вся его теорія; но, къ несчастію, безъ всякихъ писанныхъ кодексовъ она известна слишкомъ, и безъ всякаго принципа въ большомъ употребленіи между извѣстнаго рода молодыми людьми...

Имя любви, не говоря уже о христіанскомъ его значеніи, имя люб-

ви чистой и составляющей одно изъ условій нашего существованія на землѣ—не должно быть произнесимо тѣми господами, которые искони дѣлаютъ что-то поворное и площадное изъ всѣхъ ощущеній человѣческихъ. Они не въ состояніи возвыситься и до того свѣтскаго, утонченнаго чувства, которое заставило сказать одного изъ самыхъ обольстительныхъ людей недавняго времени, при видѣ обыкновеннаго волокитства окружавшихъ его молодыхъ людей: «Vous ne comprenez pas, messieurs, tout le charme de la société d'une femme comme il faut: vous voulez toujours pousser les choses à bout».

На такомъ основаніи, совѣтуемъ неизвѣстному сочинителю книжки «Нѣтъ болѣе несчастія въ любви», беречь ее только для собственнаго домашняго обихода.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗА
ПИНТО,

описанныя имъ-самимъ.

(Peregrinacões de Fernão-Mendez Pinto).

(Переводъ съ стариннаго португальскаго
языка.)

I.

Возвратясь на суда, что было около часа молитвы *Ave Maria*, мы перешли на гребль къ другой сторонѣ острова, и стали на якорь, на фальконетный выстрѣль отъ него, съ намѣреніемъ дожидаться разсвѣта и тогда напасть на царскія гробницы. Это удалось бы навѣрно, еслибъ мы сумѣли распорядиться, или еслибъ Антонио-де-Фаріа послушалъ совѣта нѣкоторыхъ, утверждавшихъ, что намъ слѣдовало бы изъ предосторожности взять съ собою стараго жреца. Къ сожалѣнію, Антонио

T. LIV. — Озд. VIII.

де-Фаріа нашелъ это лишнимъ, говоря, что намъ вѣчего опасаться быть открытыми, ибо жрецъ былъ, во-первыхъ, старъ, а во-вторыхъ, ноги его до того опухли отъ подагры, что онъ не могъ даже стоять на нихъ.

Между-тѣмъ дѣло вышло напротивъ: Гитикду, какъ мы послѣ узнали, не взирая на свое безсиліе, доползъ на рукахъ и на ногахъ до ближайшей часовни и разсказалъ жрецу ея все, что съ нимъ произошло, прося его дойти до дома бонзовъ — такъ Китайцы называютъ своихъ монаховъ — и поднять тревогу, ибо самъ онъ не въ-силѣхъ былъ это сдѣлать; другой жрецъ исполнилъ его просьбу въ ту же минуту.

Вотъ отъ-чего мы увидѣли со своего якорнаго мѣста, въ часъ по полуночи, на верху большой пагоды царскихъ гробницъ множество огней, зажженныхъ какъ-будто въ родѣ сигнала; на вопросъ нашимъ Китайцамъ, что бы это значило, они отвѣчали въ голосъ, что безъ всякаго сомнѣнія мы узнавы, а потому намъ надобно сейчасъ же, не теряя ни минуты, уходить отсюда: иначе насъ всѣхъ убьютъ до одного. Объ этомъ неужи-

даннымъ обстоятельствомъ тотчасъ же дали знать Антонию де-Фариа, который тогда спалъ. Онъ выскочилъ на верхъ, взглянулъ на огни и велѣлъ немедленно выпускать канатъ и взяться за весла. Мы направились прямо къ острову, узнать чего именно намъ должно было бояться, и когда пристали къ берегу, услышали страшный шумъ, звонъ въ колокола и стукъ въ сковороды во всѣхъ часовняхъ, а по-временамъ и людской говоръ.

Китайцы наши увѣрали, что надобно ухотить, чтобъ насъ не убили всѣхъ, но Антонию де-Фариа, не слушая ихъ, выскочилъ на берегъ съ шестью Португальцами, вооруженными мечами и щитами. Вабѣжавъ по ступенямъ на террасу, которую, какъ я уже говорилъ, весь островъ былъ окруженъ, они прошаи по ней въ обѣ стороны на порядочное разстояніе, не встрѣтивъ ни одной живой души. Тогда Антонию де-Фариа воротился на суда, сильно разгоряченный, и сталъ совѣтоваться, что тутъ дѣлать? Ему предлагали разные мѣтвія, но онъ рѣшительно не хотѣлъ съ ними соглашаться; а какъ большая часть солдатъ укорно настаивала на томъ, что надобно уйдти, то Антонию де-Фариа, опасаясь возмущенія, обѣщавъ исполнить ихъ желаніе, говоря однако, что честь обязываетъ его удостовѣриться напередъ, почему мы убѣгаемъ, и потому онъ просить у нихъ не больше получаса времени, ибо до разсвѣта еще далеко и онъ надѣется добыть языка немедленно. .

Нѣкоторые хотѣли-было возражать и на это, но онъ ихъ не слушалъ: взявъ съ собою шестерыхъ, которые съ нимъ были прежде, и заставя напередъ остальныхъ поклясться надъ святымъ евангеліемъ, что они безъ него не уйдутъ, онъ углубился прямо въ середину апельсиновой рощи. Пройдя больше чѣмъ на четыре выстрѣла изъ пистолета, онъ услышалъ впереди звонъ колокола, и, направляясь по звуку, очутился наконецъ передъ часовнею, которая была гораздо-богаче и величавѣе посѣщенной нами наканунѣ.

Въ ней они нашли двухъ стариковъ, по-видимому однихъ лѣтъ, одѣтыхъ въ платье жрецовъ: тотчасъ же, не давъ имъ опомниться, ихъ схватили обомъ и увели, отъ-чего одинъ растерялся до того, что долго не могъ выговорить ни одного толковаго слова. Человека четыре нашихъ вошли потомъ въ часовню и сняли съ алтара литаго серебрянаго идола препорядочной величины, съ золотою митрой на головѣ и колюсомъ въ рукѣ—никто изъ насъ не могъ понять что это означало—да кромѣ того три тяжелыхъ серебряныхъ ланни, на предлинныхъ серебряныхъ же дѣпкахъ.

Антонию де-Фариа не далъ намъ времени хозяйничать тамъ дольше: онъ велѣлъ немедленно тронуться въ обратный путь и мы посѣпили къ своимъ судамъ, таща за собою захваченныхъ жрецовъ, которыми мы предосторожности связали руки.

Прійдя на суда, Антонию де-Фариа велѣлъ немедленно сняться съ явора и мы начали спускаться внизъ по теченію рѣки, а самъ онъ принялся разспрашивать одного изъ плѣнниковъ, грозя ему смертью, если онъ осмѣлится солгать. Тотъ отвѣчалъ: «Правда, повидно ночью пришелъ одинъ святой человекъ, по имени Писла Анжирбо, къ дому царскихъ гробницъ и громко застучалъ въ двери, говоря: «О, несчастные, погруженные въ сонъ плоти! Вы, которые поклонились торжественно служить въ честь богини Анилы, слушайте, слушайте, слушайте несчастнаго, подобнаго погероу никогда не родився другой! Знайте, что чужеземцы съ конца свѣта, съ длинными бородами и желѣзными гласомъ, вошли въ домъ двадцати-семь-огомбавъ, въ которомъ сметанелемъ враха съ села одинъ святой человекъ, разсказавшій мнѣ объ этомъ бѣдствіи. Они разграбили сокровища сваденннщавъ гробницъ, разбросали по землѣ съ вразрѣиешъ кости праведниковъ, оскверняя ихъ поганомъ и возмучаю харкониной, съ хохотомъ демоновъ, уаеретанищавъ въ деревомъ врахъ. Они покля-

вотъ шли мы трое сутокъ, не видавъ никого, и наконецъ очутились подлѣ рѣчки, очень-быстрой и глубокой: Мы рѣшились переправиться черезъ все авлава, во первыя, которые бросились въ воду — три Португальца и слуга — разслабленные голодомъ и усталостью, утонули въ нашихъ глазахъ, не доплывъ до середины рѣки. Португальцы эти были все люди храбрые и всѣми уважаемые, два брата Бельчюръ Барбоза и Гаспаръ Барбоза, а третій былъ Франсиско Боржесъ Кайеро.

Мы, остальные, одиннадцать Португальцевъ да три матроса, видя горькую участь погибшихъ товарищей, и чувствуя, что съ каждымъ часомъ силы наши ослабѣваютъ болѣе-и-болѣе, принялись плавать надъ тѣмъ, чему сейчасъ были свидѣтелями и надъ тѣмъ, что ожидало насъ впереди.

Таинств-образомъ прошла темная и тяжкая ночь съ дождями, вѣтрами, холодомъ, плачемъ и стономъ. До разсвѣта, но благовѣстия Господа, мы увидѣли въ восточной сторонѣ, довольно-далеко, большой огонь. Когда разсвѣло, мы направились туда, гдѣ по нашему соображенію должно было находиться мѣсто огня, поручая себя Господу всемогущему, на котораго возлагали свою единственную надежду.

Илучи вдоль рѣки, въ чемъ промелькнули почти весь день, мы очутились передъ грудой дровъ, которыми пять человѣкъ пережигали въ уголь. Подойдя къ нимъ, мы бросились на колѣни и умоляли ихъ именемъ Бога указать намъ какое-нибудь селеніе, гдѣ бы мы могли найти отраду нашимъ страданіямъ. Одинъ изъ угольщиковъ отвѣчалъ намъ: «Вижу, что вы умираете съ голода, но вижу также, что васъ столько, что мѣшковъ нашихъ не оставеть для прикрытія вашей наготы; но Богъ наградитъ насъ, если мы отдадимъ вамъ малое количество риса, которое взяли себѣ на ужинъ. Тѣште его и запейте водою, а завтра пойдете въ деревню, которая тамъ, подалее, и тамъ вы найдете домъ, гдѣ обыкновенно отдыхаютъ и освѣжаются тѣ, ко-

му приходится идти по этой дорогѣ; а если у васъ станетъ силъ, то вы сдѣлаете еще лучше, если подирѣвившись пойдете туда теперь же.

Мы поблагодарили ихъ преусердно за радушное подаваніе и за добрый совѣтъ, взяли предлагаемый рисъ, котораго было очень-мало, такъ-что на каждого изъ насъ пришлось по весьма-умѣренной пригоршнѣ, распространились съ этими добрыми людьми и пошли по указанной ими дорогѣ со всею поспѣшностью, къ какой при разслабленіи своемъ были способны. Мы пришли въ деревню около часа по-полуночи и нашли въ маленькой гостинницѣ ея четырехъ человѣкъ, которыми она принадлежала и которые накормили насъ и обошлись съ нами очень радушно.

На другое утро они принялись насъ расспрашивать, что мы за люди и какинъ-образомъ очутились здѣсь въ такомъ положеніи. Мы отвѣчали, что мы чужеземцы, уроженцы Сиана, и что илучи изъ порта Лямпода къ нанкинскимъ рыбнымъ промысламъ на большой лорчѣ, потерпѣли недавно крушеніе, отъ котораго уцѣлѣли только мы, которыхъ они видятъ въ такомъ горестномъ положеніи, а все имущество и большая часть товарищей погибли. На вопросы ихъ о томъ, что мы намѣрены съ собою дѣлать и куда теперь идемъ, мы отвѣчали, что думаемъ добраться напередъ до Нанкина, а потомъ, нанявшись гребцами на лантеляхъ, отправиться въ Кантонъ или въ Комгай, гдѣ соотечественники наши производятъ торговлю съ позволенія сына Солнца, вѣнчаннаго льва, возсѣдающаго на престолѣ вселенной. Потомъ мы убѣдительно умоляли ихъ, чтобы они позволили намъ прожить въ этомъ домѣ пока мы выздоровѣемъ и укрѣпимся для дальнѣйшаго пути; а также мы упрашивали ихъ, чтобы они дали намъ какую-нибудь одежду для прикрытія нашей наготы.

На это всѣ четверо сказали намъ: «конечно, вамъ бы должно дать чѣмъ одѣть ваши истощенныя тѣла, за которые вы просите съ такими слезами;

но доиъ нашъ теперь очень-бѣденъ и мы не въ состоянн снабдить васъ всѣмъ нужнымъ, не смотря на все наше желаніе—что мы сможемъ сдѣлать, то сдѣлаемъ. Послеъ этого они повели насъ полунатихъ по всей деревнѣ, въ которой было человѣкъ около пятидесяти жителей, все людей бѣдныхъ, порившихся своими трудами. Такихъ-образомъ набрали подавнн тавла два деньгами, полмѣшка риса, ит-сколькo муки, луку, бобовъ, да кой-какого стараго платья; а въ самой гостиницѣ намъ дали еще два серебряныхъ тавла, но объявили, что мы не можемъ здѣсь долго жить, ибо по уставу добродѣтельныхъ людей, учредившихъ это заведеніе, бѣднымъ позволено жить здѣсь не дольше, какъ отъ трехъ до пяти дней, за исключеніемъ только людей весьма-больныхъ или беременныхъ женщинъ, которымъ опасно оставаться безъ надзора и пособія. Они присовокупилъ въ утѣшеніе наше, что въ трехъ лигахъ отсюда есть большое селеніе Силейжакау, съ богатою богадѣльней, въ которую привнаютъ всякаго рода бѣдныхъ, и что тамъ вылечать васъ гораздо-лучше, а для этого они дадутъ намъ письмо въ управляющему ею братству и подишутъ его всеъ четверо...

Мы снова поблагодарили ихъ со слезами за такое участіе, говоря, что они дѣлаютъ это изъ любви къ Богу. Одинъ изъ нихъ, старикъ очень почтенный, отвѣчалъ намъ: «Правду говорите вы, что мы дѣлаемъ это для Бога, а не для свѣта. Богъ и свѣтъ всегда и во всемъ различны одинъ отъ другаго: свѣтъ любить богатыхъ, а Богъ другъ бѣдныхъ и немощныхъ; свѣтъ истаителей, а Богъ терпѣливъ; свѣтъ очень-золъ, а Богъ очень-добръ; свѣтъ прожорливъ, а Богъ воздерженъ; свѣтъ роищеть и убійствуетъ, а Богъ протокъ и милосердъ; свѣтъ коваренъ и пути его кривы, а Богъ правдивъ; свѣтъ корыстенъ, скупъ и развратенъ, а Богъ щедръ и чистъ, чище свѣта своихъ вѣздъ, которыя мы видимъ, и тѣхъ, которыя еще дальше и не видны на-

шимъ глазамъ; свѣтъ переиѣчивъ и превратенъ въ дивномъ дѣлу своей суеты, а Богъ постояненъ въ своей истинѣ и награждаетъ чистыхъ сердцемъ и добрыхъ; свѣтъ вѣтренъ и невѣжественъ, а Богъ есть чистая иудрость всей истинны. Вотъ почему, друзья мои, не смотря на ваше терпѣнее бѣдетвіе, надѣйтесь на него и не отчаивайтесь: Онъ не оставитъ васъ, если вы его не прогнѣваете дурными дѣлами, хотя слѣпцы свѣта и утѣраютъ въ противномъ, упорствуя въ своемъ дерзкомъ невѣрнѣ.

Съ этими словами онъ вручилъ намъ письмо къ заведывающимъ богадѣльнею. Мы, простившись съ нимъ и его товарищами, поблагодаривъ ихъ премного за пособіе, отпранились въ путь около полдня и пришли за часъ или два до солнечнаго заката къ дому «Оддыха Бѣдныхъ», какъ Китайцы называють заведеніе, невѣстныя у насъ подъ именемъ богадѣленъ. Тамъ мы вручили принесенное письмо маммерамъ, которые судѣли всеъ вѣстѣ за столомъ и разсуждали о дѣлахъ бѣдныхъ; его приняли весьма-чтнво и церемонно и передали для прочтенія испу, который тотчасъ же всталъ и прочиталъ его во всеуслышаніе. Вотъ, что было сказано въ этомъ письмѣ:

«Мы, бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, недостойные служить Владыкѣ, котораго творенія такъ дивны, какъ свидѣтельствуиотъ вѣзды небесныя въ самыя темныя ночи—мы, избранные наследовать умершихъ предшествованникамъ своимъ въ домѣ его Буатен-до, который въ деревнѣ Катигорау, просимъ съ почтеніемъ ваши смиренныя особы, допущенныя служить Великому Творцу, чтобъ вы оказали помощь и милосердіе этимъ четырнадцати чужеземцамъ, одиннадцати бѣлымъ и трехъ темнолицымъ. Негата и крайннй бѣдность ихъ покажутъ глазамъ вашимъ, что мы просимъ о нихъ не безъ причины: они потеряли все свое ниущество въ бурныхъ вѣздахъ моря, управляемыхъ могучею рукою Творца, который часто пош-

«зываетъ людей, въ святомъ своемъ правосудіи, какъ они должны бояться его суда, когда на нихъ направлено его разгнѣвавшее взоры».

Выслушавъ чтеніе письма, талмоды велѣли отвезти насъ въ чистый покой, гдѣ поставили четырнадцать опрятныхъ кроватей, столъ и множество стульевъ. Намъ принесли хорошую пищу, и мы, поужинавъ, легли спать.

На слѣдующее утро пришелъ секретарь и спросилъ насъ отъ имени старшинъ, что мы за люди, какого народа, гдѣ потеряли врушеніе, и о многомъ въ томъ же родѣ, на что мы отвѣчали, какъ и въ той деревнѣ, чтобы они не мелозрѣвали насъ во лжи. Потомъ онъ спросилъ, какія у насъ намѣренія на будущее время и мы сказали, что прежде всего желаемъ выздоровѣть въ этомъ домѣ, если намъ это дозволить, ибо всѣ мы такъ больны и истощены, что не въ силахъ пуститься ни въ какой дальнѣйшій путь. Секретарь отвѣчалъ, что желаніе наше исполнится, ибо заведеніе это учреждено для служенія Богу, и мы со слезами благодарили его въ такихъ хорошихъ выраженіяхъ, что онъ и самъ прослезился.

Послѣ этого онъ велѣлъ прійти врачу, которому сказалъ, чтобы онъ вылечилъ насъ какъ-можно-лучше, и записалъ наши имена въ книгу, которую всѣ мы подписали, чего онъ требовалъ для соблюденія порядка, заведеннаго въ нѣхъ домѣ, говоря, что это нужно для счета расходовъ, которые для насъ будутъ слѣваны.

III.

Проживъ восемнадцать дней въ этой богадельнѣ, гдѣ насъ снабжали въ небиліи всѣмъ нужнымъ и пеклись о насъ съ большою заботливостью, всѣ мы выздоровѣли по благодати Господа совершенно. Собравшись съ силами, мы отправились отсюда къ одной деревнѣ, называвшейся Сувоавганенъ и отдаленной на пять лигъ отъ Силейжану; туда мы пришли около солнечнаго заката, значительно усталые, и усѣлись у фонтана, не доходя лемиого до

домовъ, гдѣ отдыхали довольно долго, размышляя о томъ, куда намъ идти послѣ.

Нѣкоторые изъ жителей выходили въ это время за водою; увидя насъ, они не смѣли приблизиться къ колодезю и возвращались съ пустыми кувшинами, рассказывая въ деревнѣ неожиданную новость. Тогда вышли изъ своихъ домовъ многіе другіе, посѣбно подбѣгали къ намъ и смотрѣли на насъ съ большимъ удивленіемъ и любопытствомъ, ибо они въ жизнь свою не видали такихъ людей, какъ мы. Потомъ, поспоривъ между собою довольно долго и громко, они выслали къ намъ одну предревнюю старуху спросить, кто мы и что дѣлаемъ у фонтана, котораго вода служить нѣмъ нѣтъемъ?

Мы отвѣчали, что мы бѣдные чужестранцы изъ Сіама, претерпѣвшіе крушеніе, отъ котораго Богу угодно было насъ спасти. На это она возражала: «Чего же вы отъ насъ хотите? У насъ нѣтъ дома .Отдыха Бѣдныхъ», гдѣ бы всѣ кормили и держали даромъ». Тогда одицъ изъ нашихъ отвѣчала ей, что Богъ, на котораго мы возлагаемъ всю свою надежду, вѣрно тронетъ своею могучею рукою нѣхъ сердца, и она скажется надъ нашею бѣдностью, а что мы рѣшились добраться до города Нанкина и оттуда, навѣвшись гребцами на каную-нибудь купеческую лантѣю, идти въ Кантонъ или Конгай, гдѣ бываетъ много доновокъ нашего народа.

«Такъ подождите же здѣсь», сказала она: «а я пойду къ этимъ людямъ, передамъ имъ ваши слова и возвращусь съ ихъ отвѣтомъ; тогда узнаете, чѣмъ они рѣшатъ вашу судьбу».

Она ушла къ толпѣ своихъ, которыхъ собралось уже больше ста человекъ и которые все продолжали спорить и разсуждать съ большимъ жаромъ. Черезъ нѣсколько минутъ отдалился отсюда человекъ, по-видимому духовный, одѣтый въ длинный штюфный кафтанъ малиноваго цвѣта, что у нихъ означаетъ важную особу. Онъ несъ въ рукѣ пукъ пшеничныхъ колосьевъ и, подойдя къ фонтану, подо-

звалъ насъ къ себѣ; мы посаѣвшия по-
виповаться, съ поклонами и всѣми на-
ружными знаками почтенія, на кото-
рые онъ не обратилъ, однако, внима-
нiя, вѣроятно, потому-что видѣлъ; какъ
мы бѣдны.

Потомъ, бросивъ въ воду всѣ ко-
лосыя, онъ приказалъ намъ опустить
въ нее руки, что мы тотчасъ же сдѣ-
лали, считая это необходимымъ для
сохраненiя дружбы и согласiя, въ ко-
торыхъ хотѣли жить съ этими людьми.
Тогда онъ сказалъ: «Святою клятвой,
которую вы теперь мнѣ даете надъ
огни двумя веществами, хлѣбомъ и
водою, созданными верховнымъ Твор-
цомъ всего для жизни рожденныхъ на
свѣтъ, убѣждаю васъ! Говорите, прав-
да ли то, что вы сейчасъ рассказали
отой старой женщины? Если правда,
мы прийдемъ васъ къ себѣ, сообразно
закону милосердiя, данному намъ Бо-
гомъ, который повелѣваетъ помогать
бѣднымъ и страждущимъ; если нѣтъ,
то именемъ Его приказываю вамъ:
уходите отсюда немедленно, подъ опа-
сениемъ быть изъязвленными и замо-
лотыми на зубахъ всепожирающаго
змiя, который обитаетъ въ глубинѣ
бездоннаго жилища дына!»

Мы отвѣчали въ голосъ, что сказали
совершенную истину, чѣмъ онъ остал-
ся доволенъ и велѣлъ намъ слѣдовать
за собою, уговаривая не робѣть и не
бояться ничего, ибо теперь вы подъ
его покровительствомъ. Подойдя къ
своимъ, онъ объявилъ имъ, что даетъ
имъ позволенiе дать намъ милостыню.
Насъ тотчасъ же повели въ деревню и
накормили подъ навѣсомъ пагоды, по-
слѣ чего привесли двѣ цыновки, на
которыхъ мы проспали эту ночь. На
другое утро мы пошли по всему селе-
нiю, отъ дома къ дому, просить пода-
нiя, котораго собрали такимъ обра-
зомъ таела на четыре серебра, чѣмъ
купили себѣ то, въ чемъ больше всего
нуждались.

Отсюда мы пошли въ другое селе-
нiе, Шiангуулен, отстоявшее на двѣ
лиги отъ того. Мы надѣялись дойти
такимъ-образомъ мало-по-малу до го-

рода Нанкина, до котораго оставалось
еще сто-сорокъ лигъ, рассчитывая,
что оттуда нетрудно будетъ попасть
въ Кантонъ, гдѣ жило много нашихъ
по торговымъ дѣламъ.

Къ селенiю мы пришли подъ вечеръ
и расположились отдохнуть подъ од-
ними деревьями. Тамъ мы увидѣли
трехъ мальчиковъ, пасшихъ стадо, ко-
торые, лишь только насъ рассмотрѣли,
побѣжали со всѣхъ ногъ, крича, что
было силы: воры, воры! Тотчасъ же
прибѣжали жители, вооруженные на-
щадями и копьями, и принялись кри-
чать въ свою очередь: *кауакарануе, ка-
уакарануе!* т. е. ловите, ловите воровъ!

Съ этими криками они погнались за
нами, ибо мы тогда побѣжали отъ
нихъ: они бросали въ насъ камешки
и ушибли и переранили всѣхъ насъ,
да убили одного изъ нашихъ матро-
совъ до смерти; наконецъ, они пере-
хватили насъ, связали намъ руки за
спину и повели плѣнниками въ селенiе,
гдѣ послѣ многихъ побоевъ и толчковъ
насъ втолкнули въ какой-то прудъ съ
завлеспевлою водою, которая доходи-
ла намъ до пояса. Въ прудѣ было ве-
сннское множество плавковъ, которые
не давали намъ ни минуты покоя, но
насъ продержали тамъ двое сутокъ,
боясь нищн, не переставая осыпая по-
болами и оскорбленiями.

Наконецъ, къ счастью нашему, при-
шелъ туда человекъ изъ Сузоангансѣн,
откуда мы сами вышли, и услышавъ о
томъ, что съ нами сдѣлали, утѣрилъ
здѣшнихъ жителей съ величайшимъ
трудомъ и подъ клятвою, что мы вовсе
не воры, а несчастные чужеземцы,
пострадавшiе отъ кораблекрушенiя, и
что они совершили большой грѣхъ, по-
ступивъ съ нами такъ жестоко. Убѣж-
денiя его были причиной, что насъ по
благодати Господа вывели изъ пруда,
грязныхъ и замаранныхъ кровью, ибо
плавки сосали насъ такъ усердно, что
мы бы вѣрно всѣхъ перемерли, еслибъ
насъ продержали тамъ еще сутки. Мы
отправились оттуда около заката солн-
ца, огорченные, измученные и всѣ
горько плакали о своихъ страданiяхъ.

Вскорѣ пришли мы къ хижинамъ очень бѣдымъ, гдѣ три человека выколачивали лѣнь. Увидя насъ, они отропелю ноѣжали въ лѣсокъ, покрывавшій вершину ближняго пригорна и оттуда кричали всѣмъ прохожимъ, чтобъ они насъ остерегались, потому что мы воры. Мы, боясь приключенія, подобнаго тому, какое уже случилось съ нами, воротились, хотя наступила ночь, и пошли, сами не зная куда. Между тѣмъ стѣнѣло совершенно, и мы, блуждая наугачу подлѣ проливнымъ дождемъ, очутились наконецъ передъ загонами скота, гдѣ провели ночь на грудѣ навоза.

На разсвѣтѣ мы принялись отыскивать дорогу, съ которой совершенно сбились. Когда солнце взопло, мы разсмотрѣли съ одного холма равнину, покрытую прекрасными деревьями, изъ среды которыхъ, подлѣ рѣчки, возвышались богатые дома, со множествомъ башенокъ, украшенныхъ позолоченными флюгерами. Мы направились туда, съ именемъ Господа Иисуса на устахъ, и усьлись на краю бассейна фонтана, находившагося среди площадки передъ домами, въ ожиданіи не покажется ли кто-нибудь, ибо до сихъ-поръ мы еще не видали ни одной живой души.

Такимъ-образомъ просидѣли мы довольно долго, не зная, чтѣ дѣлать. Наконецъ показался, на доброй лошади, молодой человекъ лѣтъ семнадцать или восемнадцать, въ сопровожденіи четырехъ пѣшихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ несъ двухъ зайцевъ, другой пять *мнаторовъ*, похожихъ на фазановъ, третій кречета, а четвертый велъ на сворѣ шесть или семь собакъ.

Молодой человекъ приостановился, подлѣхавъ къ намъ, и спросилъ, кто мы и чего намъ нужно? Мы рассказали подробно всю исторію нашего бѣдствія и онъ, судя по выраженію его лица, когда онъ насъ слушалъ, сожалѣлся надъ нами. Потомъ, поворотивъ лошадь, онъ поѣхалъ во дворъ, сказавъ намъ напередъ: «Подождите, а сейчасъ пришлю все, чтѣ вамъ нужно

и слѣлаю это изъ любви къ тому, кто царствуетъ со славою и въ вѣчномъ великолѣпшн на высочайшемъ изъ всѣхъ небесъ.»

Черезъ нѣсколько минутъ онъ выслалъ къ намъ старуху, въ длинномъ платьѣ и съ четками на шеѣ, которая велѣла намъ слѣдовать за собою. Мы вошли на обширный дворъ, окруженный двумя этажами галерей или верандъ, наподобіе нашихъ монастырскихъ; стѣны галерей были расписаны изображениями охоты и во многихъ мѣстахъ тутъ красовались женщины на лошадяхъ, съ соколомъ или кречетомъ на рукѣ. Прямо передъ нами, надъ крыльцомъ, была арка, вся изъ рѣзнаго дерева отличной работы; а изъ середины ея висѣлъ на серебряной цѣпи родъ гербоваго щита, на которомъ въ серединѣ круга былъ нарисованъ человекъ, походившій скорѣе на черепаху головою внизъ, а ногами вверхъ, съ надписью, которая значила, какъ мы послѣ узнали: «все, что во мнѣ, таково.»

Чудовище это олицетворяло свѣтъ и было нарисовано къ верху ногами за тѣмъ, чтобъ выразить, какъ свѣтъ живитъ и превращаетъ; смыслъ надписи долженъ былъ также предостерегать тѣхъ, которые обращаютъ слишкомъ много вниманія на себя и толки саѣта.

Мы поднялись по широкимъ и спокойнымъ ступенямъ крыльца и вошли въ большой домъ, гдѣ увидѣли женщину, по-видимому лѣтъ пятьдесятъ, сидѣвшую на возвышенной площадкѣ, съ двумя прехорошенькими дѣвушками по бокамъ, богато одѣтыми и съ нитками крупнаго жемчуга на шеѣ; подлѣ нихъ, на кровати, лежалъ молодой человекъ, котораго обѣвала одна изъ дѣвушекъ, и тутъ же былъ юноша, приказавшій позвать насъ. Подлѣ площадки сидѣли за вышиваньемъ дѣвять другихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя и малиновыя штофвыя платья.

Подойдя къ площадкѣ, мы стали на колѣни и начали рассказывать со слезами на глазахъ исторію своихъ страданій; но старушка прервала насъ,

говоря: «Довольно, довольно! мнѣ больно видѣть ваши слезы: знаю, что вамъ нужно подаяніе.» Тогда старикъ, лежащій на кровати, подлезвалъ насъ къ себѣ и спросилъ, нѣтъ ли между нами кого-нибудь, кто бы увидалъ лежать отъ лихорадки? Обязавшая его дѣвушка — то была дочь его — улыбулась при этомъ вопросѣ и сказала: «Я думаю, что лучше напередъ подумать о томъ, какъ бы ихъ вылечить отъ голода, чѣмъ спрашивать о вещахъ, которыхъ, вѣроятно, никто изъ нихъ не учился.» Но мать остановила ее: «Ты всегда вышываешься тамъ, гдѣ тебя не спрашиваютъ, скоро ли я отучу тебя отъ этой привычки?» — «Отучите сперва отъ голода этихъ бѣдниковъ», отвѣчала дочь со смѣхомъ.

Тогда больной отецъ ей снова обратился къ намъ съ вопросами, кто мы, изъ какой земли и куда идемъ, на что мы отвѣчали какъ слѣдовало и рассказали о нашемъ крушеніи, о томъ, сколько погибло нашихъ товарищей и какъ мы не знаемъ на что рѣшиться.

Старикъ подумалъ немного и сказалъ, обратясь къ своему сыну: «Какъ ты думаешь о томъ, что сейчасъ слышалъ отъ этихъ чужестранцевъ? Помни же ихъ слова и благодари Бога за то, что ты родился отъ отца, который избавляетъ тебя отъ подобныхъ трудностей и опасностей: это будетъ лучше, чѣмъ убивать свое время гонимая за зайцами.»

Потомъ онъ велѣлъ накормить насъ тутъ же, при себѣ, и когда кушанье было принесено, сказалъ, чтобы мы ѣли, что мы исполнили очень-охотно, а онъ, истощенный болѣзнію и постыжійся отъ внутренняго разстройства, любовался нашимъ аппетитомъ. Но больше всего восхищался его дочери, которая часто смѣялась со своимъ братомъ и шутила, видя, какъ мы беремъ пищу руками, потому-что во всемъ Китаѣ ѣдятъ не иначе, какъ двумя пальцами въ родѣ вилочекъ.

Наѣвшись досыта, мы помолились Богу, что старикъ замѣтилъ и что ему очень понравилось. Потомъ онъ велѣлъ

намъ дать три куска льняной ткани и четыре гавла дровъ, и сказалъ, чтобы мы переночевали здѣсь, потому-что поздно идти дальше. Мы поблагодарили его за все добро, какое онъ намъ сдѣлалъ, въ хорошихъ словахъ, и отъ, по-видимому, осталса нами доволенъ, такъ же какъ его жена и дѣти.

IV.

На слѣдующее утро мы простались со своими ласковыми хозяевами и отправились къ селенію Финджиналу, отстоявшему отсюда на четыре лиги. Тамъ мы пробыли трое сутокъ и потомъ продолжали идти отъ деревни до деревни, отъ селенія къ селенію, удаляясь отъ городовъ, чтобы тамъ не попасть снова въ руки правосудія.

Такимъ-образомъ скитались мы два мѣсяца въ трудѣ и бѣдности, и вѣрно успѣли бы давнымъ-давно добраться до Нанкина, еслибъ имѣли проводника, но какъ мы не знали дороги, то заблуждались часто и перенесли много тяжелыхъ испытаній. Наконецъ, мы пришли къ небольшой деревнѣ, называвшейся Шаутиръ. Тамъ отправились въ то время великолѣпными похороны, съ пышными погребальными церемоніями, одной весьма-богатой вдовы, которая лишила наследства всѣхъ своихъ родственниковъ и оставила все имѣніе нагдѣ или храму, гдѣ ее похоронили. Насъ, какъ людей бѣдныхъ, пригласили, по китайскому обычаю, ѣсть въ ея склепѣ, гдѣ мы были угощаемы трое сутокъ, пока длились поминки. После этого намъ дали шесть гавловъ милостыни, съ просьбою, чтобы мы въ своихъ молитвахъ не забывали о душѣ усопшей.

Отсюда мы пошли въ другое селеніе, Гинавалиръ, и потомъ продолжали скитаться еще два мѣсяца изъ мѣста въ мѣсто, пока не прибыли въ городокъ Тайноръ. Тамъ, за грѣхи наши, находилса въ то время чумбѣмъ, что у Китайцевъ въ родѣ нашего президента судебной палаты: эти чиновники ѣздятъ каждые три года по областямъ для свидѣтельствванія, хорошо ли

дѣлаютъ свое дѣло коррехидоры и мѣстные судьи.

Увидя насъ, просящихъ покаянія, онъ подовзалъ насъ къ себѣ и спросилъ въ присутствіи трехъ секретарей и множества народа, кто мы, какого народа и куда идемъ такимъ образомъ? Мы отвѣчали ему то же самое, что и въ другихъ мѣстахъ, и онъ, выслушавъ, велѣлъ-было отпустить насъ; но тутъ подвернулся одинъ изъ его писцовъ и сказалъ, что насъ отпустить нельзя, потому-что мы бродяги и правдошатающіеся, и ему за это достанется въ столицѣ: въ-слѣдствіе чего онъ, какъ вѣрный слуга, совѣтуетъ лучше запереть насъ въ надежное мѣсто, откуда мы бы не могли убѣжать.

Чумбинъ послушался этого проклятаго совѣта и послѣдовалъ ему со всею жестокостію, какой только можно было ожидать отъ невѣрнаго лычичника. Тотчасъ же секретари составили судебный актъ, въ которомъ обвинили насъ въ небывалыхъ преступленіяхъ, подтвердивъ его ложными свидѣтельствами, и насъ заперли въ тѣсную тюрьму, съ колодками на ногахъ, кандалами на рукахъ и въ тяжелыхъ желѣзныхъ ошейникахъ. Въ тюрьмѣ съ нами обходились очень-безчеловѣчно, мучили голодомъ и побоями, и продержали тамъ двѣнадцать-шесть дней, по истеченіи которыхъ рѣшено было отослать насъ для окончательнаго приговора къ *чабжу* или верховному судѣ Нанина, потому-что чумбинъ не имѣлъ права провозносить смертные приговоры.

Двадцать-шесть дней, проведенныхъ въ этой грязной и душной тюрьмѣ, показались намъ двадцатью-шестью тысячами годовъ, потому-что мы не видѣли конца своимъ страданіямъ и не знали чѣмъ рѣшится наша горькая участь. Одинъ изъ Португальцевъ, по имени Жозе Родригезъ Браво, умеръ извѣденный внами, и я не знаю, какими чудомъ мы спаслись отъ этой язвы.

Насъ вывели изъ тюрьмы утромъ, въ оковахъ, разслабленныхъ и боль-

ныхъ до того, что мы съ трудомъ могли говорить, и посадили на большую лодку челоуѣками съ тридцатью или сорока другихъ узниковъ, сужденныхъ за важныя преступленія и ожидавшихъ себѣ, такъ же какъ и мы, окончательнаго приговора въ Нанкинѣ.

Нанкинъ считается вторымъ городомъ въ Китаѣ и тамъ постоянно живетъ *чабмъ правосудія*, то-есть, верховный совѣтникъ, въ родѣ намѣстника или вице-короля. Онъ начальникъ палаты ста-двадцати *жероземовъ* и *ферукюсовъ*, то-есть, совѣтниковъ уголовного суда и ревизоровъ всѣхъ гражданскихъ и криминальныхъ судовъ; на него нѣтъ апелляціи и онъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ, кромѣ одного только судилища, которое имѣетъ власть надъ самимъ государемъ, почему обращающійся къ нему обращается какъ-будто къ самому небу. Это судилище навывается *Столбомъ Творца вещей* и состоитъ изъ двадцати-четыреухъ *менирповъ*, то-есть, духовныхъ, которые ведутъ самую строгую жизнь, умерщвляютъ свою плоть больше капуциновъ и подвергаютъ себя такому покаянію, что будь они христіане, то отъ нихъ можно было бы ожидать многого. Ихъ избираютъ въ это судилище когда они старѣе семидесяти лѣтъ, и съ разрѣшеніемъ верховныхъ духовныхъ особъ. Они такъ справедливы въ своихъ сужденіяхъ, что ни самые могущественные вельможи и совѣтники, ни даже самъ Сынъ Солнца не могутъ заставить ихъ уклониться на волосъ отъ того, что они считаютъ правымъ или неправымъ.

Отправясь въ лодкѣ, какъ я уже сказалъ, мы прибыли передъ наступленіемъ ночи къ большому селенію Потилѣу, въ тюрьмѣ котораго насъ продержали десять дней по причинѣ дождливой погоды, мѣшавшей идти далѣе. По истеченіи ихъ, насъ слова погрузили на лодку, и мы, подлившись цѣлыхъ семь дней вверхъ по теченію одной преширокой рѣки, прибыли, наконецъ, въ городъ Нан-

нивъ, гдѣ насъ снова заперли въ тюрьму.

Тамъ мы пробыли цѣлыхъ полтора мѣсяца въ самомъ горестномъ положеніи, умирая отъ истощенія и только плача и возводя глаза къ небу. На первую же ночь съ насъ спяла всю одежду, не оставивъ намъ даже рубашки. Тюрьма эта была очень велика — въ ней, какъ сказывали, заключалось больше четырехъ тысячъ человекъ — и отъ тѣсноты, грязи и сырости не было мѣста, гдѣ бы можно было сѣсть, и не попасть на жертву несчетному множеству вшей и разныхъ насѣкомыхъ.

По прошествіи полуторыхъ мѣсяцевъ, *анчаси дьяль*, то-есть, одинъ изъ двухъ судей, рѣшающихъ этого рода дѣла, прочиталъ донесеніе чумбина изъ Тайпора, который сообщилъ о насъ самыя дурныя свѣдѣнія, и, не вѣря нашему оправданію, не подкрѣпленному ничьимъ свидѣтельствомъ, приговорилъ: отхлестать насъ публично по задницѣ и отрѣзать большіе пальцы на рукахъ, чтобъ мы исправились впередъ въ своемъ поведеніи. Рѣшеніе это намъ прочитали въ тюрьмѣ и тутъ же насъ отхлестали такъ безчеловѣчно, что всѣ мы были облиты кровью и два Португальца да одинъ слуга умерли черезъ три дни, а насъ осталось всего-на-всѣ девять человекъ.

Послѣ истязанія насъ перенесли полумертвыхъ въ одинъ домъ, который принадлежалъ къ тюремному зданію и служилъ больницей, гдѣ въ то время лежало на кроватяхъ и на полу множество больныхъ и раненныхъ. Тамъ къ нашимъ лязамъ приложили разные примочки и лекарства, чѣмъ нѣсколько облегчилась боль нашихъ истерзанныхъ ударами тѣлъ. За нами ухаживали все люди почтенные, которые у Китайцевъ составляютъ общество въ родѣ нашихъ братьевъ милосердія, а служить въ больницу по очереди, помѣсячно, изъ любви къ Богу: они озабочиваются, чтобъ больные были слаб-

жены всѣмъ нужнымъ и содержались въ изобиліи и опрятности.

Черезъ одиннадцать дней пребыванія въ больницѣ мы уже чувствовали себя гораздо-лучше, но не могли полунауть безъ слезъ, что намъ по судебному приговору отрубятъ еще пальцы. Тогда Господу угодно было, чтобъ вошли въ больницу два человека въ длинныхъ красныхъ атласныхъ одеждахъ и съ бѣлыми жезлами, на подобіе скиптровъ, въ рукахъ. При видѣ ихъ всѣ больные закричали въ голосъ: «Вотъ идутъ съ Богомъ исполнители Его дѣлъ!» А они отвѣчали, слегка помахать своими жезлами: «Да не пошлетъ Онъ намъ терпѣніе въ нашихъ страданіяхъ».

Потомъ оба начали раздавать деньги и одежду тѣмъ, кто былъ къ нимъ поближе и, наконецъ, подошли къ намъ. Они привѣтствовали насъ, обнаружили жалость къ нашимъ словамъ и спросили, кто мы такіе, изъ какой земли и за что были посажены въ тюрьму?

Мы отвѣчали, плача, что мы чужеземцы изъ Сіама, изъ страны, которая называется Малаккой; что мы были купцами, пользовались въ изобиліи благами земными, но идучи въ портъ Діампда съ товарами, потеряли крупное противъ острововъ Ламбу, гдѣ лишились всего и спасли только свои жалкія тѣла; что потомъ, прійдя въ селеніе Тайпортъ и прося тамъ милостыни, мы встрѣтили чумбина *прасесудіа*, который велѣлъ насъ заковать безъ всякой причины, говоря, что мы воры и бродяги, и просилъ подаянія затѣмъ, чтобъ не работать; что послѣ того насъ перевезли въ окопѣхъ изъ здѣшнюю тюрьму, гдѣ мы страдали отъ голода и всякихъ гадостей полтора мѣсяца, и были приговорены къ ударамъ и отсѣченію пальцевъ, какъ воры; что первая половина приговора была уже исполнена, о чемъ они негутъ судить по состоянію, въ которомъ мы теперь находимся, но другая половина вѣроятно не заставитъ себя ждать. Мы умоляли ихъ, какъ людей,

обрекшихъ себя на служеніе Богу, чтобъ они насъ не оставили и вступились за несчастныхъ, за которыхъ некому вступиться.

Они выслушали насъ съ большимъ вниманіемъ и потому, поднявъ глаза къ небу и преклонивъ колѣно, сказали: «О, могучій и терпѣливый Владыко всего! Ты дозволяешь голосу слабыхъ достигать до Твоей высоты, чтобъ не остаться безъ наказанія вины тѣхъ, кому вѣрено земное правосудіе.» Послѣ этого они тотчасъ же потребовали къ себѣ писца и распросили его обо всемъ, что до насъ касалось, и онъ рассказавъ о донесеніи чумбима и о томъ, какъ въ слѣдствіе его съ нами было поступлено.

Видя, что противъ полученныхъ нами ударовъ уже нѣтъ средствъ, они написали прошеніе на имя самого *чама*, чтобъ онъ отиѣнилъ отсѣченіе нашихъ пальцевъ; но тотъ отвѣчалъ изъ своей судебной палаты грамматомъ, за подписью своею и восьми *колчасиссовъ*, то-есть, уголовныхъ судей, въ которой было сказано: «Милосердіе же должно иѣшать правосудію: иначе правосудіе не должно называться этимъ именемъ.»

Защитники несчастныхъ во славу Бога — таковъ былъ официальный титулъ этихъ двухъ добродѣтельныхъ стариковъ — не отчаявались спасти насъ, не смотря на неудачу своей первой попытки. Они написали другое прошеніе и отправили его въ судилище, называющееся *Шинфѣу-никорьянтѣу*, что по-китайски значитъ: *дѣланіе Теорца въспѣ въещей*. Верховный судъ этотъ, объ обширной власти котораго я уже говорилъ, включаетъ въ число своихъ обязанностей заботу наблюдать, чтобъ не обижали людей беззащитныхъ; а потому онъ всегда принимаетъ и рассматриваетъ со вниманіемъ апелліи слабыхъ, и въ особенности если онѣ подкрѣплены свидѣтельствомъ *защитниковъ несчастныхъ во славу Бога*, которые, какъ я уже сказавъ, пользуются величайшимъ уваженіемъ за свои добродѣтели.

Черезъ нѣсколько времени благодѣтели наши узнали, что чабъ получилъ повелѣніе: отослать немедленно въ Пекинъ девятерыхъ чужеземцевъ, чтобъ тамъ дѣло ихъ было рассмотрѣно судилищемъ главнаго *аймау*, для смягченія провнесеннаго надъ ними приговора.

Когда *защитники несчастныхъ* объявили намъ эту вѣсть, мы не знали, какъ выразить свою благодарность за такое участіе и со слезами говорили имъ, что Богъ вознаградитъ ихъ за это въ святомъ своемъ правосудіи; на что они отвѣчали: «А вы идите всегда путемъ, который Онъ уназываетъ, и тогда насладитесь плодами всѣхъ нашихъ трудовъ и испытаній.»

V.

Насъ посадили въ большую лантѣю вмѣстѣ съ тридцатью или сорока другими узниками, которыхъ также отправляли въ Пекинъ. Мы были скованы по трое, длинными цѣпями, прирѣпленными къ надѣтымъ на ноги каждому желѣзными кольцами.

За день до отплытія, пришли на лантѣю наши благодѣтели и, снабдивъ наиболѣе нуждавшихся пищею и одеждой, спросили насъ, не имѣемъ ли мы въ чемъ-нибудь надобности для предстоящаго путешествія. Мы отвѣчали, что просимъ ихъ объ одномъ: чтобъ они дали намъ письмо къ *таньюорамъ* святаго и могущественнаго братства, и просили ихъ пощадить насъ, потому что мы здѣсь такъ одиноки и беззащитны, что никто въ этой землѣ не знаетъ даже народа, отъ котораго мы происходимъ.

Они ободрили насъ добрыми словами, обѣщали исполнить нашу просьбу, дали на дорогу иѣшокъ риса, четыре таэла серебра и по одѣвалу на каждого, и потомъ особенно просили приставленнаго къ намъ *чифѣу*, то-есть, чиновника въ родѣ алькада, чтобъ онъ о насъ заботился и обходился съ нами хорошо. Послѣ этого они простились съ нами очень-ласково и возвратились въ тюремную больницу, а на слѣдую-

еще утро прислали обѣщанное письмо, запечатанное тремя зелеными печатями.

Вскорѣ мы отправились въ путь, но подвигались весьма-медленно, по причинѣ сильнаго теченія, противъ котораго намъ приходилось подниматься. Около солнечнаго заката мы бросили якорь противъ небольшой деревни Миньакутѣнъ, откуда былъ нашъ чифуу и гдѣ жила его жена и дѣти. Тамъ мы пробыли три дня, послѣ которыхъ чифуу посадилъ на лантѣю все свое семейство и мы тронулись далѣе, со множествомъ другихъ лодокъ, шедшихъ въ разные области и города обширнаго китайскаго государства.

Хотя мы были прикованы къ сканямъ лантѣи, на которой гребли, но глаза оставались свободными и смотрѣли съ удивленіемъ на чудные города, виллы, селенія и пагоды, расположенныя вдоль береговъ великолѣпной рѣки. Не смотря на то, что намъ удалось видѣть не очень-много, я говорю обо всемъ этомъ въ короткихъ словахъ и начву съ города Нанкина, изъ котораго мы отправились.

Огромный городъ этотъ, расположенный по берегамъ рѣки Батамшва, что на нашемъ языкѣ значить *цѣлыя рыбы*, находится на порядочномъ возвышеніи, по скату котораго разстилаются окружающія его поля. Климатъ въ немъ отъ-того нѣсколько прохладенъ, но очень здоровъ. Городъ имѣетъ въ окружности восемь лигъ, т. е. три въ длину и одну въ ширину. Большая часть домовъ въ одинъ или два этажа; но домы мандаринновъ одноэтажны, окружены оградами и канавками, черезъ которыя перекинуты красивые мосты, ведущіе къ воротамъ, устроеннымъ въ видѣ арокъ и украшеннымъ весьма-затѣйливо и съ большими надержками. Крыши ихъ также отдѣланы очень разнообразно и щеголевато, съ башенками и шпицами, такъ-что все зданіе представляется глазамъ въ превеличественномъ видѣ.

Домы чаюдовъ, аичасіевъ, айтадовъ, тутонговъ и чумбимовъ, людей знат-

ныхъ, управляющихъ областями и королевствами, отличаются прервысокими башнями въ шесть и семь этажей, съ раззолоченными верхушками: тамъ ихъ оружейныя, гардеробы, сокровища, кладовыя съ дорогими матеріалами и фарфорами, которые цѣнятся очень-высоко и которыхъ не вывозятъ за границу, ибо это запрещено подъ смертною казною.

Китайцы говорили намъ, что въ Нанкинѣ живетъ до восьмисотъ тысячъ человѣкъ, что тамъ двадцать-четыре-тысячи однихъ мандаринскихъ домовъ, шестьдесятъ-двѣ обширныя площади и сто-тридцать бойней, изъ которыхъ при каждой по восьмидесяти мясныхъ лавокъ; что въ городѣ считается восемь-тысячь улицъ, а изъ нихъ шестьсотъ лучшихъ украшены отъ одного конца до другаго богатѣйшими крученными и дѣвными рѣшетками. Они же увѣряли насъ, что въ Нанкинѣ двѣ тысячи триста пагодъ, изъ которыхъ тысяча въ родѣ нашихъ монастырей; что всѣ онѣ очень богаты и съ башнями, въ которыхъ по шестидесяти и семидесяти литыхъ и кованыхъ колоколовъ, звонящихъ такъ, что страшно слушать. Въ этомъ же городѣ, по ихъ рассказамъ, тридцать преобширныхъ тюремъ, изъ которыхъ въ каждой сидятъ тысячи по двѣ и по три преступниковъ, а при каждой тюрьмѣ есть по дому милосердія, гдѣ принимаютъ бѣдныхъ и лечатъ больныхъ; домы эти получаютъ большія добровольныя приношенія, имѣютъ каждый своихъ *зачинщиковъ несчастныхъ* и своихъ гражданскіе и уголовныя суды.

Всѣ улицы, гдѣ живутъ люди важные, имѣютъ арки у входовъ, съ воротами, которыя запираются на ночь, и въ большей части ихъ устроены фонтаны, снабженные отличною водою. Въ каждое новолуніе и полнолуніе здѣсь рыночныя дни, и тогда стекается отвсюду несметное множество народа и привозится немовѣрное количество всякаго провинія. Рыбы въ этой рѣкѣ ловятся также разнообразнаго множество, а кромѣ живой и свѣжей

здѣсь продается еще столько соленой и сушеной, что трудно составить себѣ понятіе. Китайцы говорили намъ, что въ здѣшнемъ городѣ считается десять тысячъ мастеровскихъ, гдѣ работаютъ шелковыя нѣдѣлія, которыя расходятся отсюда во всѣ концы государства.

Весь городъ окруженъ высокою и крѣпкою стѣною изъ тесанаго камня; въ ней продѣлано сто-тридцать воротъ для прохожихъ, а въ каждую ворота ведетъ мостъ черезъ ровъ. У воротъ стоятъ по два часовыхъ, съ сѣкирами, наблюдаютъ, кто входитъ въ городъ и кто выходитъ оттуда. Нанинъ записываетъ двѣнадцать крѣпостей, возвышенными на холмѣ нашихъ, на возвышенностяхъ, съ башнями, бастіонами и рвами, но безъ артиллеріи.

Намъ увѣрала также, что городъ этотъ даетъ своему государю по двѣ тысячи таловъ серебра ежедневнаго дохода. О дворцахъ я не скажу покуда мы слова, потому-что мы видѣли ихъ только издали и знали о нихъ только по рассказамъ Китайцевъ, конечно, не бывавшихъ внутри ихъ и наговорившихъ намъ столько чудеснаго, что мы не рѣшались положиться на ихъ слова; но въ послѣдствіи намъ удалось видѣть въ Пенангѣ образцы ихъ великолѣпія, которое таково, что я боюсь рассказывать, ибо люди, не видавшіе ничего, крокъ своего отечества, могутъ имъ не повѣрить.

Продолжая путь свой вверхъ по рѣкѣ, мы въ первые два дня не видали ни одного замѣчательнаго города, селенія и вдалія, а только встрѣчали множество расположенныхъ по берегу небольшихъ деревень, съ двумя и тремястами жителей. Судя по наружности ихъ домовъ, должно было заключить, что тамъ живутъ большей частью рыбаки и люди бѣдные, которые кормятся трудами рукъ своихъ.

Далѣе внутрь земли, сколько глаза наши могли рассмотреть, видѣлись обширныя строевыя лѣса, каштановыя и апельсиныя рощи, поля, засѣяныя рисомъ, мансомъ, рожью, овсомъ, ачичекомъ, льномъ, хлопчатогоу бумагой;

огороды со всякими овощами и сады, обведенные оградями, съ богатыми домами, вѣроятно, загородными жилищами мандариновъ и людей важныхъ. На лугахъ вдоль рѣки мы видѣли несметное множество рогатаго скота. На высотахъ холмовъ красовались храмы ихъ языческой секты, съ башенками, украшенными раззолоченною рѣзьбою, и такіе богатые и величественные, что даже издали поражали насъ удивленіемъ.

На четвертый день мы пришли къ большому городу Покассеру, который влаетъ обширнѣе Кантона и окруженъ крѣпкою стѣною изъ тесанаго камня, съ башнями и бастіонами, почти по нашему. Передъ городомъ, на рѣку, устроена пристань, длиною выстрѣла на два изъ фалконета, окруженная ступенями и желѣзными рѣшетками, съ входами для людей и мѣстами для загрузки и выгрузки лжонокъ и разныхъ судовъ, которыя постоянно занимаютъ отсюда разные нѣдѣліи и товары во всѣ концы Китая. На большой площадкѣ, надъ всѣмъ городомъ, возвышался укрѣпленный замокъ съ тремя бастіонами и пятью башнями, изъ которыхъ въ одной, по рассказамъ Китайцевъ, государь ихъ держалъ въ заточеніи татарскаго короля цѣлыхъ девять лѣтъ, пока его не отравили ядомъ собственные его подданные, сдѣлавшіе это для того, чтобъ не платить за него выкупа, котораго требовалъ отъ нихъ китайскій государь.

Въ этомъ городѣ чужю позволятъ тронуть изъ нашихъ пять проситъ милостыни, въ сопровожденіи четырехъ человекъ стражей, вооруженныхъ сѣкирами и исполняющихъ здѣсь обязанности полицейскихъ. Они невелика въ замочанныхъ въ цѣли, пять изъ были на лавкахъ, но шести или семи улицамъ, гдѣ намъ дали подаванія больше чѣмъ на двадцать крузодовъ, деньгами, платьемъ, масломъ, крупою, мукою и фруктами; мы подѣлились всѣмъ этимъ съ нашими просоматльми, ибо такъ заведено въ Китайѣ.

Послѣ того они повели насъ къ одной пагодѣ, гдѣ собралось очень-много народа, ибо въ тотъ день былъ по ихъ языческому обряду ея храмовой праздникъ. Намъ сказали, что пагода эта была прежде дворцомъ, въ которомъ родился дѣдъ теперешняго китайскаго государя; а какъ мать его умерла во время родовъ, то онъ велѣлъ похоронить и себя въ томъ самомъ покое, гдѣ она скончалась, и завіщалъ, чтобъ дворецъ былъ обращенъ въ храмъ языческой секты Таугинарель, къ которой принадлежатъ главные лица Китая, о чемъ я расскажу послѣ, когда буду говорить о тридцати-двухъ разныхъ вѣрахъ здѣшняго государства.

Все зданіе, со службами, садами, огородами, и всѣмъ, что заирается воротами, воздвигнуто какъ-будто на воздухъ, на трехъ-стахъ-шестидесяти столбахъ изъ цѣльнаго камня, толщиной съ бочку и вышиною въ двадцать-семь ладоней. Каждый столбъ имѣетъ въ храмѣ соответствующаго себѣ идола, котораго день празднуется разными жертвоприношеніями, раздачею милостыни, музыкой, звономъ въ колокола, плясками и другими знаками торжества; а каждый идолъ стоитъ подъ богатымъ балдахномъ и имѣетъ по тяжелой серебряной лампадѣ.

Внизу, проходы между столбами составляютъ восемь улицъ, вдоль которыхъ тянутся мѣдныя рѣшетки, съ воротами для поклонниковъ, стекающихъ сюда на эти торжества. Мѣсто, гдѣ погребена государыня, устроено въ видѣ часовни, выложенной серебромъ сверху до низу, и оглянннй такъ вычурно, что работа стоитъ вѣрно дороже матеріала. Въ серединѣ ея стоитъ круглое подножіе, окруженное шестью серебряными ступенями съ незолочеными гвоздями, а на немъ большое яблоко, на которомъ серебряный левъ, держащій на головѣ золотой ящикъ въ три ладони по всѣмъ размѣреніямъ: говорятъ, что въ этомъ ящикѣ хранятся кости покойницы, которыми эти жезлующіе слѣпцы по-

кланяются какъ святымъ мощамъ. Вокругъ этого монумента, на серебряныхъ подставкахъ, утверждены серебряный же пруть, съ котораго висятъ сорокъ-три серебряныя лампы да семь золотыхъ: число первыхъ соответствуетъ лѣтамъ государыни, а вторыхъ числу ея сыновей, ибо говорятъ, что она родила ихъ семерыхъ.

Отъ свода, которымъ вклатъ въ эту часовню, и до главнаго ея жертвенника, на восьми прутьяхъ, повѣшено двѣсти - пятьдесятъ - три серебряныя лампы, большія и прерботой работы, которыя поднесены въ память царицы женами знатнѣйшихъ въ государствѣ людей, т. е. чамоновъ, айтаовъ, тунгоговъ и анчасіевъ. Отъ наружныхъ воротъ всего зданія, которое не меньше церкви Сен-Доминго въ Лиссабонѣ, тянется вокругъ него шесть рядовъ истукановъ, вылитыхъ изъ мѣди, вышиною ладоней (*) въ пятнадцать; всѣ они сдѣланы очень пропорціонально и каждый держитъ или сѣкнру или паллицу, а у некоторыхъ привѣшены къ бедру топоры. Всѣ эти истуканы, которыхъ по словамъ Китайцевъ тысяча-двѣсти, поражали насъ удивленіемъ.

Между рядами статуй поставлено двадцать-четыре огромныхъ мѣди, также изъ литой мѣди, а на каждомъ было посажено по женской фигурѣ съ мечомъ въ рукѣ и серебряною короной на головѣ. По наружную сторону всей этой тѣмы истукановъ были ряды арокъ, раззолоченныхъ превеликолѣпно, съ безчисленными множествомъ серебряныхъ колокольчиковъ, подвѣшенныхъ на цѣпочкахъ: всѣ они звонили тогда, качаемые вѣтромъ, и производили страшный шумъ.

За арками, вокругъ всего зданія сваружи, была мѣдная рѣшетка, у-

(*) *Palmo*—португальская мѣра длины, восемь дюймовъ, распостертая ладонь, равняется почти нашей четверти и ограничивается въ простонародѣ большими пальцемъ и мизинцемъ.

вержденная на такихъ же столбахъ; а на каждомъ столбѣ стояло по льву на шарѣ — это гербъ китайскихъ государствъ. На четырехъ углахъ площади, на которой возвышалось это удивительное зданіе, были видны чудовища огромныхъ размѣровъ и самаго дьявольскаго безобразія, какое только человѣкъ можетъ себѣ вообразить. Одинъ изъ этихъ уродовъ стоялъ по правую сторону отъ входа и Китайцы говорили, что онъ изображаетъ пожирающаго змѣя, живущаго въ бездонной глубинѣ обиталища вѣчнаго дыма, т. е. самого Люцифера: то былъ змѣй съ семью страшными головами, весь покрытый колючками, какія у дикобразовъ; въ пасти каждой головы было по женской фигурѣ, съ растрепанными волосами, какъ-будто перелушенной пополамъ, а во рту самой большой головы, походившемъ на ворота, была у него преогромная ящерица. Въ лапахъ своихъ онъ держалъ слона, котораго стиснулъ такъ, что у него кишки выходили изъ рта. Все это было изображено хорошо и такъ натурально, что всѣ мы невольно трепетали.

За хвостомъ его, тянувшимся сажень на двадцать, стояло на когѣняхъ другое чудовище, такое же ужасное и уродливое; оно имѣло видъ человѣчскій, ладоней ста въ вышину—Китайцы говорили, что оно изображаетъ сына перваго и называется Туркампардо. У него обѣ руки были вступы въ ротъ необъятной величины, въ которомъ видѣлись ряды острокопечныхъ зубовъ; а языкъ, длиною сажени въ двѣ, болтался снаружи.

Третье чудовище была женская фигура, по имени Надельгау, ростомъ сажень въ семнадцать, да въ обхватъ сажень въ шесть. Лицо ея, выходившее изъ пояса, имѣло сажени двѣ въ ширину; изъ ноздрей ея безпрестанно выходилъ дымъ, а изъ рта сыпались искры: все это было натурально, ибо по рассказамъ Китайцевъ внутри головы безпрестанно поддерживаютъ огонь. Фигура эта изображала царицу

T. LIV. — Отд. VIII.

огненнаго царства, которая современно сожжетъ всю землю.

Четвертое чудовище имѣло видъ челоука на корточкахъ, съ раздутыми страшнѣйшимъ образомъ щеками, такъ-что каждая походила на парусъ, наполненный крѣпкимъ вѣтромъ; оно было также необычайной величины и также самаго ужаснаго вида. Китайцы называли его Увангуенабдо, что означаетъ существо, которое въ морѣ производитъ буря, а на землѣ разрушаетъ дома. Народъ старается уклонить его богатыми приношеніями, чтобъ оно только не дѣлало зла, и всѣ хлопочутъ о томъ, какъ-бы записаться въ его собраты, съ платою ежегодной подати, надѣясь черезъ это спасти отъ крушенія свои суда и отъ смерти тѣхъ, кто плаваютъ по морямъ. Вообще, въ несчастной и безумной слѣпотѣ своей, люди эти дѣлаютъ столько разныхъ нещепостей, что жалко подумать, и въ каждую изъ басенъ своихъ жрецовъ они вѣруютъ съ такимъ упорствомъ, что готовы претерпѣть тысячу смертей скорѣе, чѣмъ отказаться отъ своего ложнаго убѣжденія.

VI.

Мы вышли на слѣдующее утро изъ города Покассера и прибыли въ другой, по имени Шинлигау, также очень-обширный, богатый и съ важными зданіями. Продолжая идти далѣе, мы прибыли на другой день, около вечера, къ обширнымъ лугамъ, на которыхъ паслось несметное множество рогатаго скота и лошадей. Миновавъ ихъ, мы очутились передъ ивѣстечкомъ Жункилеу, окруженнымъ сложенною изъ кирпича оградой, съ контфорсами, но безъ зубцовъ, бастіоновъ и башенъ, какъ у другихъ, мимо которыхъ мы проходили. На концѣ предмѣстія его, на самой рѣкѣ, мы увидѣли выстроенныя на толстыхъ деревянныхъ сваяхъ дома, уже очень-ветхія и поврежденные, въ родѣ магазиновъ; а передъ воротами, на небольшой пло-

щадѣ, возвышавшая монументъ, окруженный желѣзною рѣшеткой, раскрашенною зеленымъ и малиновымъ. Вершина монумента состояла изъ башенки со шпигонъ, выложеннымъ бѣлыми и черными фарфоровыми квадратиками, утвержденной на четырехъ столбикахъ изъ полированного камня, отлично отшлифованныхъ. Тутъ же были поставлены пять мѣдныхъ пушечныхъ да двѣ чугунныя, а спереди видѣлась надпись золотыми буквами: «Здѣсь поконится Транносемъ Муделіаръ, дядя государя малаккискаго, котораго смерть ввѣла прежде, чѣмъ Богъ отомстилъ за него военачальнику Альбукерку, льву морскихъ разбоевъ.»

Мы испугались этой надписи и спросили, что бы это значило? Тогда одинъ изъ Китайцевъ, по-видимому чело-вѣкъ очень почтенный, отвѣчалъ: «Похороненный здѣсь покойникъ пришелъ сюда сорокъ лѣтъ тому назадъ, посланникомъ отъ одного государя, котораго онъ называлъ малаккскимъ, просить у Сына Солнца защиты противъ людей безъименной земли, пришедшихъ съ конца свѣта по морю и завоевавшихъ Малакку. Онъ рассказывалъ о нихъ много страшныхъ подробностей, которые всѣ записаны въ книгу, составленную нарочно для этого. Пробывъ три года при дворѣ Сына Солнца, котораго онъ умолялъ о защитѣ и пособіи, уже обѣщанныхъ ему чабнами правительства, онъ вдругъ заболѣлъ простудою и умеръ черезъ девять дней. Опасаясь вѣроятно, что послѣ его смерти забудутъ о немъ и о цѣли его посольства, онъ просилъ, чтобъ надъ его могилою была эта надпись, дабы люди знали до конца свѣта кто онъ былъ и зачѣмъ сюда пріѣхалъ.»

Отсюда мы отправились далѣе и все продолжали подниматься по рѣкѣ, которая здѣсь не такъ широка, какъ у города Нанкина, но за то страна была убога гораздо-большинство че-

словъ деревень и загородныхъ до-мовъ, ибо намъ безпрестанно попада-лись то домы, то селенія, то пагоды, то земледѣльцы или работники.

Пройдя еще лиги двѣ, мы очути-лись у обширной площади, окружен-ной толстою желѣзною рѣшеткой, во-среди которой стояли на ногахъ двѣ огромныя статуи изъ литой мѣди: од-на мужская фигура, а другая женская; прислоненныя къ чугуннымъ столбамъ толщиною съ бочку и вышиною съ жень въ семь. Оба эти чудовища бы-ли ростомъ въ семьдесятъ-четыре ладо-ни, съ обѣими руками во рту, съ раз-дутыми щеками, какъ-будто онѣ гото-вились треснуть, и съ выпученными страшнѣйшимъ образомъ глазами.

Китайцы объяснили намъ, что имя мужской фигуры Кзіанъ Шингалаторъ, а женской Апанканатуръ, что муж-ская изображала раздвигателя адскаго пламени, въ которомъ терзаются души, не давашія имъ въ этой жизни ника-кихъ приношеній; а женская была привратницею ада и позволила ду-шамъ усердныхъ и тароватыхъ сво-ихъ поклонниковъ спастись по рѣкѣ очень-холодной воды, называвшейся Очилеудай, и прятаться въ такое мѣ-сто, гдѣ черти не могли сдѣлать имъ никакого зла.

Одинъ изъ нашихъ не могъ удер-жаться отъ смѣха, слушая такія не-обычайныя нечѣлости, обнаружива-шія самую дьявольскую слабостъ, чѣмъ трое изъ присутствовавшихъ тутъ бо-говъ или жрецовъ были въбѣшены до крайности. Они внушили чифу мыслъ, что если онъ не накажетъ насъ за та-кое святотатство такъ, чтобъ божества ихъ остались довольны, то собствен-ная душа его будетъ вѣчно терзаться въ аду въ самыхъ нестерпимыхъ му-кахъ. Эта чиновная собака до того струсила отъ ихъ угрозъ, что вслѣдствіи сейчасъ же связать всѣмъ намъ руки и ноги, и отсыпая каждому богу ста ударовъ сложенными вдвое варѣ-

нами, отъ чего бѣдныя наши тѣла были залиты кровью, и мы на будущее время потеряли всякую охоту смѣяться надъ тѣмъ, что намъ казалось глупымъ и нелѣпымъ.

Когда мы туда пришли, двѣнадцать жрецовъ жгли въ серебряныхъ кадильцахъ разные куренія передъ этими чудовищными истуканами, и кричали въ громкихъ, нескладныхъ голосахъ: «Помогите намъ, какъ вы намъ теперь служите!» А на эти слова отвѣчала другая толпа жрецовъ, такими же громкими криками: «Объщаемъ, какъ добрые владыки!» Такимъ-образомъ они ходили въ родѣ процессіи около часа съ длинными восклицаніями, при страшномъ звонѣ въ колокола, подвѣшенные въ колокольняхъ тутъ же на площади, и при безпрестанныхъ ударахъ въ скороды и барабаны, которые производили самый оглушительный шумъ.

Отсюда мы продолжали подниматься по рѣкѣ еще одиннадцать дней. Въ этихъ мѣстахъ мы видѣли такое множество городовъ, селеній, деревень, домовъ, крѣпостей и замковъ, что очень-часто они были не дальше, какъ на выстрѣлъ изъ лука одинъ отъ другаго. По всей землѣ, сколько глаза наши могли видѣть, были разсыпаны въ большомъ изобиліи великолѣпныя загородныя дома, жилища и пагоды, съ раззолоченными башенками и разными богатыми украшениями.

Такимъ-образомъ прибыли мы въ городъ Сампитай, гдѣ болѣзнь жены чифу продержала насъ пять дней. Тамъ, съ его позволенія, мы пошли подъ конвоемъ просить милостыни по улицамъ города и всегда получали отъ жителей богатое подаваніе. Они не могли надивиться, вида людей, какихъ прежде никогда не встрѣчали, окружали насъ цѣлыми толпами и спрашивали кто мы такіе, изъ какого царства и какъ называется наша земля? на что мы отвѣчали какъ и до

всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ намъ приходилось отвѣчать на вопросы этого рода.

Одна женщина, слушавшая насъ въ числѣ прочихъ, сказала: «Нѣчего удивляться, что люди, которые плаваютъ по морю, терпятъ на немъ бѣдствія и гибнутъ въ его предательскихъ водахъ; а потому, друзья мои, лучше всего жить на землѣ и работать на ней для своего пропитанія». Послѣ этого, подавъ намъ милостыню, она премного убѣждала насъ, чтобы мы отказались отъ длинныхъ и опасныхъ странствій, гдѣ Богъ сокращаетъ жизнь людей; наконецъ, засучивъ рукавъ своего краснаго шелковаго платья, она обнажила руку и показала очень-хорошо изображенный крестъ, вытравленный на ней въ родѣ знаковъ, какіе магры рисуютъ на своихъ тѣлахъ.

Сдѣлавъ это, она сказала намъ: «Не извѣстенъ ли вамъ по какому-нибудь случаю такой знакъ, который люди истинной вѣры называютъ крестомъ? Мы всѣ, тронутые до слезъ, равномъ преклонили колѣни и отвѣчали, что да. Она вскрикнула и, поднявъ руки къ небу, произнесла громко на португальскомъ языкѣ начало молитвы. «Отче вашъ», а потомъ снова заговорила по-китайски, какъ-будто не зная на нашемъ языкѣ ничего, кромѣ этихъ словъ молитвы, и упрашивала насъ убѣдительно сказать ей не христіане ли мы? Всѣ мы отвѣчали утвердительно, поцаловали изображенный на рукѣ ея крестъ и договорили начатую ею молитву.

Убѣдившись тогда вполне, что мы христіане, она заплакала и хотѣла вести насъ къ себѣ въ домъ, но этому воспротивились наши конвойные, говоря, что чифу позволилъ намъ только просить милостыни въ городѣ, и что если мы не намѣрены продолжать, то они отведутъ насъ назадъ на лантѣю: они дѣлали это изъ корысти, ибо брали себѣ половину того подаванія, ко-

торое мы собирали, какъ я уже говорилъ выше. Женина повела ихъ мысль какъ-нельзя-лучше, дала имъ два таала серебра, и потомъ, съ позволенія чифуу, котораго жени она послала хорошій подарокъ, звела насъ къ себѣ и мы прожили въ ея домѣ всѣ пять дней пребыванія нашего здѣсь, и были угощаемы съ величайшимъ радушіемъ и самою вѣжною заботливостью.

Она показала намъ въ домѣ своемъ моленную, гдѣ стоялъ деревянный поволоченный крестъ, передъ которымъ теплилась серебряная лампада и стояли серебряные подсвѣчники, и рассказала намъ свою исторію. Имя ея было Инессъ де-Лейрія, а отца ее звали Томѣ Пиресаме де-Лейрія. Онъ былъ отправленъ изъ нашего королевства къ китайскому государю, но по случаю сдѣланнаго въ то время Португальцами нападенія на Кантонъ, его схватили вмѣстѣ съ двѣнадцатю сопровождавшими челоуѣками, воображивъ, что онъ шпионъ, а не посланникъ. Всѣхъ ихъ отхлестали по судебному приговору плетью такъ немилосердо, что плетеро умерли на мѣстѣ, а остальныхъ рассажали въ тюрьмы по разнымъ родамъ, гдѣ перемерли всѣ, кромѣ ея отца и какого-то Васко Кальво.

Отцу ея было суждено жениться въ Китаѣ на ея матери, которую онъ обратилъ въ христіанство и съ которою прожилъ двадцать-семь лѣтъ въ добромъ согласіи. Они обратили къ вѣрѣ Христовой множество язычниковъ, такъ-что въ одномъ этомъ городѣ считалось около трехъ-сотъ христіанъ, которые собирались по воскресеньямъ въ ея домъ для слушанія ученія вѣры.

На вопросъ насъ, что они говорили или читали, она отвѣчала, что они, собравшись, становились на колѣни передъ ея крестомъ и произносили всѣ вмѣстѣ, воздвѣвъ руки и взоры къ небу: «Господи Іисусе Христе, истинный сынъ Бога, родившійся Святымъ Ду-

хомъ во чревѣ святой Маріи для спасенія грѣшниковъ! прости намъ грѣхи наши, дабы мы удостоились узрѣть лицо твое, во славу твоего царства, когда Ты будешь возсѣдать по правую руку Отца Всевышняго. Отче нашъ на небесахъ, да святится имя Твое. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!» Послѣ этого всѣ они прикладывались ко кресту, обнимали другъ друга и расходились по домамъ. По словамъ Инессы де-Лейрія, между вѣдшими христіанами никогда не бываетъ ни ссоръ, ни раздоровъ и всѣ они живутъ въ тѣсной дружбѣ между собою.

Инессъ де-Лейрія сказала намъ между прочимъ, что у нея были другія писанныя молитвы, но что ихъ украли Китайцы, почему Крестовао Борральйо продиктовалъ вѣдшимъ христіанамъ: *Pater Noster* всѣ, *Ave Maria*, *Credo*, *Salva Regina*, Десять Заповѣдей и разныя хорошія молитвы, которыхъ смыслъ объяснилъ имъ, а они нацѣпили ихъ для себя китайскими буквами. Живя здѣсь, мы читали имъ семь разъ христіанскія поученія и, наконецъ, распростились съ ними и съ Инессою де-Лейрія, которая жила истинною христіанкой, сколько мы могли видѣть.

Отъ вѣдшихъ христіанъ мы получили пятьдесятъ тааловъ подаянія, да кромѣ того Инессъ де-Лейрія дала намъ отъ себя столько же, втайнѣ отъ всѣхъ, и деньги эти пригодились намъ въ путешествіи какъ-нельзя-болше. Разлучаясь съ нами, она просила, чтобы мы не забывали ея въ своихъ молитвахъ и мы разстались со слезами на глазахъ.

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ:

Статья четвертая.

Городъ Томскъ. — Мѣха. — Чан. — Палы.—Ачинскъ. — Миусинскъ. — Каратузъ.—Иородцы.—Народы татарскіе. — Преданіе о Якутахъ. — Самоды. — Остяки. — Калмыки и ихъ бытъ. — Дзюпгорскіе двояданды.—Монголы.—Буряты ихъ бытъ. — Тунгусы. — Князь Гантшуръ. — Бытъ бродячихъ Тунгусовъ. — Алтайскіе каменщики. — Шаманъ. — Инокорніе инокорцевъ, ихъ раздѣленіе и права. — Распространеніе христіанства. — Чудскіе города. — Развалины. — Надписи. — Копи. — Курганы.—Пещеры.—Минеральныя воды.

Городъ Томскъ, основанный, какъ уже замѣчено, въ 1604 году, во времена Петра-Великаго, виѣщалъ въ себѣ около двухъ съ половиною тысячъ жителей (1); въ 1840 году въ немъ считалось до 12,000 жителей (2); нынѣ же, особенно въ зимнее время, когда въ Томскъ съѣзжаются золотопромышленники, ихъ управляющіе и прикащики и возвращаются холившіе на приски въ работу здѣшніе мѣщане, — общее число жителей города Томска, не исключая городовыхъ казаковъ и войсковыхъ чиновъ, можно положить до 20,000 душъ. Въ Томскѣ есть гимназія съ пансіономъ, три уѣздныя и два приходскія училища. Въ нихъ воспитывается круглымъ числомъ въ годъ до 350 учениковъ (3). Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобъ просвѣщеніе тихо подвигалось впередъ: это доказываетъ только родительскую слабость, неохоту развѣстать-

ся съ дѣтствомъ, котораго съ малыхъ лѣтъ приучаютъ быть практически-полезнымъ отцу на поприщѣ его промышленныхъ занятій. Но вообще говоря, грамотность въ Сибири сильна; даже въ деревняхъ, въ крестьянскомъ сословіи, первая забота отцовъ о томъ, чтобъ ихъ дѣти, особенно мальчики, непременно знали грамоту и цифирь, необходимую при всѣхъ расчетахъ; въ этомъ отношеніи, Сибиряковъ можно раздѣлить на умѣющихъ читать и писать, на умѣющихъ разбирать только церковную печать и на знающихъ одиѣ цифры и незнающихъ грамоты.

Во всей Сибири городъ Томскъ славится своимъ дѣтскимъ пріютомъ, устроеннымъ здѣсь на капиталъ, пожертвованный д. с. с. Ал. Ст. Завилейскою и содержимымъ щедрыми и весьма-значительными приношеніями попечительницы пріюта, кол. сов. Ал. Пав. Асташевой. Пріютъ этотъ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ просвѣщенной смотрительницы Кат. Ив. Ревскъ и наблюденіемъ попечительницы, поставленъ на такую степень совершенства, управляется съ такою любовью и заботами объ укорененіи въ сердцахъ юныхъ питомцевъ правилъ строгой нравственности и пріобрѣлъ такое довѣріе отцовъ и матерей семейства, что родители съ весьма-достаточнымъ, даже богатымъ состояніемъ изъ Барнаула, Омска и другихъ городовъ, добиваются изъ всѣхъ силъ чести помѣстятъ туда дѣтей своихъ.

Томскъ имѣетъ свой банкъ, подъ названіемъ Общественнаго Сибирскаго Банка, и ссужаетъ своими капиталами преимущественно золотопромышленниковъ, которые, не смотря на разлившееся всюду богатство, очень-часто пугаются въ деньгахъ... Это съ перваго раза должно показаться страннымъ, особенно, когда со всѣхъ сторонъ поминутно слышишь и даже самъ видишь, что въ Сибири деньги ни почемъ, и капиталъ въ десять тысячъ рублей серебромъ не считается деньгами. Деньги дѣйствительно ни почемъ въ Сибири — въ слѣдствіе всеобщаго на-

(1) П. С. З. Р. И. № 3380.

Просвѣщенія 1843, № 2.

(2) Журналъ Министерства Народнаго

(3) Отчеты г. министра народнаго просвѣщенія за 1843, 1844 и 1845 года.

правленія золотопромышленниковъ представить на своемъ и во что бы ни стало приобрести все необходимое для разработки приисковъ, приносящихъ двѣсти-триста процентовъ. Но деньги не всегда могутъ быть въ наличности, особенно если взять во вниманіе незапасливость, неравсчитливость и наглость на авось. Золотопромышленникъ сдѣлаетъ свое золото въ концѣ золотопромышленнаго года, начинающагося съ перваго числа октября, и сдѣлаетъ его въ Барнауль; естественное дѣло, что онъ не можетъ въ ту же минуту получить за него деньги, выдающіяся изъ Санктпетербургскаго Монетнаго Двора: онъ долженъ необходимо ждать, пока это золото прійдетъ въ Петербургъ и пока тамъ произведутъ ему контр-пробу для того, чтобъ сдѣлать правильную повѣрку—сколько въ принадлежащемъ промышленнику золотѣ заключается чистаго золота, сколько серебра и сколько другихъ примѣсей и за тѣмъ произвести точный расчетъ, какая ему слѣдуетъ въ выдачу сумма денегъ, за вычетомъ податей и другихъ расходовъ. Эта операція продолжается нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, считая тутъ и дорогу и вспоминая, что контр-пробѣ въ Петербургѣ должны подвергнуться нѣсколько сотъ слитковъ, въ которые обращено рассыпное золото еще въ Барнауль. А между-тѣмъ, съ первыхъ чиселъ сентября золотопромышленнику крайне нужны деньги: онъ долженъ сдѣлать 10-го сентября окончательный расчетъ своимъ рабочимъ за ихъ труды, чтобъ ни одному изъ нихъ не остаться должнымъ ни копейки иначе никто не пойдетъ къ нему въ работу, или, можетъ случиться, обнаружится даже общее неудовольствіе и бунтъ. После 10-го сентября золотопромышленникъ долженъ раздать зачатки тѣмъ, кого онъ найметъ въ работы на будущее лѣто: пропустишь удобное время — останешься безъ рабочихъ. Въ это же время должно закупить провіантъ и фуражъ для будущихъ операцій, раздать часть суммъ и употребить ихъ

на прочія закупки. Въ этихъ предварительныхъ занятіяхъ проходитъ вся осень, и виною все должно быть доставлено на прииски. Тутъ деньгами нуждается каждый: и беззаботный и стѣпный золотопромышленникъ, и управляющій какой-нибудь компаніи, котораго петербургскіе дозвѣрители не снабдили своевременно денежными средствами. Каждый готовъ дать какіе-угодно проценты, чтобъ только совершенно обезпечить себя въ своихъ операціяхъ. Поэтому всѣ и хлопочутъ заблаговременно заложить кнѣжанцію на сплавленное въ Барнауль золото въ Общественомъ Сибирскомъ Банкѣ, чтобъ избѣжать потерн времени при пересылкѣ его для залога въ Коммерческомъ Банкѣ въ Санктпетербургѣ, впрелъ до полной уплаты суммъ за золото изъ Монетнаго-Двора. Кому деньги слишкомъ къ-спѣху — тотъ во неволѣ долженъ обратиться къ ростовщикамъ, которые удатъ подобныя рыбокъ и прославляютъ свое саваніе, а оно, какъ извѣстно, прибылнѣе всякихъ золотыхъ росышей: ни гмалейскихъ повинностей, ни другихъ податей, ни риску — ничего тутъ не нужно; одни только чистые барыши.

Томскъ состоитъ изъ трехъ частей: Татарской-Слободы при въпадѣ въ городъ: это предмѣстіе Томска; высшій классъ населенія живетъ на той сторонѣ рѣчки Ушайки, на которой господствуетъ возвышенность, именуемая названіемъ Юрточной-Горы. Здѣсь, въ недавнѣе еще время, была густая роща, которой слѣды видны только около мужскаго монастыря съ одного края и противъ званія присутственныхъ мѣстъ съ другаго. На Юрточной-Горѣ поселился цѣвъ всего Томска. Квартиры здѣсь очень дороги и за одну комнату съ приличными перегородками и со службами берутъ по 15 р. с. въ мѣсяць. Прочіе жители и торгующее сословіе живутъ на противоположномъ берегу Ушайки, остающомъ высочайшею Воскресенскою-Горой на въпадѣ въ Красноярскъ. Въ этой части города помѣщаются два гостинные двора, ка-

менный и деревянный, уцѣлѣвшіе отъ пожара, и нѣсколько площадей. На главной же площади былъ устроенъ олимпийскій цркъ, котораго наѣздники и наѣздицы, въ дни представленій, разѣзжали по городу въ костюмахъ дикихъ Индійцевъ, при звукахъ двухъ провзительно-вывшихъ трубъ.

Въ этомъ городѣ сильное вниманіе заѣзжаго человѣка обращаютъ на себя грубые нищіе; цѣлое утро они ходятъ по городу, громко стуча въ окна нижнихъ этажей и съ крупной бранью отходя отъ домовъ, обыватели которыхъ глухи къ прошешіямъ этихъ тунѣдцевъ, сильныхъ и здоровыхъ, но пренебрегающихъ трудами и работой. — Въ Томскѣ много Татаръ и Башкировъ; они развозятъ по домамъ для продажи нзкіе сорта чаевъ, дурные халаты, равные ковры, моржанъ или корольки, ожерелья изъ китайскаго мрамора, и продаютъ всѣ эти рѣдкости въ десять разъ дешевле запрошенной сначала цѣны. — Татарки занимаютъ исправленіемъ нѣкоторыхъ медицинскихъ операцій и славятся искусствомъ приставлять пивка. — Здѣшнія торговки, исправляющія должностъ вѣстовницъ, свазъ и комиссіонершъ по разворолнымъ порученіямъ, промышленноу прешуцественно промѣномъ чепчиковъ на бѣличьи мѣха и цвѣточнаго чая на башмаки и другія мелочи, и продажею китайскихъ матерій фавзы, чучунчи и кавфы. Фавза и чучунча идутъ иногда на бѣлье охотникамъ до шелкового бѣлья, что сравнительно стоитъ гораздо дороже голландскаго полотна, которое тамъ въ рѣдкость; канфа же, или китайскій атласъ, изъ куска котораго выходатъ два салона, далеко уступаетъ въ превосходствѣ хорошему атласу нашихъ фабрикъ и скоро сѣчется. — Томскія мѣщанки-дѣвушки имѣютъ обыкновеніе, ила въ храмъ Божій, распускать волосы по плечамъ, не заплетая ихъ въ косы, и покрывать голову маленькимъ платочкомъ; по вечерамъ въ хорошую погоду онѣ собираются группами у воротъ пріятельскихъ домовъ и безъ умолку *ревутъ*,

или, по-нашему, расцѣляютъ разные пѣсни. — Евреевъ въ Томскѣ довольно; но почти всѣ они заняты постоянными трудами и занимаютса ремеслами, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ работа *дрои* — общепотребительнаго по всей Сибири экипажа, въ родѣ нашихъ старинныхъ ливеекъ, донынѣ употребляемыхъ въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ помещиковъ. У него ходъ тарантаса, то-есть, двѣ оси, передняя и задняя, соединенныя между собой пятью длинными *валчѣлами*, или длинными и толстыми березовыми шестами; на эту свазъ прикрѣпляется дрожечный кузовъ, продолженный до безконечности, отъ задней оси до передней, аршина на четыре. На этихъ дрогахъ можетъ спокойно умѣститься до двѣнадцати человѣкъ сѣдоковъ. — Здѣшніе обязательные торговцы, по полученіи новыхъ транспортъ съ ирбитской ярмарки, дарятъ своихъ постоянныхъ и значительныхъ покупателей дорогими въ Томскѣ гостинцами — морожеными аблокками и лимонами, сморщенными и гнилыми грушами, затвердѣлыми московскими сайками и сухарями, а иногда, какъ самую драгоценною рѣдкостью — кислыми апельсинами. — Въ Томскѣ замѣчательны также, въ аристократической части города, лущаки изъ гостиницъ, содержимая старыми петербургскимъ закомцемъ, Албиносомъ, и иностранная *мамзель* французскихъ винъ изъ Казани, женевскихъ часовъ изъ Петербурга, парижскихъ бровъ изъ Москвы, англійскихъ пальто изъ Риги, браунльскихъ брильянтовъ изъ Варшавы и разныхъ нѣмецкихъ хитростей — г. Фохта.

Зданія, замѣчательныя въ Томскѣ по своей красотѣ, на Юрточной-Горѣ, новый соборъ, еще не конченный вчернѣ, огромный домъ присутственныхъ мѣстъ, дома съ садами и оранжереями гг. Асташова и Горохова, обладающаго богатою коллекціею китайскихъ рѣдкостей; на противоположной сторонѣ рѣки Ушайки домъ градскаго общества и нѣсколько де-

мось наслѣдниковъ купца Неупокоева. Эта часть много пострадала отъ пожара, бывшаго въ Томскѣ въ 1845 году, 17-го іюня, и истребившаго семь кварталовъ по направленію рѣки Томи; но въ томъ же году она начала вновь обстроиваться, когда погорѣлые жители были обрадованы августѣйшею помощію Государя. Посланный отъ Его Величества съ капиталами курьеръ въ двѣ недѣли, если еще не менѣе, явился изъ Петербурга въ Томскъ, проскакавъ четыре тысячи съ половиною верстъ.—На Воскресенской-Горѣ замѣчательны по своей архитектурѣ православная церковь, католическій костѣлъ, въ которомъ священники въ прежніе годы были іезуиты, и домъ конторы золотопромышленника камергера и командора Бекетова, обладавшаго въ томскомъ округѣ весьма-большимъ числомъ присковокъ, приобрѣтшихъ извѣстность наружными богатствами и извѣстностью амбаровъ и жилыхъ домовъ.

Находясь, такъ-сказать, въ сердцѣ Сибири подумаешь, что тутъ очень-легко зацѣпиться мѣхами для себя или для знакомыхъ. Однакожъ, нѣтъ: въ Томскѣ мѣховъ не достанешь; есть мѣха въ Сибири, но вовсе не такіе, какихъ бы желалось. *Яраки*, нѣчто въ родѣ халата, выдѣлываемые изъ коневой шкуры, привозятся сюда изъ Кавани и носятя одними лакеями, и то когда нѣтъ морозовъ. *Дахи*, или шубы изъ выдѣланной шкуры дикой козы, лося или *сохатаю*, какъ ихъ здѣсь называютъ, шерстью вверхъ и безъ подкладки, очень-теплы въ самые сильные морозы; но ихъ носитъ только простой народъ, извозники, и притомъ, съ ними должно обращаться очень-бережно: снимать на холодѣ и прятать подалеже отъ сырости и тепла, а не то шерсть выльзетъ, и шуба пропадетъ. Бѣличьи мѣха идутъ подъ мужскіе халаты и подъ шубы небогатыхъ людей; мѣхомъ бурундука обшиваютъ женскія кацавейки, которыя въ Сибири не выходятъ изъ моды; но

въ этомъ мѣхѣ теня никакого нѣтъ. Овчинъ, заячьихъ и волчьихъ мѣховъ, и безъ Сибири везлѣ много; медвѣжьи шубы не красивы, да ихъ мало и видно. Въ тайгѣ медвѣдь часто попадается, но его на прискахъ не бьютъ: во время похода по лѣсу, дай-Богъ, чтобъ незванный гость самъ не тронулъ, а то гдѣ съ нимъ справиться! Часто ружья нѣтъ у путника, а иногда и есть оно, да черезъ пять человекъ у шестаго, и то или вовсе не заряжено, или заряжено дробью, или пистона не надѣто, а еще чаще—храбреца на медвѣда не найдетъ сразиться съ нимъ на узенькой таѣжной дорогѣ, гдѣ двоимъ рядомъ не проѣхать. Во время присковокъ работъ—прискателямъ не до медвѣда. Случается, что онъ и на прискѣ пожалуетъ, и ховашскую лошада или рогатую скотину *испортитъ* въ то время, когда они пасутся не въ дальнемъ отъ приска разстояніи, а все-таки хованинъ приска не рѣшится отправить людей для наказанія нарушителя общественнаго спокойствія, потому что всякій золотопромышленникъ дорожитъ каждымъ рабочимъ въ отношеніи какой-нибудь филантропической идеи, а въ томъ расчетѣ, что рабочіе и на охотѣ, и на работѣ ѣдятъ одинаково-сытно, а въ продолженіе того времени, пока они съищутъ медвѣда и, Богъ-вѣсть, убьютъ ли еще его,—они наработаются вдоволь и добудутъ столько золота, чего и не стоить медвѣдь со всѣми его предками и потомками. Мало теперь Сибиряковъ, которые встарину, съ одной рогативой, одни, безъ помощниковъ, вступали съ медвѣдомъ въ рукопашную: это ужъ не прежній народъ, но храбрые удалцы, а люди положительныя, ищущіе чего-нибудь существеннаго! Теперь почти одни ивородцы ловятъ пушныхъ звѣрей, преимущественно соболя, бѣлку и лисицу. Но и соболь, и бѣлка, и лисица далеко удалались отъ жилищъ человѣческихъ; лѣсные пожары и шумъ отъ работъ на золотыхъ прискахъ и цонсковыя партіи золотопромысле-

шниковъ годъ-отъ-году прогоняють звѣр-
ря дальше и дальше. Однакожь, пуш-
ные звѣри ловятся и теперь ясачными;
но этихъ промышленниковъ стерегутъ
купцы, которые, съ врожденною Си-
бирякамъ тонкостью, мастерски обдѣ-
лываютъ эти дѣла, скупаютъ мѣха въ
однѣ руки и отправляютъ ихъ въ *Рас-
сею*. Порядочнаго мѣха въ Сибири и
не купишь, а если и придется по
случаю достать то очень-дорого, и
несравненно дороже той цѣны, по ко-
торой мѣха продаются въ Москвѣ или
Петербургѣ; притомъ же, въ Сибири
не умѣютъ порядочно ихъ выдѣлыва-
вать, исключая однихъ шкуръ соха-
таго. Зажиточные люди ходятъ въ ено-
товыхъ шубахъ, отъ насъ же къ нимъ
высылаемыхъ.

Хорошаго чая тоже нѣтъ въ Сиби-
ри, преимущественно въ Томскѣ и
Красноарктѣ. Высшіе сорта чаевъ
только провозятъ по Сибири изъ Кях-
ты въ Нижній-Новгородъ, и большин-
ству, какъ говорится, не удастся по-
нухать ханскихъ сортовъ. Охотники
выписываютъ чай для своихъ се-
мействъ изъ Иркутска или изъ Кяхты.
Въ Томскѣ только одинъ оптовой тор-
говецъ; но онъ не торгуетъ въ разни-
цу, и потому Шелунги, или какого-
нибудь особеннаго въ этомъ же родѣ —
здѣсь достать невозможно. Чай, здѣсь
продаваемый въ ящикахъ китайской
укладки, посредственнаго достоинства,
носить фамилію Ши-мы-чен-дзи и
стоить отъ десяти до двѣнадцати руб-
лей серебромъ за ящикъ въ 2½ фунта
вѣса; двойные ящики стоить двад-
цать-пять или тридцать рублей сереб-
ромъ, глядя по покупателю: съ бога-
таго подороже. Тотъ чай, который чай-
ные караванные прикащики продаютъ
подъ названіемъ совѣчнаго и цвѣточна-
го, выгоднѣе покупать у нихъ-самихъ
или у торговцевъ, чѣмъ у купцовъ, ко-
торые обыкновенно берутъ рубля два
барыша на фунтъ; но этого сорта чай
очень-невысокаго достоинства, очень-
простъ, что называется — людской, и
если называется цвѣточнымъ, то, вѣ-
роятно, потому только, что продается

завернутымъ въ цвѣтной, темнорозо-
вой бумагѣ, не иначе.

Есть еще одинъ родъ чая, который
въ Петербургѣ неизвѣстенъ: это кир-
пичный, преимущественно употреб-
ляемый монгольскими племенами; его
пьютъ и русскіе крестьяне, но ис-
ключительно на золотыхъ принсахъ.
Чай этотъ варятъ въ котлахъ, на водѣ,
рѣдко на молокѣ, и прибавляютъ къ
нему соли и коровьяго масла. Онъ
чрезвычайно-питателенъ. Съ прищѣсью
поджаренной муки, чай этотъ назы-
вается *затураномъ*. Кирпичнымъ онъ
названъ потому, что является въ тор-
говлѣ въ плотномъ видѣ, полуфунто-
выми массаами, въ плиткахъ, и приго-
товляется изъ грубыхъ листьевъ чай-
наго дерева.

Равсыиной чай началъ входить во
всеобщее употребленіе со времени
Петра-Великаго, а до того времени
онъ продавался въ аптекахъ какъ ле-
карство, противодѣйствующее вліянію
заразительнаго воздуха и вина. Кир-
пичный чай былъ издавна извѣстенъ
пограничнымъ казакамъ въ Сибири.
Въ 1638 году русское посольство, быв-
шее у Алтын-Хана на южномъ рубежѣ
Западной-Сибири, устыдилось при-
нять поднесенные ему въ подарокъ
двѣсти башей чаю, потому-что чай
этотъ казался слишкомъ-ничтожнымъ
и неуважительнымъ. Изъ такого отзы-
ва заключаютъ, что тогда были уже
извѣстны чай высшихъ сортовъ. Въ
1654 году, боярскій сынъ Байковъ,
отправленный во времена царя Але-
ксѣя Михайловича въ Китай, въ днев-
никъ своемъ упоминаетъ объ угощеніи
его тамъ чаемъ, какъ о вещи весьма-
обыкновенной. Въ 1674 году, чай въ
московскихъ аптекахъ продавался по
30 копеекъ за фунтъ (4).

Про совѣчный чай караванные при-
кащики рассказываютъ, что онъ бе-
рется изъ цѣльныхъ цибиковъ, отъ
каждой изъ шести сторонъ, — на совѣ-
ки, для пробы, и пробы эти составля-

(4) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1843 года,
№ 7-й.

ютъ собственность прикащика. Не знаю, правда ли это, а только караванные прикащики, вѣроятно съ большаго барыша, отчаянно кутятъ по дорогамъ. Останавливаясь по деревнямъ, они варъзываются простой сивухой, а по городамъ пользуются полною свободой холостаго дикаря, ухарски разъѣзжаютъ съ ювыми Сибирячками цѣлый день на извозникахъ, которые тамъ очень дороги, и, въ заключеніе, напиваются до-нельзя шампанскимъ. Особенная, страшная попойка, когда Томъ и Обь совершенно очистятся отъ льда. Здѣсь чай, пришедшій изъ Кяхты сухимъ путемъ, нагружается въ особо-устроенныя суда и идетъ водою до Тюмени, перваго отъ Петербурга города Тобольской-Губерніи, а оттуда его везутъ далѣе въ Россію. — Во время нагрузки и приготовленій къ отъѣзду, въ-продолженіе цѣлой недѣли по берегу Томи собирается все городское населеніе; нѣсколько хоромъ, или вѣрнѣе — артелей пѣсенниковъ, изъ числа судорабочихъ, распѣваетъ въ разныхъ мѣстахъ русскія пѣсни (сибирскихъ пѣсень нѣтъ) при выстрѣлахъ изъ ружей или фалькопета, которымъ каждое судно вооружено. Бахусъ, Амуръ, а съ ними и Меркурій, въ своемъ двойственномъ значеніи покровителя торговли и воровства — вотъ три божества, которымъ въ эти дни толпы народа приносятъ постоянныя жертвы. Все дышетъ и сіяетъ весельемъ, хотя не весьма чистымъ; пѣсни, крикъ и гамъ разбушевавшихся гулякъ слышатся далеко за полночь.

Выѣхавъ изъ Томска, я отправился на минусинскій приискъ по системѣ рѣки Амыла, на который мнѣ надлежало посмотрѣть.

Я ѣхалъ всю дорогу во время *палоды*, или огня, который жители пускаютъ по степямъ и лѣсамъ, выжигая такимъ-образомъ старую траву и способствуя лучшему росту новой. Правда тутъ не обходится иногда безъ лѣсныхъ пожаровъ, да на это не слишкомъ смотрятъ; въ Сибири, особенно въ Восточной, въ любомъ округѣ мож-

но встрѣтить огромныя пространства выжженного лѣса: полуѣсковыя и ѣсковыя запрещенія на счетъ сохраненія лѣсовъ давно вышли изъ памяти (5), и палы до-сихъ-поръ не выходятъ изъ употребленія.

Проѣзжая ночью по горнымъ скатамъ или спускаясь въ пространную долину, не налюбуеться этою естественною иллюминаціею. Струйки огня, какъ свѣтащіяся змѣи, пробіраются между травой равнообразными зигзагами. Съ одного конца яркой линіи свѣта, огонь, не находя для себя пищи, мгновенно потухаетъ; съ другаго конца онъ быстро перемиляетъ направление только-что взятое, кидается въ сторону и жадно бѣжитъ впередъ, пожирая новую пищу. Огонь является въ тысячахъ мѣстахъ, чѣртитъ безтолковыя везели, выбираетъ себѣ мѣстечко, гдѣ бы можно было ему перебѣжать дорогу, часто раздѣляющуюся на нѣсколько вѣтвей, которыя сходятся послѣ въ одинъ путь и, разъигравшись въ сухой травѣ, не щадитъ ничего, все истребляетъ. Но это только ночью. Днемъ ѣхать такими мѣстами очень-непріятно. Запахъ гари довольно отвратителенъ; воздухъ дѣлается спертымъ; синее небо скрывается за тучами дыма; яркое солнышко выглядываетъ какъ-ни-то рыжимъ пятномъ; мѣстоположенія не красивы и исчерчены черными кругами отъ выгорѣлыхъ травъ.

Проѣхавъ пограничныя столбы Томской Губерніи, я вступилъ въ первый городъ Енисейской-Губерніи, Ачинскъ, и очутился на территоріи Восточной-Сибири. Разницы съ Западной-Сибирью мало: все, кажется, одинаково, что тамъ, что здѣсь — одни воробы не одинаковы. Въ Западной-Сибири воробы, какъ воробы, такія же, какъ и вездѣ, а въ Восточной-Сибири онѣ рѣшительно черныя, самаго густаго чернаго цвѣта и до мертвечины и тому-подобныхъ лакомствъ такъ падки, что

(5) П. С. З. Р. И. № № 8881 и 18334.

почти подъ каждымъ городомъ, и довольно часто, можно встрѣтить ихъ цѣлыми арміями и быть свидѣтелемъ жестокой войны между воронами и галками. Предметомъ битвы бываетъ разная падаля, которую жители стащутъ, или свезутъ съ улицы, да и бросать на поле, тутъ же, близехонько, но все-таки за городомъ,—хоть въ пятьдесятъ саженьхъ, да за городомъ. И это дѣлается въ полномъ сознаніи исполненія полицейскихъ распоряженій! Въ ямы не зарываютъ — хлопотъ много; да и къ-чему лишать цѣлое слово хитрыхъ пернатыхъ куса хлѣба: Поэтому висколько и не удивительно встрѣтить тутъ бездну череповъ бывшихъ Йориковъ конской или свиней породы и вспомнить арію изъ Руслана и Людмилы: «о поле, поле! кто тебя убѣжалъ мертвыми костями?...»

Ачинскъ старый городъ; онъ уже лѣтъ двѣсти стоитъ на Чулымѣ, образуящемъ здѣсь хорошую пристань. Основаніе его относить къ 1641 году, когда здѣсь выстроены были еще только остроги. Разоренный Киргизами, онъ возобновленъ былъ въ 1682 году. Мѣстоположеніе его довольно-пріятно. Городъ этотъ, однакожъ, не процвѣтаетъ, хотя и имѣетъ къ тому всѣ средства, изъ которыхъ главное — водное сообщеніе съ Волгою, прерываемое только верстъ на шестьдесятъ волокомъ между рѣками Турдю и Чусовью. Ачинскіе мѣщане прежде занимались исключительно хлѣбопашествомъ, но золотопромышленность переманила къ себѣ всѣ руки — и Ачинцы пошли на прииски, гдѣ они успѣли набаловаться и усвоить себѣ кой-какія дурныя наклонности, каковы усиленное пьянство, картежничество, непокорность, строптивость и кража золота, за что, однакожъ, они рѣдко попадаютъ въ руки правосудія, частію отъ безпечнаго надзора своихъ начальниковъ, частію отъ дѣлажа барышами съ прочею братією и отъ искусства совершенно скрывать слѣды преступленія; на частныхъ же золотыхъ приискахъ постоянного осмотра рабо-

чихъ не бываетъ, да никто, еслибъ и захотѣлъ, не рѣшится на это, потому что рабочіе поднимутъ тревогу и если теперь же самовольно не разойдутся, то на будущее время никто не наймется къ этому хозяину.

До-сихъ-поръ отъ самой Казани я ѣхалъ все на востокъ; здѣсь, въ Ачинскѣ, надлежало сверотить на югъ и пробираться черезъ Минусинскъ въ Каратузь.

Минусинскъ — окружный, или, по-нашему, уѣздный городъ Енисейской-Губерніи, городъ новый, только съ 1822 года возвышенный на эту степень изъ деревни Большой-Минюскы. Не будь здѣсь золотыхъ приисковъ — вѣкъ бы ему быть деревней. Но вотъ что значатъ обстоятельства: завелось въ округѣ свое золото — сюда наѣхала цивилизація со всеми своими принадлежностями, хорошими и худыми; явились потребители высшаго полета — и сюда стали ящиками возить шампанское, подраздѣляя его на три разряда: на кликъ перваго сорта, просто кликъ и просто шампанское.

Минусинскъ — городокъ чистенькій, съ небольшимъ народонаселеніемъ околотысячи человекъ, занимающихся преимущественно хлѣбопашествомъ, которымъ Минусинскій-Округъ возоблууетъ; картофель разводитъ здѣсь тоже весьма-усердно. Сбытъ хлѣба на золотые промыслы какъ у себя, такъ и внизъ по Енисею, приноситъ жителямъ большія выгоды. При всемъ томъ жители не такъ испортились отъ близкаго сосѣдства золотыхъ промысловъ: пьянство, развратъ и воровство не развиты еще здѣсь въ той степени, до которой дошли нѣкоторые другія мѣста, посѣщаемыя людьми, побывавшими на золотыхъ приискахъ, особенно на богатыхъ.

Городъ этотъ стоитъ на песчаной степи, заросшей полынью, и отъ-того сливки здѣсь прегорькія. Въ немъ одна только церковь, есть домъ полиціи съ каланчей и — роскошь маленькихъ городковъ — фонари, никакъ цѣлая дюжина, которые зажигаются только въ

самые торжественные дни. Гостиницы и гѣтъ: прїѣзжіе останавливаются, какъ это обыкновенно ведется, начиная еще съ города Перми — на постоялыхъ дворахъ. Прислуживаетъ всегда прекрасный полкъ; берутъ отъ двухъ рублей до двухъ съ полтиною ассигнаціями съ человѣка: тутъ и квартира, и приборъ для чая, и обѣдъ, и ужинъ. Во время моего пребыванія въ этомъ городѣ, что продолжалось однажды цѣлый мѣсяцъ, каждый день мнѣ подавали: въ обѣдъ—щи и жареную утку, въ ужинъ — жареную утку и щи; другихъ перемины не было.

Каратузъ—крайнее русское селеніе въ этомъ направлеиіи, между Минусинскомъ и китайской границей. Это казачій форпостъ, резиденція золотопромышленниковъ, а по просту сказать, деревня. Нѣсколько десятковъ казаковъ, исполняющихъ полицейскую обязанность, не придаютъ особеннаго колорита этой мѣстности; но особенность свою Каратузъ приобрѣлъ при развитіи въ этомъ краю золотой промышленности. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что золотопромышленники выстроили здѣсь себѣ хорошіе дома, основали складочныя мѣста, завели конторы и исключительно тутъ производятъ свои распорядительныя операціи. Отъ-того всѣ подобныя Каратузу крайнія къ принципамъ деревни со складочными мѣстами и называются *резиденціями*, то-есть факторіями, въ какихъ бы округахъ они ни были учреждены. Въ продолженіе цѣлаго года резиденціи эти кипятъ жизнью: здѣсь происходятъ запродажи товаровъ, прїемъ ихъ изъ другихъ деревень, наемка рабочихъ, иногда расчетъ ихъ, отправка тяжестей на принципъ, зимою въ увенныхъ саняхъ, въ которыя лошади впрягаются гусемъ, одна за другой, а лѣтомъ на вьючныхъ лошадяхъ,—и всѣ другія предуготовительныя распоряженія. Исполнительныя операціи золотопромышленниковъ, то-есть поиски, разработка и добываніе золота производится на самыхъ принципахъ, въ мѣстахъ внѣ человеческихъ

жилищъ, въ глубинѣ горъ, въ глуши, въ долинахъ удаленныхъ отъ деревень часто верстъ на двѣсти, на триста, *с тайнъ*, то-есть въ дѣственныхыхъ черныхъ лѣсахъ, жилищъ однихъ бродячихъ инородцевъ, которые, конечно, отсюда удаляются и занимаютъ другія мѣста, гдѣ ничто не можетъ мѣшать ихъ обычнымъ занятіямъ и гдѣ встрѣ еще не разогнанъ постояннымъ присутствіемъ человѣка и безпрестаннымъ шумомъ и грохотомъ, которыми обыкновенно сопровождаются присконыя работы.

Инородцевъ я встрѣтилъ еще въ Минусинскѣ; здѣсь, въ Каратузѣ, я видѣлъ ихъ больше и замѣтилъ, что основаніи тѣхъ и другихъ весьма различны и даютъ поводъ къ несопоставленному заключенію, что въ этомъ краю разбѣлены разными совершенно-отдѣльными другъ отъ друга, племена. Живутъ они въ коническихъ *урадахъ*, шалахахъ изъ тонкихъ жердей, воткнутыхъ подъ угломъ въ землю и соединенныхъ между собою противоположными концами, а сверху обложенныхъ искусно содранной корой. Управленіе инородцами этого края сосредоточено въ трехъ степныхъ думахъ: Койбалаской, Качинской и Сагайской, гдѣ нынѣ ведутся точные списки.

Я видѣлъ множество кургановъ, уставленныхъ по угламъ высокими каменными плитами ребромъ и расположенныхъ правильными улицами съ замѣтною симметриею, видѣлъ надписи мнѣ на утесистыхъ берегахъ Енисея и, замѣтивъ между ними русскія слова, обозначающія *самію* извѣстнаго путешественника г. Шуккина, начертавшаго ихъ на неприступной скалѣ, задумалъ-было свѣтъ утѣковичить тутъ же свое имя; но, поразсудивъ, что для достиженія желанной высоты въ глазахъ потомства — надо было прежде, кромѣ потери времени, развѣ двадцать умереть, разбивъ голову объ окранныя береговыхъ камней или погибнуть въ пучинахъ Енисея,— я убѣдился, что потомство не заслужитъ

до еще подобной жертвы съ моей стороны, и затѣю свою оставилъ.

Въ бытность мою въ этихъ краяхъ, прѣхалъ туда же какой-то путешественникъ, которому вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, пришла въ голову мысль заняться изслѣдованіями объ инородцахъ. Не зная, съ какой стороны приняться за это дѣло, онъ сталъ разспрашивать о нихъ у здѣшнихъ жителей. Узнавъ отъ нихъ, что это все Татары, все Чудь, путешественникъ нашъ замѣтилъ весьма-основательно, что здѣшніе Татары не похожи на казанскихъ Татаръ, торгующихъ мыломъ и халатами. Чтобъ познакомиться съ ними поближе, онъ рѣшился разговаривать съ первымъ полудикимъ, который ему попадется и въ этихъ видахъ встрѣтился съ широкоплечимъ молодцомъ. Голова у него была не бритая и украшена длинными черными волосами; глаза большіе темнокоріе, быстрый взглядъ, бѣлые какъ жемчугъ зубы, довольно-красивыя черты лица, смуглая кожа и весьма-рѣдкіе коротенькіе волосы на усахъ и на бородѣ.

— Какъ тебя зовутъ, любезный другъ? спросилъ неприготовленный къ дѣлу путешественникъ.

— А тебѣ зачѣмъ? отвѣчалъ ясачный.

— Развѣ тебя нельзя спросить?

— Да тебѣ, бачка, что въ тошѣ, какъ меня зовутъ?

— А я хотѣлъ-было дать тебѣ на водку, если ты будешь отвѣчать на мои вопросы, возразилъ тонкій ученый, затронувъ вѣжающую струву своего субъекта, котораго онъ непремѣнно хотѣлъ считать за прототипа всѣхъ здѣшнихъ туземцевъ.

— А! если на водку согласишься — спрашивай, бачка! Больше спрашивай!

— Какъ же тебя зовутъ?

— Кулунакъ Нарговѣвъ, бачка.

— Кто жь ты такой?

— А никто!

— Не правда; первое дѣло — ты человекъ.

— Ха, ха, бачка! кто жь не человекъ? И я человекъ! Про это и спрашивать нечего.

— Какой же ты человекъ: русскій или не русскій?

— Нѣтъ, бачка, я не русскій; я ясачный; я ясакъ даю.

— Этого мало: вотъ Кузьма Сидоровъ, у котораго я остановился... доведись, что ему велеть ясакъ платить, а все онъ не будетъ такой ясачный, какъ ты.

— Нѣтъ, бачка, не будетъ.

— Отъ-чего же?

— Онъ крещеный Русскій, а я Чудь, Татаринъ.

— А какъ ты Богу молишься?

— Такъ же, какъ и Кузьма, и я крещеный.

— А прежде кто ты былъ: мухаммеданинъ? спросилъ путешественникъ, увѣренный, что всякій Татаринъ непремѣнно долженъ быть не иначе, какъ мухаммеданиномъ.

— Какой такой?

— Ты вѣрилъ Мухаммеду?

— Не слыхалъ, бачка; мудрою говоришь.

— Прежде чѣмъ тебѣ крестъ надѣли, какъ ты Богу молился?

— Не знаю, бачка; это давно было.

— Какъ ты съ своими ясачными же разговариваешь?

— Такъ же, какъ съ тобой, бачка: я спрошу — они скажутъ, а они спросить — я имъ скажу.

— Да нѣтъ, не то! Какой вы народъ — вотъ что мнѣ хочется знать.

— О, мы народъ хорошій!

Нелюбившись толку отъ ясачнаго, путешественникъ бросилъ свои изслѣдованія и лишилъ науку драгоценныхъ открытій историческихъ и филологическихъ.

А между-тѣмъ о сибирскихъ инородцахъ многое извѣстно, хотя, вообще говоря, до-сихъ-поръ нѣтъ полнаго и удовлетворительнаго ихъ описанія въ одномъ дѣломъ, что для частнаго человека весьма-загруднительно. Не будучи посвящены въ тайны Востока, не обладая тѣми знаніями и средствами,

безъ которыхъ нельзя рѣшиться на глубоко-ученыя изслѣдованія о разноплеменныхъ народахъ Сибири, да и не вѣдя на то ни малѣйшаго притязанія, мы тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ исчислить здѣсь эти народы и присовокупить о нихъ тѣ отрывочныя, но, можетъ-быть, для нѣмыхъ величественныя интереса извѣстія, которые довелось намъ или самимъ собрать, или вычитать изъ книгъ, бывшихъ подъ рукою, нисколько не ручаясь за достовѣрность приводимыхъ нами преданій, коль скоро они не подтверждаются официальными документами или другими неопровержимыми источниками.

Начнемъ съ Пермской-Губерніи.

Въ ней инородцевъ считается: Татаръ, Черемисъ и Пермяковъ 24,000 душъ, Башкировъ и Тентерей 40,000 душъ, Вогуловъ до 1500 душъ.

Изъ числа этихъ 65,500 душъ 58,000 мухаммедане и 7500 Вогуловъ и Черемисовъ язычники (6).

Вогулы, Вотяки, Остяки и Черемисы извѣстны Русскимъ издавна и еще въ шестнадцатомъ столѣтіи безпокоили наши владѣнія своими набѣгами; такъ въ 1572 году дана была Якову Строганову грамота о посылкѣ казаковъ, Остяковъ и Вогуличей для прещенія опустошеній, произведенныхъ Черемисами по Камѣ; въ 1581 году даны были двѣ грамоты о посылкѣ ратныхъ людей для охраненія ихъ отъ набѣговъ Вогуличей, а въ 1582 году велѣно было выслать въ Чердынь атамана Ермана Тимоеева и волжскихъ казаковъ, вооружившихъ своими набѣгами Вотяковъ и Вогуличей (7). По писцовой книгѣ Михайла Корсакова, у Татаръ и Остяковъ заводились еще въ 1623 году селенія вмѣстѣ съ выходцами изъ Чердыни, Вятчанами. По повелѣнію царя Миханла Федоровича земля около города Кунгура принадлежала претскимъ Татарамъ (8).

(6) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1846 года, № 4.

(7) Журн. Мин. Нар. Просв. 1843 года, № 10.

(8) Г. Досевъ.

Объ инородцахъ по Ишиму есть преданіе, что Калмыки или Бураты, выходцы бухарскіе, амьли хана Тохтамышы, сына Цадева. Считалось по пустынямъ, они проходили рѣку Ишимъ. Въ то время убѣждалъ у нихъ многочисленный табувъ лошадей; для отъѣзжанія ихъ остались здѣсь тридцать-три табушника, и при нихъ три женщины. Занявшись отъискиваніемъ лошадей, они такъ отъ сотоварищей своихъ отстали, что нагнать ихъ уже не могли, а потому и расположились жить по рѣкѣ Ишиму, принявъ себѣ прозваніе Казахъ, что, по словамъ ихъ, означало заблудившихся. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1603 году, они безъ сопротивленія были покорены казакми (9). Въ Ишимскомъ-Округѣ осѣдлыхъ Татаръ и Ташкентовъ считается до 700 душъ обоого пола, а кочевыхъ Киргизовъ до 800 душъ (10).

Барабинцы и тарскіе юртовые подюродные Татары отъ налоговъ и тяготы тарскихъ воеводъ князя Юрья Шаховскаго съ товарищами — учинили восстаніе. Побивъ служилыхъ людей, они ссылались съ Бѣлыми Калмыками и не смотря на шертъ, или присягу, которую они дали по своей вѣрѣ на корабѣ, въ 1608 году откочевали на рѣку Чулымъ, да на Карагаты. Посланный къ нимъ для уговора тоболяскій служилый Татаринъ, Кюенлбай Капандаевъ, привезъ съ собой князя Кугу Такова, брата Малгутана Кучагова, да Алчугуа Чагирова. Они объявили, что князецъ ихъ Декуту обрадовался зву и милости царской, и всѣ они прикочуютъ назадъ. Изъ шертъ и статейнаго списка ихъ видно, что они замѣнили отъ лихихъ насильствъ Шаховскаго съ товарищи, да ротмистра Кротова и боярскаго сына Шахова, которые съ нихъ большія взятки брали и женъ и дочерей къ себѣ отнимали. Въ 1609 году, къ замѣшникамъ Барабинцамъ присоединились и юртовскіе Татары. Они послѣ прикоче-

(9) Г. Досевъ.

(10) Ж. М. В. Д. 1843 № 4.

вали обратно, но не всё; въ 1633 году непокорныхъ велѣно было принудить къ тому силою оружія (11).

Бухарцы поселились въ Сибири съ давнихъ временъ, на покупныхъ земляхъ, въ числѣ 83 человекъ. Изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1645 года, подтвержденной царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1686 году, видно, что они преимущественно занимались торговлею въ русскихъ городахъ. Въ 1701 году Бухарцы обложены денежною податью (12).

Башкиры происхождение свое ведутъ то отъ Ногаевъ, то отъ Бурятъ, а народныя сказки даютъ имъ въ родоначальникъ Чингис-Хана. По нѣкоторымъ признакамъ ученые заключаютъ, что Башкиры сѣсь племя татарскаго, монгольскаго и чудскаго (13). На Башкирцевъ было положено сбора 22,758 рублей 78 копейекъ; но они его не платили. Въ табели окладныхъ и неокладныхъ сборовъ противъ этой цифры Петръ-Великій, въ 1724 году, поставилъ крестъ, крестъ, что означало, чтобъ сборъ этотъ отстаивать (14).

О томскихъ Татарахъ или *Еутминцахъ* мы уже имѣли случай говорить въ прошедшемъ мѣсяцѣ; прибавимъ здѣсь только то, что остатки древней крѣпостцы, на противоположной городу Томску сторонѣ рѣки Томи, по рассказамъ ученаго путешественника, доктора Кастрена, до-сихъ-поръ носятъ названіе городка, который былъ зимнимъ мѣстопребываніемъ князца Толяна (15).

Кійскіе Татары кочевали въ пустынныхъ равнинахъ, орошаемыхъ рѣкою Кією, въ Томскомъ-Округѣ. Объ нихъ сохранилась одна грамота слѣдующаго содержанія:

• По государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Рос-

(11) П. С. З. Р. И. № 1670.

(12) Тамъ же, №№ 1209, 1387 и 4486.

(13) Ж. М. Н. Н. 1843 № 7.

(14) П. С. З. Р. И. № 4548.

(15) Ж. М. Н. Н. 1848 № 6.

• сіи указу отъ государевыхъ воеводъ, отъ князя Ивана Ѳеодоровича Татеева съ товарищи — Томскаго Уѣзда Кійской Волости князю Курчею. — Напредь сего ты великому государю царю и великому князю всея Россіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю по своей вѣрѣ далъ въ свою правду шерть, съ тѣмъ, чтобы тебѣ со всею своею кійскою волостию государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи служить, и прамить, и добра хотѣть во всемъ, и быть подъ его государевою царскою рукою и прямою холопствіемъ навѣки неотступно, и съ людей своихъ давать государю по десяти соболей съ человека. — И ты, Курчей, правду свою и шерть на сей великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу шерть ждалъ государеву къ себѣ милость и жалованье. А забылъ: въ прошломъ ^{зрѣл} (1624) году великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи измѣнилъ, со всею своею кійскою волостию бѣжалъ къ государевымъ вѣнникамъ въ киргизскую землю не вѣдомо отъ чего, отъ тѣсноты ли чьей, или отъ продажи. И по сіе время къ государевой милости не обратился, въ Томскъ городъ не идешь и въ винахъ своихъ государю не бѣшь человекъ. А нынѣ прислалъ ты въ Томскъ городъ съ государевымъ ясакомъ брата своего Кашина, а самъ въ городъ не пришелъ. — А ты бы, Курчей, помня свою прежнюю неправду, въ чемъ ты великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи шерть далъ, отъ вѣнны своей отсталъ и обратился къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу и халъ бы въ городъ и далъ шерть на томъ, что тебѣ быть подъ его государевою царскою рукою въ прямою холопствіемъ навѣки неотступно. А государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи тебѣ, Курчей, пождаетъ по-

• прежнему, твоихъ вѣкъ вспомнать
• не велать, а велить тебѣ держать въ
• своемъ государскомъ милостивомъ
• прирѣтнѣи и отъ недруговъ твоихъ
• тебѣ во всемъ оборонить. — А отъ ко-
• го тебѣ и всей твоей кійской волости
• людямъ были какія насильства и тѣ-
• своты или продажи отъ воеводъ или
• служилыхъ людей — ты бы на тѣхъ
• людей привезъ къ государю царю и
• великому князю Михаилу Теодорови-
• чу всея Россіи объ обидѣхъ своихъ
• челобитную. Государь царь и великій
• князь Михаилъ Теодоровичъ велить
• тебѣ на тѣхъ людей дать оборону
• безъ пощады и государево жалованье
• тебѣ будетъ въ Томскомъ городѣ и
• кормъ довольный и назадъ велить те-
• бя государь отпустить въ свою во-
• лость безъ задержанія. — А сія тебѣ
• грамота опасная; и ты бы сей опас-
• ной грамотѣ вѣрилъ безъ всякаго
• опасенія: кромѣ тебѣ государской
• милости и жалованья — ничего не бу-
• деть. — Къ сей опасной грамотѣ госу-
• дареву цареву и великаго князя Ми-
• ханла Теодоровича всея Россіи пе-
• чать царства Сибирскаго Томскаго го-
• рода приложилъ воевода князь Иванъ
• Татевъ, лѣта 7338 (1740 — 1732) де-
• кабря мѣ (28) дня. (16).

Вѣроятно этотъ Курчей былъ пре-
емникъ князца Умака, о которомъ еу-
штинскій князекъ Толянъ упоминалъ
въ прошеніи къ царю Борису Теодо-
ровичу въ 1604 году, и изслѣдованіе о
которомъ наша Академія возложила
между прочимъ на ученаго путеше-
ственника доктора Кастрена. Умакъ
жилъ въ четырнадцать дней пути отъ
Куштинцевъ, слѣдовательно отъ Том-
ска; а отъ Томска до нынѣшняго ог-
ромнаго кійскаго села, находящагося
между городами Томскомъ и Ачин-
скомъ, на берегу Кін, будетъ ровно
двѣ недѣли пѣшаго хода, конечно съ
растами.

Черные Татары сближаются къ
городу Кузнецку; живутъ домами; во-

(16) Г. Лосевъ, пользовавшійся, какъ онъ
самъ говоритъ, дѣлами Иркутскаго Архива.

обще крещены, но придерживаются
шаманства; хлѣбопашествомъ занима-
ются единственно для удовлетворенія
собственныхъ только своихъ нуждъ и
отличаются допотопнымъ способомъ
приготовленія муки въ пищу. — По со-
рѣтнѣи верна, они срѣзываютъ про-
стынь пожомъ солому близь самаго
колоса, связываютъ въ небольшіе сно-
пы, просушиваютъ ихъ на жердѣ, на
чистомъ воздухѣ, потомъ каждый
снопъ отдѣльно насаживаютъ на шесть
и зажигаютъ. Когда солома перего-
реть, и верно, все еще въ шелухѣ, от-
дѣлится, — они молотятъ его кривою
палкою и собираютъ, какъ говорятъ
Сибиряки, въ *тѣлсы*, или по-нашему
бураки изъ бересты; потомъ чистое
верно поджариваютъ на огнѣ въ кот-
лахъ, толкутъ въ ступѣ или трутъ ка-
менными плитками и, наконецъ, муку
съ водою употребляютъ въ пищу. Кро-
мѣ этого они ѣдятъ рыбу и птицу, мя-
со дикихъ животныхъ и лошадей и не
гнушаются падалью (17).

Кумандинскіе Татары. Въ 1810 году
ихъ было шесть волостей: Нижне-
кумандинская, Верхнекумандинская,
Комляжская, Кузнецкая, Кергежская
и Южская; всего душъ 1209; ясаку
сбиралось по оцѣнкѣ на 1474 рубля
84 копейки. Жили они по рѣчкѣ Ку-
мандѣ, въ вершинахъ Біи, извиющей
начало изъ озера Телецкаго, или Ал-
тынъ (по-русски, Золотаго), по бере-
гамъ Телецкаго Озера и по рѣкѣ Ка-
тунѣ. — Родъ свой ведутъ отъ поддан-
ныхъ бывшаго въ сагайтскихъ степяхъ
татарскаго князя Мегмета-Кула, брата
кучунова. Въ старые годы называ-
лись Телесами. Отъ Калмыковъ раз-
нятся во всемъ и съ ними не смѣшива-
ются; частію крещены, а болѣе при-
держиваются шаманства, называя вер-
ховнаго Создателя Бурханомъ. Жи-
вуть вишой въ землянкахъ, а лѣтомъ
въ шалашахъ, покрытыхъ берестомъ и

(17) «Знанскіе о народахъ, обитающихъ
въ Біискомъ, Кузнецкомъ и Краснояр-
скомъ Округахъ». — каинскаго землемера
Дмитренки ежодо 1810 года, Рукопись.

корою, занимаются промысломъ звѣрей и нѣсколько земледѣліемъ. Тѣло-сложеніа они весьма-слабого; цвѣтъ лица — какъ у человека, извуреннаго болѣзнями. Они одѣваются въ короткія овчинныя шубы, или въ халаты, толсто настеганные шерстью; рубахи носятъ безъ воротника; ноги обвертываютъ Теплою Травою, растущею близъ озеръ и шибкою свойство долго не мнѣшатся. Женщины наряды своимъ покупаютъ въ селеніяхъ у Русскихъ. Дѣвки заплетаютъ нѣсколько косичекъ, привязывая къ нимъ яркаго цвѣта ленточки и доскутки китайки; носятъ кольца и большія сережки. Умершихъ хоронятъ вдали отъ своихъ жилищъ, дѣлая на четырехъ столбахъ невысокія подмошты; на нихъ кладутъ покойника, завернутаго въ равныя обмотки и заваливаютъ лѣсомъ и камнями (18).

Ачинскіе Татары. О происхожденіи ихъ нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Они обитаютъ въ Ачинскомъ-Округѣ Енисейской-Губерніи въ Ужурской Волости; всѣ они осѣдлые; одна половина ихъ, 385 душъ мужескаго пола и 363 души женскаго пола, несутъ обыкновенныя инородческія повинности деньгами, а другая половина, 435 душъ мужескаго пола и 341 душа женскаго пола, платятъ ясакъ натурой. Они болѣе уже ста лѣтъ крещены и слѣдуютъ во всемъ русскимъ обычаямъ; живутъ въ двадцати-пяти селеніяхъ (19).

Мелетскіе Татары. Названіе мелетскихъ происходитъ отъ бывшаго нѣкогда Мелѣтскаго-Острога, на мѣстѣ котораго находится нынѣ деревянная церковь и инородческая управа въ Ачинскомъ-Округѣ.—Мелетскихъ Татаръ считается 34 души мужескаго по-

ла и 32 женскаго; они осѣдлы, прилежно занимаются хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; употребляютъ въ разговорѣ татарскій языкъ, но знаютъ и по-русски (20).

Якуты. По преданіямъ извѣстно, что Якуты отделились отъ жителей Барабинской-Стени Татаръ, называвшихся Саха, которыхъ именемъ и Якуты себя называютъ. Названіе это одновуочно съ конгольскими Сахами, разрушившими около 130 года до Р. Хр. Бактрійское Царство. При разборѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бумагъ въ Иркутскомъ архивѣ, найденъ былъ слѣдующій отрывокъ:

• Въ старыхъ запискахъ, безъ означенія времени, видно, что рѣкій князь Онь, поганской породы Татаръ, въ старину у рѣки Ишима живущій, имѣлъ подъ властію своею многихъ иноплеменныхъ народовъ по Иртышю, Тоболу, Турѣ и другимъ рѣкамъ. По противу его возсталъ простой человекъ, который побѣдилъ государя сего, взявъ въ плѣнъ и умертвивъ — и потомъ былъ повелитель подданныхъ его. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ явился къ нему сынъ умерщвленнаго князя, именемъ Табуга. Котораго похититель княжеской власти принялъ къ себѣ милостиво и поручилъ ему войско противъ живущихъ у рѣки Оби народовъ. Которыхъ онъ усмирилъ и вложилъ на нихъ дань. По возвращеніи его съ побѣдою и добычею, похитившій власть княжескую сталъ именоваться ханомъ, а побѣдителя позволилъ избрать себѣ жилище; который и построилъ городъ Чингидинъ, въ коемъ жилъ спокойно до смерти своей. И до-сталось наследство дѣтямъ, но не долго, ибо дѣти его были оттуда изгнаны мятежниками. Одинъ изъ нихъ, называвшійся Онеомъ, пришелъ на устье рѣки Ишима, и построилъ городъ Кизельтуру. По немъ наследовалъ Иртушемъ, по имени котораго и

(18) Записки и наблюденія съ 1804 г. о Кумандинскихъ Татарахъ, Таутелеутахъ и Калмыкахъ бійскаго земскаго исправника, обер-берг-гауптмана 6-го класса Александра Горохова 1811. Рукопись.

(19) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1845 г. № 8.

Т. LIV. — Отд. VIII.

(20) Тамъ же.

рѣка Иртышъ получила названіе. Но тюменскій ханъ приступилъ нечаянно войною и побѣдилъ его, а по выгнаніи его изъ города оставилъ, вмѣсто владѣльца, нѣкотораго Сарчиича съ принадлежащими ему родовичами, отъ которыхъ и племя татарское прозвано Сарчиичиъ. Изгнанныкъ прибѣгъ къ князю казачьей орды, гдѣ живучи, имѣлъ сына, князя Мымаха или Маймака, который по смерти отца своего плѣненъ сибирскими княземъ Холаемъ, отъ коего оставшійся наследникъ Маръ имѣлъ въ супружествѣ сестру казанскаго хана Упака. Но былъ весьма несчастливъ, потому что казанскій ханъ вѣсть своего Маръ плѣнилъ войною съ сынами Обдеромъ и Ебалакомъ, занявъ столицу Чингидвиъ, а отъ несчастнаго поколѣнія оставшійся двѣ младыя отрасли и живши лишать повелѣлъ. Тогда-то упомянутый Мымакъ или Маймакъ съ родственниками бѣжалъ къ сильному предводителю татарскихъ родовъ Омого-н-бай, который принялъ его въ покровительство свое, принужденъ былъ изъ родины своей въ Барабійскія Степи переселиться по причинѣ пришествія Россіянъ, конхъ оружіе вездѣ тогда провучало славу побѣдъ.—Омого-н-бай съ Мымакомъ пришли къ Монголамъ, но были приняты непріятельски, отъ которыхъ удалились они съ людьми своими внизъ по Ленѣ, — и тамъ покорены Россіянами.

Омого-н-бай извѣстенъ по преданіямъ какъ первый предводитель Якутовъ. Вмѣстѣ съ подвластными ему племенами, онъ былъ выгнанъ изъ родины своей силою русскаго оружія и удалился сперва къ вершинѣ Лены; но когда Бураты и Тунгусы оттуда его прогнали, то онъ пустился на плоткахъ внизъ по рѣкѣ Ленѣ до Гусиныхъ Горъ, гдѣ Бураты и Тунгусы его нагнали и начали кровопролитное сраженіе.—Мѣсто это и Бураты и Тунгусы и Якуты согласно показываютъ.—Первое извѣстіе о нихъ Русскіе получили въ 1621 году, когда вилюйскіе

Тунгусы извѣстили мангазейскихъ изаконовъ, что Якуты, со скотомъ своимъ вышедшіе изъ красноярскихъ предѣловъ, — въ многочисленныхъ степеняхъ заняли мѣста по Ленѣ, начиная отъ устья впадающей въ нее съ западной стороны, между рѣками Витимомъ и Олѣкмою, рѣки, называемой Нюй, между Леною и Вилюемъ, по рѣкамъ Оленѣку, Алдану, Яну и Нидигиркѣ и вытѣснили Тунгусовъ съ природныхъ ихъ мѣстъ (21).

Нѣсколько Якутовъ, и именно только два рода обитаютъ нынѣ въ туруханскомъ краѣ, на берегахъ Енисея, около селенія Порохина и по берегамъ Хеты, Боганиды и Хатавги (22). Но большинство Якутовъ занимается теперь отдаленную область, которой они и сообщили свое названіе. Они стоятъ на самой высшей степени образованія, грамоты не имѣютъ, мало занимаются земледѣліемъ и находятся въ крайней бѣдности. Живутъ они въ деревянныхъ юртахъ, питаются тѣмъ, что пошло, даже падалю, не ѣдятъ только собакъ, которыя, вмѣстѣ съ оленями, рогатымъ скотомъ и лошадьми, составляютъ все ихъ богатство. И дѣломъ и виною они носятъ одинъ и тотъ же костюмъ — запужъ изъ звѣриныхъ кожъ, крытый грубымъ сукномъ. Одни только богатые князцы носятъ рубахи изъ дабы, бумажной матеріи сиваго цвѣта, и шинуы, крытые сивымъ сукномъ. Якуты замѣчательны своимъ искусствомъ рѣзать изъ кости гребни и шкатулки и шить разноцѣтныя ковры изъ конской кожи. Они отъ языческой вѣры давно уже отстали, но на утверженіе ихъ въ правилахъ христіанскаго благочестія тѣперь обращено особенно-ревностное вниманіе (23). Замѣтимъ въ заключеніе, что о происхожденіи названія Татаръ есть мнѣніе, что это потомки древняго племени Та-та, принадлежавшаго къ обширно-

(21) Г. Лосевъ.

(22) Г. Копцевъ: Инструкция доктору Кастрену.

(23) Ж. М. В. Д. 1844 г. № 11.

му и могущественному царству Унгурскому, котораго столицей былъ городъ Голмиъ или Горинъ; въ окрестностяхъ этого города заложенъ былъ нынѣшній Селегинскъ (24).

Самоды въ древности были современны Финнамъ. На томъ основаніи, что Финны называли себя Соуналенъ, а Лапландцы землѣ своей даютъ названіе Самолова, многіе считаютъ Самоловъ и Лапландцевъ за одинъ народъ. Сибирскіе Самоды, занимавшіе мѣсто при Анабарѣ-Рѣкѣ и вдоль Ледовитаго-Моря, вмѣстѣ съ Вогуличами, Остяками и Татарами, отъ Кучумахана продались Русскимъ въ 1611 году (25). Въ настоящее время, Самоды обитаютъ въ Меэенскомъ-Округѣ Архангельской-Губерніи, въ Березовскомъ-Округѣ Тобольской-Губерніи; къ сѣверу отъ рѣки Сѣимъ, впадающей въ Обь съ лѣвой стороны, при заливѣ Обскомъ и на востокъ отъ Оби, хотя эти послѣдніе племена Клапротъ и составитель остяцкаго словаря, тобольскій священникъ Вологодскій, отчисляютъ къ Остякамъ. Самоловское же племя занимаетъ мѣста вверхъ по рѣкѣ Тазу, по обомъ берегамъ этой рѣки и на тундрѣ между Тазомъ и Енисеемъ, по притокамъ Оби: Вагѣ, Тыму и Кѣги, Парабѣлу и Чулыму до Томска и близъ Васюгана или Васегана. Отъ Нижней-Оби на востокъ до рѣки Хатагги, все пространство обитаемо именно Самоловами, или, по-крайней-мѣрѣ, сродными имъ племенами. Наконецъ по берегамъ рѣкъ Хѣты, Пасины, Хатагги и Таймура обитаютъ также Самоды (26).

Къ Самоловамъ же причисляютъ Маторовъ, Юраковъ или Юрацовъ и Камажениловъ, Камышинцовъ, Камасницовъ или правильнѣе Камачинцовъ.

Маторы весьма-немногочисленное племя, не упоминаемое даже въ офи-

ціальныхъ бумагахъ инородческихъ думъ. Въ минувшемъ десятилѣтіи ихъ считалось не болѣе десяти семействъ (27).

Юраки—самый сѣверный родъ Самоловъ. Въ дополнительной инструкціи капитанъ-командору Берингу 16 марта 1733 года, относительно этихъ племенъ, между-прочимъ, было сказано: между Оби и Енисея рѣкъ кочуютъ такъ-называемые Юраккая Самола, которые въ ясакъ еще не обложены и всегдашніи съ Остяками драки имѣютъ (28). Нынѣ племя это бродитъ, съ лѣвой стороны Енисея по тундрѣ къ морю.

Камачинцы, кочующіе въ Канскомъ-Округѣ, раздѣляются на три улуса: 1) Абалаковъ, 85 душъ мужскаго пола и 76 женскаго; они бродячіе и занимаютъ мѣста по рѣкѣ Шимжѣ, по рѣкамъ Канѣ, Манѣ, Пѣзо и около Бѣлогорья по рѣкѣ Кулѣжѣ, Мѣми, Кирѣлѣ, Анжѣ, Тумѣ, Кужѣ, Пигилѣ, Иларѣ, Кунгусѣ и Тайбѣ. Пристанище, которое они посѣщаютъ наиболѣе—это мѣсто около деревни Анжи, въ 150 или 200 верстахъ, въ вершинахъ рѣкъ Кана, Маны и Шалки, падшей въ Минусинскомъ-Округѣ въ рѣку Енисей; 2) Угомаковский-Улусъ, состоящій изъ смеси съ Татарами, заключаетъ въ себѣ бродячихъ 7 душъ мужскаго пола и 3 женскаго и кочевыхъ 89 душъ мужскаго пола и 63 женскаго. Они кочуютъ по берегамъ рѣки Рыбной въ 156 верстахъ отъ Канска и далѣе по рѣкѣ Сиверѣ и Сѣлбѣи, равно какъ и на сосѣднихъ степяхъ; тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ постояннаго пристанища, каждыя два года его мѣняютъ, суля по тому, гдѣ находятъ лучшую охоту. Нѣкоторые изъ нихъ даже переселились въ Малорыбинское, Анжиское и Найское или Перовое селенія Канскаго-Округа; и 3) Агульскій или Пантыковъ-Улусъ, состоитъ изъ 42 душъ мужскаго пола и 34 душъ женскаго пола. Они по-большой-части

(24) Тамъ же 1844 г., № 4.

(25) Г. Лосевъ.

(26) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 4 и 1846 г. №№ 4 и 6; и Енисейская-Губернія г. Степанова 1835.

(27) Тамъ же.

(28) П. С. З. Р. И. № 6351.

живуть разсѣянно въ русскихъ селеніяхъ, между старожиллами, то-есть Русскими, съ давнихъ лѣтъ поселившимися въ Сибири; немногіе только обитають въ своихъ юртахъ при рѣчкѣ Агулѣ, во стѣ верстахъ отъ Каяска. — Всѣ Камачинцы православнаго вѣроисповѣданія (29).

Остяки, или Юштяки. Слово это, какъ увѣряють, означало у чудскихъ племенъ то же, что у Грековъ Барбарось, а у Русскихъ Нѣмецъ — все не-русское на западъ, или Чудь, Чужь — все не-русское на востокъ, то-есть, чело-вѣкъ чуждый, дикий. Они еще въ 1608 году не только покорились Россіи, но оказывали побѣдителямъ, подъ предводительствомъ своихъ князевъ Урмука и Намака, вспоможеніе къ преодоленію восточныхъ порубежныхъ сѣнинъ народовъ. — По собственнымъ ихъ преданіямъ Остяки происходятъ отъ Пермиковъ; тѣ, которые обитали по рѣкамъ Кети и Томи, въ языкѣ своемъ весьма-много сходствовали съ Самоѣдами и въ семнадцатомъ столѣтіи раздѣлялись на слѣдующіе четыре рода: Ариновъ, Катовъ, Койбаловъ и Асановъ. Перешедши отсюда въ 1610 году на рѣку Верхнюю-Тунгуску, они начали не только тѣснить и разорять ясачныхъ Тунгусовъ, но даже сопротивлялись небольшимъ отрядамъ казаковъ; наконецъ дошло до того, что и казаки стали ихъ робѣть, а Тунгусы, совершенно пораженные страхомъ дальнѣйшихъ опасностей, мало-по-малу разошлись въ разныя стороны (30).

Въ настоящее время, Остяки кочуютъ тамъ же, гдѣ и Самоѣды, вслѣдъ за ними. Рѣка Сыня, впадающая, ниже Березова, съ лѣвой стороны въ рѣку Обь, есть самый сѣверный предѣлъ Остяковъ (31). — Далѣе на востокъ, Остяки кочуютъ въ Туруханскомъ Краѣ: три рода на берегахъ Туруханъ

ки, Тава и Курейки, а два рода на берегахъ Аганы и Нарильски, и, наконецъ, еще далѣе три рода ихъ занимають мѣста около Анцыферовской-Волости и Маковской-Пристани на Кети (32). — Кочующіе на Енисей, назъ Туруханскомъ, при Южной-Тунгускѣ, такъ-называемые енисейскіе Остяки, или Енисейцы, имбацкіе Остяки, называвшіеся прежде Этъ, Остяки по Елогію, пумкокольскіе Остяки и вымершія племена Асановъ, Катовъ и Ариновъ относятъ къ совершенно-отдѣльному отъ собственно такъ-называемыхъ Остяковъ поколѣнію, сходствующему съ Остяками развѣ только въ томъ, что они также ведутъ кочевую жизнь. Во время пребыванія въ Сибири Миллера, въ 1735 году, Ариновъ оставалось въ Сибири только 9 семействъ, и между ними лишь одинъ старецъ говорилъ аринскимъ языкомъ. Аринны покорены были въ 1608 году Русскими подъ начальствомъ кетскаго воеводы Молчанова. Всегланнее кочевье ихъ было на устьѣ Казы, Енисейской-Губерніи, и владѣніе ихъ называлось Тулюкомъ. Главная отрасль этого народа, подъ именемъ Ари, еще въ XIII столѣтіи переселилась съ береговъ Енисея вѣстѣ съ Монголами въ страну, лежащую между Казанью и Вяткою и получившую отъ нихъ названіе Арской-Земли (33).

Койбалы, причисляемые одни къ татарскому племени, другими къ Самоѣдамъ, а третьими къ Остякамъ, кочуютъ въ Минусинскомъ-Округѣ на правомъ берегу Абакана, начиная отъ впаденія въ него Табата внизъ, до впаденія Абакана въ Енисей, по берегамъ Тубы и рѣчки Салбы. Койбаловъ въ послѣднее время считалось 635 душъ мужескаго и 493 души жевскаго пола (34).

Къ Калхасскому племени причисляють существующія нынѣ въ маломъ числѣ семействъ племена Алтырогъ,

(29) Г. Кенпезъ: Дополнительная инструкция доктору Кастреву.

(30) Г. Лосевъ.

(31) Г. Шёгрень: Инструкция доктору Кастреву.

(32) Г. Кенпезъ.

(33) Э. Л. т. III п. г. Шёгрень.

(34) Г. Кенпезъ.

Вамшировъ и Мрасовъ; всѣ они кочуютъ въ Минусинскомъ-Округѣ и управляютъ безъ различія въ соединенной Сагайской Степной Думѣ.

Алтыры издревле кочевали по Абагану. Они вѣстѣ съ Бельтирами добровольно пришли въ русское подданство еще въ 1610 году, въ то время, когда единоплеменники ихъ Киргизы, и именно средняя ихъ орда, явились непокорными русскому владычеству (35).

Бельтиры кочуютъ между Таштыпомъ и Абаганомъ, влѣво отъ Абагана; если я не ошибаюсь, то въ 1842 году ихъ было только два семейства. Въ прошломъ столѣтїи они содержали караулы на китайской границѣ при урочищѣ Шабия-Дабага и обязанность эту раздѣляли съ сосѣдями своими, Сагайцами (36).

Мрасы кочуютъ въ Минусинскомъ же Округѣ на берегахъ Мрасы (37).

О Киргизахъ мы здѣсь не упоминаемъ, потому что племена ихъ общезвѣстны изъ специальныхъ описаній.

Изъ огромнаго монгольскаго племени, раздѣляющагося на три обширныя отрасли, т. е. собственно такъ-называемыхъ Монголовъ, Бурятовъ и Ойратовъ или Калмыковъ — мы займемся сперва сибирскими Калмыками. Къ нимъ принадлежатъ: собственно такъ-называемые Калмыки, Сагайцы, Качинцы, Сойоты, Телеуты, Телеугуты и Таутелеуты. Послѣдніе три племени ввѣняются у насъ бѣлыми Калмыками.

Калмыки собственно такъ-называемые обитаютъ между Алтайскихъ-Горъ и раздѣляются на шесть дючинъ или волостей: первая — по рѣкамъ Катуня и Плимея; вторая, пятая и шестая — близъ озера Теньги и у рѣчекъ Сарасы, Сены, Урсула и Каранола; а третья и четвертая при рѣчкахъ Канѣ, Эбаганѣ, Песчавой и Чарышу. Въ шѣ-

стахъ ихъ кочевья воздухъ всегда свѣжій и здоровый; большого снѣга, кромѣ горъ, не бываетъ; растительность сильна, и, по стааніи, снѣговъ молодая трава появляется на другой, много на третій день. — Постояннаго жительства Калмыки не вѣдуютъ, а перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто съ своими юртами, которыхъ разстановка, равно какъ и сдѣланіе лошадей, лежитъ на обязанности женъ. — Калмыковъ считается 1203 души; асака собирается по оцѣнкѣ на 1383 рубля 98 копеекъ.

Калмыки въ совершенное подданство Россіи поступили въ 1740 году (38); сами же они ведутъ численіе водворенія своего въ этихъ мѣстахъ отъ разоренія Зюнгорскаго-Царства Монголами и Киргизъ-Кайсаками (39). — Калмыки по преданіямъ стариковъ разказываютъ, что они прежде назывались Уйреты, Упреты или Элеты и находились въ подданствѣ Золотой-Орды Алтын-Хана (40) и перешли въ потомкахъ его до Кивчака. — Въ наружномъ видѣ, въ обрядахъ вѣры, въ языкѣ и въ обращеніи въ домашнемъ быту весьма сходствуютъ съ Зюнгорцами, обитающими по другой сторонѣ края (41).

(38) Видно изъ дѣлъ бывшей Тобольской Воеводской Канцеляріи. Прим. з. Горозова.

(39) Кыръ — по-русски степь; ызы — человекъ; кай — кто; сакъ — остороженъ; сами же Киргизы называютъ себя просто Хазакъ, — потерявшійся, заблудившійся, бѣглый, немѣющій дома, разбойникъ.

Прим. з. Горозова.

(40) Къ Алтын-Хану было послано въ 1638 году изъ Москвы посольство (Ж. М. В. Д. 1843 г. № 7); а сынъ его Лоджанъ въ 1664 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ принялъ подданство Россіи, получивъ вѣстѣ съ тѣмъ титулъ Мунгалскаго Царя (П. С. З. Р. И. № 367), а отъ царя Федора Алексѣевича получилъ милость царскую: даѣ половины сукна аглецкаго добраго, четыре порташа камки и порташе атласу добраго (П. С. З. Р. И. № 800).

(41) Зюнгорскія или джунгарскія племена еще въ XV столѣтїи составились изъ

(35) Ж. М. В. Д. 1844 г., № 4, и г. Лосевъ.

(36) П. С. З. Р. И. № 5189.

(37) Г. Кенненъ.

Этигорцы эти неоднократно порывались большими скопщиками перейти на жительство по-сю-сторону Алтая (42), но всякій раз были задерживаемы пограничными караулами Китайцевъ. Последнее покушеніе ихъ было въ 1808 году, но ихъ настигли на Саянскихъ-Горахъ и воротили назадъ, что и было причиною переписки китайскаго правительства съ русскими мѣстными властями.

Калмыкамъ издавна предоставлено право *суманговъ* или общихъ сѣздовъ лучшихъ людеи и родоначальниковъ на известное мѣсто; здѣсь они разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ, чинятъ разбирательство тяжбъ между своими; недовольные этимъ рѣшеніемъ приносятъ жалобы исправнику, который совершенно оканчиваетъ дѣло. — Сугланы эти, или мирскія сходки, составляемыя для сдачи ясака, сами собою обращаются въ ярмарки, коль скоро сюда съѣдутся торговцы (43).

Ясанъ Калмыки платили сначала въ городѣ Кузнецкѣ, а съ нынѣшняго столѣтія вносятъ его въ Бійскѣ (44).

Калмыки женятъ сыновей своихъ и выдаютъ замужъ дочерей по собственному своему благоусмотрѣнію, не заботясь о согласіи жениха и невесты: главную роль здѣсь играетъ *калымъ*, или плата за невесту. Число женъ не опредѣляется, но ограничивается обыкновенно четырьмя.

Родильницамъ въ родахъ помогаютъ родственницы, которыя въ послѣднія минуты мнутъ и давятъ ей животъ, а посѣтителю, кто бы онъ ни былъ, ударяютъ больную три раза по лѣву, приговаривая «утуръ-барзынъ», т. е. выходи скорѣй. Новорожденнаго дѣ-

тотъ тотчасъ же выкупаютъ въ водѣ и сушатъ на солнцѣ, или у огня, а зѣмой выкупаютъ въ снѣгу и, отогрѣвъ у огня, шажутъ всего масломъ, саломъ и сметаной. Потомъ даютъ имя, сообразное съ тѣмъ предметомъ, который старшему въ родѣ или съ перваго раза вынется въ глаза, или просто придать въ голову. — Ребенка до-тѣхъ-поръ, пока онъ не начнетъ ходить, кормятъ обыкновенно соскомъ изъ скотскаго или звѣринаго жира. Матери рѣдко кормятъ грудью. Мальчиковъ съ восьми лѣтъ приучаютъ ѣздить верхомъ на быкахъ и лошадяхъ, различать свою и чужую скотину, пастись, ловить лошадей на всеиъ скаку эрканами и, наконецъ, когда силы ихъ достаточно укрѣпятся — учатъ ловить звѣрей и стрѣлянію изъ луковъ.

Грамоты у Калмыковъ нѣтъ вовсе. Физіономія Калмыковъ известная: широкое, смуглое и, вдобавокъ, запяканное сажей лицо; черныя глаза въ узенькихъ щелкахъ; приплюснутый носъ; большой ротъ; свіяя губы; оттопыренные уши; кривыя ноги отъ безпрестанной ѣзды верхомъ съ монгольской посадкой; рѣдкіе волосы на беродѣ; порядочные усы и на бритой головѣ, черная коса, въ которую, для красоты, вплетены еще ковскіе волосы.

Одежда лѣтомъ и зимою — одна и та же: или шуба съ длинными рукавами, или *кожанъ*, то-есть, та же шуба, только вовсе безъ шерсти; кожаныя *чамбары*, или штаны; войлочные чулки; красныя сапоги безъ каблуковъ съ толстыми подошвами, и плоская круглая шапка изъ желтой канѣы, опушенная мѣхомъ и украшенная красною кистью.

Женщины имѣютъ тотъ же обликъ лица и такъ же одѣваются, какъ и мужчины, но сверхъ шубъ носятъ еще чегедекъ или камзолъ изъ канѣы безъ рукавовъ. Въ косички, которыя онѣ носятъ въ большомъ количествѣ, онѣ вплетаютъ корольки, бисеръ, серебряныя блахи и раушки; на шеѣ — серебряныя обручи, моржанъ, корольки и бисеръ; на рукахъ кольца.

четырехъ калмыцкихъ поколѣній; по соединеніи этого края въ 1754 году, къ Китайской Имперіи, — на этихъ же мѣстахъ были поселены и наши волжскіе Калмыки, вышедшіе изъ Россіи въ 1771 году (Э. А. т. XVI).

(42) П. С. З. Р. И. № 11124.

(43) Тамъ же, № 29126.

(44) Тамъ же, № 19196.

Общія черты: крайняя неопрятность, грязь, туныя способности, правдолюбъ. Кроме того, у мужчинъ картежная игра и пьянство.

Калмыки держатся шаманства. У нихъ есть сивирный богъ — Кутай Канраканъ Эбошь, и злой чортъ — Казыр-Шайтанъ. Тому и другому они приносятъ жертвы — лошадь, корову, быка или овцу при содѣйствіи шамановъ, и жертвенное мясо, изжаривъ на угляхъ, ѣдятъ, не допуская женщинъ присутствовать при этомъ. Поклоняются солнцу, которое почитаютъ за глазъ Бога — Харахъ-Кутай.

Калмыки превосходно стрѣляютъ изъ луковъ и ружей, которые у нихъ бывають съ фитилемъ и занимаются звѣриннымъ промысломъ въ *Бѣлкахъ*, находящихся во внутренности Алтая, и по краямъ его у Тигирека, у бухтаринскихъ покотай или въ Саянскихъ - Горахъ, принимающихъ въ Кузнецку (45). Снѣгъ на Бѣлкахъ ни-

(45) Система алтайская съ юга ограничиваетъ обширное углубленіе сибирской почвы; она начинается у Зѣиногорскаго-Рудника, тамъ, гдѣ впадаетъ рѣка Убѣ въ Иртышъ, и оканчивается у горъ Гурби, у южной оконечности Байкала. Длина всей цѣпи 21 градусъ долготы — 260 географическихъ миль или 4420 верстъ. Гумбольдтъ включаетъ въ эту систему и такъ-называемый Малый-Алтай, или Алтай-Бекли, и цѣпь саянскую и сѣвѣнныя вершины Тангу и горъ Улангомъ-Ула. Система Алтайскихъ-Горъ окружаетъ источники Иртыша и Енисея; сѣверо-западная ея часть упирается въ Телецкое-Озеро и въ мѣсто соединенія Бии и Катунн. Восточная часть ихъ известна подъ именемъ горъ Саянскихъ, Тангу и Малаша. За Байкаломъ, у Верхняго Кентля и горъ Даурии система алтайская соприкасается съ системами Западнаго-Хитана и Яблоннаго-Хребта. Собственно такъ-называемый Алтай почти весь находится въ русскихъ владѣніяхъ и образуетъ рѣшительно одну группу горъ, которая выдѣляется, какъ огромный мысъ, на западной оконечности цѣпей, входящихъ въ составъ алтайской системы (Ж. М. Н. П. 1844 г., № 5).

когда соевѣтъ не таетъ; но случается по - временамъ, въ жаркое лѣто, что огромныя массы снѣга, въ нѣсколько саженъ длины и толщины, отрываясь сверху горы, падаютъ на проложенную подлѣ горъ тропу.

Каждую изъ шести дюжинъ; на которыя раздѣлены Калмыки, управляетъ зайсангъ; ему подчинены одинъ или два деничея, т. е. сотника (46); подъ ними два или три шуленьги, ниже ихъ арбанаки.

Покойниковъ хоронятъ тремя различными способами: одни сожигаютъ ихъ виѣстѣ съ лучшею лошадью и съ любимыми вещами, лукомъ, стрѣлами, съ сѣломъ, плетью и *замдой* или трубкой; другіе отвозятъ ихъ въ горы и заваливаютъ камнями и лѣсомъ; третии зашиваютъ покойника въ кошму или войлокъ, и вѣшаютъ на суку высокаго дерева (47).

Сагайцы обитаютъ между рѣками Аскизомъ и Эсью, по берегамъ Таштыпа и Арбата, текущихъ въ Абаканъ, по собственно такъ-называемой Сагайской-Стени. Число ихъ съ точностію нельзя опредѣлить: въ Сагайской Стеной Думѣ, которой подчинены виѣстѣ съ Сагайцами и Алтырами, Бельтиры и Мрасы — подвѣдомственныхъ ей ивородцевъ вообще считается 3897 душъ мужскаго и 4011 душъ женскаго пола (48). Сагайцы занимаются хлѣбопашествомъ единственно только про себя, заставляя рожь, ярицу, ячмень и пшеницу. Сверхъ-того, промышляютъ ловлею пушныхъ звѣрей по правому берегу Енисея. Они почти всѣ крещены и только малая часть ихъ придерживается шаманства (49).

Качилцы, въ древнія времена называвшіеся Каша или Каштаръ, кочевали между Бѣлымъ и Чернымъ Ибсами, и еще въ 1672 году, при князѣ Конкер-Котечинѣ, платили дань Русскимъ по

(46) 1247 ст. IX в. Свод. З. о Сосе. изд. 1843 г.

(47) Г. Гороховъ.

(48) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(49) Г. Амстренко.

пяти соболей съ каждаго мужчины. Происхожденіе свое воспѣвали такъ: «Кайда тугарь салъ? Кешта тюльби-гевъ? Кемчуга изырь? Джиланту ия-валжиръ?». Что по-русски означаетъ: «Какого рода? Съ Кемчуга или Енисея? Изъ Зѣннаго или изъ Красноярска?». Городомъ ихъ на Енисей Русскіе дѣйствительно овладѣли еще въ шестнадцатомъ столѣтіи (50). Нынѣ они обитаютъ преимущественно на древнихъ своихъ мѣстахъ, въ Минусинскомъ-Округѣ по степи, носящей ихъ названіе, Качинской, на лѣвомъ берегу Енисея и вѣво Абакана по берегамъ Юсса, впадающаго въ Чулымъ. Въ Минусинскомъ-Округѣ ихъ считается 3460 душъ мужскаго и 3119 душъ женскаго пола. Въ Красноярскомъ-Округѣ Качинцевъ считается 241 душа мужскаго и 231 женскаго пола; они имѣютъ около тысячи десятинъ земли, управленіе ихъ находится въ лежащемъ въ пяти верстахъ отъ Красноярска селеніи Торгошинѣ, гдѣ пребываетъ избираемый ими староста. Они живутъ разсѣянно, и трудно ихъ различать отъ Русскихъ, съ которыми они одинаковаго вѣроисповѣданія (51). Минусинскіе Качинцы раздѣляются на восемь родовъ: Тубинскіе, Абалтаевскіе, Абалокковскіе, Тинскіе, Яринско-Остинскіе, Татаровскіе, Татышевскіе и Казановскіе. Управленіе ихъ сосредоточено въ Качинской Степной Думѣ. Есть преданіе, что они кочевали прежде по берегамъ Качи, у нынѣшняго Красноярска.

Сойоты сдѣлались извѣстны Русскимъ съ 1604 года, обитало въ то время при енисейскихъ порогахъ, по ихъ Ойматуру именуемыхъ, и вели свое происхожденіе отъ предводителя татарскихъ породъ—Пореня. Природное жителство они имѣли по рѣкамъ Оби и Енисею. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ихъ улусы, Русскіе, въ началѣ

сенадцатаго столѣтія ихъ покореніе, принѣтили много древнихъ развалинъ, въ видѣ каменныхъ маяковъ, о которыхъ опытомъ дознано, что это могли неизвѣстныхъ народовъ, необычайно—большими каменными выкладенными (52).—Отдѣльное племя ихъ, извѣстное подъ названіемъ Табунутскихъ Сойотовъ, приняло подданство Россіи въ 1689 году. Предводитель ихъ, Самы-Окинъ, съ товарищами и шуленгами обязался вносить всакъ поголовно соболями, рысями, лисцами, а въ случаѣ нужды и давать подводы (53). Они обитаютъ около Тулунска и у юго-западной оконечности Байкальскаго-Озера (54), но извѣстны и около Минусинска, гдѣ много разсказываютъ про ихъ ликую жизнь въ горахъ Алтайскихъ близъ китайской границы и про ихъ удивительное искусство владѣть лукомъ.

Телеуты извѣстны русскому правительству съ 1601 года, какъ народы бѣдные и малочисленные, обитавшіе между Калмыками при самыхъ вершинахъ рѣки Оби.—Когда они, оставъ, въ 1609 году, прежнія свои жилища, добровольно покорились Россіи, то имъ даны были земли близъ города Томска между татарскими улусами. Однакожь не всѣ Телеуты вышли изъ жилищъ своихъ, а большая ихъ часть осталась у Калмыковъ. Они природный свой языкъ позабыли и нынѣ говорятъ по-татарски, а въ приказныхъ дѣлахъ съ давнихъ временъ называются Бѣлыми-Калмыками (55).

Телунуты покорены въ 1609 году. Два главные ихъ рода, подъ предводительствомъ князьковъ Мануя и Болоя, кочевали между рѣками Анбемъ и Чарышемъ, впадающими въ Обь; прочіе же роды ихъ бродили по рѣкамъ Албѣ и Книгирѣ (56).

(50) Все это видно изъ дѣла въ Иркутскомъ архивѣ подлѣ № 1899.

Прим. в. Лосева.

(51) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(52) Г. Лосевъ.

(53) П. С. З. Р. Н. № 1336.

(54) Ж. М. Н. П. 1845 г., № 8.

(55) Г. Лосевъ.

(56) Г. Лосевъ.

Таутелеуты или *Дзюнгорскіе Двоеданцы* раздѣляются на двѣ волости и управляются двумя родоначальниками, *демичами*. Кочуютъ они въ глуши Алтайскихъ Горъ, проѣхавъ замѣчательную по высотѣ и по сѣдлообразному виду гору Эда-Кубу-Туу, за такъ-называемую Студѣною-Падью, — гдѣ всегда, даже среди лѣта, бываетъ жестоко-холодно и вѣтрено, — въ вершинахъ рѣкъ Чулышмана, Башкауса, по лѣвой сторонѣ Катуня, между ея вершиною и вершиною Чуня, имѣющихъ начало свое въ границахъ китайскихъ владѣній. Мѣстоположеніе ихъ кочевья похоже на степь; грунтъ земли мелкій голышникъ и дресва; зимняи снѣгу весьма-мало; лѣсъ — черемуха, тальникъ и низкій березнякъ; травы по рѣчкамъ достаточно; озеръ много; горы кругомъ отдалены на большое пространство. Таутелеуты исповѣдуютъ буддизмъ, но придерживаются и шаманства. Ростомъ крупны, манеры горды и грубы; знаютъ грамоту; земледѣіемъ не занимаются; скотоводство у нихъ въ хорошемъ состояніи; торгъ ведутъ рогатыми скотомъ и промѣниваютъ китайскіе товары и серебро на европейскія издѣлія. Судомъ и расправою вѣдуются у Китайцевъ. Число Таутелеутовъ неизвѣстно; ясакъ платятъ въ Китаю, въ пограничномъ городѣ Улату, въ Россіи — въ Бійскѣ, въ количествѣ по оцѣнкѣ на 200 руб. ассиг. — Языкъ ихъ состоитъ изъ словъ монгольскихъ и калмыцкихъ (57). — По другимъ извѣстіямъ, эти надолгоклонники, хотя и составляютъ одно племя съ Китайцами, однакожь говорятъ самымъ испорченнымъ турецкимъ нарѣчіемъ; дань китайскому правительству платятъ въ городѣ Буянту, въ шести дняхъ пути отъ русской границы въ провинціи Улуссутой (58).

Селенгинскіе Калмыки, Урянхай, Мунгалы, Олоты или Соиты (въ старинныхъ бумагахъ названія эти упо-

треблялись одно вмѣсто другаго), вышедшіе изъ Китая Монголы, кочевали съ давнихъ временъ по обоимъ берегамъ рѣки Селенги (59); подданство Россіи они приняли при тайшѣ Ирки Кантави, въ 1689 году, и выговорили себѣ право не платить поголовнаго ясака, а со всѣхъ пяти кошеуновъ, на которые они были раздѣлены, дѣлать ежегодный сборъ по 50 лошадей, 50 быковъ и 50 барановъ (60). Но въ 1696 году Мунгалы и нныя иновѣнцы въ Даурахъ отъ Нерчинска откочевали «за границу» (61). Въ 1737 году дѣлались большія приготовления и ожидали перехода къ намъ Монголовъ въ большихъ массахъ, по случаю бывшихъ въ то время въ Китаѣ волненій, произведенныхъ Амурсаюю (62).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАРАЦЕЛЬСЪ.

Статья вторая и послѣдняя.

Разбирая, въ первой статьѣ, главное сочиненіе Парацельса «*Rapatum*» (самое важное), мы объяснили принимаемые имъ пять родовъ вліянія и три элементарныя начала, и вложили ученіе его о пищѣ.

«Всякая пища», говорятъ онъ, «кромя питательной части, превращающейся въ тѣло, содержитъ въ себѣ части несвойственныя организму и образующія остатки. Если этотъ остатокъ не изгнанъ, то онъ также превращается въ тѣло и дѣлается источникомъ болѣзней. Смотря по органу, въ который бросится, онъ производитъ камень, хрящъ, или образуетъ растенія, бородавки, проказу, водяную. И этотъ-то

(59) Г. Лосевъ.

(60) П. С. З. Р. И. № 1329.

(61) Тамъ же, № 1542.

(62) Э. Л. Т. II и XVI.

(57) Г. Гороховъ.

(58) Ж. М. Н. П. 1843 г., № 1.

T. LIV. — Отд. VIII.

остаток Парацельс называет *tartarum*, *tartarum*, смертное начало... Разные роды пищи дают различные остатки в различные тартары: рыбная пища — глинистый, овощи — клѣтчатый, вязкій. Искусство врача состоитъ въ томъ, чтобъ предписать лекарство, которое бы, соединивъ это вредное начало съ пищей, изгнало его изъ организма... Тартаръ образуется, на-примѣръ, во рту около зубовъ. Оставаясь въ желудкѣ, онъ причиняетъ воспаленіе въ горлѣ, одышку, потому-что въ такомъ случаѣ, какъ въ пивномъ котлѣ, подымается родъ пѣны, болѣе или менѣе ѣдкой. Не думайте избавиться отъ этого врага чистительными средствами: они, не достигаая его, только лишаютъ больного мукозныхъ и питательныхъ соковъ. По мѣрѣ того, какъ пища проникаетъ въ организмъ, образуются новые остатки, твердые или жидкіе, различнаго свойства, причиняющіе рѣзъ, колики, съ тѣми же пароксизмами, какіе производятъ каменная болѣзнь...

Довольный такимъ химическимъ объясненіемъ, Парацельс обращается къ своимъ противникамъ: «Какъ же мопельерскіе, салерскіе, парижскіе медики не видѣли этого тартара, который безъ очковъ въ глаза бросается?.. Толкуете вы объ анатоміи, рѣжете трупы повѣшенныхъ... Дай Богъ, чтобъ взглянули ты на большыхъ!.. Передъ болѣзью вы — какъ тележокъ передъ капуциномъ... Скажите, господа доктора, развѣ экскрементъ недостойнъ того, чтобъ вы преклонили передъ нимъ колѣно?»

Въ этой буйной выходкѣ много правды: мы и теперь еще часто забываемъ, что наблюденіе болѣзней гораздо полезнѣе трупоразрѣтій.

Желудокъ, по ученію Парацельса, общій слуга; во работая для всего тѣла, онъ не избавляетъ органовъ отъ частной работы. У каждаго органа есть свой желудокъ, который обязанъ переваривать пищу для себя. Отъ-того и различныхъ остатковъ образуется столько, сколько органовъ. У сердца, легкихъ, мозга — у каждаго саре осо-

бенное пищевареніе и свои изверженія. Если эти изверженія обратятся въ тартаръ, то органъ поражается болѣзью. Кровь, хребетный мозгъ, мускулы — также имѣютъ свои остатки пищи, которые должны извергаться мочариной и уриной: иначе они производятъ проказу, подагру, лохъ. Смотрите преимущественно на урину, говоритъ Парацельс: «по ней узнаете экскременты всего тѣла».

И дѣйствительно, урина служитъ теперь самымъ богатымъ матеріаломъ для изслѣдованій и теорій химиковъ. Чего не говорили по этому предмету? Многіе думали, что процессъ пищеваренія такъ же легко объяснить, какъ процессъ превращенія свекловичны въ сахаръ и алкоголь.

«Когда каждая вещь», прибавляетъ Парацельс поэтическимъ тономъ: «находить то, что ей соотвѣтствуетъ, тогда образуется соединеніе законное и прочное; въ противномъ случаѣ сочетаніе не можетъ быть прочно, все колеблется въ немъ, какъ тростникъ на водѣ. Но какъ божественный законъ связываетъ двухъ супруговъ, даже нежелающихъ другъ друга, узамъ неразрывными, такъ искусство врача держитъ элементы организма въ единомъ состояніи».

«Если желудокъ не производитъ своихъ отпавленій какъ слѣдуетъ, то и все тѣло приходитъ въ болѣзненное состояніе, потому-что онъ всюду разливааетъ свой адъ, и часто приписываютъ другому органу то, что происходитъ отъ желудка...»

«Впрочемъ, не всѣ ненормальныя вещества въ организмѣ образуются изъ остатковъ пищеваренія. Какъ въ колѣнѣ сѣра горитъ, а соль, не соединяющаяся съ ртутуріемъ, падаетъ на землю въ видѣ камня, такъ и въ живомъ тѣлѣ есть свои аэролиты.»

Словъ эти странныя толпы терминовъ и сравненій Парацельса, нельзя однако не замѣтить мыслей довольно-остроумныхъ. Ученіе его о частныхъ пищевареніяхъ въ каждомъ органѣ и о важности экскрементовъ имѣ-

еть свое медицинское основаніе. Онъ замѣляетъ этииъ ученіемъ теорію четырехъ влагъ Галена, и противопологаетъ имъ столько влагъ и экстрементовъ, сколько различныхъ органовъ. Что касается до того, будто слабость желудка разстроиваетъ все тѣло и производитъ лихорадочные пароксизмы, то эта идея напоминаетъ систему, принятую въ послѣднее время знаменитымъ докторомъ Бруссэ, который хотѣлъ объяснить всѣ болѣзни расстройствомъ желудка.

• Новѣ ли тутъ источники болѣзней? Нѣтъ; нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ начало въ лоиѣ матери, которое есть весьма-малый микрокосмъ, заключенный въ большемъ микрокосмѣ. Зародышъ обернутъ въ маткѣ точно такъ, какъ наше тѣло обернуто кожей, а миръ—вонизъивыиъ и невидимымъ кебомъ. И такъ, вотъ три монархія, включенныя одна въ другой...

• Первая питаетъ ребенка, какъ земля питаетъ дерево, и таково назначеніе женщины (*propter matricem mulier genita est*). Ребенокъ отличается отъ нея, какъ рыба отличается отъ воды, въ которой живетъ. Первою матерью міра были воды хаоса, надъ которыми шарили Духъ Божій, изъ которыхъ вышли небо и земля. Небо и земля, въ свою очередь, при содѣйствіи руки Божіей, были материнскими лономъ для перваго человека, а отъ него произошла женщина, мать всѣхъ людей... Вы знаете, что главная матка водъ—море, которое поглощаетъ притекающія въ его вѣра рѣчки, одинъ разъ въ день, когда оно вадуетъ и врими-еомъ извергаетъ свои экстременты на берегъ... Женщина—какъ море...

Вотъ рѣзкій прииѣръ необузданнаго воображенія, создающаго такіа странныя оближенія между явлениями нашего организма и явлениями вѣшняго міра.

• Женщина создана для матки, продолжаетъ Парацельсъ: «и въ отношеніи болѣзней существуетъ огромная разница между нею и мужчиной; слѣдовательно и самыя лекар-

ства должны быть различны... потому что минералы полезны только тогда, когда каждый изъ нихъ прилагается къ соответствующему въ микрокосмѣ, хотя впрочемъ есть лекарства—гермафродиты, которыя равно приличны и для мужчины и для женщины...

• И такъ, наши наследственные болѣзни имѣютъ два источника. Мать можетъ вредить ребенку, какъ земля вредитъ дереву; а отецъ передаетъ болѣзнь посредствомъ невидимаго духа, дѣйствующаго на духъ матери. Потому-то и правъ Гиппократъ, говорившій, что добродѣтель изгоняетъ болѣзнь, т. е., что одинъ духъ изгоняетъ другаго...

И вездѣ духи, болѣе или менѣе тѣлесные, дѣйствующіе другъ на друга; очевидно, это что-то неизвестное, скрывающееся въ матеріи, и что мы называемъ теперь силами, а галенисты называли *свойствами*. Но Парацельсъ уточняетъ повятіе; какъ истый химикъ, онъ какъ бы разлагаетъ его, отдѣляя отъ влиной и грубой матеріи.

Наконецъ происходятъ болѣзни и отъ причинъ невидимыхъ.

• Тѣлесными очами мы видимъ только половину міра; а другую половину его, внутреннего архитектора, открываетъ намъ свѣтъ природы (умъ).

• Первая причина невидимыхъ явлений есть вѣра: высшій божественный свѣтъ, дающій намъ силу на пути изслѣдованія, попытокъ. Посмотрите, что дѣлали ея преемники Монсеа Исусъ Навинъ и Самсонъ! Но кичливо было бы расхвѣтывать на чудеса и испытывать силу вѣры: съ помощію ея, безъ сомнѣнія, можно строить на поляхъ Господа многое, что захочешь; но нужно, чтобъ владѣлецъ былъ на то согласенъ...

Этого ученія, кажется, нельзя упрекнуть въ отступничествѣ.

• Но часто», говоритъ Парацельсъ, «приписываютъ вѣрѣ дѣла, которыя совершаются по общимъ законамъ природы. Считаютъ патрономъ падучей болѣзни святаго Валентина, патрономъ

воспаленій—святаго Антонія; холеры—святаго Гюи; болѣзней сионитических—святаго Денноса. Будто святые могутъ быть катронами нашихъ болѣзней! Такія мысли достойны анабаптистовъ и колдуновъ..

Итакъ, Парацельсъ уиѣлъ опровергать предразсудки своего вѣка. Но вотъ какъ объясняетъ онъ вліаніе воображенія матери на зародышъ:

«У каменьщика два дома: одинъ, невидимый, въ мысляхъ; другой, построенный, видимый. Женщина видитъ послѣдній; образъ невидимаго запечатлѣвается въ ней; и какъ каменьщикъ осуществляетъ матеріально свой идеалъ, возвола стѣны, такъ женщина осуществляетъ свой—въ зародышѣ. Воображеніемъ руководитъ невидимый духъ, который говоритъ ей: гдѣ ты хочешь строить?—Тамъ, говоритъ воображеніе, и духъ строитъ. Женщина видитъ хромого и воображеніемъ касается своего колѣна; невидимый строитель также касается колѣна зародыша и уиѣче запечатлѣвается на немъ; потому-что куда устремляется воображеніе, туда стремится и невидимый строитель. Какъ магнитъ, не имѣя ни рукъ, ни ногъ, привлекаетъ желѣзо, такъ воспламененное воображеніе привлекаетъ питательныя вещества и располагаетъ ихъ въ образы и формы. Какъ Богъ сѣетъ кометы по небу, такъ воображеніе сѣетъ ихъ въ тѣлѣ съ быстротою молніи. Васлискъ можетъ убить, устремляя свой взоръ и невидимый ядъ; мать, силою своего воображенія, можетъ отразить на зародышѣ все, что видитъ. Если она представляетъ въ воображеніи Цезаря, Барбаруссу, ученаго, философа или художника, то рождаетъ и сына подобнаго. И это дѣлается безъ ея вѣдома; зародышъ самъ собою привираливается къ ея желанію. Правда, въ этомъ процессѣ есть нѣчто непостоянное, неопредѣленное; но все же онъ происходитъ такъ, а не иначе. По той же причинѣ мать можетъ поселить въ зародышѣ склонность къ воровку, странныя побужденія

и желанія, сдѣлать его хромцомъ, дать ему чудовищныя формы...»

Эти идеи о вліаніи воображенія матери на ребенка раздѣлялъ и Мальбраншъ. И многіе еще думаютъ, какъ думалъ Парацельсъ. Бюссонъ опровергъ это вліаніе; анатомисты нашего времени ищутъ другаго объясненія задачи.

Но вотъ что еще любопытнѣе: «никогда», говоритъ Парацельсъ: «расплавленное воображеніе привязывается къ пустому привраку... тогда ночные духи, или колдуны, жадымы къ подобнымъ мервостямъ, переносятъ нешолный элементъ отъ животныхъ отаратительныхъ: жабъ, змій и т. п.—Тамъ проноходятъ безчисленныя безлименныя чудовища, нечистыя, гнусныя, страшныя. Какое это животное? говорятъ потомъ увидѣтъ ихъ. Подобныхъ никогда не встрѣчалось... О! какъ долговало всматриваться въ нихъ, если хочешь остаться невзынныимъ (sôlibataire)!..»

Заключеніе, разумѣется, самое нравственное.

«Я колдовѣваю» прибавляетъ онъ: «что такое должно быть воспламенъ, котораго никто не могъ описать, котораго, конечно, никто не осмѣливался разсматривать, если онъ убаваетъ съ перваго взгляда. Во всякомъ случаѣ, ночные духи, которые разносятъ гнусное семя всюду, гдѣ оно можетъ прорасти, никогда не влзаютъ его въ жилище человѣческой души. Развѣ гиганты (géants) — плодъ подобнаго семя? Утверждать не смѣю: въ мірѣ много чудесъ... Но о такихъ незначительныхъ предметахъ лучше всего молчать...»

Ужь, конечно, всего лучше.

«Ничего подобнаго не случается безъ внимательства чего-нибудь невидимаго в гнуснаго, безъ помощи яочныхъ духовъ... Чтобъ избѣжать такихъ ужасовъ, будьте трезвы и благочестивы; чистота дѣвственности ведетъ къ божественному. Женитея, если не можете обуздать своихъ пожеланій... Правители, отбывающіе из

вашъ народъ, сдѣлайте его трудолюбивымъ, потому что правдое воображеніе—ужасная вещь...

«Что касается до плодовъ естественнаго соединенія, то хотя и бываютъ между ними чудовищныя, но въ сущности они люди, точно такъ, какъ золото остается золотомъ, не смотря на прирѣзь лигатуры.»

Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вполне выразилъ мистицизмъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. У Парацельса, Кардана, Агриппы множество разсужденій, въ которыхъ приписывается особенная сила снамъ и знакамъ, и въ которыхъ грѣбы получаютъ такую же важность, какъ и дѣйствительность. Самые сверхъестественныя факты принимаются безъ критики: будто особенная страсть къ чудесному овладѣвала учеными; они одушевляли всю природу, населяютъ небо и землю невидимыми духами, пигмеями, гигантами, сифами, колдунами, оборотнями, волшебниками, какъ романисты населяли ихъ феями. Кажется, будто переносишься въ то гомерическое время, когда каждое явленіе природы приписывалось особому богству. Только одни христіанскіе богословы умѣли придать этой повѣи характеръ строгости, чуждый греческой и римской мѣологии.

Парацельсъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые навболѣе старались объяснять явленія причинами естественными; онъ рѣдко сомнѣвается въ фактахъ самыхъ неправоподобныхъ, но всегда пытается объяснить ихъ, перетолковывая по своей странной фантазіи. Вотъ, на-примѣръ, какъ вооружается онъ противъ предразсудковъ, окружавшихъ кладбища непостижимой таинственностью и приписывавшихъ могиламъ разныя свойства причинять и уничтожать болѣзни:

«Богъ» говоритъ онъ: «создалъ чело-вѣка по своему образу и подобию, надѣляя его такими качествами, что по своему совершенству онъ превосходитъ самыхъ небеса. Эти качества не всегда видны; но трупъ сохраняетъ

ихъ, и хотя мертвъ, засушенъ и отвратителенъ на видъ, но обладаетъ всякаго рода свойствами. Отъ-того и многія могилы дѣйствуютъ на здоровье приближающихся къ нимъ: нѣкоторыя — гибельно, другія — благотворно. Что жъ тутъ удивительнаго? Тѣло собаки и тѣло чело-вѣка должны производить вліяніе сообразное съ присущими имъ качествами. Но дьяволъ и сюда притѣшалъ свои козни; онъ утѣрилъ людей, что это вліяніе происходитъ отъ волшебства. А тутъ волшебство такое же, какъ въ чиханіи отъ горчицы, или въ прыщѣ отъ крапивы. Я не презиратель гробницъ, но считаю добрымъ дѣломъ отвергнуть суевѣріе и объяснить естественнымъ вещь естественную... Не хотѣли изучать тайныхъ силъ и невидимыхъ вліяній: — пришлось удовлетворять расказами о чудесахъ... Философы собирали тамъ-и-сямъ клочки истины, мѣшали какъ попало въ одинъ горшокъ отрубки, яйца и песокъ... Такъ Аристотель составилъ свою философію, а Плавій—свой гербарій.»

«Вспомните» продолжаетъ Парацельсъ: «что врачевныя части вещества не тѣ, которыя мы видимъ. Въ двадцати фунтахъ вещества одна унція лекарственной сущности... Потому-то, чѣмъ меньше матеріи, тѣмъ больше медицинскаго свойства (quo minus est corporis, eo magis virtutis in medicina). И если видимый чело-вѣкъ можетъ извлечь изъ двадцати фунтовъ вещества одну унцію сущности, то сколько можетъ извлечь изъ нея чело-вѣкъ невидимый (т. е. естественная сила трупа)? Солнце, не трогаясь съ мѣста, проникаетъ сквозь стекло своими лучами; мускусъ, также наполняетъ комнату запахомъ. Ну, и трупъ дѣйствуетъ также... Но есть тайны, которыя можно открыть только своимъ, и которыхъ не слѣдуетъ давать въ руки народу.»

Этотъ способъ объясненія вліянія труповъ весьма-замѣчательнъ по своему принципу: *чѣмъ меньше матеріи, тѣмъ больше лекарственной сущности,*

— въ которомъ нельзя не узнать начала знаменитой современной системы Гаемена. Вообще гомеопатія и магнитизмъ ясно видны въ сочиненіяхъ Парацельса. Онъ убѣждаетъ, что всѣдѣ видимое подчинено невидимому, и главная задача его: искусство извлекать невидимое, сущность.

Книга Парацельса подъ заглавіемъ *Paragranum* (верно по преимуществу) покажетъ намъ, какъ надо понимать это искусство. Введеніе содержитъ въ себѣ самую рѣзкую выходку противъ враговъ автора и предсказаніе о судьбѣ его ученія.

Прежде всего Парацельсъ требуетъ свободы диспута, приличнаго важности науки. Кричитъ только тотъ, говорить онъ: кто чувствуетъ себя уязвленнымъ и слабымъ... Само искусство не жалуется, потому что оно непоколебимо, какъ основанія земли и неба... Въ отвѣтъ моимъ врачамъ, я покажу четыре столба, на которыхъ зиждется моя медицина, и которые суть: философія, астрономія, алхимія и добродѣтель... Прійдетъ время, когда вы должны будете опереться на эти столбы, если не захотите прослыть лежучими... Да, вы пойдете за мною, ты Авиценна, ты Галенъ, ты Разесъ, ты Монтаньяна, ты Мезуэ; вы парижскіе, мюпелъерскіе, мейсенскіе, кельнскіе и вѣйскіе; вы, которыхъ питаютъ Дунай и Рейнъ; вы, морскіе острова, Италия, Далмація, Аенны, Греція, Аравитяне, Израильтяне... Я буду вашимъ вождемъ!.. Вы будете чистить мои горы... Моя школа восторжествуетъ надъ Плиніемъ и Аристотелемъ, которые въ свою очередь, назовутся *како-Плиніемъ* и *како-Аристотелемъ*... Вотъ что провведетъ искусство извлекать сущность минераловъ... Алхимія сдѣлаетъ щелочь изъ вашего Эскулапа и Галена; вась огнемъ очистятъ; сѣра и сурьма станутъ выше золота... Какъ жаль мнѣ душу Галена!.. Мнѣ писали письма отъ его тѣни и подписывали: «изъ ада»!... Кто бы подумалъ, что такой великій геній ме-

дицины можетъ умереть и понасть къ чорту въ . . . . ?

• Вы говорите, будто я краду изъ вашихъ книгъ... Десять дѣтъ не читалъ я ни одной вашей книги... То, чему вы учили меня, исчезло, какъ свѣтъ, и я сжегъ это ученіе на огнѣ святаго Іоанна, чтобъ очистить свою систему... Вы хотите засыпать меня пылью... Осудить на сожженіе... Я ожну, а вы превратитесь въ иссохшія смоковницы... Небо исправитъ своихъ астрономовъ, земля и вода найдутъ новыхъ философовъ; свѣтъ природы отгрозитъ своего алхимика...

• Врачевъ челоѣка дѣлаютъ не школы, не факультеты, не привилегіи, не академіи, а врачеваніе... Какъ! втоптать меня въ грязь, когда я лечу венерическія болѣзни, самыя влохачественныя изъ всѣхъ болѣзней, которыми не щадятъ ни власти, ни народа!... Вы — порожденіе адамы, и нечего ждать отъ васъ, кромѣ ада... Имечутелн!.. Еслибъ я могъ защищать мою лысую голову отъ мухъ такъ же легко, какъ легко мнѣ защищать отъ васъ мою систему!... Вы не знаете даже простыхъ началъ; спрашиваете у фармацевта: это чтѣ такое? а это чтѣ? Я бы собаки вамъ не вѣтрилъ...

• Развѣ меньше я значу отъ-того, что не толкаюсь въ великолѣпныхъ дворцахъ?... Если вы говорите краснѣ, такъ это еще не доказываетъ, что вы искусные лекаря... Ваши пациенты лѣнѣ всего обличаютъ ваше невѣжество. Мои тѣли знаютъ больше вашего Галена и Авиценны... Прійдетъ время, когда небо произведетъ врачей, которые узнаютъ мои лекарства, тайны и составы: гдѣ-то вы станете тогда, въ которомъ ряду?... Кто будетъ дарить вашихъ женъ? Кто будетъ давать мнѣ драгоценности и ожерелья?..

• Вы говорите, что у меня также умираютъ большіе... Не могу я избавиться отъ смерти того, кого вы уже убили! или приставить членъ, который вы уже отрѣзали!... Когда вы дали одному полфунта ртути, другому фунтъ; когда эта ртуть проникла въ

хребетный мозгъ, течеть въ венахъ, проникла до сочлененій... какъ тутъ увѣнчить зло?... Кто обратитъ на путь истинны всѣхъ развращенныхъ?...

• Вы — какъ ковы: тѣмъ выше взбираетесь, тѣмъ симонадѣяннѣ становитесь, а не видите, что наверху стоите вы на томъ же, на чемъ стояли внизу... основаніе вашей медвцны отъ того не измѣнилось... •

Итакъ — Парацельсъ понималъ всю важность и значеніе своей реформы, и ясно предвидѣлъ новый путь къ прогрессу, къ которому двинулись всѣ науки. Его предсказанія относительно химіи большею частію оправданы. Была пора, когда химики готовы были не только измѣнить, но задумить медицину, еслибъ могли губить великія истины, однажды-приобрѣтенныя. Галѣнъ, а съ нимъ Аристотель и Гиппократъ, не смотря на чадъ, которыми чернили ихъ химики, остались непоколебимы въ томъ, что было у нихъ дѣйствительно медицинскаго. Наука малаго міра всегда будетъ отлична отъ всемірной науки; и, не смотря на безчисленныя связи, соединяющія ихъ, каждая изъ нихъ остается независимомъ по характеру.

Но посмотримъ, на какихъ четырехъ столбахъ Парацельсъ основалъ свою медицину.

• Древняя философія — говоритъ онъ: — быстро распространилась, пока Аристотель и его послѣдователи не прилѣпились къ анализу. Какъ пѣна всплываетъ на поверхность, а хорошее остается внизу, то и философія ихъ захватила только пѣну и нѣсколько хорошихъ капель. Эти пѣнистые философы описывали только поверхность и симптомы; не знали основанія и корня, отъ котораго произшелъ плодъ. Между — тѣмъ, истинную философію такъ же легко отличить, какъ шумъ волнъ отъ завыванія бури. Что мы видимъ глазами, что осязаемъ, то принимается головою, и повиннается. И это-то тайное вниманіе, приходящее къ намъ отъ созерцанія природы, есть философія. Но чтобы отли-

чить солнце отъ луны, надо смотрѣть, а не закрывать глаза. Простымъ утсвованіемъ ничего не сдѣлаешь въ медицинѣ. Медикъ долженъ наблюдать, долженъ видѣть себя во всѣхъ подробностяхъ членовъ, какъ въ чистой водѣ, гдѣ малѣйшій волосокъ замѣтенъ; и долженъ онъ видѣть не только самого-себя, но весь внѣшній міръ, который отражается въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Медики, которые не смотрятъ такъ — выдумываютъ болѣзань, а не изучаютъ ихъ. Они говорятъ: это флегма, это меланхолія — гревать какъ придется. •

Здѣсь очень-видеть выраженіе Бэкона, что кабанъ плькомъ иногда проводить удачныя черты. Но вотъ что особенно характеризуетъ Парацельса! • Надо слагать человека по образу внѣшняго міра. Чтѣ излечаетъ, то опредѣляетъ болѣзань, и знаніе особенностей одного, открываетъ особенности другаго. Вы говорите: вотъ болѣзань отъ крови, отъ флегмы. Но, орысья глаза, гдѣ вы это видѣли? Знаете ли вы, что различныхъ родовъ крови столько же, сколько соковъ и травъ; что кровь живетъ и отдыхаетъ, какъ растеніе? пѣнъ лечитъ одинъ родъ падучей болѣзани, а амела — другой. Ищите того, что соотвѣтствуетъ болѣзани по сходству природы; есть болѣзань мышьяна; другая — квасцовъ. Не говорите: колка вѣтренная, а колка мускусовая, если мускусъ лечитъ ее. Ищите во внѣшнемъ мірѣ того, что соотвѣтствуетъ каждому изъ вашихъ внутреннихъ членовъ. Если не знаете, какъ ржавчина яляется на иѣди, то не узнаете, какъ проказа приходитъ къ человеку, и какъ ее лечитъ: каждая вещь въ маломъ мірѣ имѣетъ свое сходное въ большомъ; итакъ — не надо прибавлять сахара къ фіалкѣ, или смѣшивать того, что остается простымъ въ природѣ. Старайтесь излечать, а не составлять; узнавать, что скрыто въ каждомъ предметѣ, а не смѣшивать все въ одно; найдите отношеніе каждой нашей поры къ каждой внѣшней порѣ; сравнивайте лекарство съ лекар-

ствомъ, боль съ болью. Кто отличить на взглядъ холодное отъ теплаго? Въ каждомъ членѣ есть лекарство, т. е. особенная сила. Холодное остается холоднымъ; огонь—огнемъ: элементы не измѣняются. Влажное (крѣпкая вода на-прим.) имѣетъ свою постоянную теплоту, которой нельзя изгнать физическимъ холодомъ. Итакъ — ложно ученіе, будто противное лечится противнымъ; не надо изгонять лекарственности (arsane), но, напротивъ — содѣйствовать внутреннему посредствомъ соответствующаго ему внѣшняго, и такимъ-образомъ укрѣплять его противъ элементовъ противныхъ. Каждое соответствующее - внѣшнее лечитъ соответствующее ему внутреннее: внѣшній меркурій лечитъ меркурій внутренней; паточникъ — свой паточникъ. •Итакъ• прибавляетъ Парацельсъ: •вучайте все при свѣтѣ природы, который зажигается св. Духомъ; иначе васъ будетъ осѣщать дьяволъ. •

Съ медицинской точки зрѣнія можно многое сказать объ этихъ принципахъ. Можетъ-быть, различіе, раздѣляющее въ этомъ отношеніи нашихъ врачей, въ сущности происходитъ отъ неопредѣлительности словъ, которую они легко бы объяснили себѣ, высказавъ другъ другу свои понятія о сходномъ, противномъ и особенномъ: потому-что трудно сомѣяться, наконецъ, въ томъ, что лечение состоитъ въ придачѣ недостающаго и въ отнатиі лишняго. Впрочемъ, ни Гавеману, ни Парацельсу не принадлежитъ изобрѣтеніе ни того, ни другаго принципа, которые, основываясь на здоровомъ смыслѣ, оба находятся и у Гипократа, и у Галена, и у Аристотеля. Въ сущности всегда прійдемъ къ особенному, которое само-собою превращается въ разумный эмпиризмъ. Но входитъ въ такіа разсужденія здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ только, съ философской точки зрѣнія, что особенность, специальность элементовъ, признаваемая Парацельсомъ, признана была и Амаксаторомъ и Гипповратомъ. Послѣдній говорить, что во время разло-

женія, и послѣ, холодное остается холоднымъ, теплое—теплымъ, влажное—влажнымъ; и что потому каждый элементъ возвращается въ свое естественное состояніе. Непонятно, почему эта специальность такъ вооружила Бохена противъ Парацельса, и почему онъ обвиняетъ его въ нарушеніи единства природы. Не потому ли, что Парацельсъ допускаетъ столько же духовныхъ началъ, сколько специальныхъ силъ? Развѣ система Эпикура, который вмѣсто этихъ силъ принималъ атомы, лучше системы Парацельса, который, впрочемъ, призывалъ единство міра? *Omnia unum*, говорить онъ въ *•Labirinthus medicorum•*.

Мы, съ своей стороны, отдаемъ полную справедливость Парацельсу за то, что онъ подвинулъ медиковъ къ анализу внѣшняго міра и заставилъ ихъ искать отношеній къ нашему малому міру. Но нельзя допустить той аналогіи, какую признаетъ онъ между малымъ и большимъ міромъ, ни того, что проказа, наиримѣръ, какъ говоритъ Парацельсъ, одинаковаго свойства съ ржавчиной, которой она лечится. Это—увлеченія пыллаго воображенія, которое, владясь въ свои горы и металлургическія реакціи, хотѣло всѣ эти процессы перенести въ живой организмъ. Надо сказать еще, что стремленіе его отыскивать простыя вещества и отвращеніе къ сложнымъ формуламъ забавило медицину отъ той страшной полифармаціи, по которой въ одно лекарство входило отъ тридцати до сорока различныхъ веществъ.

•Вооружите природу лекарствами,• говоритъ Парацельсъ: •и она уже сама будетъ защищаться. Медница у насъ полъ ногани, въ садахъ, подлѣ больныхъ; съ помощью медицинской сущности, крапива дѣлается сахаромъ. Древніе не умѣли извлечь сущности, и потому искали даже того, что подлѣ. Мои противники уступаютъ; а мое умствованіе—ислѣдованіе, открытіе свойствъ. На этомъ мы и расходимся. •

Сколько, въ-самомъ-дѣлѣ, драгоценныхъ или рѣдкихъ веществъ успѣла химія составить или извлечь изъ самыхъ обыкновенныхъ матеріаловъ!

Но какъ понималъ Парацельсъ алхимию?

«Алхимія» говоритъ онъ: «есть вѣшній желудокъ, приготовляющій каждую вещь для своей вѣзды. Она не дѣлаетъ золота: только бессмысленные такъ думаютъ; но она дѣлаетъ медицинскія сущности (arsenes). Природа даетъ намъ каждую вещь въ грубомъ состоянiи; наше дѣло очищать. Хлѣбникъ, виноградарь, ткачъ — всѣ алхимики, и каждый изъ нихъ довершаетъ вещь, чтобъ обратить ее на пользу человека. Чтò можетъ быть грубѣе, какъ ѣсть сырое мясо и одѣваться шкурами? Такъ же грубо мѣшать въ одно нѣсколько лекарствъ. Надо умѣть раскалить каждое изъ нихъ, улегучить, пронзавать послѣдовательныя измѣненiя: испаренное въ первомъ приѣмѣ играетъ роль земли при второмъ. Какъ верно должно сгнить въ землѣ, такъ надо разрушить тѣло, чтобъ извлечь изъ него лекарственную сущность или живую силу. Знайте, что въ каждой вещи есть свое доброе качество, въ нѣкихъ въ почкѣ, въ другихъ въ цвѣткѣ, въ третьихъ въ зрѣломъ или незрѣломъ плодѣ; и каждая вещь можетъ имѣть нѣсколько такихъ качествъ. Но алхимикъ — служитель природы: гдѣ она обанчиваетъ свое дѣло, тамъ онъ начинается, и какъ нужно время, чтобъ верно сдѣлалось колосомъ, такъ точно нужно время и на то, чтобъ приготовить лекарство. Чему научатъ меня въ этомъ случаѣ Мезуэ и всѣ ваши книги? По вашей фармацен лекарственности подается грубою смѣсью и теряеть свою силу. Вы говорите, что прибавляете одно къ другому, чтобъ однимъ смягчить и исправить другое. Но исправить значить вынуть ядъ: исправить змѣю, значить отнять голову и ядъ, и тогда только можно давать ее въ бульонѣ. Ароматъ нуска маскируетъ дурной запахъ, но не уничтожаетъ его. Отдѣл-

Т. IV. — Од. VIII.

те же Марса отъ Венеры, и Сатурна отъ солнца, если они смѣшаны; а для этого все должно пройти чрезъ огонь. «Вотъ чему я учу. Развѣ это не основанiе искусства? Кретникъ я, или бессмысленный? О! вы пойдете за мной, а я не пойду за вами! Моя система возрастетъ, а ваша — погибнетъ. Если сожжете меня, — Теофрастъ будетъ бороться съ вами и послѣ смерти!»

Такими-то идеями пронзавель Парацельсъ огромную реформу въ медицинѣ. И какъ бы торжествовалъ этотъ Теофрастъ, еслибъ увидѣлъ успѣхи своей школы: химия извлечена изъ хинхины, морфия изъ опиума, и пр.! Но съ другой стороны, въ какія заблужденiя вовлекла медицину химія! Доходило до того, что всякую болѣзнь объясняли избыткомъ кислоты или щелочи!

Въ похвалу Парацельсу скажемъ, что въ медицинскомъ отношенiи его принципы были гораздо-лучше принциповъ большей части его послѣдователей: онъ, по-крайней-мѣрѣ, допускалъ безконечное множество дѣйствiй въ лекарственныхъ веществахъ; хотѣлъ опредѣлить опытомъ отношенiя между лекарствами и организмомъ, и принималъ въ расчетъ реакцію послѣдняго. «Вооружите природу, т. е., что лекарство должно быть вспомогательнымъ средствомъ, а не орудiемъ. «Потомъ она сама будетъ защищаться.» Многие изъ его учениковъ, напротивъ, думали, что иготъ, кубъ и реторта могутъ всегда замѣнить природу, что углекислота, азотистая кислота, крахмалы, желатины — равносильны живымъ сокамъ природы, и часто изъ этихъ грубыхъ веществъ дѣлали приложенiя самыя негнныя.

Книга, извѣстная подъ именемъ «Archidoxa» (высшее ученiе), объясняетъ манера микроскопа и способъ отдѣлять элементы и извлекать сущность. Послѣдователи Парацельса придавали особенную важность этой книгѣ, потому-что въ ней онъ излагаетъ начала своихъ *приотделенiй*, или, какъ бы

сказали нынѣ, свою философію хитѣн.

«Человѣкъ» говоритъ онъ: «состоитъ изъ видимой части — тѣла, крови, мяса, и невидимой, которая живетъ въ тѣлѣ и которая видитъ, осажаетъ и слышитъ. Итакъ, органъ есть только футляръ, жилище способности. Когда онъ испорченъ, способность переселяется изъ него? Что тогда дѣлать медику? Онъ очищаетъ домъ для того, чтобъ духъ могъ работать въ немъ. Такимъ образомъ искусство должно или отдѣлять духъ, задержанный въ тѣлѣ, какъ въ сырости деревъ, или удержать его тамъ, какъ обуздываютъ лошадь и бѣшеную собаку...»

Чтобъ понимать систему Парацельса, не надо забывать, что онъ различаетъ два рода духа: одинъ *натуральный*, медицинскій или тѣлесный, соответствующій тому, что новые называютъ *чувственной* или *жизненною душою*; и другой высшій духъ — душа бевплотная, разумная и безсмертная. Здѣсь идетъ рѣчь о первомъ — натуральномъ живенномъ духѣ.

«Итакъ, всякое тѣло, по свойству духа, одарено извѣстнымъ движениемъ, которое можетъ быть двухъ родовъ: одно произвольное, когда воображеніе, неизвѣстнымъ для насъ образомъ, воспламеняетъ живенную силу: такъ безъ помощи рукъ, я устремляю глаза куда хочу, и бѣгу тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе воображаю; другое движеніе есть привлеченіе, которое внутренняя она провводитъ на внѣшнее. Такъ напримѣръ внутренней жаръ пьетъ, чрезъ кожу, внѣшнюю воду, такъ что коровы на Альпахъ въ продолженіе цѣлаго дѣта не пьютъ иначе. Есть люди, которые оставались долгое время безъ пищи, живя воздухомъ и живнью земли; но трудъ требуетъ сильнаго возстановленія и намъ нужна пища болѣе живительная. Но какъ чернила или вино быстро окрашиваютъ воду, такъ — и еще скорѣе — пища распространяется по организму; потому что каждый членъ удобообладаетъ ее себѣ, и

тѣмъ скорѣе, чѣмъ она сходнѣе съ нимъ.»

Изъ этого видно, что Парацельсъ не обращаетъ вниманія, какъ пища проходитъ изъ вены въ вену, изъ сосуда въ сосудъ; онъ смотритъ на живое тѣло въ массѣ, какъ на родъ большаго магнита, который привлекаетъ внѣшнія частицы и впитывается ими вѣсь. И дѣйствительно, есть вещества, которыя вдругъ производятъ вліяніе на весь организмъ.

Итакъ — тѣло, какъ къ пищѣ, такъ и къ лекарствамъ имѣетъ особенную притягательную силу; оно превращаетъ ихъ въ свои члены и дѣлаетъ это тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ближе они къ состоянію чистой сущности (*quintessence*).

Это сравненіе дѣйствія лекарства съ вліяніемъ пищи весьма остроумно. Что касается до дѣйствія концентрированныхъ эссенцій, то въ этомъ случаѣ ученіе Парацельса остается справедливымъ и для современной медицины.

Но что же такое сущность (*quintessence*)?

«Всякое вещество состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ элементовъ. Но между ними есть одно главнѣе, которое и сообщаетъ всему свой собственннй характеръ. И это — то преобладающій элементъ называется сущностью, когда онъ отдѣленъ отъ прочей смѣси. Здѣсь вода, тамъ огонь: въ другомъ тѣлѣ совсѣмъ другой существенный элементъ. Между другими онъ какъ въ своемъ жилищѣ; надо разломать домъ, чтобъ достать его. Искусство состоитъ въ томъ, чтобъ, возвернувъ вещество различнымъ процессамъ, получить сущность, очистить ную отъ грязи или верхняго слоя, подъ которымъ она скрывается.»

Кто не замѣчаетъ, что въ этихъ мѣстахъ Парацельса тамъ зародышъ настоящаго химическаго анализа?

Онъ продолжаетъ: «Въ сложномъ веществѣ, каждый элементъ, подчиняясь главному, остается неизвѣстнымъ; и послѣ извлеченія сущности, другіе эле-

Эссенции не уничтожаются и сохраняют свои особенныя свойства... Итакъ, эссенція есть жизнь, сила, свойство вещей; это — самый чистый элементъ, отдѣленный отъ всѣхъ другихъ элементовъ, которые онъ соединялъ между собою; онъ-то придаетъ золоту пре-красный цвѣтъ... Сколько въ природѣ различныхъ веществъ, столько и различныхъ существей. Сущность или жизнь благоволя есть его запахъ; сущность крапивы то, что жжетъ намъ кожу; сущность огня есть воздухъ, поддерживающій его; ртуть — ея внутренняя, скрытая теплота и наружный холодъ; сущность мяса и крови есть соляная духъ, предохраняющій ихъ отъ порчи. Наконецъ, сущность человѣка — небесный, невидимый огонь, внутренний воздухъ, поддерживающій его; всѣ прочія вещества служатъ человѣку, который долженъ брать изъ нихъ жизнь, соответствующую его жизни...

«Въ каждомъ деревѣ, въ каждой травѣ, въ каждомъ цвѣткѣ, такъ же, какъ и въ каждомъ металлѣ, заключена, какъ въ жилищѣ, особенная сущность, которая есть жизнь вещества, и въ отношеніи къ ней прочее — ничего болѣе, какъ чистая грязь (ruium ruium). Эта сущность можетъ быть очень-мала по количеству и велика по качеству; малая частица желчи дѣлаетъ горькимъ во сто разъ большее количество воды; частица шафрана окрашиваетъ огромное количество этой жидкости. Она не необходимо должна быть холодною, теплою или влажною, и можетъ быть холодище снѣга, жарче огня, не имѣя своего свойства; она лечитъ не теплою своею, но присущею ей силой и своею чистотой. Существей безчисленное множество: одні наркотическія, другія горькія, третьи сладкія, освѣжающія и пр. И никакая болѣзнь, никакое расслабленіе не можетъ устоять противъ этихъ чистыхъ эссенцій — кромя той неизбежной смерти, которая должна наконецъ отдѣлить душу отъ тѣла!»

Вотъ какія нововведенія противопоставилъ Парацельсъ старому ученію

Аристотеля и Галена о четырехъ элементахъ и четырехъ влагахъ; вотъ что вооружало его противниковъ. И развѣ мало изъ этихъ идей удержалось до нашего времени?

«Жизненный духъ металловъ» представляетъ Парацельсъ: не уничтожается; извлекаши однажды, его можно сохранить; но жизненный духъ животныхъ смертенъ; его нельзя отдѣлить отъ тѣла и держать отдѣльно, хотя изъ мертваго тѣла и можно извлекать другіе роды сущности. За тѣмъ слѣдуютъ процессы извлеченія сущностей — испареніемъ, накачиваніемъ, перегонкой, крѣпкой водкой и другими реактивами; средства, во многомъ усовершенствованныя въ послѣдствіи, но изъ которыхъ многія употребляются и въ наше время такъ, какъ описалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ родоначальникъ химиковъ. «Сколько различныхъ свойствъ, столько же и различныхъ приготовленій; и тотъ только знаетъ основанія медицины, кто умѣетъ готовить лекарства...»

«Кто однажды извлечетъ сущности, тотъ пойметъ, какое можно сдѣлать изъ нихъ приложеніе. Каждой болѣзни можно противопоставить врага, который одолѣетъ ее. Есть сущности приличныя для головы, для почекъ, для костей, для хрищей, легкихъ, для одержимыхъ параличемъ, водяною... Онѣ могутъ возвращать одному голосъ, другому зрѣніе, дать прокаженному новую кожу; и — кто знаетъ? сдѣлать столѣтняго двадцатилѣтнимъ!»

Бэконъ имѣлъ еще высшее понятіе объ искусствѣ: онъ думалъ, что можно продолжить жизнь на нѣсколько столѣтій; и Дидеро былъ того же мнѣнія, не отвергая возможности достигнуть безсмертія!

«Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ Парацельсъ: «что жизнь металловъ возобновляется, что они умираютъ (т. е. окисляясь или соединяясь съ другими тѣлами, теряютъ блескъ, тягучесть, упругость), но могутъ снова ожить, т. е., что можно ихъ освободить отъ соединеній и такимъ образомъ возвратитъ

нить прежнюю жизнь. Не может ли также возобновиться и человек? Нѣтъ; потому что мы происходимъ не отъ семени, а изъ существа человека, то есть, отъ особенной, бессмертной натуры; однажды разрушенное зерно это не возобновляется. Только — какъ и для дерева — можно, съ помощію искусства, возобновить наши цѣвты и плоды, набавить отъ проказы, возстановить кровь; можно возобновить краски и силы. Но то, что составляетъ основу жизни — не возобновляется. Жизнь, какъ огонь, возвышается или гаснетъ, смотря по тому, прибыва или иссякла поддерживающая жидкость. Одинъ элементъ можетъ возвратитъ намъ то, чего лишилъ другой элементъ; можно продлить періоды каждаго возраста, такъ-что тотъ, кому слѣдовало умереть рано, умереть позже; но влага жизни, которая нужна для бессмертія — намъ неизвѣстна. Что касается до эссенціи стгнившихъ растений, то она скрывается въ землѣ, какъ левъ утомленный битвой, и потомъ входить съ новой энергіей въ новыя растенія...

Этимъ мы оканчиваемъ изложеніе ученія Парацельса, оставая нетронутыми безчисленныя, оставшіяся послѣ него сочиненія. Анализъ въкоторыхъ изъ нихъ даетъ уже ясное понятіе о его системѣ и можетъ служить прочнымъ основаніемъ для сужденія о его личности.

Съ философской точки зрѣнія, у Парацельса есть одно важное заблужденіе, заблужденіе, которое онъ раздѣлялъ съ большею частію древнихъ философовъ и которое раздѣляли съ нимъ многіе новѣйшіе философы и физики, даже нашего времени. Это заблужденіе состоитъ въ подчиненіи однихъ и тѣмъ же законамъ человека и міра, природы органической и неорганической. Владѣвшій въ химію, обобщенный удачными приложеніями ея открытій въ живому организму и, безъ сомнѣнія, идеями современныхъ ему алхимиковъ и астрологовъ, Парацельсъ думалъ, что наше тѣло, нашъ малый міръ, какъ онъ называлъ его, есть точ-

ное изображеніе, сокращеніе или миниатюръ вселенной; что члены ихъ, или — по его выраженію — ихъ звѣзды, совершенно однородны, такъ-что, видъ физическіе и химическіе законы большаго міра, можно быть употребу въ извѣстн тайны всѣхъ явленій малаго міра. Отсюда и чудовищно-странныя сближенія: море питается и перерабатываетъ пищу; магнитъ ѣстъ желѣзные опилки, которые притягиваетъ; металлы живут и одарены духомъ; отъ звѣздъ происходятъ на людей эмпазіи: отъ однихъ — желѣзная, отъ другихъ — свинцовая; отъ третьихъ — оловянная; и съ другой стороны, проказы, язвы и др. накожины болѣзней услобляются чисто-химическимъ явленіямъ, разстраивъ металловъ кислотами, ржавчинѣ.

Итакъ, Парацельсъ какъ бы деактивировалъ неодушевленный міръ, приписывая ему всѣ свойства живыхъ тѣлъ; а метафорическій языкъ, которымъ онъ описываетъ природу, придаетъ этой идеологін еще болѣе реальности. Съ другой стороны, чтобъ пополнить сходство двухъ міровъ и совершенно слить ихъ въ одно, онъ обратилъ живое тѣло въ родъ химической лабораторіи, гдѣ различныя дрены, какъ реторты, горны и реактивы, разлагаютъ, плаваютъ, смачиваютъ, испаряютъ и перерабатываютъ различные вещества. Но справедливо ли упрекать этого неукротимаго алхимика за то, что онъ смотрѣлъ на организмъ глазами своей науки и называлъ медицину своими тяжелыми металлами? Развѣ не тоже сдѣлалъ Галей, перенесъ на организмъ теорію четырехъ элементовъ древней физики, отъ которыхъ произошло — ни болѣе, ни менѣе, какъ четыре влаги и четыре темперамента? Въ послѣдствіи, механики въ свою очередь напѣтали всякое живое тѣло по компасу, утверждая, что оно составляетъ исключительный предметъ ихъ науки: соединеніе блоковъ, насосовъ, насосовъ; точно такъ, какъ другіе современные физики смотрятъ на явленія организма, какъ на односторон-

ныя слѣдствія эйдосова, магнитизма или электричества... Что дѣлать? Каждая наука вноситъ въ медицину свое достоинствѣ, и иногда этою тяжестью потрясаетъ знаніе въ его основаніи. Надо принимать привошенія сотрудничковъ и стараться привести ихъ къ блаженству построенія. Что касается до Парацельса, то нельзя не сознаться, что этотъ сиропульбанный аналитикъ, причудливый теоретикъ, со всѣми невзвѣданными духами, которыми онъ засеивалъ науку, былъ гораздо-полезнѣе и далеко не такъ вреденъ, какъ большая часть его послѣдователей и противниковъ.

Главная заслуга Парацельса состоитъ въ томъ, что онъ поколебалъ въ основаніи старую школу, болѣе умозрительную, нежели практическую, обратилъ медиковъ къ опыту, открылъ обширное поприще алхимикамъ, слѣдалъ изъ нихъ химиковъ и направилъ ихъ къ исследованію на путь открытія новыхъ лекарствъ, которыми обязана своей славой его школа. Теорію влаги, по которой всякое лекарство было просто теплое или холодное, сухое или жирное, онъ замѣнилъ ученіемъ о спеціальности жизненныхъ явленій по различію частей тѣла, въ которыхъ они происходятъ и по различію вѣшнихъ вліяній; наконецъ онъ упростилъ и осмыслилъ терапію; а изъ разбора его главныхъ сочиненій видно, что въ положеніи его системы есть и послѣдовательность и стремленіе быть доказательнымъ.

Что у него есть выходы, крайности, что онъ раздѣляетъ многіе предразсудки своего времени и часто противорѣчить себѣ — этого нельзя отвергать. Очевидно, что Парацельсъ слишкомъ предавался порывамъ своего неукротимаго воображенія: онъ всюду бросается, и, по тогдашнему обычаю, говоритъ обо всемъ по поводу всего, о сердцахъ и дьяволахъ, о колѣкахъ и магіи, объ Адамѣ и колдунахъ, о Платонѣ и Авиценнѣ, объ Аристотелѣ и о Петрѣ Рамейсонѣ; таковъ характеръ его рѣчи въ частностяхъ и въ цѣ-

ломъ. Все, что представлялось его пламенной головѣ, онъ тотчасъ писалъ безъ правилъ, безъ оговорокъ, фигурируетъ то живыми и поэтическими, то темными и неуклюжими. Какъ кабанъ, съ которымъ сравнивалъ его Бэконъ, онъ раздражается, впадаетъ въ бѣшенство, свирѣпствуетъ, рыщетъ по всѣмъ направленіямъ; но весьма-часто слѣды его обозначаются чертами живаго свѣта. И этотъ избытокъ энергіи мы цѣнимъ гораздо-выше тѣхъ бережно-рассчетливыхъ учителей, у которыхъ вѣдучему научиться. Парацельсъ, не смотря на свои недостатки, сохранить и въ яру знаменитыхъ современниковъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ послѣдняго отчета Почтоваго Управленія видно, что въ теченіе 1846 года Управленіемъ приняты слѣдующія мѣры къ благоустройству почтъ:

Для ускоренія сношеній между городами, находящимися въ близкомъ отстояніи отъ другаго разстояніи, но не соединенными прямыми почтовыми путями, учреждены на семи разстояніяхъ верховыхъ одноконныхъ почтъ по ближайшимъ прямымъ проселочнымъ дорогамъ между важѣйшими по торговлѣ городами Псковской, Новгородской, Тверской и Ярославской Губерній, отъ чего прежнее разстояніе между ними сократилось на 2082 версты и пересылка корреспонденціи ускорилась почти на 26 сутокъ. — Способъ сношенія тѣмъ болѣе важный, что онъ совершенно ничего не стѣдуетъ земству и содержится на счетъ почтовыхъ доходовъ.

Черезъ учащеніе хода почтъ ускорены сношенія: между Краснымъ-Селомъ и Санктпетербургомъ; гдѣ на все лагерное время назначено посылать почту, вмѣсто двухъ, шесть разъ въ

недѣлю; между Витебскомъ и его уѣздами—мѣсто одного, два раза; между Кишиневомъ и Санктпетербургомъ—мѣсто двухъ, три раза въ недѣлю. Сверхъ-того, облегчены сношенія многихъ городовъ переѣбною днѣй отправленія и мѣстными измѣненіями хода почтъ.

Открыты кратчайшіе прямые почтовые пути для ускоренія сношеній: Вытегорской съ Бѣлозерскою пристанью (Марининской Системы)—до пяти сутокъ; Бѣлозерска съ Санктпетербургомъ болѣе однихъ сутокъ; Демьянска съ Старою-Русою почти на полторы сутки; Спасска съ Керенскомъ слишкомъ на семь сутокъ; Нижнего-Ломова, Норовчата и Мокшана съ Моршанскомъ, Елатьюю и Меленками отъ двухъ до четырехъ сутокъ, и съ Шацкомъ отъ трехъ до пяти сутокъ.

Кромѣ этихъ частныхъ улучшеній, по Почтовому Управленію производится дѣло несравненно-важнѣйшее и многосложнѣйшее, объемлющее всѣ вѣтви почтовыхъ сообщеній по Россіи. Дѣло это — новое устройство хода почтъ по всему государству, для приведенія ихъ въ стройную и неразрывную между собою связь на всѣхъ пунктахъ раздѣленія почтовыхъ трактовъ и соединенія главныхъ почтъ съ боковыми.

Прежде всего положено начать устройство хода почтъ въ западной части Россіи, чтобъ привести движеніе нашихъ почтъ въ неразрывную связь съ почтами заграничными. Съ этою цѣлью составлено въ прошедшемъ году 70 новыхъ росписаній для хода почтъ по направленіямъ таурогенскаго и ковенскаго шоссе и по всѣмъ прилегающимъ къ нимъ трактамъ.

Черезъ это новое устройство хода почтъ, сообщеніе между значительнѣйшими городами западнаго пространства ускорилось на нѣсколько (до 7) сутокъ, не только безъ учащенія хода почтъ, но еще представилась возможность уменьшить шесть отдѣльныхъ отправленій между Вилькомиромъ и Вильною.

Вообще почты въ Европѣево-Россіи ежегодно дѣлаютъ:

По трактамъ, гдѣ устроены почтовые экипажи, 2,051,097 верстъ; въ обыкновенныхъ почтовыхъ поводахъ 13,094,046 верстъ; всего 15,145,143 версты. — Въ томъ числѣ: экстра-почты 2,078,282, легкія 11,581,851, тяжелыя 1,485,010 верстъ.

Въ почтовыхъ экипажахъ, на пути отъ Санктпетербурга къ прусской границѣ до Таурогева, къ Царству Польскому до Ковно и чрезъ Москву къ Кавани и Тулѣ, а также между Новгородомъ и Старою-Руссою и между Оренбургомъ и Уфою—пассажировъ въ прошедшемъ году было болѣе 18,000.

Кромѣ того, заведены особые почтовые экипажи между Санктпетербургомъ и Новгородомъ, въ которыхъ, въ теченіе перваго мѣсяца, проѣхало 804, а въ три мѣсяца 2,897 человекъ.

Заграничныя почтовые сношенія Россіи съ иностранными государствами учредились на прочныхъ основаніяхъ, чрезъ заключеніе почтовыхъ конвенцій съ Австрією, Пруссією и Швецією.

Сооруженный въ Ливерпулѣ почтовый пароходъ «Владиміръ», въ 310 силъ, съ повѣщеніемъ на 120 пассажировъ (стоющій около 197,000 руб.), началъ свои настоянные рейсы изъ Кропштадта въ Свиномюнде и обратно, съ 19 мая 1846 года. Навигацию свою онъ окончилъ 29 октября, слѣлавъ въ оба конца 22 рейса, въ которые, кромѣ товаровъ, перевезъ въ чужіе края 801 и въ Россію 528 пассажировъ.

Санктпетербургская городская почта совершенствуется съ каждымъ годомъ. Въ 1846 году число всѣхъ отправленій по ней простиралось до 808,951, болѣе противъ 1845 года 57,676. Чистой прибыли получено слишкомъ 6,000 руб. сер.

По московской городской почтѣ (существующей съ 1-го января 1845 года) отправленій было 104,695, болѣе противъ 1845 года 43,793; а сборъ прости-

раза на 2,416 руб. болѣе предшествовавшаго года.

Вообще, почтовые доходы, поступившіе въ первые шесть мѣсяцевъ 1846 г., составили 1,885,029 р., болѣе противъ сборовъ соотвѣтствующаго періода: 1845 года на 100,158 р., а 1844 — на 149,926 р.

Полученные въ теченіе 1846 года изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ отчеты о движеніи суммъ въ 1845 году представляютъ слѣдующіе выводы:

Подный годовоі доходъ 1845 года простирался до 3,584,103 р.; изъ нихъ употреблено на содержаніе почтовыхъ мѣстъ государства 1,259,495 р.; прогонныхъ денегъ за возку почтъ и эстафетъ 850,134 р.; иностраннымъ почтамтамъ за заграничную корреспонденцію уплачено 139,330 р.; за тѣмъ чистаго дохода остается 1,345,142 р.

Почтовые доходы въ массѣ и въ частности распредѣляются по мѣстамъ ихъ полученія и опредѣляютъ мѣру болшей или меншей живости оборотовъ, въ нихъ производимыхъ, смотря по внутреннимъ способамъ края, по его народонаселенію, промышленности и торговлѣ, этимъ постояннымъ двигателямъ народной дѣятельности.

По количеству почтоваго сбора, первое мѣсто занимаютъ Санктпетербургскій и Московскій Почтамты. По первому эти сборы простирались въ 1845

	1843 г.
Писемъ простыхъ	3,508,780
— денежныхъ	892,259
Почмолокъ	79,350
Всего	4,480,389

На разстояніи, превышающемъ 1000 верстъ, послано было писемъ въ первую половину:

1843 года	683,291
1844 —	857,584
1845 —	1,064,050
1846 —	1,218,224

Увеличеніе корреспонденціи на этомъ пространствѣ противъ 1843 года почти на половину — есть видимое послѣдствіе облегченія, предоставленнаго для корреспондентовъ установленіемъ съ

году до 783,816 р., болѣе противъ 1844 года на 82,685 руб.; а по второму — до 398,759 р., болѣе противъ 1844 года на 24,266 руб.

Вообще годовоі сборъ доходовъ по Санктпетербургской и Московской Губерніямъ составляетъ почти третью часть общаго годоваго почтоваго дохода по всему государству.

По губерніямъ: Саратовской, Херсонской, Орловской, Иркутской, Тверской, Могилевской, Екатеринбургской, Новгородской, Енисейской, Харьковской, Витебской, Кіевской и Ярославской доходы увеличились противъ доходовъ 1844 года отъ 3,082 руб. до 5,265 руб.

Замѣтнымъ образомъ усилились почтовые доходы по нѣкоторымъ губерніямъ и въ 1846 году. Изъ свѣдѣній, полученныхъ за первые шесть мѣсяцевъ прошедшаго года, видно, что почтовые доходы въ этотъ періодъ увеличились противъ того же періода предшествовавшаго 1845 года по губерніямъ: Вольинской, Симбирской, Орловской, Курской, Кіевской, Пензенской, Минской, Подольской, Новгородской, Полтавской, Могилевской, Саратовской, Воронежской и Тверской — отъ 2,210 р. до 5,057 руб.

Усиленіе частной корреспонденціи видно изъ сличенія количества отправленій въ первые шесть мѣсяцевъ.

	1844 г.	1845 г.	1846 г.
3,678,826	4,130,609	4,445,394	
950,546	955,767	1,016,394	
112,877	116,561	121,286	
4,742,249	5,202,337	5,583,077	

1844 г. по всему государству однообразной вѣсовой таксы, которая, уравнявъ по платежу дальность разстояній, сдѣлала переписку болѣе-доступною и для людей недостаточныхъ.

Казенная корреспонденція вообще превышаетъ частную, и этотъ перевѣсъ преимущественно замѣчается на разстояніяхъ менѣе 500 верстъ, гдѣ болѣе стекается переписка губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ уѣздными. Но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ количествомъ

казенной корреспонденции меньше количества частной. Такъ въ первой половинѣ прошедшаго года на 100 казенныхъ отправленій частныхъ было:

Въ Московской-Губерніи	238
— Ярославской —	189
— Одессы	155
— Енисейской-Губерніи	153

Замѣчается такой же перевѣсъ въ губерніяхъ остзейскихъ, въ Тверской и Калужской; а во всѣхъ прочихъ губерніяхъ казенная корреспонденція превышаетъ частную; особенно въ Волынской и Виленской Губерніяхъ, гдѣ первой было четверо - болѣе послѣдней.

Въ-отношеніи къ количеству пересланныхъ въ первой половинѣ 1846 г. частныхъ посылокъ, особенно замѣчательно вліяніе столицъ на умноженіе почтовыхъ отправленій. Изъ Санктпетербургской-Губерніи отправлено ихъ 39,691 и Московской 24,790, что составляетъ болѣе половины отправленій изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства.

Заграничная корреспонденція въ тотъ же періодъ выразилась слѣдующими цифрами:

	За границу.	Изъ-за границы.
Писемъ простыхъ	141,942	155,154
— страховыхъ	15,746	3,513
Посылокъ	1,359	1,638
Всего	159,047	160,305

Главное направленіе заграничной переписки было на Пруссію. Число пересланныхъ туда писемъ равняется почти половинѣ всего отправленія. Санктпетербургская корреспонденція играла такую роль:

На 100 писемъ австрійск.	37	петербур.
— — — прусскихъ	47	—
— — — шведскихъ	72	—

Изъ прочихъ губерній живѣйшую корреспонденцію имѣли:

Съ Пруссіею: губерніи остзейскія, Московская, Виленская, Ковенская и Одесса.

Съ Австріею и Турціею: Одесса, губерніи новороссійскія, Екатерино-

славская, Подольская, Кіевская и Область Бессарабская.

Капиталовъ казенныхъ и частныхъ въ-теченіе 1845 года подано было къ отправленію во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ государства на 389,875,545 р.

Въ томъ числѣ казенныхъ 221,611,903 р. и частныхъ 168,263,641 р. серебр.

Въ суммахъ меньшихъ 300 р., частныхъ капиталовъ переслано въ сложности $\frac{2}{3}$ больше, нежели казенныхъ, т. е. на 100 руб. частныхъ приходится 40 р. казенныхъ; а за предѣломъ 3,000 р. казенные капиталы превзошли въ той же мѣрѣ частные, такъ-что на 100 руб. частныхъ приходится 236 казенныхъ. Сличеніе суммы частныхъ денежныхъ отправленій въ 1845 году съ произведенными въ предшествовавшемъ году, представляетъ на сторонѣ года значительный перевѣсъ, составляющій 21,466,358 р. сер.

• Такое умноженіе денежныхъ почтовыхъ отправленій имѣеть и здѣсь основаніемъ своимъ облегченіе, дарованное правительствомъ движенію капиталовъ новою такою страхового сбора, которая преподала ближайшій и выгоднѣйшій способъ пересылать значительныя суммы чрезъ почту, тогда-какъ прежде, для сокращенія издержекъ, изыскивались перѣлки и другіе пути для доставленія ихъ въ мѣста назначенія.

Изъ всего количества капиталовъ, върѣнныхъ почтѣ казенными мѣстами и частными лицами въ 1845 году, главная часть направлена была, какъ замѣчалось и въ предшествовавшіе годы, въ обѣ столицы и въ губерніи: Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Орловскую и Харьковскую. Изъ нихъ въ Санктпетербургской-Губерніи получено болѣе противъ отправленнаго на сумму 22,117,076 р.; а въ Московской отправлено болѣе, нежели получено 7,139,350 руб.; въ Тверской получено болѣе отправленнаго на 1,629,718 р.

Въ значительномъ количествѣ замѣтенъ также приливъ капиталовъ во многія губерніи, расположенныя въ окрестностяхъ, отдаленныхъ отъ цен-

тра государства или прилегающих къ границамъ, именно: Херсонскую, Екатеринославскую, Лифляндскую, Гродненскую, Олонецкую, Архангельскую, Пермскую, Енисейскую и Иркутскую, въ которыхъ было получено капиталовъ на 51,620,839 руб., а отправлено внутрь Россіи на 36,427,411 р., т. е. менше, нежели получено 18,193,428 р.

Высылались капиталы, напротивъ, въ большемъ количествѣ противъ полученныхъ изъ губерній болышею частію земледѣльческихъ: Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Сибирской, Владимірской, Тульской и Костромской, въ которыхъ сумма отправленій превышаетъ сумму полученныхъ на 20,594,076 р.

Мѣста происхожденія капиталовъ, или губерній, изъ которыхъ они въ 1845 году были посланы, распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ:
Изъ Санктпетербургской 91,461,223 р.

- Московской . . . 42,392,396 —
- Одессы . . . . . 10,513,764 —
- Нижегородской-Губ. 8,520,146 —
- Саратовской . . . . . 8,459,565 —
- Екатеринославской. 7,927,460 —

Отъ 7,000,000 до 6,000,000 отправлено изъ губерній: Воронежской, Киевской, Орловской, Херсонской, Таврической, Тамбовской, Тверской и Курской.

Отъ 6 до 5 мил. — изъ губерній: Владимірской, Вятской, Грузино-Имеретинской, Кавказской, Лифляндской, Оренбургской, Пермской, Полтавской, Ярославской.

Отъ 5 до 4 мил. — Ковенской, Костромской, Новгородской, Подольской, Рязанской, Сибирской, Тульской и Харьковской.

Отъ 4 до 3 мил. — изъ Бессарабской - Области и изъ губерній: Витебской, Волынской, Енисейской, Иркутской, Калужской, Минской, Пензенской, Смоленской и Черниговской.

Отъ 3 до 2 мил. — изъ Астраханской, Виленской, Вологодской, Гродненской, Могилевской, Тобольской,

Томской Губерній и изъ Земли Войска Донскаго.

Отъ 2 до 1 мил. — изъ Каспійской-Области и изъ губерній: Курляндской, Олонецкой и Псковской.

Менше миліона отправлено изъ Эстляндской-Губерній.

Мѣста полученія капиталовъ, въ сравнительномъ отношеніи къ суммѣ, распределяются въ другомъ порядкѣ:

<i>Получено.</i>	<i>Руб. сероб.</i>
Въ С. Петербургской-Губ.	113,578,299
— Московской	35,253,643
— Одессы	13,920,643
— Лифляндской-Губерній	10,578,716
— Екатеринославской. . .	10,464,422
— Нижегородской	7,812,436
— Тверской	7,802,194
— Херсонской	7,626,173
— Киевской	7,514,410

Отъ 7 до 6 мил. переслано въ губерній: Полтавскую, Ярославскую, Орловскую, Пермскую, Таврическую, Кавказскую и Курскую.

Отъ 6 до 5 мил. — въ Витебскую, Саратовскую и Тамбовскую.

Отъ 5 до 4 мил. — въ Архангальскую, Вятскую, Грузино-Имеретинскую, Ковенскую, Новгородскую, Карковскую и Черниговскую.

Отъ 4 до 3 мил. — въ Волынскую, Воронежскую, Гродненскую, Иркутскую, Калужскую, Минскую, Могилевскую, Оренбургскую, Подольскую, Псковскую, Смоленскую и Тульскую.

Отъ 3 до 2 мил. — въ Астраханскую Губ., въ Бессарабскую Обл. въ Вологодскую, Ставропольскую Губ., Каспійскую Обл., Костромскую, Курляндскую, Пензенскую, Рязанскую, Тобольскую, Томскую Губ. и въ Землю Войска Донскаго.

Отъ 2 до 1 мил. — получено въ губерніяхъ: Виленской, Владимірской, Эстляндской, Олонецкой и Сибирской.

Въ заключеніе представимъ таблицу суммъ, пересланныхъ по почтѣ въ послѣдніа 20 лѣтъ:

Въ 1825 г.	154,676,000 р.
— 1835 —	216,169,852 —
Въ 1845 г.	369,875,545 р.

— Въ 93-мъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» мы прочли воззваніе г. Павлова къ нашимъ почтеннымъ мануфактуристамъ «о необходимости и пользе учрежденія въ Москвѣ Общества Поощренія Народной Промышленности».

Воззваніе это важно не по содержанию, но по тождеству понятій г. Павлова съ понятіями многихъ другихъ о значеніи обществъ вообще и поощреній въ особенности.

Разсказывая статью г. Павлова съ одной точки, т. е., какъ эхо не одного, а многихъ голосовъ, мы считаемъ должнымъ обратить на нее особенное вниманіе.

Воззваніе можно раздѣлить на двѣ части: въ первой, по мнѣнію автора, представляется доказательство необходимости и возможности существованія въ Россіи предполагаемаго общества; во второй — проектъ его устава.

Доказательствами г. Павловъ называетъ рядъ слѣдующихъ фразъ:

1) Промышленная дѣятельность съ такою силою развилась между еспми народами образованнаго міра, и такъ быстро распространилась, оказавъ блестящія, немислимые успѣхи, что намъ Русскимъ, держащимъ явлено свое Отечество, не оставалось ничего болѣе желать; какъ идти наравнѣ съ прочими Европейцами, не отставая отъ нихъ въ мануфактурномъ дѣлѣ.

2) Этого требуетъ самый характеръ нашего ерка, преимущественно промышленнаго. Въ наше время богатство и могущество народа, даже самая образованность его зависятъ болѣею частью отъ успѣховъ его производительности.

3) Наши Русскіе фабриканты очень хорошо поняли пользу мануфактурной промышленности и доказали это на дѣлѣ. Не безѣр какъ въ двадцать пять лѣтъ мы увидѣли у себя есть возмозжныя производства, которые могутъ удовлетворять не только потребностямъ нашего государства, но и въ состояніи удѣлять часть своихъ издѣлій для заграничнаго вывоза.

4) Не смотря на такое значительное расцвѣтеніе въ Россіи мануфактурной промышленности, мы встрѣчаемъ здѣсь весьма важный недостатокъ, а именно: недостатокъ юридическаго сельдѣнія между лицами занимающимися фабричнымъ производствомъ.

5) Большая часть нашихъ фабрикантовъ состоитъ изъ людей, не приспособленныхъ съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ, а занявшихся ими въ послѣдствіи, — случайно; потому что Русская народная промышленность еще никакъ не дадена основалась и не успѣла образоваться настоящаго, самобытнаго сословія фабрикантовъ, какъ въ западныхъ Государствахъ Европы.

6) Но теперь, когда наша промышленность начала принимать болѣе обширные размѣры, когда сами производители стали несомнѣнно чувствовать что одной опытности недостаточно, для усовершенствованія своихъ издѣлій, — теперь и нужно подумать о средствахъ которыя бы могли сблизить фабрикантовъ между собою, возбудить между ними благородное соревнованіе, обогатить ихъ всѣми необходимыми техническими сельдѣніями и наконецъ образоватъ свое самобытное сословіе мануфактурныхъ промышленниковъ: не рутинистовъ, почитающихъ только то возможнымъ, что основано на практикѣ, а промышленниковъ ученыхъ; не подражателей, а изобрѣтателей.

7) Подобная мысль можетъ легко осуществиться, когда у насъ откроется такое средоточіе, гдѣ будутъ соединены есь общія и частныя усилія лицъ, занимающихся промышленностью; гдѣ фабриканты могутъ сообщать другъ другу свои опыты, помогать другъ другу советами, обогатятъ таланты, трудящиеся на принципѣ промышленности и распространять, во мѣрѣ возможности, свои открытія и усовершенствованія въ мануфактурномъ дѣлѣ.

8) Этими средоточіемъ можетъ быть Общество поощренія народной промышленности, которое должно быть учреждено въ Москвѣ, какъ въ центрѣ Россіи, гдѣ самая народная промышленность получила свое настоящее образованіе.»

Итакъ, г. Павловъ даритъ русской литературѣ восемь фразъ, изъ которыхъ каждая, взятая отдѣльно, можетъ быть употреблена въ дѣло при составленіи извѣстнаго рода статей о сельскомъ хозяйствѣ, о распространеніи грамотности, о высшихъ сельскохозяйственныхъ институтахъ, даже о современной критикѣ... Но какими образомъ вьжуются эти фразы одна отъ

другую, какою неопостижимую силою превращаются онѣ въ *доказательства необходимости* и *возможности существования* чего бы то ни было,—это вопреку, предъ которымъ по-неволѣ смирится каждый, если не захочетъ отойти отъ него...

Но вы, можетъ-быть, не привыкли дѣлать дѣло съ фразами и не знаете легкаго средства уничтожать ихъ обаятельную силу? Въ этомъ случаѣ мы готовы услужить вамъ своею горькою опытностью.

Первая фраза выражаетъ ту мысль, что мы *Русскіе, дорожащіе славою своего отечества*, не принадлежимъ къ числу *образованныхъ народовъ міра*.

Изъ второй видно, что *образованность народа зависитъ большею частію отъ успѣховъ его производительности*.

А третья объявляетъ, что у насъ есть *вся возможная производствя*, и даже больше...

Положимъ, что все это дѣйствительно такъ; но какое заключеніе можно вывести изъ такихъ данныхъ?—Образованность зависитъ отъ производительности, а производительности у насъ много: слѣдовательно...? и образованности у насъ много: сказалъ бы всякій, знающій начальные основанія логики. Но г. Павлову такого заключенія не нужно: оно противорѣчило бы его первой фразѣ, и сверхъ того загрозило бы ему дорого къ четвертой и пятой фразамъ, въ которыхъ именно говорится о необразованности нашихъ *почтенныхъ мануфактуристовъ*.

Положимъ, что это противорѣчіе произошло такъ, случайно; что первая три фразы, какъ большая часть пристуновъ, написаны только для красоты слога. Начнемъ съ четвертой.

Она и сосѣдка ея, пятая фраза, утверждаютъ, что *недостатокъ техническихъ свѣдѣній между нашими фабрикантами* происходитъ отъ-того, что у насъ это сословіе *большею частію состоитъ изъ людей не приотоповленныхъ съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ, а замѣшавшихся ими въ послѣдствіи,—случайно*.

Указавъ, безъ всякихъ впрочемъ *доказательствъ*, на причину недостатка техническихъ свѣдѣній между нашими фабрикантами, г. Павловъ *доказываетъ*, въ шестой фразѣ, что *теперь именно* пришло время *подумать* о средствахъ устранить этотъ недостатокъ.

Положимъ, что думать объ устраненіи недостатковъ нужно не всегда, а только тогда, когда недостатокъ слѣдается довольно-чувствительно... Положимъ, и посмотримъ поближе, какое средство придумалъ г. Павловъ, чтобъ *людей, не приотоповленныхъ съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ, обогатить техническими свѣдѣніями* и образовывать изъ нихъ самобытное сословіе *мануфактурныхъ промышленниковъ, не рутинистовъ, а изобрѣтателей*.

Это весьма-легко сдѣлать, говоритъ г. Павловъ: *стоитъ* собрать этихъ фабрикантовъ въ одно мѣсто, *открытъ* для нихъ въ Москвѣ *средоточіе*, и тамъ они будутъ *публично сообщать свои опыты, помогать другъ другу советами, ободрять таланты и распространять свои открытія и усовершенствованія*...

Умилительное и пріятное будетъ зрѣлище, когда люди, неприготовленные съ юности, соберутся въ средоточіе и будутъ публично сообщать свои опыты, помогать другъ другу советами, ободрять таланты и распространять все прекрасное!.. И какъ обогатятся они *техническими свѣдѣніями*, и какими *изобрѣтеніями* обогатится наша мануфактурная промышленность!

Московское *средоточіе* хочетъ, какъ вы видите, назваться именемъ, отъ котораго происходитъ большая часть *человѣческихъ чудесъ* нашего времени: *Общество поощренія!*— Можете себѣ представить—*Общество поощренія народной промышленности!*!

Да соберите кого угодно въ средоточіе и назовите этотъ сборъ «обществомъ»,—и человѣкъ, приготовленный съ юности только къ удобопонятному изложенію своихъ мыслей, слѣвавшись членомъ общества, заговоритъ такъ, предложитъ такую или та-

нїя и́тры поощренїя, что стоить его послушаться; сдѣлать, какъ онъ говорить (чего, къ счастью, никогда почти не случается)—и *если образованными народами міра* пришлось бы сдѣлать нашему принѣру, договоря насъ...

Приведите, на примѣръ, въ исполненїю и́тру *троекратнаго поощренїя*, предложенную г. Лашкаревымъ («Отч. Записки. 1847, августъ, отд. VII, стр. 160»), — и черезъ годъ каждый крестьянинъ свободно будетъ читать вамъ любую церковную книжку, гдѣ вы раскройте...

Такова уже магическая сила этихъ словъ — пороженїи нашего промышленнаго вѣка: стоить сдѣлаться членомъ общества, чтобъ придумать *мѣру поощренїя*, и, наоборотъ, стоить придумать и́тру поощренїя, чтобъ сдѣлаться членомъ общества!

Всего удивительнѣе, что, вѣдь, оба эти слова существуютъ и на другихъ европейскихъ языкахъ, даже тамъ ихъ и родина; но на Западѣ они не выходятъ изъ уровня прочихъ словъ и не оказываютъ того благотворнаго вліянїя на личность членомъ, ни на влорбѣтательность. Тамъ, чтобъ быть членомъ общества, нужно имѣть извѣстныхъ приращенїя и развитїя съ юности способности; а для того, чтобъ предложить и́тру, надобно изучать предварительно факты вопроса и *доказать фактами* полезность предлагаемой и́тры; если же кто предложитъ и́тру неудобно исполнимую и ни къ чему неведущую, того и самого не поощряютъ, даже не поздравятъ, не поблагодарятъ...

Пойдемъ далѣе, рассмотримъ вторую часть воззванїя г. Павлова, въ которой излагается краткій проектъ устава новаго общества.

Общество будетъ записываться, по проекту г. Павлова, во-первыхъ, *соединенїемъ въ одно цѣлое всѣхъ полезныхъ частныхъ усилїй и предпрїятїй въ промышленномъ дѣлѣ и приведенїемъ ихъ въ извѣстность для общей пользы*. Любопытно знать, на какомъ основанїи общество будетъ раздѣлять пред-

прїятїя на *полезныя и бесполезныя*, когда положительной нормы для такихъ сужденїй не существуетъ, и каждое предпрїятїе необходимо соединяется съ рискомъ. А *соединимъ* счастливое предпрїятїе съ неудачнымъ значитъ повредить первому. И чѣмъ обезопаситъ общество выгоды предпринимателей, предлагая имъ соединиться между собою? При такихъ соединенїяхъ весьма-часто проискаютъ между соединившимися непрїятныя столкновенїя, которыя обыкновенно оканчиваются паденїемъ цѣлаго. Да и вообще полезность соединенїя частныхъ предпрїятїй, оставаясь спорнымъ вопросомъ для науки, еще такъ мало оправдана опытомъ, что гораздо-лучше составить общество, или, какъ говорится, нарядитъ комиссію для исполненїя этой задачи, нежели приниматься за дѣло такое сомнительное... Что же касается до *приведенїя частныхъ предпрїятїй въ извѣстность*, то и въ этомъ случаѣ никакое общество, конечно, не сумѣетъ распорядиться лучше самого предпринимателя — если только онъ найдетъ возможнымъ сдѣлать свое предпрїятїе публичнымъ... что, впрочемъ, не всегда бываетъ. Мы, напротивъ, убѣждены, что занятїя, предлагаемыя первымъ пунктомъ проекта, скорѣе стѣснили бы промышленность, нежели поощрили ее, потому что успѣхъ каждаго предпрїятїя неразрывно соединенъ съ личностью предпринимателя, который, жертвуя капиталомъ, конечно сосредоточитъ на немъ всѣ свои нравственные силы, и самое благонамѣренное внимательство въ его дѣла только развѣдетъ эти силы. Или, можетъ-быть, г. Павловъ не углублялся въ значенїе политико-экономическаго ученїя о раздѣленїи труда, которое въ отношенїи къ нравственнымъ силамъ еще справедливѣе, нежели въ примѣненїи къ силамъ физическимъ?.. А если онъ держится противнаго ученїя, то почему онъ даже не затронулъ своихъ противниковъ? Не-уже-ли и его проектъ основанъ на такъ-называемыхъ *собственныхъ* и

дѣл, которыя одиѣ только и не нуждаются въ доказательствах?...

Второй пунктъ проекта предлагаетъ обществу заниматься поощреніемъ собственно-туземныхъ изобретеній и другихъ дѣйствій по части промышленной, которыя такъ часто производятся людьми безъ всякаго состоянія. Что такое туземныя — московскія или русскія — и какія друія дѣйствія? — это знаетъ одинъ г. Павловъ, который, вѣроятно, предполагаетъ многое объяснить въ своемъ проектѣ, когда соберется общество и изберетъ себѣ главу... А до тѣхъ поръ мы можемъ замѣтить, что для поощренія полезныхъ изобретеній существуетъ чрезвычайно-сильная мѣра — привилегія, къ которымъ до сихъ-поръ находили путь и люди безъ всякаго состоянія, и усилить это поощреніе значить не поощрять промышленность, а загораживать путь къ распространенію изобретеній. Другое дѣло — скупать изобретенія и дѣлать ихъ общимъ достояніемъ; но какія средства нужны для подобной благотворительности, и гдѣ ихъ брать?

По третьему пункту проекта, общество, по просьбамъ фабрикантовъ, будетъ принимать участіе въ улучшеніи и усовершенствованіи разныхъ мануфактурныхъ издѣлій, сообщая желающимъ чертежи, модели, образцы и проч. Для всего этого у насъ есть Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, а въ самой Москвѣ — особое Отдѣленіе Мануфактурнаго Совѣта, въ которомъ участвуютъ всѣ значительнѣйшіе московскіе мануфактуристы. Сообщаются желающимъ и модели, и чертежи, и образцы усовершенствованныхъ издѣлій, и выписываются изъ за границы машины чрезъ агентовъ Министерства Финансовъ, чрезъ которыхъ получаютъ и всѣ свѣдѣнія объ успѣхахъ промышленности у образованныхъ народовъ міра: что же прибавить къ этимъ существующимъ мѣрамъ обществу, составленное изъ людей, непривыкшихъ съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ?..

Будетъ общество и задачи разныя предлагать, сообразно настоящему положенію и потребностямъ народной промышленности; будетъ и *Записки* свои издавать, которыя сдаются мѣстоми сообщенія разныхъ техническихъ сведений, открытій и усовершенствованій по разнымъ отраслямъ промышленности... И задачи и записки, конечно, не новость; но не придумаемъ, кто будетъ писать отвѣты на задачи и статьи для записокъ лучше, нежели все это теперь дѣлается...

Вотъ и все: стоитъ привести въ исполненіе проектъ г. Павлова, и промышленность наша процвѣтетъ, и фабрики, неприготовленные съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ, рутинисты, сдаются такимъ технологиямъ, что всѣ будутъ удивляться спрашивая, какъ все это сдѣлалось?..

А ужъ какъ легко, какъ легко! Наберутъ председателя, двухъ помощниковъ и секретаря, а прочихъ членовъ раздѣлятъ на четыре комитета. Каждый изъ комитетовъ будетъ имѣть только одно частное засѣданіе въ мѣсяцъ, а всѣ четыре комитета вмѣстѣ — одно публичное.

«Что же касается до поощренія народной промышленности, то Общество обязано награждать лицъ, достойныхъ того(?)», золотыми и серебряными медалями и денежными преміями, по мѣрѣ (?) заслугъ каждаго».

Для приведенія въ дѣйствіе своихъ предначертаній, члены обжуются внести ежегодно только по 25 руб. сер., а соревнователи (соваршено - новое) только по 15 р. сер. въ годъ; общество же съ своей стороны должно *ходатайствовать* предъ правительствомъ объ ежегодномъ денежномъ вспоможеніи...»

Итакъ, г. Павловъ не только не доказалъ необходимости или возможности у насъ общества поощренія народной промышленности, но даже не объявилъ, чѣмъ занять такое общество. Что же хотѣлъ онъ сказать? Неужели только, что вотъ у образованныхъ народовъ міра есть общества

промышленности: почему бы не завести и намъ такого?.. Поощрить же у насъ сельское хозяйство: отъ чего же не поощрить и мануфактурной промышленности?..

Трудно утверждать, такъ или иначе думалъ г. Павловъ, когда писалъ воззваніе къ «почтеннымъ мануфактуристамъ», неприготовленнымъ съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ... по-крайней-мѣрѣ со стороны трудно отыскать другой смыслъ въ словахъ его.

Если бы авторъ статьи, которую мы тщательно стараемся разгадать, дѣйствительно сознавалъ потребность учредить общество поощренія промышленности, то его убѣжденія не могли бы выразиться въ противорѣчащихъ одна другой фразахъ. Очевидно, что заграничныя общества поощренія промышленности *навели* его на мысль, онъ увлекся желаніемъ высказать *новую* мысль — и написалъ...

Увлечение, конечно, прекрасная вещь; увлекается каждый тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе достойнымъ сочувствія, смотря по своимъ силамъ; и мы, замѣтивъ, что человекъ увлекается, скавали бы только: «вы увлекаетесь и выпустили изъ виду то и то»; но если онъ говоритъ съ жаромъ о важномъ предметѣ и изъ словъ его видно, что онъ, затѣвляя свою тему, одушевляется не сочувствіемъ къ ней, а только желаніемъ говорить громко, тогда видишь, что онъ не только не изучилъ своего предмета, но не пожертвовалъ трудомъ для обсуждения горячо-высказываемой темы... когда видишь, что такъ говорить не одинъ, а многіе... захочется сказать имъ свое слово, хотя бы это слово и заключало въ себѣ всѣми давно-выученную наизусть истину.

«Большая часть нашихъ фабрикантовъ (говоритъ г. Павловъ) состоитъ изъ людей неприготовленныхъ съ юности къ мануфактурнымъ дѣламъ, а занявшихся ими въ послѣдствіи, — случайно».

Что же дѣлать? какъ отвратить этотъ *важный недостатокъ* нашей мануфак-

турной промышленности? — Надо учить юношество, или устранить *случайность*; а дѣйствовать на людей, неприготовленныхъ съ юности, такъ же невозможно, какъ невозможно тридцати-лѣтняго мужа сдѣлать четырнадцатилѣтнимъ юношей. Какъ будете вы говорить о технологіи съ человекомъ, незнающимъ ни химіи, ни механики? какъ растолкуете вы ему законы химіи и механики, когда онъ не знаетъ ни естественныхъ наукъ, ни алгебраическаго анализа?... Попробуйте внушить начала рациональнаго хозяйства безграмотному крестьянину, или даже неприготовленному съ юности хозяйину... Прямѣе ли не мало: или совсѣмъ не пойметъ, или пойметъ такъ, что лучше бы оставался при своей прежней рутинѣ...

«Учредить общество!» говоритъ г. Павловъ. Да гдѣ же члены? гдѣ люди, которымъ бы можно было доверить сужденія о народномъ богатствѣ, о мѣрахъ въ безвредному для другихъ отраслей промышленности расширенію мануфактурнаго дѣла?.. Притомъ, чтобъ общество значило что-нибудь, необходимо предположить въ членахъ его твердое убѣжденіе въ однажды-принятыхъ принципахъ, которое бы подчинялось только убѣжденіямъ, а не случайной обстановкѣ убѣждающаго... А попробуйте набрать такихъ членовъ хоть по одному въ каждый изъ четырехъ комитетовъ вашего общества! Конечно, встрѣтите большое затрудненіе...

Да и что, наконецъ, понимаетъ г. Павловъ подъ словомъ *поощреніе*? Если человекъ сдѣлалъ что-нибудь дѣйствительно - полезное, то развѣ полезный трудъ можетъ когда-нибудь остаться безъ вознагражденія? За полезную вещь каждый, для кого она нужна, охотно вознаградитъ производителя. Мы называемъ болѣе или менѣе полезнымъ то, что болѣе или менѣе содѣйствуетъ выгодамъ другихъ, и трудящагося вознаграждаетъ тотъ, для кого онъ трудится. Конечно, есть случаи, въ которыхъ не можетъ быть такого

прямаго отношенія между производи-
телями и потребителями, именно, ко-
гда послѣдніе не понимаютъ собствен-
ной пользы, какъ, на-примѣръ, въ тру-
дахъ чисто-ученыхъ, потому-что на-
ука обыкновенно идетъ впереди обще-
ства. Здѣсь поощреніе имѣетъ свое
важное значеніе. Но въ мануфактур-
ной, какъ и во всякой другой промы-
шленности, гдѣ дѣятельность произво-
дителя обуславливается потребностями
потребителей, не можетъ быть пе-
добнаго недоразумѣнія, и всякое по-
ощреніе, т. е. вознагражденіе труда
ее стороны тѣхъ, для кого этотъ трудъ
не приноситъ непосредственной выго-
ды—представляется неумѣстнымъ, по-
тому-что нарушаетъ ихъ нормальныя
отношенія другъ къ другу, ослабляетъ
ихъ естественную зависимость другъ
отъ друга, увеличиваетъ требователь-
ность одного, уменьшая пользу труда
для другаго.

— Самый обширный, по количеству
средствъ, кругъ благотворительной дѣ-
тельности принадлежитъ у насъ «Чело-
вѣколюбивому Обществу», въ вѣдом-
ствѣ котораго состоятъ въ Санктпетер-
бургѣ: 1) Медико-анатропическій Ко-
митетъ, для доставленія бѣднымъ боль-
нымъ врачевныхъ пособій, съ двумя
особыми отдѣленіями для бѣдныхъ ро-
дильницъ и для страждущихъ грыжею; 2) По-
чечительный бѣдныхъ Комитетъ,
съ состоящими подъ его наблюденіемъ
школами для воспитанія дѣвочекъ; 3) Со-
словіе для призрѣнія малолѣтнихъ рав-
ночичковъ; 4) Институтъ Слѣпыхъ; 5)
Домъ Воспитанія Бѣдныхъ Дѣтей; 6)
Ивановское Отдѣленіе для Малолѣт-
нихъ обоаго пола; 7) Домъ Призрѣнія
Убогихъ; 8) Ивановская Бѣгальня для
престарѣлыхъ женскаго пола, 9) Орло-
во-Новосильцовское Благотворительное
заведеніе и Почечительныя о бѣдныхъ
Комитеты въ Москвѣ, Казани, Вороне-
жѣ, Уфѣ и Слудѣ, а въ Калугѣ Жен-
ское Благотворительное Общество, съ
разными при нихъ заведеніями для
бѣдныхъ и въ пользу страждущаго че-
ловѣчества.

Въ распоряженіи Общества состояло
остаточныхъ отъ 1845 года 892,494 р.
91 $\frac{1}{2}$ к. сер., и поступившихъ въ про-
шедшемъ году 258,753 р. 64 $\frac{1}{2}$ к.; всего
1,151,250 р. 56 $\frac{1}{2}$ к. сер.

Изъ этой суммы израсходовано Об-
ществомъ въ 1846 г. 252,408 р. 56 $\frac{1}{2}$ к.
Изъ нихъ:

На канцелярскіе расходы,
на жалованье и содержаніе
служащихъ въ различныя
управленія Общества 47,595 р.

На наемъ квартиръ, на ре-
монтныя исправленія зданий,
на отопленіе и освѣщеніе 28,867 р.

На выдачу 9,242 денежныхъ
пособій 60,440 р.

На пищу, одежду, учебныя
и медицинскія пособія 678
воспитанникамъ и воспитан-
ницамъ 42,549 р.

На пищу, одежду и лекар-
ства 9654 призрѣнныхъ не-
имущихъ убогихъ и боль-
ныхъ 60,481 р.

Въ пособіе другимъ благотво-
рительнымъ заведеніямъ 2,113 р.

Денежныя пособія въ значительныхъ
суммахъ выданы: одному доктору ме-
дицины на возвращеніе на родину его
въ Саксонію—300 р.; чиновнику, зани-
мавшему нѣкогда дозволено-важную
должность, но въ послѣдствіи дошед-
шему до совершенной крайности—200
р.; по 100 рублей выдано тремъ ли-
цамъ: а) обучающемуся въ Импера-
торской Академіи Художествъ немо-
лому человеку, показавшему большія
надежды; б) благородней изъ высша-
го круга дамъ, находящейся въ незави-
сѣсномъ положеніи; и в) мастерово-
му на обезпеченіе необходимыхъ при-
надлежностей для производства рем-
сла; наконецъ одному семейству на от-
стройку деревяннаго дома, въ домога-
ніе въ выданныхъ для той же цѣли 100
рублей, выдано еще 93 рубля 70 ко-
пеекъ.

Въ видахъ сокращенія расходовъ на
содержаніе благотворительныхъ заве-
деній Общества, въ 1846 году сдѣлано
распоряженіе, чтобы всѣ приходы и

ленци были заготовляемы съ торговъ; а для содержанія во всегдшней извѣстности имущества, принадлежащаго заведеніямъ, каждое изъ нихъ снабжено было особою шнуровою книгою.

По обрѣзкованіи Орлово-Новосильцовскаго Благотворительнаго Заведенія оказалась необходимость въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ къ лучшему устройству хозяйственной части, какъ по заведенію, такъ и по принадлежащему къ нему населенному мѣстнѣ въ Ярославской-Губерніи; въ-сѣдствіе чего Совѣтомъ Общества приняты мѣры: а) къ возможному сокращенію расходовъ по заведенію; б) къ усиленію въ-исканію съ крестьянъ положеннаго оброча; в) къ учрежденію въ Санктпетербургѣ управленія ярославскимъ мѣстнѣмъ; г) къ составленію очередныхъ рекурсивныхъ списковъ, и д) смотрительно заведенія даны въ руководство *присла отчета*.

Въ записъ правилъ, которыми снабженъ Институтъ Слѣпыхъ въ 1819 году и которыя оказываются теперь не совсѣмъ-удобными въ исполненіи, сдѣлаво распоряженіе о составленіи новаго проекта устава.

Домъ Презрѣнія Убогихъ, дѣйствующій на основаніи правилъ, утвержденныхъ въ 1823 году, которыя во многихъ частяхъ обветшали, предположено снабдить новыми руководствомъ.

Изданское Малолѣтнее Отдѣленіе до-сихъ-поръ не имѣло положительныхъ правилъ для своего руководства; потому приступлено къ составленію для него особаго положенія.

Отчетъ свой Общество оканчиваетъ слѣдующими словами:

«Московскія заведенія представляють удивительное явленіе возрастающаго изъ нихъ довѣрія частныхъ благотворителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно увеличивается кругъ ихъ полезной дѣятельности. Почетительные Комитеты въ другихъ городахъ и Калужское Железное Благотворительное Общество, не смотря на ограниченность денежныхъ ихъ способствъ, продолжаютъ

усердно приносить каждый свою лепту въ облегченіе страждущаго человѣчества. Между-тѣмъ, на пространствахъ обширнаго нашего отечества устами многихъ тысячъ безпомощныхъ слотъ, безпріютныхъ старцевъ и безкровныхъ вдовицъ благословляется священное имя Державнаго Виновника ихъ успокоенія.»

— Почти *гораздо* меньшими средствами располагаетъ другое наше благотворительное общество, «Общество Посѣщенія Бѣдныхъ», у котораго къ 13 числу іюня 1847 г. оставалось: изъ суммы въ пользу бѣдныхъ 11,625 р. и изъ суммы на содержаніе Конторы 1,321 рубль. Не смотря на такую скудость средствъ, Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, въ-теченіе послѣдняго полугодія, съ 9 ноября 1846 по 9 мая 1847 г. оказало пособіе 4,981 лицу. Въ томъ числѣ:

Получающихъ денежное пособіе:

а) По 10 руб. сер. и менѣе 1,369 ч.

б) Болѣе 10 руб. сер. 67 —

Получающихъ ежемѣсячную пенсію 69 —

Получившихъ пособіе не смотря на то, что получаютъ какія-либо пенсіи, въ 30 р. и менѣе 121 —

Болѣе 30 руб. 51 —

Отправленныхъ изъ Санктпетербурга на счетъ Общества 33 —

Опредѣлено дѣтей въ разныя заведенія 92 —

Получившихъ пособіе матеріалами, какъ-то: инструментами, учебными книгами, платьемъ и т. п. 21 —

Доставлено дровъ семействамъ 153 —

Получившихъ медицинское пособіе и медикаменты 66 —

Уплатены долги за 76 —

Въ-теченіе года, со-временнѣ существованія Общества оказано вспоможеніе:

Бѣднымъ по причинѣ преклонныхъ лѣтъ 449 —

Бѣднымъ по причинѣ болѣзни 213 —

Бѣднымъ по причинѣ многочисленнаго семейства 372 —

Бѣднымъ, по причинѣ незваннаго ремесла, или по другимъ обстоя-

тѣлствамъ немѣющимъ средствъ доставать деньги трудами 397 —
 Бѣднѣе по причинѣ семейныхъ обстоятельствъ, какъ-то: по судебнымъ дѣламъ и тажбанъ 43 —
 Имѣвшимъ большое состояніе, но дошедшимъ до нищеты 67 ч.

По частямъ города:

Петербургской	631 ч.
4-й Адмиралтейской	498 —
Московской	473 —
Рождественской	427 —
Нарвской	334 —
Васильевской	228 —
Литейной	219 —
2-й Адмиралтейской	191 —
3-й Адмиралтейской	141 —
Выборгской	135 —
Каретной	89 —
1-й Адмиралтейской	38 —
Охтенской	19 —

«Довыиѣ», говоритъ Общество въ своемъ полугодичномъ отчетѣ: «къ величайшему нашему сожалѣнію, число семействъ, получившихъ отъ насъ одновременнаго пособія, отъ 3 до 30 руб. сер., простирается до 2,142! Тогда только исполнѣе исполнятся наши предположенія, когда одновременноя пособія сдѣлаются рѣдкимъ, не-обычайнымъ явленіемъ въ дѣлахъ нашихъ, — словбиѣ, когда мы сдѣлаемся столь богаты, что будемъ въ правѣ от-казывать въ малой одновременной милостыни.»

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что въ мартѣ 1847 года Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ открыты на Петербургской-Сторонѣ *Общая Квартира и Рукодѣльная*. На пожертвованіе графини А. Г. Лаваль устроивается Вторая *Общая Квартира и Рукодѣльная въ Коломнѣ*. Почетный гражданинъ М. Д. Ертговъ предложилъ Обществу устроить и содержать Третью Общую Квартиру и Рукодѣльную на Васильевскомъ-Островѣ. Четвертую Рукодѣльную Общество надѣется устроить въ Рождественской Частн въ-теченіе настоящаго полугодія.

Т. LIV. — Отд. VIII.

Такимъ-образомъ, въ четырехъ бѣднѣйшихъ частяхъ города для бѣдныхъ будетъ готовая работа съ готовою нищетою и немедленно-выдаваемою платою!

Наконецъ, 19 іюля Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ открытъ *Перемѣ Дѣтскій Ночлеги* — заведеніе для временнаго помѣщенія тѣхъ бѣдныхъ мальчиковъ, которые, по сиротству или по особеннымъ обстоятельствамъ родителей, не имѣютъ пристанища и еще не могутъ быть помѣщены въ какое-либо казенное заведеніе. Но Ночлеги не есть школа; онъ только замѣняетъ родительскій кровъ, и потому въ немъ никакихъ наукъ не преподають. Для учебныхъ занятій дѣти будутъ ходить въ пріюты, школы, пансіоны, гимназии и другія учебныя и даже ремесленныя заведенія, сообразныя званію ихъ родителей и тому кругу дѣйствій, который ожидаетъ ихъ въ-послѣдствіи. Въ Ночлеги дѣти будутъ только повторять пройденное и готовить заданныя уроки при содѣйствіи репетиторовъ. На помѣщеніе въ это заведеніе имѣютъ право всѣ дѣти безъ различія званій, если родители ихъ дѣйствительно лишены средствъ не только дать воспитаніе дѣтямъ, но и стѣснены содержаніемъ ихъ. Воспитанники получаютъ отъ заведенія постель со всѣми принадлежностями, одежду, обувь и пищу. Для предохраненія дѣтей отъ гибельной прихотливости, несоотвѣтствующей ихъ недостаточному состоянію, и для пріученія къ чистотѣ и опрятности при скудныхъ средствахъ, прислуги не положено. Каждый безъ всякаго исключенія, обязанъ убирать свою постель, чистить платье, выметать комнату и приводить въ порядокъ мебель. Никакія тѣлесныя наказанія не допускаются: они замѣняются утѣщеніями и выговорами наединѣ или при товарищахъ, а главное — лишеніемъ награды, которая распределяется такимъ образомъ: дѣти, отличившіяся добрымъ поведеніемъ или прилежаніемъ, получаютъ билеты съ надписью: «за прилежаніе»

или «за поведеніе». Неизвѣстное число этихъ билетовъ даетъ воспитаннику право на полученіе изъ устроенной при Дѣтскомъ Почлегѣ кладовой грифеля, карандаша, ножичка, бумаги, книги и другихъ предметовъ, которыми такъ дорожатъ дѣти. Высшее число билетовъ даетъ ребенку право *приобрѣтать для своихъ родителей или родственниковъ платье, обувь, чай, сахаръ, кофе, или даже деньги* изъ кассы Общества Посѣщенія Бѣдныхъ...

Всмотритесь ближе въ эту программу, и вы убѣдитесь, какъ глубоко задумано это учрежденіе съ такою горячею и вѣстѣ строго-разумною любовью къ человѣчеству... Это самая яркая, самая свѣтлая, самая изящная черта нашей общественной жизни! Лучшія мечты лучшаго изъ современныхъ отцовъ едва касались плана такого воспитанія... Еслибъ Общество Посѣщенія Бѣдныхъ завершило этии фактомъ свою постоянно-развивающуюся дѣятельность, то и тогда право его на историческое значеніе неотъемлемо. А оно стремится къ определенной цѣли: *учредить въ каждой части города по Общей Квартирѣ и Рукодѣльной для взрослыхъ мужчинъ и женщинъ и по Почлегу для мальчиковъ и дѣвочекъ...*

— При такихъ энергическихъ подвигахъ благотворительности, кажутся незаметными другія, болѣе скромныя ея проявленія. Но если слѣдить, напр., за одними дѣтскими пріютами, то не пройдетъ мѣсяца, чтобы не слышно было объ основаніи гдѣ-нибудь подобнаго заведенія. Они, кажется, начинаютъ обращаться въ необходимую потребность; а между-тѣмъ, пять или шесть лѣтъ назадъ, гдѣ они были? — почти нигдѣ! На этотъ разъ, узнаемъ объ открытіи *Маріинскаго Дѣтскаго Пріюта въ Костромѣ*. Открытіе произошло 10 іюня обыкновеннымъ порядкомъ; но тутъ нельзя не прибавить, что «совершенною возможностью къ открытію пріюта на прочномъ основаніи попечительство обязаво пожертвованію 2,000 руб. сер. надворнымъ

«совѣтникомъ Голубковымъ». Дѣтей предположено принять 62. При самомъ открытіи пріюта, поступили въ него 40 питомцевъ.

— Говоря объ основаніи дѣтскихъ пріютовъ и сознавая всю необъятную пользу этихъ заведеній, не можемъ не вспомнить одного статистическаго извѣстія, сообщаемаго Журналомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ августовской книжкѣ этого журнала за нынѣшній годъ напечатано такое обзореніе «смертности отъ неосторожности». Изъ этого обзоренія видно, что въ числѣ 11,939 человекъ, погибшихъ отъ неосторожности въ теченіе 1846 года, было 3,156 дѣтей. Цифра большая, если сообразить, что дѣти вовсе не имѣютъ нужды подвергаться никакимъ житейскимъ опасностямъ. При повсемѣстномъ существованіи пріютовъ, эта цифра была бы, конечно, значительно-меньше.

Статья «Смертность отъ неосторожности» очень-подробна и обстоятельна; но мы не входимъ въ ея подробности, потому что самое важное соображеніе — сравненіе годовыхъ итоговъ, для насъ теряетъ свою силу по зависимости отъ совершенно-случайнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что итоги эти съ каждымъ годомъ возрастаютъ, такъ что итогъ 1846 года — самый большій; но это странное явленіе объясняется очень-просто словами статьи: «Замѣченное увеличеніе въ итогѣ умирающихъ отъ неосторожности не есть увеличеніе дѣйствительное, существенное, а только слѣдствіе болѣе-внимательнаго наблюденія и точнѣйшаго показанія случающихся смертностей въ мѣстныхъ доиселѣхъ». Понятно, что при такомъ условіи невозможно дѣлать вѣрныхъ выводовъ изъ сравненія годовыхъ итоговъ! Имѣютъ значеніе числа по мѣстностямъ: самое большее число находится въ Вѣльинской-Губерніи (673), самое меньшее въ Эстляндской (55). Потому самыя большія и самыя меньшія числа за всѣ пять лѣтъ оказываются почти

въ однихъ и тѣхъ же губерніяхъ. Ясно, что наслѣдованіе причинъ такого явленія представляетъ обширѣйшую тему для этнографа. Въ ожиданіи будущаго подвижниковъ на этомъ поприщѣ, мы теперь ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ словъ изъ настоящей статьи, могущихъ каждаго вызвать на размысленіе. Напр.:

«Кромѣ разницы въ численности (погибшихъ въ дракахъ), есть еще то различіе между мужчинами, женщинами и дѣтьми, что первые почти всѣ погибли въ обоюднохъ ссорахъ и побойкахъ, часто въ слѣдствіе собственной же задорливости при слабосиліи: изъ послѣднихъ, женщинами преимущественно были жертвами супружескихъ неудовольствій и исправительныхъ или наставительныхъ мѣръ супруговъ, кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ и онѣ пали, работавши, даже иногда съ подобными же себѣ женщинами; а дѣти лишались жизни болѣе всего отъ неумѣреннаго наказанія ихъ, что называется, чѣмъ понало, за шалости или проступки. Всѣ эти случаи не составляютъ убійствъ преднамѣренныхъ, и не могутъ быть не причтены къ смертности отъ неосторожности. Въ Тверской губерніи, на примѣръ, одинъ крестьянинъ, желая наказать жену за что-то, убилъ ударомъ руки бывшаго у ней на груди ребенка: что это, какъ не неосторожность? Всяма похожая на эту смерть постигла одного шестнадцатилѣтняго ребенка въ Полтавской губерніи; а въ Курской губерніи случилось точь-въ-точь подобное происшествіе. Грустно видѣть и пр.»

Да, очень-грустно! Этому роду неосторожности хотъ бы и совсѣмъ не быть... А вотъ еще событія, какъ говорится—и смѣхъ и горе:

«Особенно поразительныхъ случаевъ оцѣства въ 1846 г. не встрѣчается, кромѣ того развѣ, что одинъ крестьянинъ, на постояломъ дворѣ, посредствомъ соломенной дудочки, такъ угостился изъ оставшагося на ночлегъ обоа съ виномъ и такъ угостилъ свою возлюбленную, что обоа такъ же подъ возомъ и отдали дужу; да еще случая въ Иркутской губерніи, гдѣ одинъ Бурятъ, узнавъ, что маюльшій сынъ его утонулъ въ лужѣ, вѣлъ на лошадь, поѣхалъ въ кабакъ и выпилъ съ гора.»

Впрочемъ, замѣтимъ, что всѣхъ опившихся въ 1846 году было 650, между-тѣмъ, какъ въ 1842 году—940; съ той поры итогъ этотъ постоянно уменьшается.

— Слѣдуетъ нѣсколько пріятныхъ новостей.

Мы уже давно какъ-то говорили о предпріятіи акціонеровъ Царскосельской-Желѣзной-Дороги — продолжить ее отъ Царскаго-Села до Гатчины. Предпріятіе это Высочайше одобрено. Капиталъ для этой работы опредѣленъ въ 875,000 р. с.; его предполагается составить выпускомъ 17,500 акцій, въ количествѣ, равномъ количеству акцій Царскосельской - Желѣзной - Дороги. Акціонеры этой дороги пользуются преимущественнымъ правомъ на приобрѣтеніе вновь-выпускаемыхъ акцій до 30 ноября (12 декабря) 1847 года, послѣ чего дирекція полагаетъ раздавать неразобранныя акціи постороннимъ лицамъ.

— 12 августа съ верши Нового-Адмиралтейства спущенъ новый линейный восьмидесяти-четырехъ-пушечный корабль «Красный». Для небывшихъ очевидцами спуска, можно повторить краткія, но выразительныя слова одного петербургскаго журнала: «Набережныя Невы усѣяны были народомъ, и моментъ, когда гигантъ спустился въ воды, былъ величественъ.»

— Тотъ же журналъ краснорѣчиво описываетъ гонку судовъ Императорскаго Яхт-Клуба, происходившую 8-го іюля, въ 25 верстахъ за Кронштадомъ. Мы не были свидѣтелями составанія и потому не можемъ описывать его. Побѣдителемъ, говорятъ, остался тендеръ князя Б. Д. Голицына *Варягъ*, въ 107 тоннъ (купленный въ Англіи), и получилъ императорскій призъ, богатую серебряную вызолоченную вазу, работы мастера Вальана.

— Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сообщается небольшое астрономиче-

ское открытіе. Г. Швейцеръ, наблюдатель Унивѣрситетской-Обсерваторіи, ночью 30 іюля замѣтилъ невѣстное туманное пятно между β и θ созвѣдія Возницы. Положеніе этого пятна г. Швейцеръ опредѣнилъ относительно трехъ мелкихъ звѣздъ по способу *геометрическихъ фигуръ*; на слѣдующую ночь онъ замѣтилъ, что пятно перемѣнилось мѣсто, и заключилъ, что это — новая комета, круглая, безъ хвоста. Въ ту же ночь опредѣлено, что сѣверное склоненіе кометы менѣе $3^{\circ} 50'$ склоненія β Возницы, а прямое восхожденіе болѣе 6,5 минутами времени той же звѣзды. Въ послѣдствіи, комета перешла въ созвѣдіе Телескопа. Прямое восхожденіе ея увеличилось каждый день почти на 3° или на 12 минутъ времени, а склоненіе уменьшалось около $10'$; поэтому, ночью 5 августа ея прямое восхожденіе $= 102^{\circ}$, и сѣверное склоненіе $= 40^{\circ}$. Г. Швейцеръ успѣлъ найти слѣдующіе элементы кометы:

Прохожденіе черезъ перигелій 22 августа въ 8 часовъ вечера.

Долгота перигелія $= 307^{\circ} 28'$,

Долгота узла $= 46^{\circ} 10'$,

Наклоненіе $= 26^{\circ} 34'$,

Наименьшее разстояніе отъ Солнца $= 0,668$, т. е. путь кометы лежитъ между Солнцемъ и Венераю.

Движеніе обратное.

Свѣтъ кометы увеличивается, но признаковъ хвоста не замѣчено.

Между-тѣмъ, 4 августа г. Швейцеръ нашелъ еще другую комету близъ ϵ Большой-Медвѣдницы; на слѣдующую ночь, движеніе этой кометы ясно обнаружилось. Наблюдатель опредѣлилъ, что она имѣетъ прямое восхожденіе $= 193^{\circ},5$ и сѣверное склоненіе $= 58^{\circ},5$. Видъ кометы — овальное туманное пятно, но съ приметнымъ хвостомъ, направленнымъ въ противоположную сторону отъ солнца.

— Съ сентября нынѣшняго года появится въ Петербургѣ новый журналъ, подъ названіемъ: «Чтеніе для Солдатъ», издаваемый съ дозволенія Государя Императора, подъ редакцію

лейб-гвардіи гренадерскаго полка штабс-капитана Ш. Чекмарева 1 го.

Вотъ что говоритъ издатель въ объявленіи:

«Цѣль этого изданія — доставить нижнимъ воинскимъ чинамъ, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, полезное и пріятное занятіе, могущее способствовать ихъ нравственному образованію. Въ каждой воинской командѣ находятся люди болѣе или менѣе грамотные, которые въ часы досуга принимаютъ за книгу. Русский солдатъ уже ищетъ чтенія и читаетъ. Но что онъ находитъ въ чтеніи? что читаетъ? Или негѣныя сказки, часто неимѣющія никакого смысла, — или онъ разбираетъ по складамъ книги, которыхъ содержаніе для простодушнаго темна, безсвязно или совершенно непонятно, вещи, надъ которыми онъ можетъ только пріучиться къ механическому процессу чтенія и изъ которыхъ подчасъ вовсе не встаетъ воспоминаетъ чуждыя для него мысли и составляетъ себѣ превратныя, ложныя понятія. Нѣтъ сомнѣнія, что полезно было бы облегчать солдату трудъ выбора чтенія, указать на предметы, достойные любовательности, предупредить въ этомъ важномъ дѣлѣ вредное вліяніе случайностей и негѣственного промывала, доставить грамотному солдату книгу, которая бы постепенно утоляла его жажду знанія, сообразно съ степенью его умственнаго развитія и съ его назначеніемъ, — книгу, которая бы замѣняла ему пріятнаго и дѣльнаго собесѣдника и, въ то же время, научала бы его обязанностямъ къ Богу, Государю и Отечеству, — книгу, которая бы служила ему забавою и имѣла источникомъ наслажденія въ его быту практическихъ свѣдѣній. Редакція «Чтенія для Солдатъ», возлагая на обѣщанное содѣйствіе многихъ литераторовъ и на благосклонный пріемъ всѣхъ людей благосмыслищихъ, въ особенности же военныхъ начальниковъ, предполагаетъ себѣ въ опредѣленные сроки издавать сборники или журналъ, который бы по всѣмъ

возможности соответствовала изложенной цели. Это предположеніе, такъ же какъ и программа изданія, удостоилось Всемилостивѣйшаго одобренія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, а потомъ и Высочайшаго соизволенія Государя Императора.

Въ составъ изданія будутъ входить какъ статьи оригинальныя, написанныя въ духѣ русскаго солдата, такъ и заимствованныя изъ всѣхъ русскихъ книгъ и журналовъ, съ примѣненіемъ ихъ къ понятіямъ солдата и цели его званія. Каждая книжка будетъ состоять изъ слѣдующихъ пяти отдѣленій:

Отдѣленіе I. Бесѣды и поученія о христіанскихъ обязанностяхъ; слова и рѣчи, говоренныя при торжественныхъ случаяхъ, наиримѣръ при освященіи знамени, при выступленіи войскъ въ походъ, и такъ далѣе; толкованія Евангелій и важнѣйшихъ праздниковъ, заимствованныя изъ книгъ, напечатанныхъ съ одобренія Духовной Цензуры; нравственныя наставленія и замѣчанія, внушающія повиновеніе къ начальству, любовь къ порядку, трезвости, трудолюбію и прочая.

Отдѣленіе II. Повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ Русской Исторіи; рассказы о славныхъ подвигахъ Русскихъ войскъ на полѣ брани и о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ полководцевъ; жизнеописанія лицъ, совершавшихъ блестящія подвиги или заслугами дошедшихъ отъ простаго воинскаго званія до высшихъ степеней.

Отдѣленіе III. Извлеченіе изъ нѣкоторыхъ необходимыхъ и для солдата важнѣйшихъ военныхъ постановленій, въ особенности тѣхъ, которыми обезпечивается и вознаграждается служба нижнихъ воинскихъ чиновъ, и просто, понятно изложенныя практическія свѣдѣнія по части хозяйства, ремесла и другихъ полезныхъ знаній въ быту солдатскомъ.

Отдѣленіе IV. Сказки и солдатскіе рассказы, военныя пѣсни и стихотворенія, относящіяся до положенія солдата, ихъ назначенія и долга.

Отдѣленіе V. Смѣсь: анекдоты, показывающіе преданность Государю, любовь къ Отечеству, неустрашимость въ

опасностяхъ и твердость духа въ разныхъ обстоятельствахъ; пословицы, загадки, задачи и прочая.

Каждые два мѣсяца будетъ выходить по книжкѣ отъ шести до десяти листовъ печати, въ 8-ю долю; къ статьямъ, смотря по надобности, будутъ прилагаться портреты, картинки и чертежи. Первая книжка выйдетъ 15-го Сентября 1847 года, вторая 15-го Ноября, и т. д.

Подписная цѣна въ годъ, за шесть книжекъ, три рубля серебромъ, безъ пересылки. Для иногородныхъ за пересылку прибавляется 25 коп. серебромъ.

— Петербургскіе дилеттанты теперь въ радости: возвратилась изъ - за границы г-жа Плесси. Были слухи, что она не воротится, но нѣкоторымъ причинамъ; потомъ въ одномъ французскомъ журналѣ было напечатано, что дирекція Перваго Французскаго Театра желаетъ прекратить процессъ, начатой противъ этой артистки послѣ того, какъ она оставила Парижъ для Россіи, т. е. что дирекція готова сложить съ нея всю огромную претензію и возвратитъ всѣ права *sociétaire du Théâtre Français*, только бы она согласилась воротиться въ Парижъ. Въ то же время одинъ англійскій журналъ напечаталъ письмо своего парижскаго корреспондента, гдѣ, въ числѣ прочихъ извѣстій, помѣщено было извѣстіе о той радости, которой enjoys Парижъ для своего зимняго сезона, именно, что, можетъ-быть, дирекція Перваго Французскаго Театра уладитъ дѣло такъ, чтобъ г-жа Плесси могла воротиться въ Парижъ. У насъ, какъ мы теперь въ томъ не сомнѣваемся, сценическіе таланты въ большомъ изобиліи, и, конечно, намъ бы вѣчего было горевать, еслибы даже много изъ нихъ были отвлечены въ Парижъ или Лондонъ; у насъ ихъ столько, что никогда не будетъ замѣтна подобнаго рода убыль—за это мы смѣло можемъ ручаться. Но въ Парижѣ не такъ: публика до такой степени избалована, что хочетъ любить только очень-немногихъ артистовъ, не отказываясь съ удовольствіемъ смотрѣть и

другихъ, по шѣрѣ того, сколько у нихъ есть больше или меньше *приятныхъ дарованій*. Жюль-Жаненъ, считающійся у нихъ не безъ основанія первымъ въ Парижѣ театральнымъ критикомъ (потому-что, не смотря на безконечную болтовню, у него есть и нѣкоторая дѣльность, особливо рутинна видѣть и оцѣнять), почти цѣлые полгода не могъ исплавать всѣхъ своихъ слезъ послѣ отъѣзда Плесси. На всѣ тоны онъ пѣлъ про эту потерю, точно Геркулесъ у Теокрита, потерявшій своего незамѣнимаго Гиласа. «Незамѣнима, незамѣнима!», повторялъ онъ всякій разъ, когда ему доводилось писать про парижскихъ актрисъ и вспоминать Плесси. Жаненъ Французъ, слѣдовательно человекъ учтивый, не смотря на суровое званіе критика; и такъ, онъ ловко похваливалъ то ту, то другую актрису, особливо же когда принималъ въ расчетъ, что «Journal des Débats» читается въ цѣломъ свѣтѣ, а все парижское не можетъ быть не превосходно; но, отпустивъ всю порцію похвалъ, онъ горестно хватался за свои воспоминанія и раскисывалъ, точно неволью, всю великость и важность своей потери. Наконецъ, ему довелось и нѣкоторое облегченіе: на театрѣ Gymnase появилась молодая прекрасная актрисса, Роза Шері, съ весьма замѣчательнымъ талантомъ и многою граціею. На этой новости отдохнулъ Жюль-Жаненъ, и съ нимъ вѣсть отдохнула парижская публика. Но недавно мы прочитали (по случаю одной новой пьесы, въ которой играла Роза Шері) такое мнѣніе Жюль-Жанена о качествахъ и свойствахъ г-жи Розы Шері: «Надобно было бы говорить Жюль-Жаненъ, чтобы г-жа Роза Шері осталась вѣрна своему настоящему роду, comédie de genre, маленькимъ актамъ безъ всякой претензіи, легкимъ улыбкамъ, слезамъ счастливыхъ людей, слезамъ столько сладкимъ, что отъ нихъ не краснѣютъ плачущіе глаза. Кларисса Гарло, гдѣ она была такъ хороша, была самою смѣлою попыткою, на какую только могла рѣшиться г-жа Роза Шері. Пойди

дальше, значило бы заходить слѣшкомъ - далеко, значило переступить своей предѣль. Изъ этого виденъ настоящій, довольно ограниченный объемъ таланта г-жи Розы Шері; изъ этого становится непонятнымъ, почему не меньше прежняго могутъ желать въ Парижѣ снова видѣть на сценѣ г-жу Плесси. Рашель и Плесси—вотъ что можетъ назвать у себя лучшаго Парижъ изъ спевическихъ артистокъ, и одна изъ нихъ, можетъ - быть, невозвратно для него потеряна... Повинная такимъ образомъ важность таланта г-жи Плесси, и зная съ другой стороны, что парижская дирекція готова была бы употребить съ своей стороны всѣ возможные усилія, чтобы парижская публика снова могла наслаждаться такимъ огромнымъ талантомъ, мы, признаваясь, сплѣно боялись, чтобы не исполнились надежды и желанія парижской публики; мы бы тогда были лишены одного изъ самыхъ лучшихъ и драгоцѣнныхъ художественныхъ наслажденій, какія только можетъ теперь дать Петербургъ. По счастью, всѣ такія опасенія благополучно разсѣялись: петербургской публикѣ предстоитъ съ богатыми обѣщаніями одинъ, быть-можетъ, и нѣсколько сезоновъ, въ продолженіе которыхъ г-жа Плесси будетъ играть, и тогда представляется возможность продолжать тѣ серьезныя художественныя изученія, которыя мы съѣдемъ надѣяться, началъ не одинъ посѣтитель Михайловскаго Театра. Недавно, передъ отъѣздомъ за границу, г-жа Плесси провѣла нѣсколько недѣль въ Москвѣ: тамошнія представленія ея побудили одного господина, впрочемъ скрывшаго свое имя, помѣстить въ одной петербургской газетѣ статью по поводу *рода*, въ которому принадлежитъ игра г-жи Плесси, что въ родѣ этюды: мы никакъ не войдемъ въ разсмотрѣніе этой статьи, потому-что она очень-слаба; но по-крайней-шѣрѣ она указываетъ на то, что г-жа Плесси стоитъ больше одностороннихъ фельетонныхъ замѣтокъ и возгласовъ.

И, замѣтите, эта статья неизвестнаго господина была возбуждена немногими представителями г-жи Плессей въ Москвѣ (впрочемъ, и то правда, что она исподнила тамъ почти всѣ самыя лучшія свои роли); въ Петербургѣ же, въ два свои сезона, т. е. съ 16-го октября 1845 г. по 8-е мая 1847 г., г-жа Плессей сыграла 44 пьесы, и, разумеется, изъ такого огромнаго количества нужно изключить нѣсколько ролей, какъ слабыя, или неудавшіяся (можетъ-быть, 5 или 6); сколько же еще за тѣмъ остается превосходныхъ, и, притомъ, въ высшей степени разнообразныхъ! Есть нѣсколько ролей историческихъ, разсмотрѣніе которыхъ должно привести къ нѣкоторымъ весьма-важнымъ вопросамъ. Но, кромѣ того вопроса, какъ умѣла *создать* г-жа Плессей каждое представляемое ею лицо (употребляешь слово «создать» не въ томъ смыслѣ, какъ оно безразлично употребляется на каждомъ шагѣ), мы считали бы важнымъ разсмотрѣть игру г-жи Плессей съ весьма-многихъ сторонъ, гдѣ, между-прочимъ, не малое мѣсто должно занять необыкновенное искусство одѣваться, но говоря уже о первыхъ вопросахъ, каковы: *дикція и красота, трагія и истинна игра*.

Въ вашей радости по случаю пріѣзда г-жи Плессей, мы позволяемъ себѣ общаіе въ непродолжительномъ времени написать и напечатать нѣсколько замѣчаній для будущей исторіи актѣровъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ послѣднимъ кольцомъ цѣпи будетъ г-жа Плессей.

2

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Въ годовомъ публичномъ засѣданіи Парижской Академіи Надписей и Словесности, подъ предѣлательствомъ г. Рендѣ, были удостоены награды, по конкурсу, слѣдующія сочиненія. По ну-

мерматикѣ, — награды, установленной г-мъ Альде-де-Готрошъ, сочиненіе г. Дженнаро Риччио: *Le monete attribuite alla zecca dell'antica citta di Luceria, capitale della Dania, con un cenno della remota sua origine e grandezza*. По древностямъ Франціи, — первой медали, рукописное сочиненіе г. Альбера Ленуара: *Etudes sur l'architecture gothique en France*; второй медали: *La statistique monumentale du Calvados*, г. Комона; третьей медали два сочиненія: *Questions bourguignonnes* г. Роже и *Inventaire des archives de la ville de Niort*, г. Брике. Первостепенныхъ почетныхъ отзывовъ удостоены: г. Декуантрь-Дюпонъ (Lecoindre-Dupont) за *Lettres sur l'histoire monetaire de la Normandie et du Poitou* и за *Jean-sans-terre et les dernieres années des Plantagenets dans l'ouest de la France*; г. Эд. Клеръ за *France-Comté à l'époque romaine représentées par ses ruines*; аббатъ Комеъ за *Les églises de l'arrondissement du Havre* и за *Les églises de l'arrondissement du Dieppe*; г. Монфальконъ за *Histoire de la ville de Lyon*; г. Жервидъ за *Recherches sur les îles du Cotentin et sur la mission de saint Magloire*; баронъ Меликокъ за *Les villes du nord de la France au XIV, XV et XVI siècles*. Второстепенныхъ почетныхъ отзывовъ удостоены 15 авторовъ за 16 сочиненій, которыхъ заглавія мы не приводимъ, какъ такихъ книгъ, которыя имѣютъ болѣе мѣстный для Франціи интересъ. Особыя награды, установленныя барономъ Гоберомъ за самое ученое и глубокое (le plus savant et le plus profond) сочиненіе по части французской исторіи и за другое по вспомогательнымъ къ тому же предмету изысканіямъ, были назначены: первая — г. Рейналю за *Histoire de Berry*, а вторая г. Франсуа Мишелю за *Histoire des races maudites*. Одна задача, предложенная Академіею еще въ 1845 году къ вышшему 1847, осталась безъ отвѣта; но Академія, обращая вниманіе на важность вопроса, возобновила ее къ 1-му апрѣля 1848 года; эта задача: «написать исторію наученія греческаго языка въ Запад-

ной Европѣ отъ конца V до конца XV вѣка. Сверхъ того, Академія повторила объявленіе о заданной ею къ 1848 году задачѣ: «объяснить лѣтописи и описать положеніе Франціи во второй половинѣ X вѣка», и вновь предложила къ 1849 году задачу: «составить исторію паденія и совершеннаго истребленія язычества въ разныхъ странахъ Восточной-Имперіи, начиная со времени императора Константина». Послѣ чтенія рапортовъ о присужденіи награды по конкурсамъ, г. непремѣнный секретарь, баронъ де-Валькнеръ, читалъ записку о жизни и сочиненіяхъ маркиза Пасторѣ, а г. Огюстенъ Тьерри — опытъ исторіи средняго сословія народа.

Французская Академія въ концѣ іюля тоже имѣла свое годичное засѣданіе. Предсѣдательствовалъ Токвиль; непремѣнный секретарь, Вильменъ, читалъ отчетъ о конкурсѣ. Жаль, что недостатковъ мѣста не позволяеть намъ привести хоть нѣсколько отрывковъ или мыслей Вильмена. Сюжетъ задачи по части поэзіи былъ — *Открытіе силъ паровъ*; удостоенъ первой награды Амедѣ Номбѣ; вторая награда присуждена неавѣстному, и два сочиненія удостоились почетныхъ отзывовъ: одно Легильмона, другое также неизвѣстнаго... Какъ старыя-то предрасудки долго держатся! въ XIX вѣкѣ, въ сороковыхъ годахъ, задаютъ, заказываютъ дидактическую поему въ стихахъ; для рѣшенія задачи является болѣе 30-ти такихъ поэмъ, и изъ нихъ четыре удостоиваются награды! Впрочемъ, написать такую поему если не невозможно, то ужъ истинная задача! — Награды за сочиненія, полезныя для нравственности и нравовъ общества (вотъ это другое дѣло) были присуждены слѣдующимъ образомъ: 3,000 франковъ Эжену Коши за сочиненіе: *Du duel considéré dans ses origines et dans l'état actuel des moeurs*; 3,000 фр. г. Кормену за *Entretiens de village*; медаль въ 2,500 фр. г. Бризѣ за *Les Bretons*; медаль въ 2,000 фр. г. Ованнѣ за *Histoire de France depuis l'origine de la nation*

jusqu'au règne de Louis-Philippe 1-er; медаль въ 2,000 фр. г. Жюлю Замдѣ за *Madeleine* (романъ), медаль въ 1,500 фр. г-жѣ Гинарѣ за *Poésie du Foyer*; медаль въ 1,500 фр. г-жѣ Ашиль-Контъ за *Sagesse et bon coeur*; 1,500 фр. г-жѣ Лаверпильеръ за *Etudes poétiques*. Награды за переводы нравственныхъ сочиненій прежнихъ вѣковъ, или современныхъ, но иностранныхъ литературъ назначены: 1,500 фр. г. Морѣ за *La cité de Dieu*, св. Августина; 1,500 фр. г. Герсару де-ла-Вильмаркѣ за переводъ *Chants populaires de la Bretagne*; 1,000 фр. г. Жюлю Лавруа за переводъ *Satires de Juvénal et de Perse*; 1,000 фр. г. Луандру за переводъ *Oeuvres complètes de Tacite*. Награды, установленныя барономъ Гоберомъ за самыя краснорѣчивыя изложенія частей французской исторіи, остаются: первая за Огюстеномъ Тьерри, авторомъ сочиненія: *Considerations sur l'Histoire de France et recits des temps mérovingiens*; вторая за Базеномъ (Bazin), авторомъ сочиненія: *Histoire de France sous Louis XIII*. Академія повторяетъ, что къ 1848 году она назначила въ награду золотую медаль въ 2,000 фр. за сочиненіе по части краснорѣчія: *Eloge d'Amiot*, и объявляетъ, что такъ-какъ задача по части поэзіи на 1847 годъ за поему *Algerie ou la civilisation conquérante* осталась нерѣшеною, то она откладываетъ ее до 1848 года; наградою будетъ золотая медаль въ 2,000 фр.—Г. Токвиль читалъ отчетъ о присужденіи наградъ за добродѣтельные поступки; отчетъ этотъ очень-длинновъ; мы не сообщаемъ его... Первая награда поступила въ самомъ дѣйстви да за эти и въ душѣ у виновниковъ ихъ.

Общество Поощренія Французской Национальной Промышленности также собиралось въ концѣ іюля для раздачі наградъ и для присужденія новыхъ задачъ. Въ награду роздано 5 медалей бронзовыхъ и 12 серебряныхъ за улучшенія и изобрѣтенія, относящіяся до разныхъ ремеслъ; мы ихъ не приводимъ—это слишкомъ-спеціально; да и еще одна платиновая медаль г. мабо-

ру Бронскому за разведение одной породы шелковичныхъ червей; наконецъ, даны еще 5 золотыхъ медалей— г. Донни за указаніе способа открывать подмѣси въ хлѣбной мукѣ; г. Левьедю за его тормозъ для экипажей на желѣзныхъ дорогахъ; г. Виталию Ру за открытіе способа обжиганія фарфоровой посуды при употребленіи каменнаго угля (мы уже говорили объ этомъ читателямъ); г. Солейю за изобрѣтенный имъ сахарометръ, и г. Монтаю (слѣпцу) за улучшеніе фортепьянъ. Но болѣе всего должно обратить вниманіе на новыя задачи. Недостатокъ народнаго продовольствія, происшедшій отъ неурожая, заставилъ Общество прибѣгнуть къ объявленію значительнаго числа задачъ, клонящихся къ устраниенію на будущее время подобнаго несчастія. Сумма наградъ за всѣ новыя задачи— 56,000 франковъ, а съ задачами прежде, но недавно предложенными уже Обществомъ, простирается до 100,000 франковъ. Французскіе журналы сообщаютъ рѣчь предсѣдателя Общества, г. Дюма, въ которой ясно изложены побудительныя причины, заставившія рѣшиться на всѣ эти задачи; рѣчь г. Дюма чрезвычайно-интересна и дѣльна. Скажемъ по-крайней-мѣрѣ о ея содержаніи въ нѣсколькихъ словахъ. Сначала г. Дюма говоритъ о среднемъ количествѣ пиши, дѣйствительно потребляемой во Франціи, не разбирая ни пола, ни возраста, — потомъ о ежегодномъ количествѣ пиши для продовольствія всего государства и наконецъ о родѣ пиши самой общепотребительной во всѣхъ классахъ. Это хлѣбъ; по химическому составу своему, хлѣбъ заключаетъ въ себѣ два начала—одно мучнистое, составляющее крахмалъ, и другое, дѣйствіе котораго подобно дѣйствію говядины, называемое *gluten*. Изъ всѣхъ другихъ произрастеній, подобный же химическій составъ имѣютъ бобовидныя растенія и маисъ; хлѣбное зерно — самая лучшая, самая питательная, самая философическая (какъ говорятъ г. Дюма) пища

для человѣка; но одной ея недостаточна. Въ пищу употребляется также много другихъ произведеній съ цѣлію замѣнить хлѣбъ; изъ числа ихъ картофель и рисъ (сарачинское пшено) заключаютъ въ себѣ одно мучнистое начало, говядина и вообще пища животная одно клейкое начало, *gluten*. Итакъ, соединеніе послѣднихъ двухъ родовъ пиши можетъ замѣнить хлѣбъ въ неурожайное время и вообще служить для разнообразія въ пищѣ. Поэтому, всѣ почти задачи устремлены на скотоводство и разведеніе собственно-мучнистыхъ веществъ. Сверхъ того, такъ какъ Обществомъ было уже задано найти лучшій способъ разведенія лѣсовъ по скатамъ горъ для удержанія отъ быстрого стока дождевыхъ водъ, то нынѣ предлагается: изыскать лучшіе способы удерживать и поднимать эту воду и орошать ею поля; для послѣдняго предлагается даже изыскать условія химическаго дѣйствія водъ. Вотъ оглавленіе всѣхъ предложенныхъ нынѣ задачъ: 1) По улучшенію лѣсовъ: за способъ скорѣйшаго выращенія деревьевъ безъ вреда внутреннему составу ихъ — 3,000 франковъ. 2) По орошенію полей: а) за лучшую записку о химическомъ составѣ и о причинахъ неодинаковаго удобрительнаго свойства водъ, употребляемыхъ для орошенія — 3,000 фр. б) За сочиненіе, основанное на физическихъ и физиологическихъ фактахъ, изслѣдующее поливку и орошеніе для какой-нибудь части Франціи для одного рода растеній и для извѣстнаго времени года, и показывающее за тѣмъ самыя выгодныя часы дня для этого дѣйствія — 1,500 фр. 3) По луговодству: а) за химическій или агрономическій способъ для уничтоженія на естественныхъ сырыхъ лугахъ вредныхъ и бесполезныхъ растеній— 1,000 фр.; б) за положительныя и неподверженныя никакому сомнѣнію опыты надъ дѣйствіемъ равныхъ способовъ питанія скота на пастбищахъ, особенно въ-отношеніи получаемаго молока — 1,000 фр.; в) за химическія изслѣдова-

нiя растенiй, разводимыхъ на искусственныхъ лугахъ и за точное сравненiе состава ихъ пепла съ составомъ земли, на которой растутъ они—1,500 фр.; ж) за открытiе новаго растенiя для искусственныхъ луговъ, неотносящагося ни къ роду злаковъ, ни къ бобовиднымъ растенiямъ—3,000 фр.; д) за открытiе средствъ получать, при данномъ количествѣ пищи скота, наибольшее количество молока, которое можно будетъ принять за нормальное и постоянное—1,500 фр.; е) за открытiе средствъ получать, при данномъ количествѣ пищи скота, наибольшее количество жира въ скотинѣ—1,500 фр.; ж) за изученiе и показанiе лучшихъ способовъ бить скотъ на мясо—500 фр.; з) за сочиненiе исторiи коннозаводства и перерожденiя лошадиной породы въ какой-нибудь части Францiи—двѣ награды, одна въ 1,000, а другая въ 500 фр.—4) По удобренiю полей: за сочиненiе вполне изслѣдующее всѣ возможные и употребительные роды туковъ—3,000 фр.—5) По части собственно мучнистыхъ или крахмальныхъ растенiй: а) за введенiе растенiя, котораго корень могъ бы соперничать съ картофелемъ—10,000 фр.; б) за приборъ для сушки картофельной мякоти, удобный и сподручный во всякой фермѣ—1,000 фр.; в) за сочиненiе, показывающее всѣ слѣдствiя отъ неумѣреннаго употребленiя въ пищу картофеля—1,000 фр. (эта награда назначена какой-то княгиней Голицыной); г) за приборъ для рѣзки и сушки сахарной свекловицы, удобный и сподручный во всякой фермѣ, разумѣется, безъ потери и безъ замѣненiя сахарнаго вещества—3,000 фр.—6) По сбереженiю въ прокъ разныхъ предметовъ пищи: а) за способъ сохраненiя въ продолженiе года мяса въ климатѣ Францiи, безъ копченiя и соденiя—2,000 фр.; б) за способъ сохраненiя яицъ въ продолженiе года—500 фр.; в) за способъ сохраненiя плодовъ—500 фр.—7) По части другихъ отраслей сельской промышленности: а) за открытiе и введенiе новаго настѣ-

маго, способнаго производить шедъ, годный для мануфактуръ—2,000 фр.; б) за открытiе способа истреблять настѣкомое, вредящее винограднымъ лозамъ и извѣстное въ Бургоннi подъ названiемъ писателя (écrivain)—2,000 фр.; в) за открытiе способа истреблять настѣкомое, вредящее оливковымъ деревьямъ на югѣ Францiи—2,000 фр.; г) за химическое и агрономическое изслѣдованiе пользы разведенiя конопли и льна по способу доктора Кана—2,000 фр.—и 8) По части распространенiя промышленныхъ знанiй: за три лучшiя сочиненiя, излагающiя руководство къ земледѣлю, составленные для школъ первоначальныхъ, второстепенныхъ и высшихъ—4,500 фр. Всѣ эти награды распределяются отъ 1849 до 1855 года, суммою, приблизительно, по одной шестой части въ годъ.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили о наградахъ и задачахъ, предложенныхъ Мюльгаузенскимъ Обществомъ Промышленности. То были задачи по части химiи: сообщаемъ теперь задачи по части механики, торговли, естественной исторiи и земледѣлiя. Всѣ рѣшенiя задачъ должны быть представлены не позже 15 февраля 1848 года. По механикѣ: 1) за составленiе записки о пряденiи бумаги отъ 80 до 180 метрическаго номера (золот. медаль); 2) за новую бумаго-трепальную машину (зол. медаль въ 1000 фр.); медаль эта учреждена г. Буркарромъ, чтобъ имѣть возможность замѣнить новую машиную прежнюю англiйскую, которая дѣлала бумагу негодною для тонкихъ номеровъ и требовала много силы; 3) за фабрикацiю и введенiе въ торговлю какихъ-либо новыхъ бумажныхъ тканей (серебр. медаль); 4) за сочиненiе объ очищенiи разныхъ маселъ, употребляемыхъ для смазки машинъ (зол. медаль въ 500 фр.); 5) за улучшенiе кардъ въ бумаго-прядильныхъ машинахъ (серебр. медаль); 6) за устройство такого вентилятора при трубахъ паровыхъ машинъ, который бы производилъ равное дѣйствiе на-

счетъ тяги воздуха, какъ и устройство высокихъ трубъ (сер. медаль); цѣль этой задачи та, чтобъ обратить въ пользу теплоту вылетающаго дыма посредствомъ питанія печи нагрѣтымъ уже отъ дыма воздухомъ, или, если мѣстныя обстоятельства позволяютъ, посредствомъ употребленія теплоты дыма для какого-нибудь другаго предмета; преимуществва вентилатора должны быть доказаны положительно фактами и опытами; 7) за сочиненіе о скорости движенія и объ охлажденіи водяныхъ паровъ въ длинныхъ проводныхъ трубахъ (сер. медаль); 8) за полнѣйшее сочиненіе о передачѣ движенія и приводахъ (зол. медаль); 9) за простой и всегда удобный способъ распознавать качества маселъ для смазки машинъ (сер. медаль); 10) за самое подробное изложеніе и полнѣйшее описаніе всѣхъ машинъ, употребляемыхъ для чесаной шерсти, по самымъ послѣднимъ усовершенствованіямъ (сер. медаль); 11) за изобрѣтеніе круговращательной паровой машины (зол. медаль въ 1000 фр.); 12) за открытіе или введеніе новаго естественнаго или искусственнаго движителя, кромѣ тѣхъ, которыми уже пользуется промышленность (зол. медаль); 13) за сочиненіе относительно разныхъ скоростей, которыя можно давать поршню пароваго цилиндра при разныхъ обстоятельствахъ; кромѣ этихъ тринадцати, общество назначило еще четыре серебряныя медали за введеніе разныхъ механическихъ производствъ въ той мѣстности, на которую общество имѣетъ вліяніе. По торговлѣ: за сочиненіе въ духѣ не теоретическомъ, но практическомъ, которое указало бы, посредствомъ какихъ законодательныхъ или другихъ мѣръ можно улучшить хлопчато-бумажную промышленность во Франціи (сер. медаль). — За тѣмъ общество предложило еще одиннадцать наградъ за введеніе и улучшеніе нѣкоторыхъ отраслей мануфактурной и земледѣльческой сельской промышленности Франціи; всѣ

эти задачи имѣютъ уже болѣе-мѣстный интересъ.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело на читателя перечисленіе всѣхъ этихъ задачъ въ предыдущей и нынѣшней книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ». Но думаемъ, что всякій будетъ хранить на душѣ хвалу Обществу Поощренія Французской Национальной Промышленности и Мюльгаузенскому Обществу Промышленности за ихъ заботы о процвѣтаніи государства и народномъ богатствѣ.

— Вотъ весьма - важная новость: предполагается устроить сообщеніе сѣверныхъ морей Европы съ Средиземнымъ посредствомъ новой желѣзной дороги... Но прежде приведемъ, вмѣсто предисловія, краткое извѣстіе о системѣ сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ, потому-что будущее соединеніе морей примыкаетъ именно къ этой системѣ. Центральнымъ пунктомъ системы назначена Алессандрія; отсюда пойдутъ двѣ дороги, на югъ въ Геную и на сѣверъ чрезъ Новару до озера Маджіоре и, наконецъ, третья на западъ въ Туринъ. Изъ Турина она потянется далѣе, чрезъ Савойю, во Францію, здѣсь должна будетъ перейти Альпы, изъ долины Сюзъ въ долину Маріеннъ чрезъ Мон Сени; для этого перехода предполагень тоннель длиною около десяти верствъ; будущія работы этого тоннеля занимаютъ теперь умы всѣхъ инженеровъ; многіе говорятъ о невозможности или нескончаемости этой работы; между тѣмъ, сардинское правительство вызвало бельгійскаго инженера Манса, который придумалъ даже и особую машину для пробитія горы тоннелемъ; посредствомъ этой машины онъ полагаетъ кончить работу въ семь лѣтъ; для опыта же на первый разъ строятъ теперь небольшую машину силою въ двѣ лошади (которая будетъ стоить 50,000 руб. сер.). Путь чрезъ Мон-Сени извѣстенъ всѣмъ и давно: дорогу чрезъ нее устроивали и Римляне въ древнія времена, и герцоги савой-

скіе въ средніе вѣка и, наконецъ, Наполеонъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если пробитіе туннеля черезъ горы альпійскаго известняка окажется невозможнымъ, то, вѣроятно, прибѣгнуть или къ атмосферической дорогѣ, или къ крутой дорогѣ по поверхности горныхъ скатовъ, съ тѣмъ, чтобъ поднимать и спускать поѣзды экипажей желѣзными цѣпами посредствомъ постоянныхъ паровыхъ машинъ, расположенныхъ на высотахъ; но это въ случаѣ необходимости—туннель же безъ сомнѣнія увѣковѣчить въ лѣтописяхъ нижезернаго искусства эту дорогу и сдѣлаетъ превосходною, великолѣпною и самую удобною.

Обратимся къ соединенію сѣверныхъ морей съ Средиземнымъ.

Изъ карты сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, приложенной въ прошломъ году къ нашему журналу («Отечественныя Записки», Т. XLVIII. Наука, стр. 27—56), можно было видѣть, что сѣтъ эта далеко еще не достигла своей полноты въ исполненіи, и, между прочимъ, одно обстоятельство досихъ-поръ остается въ проектахъ. Балтійское и Сѣверное-Моря и Ламаншскій-Проливъ все-еще остаются не соединенными съ портами Средиземнаго-Моря. Для этого имѣется въ виду два проекта: одинъ посредствомъ желѣзной дороги отъ Венеціи и Триеста на Лайбахъ, Грацъ и Вѣну, а отсюда разными желѣзными путями на Данцигъ, Штетинъ и Гамбургъ, и другою, отъ Марселя на Ліонъ и Дижонъ, а отсюда — съ одной стороны черезъ Парижъ на Гавръ (*) и Діеппъ, съ другою—на Мюльгаузенъ и Страсбургъ, для соединенія съ при-рейнскими линіями желѣзныхъ дорогъ. Французская линія, вѣроятно, еще не скоро осуществится; австрійская же, хотя частіями окончена, а частіями находит-

ся уже въ работѣ, но представляетъ во-первыхъ, слишкомъ большой кругъ отъ Гамбурга и Штетина до Триеста, захватывая пространство даже нѣсколько-восточнѣе Вѣны, и во-вторыхъ, примыкаетъ къ не совсемъ-гостеприимному по своимъ бурямъ Адриатическому-Морю, а не къ торговому центру Средиземнаго-Моря. Линія отъ Вѣны, или, лучше сказать, отъ Бреслава на Данцигъ еще не скоро будетъ приводиться въ исполненіе, и притомъ Данцигъ слишкомъ удаленъ отъ Сѣвернаго или Нѣмецкаго Моря. Для избранія на Средиземномъ-Морѣ порта, который можно было бы преимущественно соединить желѣзнымъ путемъ съ сѣверными портами, безъ сомнѣнія должно остановиться на той части этого моря, которая образуетъ впадину между Италіей, Франціей и Испаніей. Марсельская линія, мы сказали, далека отъ исполненія, и притомъ отводитъ путь на западъ. Остается Генуя, которую уже предположено соединить, какъ мы сказали выше, желѣзной дорогой (по направленію на сѣверъ) черезъ Нови, Алессандрію, Верчелли и Новару съ Ароной на озерѣ Маджоре (въ самой сѣверной части Сардинскаго-Королевства, почти на границѣ его). Съ другой стороны, отъ сѣверныхъ портовъ Остенде, Антверпена, Амстердама, Бремена, Гамбурга и Штетина—разныя желѣзныя дороги сосредоточиваются въ два главные пути: 1) при-рейнскихъ дорогъ черезъ Кѣльнъ, Франкфуртъ, Майнцъ, Мангеймъ, Страсбургъ, Киль, Базель, до Цюриха, и 2) средне-германскихъ черезъ Берлинъ, Ганноверъ, Кассель, Лейпцигъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Ульмъ, Аугсбургъ и Линдау на Констанцкомъ-Озерѣ. На первомъ пути всѣ дороги или уже отстроены или строятся, кромѣ участка отъ Кѣльна до Франкфурга-на-Майнѣ; на второмъ также, кромѣ самой южной оконечности отъ Аугсбурга до Линдау. Итакъ, кромѣ этихъ двухъ участковъ, за которые, вѣроятно, скоро и дѣятельно примутся, остается пространство

(*) Дорога отъ Парижа до Руана существуетъ уже четыре года; а отъ Руана до Гавра открыта для публики 22 марта нынѣшняго года.

черезъ Швейцарію отъ Цюрихскаго и Констанцкаго Озеръ до озера Маджіоре; на этомъ пространствѣ до-сихъ-поръ еще не предполагалось желѣзныхъ дорогъ. И вотъ весьма-важная новость для европейской сѣти желѣзныхъ дорогъ: Сардинское-Королевство уже согласило другія правительства, черезъ земли которыхъ можетъ пройти здѣсь линія желѣзной дороги, на постройку ея отъ Констанцкаго-Озера до озера Маджіоре. Чтобъ яснѣе опредѣлить эту линію, мы прослѣдимъ ее по картѣ, называя тѣ правительства, которыя согласились на постройку. Отъ Генуи до Ароны на озерѣ Маджіоре и далѣе къ сѣверу, съ западной стороны этого озера, линія находится въ предѣлахъ Сардинскаго-Королевства по генуезскому округу, Пьемонту и новарской провинціи; потомъ входитъ въ границы Тессинскаго-Кантона Швейцаріи (по южную сторону Альповъ); пересѣкаетъ здѣсь рѣки Маджію (Maggia) и Тессинъ, и долиной Бленію посредствомъ пятиверстнаго туннеля переходитъ Альпы въ Граубинденскій-Кантонъ, къ западному или главному истоку Рейна; въ Граубинденѣ она идетъ по одному направленію съ этимъ истокомъ Рейна и ниже соединенія его съ восточнымъ истокомъ входитъ въ предѣлы Санктгалленскаго-Кантона, по которому тянется, удаляясь отъ долины Рейна, и наконецъ достигаетъ Констанцкаго Озера при соединеніи границъ послѣдняго кантона, Австріи, Баваріи и Вюртемберга; отъ Линдау на Констанцкомъ-Озерѣ линія, уже прежде здѣсь проектированная, пойдетъ по Виртембергскому Королевству на Ульмъ и Штутгардъ и черезъ Баденское Герцогство на Карлсруэ, или прямо на Мангеймъ, для соединенія съ при-рейскими дорогами. Кромѣ этого, отъ Линдау эта линія соединится другими прежними проектами съ Мюнхеномъ, Аугсбургомъ и слѣдовательно съ среднегерманскимъ путемъ, и наконецъ могла бы, не доходя до Констанцкаго-Озера, своротить на западъ къ Цюрихскому Озеру и городу Цюриху; а отсюда

прежними проектами соединиться съ Базелемъ на при-рейской линіи. Не смотря на то, что вся линія почти обходитъ съ восточной стороны Швейцарію, потому-что погеографическому положенію Тессинъ относится болѣе къ Италіи, а Граубинденъ къ Германіи или Австріи, для работъ желѣзной дороги мѣста эти слишкомъ еще гористы и слишкомъ-много представляютъ затрудненій искусству инженеровъ; поэтому въ искусственномъ отношеніи, какъ и въ торговомъ, проектъ этотъ будетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Всѣ упомянутыя нами правительства, кромѣ Австріи, которая почти не заинтересована въ этомъ дѣлѣ, успѣли еще обезпечить будущей компаніи не менѣе трехъ съ половиною процентовъ дивиденда и ожидаютъ только окончательнаго составленія ея въ Лондонѣ, гдѣ она формируется для этого предмета съ капиталомъ около 20 милліоновъ рублей серебромъ. Сардинскій король такъ интересуется этимъ дѣломъ, что заключилъ особыя условія съ сказанными тремя кантонами для обезпеченія имъ всѣхъ выгодъ отъ транзита товаровъ къ генуезскому порту, въ случаѣ, еслибъ часть желѣзной дороги по Швейцаріи и замедлилась въ исполненіи. Вообще, главная и основная мысль этого проекта есть присоединеніе Пьемонта къ цольс-рейну или германскому таможенному союзу. Впрочемъ, если планы неаполитанскаго короля объ учрежденіи особаго итальянскаго таможеннаго союза удадутся, тогда сардинно-швейцарская желѣзная дорога будетъ служить прочною связью между обоими союзами. Условія между Сардинскимъ-Королевствомъ и швейцарскими кантонами, по показанію *Gazette Piémontaise*, заключены 6 и 16 января нынѣшняго года, но окончательно ратификованы сардинскимъ королемъ только 30 апрѣля.

Говоря о желѣзныхъ дорогахъ, мы должны сообщить объ открытіи такъ-называемой центральной дороги (du centre) во Франціи. Дорога отъ Парижа до Орлеана уже была сдѣлана и от-

крыта прежде, отъ Орлеана до Буржа открыта 19 июля нынѣшняго года. Выходя изъ Орлеана, новая открытая часть центральной дороги пересѣкается Луару и направляется на Вьерзонъ, бокъ-о-бокъ съ старой дорогой изъ Парижа въ Тулузу, проходя недалеко отъ ла-Фертё, Сент-Обена, Ламот-Беврона, Нуан-ле-Фюзельё и Сальбри. Близъ Ламот-Беврона, этого бесплоднаго, грустнаго центра Солоньи, вы прокатитесь по путепроводу въ три арки, изъ которыхъ каждая въ 6 метровъ отверстія; оставивъ Сальбри въ лѣвой сторонѣ, переѣдете черезъ рѣку Сольдру, также по путепроводу изъ пяти полукруглыхъ арокъ; широта отверстія каждой арки 7 метровъ; подъ путепроводомъ этимъ пролегаетъ и старая, теперь уже упраздненная дорога. Около мѣстечка Теилль-ле-Палль оканчивается пустынная страна Солоньи; впрочемъ, благодаря скорости паровоза, вы едва-ли успеете огорчиться участіемъ жителей этой почти пустынной степи: она промелькнетъ и останется за вами. И вотъ, вы уже въѣзжаете, по скату въ 5 метровъ, сначала въ прорѣзанный въ горѣ каналъ, а потомъ въ тоннель (длиною 1300 метровъ) и направляетесь свой путь къ Вьерзону. Тоннель этотъ освѣщается довольно часто расположенными отверстиями въ сводѣ; свѣтъ льется изъ этихъ отверстій радужными дугами и представляетъ чудный видъ. Къ-несчастью, во многихъ мѣстахъ по своду сочится вода отъ фильтрацій, хотя во время работъ и были приняты всѣ мѣры предосторожности противъ нихъ. За Вьерзономъ опять проѣзжаете тоннель въ 200 метровъ, пересѣкаете старую дорогу въ Буржъ, рѣку Иевру, Беррійскій-Каналь, описываете довольно-чувствительную дугу кривой линіи къ востоку и останавливаетесь въ Фоссси. Вдали, шпицы колоколенъ рисуются на синемъ небѣ: это Мегюнь за зеленою поля, оазисъ, гдѣ воды струятся по роскошнымъ дугамъ и рощи сбѣгаютъ по скатамъ холмовъ. Наконецъ, снова переѣхавъ черезъ Беррійскій-Ка-

наль и Иевру въ Мармоннѣ, вы увидите Буржъ, городъ съ старинными историческими воспоминаніями, отчизну Карла VII. При открытіи этой части центральной дороги, первый поѣздъ тронулся изъ Парижа въ 6¼ часовъ утра, а въ половинѣ перваго ночи того же дня прибылъ, обратно въ Парижъ; въ 18 часовъ 110 лѣѣ, со всѣми остановками, изъ которыхъ одна продолжалась цѣлый часъ! Изъ Парижа назначено семь поѣздовъ въ день, изъ Буржа — четыре. Плата за мѣста отъ Орлеана до Буржа за 112 километровъ (или почти русскихъ верстъ) назначена 11¼ франк., 8¼ фр. и 6¼ франк., смотря по тремъ разрядамъ мѣстъ. Переѣздъ отъ Парижа до Буржа среднимъ числомъ будетъ производиться по 8 часовъ въ одинъ конецъ.

Перейдемъ къ англійскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Компанія норфолькской дороги сдѣлала пробу въ пользу бѣднаго, недостаточнаго класса народа; она начала отправлять особые, по самой низкой цѣнѣ поѣзды по три раза въ недѣлю, не считая воскресенья, по два раза въ каждый изъ этихъ трехъ дней; поѣзды отправляются со станціи Фаундри-Бриджъ, Уитлингемъ и Торпъ. Жители Норвича торжествуютъ: они платятъ за цѣлый путь почти въ три мили (менѣе 5-ти верстъ) одинъ пенни.

Вотъ свѣдѣнія вообще о доходахъ англійскихъ дорогъ. Главныя компаніи окончили уже свои линіи; ихъ числомъ 28; общая сложная длина всѣхъ этихъ линій 2418¼ миль, а общая сложность цѣнности ихъ, по послѣднимъ отчетамъ, 77,162,952 фунта стерлинговъ (1,929,073,800 франковъ, то-есть, 806,469 фр. на километръ, или почти на одну русскую версту). Дивиденды, платимые акціонерамъ, простираются отъ 2 до 10 процентовъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

На капиталъ въ

26,996,675 фр.	2 проц.
21,347,950	2,8
13,008,525	2,12
3,372,500	3

118,531,225	3,1
29,374,225	4
142,626,425	5
27,136,450	5,1
80,128,175	6
836,802,550	7
216,656,000	8
51,551,925	9
577,237,015	10

1,929,073,800 фр.

есть общій въ сложности дивидендъ
 дѣлится ежегодно до 143,654,700
 франковъ, или 7½ на 100 съ дробью.

— замѣтить, что такъ-какъ нынѣ
 открыты еще не на всей длинѣ,
 а старыя дороги, на-примѣръ, при грин-
 джонской дорогѣ, не открыты еще
 группы гравельныя линіи, которыя должны
 способствовать къ увеличенію
 скорости — то приведенный итогъ до-
 о, такъ, такъ есть крайній предѣлъ: онъ
 не долженъ превышать.

И истинно дивидендъ въ 7½ на 100, не
 огромную цѣну по 800,000
 версту, очень-удовлетвори-
 тельную, потому-что невыгодныя диви-
 денды — это число весьма-

малыя — тѣмъ
 больше съ
 уменьшеніемъ
 — Нале
 — Нью-
 — Филадель-
 — Буффало и
 — Аубурна
 — Сиракузъ

Линіи, уже въ полномъ дѣйствиіи находящіяся:

Нью-Йорка до Альбани и Буффало	820,590 метр.
Нью-Йорка до Филадельфій, Балтимора и Ва- шингтона	386,160 —
Вашингтона до Фредериксбурга въ Виргиніи	80,450 —
Нью-Йорка до Бостона	402,250 —
Филадельфій до Питтсбурга	482,700 —
Буффало и Локпорта до Торонто въ Канадѣ	209,170 —
Аубурна до Итаки и Эльмиры	96,540 —
Сиракузъ до Освего	56,315 —

Всего . . . . . 2,534,175 метр.

Или всего въ дѣйствиіи около 2,500 русскихъ верстъ.

Линіи устрояемыя и предназначенныя къ постройкѣ:

Отъ Фредериксбурга до Нового-Орлеана	1,805,298 метр.
— Филадельфій до Поттсвила	160,900 —
— Монреаля до Торонто	643,600 —
— Бостона до Портланда	193,080 —
— Нового-Орлеана до Цинцинати и Коломбуса	1,930,800 —
— Буффало до Мильвеки	1,126,300 —
— Квебека до Галифакса	1,126,300 —
— — до Монреаля	289,620 —

малую частію. Только на 212,831,100
 франковъ капитала приходится диви-
 денда менѣе 5-ти процентовъ, а на
 1,716,241,940 фр. получается отъ 5 до
 10 проц. Въ Европѣ часто идутъ тол-
 ки о томъ, выгодно ли правительству
 обезпечить компаніи 4-мя процентами;
 приложимъ это къ итогам дивиден-
 довъ англійскихъ (самыхъ дорогихъ)
 дорогъ. Еслибъ англійское правитель-
 ство поручилось за 4 процента всѣмъ
 компаніямъ, которыхъ капиталы нынѣ
 выставили, то оно ежегодно теряло бы
 или доплачивало 2,276,368 франк.; но
 еслибъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно участво-
 вало въ выгодахъ компаній, при диви-
 дендахъ отъ 8 до 10 процентовъ (за
 что всякая компанія охотно согласи-
 ся), то получало бы ежегодно выгоды
 6,030,120 фр., т. е. прямаго денежнаго
 дохода 3,700,000 фр.

Кстати приведемъ здѣсь другую ста-
 тистику — электрическихъ телеграфовъ
 Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ
 Штатовъ, въ томъ состояніи, какъ они
 находятся теперь, въ 1847 году:

— Трои (Нью-Йоркъ) до Монреаля	294,447	—
— Рочестера до Дамвилля	75,623	—
— — до Медины	67,578	—
— Гамильтона (Канада) до Детруа	289,620	—

Всего. . . . . 8,003,000 метр.

Или всего прибавится въ 1848 г. около 8,000 русск. верстѣ.

Всего же въ 1848 году будетъ около 10,500 русск. верстѣ.

— Въ журналѣ *Méchanic's Magazine* помещено письмо, которое въ некоторомъ образомъ уменьшаетъ странность и громадность проекта подводной желѣзной дороги между Франціею и Англіею и заставляетъ смотрѣть на этотъ проектъ, какъ на что-то въ самомъ дѣлѣ возможное, исполнимое, и, слѣдовательно, достойное изученія. Теперь ужь трудно прикрыть лѣнь и невѣжество фразою: «это такъ хорошо, что невѣроятно». — успѣхи паровыхъ машинъ, паровой навигаціи, желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ и пр. и пр. уничтожили такой аргументъ. Поэтому несправедливо было бы оставить безъ изслѣдованія и проектъ г-на Джона Гей. Этотъ проектъ, конечно, представляетъ много трудностей; но надо знать, дѣйствительно ли онѣ неодолимы, а чтобъ имѣть право назвать ихъ неодолимыми, нужно изучить всѣ подробности проекта. Вотъ письмо г-на Гей:

«Почтенный другъ: Назадъ тому восьмидесяти лѣтъ, описаніе моего проекта подводной желѣзной дороги появилось въ журналѣ *Méchanic's Magazine*; я тогда же объявлялъ, что это изобрѣтеніе еще можетъ во многомъ совершенствоваться и улучшиться. Съ той минуты, я постоянно занимался усовершенствованіемъ своего проекта, и слѣдующія подробности, можетъ-быть, покажутъ, что трудности исполненія почти совершенно отстранены.

«Первою моею мыслию было—устроить желѣзную трубу, способную выдерживать тяжесть повода и высшее давление воды. Но послѣдующее испытаніе довело меня до убѣжденія, что эта система стоила бы дорого, но представляла существенныхъ выгодъ.—Пре-

жде всего я долженъ сказать, что моя новая система основана на томъ, что англійскій каналъ (Па-де-Кале) совершенно ровенъ, т. е., что онъ представляетъ паденіе не болѣе $\frac{1}{1000}$ (на 1 версту 1,66 саж.), такъ-что невозможно найти мѣста болѣе-благопріятнаго для моего проекта; и притомъ глубина воды между Калѣ и Дувромъ не болѣе 200 футовъ, т. е. около обыкновенной длины пароваго судна, или менѣе ширины палубы парохода *Great-Britain*, взятой четыре раза. Итакъ, каналъ, вмѣсто бездонной пропасти, представляетъ обширную равнину, совершенно-гладкую и удобную для проведенія рельсовъ. Одинъ извѣстныхъ геологовъ давно уже доказывалъ имѣть; что дно канала непрерывно ровное; но въ-послѣдствіи работы и изслѣдованія инженеровъ утвердили и засвидѣтельствовали это мнѣніе. — Теперь слѣдуетъ мой измѣненный проектъ.

«Вмѣсто того, чтобъ устроить трубу такъ же, какъ дѣлаются обыкновенные тоннели желѣзныхъ дорогъ, изъ дюймоваго котельнаго листоваго желѣза шириною достаточною для двухъ линий рельсовъ, я предлагаю трубу совершенно-цилиндрическую въ 14 футовъ діаметра, изъ желѣза толщиной въ $\frac{1}{4}$ дюйма, снабженную съ каждой стороны горизонтальными трех-футовыми закрапинами, на средній высоты трубы, такъ чтобы лежащій цилиндръ былъ составленъ изъ двухъ частей полумиллиметрическихъ, соединенныхъ имѣстѣмъ закрапинами, скрѣпленныхъ болтами. Эта труба будетъ довольно-прѣзкая; между-тѣмъ, устройство ея не трудно и будетъ стоить гораздо-дешевле, чѣмъ въ первомъ моемъ проектѣ. Составленная изъ тонкихъ листовъ, она будетъ имѣть слабую упругость,

и такимъ образомъ не подвергается опасности переломиться при опускании на воду, какъ это иногда случается съ пораблями; цилиндрическая форма дѣлаетъ ее способною выдерживать давленіе воды на всякой глубинѣ, потому-что въ настоящемъ случаѣ самое большее давленіе не будетъ превышать 100 англ. футовъ на 1 кв. дюймъ.

Устроенную такимъ-образомъ трубу я предполагаю покрыть тонкимъ слоемъ какого-нибудь непроницаемаго вещества, какъ напр. войлоками или камитулиновомъ; потомъ обшить дубовыми досками въ три дюйма толщины. Доски эти, положенныя вдоль, залитыя по швамъ морскимъ клеемъ и прирѣзанныя къ трубѣ болтами, не будутъ допускать до трубы воду. Наконецъ, чтобъ воспрепятствовать порчѣ дерева, я замочу его булыжничьимъ камнемъ гранитной породы на гидравлическомъ цементѣ, такъ-что желѣзо будетъ совершенно защищено отъ воды. Нѣтъ необходимости обладалывать камнемъ нижнюю часть цилиндра: надо обложить только верхнюю отъ одной закраины къ другой.

Пока будетъ устрояться труба, я сдѣлаю жолобъ достаточной глубины для вѣтвѣнія нижней части трубы и такой ширины, чтобъ можно было утвердить на немъ закраины. Этотъ жолобъ долженъ быть дубовый, покрытый листовымъ желѣзомъ въ $\frac{1}{4}$ дюйма толщины, и имѣть форму совершенно соответствующую нижней половине цилиндра. Этотъ жолобъ, опущенный на дно канала частями длиною въ 1000 футовъ каждая, составитъ прочное основаніе для желѣзной дороги, такъ-что трубѣ останется только вытѣснить воду и представить гладкую поверхность для рельсовъ.

Чтобъ соединить, снявъ раздѣленія трубы, слѣдуетъ только продолжить верхнія части каждого конца цилиндра на шесть футовъ противъ нижней, и покрыть ихъ снизу каучукомъ. Когда будетъ опускаться часть трубы на жолобъ, продолженіе этой части

ставится на продолженіе части, предварительно-прирѣзленной и равномерно обложенной непроницаемымъ веществомъ; наконецъ, изнутри скрѣпляютъ болтами всѣ вѣтви.

Чтобъ защитить трубу отъ свѣрости волнъ подлѣ берега, я предлагаю построить двѣ параллельныя стѣны или два волновода, оставивъ между ними довольно большое пространство, чтобъ помѣстить въ немъ цилиндрическую трубу, и чтобъ потомъ совершенно покрыть ее камнями. Эти волноводы не должны сдвинуться подыматься надъ трубою, такъ, чтобъ небольшая часть только была подпергнута дѣйствию волъ. Стѣны должны быть не перпендикулярны, но устроены на подобіе того, какъ сдѣлаво основаніе аддистонскаго маяка. Наконецъ, чтобъ защитить части трубы, находящіяся въ глубокихъ вѣтвѣхъ, я предлагаю набросать на нее большое количество камней и насыпать землѣ, которая бы ее закрыла и совершенно окружила, и сдѣлала бы совершенно самый жолобъ излишнимъ. Труба превратится тогда въ настоящій тоннель, совершенно отдѣленный отъ воды, и который будетъ прочтѣе и надежтѣе всякаго другаго.

Въ первомъ проектѣ я назначала сумму на устройство желѣзной дороги въ Дувра въ Калѣ въ восемь милліоновъ футовъ стерлинговъ (80 милліоновъ рублей серебромъ); но въ новомъ предположеніи расходъ значительно уменьшился: количество желѣза для самой-трубы убавилось до 25,000 тоннъ; работа та же, что и для обыкновенныхъ котловъ, и расходъ можетъ быть выведенъ слѣдующимъ образомъ:

25,000 тоннъ желѣза, приготожденнаго какъ для обыкновенныхъ котловъ по 500 фр. тоннъ	12,500,000
Жолобъ	12,500,000
Четыре волновода	10,000,000
Дерева, камней и пр.	10,000,000
На равныя другія поддержки	17,500,000
Итого	62,500,000 фр.
	(15,625,000 руб. сере.)

Итак за сумму в два миллиона с половиною фунтов стерлингов может быть открыто сообщение сундскими путями между Великобританиею и Франціею. Географическое положение Андіа относительно къ матеріку может быть замѣчено, если употребить не болѣе 125,000 фунтовъ стерлинговъ на мило. По-крайней-мѣрѣ, ясно, что сунда, истратившая на эти работы, вознаграждена огромною дѣятельностью торговли, которую долженъ провѣстиса новый путь. Я не говорю объ издержкахъ на устройство станцій на каждомъ концѣ трубы, потому-что, конечно, и Англія и Франція захотятъ соорудить ихъ въ довольно-большихъ размѣрахъ, чтобы онѣ действительно казались вратами обоимъ королевствамъ.

Безъ сомнѣнія, всѣмъ согласится, что этотъ планъ не имѣетъ ничего невозможнаго; большая часть работъ можетъ производиться на землѣ и не представляетъ никакой опасности; поэтому я думаю, что удобоисполнимость проекта будетъ признана тѣми учеными, которые примутъ на себя трудъ его исследовать. Въ собраніи Политическаго Общества, въ Ливерпулѣ, послѣ долгаго собѣщанія, почти всѣ члены согласились въ возможности исполненія, и президентъ, подавая свое мнѣніе, сказала, что нужно разсматривать это предпріятіе съ коммерческой точки, то-есть, надо знать, будетъ ли капиталъ, затраченный на эти работы, вознагражденъ торговлею; всѣ присутствующіе члены отвѣчали утвердительно и на этотъ вопросъ.

Я знаю, что новость, принадлежность проекта многимъ помѣшаетъ объявить себя въ пользу его непосредственнаго исполненія, не смотря на всѣ доказательства, какія можно привести въ подтвержденіе его удобоисполнимости. Исторія всѣхъ изобрѣтеній показываетъ, что исчисленіе немощныхъ выгодъ новаго изобрѣтенія еще недостаточна для того, чтобы оно было принято. Для ума человеческого всегда необходимо время, чтобы срод-

ниться съ новымъ идею. Такова была участь и желѣзныхъ дорогъ: въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, снѣтъ отказывался отъ принятія дара, предлагаемаго ему наукою, говоря: «это такъ хорошо, что неизрочно». И когда въ первый разъ было предложено сообщеніе съ Индіею посредствомъ подводнаго телеграфа, проектъ принятъ былъ за мечту: возникла громадная возраженій, которая и умерла своею прекрасною смертію. Не говоря ихъ живы, воодушевленные тѣмъ же духомъ и готовые возобновить свою стѣнку противъ всѣхъ новыкъ идей. Я имъ прошу только, если они и мое изобрѣтеніе неберутъ цѣлью своихъ возраженій, пусть возвращаютъ какъ-можно-скоро, съ выводами и ученными заключеніями.

• Джонъ Гей.»

— Известно уже, что шерковыя машины могутъ одинаково-хорошо работать якору и ползать по голку, тащить длинную цѣпь вагономъ по желѣзной дорогѣ и вращать вить, тощую какъ паутина. Удивительно, когда одна и та же сила приспособляется къ такимъ различнымъ дѣйствіямъ; но еще удивительнѣе, когда эти дѣйствія бывають соединены въ одною и тѣмъ же механизмѣ. Сильнѣйшій удар и самое вѣжное прикосновеніе могутъ быть произведены одною и тою же машиною. Такую машину представляють молотъ, устроенный Несситомъ (Nessitte) и поставленный на шведскомъ заводѣ близъ Уельверангтона. Куски желѣза, въ 18 и 20 центиметровъ толщины, расплюскаются отъ одного удара, и непосредственно за тѣмъ, лицо, поставленное въ рѣшетку подъ тотъ же самый молотъ, такъ осторожно разбивается наъ, что не повреждается только однихъ носковъ, какъ отъ легкихъ ударовъ дождя. Слѣдуетъ можетъ быть разсказать такъ, что само останется непереведеннымъ. При этомъ нужно замѣтить, что самъ молотъ веситъ около 2,500 килограммовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ дѣйствіи

главныхъ составныхъ его частей, потому-что подробности безъ чертежа не могутъ быть понятны. Поршень обыкновенной паровой машины движется въ цилиндръ снизу вверхъ; въ машинѣ же, о которой теперь идетъ рѣчь, цилиндръ укрѣпленъ сверху двухъ крѣпкихъ желѣзныхъ столбовъ или косяковъ, и поршень въ немъ движется сверху къ низу: молотъ, прикрѣпленный къ свободному концу стержня, скользитъ между косяками. Пары проведены въ цилиндръ обыкновеннымъ образомъ. Движеніе направляется системою пружинъ и вивтовъ, отворяющихъ и запирающихъ клапаны; всѣ части этой системы такъ хорошо рассчитаны, такъ хорошо приворовлены, что одинъ человекъ, съ помощью желѣзнаго стержня, прикрѣпленнаго къ винтамъ, легко управляетъ дѣйствіемъ машины. Полное паденіе молота, въсомъ въ 2,500 килограммовъ, какъ сказано выше, простирается до 1,219 метровъ. Но, изъ предосторожности, высоту паденія уменьшаютъ до 97 сантиметровъ. Силу подобнаго удара трудно вычислить, мудрою даже представить себѣ, чтобъ нашлась какая-нибудь вещь, способная остановить сокрушительное его дѣйствіе. Около 25,000 килограммовъ желѣза пошло на этотъ паровой молотъ.

— Американскій инженеръ г. Богардусъ, изъ Нью-Йорка, изобрѣлъ особаго рода мельницу, устройство которой, говорятъ, совершенно-ново и доставило много выгоды Соединеннымъ Штатамъ. Въ этой мельницѣ оба жернова поворачиваются въ одинаковомъ направленіи и почти съ одинаковою скоростью вокругъ центровъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго въ 25 и 30 миллиметровъ. Ось одного изъ этихъ жернововъ остается на одномъ и томъ же мѣстѣ и вертится въ неизвѣнномъ положеніи, тогда-какъ главный двигатель сообщаетъ, посредствомъ ремня или зубчатыхъ колесъ, эксцентрическое дѣйствіе другому жернову. Отъ этого, круги, насѣченные на жер-

новахъ, пересѣкаясь, дѣйствуютъ накрестъ, такъ-что производятъ равныя дѣйствія: крученіе, расѣканіе и растираніе, что совершенно примѣняется ко всякой работѣ при обращеніи зерна въ порошокъ.

Отъ такого положенія центровъ обоихъ жернововъ, аппаратъ былъ названъ *эксцентрической мельницей* и, по ивѣію его панегирискозъ, онъ въ короткое время заимѣлъ всѣ другіе аппараты, имѣющіе предметомъ сдѣланіе шелухи, округленіе, расѣканіе и превращеніе зерна въ муку.

Вотъ какъ изобрѣтатель излагаетъ выгоды своей мельницы.

1) Отъ особеннаго движенія жернововъ, смолотое вещество само-собою высыпается, между-тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ мельницахъ оно, при продолжительной молотбѣ, наталкивается и скупивается.

2) Въ обыкновенныхъ мельницахъ, данная точка на одномъ жерновѣ постоянно описываетъ тотъ же кругъ на другомъ, тогда-какъ здѣсь она проходитъ, полъ безчисленными углами, всѣ точки, находящіяся на двухъ концентрическихъ кругахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на два разстоянія центровъ; отъ-чего каждая насѣчка сохраняетъ долѣе свою форму и остроту.

3) Въ старыхъ мельницахъ, способность извѣстной точки молотъ увеличивается по мѣрѣ разстоянія ея отъ центра, тогда-какъ въ этой мельницѣ всѣ точки отъ центра до окружности имѣютъ одинаковую способность. Слѣдовательно, подобная мельница, сравнительно весьма-небольшая, сдѣлаетъ столько же, какъ обыкновенная большая; отъ-того эксцентрическая мельница удобоподвижнѣе другихъ.

4) Дѣйствующая точка, безпрестанно измѣняющая свое положеніе, и быстрое очищеніе отъ смолотаго вещества, препятствуютъ нагрѣванію, почему эксцентрическая мельница можетъ быть употреблена для молотбы такихъ веществъ, которыя въ другихъ мельницахъ были бы истреблены или испорчены, по свойству легко размяг-

чаться или сплавляться. Если бы обыкновенному жорнову сообщить такое быстрое движение, какое может быть безопасно допущено на эксцентрическомъ, то первый въ несколько минут накалился бы до-красна.

Эксцентрическая мельница была введена для слѣдующихъ работъ: сниманія кожицы съ риса, кофе и оливъ; молотьбы всякаго рода зерна, стиранія всякаго рода красокъ на водѣ или на маслѣ, размельченія рулъ желѣзныхъ, цинковыхъ, мѣдныхъ и золотыхъ, свинцовой руды, марганцовой перекиси, костей, нужныхъ для землевашества и для рафинировки сахара, камней и кварца, древеснаго угля, гипса, цементовъ, типографскихъ чернилъ, красильныхъ веществъ, нюхательнаго табака, горчицы, кофе, пряностей, сахара, крахмала, камеди, асфальта, остатковъ изъ выжатыхъ льняныхъ сѣменъ, даже каучука и прочихъ веществъ, изъ которыхъ многія не могутъ быть смолоты на обыкновенныхъ мельницахъ.

Словомъ, эксцентрическія мельницы выгоднѣе другихъ, какъ въ отношеніи силы, необходимой для приведенія ихъ въ дѣйствіе, такъ и относительно самаго дѣйствія; онѣ удобны для перевозки, могутъ быть употреблены для такихъ работъ, для которыхъ другія мельницы не годятся, и сверхъ-того—поверхности другихъ подвержены стиранию и порчѣ.

Вотъ нѣсколько словъ объ устройствѣ мельницъ этого рода, назначенныхъ для молотьбы сухихъ веществъ. Жерновъ этой мельницы вращается на право, и въ минуту дѣлаетъ не меньше трехсотъ поворотовъ. Можно почти до неизмѣрной степени увеличить количество работы, усиливая скорость движенія. Мельница направляется для мелкой и грубой молотьбы винтомъ, находящимся внизу жернововъ, къ головкѣ котораго привѣлана рукоятка. Если поворачивать винтъ налѣво, жернова сближаются и молотьба выходитъ мельче; винтъ-регуляторъ закрѣпляет-

ся другимъ маленькимъ сжимающимъ винтомъ, находящимся съ боку.

Въ устройство это входятъ еще три резервуара для масла, которые всегда должны быть полны; первый находится на верхнемъ жерновѣ, въ который наливаютъ масло черезъ небольшое, слѣланное сверху отверстие; другой представляетъ ящикъ, сквозь который проходитъ главный валъ; третій есть сама пята, въ которой вращается валъ.

Устройство для наполненія жернова зерномъ похоже на то, какъ въ обыкновенныхъ мельницахъ.

Механизмъ эксцентрической мельницы можетъ быть разобрать и вычистить, а въ случаѣ нужды можно даже перевернуть жернова въ-теченіе самаго короткаго времени.

— Вотъ опытъ г. Скодера, представленный г. Бушманомъ Бельгійской Академіи Наукъ въ отдѣленіе художествъ.

Расплавленная смѣсь изъ козоловой камеди, стеарина, лака и обыкновенной сажы или франкфуртской, наливается въ форму, внутреннія поверхности которой тщательно выполированы, что даетъ этой жидкости, когда она застынетъ, форму гравѣрной доски достаточной толщины чернаго цвѣта. Сторона этой доски, назначенная для принятія рисунка, покрывается посѣ тонкимъ сплошнымъ слоемъ серебрянаго порошка, который даетъ ей видъ гладкаго бѣлаго листа бумаги.

На приготовленной таинъ-образомъ доскѣ, художникъ, посредствомъ шпильки различной толщины, чертитъ свой рисунокъ на серебрястой поверхности: очевидно, что каждая черта, вращивая бѣлый слой, обнажаетъ черную поверхность композиціи и таинъ-образомъ представляетъ черныи рисунокъ на бѣломъ грунтѣ, совершенно такъ, какъ бы рисунокъ былъ слѣланъ карандашомъ на бумагѣ.

Но это еще не все; металлическія шпильки или стили, употребляемыя художникомъ, не только сдираютъ серебрястую оболочку, но и въ слѣдствіе

проникаетъ даже въ самый составъ и оставляетъ тамъ небольшія бороздки, которыхъ ширина и глубина соотвѣтствуютъ толщинѣ шпатель и употребленной силѣ.

Доска, исчерченная художникомъ, отдается работнику, который, слегка покрывъ ее графитомъ, опускаетъ въ простой гальванопластическій приборъ. Такимъ образомъ получается мѣдная доска, которая представляетъ рельефно черты, нарисованныя на словъ композиціи. Повторивъ то же дѣйствіе надъ этою мѣдною доскою, можно получить другую мѣдную доску, со вѣданными уже чертами, одинаковыми съ тѣми, которыя художникъ начертывалъ первоначально; остается только печатать.

— Въ послѣднее время появилось во французской литературѣ множество сочиненій, относящихся къ восемнадцатому вѣку и преимущественно къ перевороту, ознаменовавшему конецъ его. Книжки гг. Мишлѣ, Ламартина, Луя Блана и др. обращаютъ на себя преимущественно всеобщее вниманіе: желаніе ближе ознакомиться съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій новой исторіи очень-популярно... Сочиненіе Ламартина, менѣе другихъ научно-образное, составляющее что-то среднее между исторіей и мемуаромъ, должно было произвестъ впечатлѣніе на массу читателей. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи жирондистовъ рассказаны съ такимъ драматизмомъ и нѣстами такъ занимательно, что французскіе драматурги, видя интересъ, возбуждаемый въ публикѣ сочиненіемъ Ламартина, постарались вывести на сцену одно изъ дѣйствующихъ лицъ того времени, Шарлотту Кордэ, которую Ламартинъ называетъ *ange de l'assassinat*. Шарлотта раздѣляла только тѣ принципы революціи, выраженіемъ которыхъ была партія жирондистовъ, а значенія террора она не понимала... «Другъ народа» казался ей не болѣе, какъ людоубойцъ, изъ одной враждебной кроводажности посылав-

шимъ на гильотину тысячи своихъ согражданъ. Составивъ себѣ такое понятіе о Маратѣ, она рѣшилась на убійство... Но жертва ея осталась безплодною... замыслы жирондистовъ были неосуществимы, паденіе партіи — близко. Какъ бы то ни было, фанатическій поступокъ Шарлотты Кордэ произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, а по связи съ судьбою Марата навсегда сохранится въ исторіи. Жирондистъ Верньо, услышавъ въ темницѣ о ея казни, воскликнулъ: «Она губить насъ, но научаетъ насъ умирать!» Адамъ Люцъ, восторженный почитатель героизма Шарлотты, и еще болѣе ея красоты, съ романтизмомъ, достойнымъ Нѣнца, искавшей случая дослѣ казни ея, какъ онъ самъ выражался, « умереть за нее », предлагалъ воздвигнуть ей статую съ надписью: « Plus grande que Brutus ». Но бѣднаго Нѣнца скорѣ постигла участь Шарлотты, которой онъ написалъ краснорѣчивый панегирикъ; а нѣсколько времени спустя, другой поэтъ также почти на ступеняхъ эшафота, въ блестящей одѣ прославлялъ память героини. Кому не извѣстны стихи Шенъ:

Son oeil mourant t'a vu dans ta superbe joie
Feliciter ton bras et contempler ta proie...

Шарлотту Кордэ пытались выводить нѣсколько разъ на сцену — пытались даже во времена террора. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Фредерикъ Леметръ и г-жа Дорваль восхищали парижскую публику въ мелодрамѣ, сюжетомъ которой послужило то же событіе; наконецъ, теперь, гг. Дюмануаръ и Клерваль поставили на театрѣ Gymnase трех-актную пьесу *Charlotte Corday*, которую они назвали *драмой-водевилемъ* (?) и въ которой знаменитая Роза Шері исполняетъ роль убійцы Марата. Рассказывать сюжетъ этой драмы въ подробности мы считаемъ излишнимъ; скажемъ только, что хотя нѣкоторыя сцены воспроизведены исторически-вѣрно, но дѣло,

однакожь, не обошлось безъ любви, и въ другихъ мѣстахъ исторія пострадала. Шарлотта Кордэ дѣйствительно любила молодого полковника вандейской арміи Анри де-Бельзюна, когда еще она (Шарлотта) жила у своей старой тѣтки г-жи де-Бреттвилль, въ Каиѣ (Caen); но Анри де-Бельзюнъ былъ убитъ до отъѣзда Шарлотты въ Парижъ, а въ драмѣ онъ даже присутствуетъ при убіеніи Марата. Впрочемъ, и въ драмѣ любовь Шарлотты является какъ послѣдняя капля, переисполнившая чашу, какъ искра, отъ которой еще сильнѣе запылала въ груди Шарлотты ненависть къ Марату; но любовь не была единственнымъ источникомъ этой ненависти; иначе, какъ весьма-справедливо замѣчаетъ Камартинъ, Шарлотта Кордэ ненавидѣла бы равно всѣ партіи и пыталась бы отвращеніе къ самой революціи, тогда-какъ, напротивъ, она была безусловно предана партіи жирондистовъ...

Драма имѣла успѣхъ огромный; авторы не ошиблись въ расчетѣ. Однакожь, этому успѣху не мало способствовали, по мнѣнію французскихъ фельетонистовъ, прелестныя черты и талантъ Розы Шері, отъ которой парижская публика безъ ума, и обстановкѣ пьесы, отличающаяся великолѣпіемъ и изумительной вѣрностью во всемъ мельчайшихъ аксессуарныхъ подробностяхъ.

На Историческомъ Театрѣ Дюма дава была пьеса, содержаніе которой также относится къ эпохѣ революціи. Пьеса эта называется *Chevalier de Maison Rouge* (Кавалеръ де-Мезон-Ружъ) и заимствована изъ романа Александра Дюма. Здѣсь дѣло идетъ о другой женщинѣ, которой участь была такъ же плачевна, какъ и участь Шарлотты Кордэ, и о которой писали еще болѣе, чѣмъ о Шарлоттѣ, потому-что она стояла неизмѣримо-выше убійцы Марата на ступеняхъ общественной іерархіи, хотя и не имѣла ея герозна и великодушія. — Вотъ содержаніе новой драмы Александра Дюма

и его неизмѣннаго батрака, Обиестъ Макѣ.

Дѣйствіе начинается на улицѣ. Еще недавно, потому-что мѣсяцъ бросаетъ матовый свѣтъ на крыши домовъ; но тишина уже царствуетъ въ мрачныхъ переулкахъ. Молчаніе прерывается только шагами стражи. Все это происходитъ въ эпоху республики, единой и нераздѣльной; Маріа Антуанетта находится въ башнѣ Тампла.

Женщина блѣдная, дрожащая, скользитъ какъ тѣнь вдоль стѣны, избѣгая встрѣчи патруля. Не смотря на свою осторожность, у поворота въ переулокъ, она сталкивается съ дозорными, которыхъ начальникъ — Дюрошѣ, дикій сан-киюотъ, кровожадный какъ тигръ. Ее останавливаютъ, допрашиваютъ; у ней требуютъ пропуска. Она отвѣчаетъ съ трепетомъ, неточно, сбивается, и ее хотятъ вести въ тюрьму; но на шумъ прибѣгаетъ нѣкто Морисъ Ландѣ, начальникъ отряда, и беретъ ее подъ свое покровительство. Морисъ Ландѣ хочетъ проводить ее до дому. «О, не слѣдуйте за мной даже впробѣ!» отвѣчаетъ она: «отъ меня зависитъ участь трехъ лицъ. Будьте великодушны до конца». Ея разговоръ обличаетъ касту ея. «По-крайней-мѣрѣ скажите мнѣ ваше имя» говоритъ Морисъ, въ которомъ вѣрный голубъ незнакомки и черты ея, озаренныя свѣщенемъ, возбудили безотчетную симпатію. «Меня зовутъ Женевьевой» отвѣчаетъ незнакомка и скрывается. Морисъ, вѣрнымъ своему слову, не слѣдуетъ за ней. Нѣсколько времени спустя, Морисъ, который, конечно, уже влюбленъ въ Женевьеву, хотя болѣе не встрѣчалъ ее, получаетъ кольцо съ словами: *Вѣчная благодарность*. Онъ вынимаетъ изъ кармана кошелекъ и отдастъ его дворнику Аристиду, прося его послѣдовать за посланнымъ, чтобъ узнать, откуда онъ пришелъ. — Аристидъ отправляется исполнить порученіе; — въ комнату входитъ Лоретъ, другъ Мориса, отчаянный республиканецъ, что не имѣаетъ ему одѣваться маркизомъ и любить сантименталь-

ную и идеологическую поэзію. Онъ безпрестанно говоритъ мадригалы, и въ Робеспьерѣ ему всего болѣе нравятся его поэтическія способности, его стихи къ Эмилиі. Лоренъ добрый малый и готовъ во всемъ помогать Морису. Они заключаютъ между собой союзъ, какъ Орестъ и Пиладъ, какъ Касторъ и Поллуксъ. Въ эту минуту Лоренъ всего болѣе занимается мыслью сдѣлать *боннией разума* какую-то красавицу, которую онъ протезируетъ, и которую зовутъ Артемизой. Онъ уже собралъ много голосовъ за эту эксцентричную оперу, и представляетъ ее своему начальнику отряда. Она очень мила; но Морисъ не обращаетъ на нее вниманія; его мысли заняты одной Женевьевою, тѣмъ болѣе, что возвратившійся Аристидъ шепнулъ ему что-то на ухо.

Теперь мы переносимся въ павильонъ великолѣпной архитектуры, въ Улицѣ-Жакъ. Это жилище Женевьевы. Сквозь густыя деревья мелькаетъ куполъ Пантеона и башня Св. Женевьевы. — Роллистъ Диксмеръ, скрывающійся подъ фартукомъ кожевника, и кавалеръ де-Мезон-Ружъ, влюбленный въ королеву, говорятъ между собою о покункѣ дома сосѣдняго съ темницей Тампля. Спасти ту, которую онъ любитъ безнадлежной любовью — вотъ цѣль кавалера. Никакая опасность не испугаетъ его. У него дьявольская изобрѣтательность и невнимательная смѣлость. — Между-тѣмъ, Морисъ, ищущій Женевьеву — проникаетъ въ садъ. — Мезон-Ружъ съ своими слугами бросается на него, связываетъ ему руки и хочетъ его убить, потому что Морисъ могъ слышать его тайну. Женевьева, испуганная шумомъ, прибѣгаетъ и узнаетъ своего ночного извѣстителя. Она проситъ за него, и Диксмеръ, смекая, какую пользу они могутъ извлечь изъ молодого человѣка, не только велитъ развязать его, но даже извиняется предъ нимъ, говоря: «я привалъ васъ за человѣка, подосланнаго какими-нибудь фабрикантомъ, чтобъ подсмотреть мою фа-

брику; но теперь, когда я узналъ, что вы спасли жену мою, вы можете быть здѣсь какъ дома». Диксмеръ угадалъ любовь Мориса къ женѣ своей, но, нища къ ней полную довѣренность, или просто смотря на супружескую вѣрность сквозь пальцы, не обращаетъ вниманія на его волокитство. Между-тѣмъ, Мезон-Ружъ надѣваетъ бѣлокурый парикъ и синіе очки и является Морису въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Въ слѣдующей картинѣ — публикѣ представляется Тампль, дворъ котораго наполненъ войскомъ. Диксмеръ и Мезон-Ружъ, переодѣтые, высматриваютъ шѣствость. Они рѣшились; у Диксмера есть горсть людей, преданныхъ ему, которыми онъ командуетъ. Они ждутъ его приказанія. Входитъ Женевьева подъ руку съ Морисомъ. Она надѣется съ его помощью проникнуть къ королеву, чтобъ предупредить ее. Она покупаютъ у дѣвушки, продающей цвѣты, букетъ пунцовыхъ гвоздикъ; и Женевьевѣ дѣйствительно удалось передать ихъ Маріи-Антуанетѣ. Но одинъ цвѣтокъ упалъ, и тотъ именно, въ которомъ спрятанъ планъ побѣга. Его поднимаетъ Дюрошѣ, въ ярости бьетъ въ набатъ и свзываетъ толпу; Морисъ, виновникъ всей суматохи, добровольно отдается въ плѣнъ.

Дюрошѣ заставляетъ жену тюремщика королевы, Тизонъ, поддерживать обвиненіе противъ цвѣточницы; это обвиненіе спасаетъ Мориса, который укладываетъ освобожденный въ сопровожденіи своего *fidus Achates*, Лорена. Но обвиненная цвѣточница оказывается дочерью тюремщицы Тизанъ. Несчастная мать, сама приготовившая дочери эшафотъ, терзается и рыдаетъ, когда изъ толпы выходятъ два человѣка и приближаются къ ней. Это Диксмеръ и Мезон-Ружъ, оба въ республиканскихъ костюмахъ. Они утѣшаютъ ее и обѣщаютъ спасти ее Элоизу, если получатъ доступъ къ королеву. Тизонъ принимаетъ условіе.

Мы опять въ комнатѣ Мориса. Лоренъ говоритъ ему, что онъ рискуетъ

потерять свою популярность, если не взглянуть дѣло букета какимъ-нибудь патріотическимъ поступкомъ. Морисъ слушаетъ его небрежно. «Случай можетъ представиться скоро» продолжаетъ Лоренъ: «теперь приняты мѣры къ отысканію этого сорванца Мезон-Ружа; приказано обыскать одинъ домъ въ Улицѣ-Жакъ, служащій, кажется, убійцамъ заговорщикамъ. При этихъ словахъ Морисъ выходитъ изъ своей апатіи и собираетъ отрядъ свой; онъ трепещетъ за жизнь Женевьевы.

Павильонъ жены Диксмера освѣщенъ одной тусклою лампой. Женевьева одна съ Мезон-Ружемъ, который обирается вѣхать и держитъ на рукѣ плащъ. Морисъ переглязъ черезъ стѣну сада и, думая, что подсторожилъ любовное свиданіе, бросается съ яростью въ павильонъ. Онъ считаетъ Мезон-Ружа своимъ соперникомъ и планируетъ погубить всѣхъ. Женевьева ревнуетъ его, и Морисъ даетъ пропускъ кавалеру, который исчезаетъ вмѣстѣ съ Женевьевою въ боковую дверь.

Морисъ возвращается домой въ отчаяніи. Онъ извѣстилъ долгу — и для кого же? для невѣрной Женевьевы, скрывшейся съ Мезон-Ружемъ. Онъ обвиняетъ Женевьеву въ обманѣ; но съ расвѣтомъ она является къ нему — и всѣ опасенія влюбленнаго исчезаютъ. Теперь она будетъ принадлежать ему вѣчно; они не расстанутся; нужно только убѣдить гильотинны. Лоренъ достаетъ имъ паспортъ, и Морисъ отправляется дѣлать приготовленія къ побѣгу. Во время его отсутствія ходитъ Диксмеръ, врачный, неумолимый. — Убейте меня! восклицаетъ Женевьева, увидя его. — Я хотѣлъ это сдѣлать, отвѣчаетъ Диксмеръ; но переѣхнулъ намѣреніе. Ты умрешь; но смерть твоя послужитъ намъ въ пользу; это будетъ славная смерть; лучше умереть мученицей, чѣмъ оповороченой. Слѣдуй за мной; живая твоя принадлежатъ мнѣ. И Женевьева, дрожа-

щая отъ страха, уходитъ за стѣны палачомъ.

Переодѣтый чиновникомъ военнаго министерства, Диксмеръ идетъ въ тюрьму Маріи-Антуанеты. — Мезон-Ружъ принятъ туда помощникомъ тюремщика. Королева персадна была, чтобъ распилить желѣзные затворы ея тюрьмы. Диксмеръ убьетъ одного жандарма, Мезон-Ружъ справится съ другими, и королева выйдетъ изъ тюрьмы въ платьѣ Женевьевы, которая останется въ тюрьмѣ, — жертва, назначенная гильотинѣ. Но планъ этотъ исполняется только въ-половину. Однѣмъ изъ жандармовъ остается живъ и убиваетъ Мезон-Ружа, который счастливъ уже тѣмъ, что можетъ умереть почти у ногъ любимой нѣтъ королевы. Диксмеръ погибаетъ отъ шага Лорена, которому удается спасти любовниковъ. Пьеса кончается послѣднимъ банкетомъ жироналистовъ, хорошихъ воюющихъ знаменитую пѣсню:

Mourir pour la patrie!

Уфъ! Насилу досказали мы эту длинную, безконечную исторію, цѣлкомъ взятую изъ романа г. Дюма, танушагося едва-ли не цѣлымъ годъ — во вниманіи въ какой-то французской газетѣ. Нѣчего и говорить, что тутъ нѣтъ ни развитія характеровъ, ни мысли, ни слога; но за то есть нервическій интересъ, есть множество эффектныхъ сценъ; нѣсколько намековъ, пробуждающихъ отдаленныя воспоминанія о французскомъ сердцѣ — и потому нѣчего удивляться, если драма-романъ увѣчалась самымъ полнымъ успѣхомъ. Единственное лицо, очерченное въ этой драмѣ удачно — Лоренъ; хотя это типъ уже далеко не новый. Г. Дюма хочетъ, какъ видно, порезать въ драмы всѣ свои многотомныя романы. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени появятся Монтекресто, Графиня Монсоро, Дѣв Діаны и проч.

На Французскомъ Театрѣ была возобновлена драма Виктора Гюго *Морисъ де-Лормъ*; эта пьеса принадлежитъ къ лучшимъ соваданіямъ поэта, но дур-

боло-человѣчественной идѣй, лежащей въ ея основаніи, и во превосходныхъ поэтическихъ мѣстахъ, которыми она изобилуетъ. Можетъ-быть, въ драмѣ Гюгô найдутся нѣкоторые недостатки со стороны исторической; можетъ-быть, его Мариона не та, которую описываетъ Тальманъ де-Рео въ своихъ мемуарахъ; но если смотрѣть на нее, какъ на типъ падшей женщины, которой паденіе освящается глубоко-истинной страстью, то характеръ ея къ образенъ рукою мастера. Если вы читали драму, то не забыли послѣдней сцены Марионы съ Дьяблѣ, гдѣ онъ прощаетъ ее и проситъ у ней прощенья! Сколько любви въ этой дивной, превосходной сценѣ! Вся пьеса оставляетъ въ душѣ читателя невыразимо-крустное впечатлѣніе, и, по нашему мнѣнію, она стоитъ несравненно-выше всѣхъ остальныхъ драмъ Виктора Гюгô. Однакожъ, какъ возстали на эту драму при ея появленіи! Сколько противниковъ встрѣтила она! Ее прокричали безнравственной—тогда-какъ что можетъ быть нравственнѣе, человѣчнѣе идеи Марионы де-Лоризъ? Люди, обвиняющіе ее въ безнравственности—говорить одинъ французскій критикъ—кинули бы камень въ грѣшницу! И теперь еще прочія драмы Виктора Гюгô пользуются гораздо большею славою, чѣмъ Мариона де-Лоризъ, потому-что она проще, истиннѣе ихъ всѣхъ. Но мы не имѣемъ права распространяться о старыхъ пьесахъ, давно извѣстныхъ каждому, а потому обращаемся къ послѣднимъ новостямъ французскаго репертуара.

Самая замѣчательная изъ нихъ — *Un dernier amour* (Послѣдняя Любовь), комедія-водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, г. Леона Гильяра. Авторъ тщательно обработалъ свой сюжетъ; характеры развиты въ его пьескѣ весьма-искусно, разговоры ведены умно; есть сцены, въ которыхъ просвѣчивается поэтическое чувство. Знаете ли, какую задачу предложилъ себѣ г. Леонъ Гильяръ? Вывести любовь старой дѣвы... т. е., не совсѣмъ-

старой, но зрѣлой, и замѣсть ея не каррикатурно, какъ это дѣлали досихъ-поръ драматурги и романисты, а показать всю безвыходность, всю грустную сторону такого положенія. — Участи женщины, обреченной на вѣчное одиночество за то только, что судьба не сводила ее съ человѣкомъ достойнымъ ея любви — не-уже-ли въ самомъ-дѣлѣ не заслуживаетъ нащей симпатіи? Дѣвущинъ кончается тридцатый годъ — и вотъ уже для нея почти невозможно замужство; она дѣлается предметомъ оскорбительныхъ насмѣшекъ; самымъ естественнымъ влеченіямъ сердца положена преграда; вступить въ бракъ съ подобнымъ существомъ — значить компрометировать себя въ глазахъ свѣта; требовать отъ нея любви внѣ общественныхъ условій — значить требовать, чтобъ она отдалась на жертву всеобщему презрѣнію: свѣтъ отшатнется съ ужасомъ и негодованіемъ отъ своей собственной жертвы... Нельзя не похвалить человѣка, возвышающаго голосъ за эти существа, которыхъ жизни нельзя назвать жизнью, какъ нельзя назвать счастьемъ положеніе человѣка, пользующагося всѣми удобствами жизни и лишенаго высочайшаго блага ея. — Но разскажемъ, въ чемъ закъ дѣло.

Молодой человѣкъ Альберъ, раненый на дуэли въ Булонскомъ-Лѣсу, безъ свидѣтелей, перенесенъ въ близкую виллу, принадлежащую какой-то таинственной женщинѣ, которая ухаживаетъ за нимъ съ величайшею заботливостью, но требуетъ отъ него за это, чтобъ онъ не снималъ съ глазъ своихъ повязки и не старался увидѣть свою покровительницу.

Альберъ выздоровѣлъ. Нѣжная рука беретъ его за руку и ведетъ въ одну изъ аллей Булонскаго Лѣса. Когда молодой человѣкъ снялъ повязку, онъ былъ уже одинъ. Но все говорило ему, что въ бѣломъ домикѣ, мелькавшемъ между деревьями, живетъ та, которой онъ одолжилъ жизнь. Онъ идетъ въ домикъ и подъ балкономъ широкимъ-

руетъ сорочку, на которую ему отъ-
чаютъ аккордами арфы... Потомъ, въ
буфетѣ показался образъ женщины,
и тихій голосъ прошепталъ: «уидите...
заклоню васъ честью».

Съ этого времени Альберъ посѣщалъ
всѣ публичныя мѣста, всѣ салоны,
отыскивая свою незнакомку, но—
напрасно. Какъ узнать ее? Онъ ея никог-
да не видалъ. Малѣйшій звукъ форте-
пьяна или арфы приводитъ его въ тре-
петъ. Наконецъ, однажды онъ прив-
ажаетъ въ замокъ, гдѣ обитаютъ сѣ-
дующія лица. Манзель Буа-Флѣри,
пятидесяти-лѣтняя старуха, двѣ рѣ-
звыя дѣвочки Леонтина и Жюльетта и
какое-то таинственное, неопредѣлен-
ное существо—манзель Мондель, кото-
рой весна переходитъ въ лѣто; о чемъ
однакоже свидѣлствуетъ только ка-
лендарь, а никакъ не наружность ман-
зель Мондель. Она прекрасна, свѣжа;
словомъ, это плодъ, сохранившій всю
свою нѣжность, но все-таки уже не
дѣвочка...

Манзель Мондель рано стала славить-
ся красотой; она была богата, хороша
собой, образована, имѣла въ свѣтѣ
дни въ тѣхъ успѣховъ, которыхъ
нѣсколько боится поклонники. Муж-
чины скромнѣе, чѣмъ о нихъ дума-
ютъ. Она имѣла какъ Маллибранъ, рисо-
вала какъ Анжелика Кауфманъ, импро-
визировала какъ Коринна. Романтиче-
ская, хотя чистая и цѣломудренная,
она, если не испортила своей репута-
ціи, то значительно повредила ей
странностями, которыя свѣтъ перетол-
ковываетъ всегда очень дурно. Какъ
актриса, дебутирующая маленькими
дѣвочками, она въ двадцать пять лѣтъ,
въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодос-
ти, казалась старой. Про нее говори-
ли: «Я помню, десять лѣтъ тому на-
задъ, манзель Мондель написала пре-
дѣльную пьеску въ стихахъ». Бѣд-
ной дѣвушкѣ было тогда пятнадцать
лѣтъ, а между-тѣмъ, эти воспоминанія
давали ей видъ бабушки, не смотря на
свѣжесть и румянецъ ея щекъ.

Альберъ, отчаявшись въ возможно-
сти отыскать свою благодѣтельную

ею, хочетъ жениться. Онъ изобре-
тилъ между Леонтиной и Жюльеттой, кото-
рыя обѣ равно милы, и возобновляетъ
спору дона-Хуана съ двумя крестьян-
ками.

Вдругъ раздаются аккорды арфы.
Альберъ слышитъ знакомый мотивъ.
Онъ забываетъ свое святотство и ѣ-
житъ въ соседнюю комнату, гдѣ подо-
ждетъ манзель Мондель. Онъ рассказы-
ваетъ ей исторію дуэли и романа,
убѣжденный вполнѣ, что та, которую
онъ искалъ, теперь передъ нимъ. Ман-
зель Мондель старается разувѣрить
его, но онъ ничего не слушаетъ; онъ
находитъ ее прелестною. Слѣдуетъ
нѣжная сцена. Манзель Мондель даетъ
волю воспоминаніямъ; она уже готова
уступить... она чувствуетъ, что наста-
етъ минута счастья, что ее любить, и
не смѣетъ вѣривъ этому счастью, этой
любви... Наконецъ, она рѣшается... но
въ это самое мгновение раздаются сво-
ва знакомые звуки... Слова согласія
замираютъ на устахъ ея. Шалуна
Жюльетта почувствовала бѣду и за-
помнила пѣсню тѣтки своей вавусты...
Альберъ смущается; можетъ-быть, онъ
обманулся, и манзель Мондель дей-
ствительно не та, за которую онъ при-
нималъ ее. Всегда великодушная, ман-
зель Мондель рѣшается на самопо-
жертвованіе. Она заглушитъ въ се-
бѣ эту послѣднюю любовь, покорится
судьбѣ своей, и молча, одиноко де-
кончитъ свой путь. Благородная же-
щина поддерживаетъ заблужденіе Аль-
бера, и онъ женится на Жюльеттѣ.

Въ этой комедіи есть нѣсколько
незвѣрностей, есть длинноты, но, не
смотря на эти недостатки, она все-та-
ки составляетъ блестящее исключеніе
изъ многочисленныхъ произведеній
французскаго репертуара, которыя
рождаются и умираютъ каждую недѣ-
лю дюжинами. Въ ней есть мысль—
достоинство очень рѣдкое, за которое
отпускается многое!

Глупъ, но смѣшонъ волешилъ *Qui dort — dîne* (кто спитъ, тотъ ѣдаетъ).
Онъ отличается по-крайней-мѣрѣ ори-
гинальностью сюжета, тогда-какъ въ

ѣти всѣ водевилы пишутся на одинъ по-
крѣп. Нѣкто Огюстенъ, добрый малой
и большой вибѣръ, влюбленъ въ мамзель
Луизу Шовинѣ. Луиза въ свою очередь
неравнодушна къ Огюстену. Отецъ, на
этотъ разъ принадлежащій къ разря-
ду добрыхъ отцовъ, готовъ дать лю-
бовникамъ свое родительское благо-
словеніе, какъ вдругъ одно неприятное
приключеніе испортило все дѣло. Огю-
стенъ, на обѣдѣ у своего будущаго те-
стя, такъ хорошо пообѣдалъ, что со-
вершенно незамѣтно очутился подъ
столомъ. Судите о негодованіи отца
и дочери!

Очнувшись, Огюстенъ увидѣлъ,
какъ глубоко онъ палъ, и какъ мало
остается ему надежды снова попасть
въ потерянный рай, откуда папѣ Шовинѣ
весьма-учтиво выпроводилъ его.
Желая примѣрно наказать себя за та-
кое неприличное поведеніе, Огюстенъ
рѣшился томить себя голодомъ. Онъ
десять дней не беретъ въ ротъ ни кро-
шки хлѣба, ни капли воды. Онъ хо-
четъ непременно умереть. Шовинѣ и
дочь его, услышавъ объ этомъ раская-
ніи, идутъ къ несчастному, чтобъ объ-
явить ему свое прощеніе. Они думаютъ
найти его при последнемъ издыханіи;
но каково же ихъ удивленіе,
когда взорамъ ихъ предстаетъ все тотъ
же румяный и веселый Огюстенъ, ко-
торого они знали прежде! «Онъ без-
стыдный лжецъ», восклицаетъ папѣ
Шовинѣ:— распустивъ слухъ въ квар-
талѣ, что онъ умираетъ, тогда-какъ
съ каждымъ днемъ толстѣетъ! Огюсте-
на и самого беспокоитъ это послѣднее
обстоятельство; ему кажется рѣши-
тельно непонятнымъ, какимъ обра-
зомъ такая продолжительная, аскети-
ческая діета не имѣетъ ни малѣйшаго
вліянія на его талію. Это можетъ хотъ
кого привести въ отчаяніе! Но съ на-
ступленіемъ ночи все объясняется.
Едва пробило полночь, какъ Огюстенъ
встаетъ съ постели, разводитъ огонь и
начинаетъ жарить себѣ бѣстексъ, варитъ
яичницу. Онъ ѣстъ и пьетъ за
десятерыхъ. Бѣдный Огюстенъ луна-
тникъ! Сцена лунализма особенно за-

бавна въ этомъ водевилѣ, данномъ на
театрѣ Variété съ большимъ успѣ-
хомъ.

Вотъ еще пьеска, въ которой много
игривости и ума: *Обѣтъ дѣвочки* —
Le voci de jeune fille. Жаль только,
что она слишкомъ напоминаетъ молье-
рову *Depit amoureux*.

Молодая дѣвушка, по имени Сесиль,
дастъ обѣтъ не выходить замужъ;
браки, которые встрѣчала она въ ро-
манахъ, всѣ такъ несчастны, что она
покинулась въ ненависти къ мужчи-
намъ. Но такія клятвы исполняются
рѣдко. Примѣръ мамзель Сесили служитъ
тому новымъ доказательствомъ.
Въ нее влюбленъ Октавъ. Онъ чело-
вѣкъ опытный и знаетъ, какъ вести
себя въ подобныхъ случаяхъ. На рав-
нодушіе онъ отвѣчаетъ равнодушіемъ.
«Вы ненавидите меня», говоритъ онъ:
— и я васъ тоже. Такъ по рукамъ! Раз-
станемся по-крайней-мѣрѣ хорошими
друзьями». Октавъ утѣшаетъ. Сесиль
начинаетъ грустить. Ей жаль этого
человѣка, котораго она такъ страшно
ненавидитъ. Къ счастью, случай при-
водитъ его назадъ, и дѣло оканчивается,
какъ слѣдуетъ, законнымъ бра-
комъ.

Комедія г. Сувестра, *Pour arriver*
(Чтобъ выйти въ люди...) даетъ го-
раздо-менѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея загла-
віе. *Чтобъ выйти въ люди!* Не правда-
ли, что при этихъ словахъ вамъ при-
ходитъ на память безчисленное мно-
жество драмъ, которыхъ вы были сви-
дѣтелями, и въ которыхъ выказались
во всей наготѣ своей пороки нашего
вѣка, представляющіе столько любо-
пытнаго для наблюденія?.. Какая бо-
гатая тема для романиста, для драма-
турга!.. Вотъ передъ вами игрокъ, ко-
торому не одно семейство обязано ра-
зореніемъ, въ который пользуется за то
уваженіемъ и почетомъ... Онъ даетъ
роскошные обѣды; въ салонахъ его
собираются всѣ знаменитости; онъ
мецедать, и никому не прійдетъ въ
голову спросить, какъ онъ *вышелъ въ*
люди? Вотъ молодая женщина, прода-
ная мужемъ за хорошее мѣсто... Она

двухрестъ; мужъ идетъ въ гору и бо-
датель; наконецъ, онъ дѣлается вна-
вѣтъ человѣкомъ; кому нужно знать,
какъ онъ вышелъ въ люди? Вотъ го-
сподинъ, готовый на тысячу подло-
стей, пресмыкающійся передъ дру-
гимъ господиномъ, который стоитъ
выше его двумя ступенями; но время
униженія миновало, и пресмыкаю-
щійся господинъ гордо поднимаетъ голо-
ву, и у него езда не цалуется рукъ, и
его называютъ также покровителемъ...
теперь онъ не упустилъ случая выне-
сти на другихъ то, что приходилось
ему терпѣть самому, когда еще онъ не
выходилъ въ люди...

Да! судя по названію комедіи г. Су-
вестра, котораго романы отличаются
обыкновенно тавтологіею и сочувствіемъ
къ бѣдствіямъ человѣчества, мы ду-
мали, что онъ явится здѣсь Ювеналомъ,
карающимъ всякой сатирой по-
роки; но, къ сожалѣнію, крайне оши-
блись. Это просто довольно-пустель-
ная, и, въ добавокъ, довольно-сучу-
чая комедія, которой содержаніе
не заслуживаетъ того, чтобы подро-
бно рассказывать о немъ. Вотъ оно
въ нѣсколькихъ словахъ: Г. Вернуа,
чтобы выйти въ люди, женится на
Жюльеттѣ, дѣвушкѣ съ богатымъ
приданымъ, въ которую влюбленъ
офицеръ Гервей. Мужъ оставляетъ
жену свою для политическихъ дѣлъ.
Тонинна скукой, жена езда не измѣ-
няетъ своему долгу; къ счастью, дѣла
мужа не удаются, и онъ слова возвра-
щается къ женѣ, которая великодуш-
но прощаетъ его. Офицеръ куда-то
уѣзжаетъ драться.

Конечно, бракъ по расчету есть
также одна изъ глубочайшихъ язвъ
общества; но ужъ если г. Сувестръ
хотѣлъ поднять этотъ вопросъ, то для
этого нужно было побольше энергіи,
побольше анализа. Его пьеса слиш-
комъ похожа на водевилъ.

— Въ литературномъ отношеніи есть
слѣдующія новости:

Недавно окончены печатаніемъ че-
твертый и послѣдній томъ книги: *Hi-*

*stoire des conspirations et des exécutions
politiques, comprenant l'histoire des so-
ciétés secrètes depuis les temps les plus
reculés jusqu'à nos jours, par A. Blanc.*
Это, какъ видите, не собственно, исто-
рія, почти, можетъ-быть, даже не
серьезная книга, но книга въ высшей
степени любопытная для любителей
историческихъ разсказовъ о разныхъ
тайныхъ промшествахъ.

Вышелъ также второй и послѣдній
томъ книги: *Histoire de Blois, par L.
Bergevin et A. Dupré.* Законы ст.
Французской исторіею знаютъ, какую
важную роль игралъ вѣкогда герцогъ
Блуа, и потому нечего говорить о важ-
ности этой частной исторіи одного ге-
рода.

*Histoire de Berry jusqu'en 1789, par
Louis Raynal.* Вышелъ послѣдній и че-
твертый томъ съ картами и таблица-
ми.

*Histoire politique de Guillaume III,
par Ferdinand Goldschmidt.* Въ одинъ
томъ.

Новое сочиненіе господина Э. Ада
теперь занимаетъ публику Парижа;
оно напечатано именно по случаю ве-
слѣднихъ политическихъ событій въ
Португаліи; это: *La France et la Sainte-
Alliance en Portugal.*

Баски во Французской исторіи почти
то же, что Литва въ нашей. И тѣ и
другіе какіе-то остатки аборигеновъ
Европы, неоринадажские ни къ ка-
кому изъ племенъ ихъ окружающихъ.
Французы издають исторію Басковъ,
первый томъ которой вышелъ подъ за-
главіемъ: *Histoire primitive des Euska-
riens basques; langues, poésies, moeurs
et caractères, par Augustin Chaho,* а вто-
рой и третій томы имѣютъ другое за-
главіе: *Histoire des Basques depuis leur
établissement dans les Pyrénées occiden-
tales, par le vicomte de Belsunce.*

Теодоръ Готье издастъ романъ *Les
roués innocens.*

Кто изъ читателей Вальтера Скотта
не помнитъ Ами-Робсара въ Кенал-
вортскомъ Замокѣ? кто не любовался
портретомъ Ами-Робсара въ изда-
ніи *Beautés de Walter Scott?* Кто по

помянуть ея ужасной, не заслуженной участью? И какъ вы думаете? можетъ ли участь Ами-Робсартъ послужить сюжетомъ для драмы? Можетъ ли служить сюжетомъ для драмы невинный ребенокъ, котораго разлавили на улицахъ? Драма можетъ заключаться въ обстановкѣ, въ окружающихъ лицахъ; но тогда какую роль будетъ играть этотъ ребенокъ? Никакой. Онъ только причина драмы. Смерть его — тема для лэры, элегии, баллады; въ драмѣ же нилое лицо этого ребенка поблекнетъ. Если вы его знали, если вы знали Ами-Робсартъ, то вамъ будетъ жаль, что изъ нея сдѣлали героиню драмы. Однакожъ такъ; Уильямъ Робертъ-Марквелъ напечаталъ драму въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, подъ заглавіемъ: *Amy Robsart*. Можетъ-быть, изъ нея сдѣлали настоящую мелодраматическую героиню и придали совсѣмъ другой характеръ... Мелодрамы часто нравятся публикѣ.

Вотъ нѣсколько романовъ:

Aventures de quatre femmes et d'un perroquet, par Alexandre Dumas, fils. Послѣднія двѣ части.

Mademoiselle de la Tour du Pin, par M-me la comtesse Dash. Двѣ части.

Memoires d'un prêtre. Послѣднія, четвертая и пятая, части.

Le Prince Francisque, par Fabre d'Olivet. Третья и четвертая части.

Г. Амодѣ Тьерри издалъ третій изъ числа четырехъ томовъ своей книги: *Histoire de la Gaule*.

Можно упомянуть также о двухъ небольшихъ историческихъ книжкахъ: *Odette et Charles VI*, par M-me Cordier и *Souvenirs anecdotiques de la famille royale d'Orléans*, par M-me Eugenie Perignon.

Нельзя не обратить вниманія на книгу: *Devoirs et condition sociale des femmes dans l'état de mariage*, par M-me Etie, traduit de l'Anglais. Предметъ этой книги важнѣе многихъ, между тѣмъ, какъ пишутъ о немъ мало.

Въ журналахъ только недавно стали упоминають о *Philosophie positive* Огю-

ста Конта: это одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній нашего времени. Между-тѣмъ, французская литература неостанавливается. Вотъ еще новое сочиненіе, которое, судя по заглавію, должно отвести тоже къ положительной философіи: *La Philosophie des sciences par F. Alliot*. Нынче вышла третья и послѣдняя ея часть, заключающая въ себѣ физическія и естественныя науки.

Источники для исторіи Наполеона не иссякаютъ; вотъ новый: *Les derniers jours de la grande armée ou Souvenirs, documents et correspondance inédits de Napoleon en 1814 et 1815 par Hippolyte de Mauduit*.

Исполнитъ Кастиль, писатель полезной и едва выступившій на литературное поприще, дѣлается болѣе и болѣе замѣчательнымъ. Превжній романъ его *Les Oiseaux de Proie* познакомили публику съ авторомъ съ выгодной для него стороны. Теперь новый романъ его *Le Margrave des Claires* уже читается съ жадностью.

Сынъ знаменитаго Джона Уатта, также Джонсъ Уаттъ, въ сообществѣ съ г. Муиргедомъ, собралъ рукописи покойнаго и издалъ подъ заглавіемъ: *Correspondence of the late James Watt, on the discovery of the theory of the composition of the water, with a letter from his son, edited with introductory remarks and an appendix, by James Patrick Muirhead*. Мы нарочно выписали это заглавіе, потому-что и объ статьяхъ издателей имѣютъ также весьма-важное значеніе въ этой книгѣ.

Появилась третья часть *de l'Histoire des cabinets de L'Europe pendant le Consulat et l'Empire 1800—1815*, par Armand Lefebvre. Нечего говорить о внимательности этой книги для любителей исторіи; одно заглавіе ея уже показываетъ это.

У насъ нѣкогда издавался политическій журналъ, но видно онъ былъ плохъ, не удержался; нынѣ помнятъ еще политическія статьи Караванна въ «Вѣстникѣ Европы», — и тогда статьи эти были удовлетворительны; онъ такъ,

кромя всякой мелочи политической, помещаемой въ нашихъ газетахъ, и извлеченія изъ этой мелочи въ ежегодныхъ мѣсяцедоковахъ; въ русскихъ журналахъ печатается мало. Для охотниковъ слѣдовать за политическими событіями нѣтъ ничего полнаго; мы не говоримъ о недостаткѣ у насъ разныхъ газетныхъ и журнальных извѣстій, печатаемыхъ въ иностранныхъ периодическихъ изданіяхъ во время самаго теченія событій: эти сужденія иногда вѣрны, иногда вѣтъ — но они всегда пишутся для одного дня и могутъ служить развѣ только матеріалами для историковъ; нѣтъ, мы говоримъ о полныхъ изложеніяхъ какого-нибудь одного политическаго событія или многихъ за какое-нибудь время — за полгода, за мѣсяць. Мы говорили въ прошедшемъ мѣсяцѣ о полугодичныхъ обзорѣніяхъ, прилагаемыхъ къ французскому журналу *Le Voleur*; теперь упомянемъ объ *Annuaire historique universel*. Недавно вышелъ 29-й томъ его, за 1846 годъ. Французскіе журналы по поводу этого тома перебираютъ всѣ событія прошедшаго года, и ясно показываютъ, какъ интересно должно быть его содержаніе. Для библіотеки изданіе этого ежегодника — книга драгоценная.

Скажемъ нѣсколько словъ вообще объ изданіяхъ парижскаго книгопродавца Гильюмента. — У парижскихъ книгопродавцевъ есть прекрасное обыкновение не обѣщать всего въ своемъ магазинѣ, но избирать какой-нибудь отдѣльный предметъ изъ наукъ, искусствъ и словесности, и заботиться о полнотѣ своего магазина именно по этому только предмету. Гильюментъ избралъ на свою долю политическую экономію, статистику и проч. Было время, когда на политическую экономію смотрѣли какъ на рѣдкое и даже безполезнае насѣкомое. Слава Богу, это время прошло; теперь эта наука нужна для всѣхъ и cadaго; всѣ и каждый пользуются ея указаваніями и разсуждаютъ о разныхъ частяхъ, входящихъ въ составъ ея. Поэтому Библио-

тека Экономистовъ есть уже вещь теперь необходимая. Г. Гильюментъ и сдѣлалъ это; онъ напечаталъ *Collection des principaux économistes*. Въ этомъ собраніи вы найдете полную, желаемую вами библіотеку по части политической экономіи, найдете даже болѣе нежели ожидали — найдете сочиненія старыхъ экономистовъ, изданія которыхъ уже стали рѣдки. — Онъ же, Гильюментъ, основалъ съ 1841 года журналъ подъ названіемъ: *Journal des économistes*, который составляется съ званіемъ дѣла, совѣстливо и заслужилъ уже общее довѣріе. — Онъ же издалъ и издаетъ: *Annuaire de l'économie politique et de la statistique*; дѣла Исторіи Политической Экономіи, оды Бланки, другую Вильяма — Баржемона: Начала Политической Экономіи, Гарнье, и Начала Статистики, Морелле-Жонеса (о послѣднихъ мы говорили), *La Liberté du travail*, пар Дунуера; *Sophismes*, пар Бастіа; *Etudes sur l'Angleterre*, пар Леона Фаучера; *Les différents systèmes de culture*, пар Пасси; *La fortune privée au moyen âge*, пар Лебер, и пр. Всего каталога г. Гильюмента перебрать нельзя; совѣтуемъ занимающимся этими науками, выписать этотъ его каталогъ продажныхъ книгъ; онъ можетъ служить не послѣднимъ руководствомъ для указанія литературы политической экономіи и статистики.

Вотъ пріятная новость для любителей геологіи. Гг. Мартинсъ и Гюгаръ издали библиографическій каталогъ по этой части за 1845 и 1846 годы и впрелъ намѣрены издавать ежегодно такіе же каталоги. Главныя подраздѣленія нынѣшняго выпуска: общія сочиненія — сочиненія по части физики земнаго шара; ориктогнозія; геологія описательная и палеонтологія. Всего поименовано 708 сочиненій.

Парижскія газеты сообщаютъ весьма-интересное извѣстіе для библиографіи. Изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, еще не вышло и начнеть выходить ежевѣдѣльно выпусками только съ сентября мѣсяца; но это такой любопытный подарокъ для библіотекъ, что мы

не упустились первого случая сделать о немъ. Название это—*Le moyen âge et la renaissance, Histoire et description des mœurs et usages, des commerces et de l'industrie, des sciences, des arts, des littératures et des beaux-arts en Europe, pendant un espace près de six siècles.*

Самый великодушный, интересный и превосходный сборникъ по части исторіи и археологіи; текстъ составляется подъ редакціей известнаго Поля Лавруа (Jacob le bibliophile), изъ трудовъ почти всѣхъ известнѣйшихъ французскихъ ученыхъ и литераторовъ; рисунки, раскрашенные или гравированные на деревѣ или стали, будутъ приготовляться лучшими художниками Вероны подъ другой редакціей г. Фердинанда Серэ. Все издание составитъ шесть томовъ in-4° и будетъ подраздѣлено на 250 выпусковъ; оно будетъ заключать въ себѣ 250 большихъ живописныхъ рисунковъ, 250 гравюръ съ дерева, стали или мѣди, отпечатанныхъ отдѣльно отъ текста, но въ значительну его формата, и многое множество полнѣйшей въ своемъ родѣ. Въ рисункахъ этихъ и полнѣйшихъ будетъ собрано все, что только есть известнаго изъ временъ среднихъ вѣковъ и возрожденія. Каждый выпускъ будетъ стоить 1¼ фр. для Франціи и 2 франка для заграничныхъ подписчиковъ. Все издание, конечно, будетъ стоить довольно-большую сумму, но по цѣнности и количеству издаваній и по возможности приобрести его ежедневно не выходя изъ дома, оно стоить очень-дешево. — Составленъ любителями подобныхъ изданій распорядиться подпискою заранее, потому что издатель нехочетъ ограничиться числомъ экземпляровъ, равнымъ числу подписчиковъ. При подобныхъ изданіяхъ иначе нельзя.

— Въ имени изъ парижскихъ садовъ, забытыхъ высшимъ обществомъ и которые называются Grande-Chauffière, bal Mabille, Château Rouge, Gloire des Lilas, bal des Acacias etc. etc.

баны, на Куловрны, и еще того же Мани-Пенсонъ, гуляла объ-руку оркавалеронъ, который не былъ ни Прочардъ, ни Бриандъ, ни Писсонъ. Девушка просто называлась Адель; а все село — Адольфъ или Адофъ.

Адель была задумчивая блондинка; глаза на ее большія газовыя фалбаны и веланы чрезвычайной бѣлизны, и особенно на кокетливую шляпку *duchesse*, нельзя было и подозревать, что видишь передъ собою ничего больше, какъ корсетницу.

Что касается до Адофа, то по его навковымъ брюкамъ, навковаго же жилета, верхняго платья изъ той же матеріи, подобной же рубашки, гаустуда въ томъ же стилѣ и шляпы такого же цвѣта, трудно было не догадаться, что этотъ молодой человекъ принадлежитъ къ сословію торговцевъ (онъ торгуетъ шелковыми матеріями).

Парочка обошла нѣсколько разъ вокругъ сада; Адель торжествовала: ея шляпка *duchesse* производила фуроръ; она была такъ мила, такъ нѣжна, и два большіе бѣлокурые локона, видѣвшіеся изъ-подъ шляпки, производили такой эффектъ!.. Адофъ растаялъ. Не прошло еще и недѣли, какъ онъ познакомился съ Аделью, а уже съ всѣхъ сторонъ ему завидовали; онъ былъ внѣ себя отъ самодовольства! Гордо подвелъ онъ Адель къ столу. «Мальчикъ! пышекъ, и бутылку вина!»

И влюбленная парочка, погружившись въ стразбургскій парогъ, садилась пышками, принялась зависаться глазами къ слѣдующему контрадансу.

— Мнѣ хочется опять шляпку, она шла вдругъ Адель. — эдѣсь такъ жарко! Но Адофъ возразилъ, потому что шляпка *duchesse* была такъ хороша! Она какъ шла къ лицу Адель!

Адель осталась въ своей *duchesse*; но дѣло вышло изъ кулу, и все кончилось бракомъ.

Съ той минуты, какъ они вошли въ садъ, одна изъ нихъ была, была короле-

ра и безъ подружки (случай весьма-редкій въ этихъ мѣстахъ!..) слѣдила шляпку *duchesse* съ видомъ безыной-стали и заиски. Эта дама была довольно-по-хорошо одѣта, но одна часть ея туалета совершенно не соответствовала прочему, часть, такъ-сказать, самая глазная... именно — шляпка, или лучше — *биби*, потому-что мы не можемъ найти приличнѣйшаго выраженія для означенія несчастнаго головного убора этой дамы; итакъ, то была ужасная *биби*, отъ которой, вѣрно, отпавалась бы даже въ Соновскомъ-Насеанѣ.

Викторіетта (такъ называлась дама въ *биби*) не дурна собой; но... повѣрить ей, или завести съ ней знакомство — значило бы поступить крайне-неосторожно. На предъидущей недѣлѣ Викторіетта владѣла Адольфомъ; *chère duchesse* Адели повредила *биби* Викторіетты, и Адольфъ перешелъ отъ одной къ другой съ величайшей легкостью.

Теперь понятна ненависть, которую питала *биби* къ шляпкѣ *duchesse*, и вотъ эта ненависть проявилась.

Викторіетта сѣла у сосѣдняго столика, такъ-что счастливая чета не замѣтила ея; потомъ сиропила себѣ сахарной воды; и когда ей подали воду, она взяла графинъ, схватила Адель за затылокъ и, не смотря на пронзительные, раздражающіе крики, вылила всю воду на шляпку *duchesse*.

Когда Адольфъ подняла голову, лицо и волосы ея были покрыты картоной массой... такая милая шляпка *duchesse* была, увы! ничего больше, какъ простой кусокъ вырѣзаннаго картона, съ сильными подерѣвленіемъ фюритуръ и украшеній; въ добавокъ, опрокинутый графинъ мгновенно провѣлъ по ней нѣсколько полосъ.

Адель представилась въ эту минуту такою беззаботною, что со всѣхъ сторонъ поднялись смѣхъ и крикъ. Невѣрный Адольфъ скрылся въ толгѣ, оставивъ несчастную *duchesse*, которую за минуту такъ гонимъ.

Рапордатель бала вышелъ такъ позавно, что не могъ остановить даму въ *биби*. За то онъ посѣтившій вывезти бѣдную Адель съ ея разбитою шляпкой.

На другой день Адель одна явилась въ исправительную полицію; на ней нѣтъ шляпки *duchesse*; она пришла съ жалобой; она требуетъ съ Викторіетты 500 франковъ удовлетворенія.

Къ-несчастью нублики, Викторіетта не явилась въ судъ, и судъ приговорилъ ее въ ста франковъ пенни и 25 фр. удовлетворенія.

— Веселый поѣздъ! прекрасное названіе! чудесное изобрѣтеніе!.. И какъ заманчиво — поѣхать по желѣзной дорогѣ въ Гавръ въ субботу вечеромъ, чтобъ возвратиться въ Парижъ въ воскресенье къ полудню! Г. Бурсьё былъ увлеченъ заманчивымъ объявленіемъ и поѣхалъ.

Г. Бурсьё — мелкій чиновникъ, получающій весьма-скудное жалованье, и потому неизмѣнній возможности не сѣсть Нормандію, долженъ былъ крѣпко экономничать. Когда же достигъ онъ желанной цѣли — наконецъ сумму, необходимую для путешествія, сумму порядочную, — онъ поѣхалъ.

Увы! Зачѣмъ онъ поѣхалъ? зачѣмъ предалъ онъ себя, человѣка тихаго, порядочнаго, миролюбиваго, столько бурямъ, столько неприятели-стакъ?

Судьба того хотѣла!..

И вотъ — г. Бурсьё въ Гавръ!.. Онъ не находитъ мѣста ни въ одной гостинницѣ... Долженъ удовлетвориться однимъ жиденькимъ супомъ за ужинкомъ, провести ночь облокотясь на столъ!.. Но это все равно — онъ въ Гавръ!.. Съ шести часовъ утра онъ на вокзалѣ — видитъ посѣтивъ гавань, Ingouville, Sainte-Adresse, биржу, театръ и паркъ съ устрицами.

Часъ! уже часъ!..

Г. Бурсьё завтракаетъ въ покойной *Le-Plais*, и поданный счетъ онъ такъ-же прекрестенъ: по счету, и такъ

будто-бы г. Бурсьё пировалъ въ Англійской-Кофейной въ Парижѣ.

Нужно помочь пищеваренію: г-нъ Бурсьё ищетъ по всему Гавру клочка земли, на которомъ бы могъ отдохнуть, не страдая отъ лучей солнца. Онъ принужденъ идти на набережную, чтобы лечь тамъ подъ тѣнію трубы парохода. Но пароходъ скоро задымился и отправился въ Брейтонъ; г. Бурсьё, облитый потомъ, покрытый копотью, кинулся бѣжать и остановился не прежде, какъ пробѣжавъ пол-льѣ.

Пищевареніе совершилось. Г. Бурсьё спѣшить выкупаться въ морѣ, потому-что въ этомъ-то состояла главная цѣль его поѣздки.

Г. Бурсьё оставляетъ свое платье въ нарядной палаткѣ Фраскати, спускается съ благоговѣніемъ въ море, погружается въ него, разбѣкаетъ волны, плаваетъ съ наслажденіемъ, представляетъ изъ себя тритона и даже самого Нептуна!

Но г. Бурсьё остался двѣ или три минуты лишній во влажныхъ объятіяхъ Амфитриды... Онъ не слышалъ предостереженія содержателей ванны. Вдругъ колокольчикъ на желѣзной дорогѣ завенчалъ: бѣдный Бурсьё, который, слѣдуя условіямъ программы, впередъ заплатилъ за мѣсто туда и обратно, — несчастный Бурсьё выскочилъ на берегъ! Ему нѣтъ времени одѣться: онъ накидываетъ пальто, остальное завязываетъ въ узелокъ, бѣжитъ, достигаетъ и кидается въ вагонъ.

Дорогой, г — въ Бурсьё, стиснутый съ обѣихъ сторонъ сосѣдами, не могъ возратить своей паготѣ покрывала, принятаго цивилизаціей. Поѣздъ останавливается у дебаркадера въ Парижѣ... Г. Бурсьё торопится оставить свое мѣсто; но, о ужасъ!.. при ослѣпительномъ свѣтѣ газа, положеніе г-на Бурсьё обнаруживается предъ всѣми!.. Дамы вскрикиваютъ, чиновники кидаются къ нему, овладѣваютъ путешественникомъ адамовыхъ временъ и

Т. LIII. — Огд. VIII.

препровожаютъ его въ полицію, гдѣ онъ, по непростительной оплошности, изливается въ обидной брани противъ тѣхъ, которые его остановили.

Такова была обильная приключеніями одиссея г-на Бурсьё. Онъ самъ въ трогательныхъ выраженіяхъ рассказывалъ ее въ судѣ исправительной полиціи, предъ которымъ его обвинили въ публичномъ нарушеніи благопристойности и въ обидѣ, нанесенной агентамъ общественнаго благочинія во время исполненія ихъ обязанности. Потомъ онъ рассыпается въ извиненіяхъ, въ увѣреніи о своей невинности; ссылается на всѣхъ сосѣдей; приводитъ въ доказательство сорокъ лѣтъ нравственной и честной жизни; наконецъ, обѣщается никогда не выходить за заставу.

Судъ приговорилъ г. Бурсьё къ 50 франкамъ штрафа.

Эта сумма не входила въ счетъ его путевыхъ издержекъ...

— Огромныя работы для проведенія воды въ Марсель изъ рѣки Дюравсы окончены. Вся длина водопровода отъ верхняго устья или истока до возвышенности св. Антонія въ марсельскомъ бассейнѣ, 82,969 метровъ (свѣшкомъ 80 верстъ), изъ которыхъ 16,914 метровъ (около 15 верстъ) идутъ подъ землею. Водопроводъ этотъ будетъ доставлять $5\frac{1}{4}$ кубическихъ метровъ въ секунду при самыхъ низкихъ водахъ. Водопроводъ устроенъ частью, какъ сказано, подъ землею и частью открытой съ верху вырытой канавкой, или наконецъ искусственными водопроводами на аркахъ.

— Г. Фоксъ Тальбѣ, изобрѣтатель машины движимой взрывчатою силою хлопчатобумажнаго пороха, ввелъ новую привилегію въ Англии на усовершенствованіе этой машины. На обонихъ двахъ цилиндра (въ которомъ долженъ ходить шоршень, какъ въ паро-

$\frac{1}{2}$ 8

выхъ машинахъ) находятся круглыя отверстія, къ которымъ примыкаетъ трубчатая коробка, вводящая взрывчатое вещество попеременно то съ одной, то съ другой стороны поршня. Сквозь цилиндръ проходитъ платиновая проволока, сообщаящаяся съ гальванической батареей и производящая взрывъ. Разумѣется, каждое отдѣленіе трубчатой коробки наполняется новымъ порохомъ зарядѣе, и порохъ вводится въ цилиндръ поочередно, т. е. послѣ уже предъидущаго взрыва. Порохъ притомъ нагревается проходя въ некоторое пространство въ цилиндрѣ и касаясь проволоки.

— Вотъ важное извѣстіе, которое, конечно, должно оправдаться на опытѣ. Французская газета «Emanсipation» пишетъ: «Всякому извѣстно, что большая часть несчастій на желѣзныхъ дорогахъ происходила отъ соскакиванія съ рельсовъ экипажей; это соскакиванье было отъ множества разныхъ причинъ и до сихъ поръ оставалось непреоборимымъ. Но вотъ простой станціонный смотритель одной желѣзной дороги, г. Вервенъ (Vervins), придумалъ такое простое средство, что ученые, трудившіеся надъ разрѣшеніемъ этой задачи, задумываются надъ нимъ, какъ надъ задачею Христофора Колумба. На задней тележкѣ или заднемъ ходѣ каждаго экипажа должно устроить двѣ желѣзныя коробки, въ которыя будутъ входить ударные приборы (les buttoirs) слѣдующаго экипажа. Случится ли слишкомъ - сильный ударъ, сломается ли рельсъ, переломится ли ось, отскочитъ ли закраина колеса, во всякомъ случаѣ вслѣдое неправильное движеніе на-право, на-лѣво, вверхъ, внизъ, будетъ предупреждено сопротивленіемъ со всѣхъ сторонъ стѣнками коробокъ. Очевидно, впрочемъ, что эти коробки предупреждаютъ только тѣ несчастія, которыя происходятъ отъ частаго неправильнаго движенія одного экипажа, потому что въ минуту опасности связыва-

етъ его съ другимъ, но не предупреждаетъ несчастій, происходящихъ отъ паровозовъ.»

— Одинъ англійскій журналъ утверждаетъ, что г. Кроссъ, извѣстный своими опытами надъ электричествомъ, нашелъ средство превращать морскую воду въ пресную, и что въ этомъ средствѣ электричество играетъ важную роль.

— Во время послѣдней экспедиціи алжирскихъ французскихъ войскъ, въ Алжирской Сахарѣ и на возвышенной плоскости къ югу открытъ новаго рода мохъ, питательный какъ манна древнихъ Израильтянъ. Вотъ нѣкоторыя показанія о немъ, извлеченныя изъ рапорта генерала Юсуфа правительству изъ Эль-Бенды отъ 11 мая нынѣшняго года. Открытіе это сдѣлано медико-хирургомъ Раймондомъ. Мохъ находится въ одной части Серсу (Ser-sou); онъ легко отдѣляется отъ поверхности земли, по которой вѣтеръ носитъ его на степи; наружнымъ видомъ онъ походитъ на маленькіе кусочки кожи, свернутые въ трубочки и засохшіе; внутренній составъ его по сухости и крѣпости похожъ на составъ хлѣбнаго зерна; внутри онъ также бѣлъ и также даетъ подобіе муки при изломѣ и растираніи; вкусъ его похожъ на вкусъ очень-высушеннаго хлѣбнаго зерна; при продолжительномъ жеваніи оказывается не совсѣмъ-пріятная горечь. Выростаеть онъ каждый годъ послѣ дождливаго времени года; первоначальный видъ его бѣлый; погомъ вѣтеръ, какъ сказано, отдѣляетъ его отъ земли и даетъ ему описанный видъ. Генералъ Юсуфъ дѣлалъ опыты надъ трехнедѣльнымъ кормленіемъ лошадей, и опыты были въ пользу новаго мха. Туземцы иногда принимивали его въ хлѣбъ при недостаткѣ послѣдняго, и образцы такихъ хлѣбовъ представляемы для изслѣдованія. Вѣроятно мохъ этотъ и есть та манна, которую иногда заво-

сило вѣтрами въ Европу; генеръ найденно мѣсто, гдѣ растеть она.

— Директоръ Королевской Берлинской Библіотеки, нашель въ числѣ старыхъ пергаментныхъ рукописей, купленныхъ въ Италиі докторомъ богословія Гейне и подаренныхъ имъ бібліотекѣ, одинъ палимпсестъ, заключающій въ себѣ отрывокъ изъ потерянныхъ сочиненій Тита-Ливія. Берлинская Академія Наукъ, разсматривавшая эту находку, полагаетъ, что рукопись эта сдѣлана въ первомъ вѣкѣ нашей эры то-есть въ томъ же вѣкѣ, въ которомъ жилъ и Титъ-Ливій. Рукопись эта гравирруется на мѣди.

— Въ Парижѣ появилось новое произведеніе кандитерскаго или повареннаго искусства подъ названіемъ *Шо-ка*. Это—смѣсь шоколада и кофея (по нашему будетъ не *Шо-ка*, но *Шо-ко*), смѣсь, имѣющая качества того и другаго

— Проектъ обведенія Парижа кругомъ желѣзною дорогою приведенъ къ концу. Однако еще неизвѣстно, когда онъ будетъ представленъ палатамъ. Общая длина всего пути 32 километра (почти столько же верстъ); цѣнность около 20 мил. франковъ. Дорога эта должна имѣть два моста черезъ Сену и будетъ служить соединительнымъ кольцомъ всѣмъ французскимъ желѣзнымъ дорогамъ, сходящимся къ Парижу.

— За нѣсколько строкъ предъ симъ мысказали объ открытіи неизвѣстнаго сочиненія Тита - Ливія; вотъ не менѣе важное открытіе для новой исторіи. Въ бібліотекѣ Упсальскаго Университета найдена между рукописами переписки Филиппа-Христофора Кёнигсмарка (брата извѣстной графини Кёнигсмаркъ) съ принцессою Доротеєю Целскою, разведенною женою Георга I и

бабкою Фридриха-Великаго. Принцесса была въ заключеніи (въ Ганноверѣ) съ 1694 года; переписка относится къ послѣдующимъ годамъ до 1696 г., въ которомъ графъ былъ тайно умерщвленъ, и открываетъ планы послѣдняго къ освобожденію принцессы; принцесса однакожь пребыла въ заключеніи 32 года и умерла въ 1726 году.

— Исторія много говоритъ о несчастіяхъ Абельарда и Элоизы; но она молчитъ на счетъ одного обстоятельства: оставили ли эти дивные любовники плодъ своей страсти? Этотъ вопросъ оставался покрытымъ глубокою тайной. Одинъ французскій путешественникъ, будучи въ Бернѣ, въ Швейцаріи, посѣтилъ Готривскій; Монастырь Альта Рица, въ четырехъ льѣ отъ Фрибурга, и посвятилъ нѣсколько дней на поиски объ этомъ предметѣ въ рукописяхъ монастырской бібліотеки. Результатъ его двѣнадцатидневныхъ поисковъ былъ тотъ, что: *Третій аббатъ Готривскаго Монастыря былъ сынъ Абельарда и Элоизы*. Готривскій Монастырь принадлежитъ къ бернардинскому ордену и основанъ св. Бернардомъ въ 1133 году.

— Во время консульства Бонапарте, одинъ солдатъ лишилъ себя жизни отъ безнадежной любви; Наполеонъ написалъ тогда въ приказахъ: «Солдатъ не долженъ давать обѣщаній, не обдумавъ и особенно долженъ побѣждать свои страсти. Для перенесенія душевныхъ страданій и мукъ, нужно столько же истиннаго мужества, сколько и для выдержанія сильнаго огня батарей. Лишитъ себя жизни, чтобъ избавиться горя,—все равно, что оставить поле сраженія прежде побѣды».

— При продажѣ автографовъ коллекціи г. Сотеби (Sotheby), между другими рукописями было письмо Франклина къ г. Венъямину Уэббу изъ Пас-

си отъ 22 марта 1784 года. Вотъ его содержаніе: «Посылаю вамъ билетъ въ десять лундоровъ. Я не могу помочь вамъ многимъ и эту сумму даю вамъ въ долгъ. Когда вы воротитесь на родину, я увѣренъ, займетесь какии-нибудь дѣломъ, которое поможетъ вамъ расплатиться съ долгами. Въ такомъ случаѣ, встрѣтивъ честнаго человѣка въ крайности, вы отдадите ему мои десять лундоровъ, съ тѣмъ же точно условіемъ, съ которымъ я даю ихъ вамъ, т. е. съ отдачею при улучшеніи обстоятельствъ опять человѣку честному и нуждающемуся и на тѣхъ же условіяхъ, и такъ далѣе. Надѣюсь, что деньги эти пройдутъ черезъ много рукъ и долго не попадутъ къ человѣку безчестному, который будетъ въ состояніи просто завладѣть ими безъ отдачи. Эту штуку я выдумалъ для того, чтобъ небольшимъ количествомъ денегъ сдѣлать какъ-можно-болѣе добра. Я не такъ богатъ, чтобъ могъ дѣлать много добра; надо же подниматься на хитрости, чтобъ извлекать какъ-можно-болѣе пользы изъ малаго».

— Нынѣшніе Римляне, такъ же, какъ и прежніе, самые страстные люди въ свѣтѣ къ искусствамъ—даже къ хореографическому. Фанни Эльслеръ такъ плѣнила ихъ бывши въ Римѣ, что они собрали по подпискѣ 12,000 франковъ и сдѣлали для поднесенія ей золотую корону. Однакожь, они захотѣли напередъ испросить повелѣнія папы. Пій IX отвѣчалъ имъ:

«Подарите ей эту корону, если вамъ хочется; но я замѣчу только, что въ этомъ поступкѣ нѣтъ логики. Короны изобрѣтены были для головы, а не для ногъ.»

Римляне поднесли корону Фанни Эльслеръ, но попросили въ то же время папу принять тысячу вѣку для раздачи бѣднымъ.

— Процессъ Кюбьера надѣлалъ много шума во Франціи. Вотъ маленькое

пронсшествіе отъ великой причины, т. е. по поводу этого процесса. Торговецъ Жанъ уже пятнадцать лѣтъ раскладываетъ свои дыни на перекресткѣ улицъ Сен-Дені и Шт-Мюнь. Въ одно утро вдругъ является приказаніе отъ полицейскаго комиссара убрать дыни и не смѣть занимать мѣсто на улицѣ. Жанъ не могъ понять причины этого приказа; наконецъ, думая, что полицейскій комиссаръ сомнѣвается въ качествѣ его дынь, онъ послалъ ему одну самую лучшую изъ всѣхъ. «Это что значитъ?» закричалъ комиссаръ. — Господинъ Жанъ посылаетъ вамъ дыню. — «Дыню? мнѣ? Да это подкупъ! Это новый Кюбьеръ! Это страшное преступленіе! въ судъ его, въ судъ... (онъ чуть не закричалъ *es судъ нерозъ*) арестовать этого несчастнаго, который смѣлъ подумать о подкупѣ меня такими пустяками!» Сказано, сдѣлано. Привесшіи дыню взять; дыня, какъ улика, положила на столъ комиссара, и два городовые стража привели Жана, но не одного, а въ сопровожденіи большой толпы народа, всѣхъ обывателей сосѣднихъ мѣстъ, съ давнихъ лѣтъ знакомыхъ Жана и знавшихъ его за честнаго и добраго человѣка. «А! новый Кюбьеръ!» закричалъ комиссаръ: «этотъ новый процессъ надѣлаетъ столько же шума!...» Нѣсколько извѣстныхъ и честныхъ обывателей обратились къ комиссару съ просьбою оставить это дѣло. Жанъ объяснилъ, что онъ послалъ дыню для удостовѣренія, что у него товаръ не гнилой, не дурной... «А, это другое дѣло! Я точно думалъ, что у него товаръ дурной, вредный для здоровья... да, да, я дѣйствительно хотѣлъ убѣдиться. Подайте пощикъ! Да! нѣтъ, я ошибаюсь; дыня хороша и даже очень-вкусна...» Такъ кончился процессъ новаго Кюбьера.

— На одномъ изъ военныхъ французскихъ пароходовъ случилось страшное и, кажется, небывалое еще несчастье. Названіе парохода — «Графъ

д'Э» (*Le Comte d'Eu*), онъ недавно выстроенъ и шель для окончатальной внутренней отдѣлки корпуса судна и рангоута въ Шербуръ; на немъ были члены комисіи, которой было поручено удостовѣриться въ добротѣ постройки, и еще нѣсколько пассажировъ. На высотѣ Барфлѣра (*Barfleur*), при девяти улахъ хода, вдругъ изъ машиннаго отдѣленія повалилъ густой паръ и дымъ, раздались страшные крики и воли отчаянія... и все замолкло. Судя по газетнымъ извѣстіямъ — настоящее слѣдствіе еще не произведено — котель лопнулъ въ нижней своей части, горячая вода хлынула въ топку, а оттуда съ горящимъ еще углемъ въ машинное отдѣленіе; тутъ находилось около двадцати машинистовъ и кочегаровъ; они были обожжены паромъ, сшибены силою его съ ногъ и снова обварены въ кипяткѣ, разлившемся по отдѣленію; увѣчный командиръ парохода «Парисъ» (у него одна рука) бросается въ этотъ адъ, но его самого нѣсколько разъ вытаскиваютъ почти безъ чувствъ; наконецъ, когда пары разрѣдились, несчастныхъ вытащили: восемь человекъ были уже мертвы, нѣкоторые изъ нихъ совершенно сварились въ кипяткѣ, такъ-что не было возможности узнать ихъ... два человека вскорѣ умерли... десять человекъ отправлены въ госпиталь, но и изъ нихъ двое уже умерло, трое безъ надежды и пятеро въ опасномъ положеніи.

— Къ мѣру одной окрестной парижской общины является дѣвушка, *Марія-Луиза Декутѣ*, для совершенія гражданскаго обряда брака ея съ какимъ-то поселяниномъ. Мѣръ взялъ ея метрическія свидѣтельства, и что жъ? дѣвушка эта — не дѣвушка, а мужчина; такъ она записана и въ общинныхъ спискахъ. Ей уже за 21-й годъ, и въ качествѣ мужчины она должна быть записана въ рекруты. Мѣръ отозвалъ совершить брачный гражданскій обрядъ. Производится слѣдствіе,

которое удостовѣритъ, къ какому полу принадлежитъ *Марія-Луиза Декутѣ*.

— Англійскія газеты много толкуютъ о продажѣ съ публичнаго торга шекспирова дома въ Стратфордъ-на-Авонѣ. Ревнуя къ памяти великаго поэта, Англичане боятся, чтобъ Сѣверо-Американцы не купили этого дома и не перевезли къ себѣ. Нѣкто Джорджъ Джонсъ, историкъ и авторъ рѣчи о жизни Шекспира, предложилъ за этотъ домъ 2,000 фунтовъ стерлинговъ (нѣсколько болѣе 12,000 руб. серебромъ), съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ проданъ ему обыкновеннымъ порядкомъ и имя Шекспира не запятналось продажею его имущества съ публичнаго торга. Дѣйствительно же домъ этотъ стоитъ не болѣе 1200 или 1500 руб. сер.

— Труппа нѣмецкихъ походныхъ музыкантовъ путешествовала по Франціи, и во время случая, о которомъ мы хотимъ сказать, шла по дорогѣ къ Сен-Пе (Департаментъ Верхнихъ-Пиренеевъ), позавтракавъ порядочно въ кабакѣ. Одинъ изъ музыкантовъ заспорилъ и поссорился съ своей женой, и какъ жена не умолкала и не переставала твердить свое, то мужъ сказалъ ей на-отрѣвъ, что если она произнесетъ еще хоть одно слово, онъ ее высѣчетъ тутъ же на мѣстѣ и... и утопитъ въ ближней рѣкѣ. Но музыкантша и не думала молчать; мужъ схватилъ ее подъ мышку, высѣкъ при всѣхъ, и отъ огорченія, что долженъ былъ прибѣгнуть къ такому насмѣю, бросился къ рѣкѣ и исчезъ въ ней; его вытащили уже совсѣмъ бездыханнаго.

— Вотъ нѣсколько некрологическихъ извѣстій:

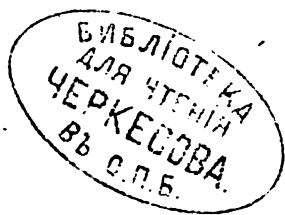
Во Франціи умеръ *Карль-Эдуардъ Руайѣ*, главный инспекторъ земледѣлія и бывший профессоръ Гриньонскаго Земледѣльческаго Института. Слѣдующіе за агрономической литературой должны быть знакомы съ его

сочинениями. Онъ былъ обязанъ собственнымъ своимъ достоинствомъ за отличное уваженіе, которымъ пользовался. Довольно сказать, что ему было только 37 лѣтъ отъ роду.

Въ Англіи умеръ старѣйшій адмиралъ и губернаторъ Гринвичскаго Дома Морскихъ Инвалидовъ, или, какъ обыкновенно называютъ, Гринвичскаго Госпиталя, — сэръ *Робертъ Стопфордъ*.

Англійская газета «Times» явилась въ іюлѣ въ черной траурной рамкѣ. Скончался директоръ и одинъ изъ владѣтелей этой газеты, сэръ *Джонъ Уальтеръ*, на 74 году отъ роду; газетою онъ управлялъ съ 1803 года; единственно ему она обязана своею извѣстностью и славою; онъ первый ввелъ паровые печатальные станки и про-

изводилъ чудеса въ типографіи; въ прииѣрѣ, тотъ номеръ газеты *Times*, въ которомъ была напечатана рѣчь сэра Роберта Пила объ измѣненіи хлѣбныхъ законовъ, въ одно утро была оттиснута и распродана въ числѣ 50,000 экз. Въ Бервудѣ (*Beagwood*), въ Беркшейрскомъ Графствѣ, сэръ Уальтеръ имѣлъ помѣстье, одно изъ самыхъ великолѣпныхъ во всей Англіи. До 1837 года онъ постоянно былъ членомъ парламента; но съ этого времени отказался отъ парламентскихъ дѣлъ. Онъ всегда былъ жаркимъ и неумолимымъ противникомъ закона о бѣдныхъ, и въ послѣднее время, измѣненія, сдѣланныя въ этомъ застарѣломъ англійскомъ законѣ, успокоили остальные дни жизни сэра Джона Уальтера.

52

